373
C81
рус. 1
687

Включено в каталог
1941
ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

373
С-81
Русс. яз.
Инв. 68725

Списано
1966 г.

О ПРЕПОДАВАНІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ин. № 68725.

1953
№ 2887

СОЧИНЕНІЕ

В. Я. Стоюнина

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

9877

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 л., 28

1904

3372

О ПРЕПОДАВАНІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Достоинство преподаванія каждаго учебнаго предмета зависитъ сколько отъ личности преподавателя, столько же и отъ тѣхъ учебныхъ средствъ, какими онъ можетъ свободно распоряжаться. Безъ нихъ у него нѣтъ возможности удовлетворить многимъ педагогическимъ требованіямъ, какъ бы ни казались они ему основательными и разумными. Онъ поневолѣ долженъ ограничить свою дѣятельность и изыскивать разные способы, чтобы его уроки принесли какую-либо существенную пользу ученикамъ. Такое стараніе требуетъ особеннаго и нерѣдко утомляющаго напряженія силъ и значительной траты времени, чего не могло бы быть, еслибы подъ руками учениковъ были всѣ нужныя учебныя пособія. И несмотря на подобныя усилія, дѣло все же не достигаетъ желанныхъ результатовъ. Въ такомъ положеніи были у насъ преподаватели русской словесности, которые, убѣдившись въ несостоятельности прежнихъ методъ, реторическихъ и піитическихъ ученій, стали искать новыхъ матеріаловъ преподаванія, болѣе живыхъ и развивающихъ, новыхъ способовъ ихъ изложенія, болѣе согласныхъ съ педагогическими цѣлями, словомъ, стали прокладывать новую дорогу и въ то же время

не могли найти для себя никакихъ удовлетворительныхъ учебныхъ пособій. Принужденный довольствоваться тѣми ничтожными средствами, какія только могъ соединить въ своихъ рукахъ, каждый изъ нихъ имѣлъ возможность опереться только на свой личный трудъ и, требуя себѣ содѣйствія отъ своихъ учениковъ, нерѣдко затруднялъ ихъ безполезною работою, какъ, напр., переписываніемъ своихъ записокъ, которыя и самъ онъ составлялъ съ немалою тратою времени, тогда какъ при другихъ условіяхъ всѣ эти силы и время могли бы пойти на трудъ болѣе производительный и развивающій способности.

Въ настоящее время въ педагогическимъ мірѣ ни въ какомъ кружкѣ нѣтъ такого разногласія, какъ между преподавателями русской словесности. Они не могутъ единодушно согласиться ни въ матеріалѣ, ни въ цѣли, ни въ способахъ преподаванія.

Само собою разумѣется, что начальственныя предписанія строго держаться опредѣленной программы и руководства не могутъ повести къ соглашенію. Они въ состояніи привести все къ внѣшнему единству, но будетъ ли какая-либо польза отъ такого преподаванія? Какъ заставить учителя преподавать то, въ пользѣ чего онъ самъ не убѣжденъ? Если его личность имѣетъ весьма важное значеніе въ преподаваніи, чего никто не станетъ отрицать, то какимъ же образомъ, безъ вреда для самого дѣла, будутъ подавлять ее навязываніемъ чужихъ взглядовъ? Такое преподаваніе будетъ совершенно противоестественнымъ, мертвымъ, машинальнымъ, а потому скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Тутъ возможно только свободное соглашеніе, а для него существуетъ одна дорога—литературное изложеніе своихъ взглядовъ, опытовъ, соображеній. Пусть всѣ они выяснятся вмѣстѣ съ методами, которыя до сихъ поръ вырабатывались разными личностями. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ довольно матеріаловъ, чтобы сдѣлать какой-либо общій выводъ. Тогда начинающимъ педагогамъ будетъ изъ чего выбирать для собственныхъ опытовъ и для дальнѣйшей разработки той или другой методы.

Каждый преподаватель долженъ найти въ своемъ учебномъ

предметѣ три живыя силы, которыя бы благодѣтельно дѣйствовали на учащихся: 1) онъ долженъ сообщать имъ истинныя познанія, касающіяся природы и человѣка, 2) развивать ихъ и 3) пріучать къ труду. Матеріалъ, передача и воспринятіе его и разумная работа надъ нимъ—вотъ тѣ три силы, которыя должны соединяться въ преподаваніи, чтобы дать ему педагогическое или воспитательное значеніе. Разъединять ихъ или выдѣлять одну изъ прочихъ, значитъ не понимать настоящей цѣли преподаванія и не достигать того, чего необходимо достигнуть. Есть такіе преподаватели, которые исключительно заботятся о количествѣ знаній, „чѣмъ больше, тѣмъ лучше, говорятъ они, и дѣйствительно передаютъ много фактовъ и даже разсужденій, разсчитывая на силу памяти, которая на извѣстное время можетъ удержать все переданное. Про ихъ учениковъ можно сказать, что они выучили предметъ, но нельзя сказать, что они правильно развивались на этомъ предметѣ, а тѣмъ болѣе, что они разумно надъ нимъ работали, и, слѣдственно, привыкали къ труду, съ тѣмъ, чтобы понять его нравственное значеніе. Они только учили на память, считая это занятіе утомительнымъ трудомъ, къ которому трудно почувствовать расположеніе.

Есть другіе преподаватели, которые на первомъ планѣ ставятъ развитіе и основываютъ его на занимательности или интересности передаваемыхъ познаній. Необходимо овладѣть вниманіемъ ученика, говоритъ онъ, чтобы онъ слушалъ васъ съ бо̀льшимъ интересомъ; только при такомъ условіи онъ безъ всякаго труда, легко и скоро будетъ запоминать ваши уроки и, конечно, будетъ развиваться вашими бесѣдами съ нимъ. Такіе преподаватели дѣйствительно разсказываютъ чрезвычайно интересно. Ученики слушаютъ ихъ очень внимательно, разспрашиваютъ ихъ съ удовольствіемъ, а они еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ распространяются въ подробностяхъ на ихъ разспросы. Все это очень хорошо, потому что въ такихъ бесѣдахъ много жизни, есть живая связь между наставниками и учениками; но нѣтъ одного, очень важнаго обстоятельства: заботясь о всевозможныхъ облегченіяхъ, наставникъ нисколько не думаетъ о трудѣ. Его ученики легко воспринимаютъ все, что онъ имъ разсказываетъ, пока-

зываетъ и объясняетъ; такъ какъ онъ знаетъ во всемъ мѣру, то они и не утомляются, а всегда бодры, свѣжи и радуютъ его, пересказывая его разсказы и объясненія, убѣждая при этомъ, что любознательность дѣйствительно возбуждена въ нихъ. И это хорошо, но тутъ мы видимъ только страдательное, пассивное воспринятіе. Оно доставляетъ ученику большое удовольствіе, раскрывая ему новый міръ, сообщая много новыхъ понятій; самому ему трудиться не надъ чѣмъ. А между тѣмъ впереди ждетъ его жизнь, главное значеніе которой должно быть въ трудѣ. Если воспитаніе готовитъ человѣка для жизни, то большая ошибка со стороны воспитателя не обращать вниманія на возбужденіе труда, не заставлять трудиться такъ, чтобы ученикъ увидѣлъ наконецъ въ трудѣ нравственную пользу, независимо отъ матеріальной, чтобы трудъ сдѣлался его потребностью. Конечно, очень пріятно удовлетворять своей любознательности, слушая другихъ, очень пріятно такимъ образомъ пріобрѣтать себѣ познанія, развиваться и умнѣть, и очень было бы спокойно, еслибы можно было такъ прожить всю жизнь. Но какой толкъ выйдетъ изъ нея? Людей, много говорящихъ и не умѣющихъ ни за что взяться, резонирующихъ, все осуждающихъ, даже развитыхъ, умныхъ и постоянно ничего не дѣлающихъ и нисколько не чувствующихъ потребности въ трудѣ, мы видали не мало и встрѣчаемъ безпрестанно. Они давно убѣдили насъ, что отъ нихъ нечего ждать какой-либо пользы, потому что они въ трудѣ хотѣли бы найти только одно удовольствіе. Итакъ, при воспитаніи упустить изъ виду трудъ, значитъ сдѣлать непростительную ошибку. Впрочемъ, мы нисколько не возстаемъ противъ многихъ облегченій, которыя можно сдѣлать при передачѣ или усвоеніи познаній, и нисколько не сочувствуемъ тѣмъ педагогамъ, которые съ намѣреніемъ дѣлаютъ разныя трудности, лишь бы только помучить ученика надъ работою. Мука и трудъ не одно и то же. Не всякая работа заставитъ полюбить трудъ. Значитъ, прилагая заботы о трудѣ, необходимо опредѣлить и достоинство труда, т.-е. спросить себя: какой трудъ не будетъ безплоднымъ, какія трудности преодолѣвать ученику полезно и какія только мучительно?

Такимъ образомъ преподавателю необходимо нужно выяснить себѣ достоинство тѣхъ познаній, какія онъ будетъ передавать изъ круга своей науки, достоинство трудовъ, которые онъ намѣренъ задавать ученику въ работѣ надъ передаваемымъ матеріаломъ, и наконецъ достоинство тѣхъ способовъ, которые онъ будетъ употреблять для развитія, опредѣливъ при этомъ, какія силы духа или способности въ состояніи развивать его учебный предметъ.

Читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что мы употребляемъ выраженіе *учебный предметъ* съ цѣлью обойти слово *наука*, потому что не все то, что преподается ученикамъ, можетъ назваться наукою въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно ее принимаютъ. Впрочемъ, все это нисколько не отнимаетъ у учебнаго предмета педагогической силы и тѣмъ болѣе не доказываетъ его безполезности. Такъ, напр., словесность въ нашихъ глазахъ не составляетъ науки, потому что нельзя же назвать этимъ именемъ нѣсколько теоретическихъ положеній и нѣсколько историческихъ фактовъ, которые приходится сообщать ученикамъ. Даже еслибы преподаватель вздумалъ дать имъ видъ науки, что̀ многіе дѣйствительно и дѣлаютъ, то едва ли бы онъ поступилъ хорошо въ педагогическомъ отношеніи, потому что не этотъ матеріалъ развиваетъ ученика, занимающагося словесностью. По нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, отвлеченная теорія, голословная характеристика писателей и ихъ произведеній не имѣютъ никакой образовательной силы, и если въ нихъ будетъ заключаться вся сущность науки, то она дѣлается совершенно безполезною. Ученики обыкновенно стараются заучить ихъ только на память, да иначе и трудно что-нибудь сдѣлать съ такими познаніями. Они нисколько не увеличиваютъ суммы тѣхъ живыхъ знаній, которыя дѣйствительно образуютъ насъ, развивая истинныя понятія о природѣ и человѣкѣ, и тѣмъ становя насъ въ правильныя къ нимъ отношенія. А этого-то именно и должно добиваться обученіе; здѣсь заключается основа для опредѣленія достоинства передаваемыхъ познаній.

Для насъ словесность—не наука, а литература, т.-е. матеріалъ ея составляютъ литературныя произведенія, которыя

подлежатъ изученію и разбору. Мы съ намѣреніемъ прибавили эту послѣднюю фразу, потому что одно простое чтеніе литературныхъ произведеній, какъ бы хороши они ни были, не можетъ выполнить педагогическихъ задачъ; хотя ученики и съ большимъ интересомъ будутъ слушать чтеніе, но оно для нихъ будетъ болѣе забавою, чѣмъ серьезнымъ дѣломъ. Здѣсь мы воспользуемся словами г. Скопина [1]).

„На каждомъ образовательномъ заведеніи, говоритъ онъ, лежитъ обязанность сдѣлать достояніемъ учениковъ тѣ идеи, которыя благороднѣйшіе представители человѣчества положили въ основу своихъ сочиненій. Цѣль же эта будетъ достигнута не тогда, когда ученики прочтутъ эти сочиненія, а когда вполнѣ *изучатъ ихъ содержаніе* и изложатъ письменно результаты своего изученія... Изучить произведеніе не значитъ только прочесть его; говоря „я изучилъ это сочиненіе“, я разумѣю три мысленныя операціи, которыя я совершилъ надъ его содержаніемъ въ своемъ сознаніи: во-первыхъ, я изучилъ отдѣльные факты; во-вторыхъ, я уразумѣлъ внутреннюю связь ихъ; въ третьихъ, я опредѣлилъ, насколько эти факты подтверждаютъ идею, которую они должны доказать, т.-е., другими словами: изучилъ содержаніе, позналъ и *критически* разобралъ его композицію. Только такое полное изученіе можетъ принести пользу учащимся. А чтобы достигнуть его, они должны совершить надъ сочиненіемъ множество переработокъ, найти отвѣтъ на множество вопросовъ, предложенныхъ имъ учителемъ, относительно содержанія.

Главная сущность здѣсь должна заключаться въ бесѣдѣ съ учениками о прочитанномъ сочиненіи, въ основательномъ его разборѣ и въ домашнихъ письменныхъ работахъ надъ нимъ. Какія же познанія, спросятъ насъ, будутъ сообщать литературныя произведенія и какъ оцѣнить достоинство этихъ познаній? Въ каждой литературѣ есть столько прекрасныхъ произведеній, что нѣтъ возможности перечитать въ классѣ ихъ всѣ, слѣдственно необходимо опредѣлить, чего держаться при выборѣ ихъ для чтенія и изученія, а съ этимъ вмѣстѣ

[1]) Журналъ Учитель 1863 г., программа преподаванія русскаго языка и словесности.

и обсудить достоинство самыхъ познаній, которыя будутъ сообщать они. Разумѣется, эстетическимъ и народнымъ произведеніямъ литературы должно дать предпочтеніе предъ всѣми прочими уже по тому одному, что они развиваютъ эстетическое чувство; это въ педагогическомъ дѣлѣ есть ихъ спеціальность, такъ какъ всѣ другіе учебные предметы не имѣютъ въ виду этой стороны развитія. Впрочемъ, указывая на изящныя произведенія, мы никакъ не хотимъ ограничиться одной эстетикой, чтобы носиться въ заоблачномъ мірѣ безусловно и вѣчнопрекраснаго и восхищаться одними возвышенными идеалами. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду еще другія условія.

Каждое истинно-эстетическое произведеніе отражаетъ въ себѣ жизнь, дѣйствительность, съ которою связывается много нравственныхъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ. Разбирая такое произведеніе, мы необходимо должны подробно обсудить его содержаніе, безъ чего невозможна даже и одна эстетическая оцѣнка; слѣдственно, должны имѣть дѣло съ разнообразными вопросами жизни, коснемся ли разбора фактовъ, или личностей и ихъ характеровъ, или отношенія ихъ между собою, или идеаловъ самого поэта, будемъ ли разсматривать основную его идею, отношеніе его къ дѣйствительности или его поэтическое міросозерцаніе, все будетъ наводить насъ на вопросы близкіе и интересные каждому, вопросы житейскіе; а съ нимъ вмѣстѣ будутъ разъясняться и самыя понятія нравственныя, семейныя, общественныя, — понятія которыя у учениковъ обыкновенно бываютъ слишкомъ туманны, неопредѣленны и сбивчивы, такъ какъ имъ рѣдко приходится задумываться надъ ними. Въ этомъ туманѣ они нерѣдко остаются и по выходѣ изъ школы, а иной и всю жизнь. Основательный обзоръ содержанія съ указаніемъ идеальной и дѣйствительной стороны даетъ возможность сдѣлать и правильную эстетическую оцѣнку относительно формы, которая въ истинномъ поэтическомъ произведеніи всегда зависитъ отъ содержанія. Такимъ образомъ здѣсь соединяются и развитіе умственное, и нравственное, и эстетическое; одно другому помогаетъ. Умъ ученика, безпрестанно возбуждаемый вопросами, близкими къ общечеловѣ-

ческой жизни и слѣдственно живо интересующими, а не отвлеченными, не будетъ принимать пассивно познанія, а напротивъ, самъ будетъ пріобрѣтать ихъ изъ наблюденія надъ даннымъ матеріаломъ; заботиться только о томъ, чтобы ученикъ умѣлъ пересказать одно содержаніе литературнаго произведенія, значитъ хлопотать о знаніяхъ безполезныхъ. Они займутъ свое мѣсто въ памяти, но не объяснятъ ничего. Равнымъ образомъ и голословная характеристика сочиненія или дѣятельности писателя не даетъ живыхъ познаній: она, можетъ быть, разовьетъ въ ученикѣ одно безплодное и пустое резонерство, пустоцвѣтъ образованія, въ чемъ отчасти справедливо и упрекаютъ у насъ учителей словесности.

Такимъ образомъ для насъ важно не самое содержаніе, а работа ученика надъ нимъ и надъ тѣми вопросами, которые связываются съ разборомъ поэтическаго произведенія. Вотъ этотъ то *смыслъ* его мы называемъ истиннымъ познаніемъ, такъ какъ оно объясняетъ человѣку его самого, заключаетъ въ себѣ силы развивать его умственно, нравственно и эстетически. Не говоримъ уже о капитальныхъ произведеніяхъ изящной литературы; въ самомъ простомъ разсказѣ можетъ быть много глубокихъ психологическихъ задачъ, которыя разрѣшаются наглядно и просто. И развѣ можно пренебрегать такими вопросами жизни при воспитаніи, которое готовитъ человѣка для разумной жизни? А если словесность видитъ свое главное назначеніе въ изображеніи жизни, то какъ же можно будетъ избѣгать этого, занимаясь словесностью?

Но не подумаетъ кто-нибудь, что мы хотимъ обратить словесность въ уроки нравственной философіи или морали; нѣтъ, бесѣды преподавателя съ учениками не должны выходить изъ круга литературнаго разбора, т.-е. цѣль ихъ должна заключаться въ подробномъ знакомствѣ съ литературнымъ произведеніемъ: какія мысли и какъ изложены въ немъ, какихъ сторонъ жизни касается авторъ и какъ къ нимъ относится, какіе характеры развиваетъ и какую видитъ связь ихъ съ дѣйствительностью и пр. Изъ такихъ разборовъ не трудно будетъ выводить и тѣ общія теоретическія положенія, кото-

рыя приняты эстетикою. Они уже не будутъ казаться отвлеченностями, которыя нужно заучивать въ извѣстныхъ фразахъ, чтобы удержать въ памяти. Здѣсь ученическій умъ, еще не привыкшій къ отвлеченному мышленію, будетъ постепенно доходить до него рядомъ практическихъ наблюденій; оно будетъ ихъ необходимымъ слѣдствіемъ, какъ общій выводъ, сдѣланный собственными усиліями ума. Вообще при такихъ условіяхъ не слѣдуетъ бояться отвлеченностей. Избѣгать ихъ съ учениками, уже пріученными къ наблюденіямъ, было бы крайне неосновательно. Черезъ такіе логическіе выводы и умозаключенія ученики мало-по-малу привыкаютъ слѣдить и въ книгахъ за отвлеченнымъ мышленіемъ и даже находить въ немъ интересъ, чѣмъ и могутъ доказать свое умственное развитіе. Извѣстно, какъ трудно каждому, не привыкшему къ такому мышленію, приниматься за чтеніе книгъ, гдѣ воображенію нѣтъ никакой пищи, и сколько онъ долженъ сдѣлать усилій, чтобъ наконецъ перестать считать подобное чтеніе скучнымъ. Въ этомъ случаѣ необходимо должна помогать школа, педагогическимъ путемъ доводя до навыка схватывать и соображать отвлеченности. Теперь же весьма нерѣдки признанія молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ, что имъ недоступны сочиненія сколько-нибудь отвлеченнаго содержанія.

Нѣкоторыхъ педагоговъ пугаетъ слово критическое изученіе предмета, чего мы рѣшительно не понимаемъ. Вѣроятно подъ именемъ критики мы разумѣемъ совсѣмъ не то, что́ они. Обстоятельно обсудить съ учениками прочитанное сочиненіе, найти въ немъ отвѣты на многіе вопросы, которые изъ него вытекаютъ, указать на достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, почему они считаются достоинствами, равнымъ образомъ замѣтить недостатки, если они встрѣчаются, и опять доказать, что они дѣйствительно недостатки, неужели это можетъ развивать въ ученикѣ фразерство и самонадѣянность, какъ иные предполагаютъ? Намъ кажется напротивъ, такіе разборы передадутъ ученику нѣсколько критическихъ пріемовъ, которые не позволятъ ему судить о сочиненіи вкривь и вкось, а пріучатъ вникать въ дѣло и убѣдятъ, что нельзя произносить своего рѣшительнаго суда

безъ многихъ опредѣленныхъ доказательствъ. Фразерство развиваетъ не критика, а голословныя сужденія безъ всякихъ данныхъ, общія характеристики предметовъ, съ которыми ученикъ не успѣлъ познакомиться, когда его заставляютъ высказывать свой судъ, не давъ возможности собрать наблюденія. Но неужели же это критика? По нашему мнѣнію, критика есть судъ на основаніи многихъ собранныхъ признаковъ. Пріучать собирать признаки и строго обсуждать ихъ, значитъ пріучать къ строгому мышленію и къ осторожному суду. Тамъ фразерства быть не можетъ, гдѣ судъ составляютъ выводы изъ опредѣленныхъ данныхъ; могутъ быть ошибки, но ошибка еще далеко не фразерство. Мы даже не знаемъ, какимъ образомъ можно избѣжать критики, еслибы даже ограничиться объяснительнымъ чтеніемъ съ полнѣйшимъ усвоеніемъ содержанія произведенія.

Вѣдь можетъ случиться, что ученикъ будетъ несогласенъ съ тою или другою мыслью изучаемаго сочиненія, или ему не понравится какая-либо сцена и даже цѣлое произведеніе? Что же тутъ будетъ дѣлать учитель, опасающійся критики? Заставить вѣрить наслово, что эта мысль вѣрна, а эта сцена прекрасна? — что же это за педагогическое средство убѣждать.

И такъ, по нашему мнѣнію, критики нечего бояться при изученіи литературнаго произведенія; она часто бываетъ неизбѣжна, вызываемая самими учениками, и всегда полезна, потому что не допускаетъ никакихъ голословныхъ опредѣленій. Нужно только опасаться, чтобы подъ именемъ критики не была принята пустая болтовня; но преподаватель, который любитъ пускать въ глаза пыль такой болтовней, тотъ и безъ критики найдетъ себѣ обильный матеріалъ и широкое поприще

Начинать чтеніе и разборы удобнѣе съ произведеній близкихъ къ нашей современности, такъ какъ въ нихъ изображается обстановка жизни, болѣе или менѣе знакомая ученикамъ, и не требуется многихъ историческихъ объясненій, которыя необходимо усложняютъ разборы. По этимъ произведеніямъ ученику легче понять, какъ жизнь отражается въ литературѣ; онъ скорѣе заинтересуется вопро-

сами, касающимися жизни знакомаго ему общества, и ближе будетъ принимать къ сердцу отвѣты на эти вопросы; словомъ, здѣсь съ большимъ интересомъ онъ будетъ работать надъ сообщаемымъ ему матеріаломъ, а чрезъ это, конечно, и развитіе его пойдетъ основательнѣе. Но мы не совѣтовали бы дѣлать этого начала съ сатиръ, на томъ основаніи, что молодому воображенію слѣдуетъ прежде передать образы прекрасные, идеалы положительные, разъяснить, въ чемъ состоитъ поэтическая красота ихъ, научить чувствовать ее и тогда смѣло переходить къ сатирическимъ произведеніямъ, которыя будутъ пониматься учащимися уже не какъ смѣхотворныя сочиненія, написанныя для одной потѣхи читателей, что обыкновенно бываетъ, если начинаютъ знакомство съ родной литературой съ сатиры. Въ нашихъ школахъ часто приходится очищать воображеніе учениковъ, которое слишкомъ рано грязнится и наполняется уродливыми образами, что зависитъ, конечно, отъ характера семьи и многихъ обстоятельствъ жизни. Иной мальчикъ начинаетъ чтеніе очень рано, но съ самыхъ дурныхъ, а иногда, и безнравственныхъ разсказовъ, слѣд. читать съ нимъ сатиры даже и хорошія было бы безполезно, пока прекрасные образы не засвѣтятся въ его собственномъ воображеніи. Притомъ же сатира требуетъ болѣе историческихъ объясненій, а они должны присоединиться къ разборамъ впослѣдствіи, когда ученикъ начнетъ понимать литературный интересъ и слѣдственно уже можетъ находить занимательность въ исторіи того предмета, съ которымъ до сихъ поръ знакомился въ явленіяхъ, ему почти современныхъ. Нельзя начинать изученіе словесности и съ образцовъ древней или даже старинной русской литературы, когда ученики еще не успѣли познакомиться съ русской исторіей. Могутъ ли они хорошо понять произведенія, имѣющія чисто историческое значеніе, напр., хоть бы оды Ломоносова? Не объясняя ихъ исторически, вы не въ состояніи убѣдить учениковъ, что Ломоносовъ былъ великій писатель и оказалъ нашей литературѣ большія услуги. Они будутъ видѣть только обиліе миѳологическихъ образовъ, гиперболическихъ изображеній, громкихъ фразъ и всего того, что уже не употребляютъ современные поэты; все это

покажется имъ не больше, какъ странностью, и несмотря на увѣренія учителя въ геніальности Ломоносова, они не будутъ понимать этой геніальности и составятъ себѣ самое ложное понятіе объ одномъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, который уже не привлечетъ ихъ добровольно къ чтенію. Такимъ образомъ будетъ достигнута цѣль совсѣмъ противоположная той, о которой хлопочутъ порицатели историческихъ разборовъ: вмѣсто патріотическаго чувства и уваженія къ великимъ русскимъ именамъ у учениковъ возбудится сомнѣніе, недовѣріе, если не произойдетъ полнаго равнодушія. Въ дѣлѣ патріотизма и уваженія къ великимъ именамъ приказанія начальства ничего не значатъ и остаются безъ всякой силы; тутъ нужны собственныя убѣжденія, а они являются вслѣдствіе строгаго анализа предмета. Обыкновенное возраженіе нашихъ порицателей противъ нашихъ доводовъ заключается указаніемъ на дѣтскій возрастъ учениковъ: развѣ у дѣтей могутъ быть убѣжденія; они должны вѣрить наслово. Мы же смотримъ на учениковъ отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ не какъ на дѣтей, если воспитатели умѣли вести ихъ педагогически, а этого можно требовать отъ современной школы.

Вообще исторіей спѣшить не слѣдуетъ, такъ какъ она требуетъ основательной подготовки, если мы не хотимъ наполнять головы учениковъ безполезными познаніями.

Изъ всего нами сказаннаго ясно, что нѣтъ надобности опредѣлять, какія именно изъ эстетическихъ произведеній слѣдуетъ читать въ классѣ и назначать для домашняго чтенія, такъ какъ важность для насъ заключается не въ знаніи содержанія того или другого сочиненія, а въ развитіи силъ и истинныхъ понятій о всемъ томъ, что относится къ изображаемой поэтомъ жизни; это же связывается съ разнообразными вопросами, находить которые лежитъ на искусствѣ самого учителя. Нѣкоторые молодые преподаватели, увлекаясь сократическимъ способомъ преподаванія, вдаются въ большую крайность, придумывая вопросы къ разбираемому произведенію. Они забываютъ границы, которыхъ должно держаться при классномъ разборѣ — разсматривать только то, что заключается въ произведеніи; они же какъ будто

рады каждому подсунувшемуся вопросу, который только можно какъ-нибудь привязать къ главнымъ вопросамъ. Отсюда у нихъ даже при каждомъ небольшомъ стихотвореніи является множество дѣленій, подраздѣленій съ сотнями вопросовъ, которые заслоняютъ и подавляютъ собою содержаніе произведенія, слѣд. не достигаютъ цѣли разъясненія и изученія. Они скорѣе доведутъ учениковъ до убійственной скуки, чѣмъ до пониманія прекраснаго и до пробужденія эстетическаго чувства. Мы рѣшительно противъ такихъ разборовъ и совѣтуемъ быть въ вопросахъ весьма умѣренными и вообще дорожить временемъ, которое не должно быть употребляемо на разсужденія, прямо не относящіяся къ дѣлу. Умѣнье бесѣдовать съ учениками, находить въ ихъ отвѣтахъ новые вопросы и посредствомъ ихъ доводить сознательно, съ полнымъ убѣжденіемъ до извѣстныхъ выводовъ, такое умѣнье пріобрѣтается только изъ практики; а постороннія предписанія тутъ не имѣютъ никакого значенія. Но такъ какъ въ педагогическихъ занятіяхъ должна непремѣнно быть какая либо система, то конечно ею нельзя пренебрегать и въ самомъ чтеніи, которое никакъ не должно обратиться въ забаву празднаго воображенія учениковъ, о чемъ постоянно и нужно заботиться.

На чемъ же слѣдуетъ основать эту систему? Чтобы не выдти изъ литературныхъ предѣловъ, мы должны взять въ основу тѣ условія, при которыхъ только и возможно существованіе литературныхъ произведеній, имѣющихъ назначеніе изображать жизнь въ томъ видѣ, какъ она отразилась въ сознаніи пишущаго. Однимъ словомъ, тѣ немногія теоретическія положенія, о которыхъ мы упомянули прежде, должны опредѣлить предѣлы чтенія, послѣдовательность выводовъ и работы учащихся. Здѣсь необходимо выяснить отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, какими средствами онъ воспринимаетъ въ себя все внѣшнее и какъ выражаетъ свою внутреннюю дѣятельность; опредѣлить разнообразныя его отношенія: наивное, сантиментальное, ироническое или сатирическое; развитіе характеровъ подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній и обстановки жизни; какія цѣли можетъ имѣть писатель и какъ достигаетъ ихъ; въ какихъ формахъ можетъ

выражать свою мысль, и въ чемъ можетъ заключаться красота формы и проч. Сообразно съ этими вопросами и съ степенью развитія учениковъ, разумѣется, учитель будетъ выбирать и самыя произведенія, переходя отъ одного къ другому съ новымъ вопросомъ, имѣющимъ ближайшую связь съ предыдущимъ; а они будутъ представлять ему много другихъ вопросовъ, прямо относящихся къ жизни, которая изображается въ читаемомъ сочиненіи.

Такимъ образомъ, переходя отъ наблюденія къ наблюденію и не упуская изъ виду живой связи между формою и содержаніемъ сочиненія, между сочиненіемъ извѣстной личности и общею жизнью, учитель постоянно поддерживаетъ интересъ бесѣды, а ученики постоянно работаютъ своимъ умомъ, идя логическимъ путемъ до извѣстныхъ выводовъ, и видятъ цѣль своей работы въ пріобрѣтеніи новыхъ понятій, объясняющихъ ту или другую сторону жизни человѣка. Здѣсь особенно удачно прилагается метода сравнительная: такъ, объясняя характеры, можно сравнить изображеніе одного и того же характера у разныхъ писателей или неодинаковое движеніе одной и той же страсти у разныхъ личностей. Дойдя до объясненій сущности эпическаго разсказа, можно сравнить „Тарасу Бульбу“ Гоголя съ историческимъ разсказомъ Костомарова о той же эпохѣ (Богданъ Хмельницкій) и отсюда наглядно вывести различіе между эпической поэзіей и исторіей, и слѣдственно заразъ опредѣлить сущность той и другой, а отсюда также посредствомъ наблюденій легко дойти до опредѣленія различія между прозой и поэзіей, слѣдственно и выяснить сущность обѣихъ. Послѣ этихъ работъ въ классѣ подъ руководствомъ учителя, ученику остается и домашняя работа—изложить письменно въ строгой связи всѣ выводы, сдѣланные общими усиліями, измѣнивъ и форму, напр., діалогическую на монологическую, что̀ даетъ ему возможность еще болѣе вдуматься во всѣ вопросы и выводы, а иной разъ возбудить и новый вопросъ, который онъ можетъ сдѣлать предметомъ классной бесѣды. Кромѣ того, по образцу классныхъ разборовъ ему можетъ быть поручено разсмотрѣть какое-либо небольшое сочиненіе, не читанное въ классѣ, и письменно изложить свои наблюденія.

Когда такимъ образомъ объяснятся всѣ общія теоретическія положенія въ связи съ вопросами жизни, по отношенію творящаго духа человѣка ко всему его окружающему, тогда можно къ разборамъ присоединить объясненія историческія, т.-е. чтеніе произведеній изъ временъ отъ насъ болѣе отдаленныхъ, опредѣляя идеалы той или другой исторической эпохи, условія, при которыхъ они могли развиться, отношеніе ихъ къ современной имъ дѣйствительности, и оцѣнивая общечеловѣческое ихъ достоинство по отношенію ихъ къ понятіямъ нашего времени. Ученики, основательно приготовленные предшествовавшими работами, живо интересуются этими разборами, которые для неприготовленныхъ, конечно, могутъ показаться тяжелыми и даже недоступными. Но во всякомъ случаѣ они полезнѣе тѣхъ общихъ историческихъ обзоровъ, какіе дѣлаются при объясненіи историческаго развитія литературныхъ формъ, гдѣ сущность составляютъ голословныя характеристики множества сочиненій со множествомъ именъ и годовъ. Все это должна одолѣть память безъ всякой пользы для развитія и для жизни. На этихъ безплодныхъ познаніяхъ не изощряется эстетическое чувство, не крѣпнутъ умственныя силы, не слагаются нравственныя убѣжденія. Пора у нихъ отнять титулъ исторіи и бросить какъ никуда негодный хламъ. Въ тысячу разъ полезнѣе всей этой исторіи сравнить наши богатырскія народныя пѣсни съ нѣсколькими рапсодіями изъ Иліады и Одиссеи, или какую-нибудь трагедію Софокла съ трагедіей Шекспира, имѣя въ виду обозначенные нами вопросы. Тутъ сливаются живые интересы и историческій, и эстетическій; тутъ есть надъ чѣмъ подумать, слѣдственно есть на чемъ и развиться. Конечно, тутъ невозможно прослѣдить все историческое развитіе поэзіи и литературы, но что невозможно, за то не слѣдуетъ и браться, а ограничиться только тѣсными предѣлами возможнаго.

По хорошо составленнымъ хрестоматіямъ можно прочитать и разобрать большое число сочиненій изъ разныхъ эпохъ. Ученики могутъ читать и сами внѣ класса, а вмѣстѣ съ учителемъ заниматься только разборами. Назначая имъ чтеніе, учитель при этомъ можетъ предлагать и нѣкоторые

вопросы, относящіеся къ читаемому сочиненію,—вопросы, надъ которыми они имѣютъ возможность подумать въ то время, когда будутъ читать назначенное, и разрабатывать ихъ письменно. Тогда, разумѣется, и самыя классныя бесѣды могутъ быть живѣе. Большая часть нашихъ хрестоматій наполнена множествомъ небольшихъ отрывковъ изъ сотни разныхъ сочиненій; но съ ними учителю рѣшительно нечего дѣлать, если онъ не хочетъ ограничиться стилистическимъ разборомъ да мелочными указаніями на удачныя и неудачныя картины и сцены. Образцы разныхъ сочиненій то же, что обрывки отъ разныхъ картинъ; какое понятіе по нимъ мы составимъ себѣ о цѣлыхъ картинахъ? Лучше прочитать два-три сочиненія, но вполнѣ и разобравъ ихъ сколько возможно подробнѣе, чѣмъ отрывки изъ сотни сочиненій. Первыя скорѣе разовьютъ любовь къ чтенію, вкусъ и критическіе пріемы. Пересказывать въ сокращенномъ видѣ то или другое произведеніе также трудъ излишній и безполезный: можетъ ли плохая литографія дать хотя приблизительное понятіе о прекрасной картинѣ геніальнаго художника? можно ли по ней разбирать произведеніе и судить объ его достоинствахъ, когда остаются только одни темныя очертанія фигуръ, а то, что̀ составляетъ ихъ жизнь, ихъ душу—исчезло? Занимать учениковъ такими разсказами значитъ пріучать ихъ интересоваться только сказочною стороною, искать внѣшнихъ эфектовъ и ставить дюжиннаго разсказчика выше Пушкина.

Уже давно у насъ стали оставлять прежнюю методу изученія словесности, т.-е. подъ рубрикой *теоріи прозы* толковать ученикамъ о наукѣ, объ исторіи, по маленькимъ отрывкамъ изъ разныхъ историковъ, начиная съ Геродота, судить о нихъ, и такимъ образомъ излагать развитіе всей европейской исторіографіи—древней и новой.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли говорить ученику о теоріи исторіи, когда ему еще не удалось прочесть не только ни одного полнаго историческаго сочиненія, но даже и своего учебника? Да и можно ли по одному какому-нибудь отрывку обсудить дѣятельность историка? Къ чему же пріучать ученика къ поспѣшнымъ заключеніямъ? Къ чему дѣлать изъ

него поверхностнаго всезнайку, тогда какъ онъ долженъ быть убѣжденъ, что основательность—первое условіе въ пріобрѣтеніи познаній? Точно такъ же не странно ли излагать теорію науки въ то время, когда учащійся еще не могъ познакомиться, какъ слѣдуетъ, ни съ одной наукой, когда ему еще не надъ чѣмъ дѣлать наблюденій? безъ нихъ же вся теорія для него заключится въ заученныя фразы. Большинство преподавателей теперь считаетъ за лучшее оставить всю эту широкую программу и дать мѣсто только тому, что̀ можетъ быть доступно ученикамъ. Лучше выбрать какой-нибудь одинъ историческій разсказъ и сравнить его съ эпическимъ повѣствованіемъ, чтобы объяснить сущность исторіи и эпоса, чѣмъ отдѣлять ихъ въ особыя рубрики подъ именемъ прозы и поэзіи и излагать цѣлыя теоріи. Не полезнѣе ли разсмотрѣть какое-либо характеристическое лѣтописное повѣствованіе и разобрать, какъ оно излагается у того или другого историка, чѣмъ въ какіе-нибудь шесть-семь часовъ очертить всю исторіографію? Выгода такого сравненія обнаруживается уже въ томъ, что вы имѣете возможность заставить самого ученика наблюдать и работать, только направляя его трудъ тѣми и другими вопросами.

Съ другой стороны, преподаватель долженъ весьма добросовѣстно относиться къ предмету своего ученія: онъ не долженъ руководствоваться тѣми оффиціальными восторгами, съ которыми иные педагоги хотятъ у насъ связать даже нравственное развитіе. Они убѣждены, будто пострадаетъ нравственность учениковъ, если учитель не будетъ восторгаться тѣмъ, чѣмъ восторгались наши дѣды и чѣмъ они сами стараются подогрѣвать свой патріотизмъ. Для этого они хотятъ даже ограничить преподаваніе простымъ чтеніемъ произведеній и казенными похвалами ихъ, которыя должны непремѣнно повторять и ученики съ голоса наставника, а если бы кто-либо изъ учениковъ вздумалъ усомниться въ достоинствѣ восхваляемаго, то такого считать уже испорченнымъ и на пути къ нигилизму. Они не разсуждаютъ, что преподаватель, не искренно бесѣдующій съ своими учениками, поддѣльными восторгами гораздо вреднѣе дѣйствуетъ на нравственность своихъ учениковъ, которые легко и скоро

замѣтятъ фальшивое его отношеніе къ предмету и не будутъ питать къ нему никакого довѣрія. И много ли можетъ сдѣлать такой преподаватель, едва ли нужно доказывать.

Преподаватель долженъ глубоко проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что педагогическій трудъ заключается не въ восторгахъ, хотя бы даже и искреннихъ, а въ добросовѣстномъ разборѣ фактовъ и въ логическихъ выводахъ, въ которыхъ и опредѣляется дѣйствительно прекрасное; оно же само собою возбудитъ восторъ въ ученикахъ безъ всякихъ восторговъ со стороны учителя.

II.

Нѣкоторые неохотно допускаютъ историческое изученіе литературныхъ произведеній. Здѣсь мы не разумѣемъ тѣхъ общихъ характеристикъ, безсвязнаго исчисленія фактовъ, именъ и годовъ, которые часто сообщаются ученикамъ безъ всякаго намѣренія познакомить ихъ съ самыми произведеніями писателей. Подобно имъ, и мы съ своей стороны совершенно противъ такой исторіи. Но они не хотятъ допустить при изученіи литературнаго произведенія и вопроса о томъ, какое значеніе имѣлъ писатель для общества своего времени. О значеніи писателя для его современности мы судимъ по связи съ нею его твореній. Устранить ли этотъ послѣдній вопросъ? Если да, то что же дѣлать при *„всестороннемъ“* изученіи произведеній,—изученіи, какое требуется отъ лѣтописи Нестора, Слова о полку Игоря и др.? Какъ можно ихъ изучать, не обращаясь къ подробной исторической обстановкѣ?

Мы полагаемъ, что изученіе содержанія такихъ сочиненій, какъ лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ, Горе-злосчастіе, оды Ломоносова и подобное, безъ исторіи не имѣетъ ни цѣли, ни интереса. Если отнять отъ нихъ историческую сторону и смотрѣть на нихъ, какъ на средство для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія, то они окажутся не столько образовательными, сколько произведенія эпохи ближайшей къ намъ или даже намъ совре-

менной. Въ такомъ случаѣ лучше же и выбирать эти послѣднія произведенія, какъ болѣе дѣйствительныя для развитія, болѣе понятныя и, слѣдственно, болѣе интересныя по своему содержанію; они же могутъ дать ученикамъ и хорошій матеріалъ для письменныхъ работъ. Если же намъ возразятъ, что эти древнія произведенія необходимо читать для того, чтобы ознакомиться съ историческимъ развитіемъ языка, о чемъ нѣкоторые только и заботятся, то мы замѣтимъ, что для этого не нужно изучать содержанія, какъ они желаютъ, а достаточно небольшихъ отрывковъ. Да и отчего же исторію языка признавать необходимостью, а все, что касается исторіи народной жизни, считать лишнимъ или безполезнымъ?

Мы съ своей стороны признаемъ историческую часть не только не лишнею, но даже необходимою въ педагогическомъ отношеніи. Ученикъ, изучая то или другое произведеніе прежняго времени, при той исторической обстановкѣ, которую дастъ ему учитель или Руководство, знакомится по источникамъ съ прошедшимъ. Идеи писателя, сами по себѣ односторонніе и нисколько незанимательныя для юноши, начинаютъ интересовать его, лишь только ему покажутъ связь между ними и понятіями того вѣка, лишь только онъ увидитъ, что́ вызывало эти идеи и какъ къ нимъ должна была отнестись масса. А какъ скоро онъ заинтересованъ, то и работа его пойдетъ иначе, а съ нею и самое его развитіе будетъ прочнѣе и основательнѣе. Не думаю, что здѣсь нужно рѣшать вопросъ, должна ли гимназія знакомить ученика съ прошедшимъ того народа, среди котораго онъ явится дѣятелемъ. Вглядѣться въ это прошедшее онъ можетъ только тогда, когда будетъ изучать его произведенія: тогда онъ мало-помалу выяснитъ себѣ, въ чемъ заключается историческое развитіе или прогрессъ, который въ наше время многіе понимаютъ еще очень смутно; тогда онъ въ состояніи вѣрнѣе понимать и оцѣнивать свое настоящее, какъ необходимое историческое слѣдствіе прошедшаго; отсюда и будущая гражданская его дѣятельность будетъ серьезнѣе. Чтобы быть гражданскимъ дѣятелемъ, нужно не только развить въ себѣ гражданское чувство, но и основательно узнать свое прошедшее, иначе легко увлечься личными интересами, или

пойти въ разладъ съ настоящими общественными потребностями, или, наконецъ, стремиться дѣлать такіе скачки, какихъ исторія никогда не дѣлала. Школа должна позаботиться о всемъ этомъ, сколько въ ея средствахъ. Конечно, подробно изучить исторію въ гимназіи невозможно; но мы и не говоримъ здѣсь объ изученіи исторіи, а указываемъ только на изученіе нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ наиболѣе отразилась та или другая историческая эпоха, и по которымъ, слѣдственно, можно болѣе или менѣе основательно познакомиться съ прошедшимъ развитіемъ народа въ главныхъ моментахъ его исторіи.

Такимъ образомъ нашъ вопросъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: если устранить историческое изученіе литературныхъ произведеній, то нѣтъ нужды касаться Нестора, Слова о полку Игоревѣ и прочихъ памятниковъ, въ которыхъ преобладаетъ интересъ историческій; если же такое изученіе признать необходимымъ, то нужно выбрать хотя по одному сочиненію изъ каждой эпохи для того, чтобы была возможность для сравненія, и отсюда видно бы было развитіе той или другой стороны народной жизни. Читатель видѣлъ, что мы признаемъ необходимымъ это послѣднее положеніе. Вотъ почему, говоря о преподаваніи литературы, мы не пропускаемъ ни переписки И. В. Грознаго съ Курбскимъ, ни Домостроя, ни другихъ, которые исключаются нѣкоторыми программами. Они, конечно, не отличаются какимъ-либо эстетическимъ достоинствомъ, но вся эта эпоха не представляетъ намъ ни одного подобнаго произведенія; слѣдственно, за неимѣніемъ ихъ, нужно остановиться на такомъ, въ которомъ наиболѣе отразились понятія и стремленія эпохи. Мы уже прежде имѣли случай замѣтить, что никакъ не слѣдуетъ спѣшить историческимъ изученіемъ, что для него ученики должны быть основательно приготовлены изученіемъ лучшихъ произведеній новой литературы, и потому нашли возможнымъ вводить учениковъ въ исторію только въ послѣднемъ классѣ гимназіи.

Историческое изученіе литературы можно начать только тогда, когда ученики послѣ многихъ разборовъ поймутъ, какъ жизнь съ своею дѣйствительною и идеальною стороною

отражается въ литературѣ, какъ высказываются въ литературномъ произведеніи личность писателя и стремленіе общества или народа. Только въ такомъ случаѣ исторія литературы и можетъ возбудить интересъ въ учащихся. Но будетъ слишкомъ недостаточно, если учитель превратитъ свои уроки въ лекціи, а не заставитъ самихъ учениковъ работать надъ литературнымъ матеріаломъ.

Само собою разумѣется, что при разборѣ литературныхъ памятниковъ преподаватель по необходимости долженъ будетъ ограничиться самымъ небольшимъ ихъ числомъ, соображаясь съ временемъ, какое дано въ его распоряженіе. Намъ скажутъ, что при такомъ ограниченіи это ужъ не будетъ исторія литературы. Мы и не споримъ объ этомъ: мы согласны, пожалуй, совсѣмъ уничтожить это названіе, убѣжденные, что исторія литературы въ другомъ видѣ совершенно безполезна для учениковъ; она заставляетъ ихъ только учить факты и разныя характеристики, пожалуй, съ отрывками изъ писателей, но нисколько не развиваетъ ихъ и не пріучаетъ къ труду. Всѣ эти бѣглые обзоры не позволяютъ остановиться ни на одномъ писателѣ, чтобы основательно познакомиться съ нимъ. Безъ этого же вся исторія литературы есть повтореніе чужихъ фразъ, не имѣющихъ никакого значенія для того, кто не успѣлъ познакомиться съ самою литературою. Разборъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы древней и новой при исторической обстановкѣ, вотъ какъ для большей точности мы назовемъ предметъ нашего преподаванія и полагаемъ, что ученикъ, не узнавъ о существованіи многихъ сочиненій, которыя обыкновенно исчисляются въ исторіи литературы, все же успѣетъ основательно познакомиться съ историческимъ развитіемъ жизни.

Для исторіи литературы въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно назначаютъ послѣдній годъ учебнаго курса. Насъ спросятъ: достаточно ли этого времени для такихъ разборовъ, какіе мы назначаемъ? Отвѣчаемъ: нѣтъ, и спѣшимъ замѣтить, что начинать ихъ ранѣе тоже невозможно, такъ какъ для подобныхъ занятій требуется основательная подготовка учениковъ, на что пойдетъ также не мало вре-

мени. Но при самой подготовкѣ преподаватель можетъ разобрать нѣкоторыя художественныя произведенія, соотвѣтствующія его плану и тѣмъ вопросамъ, которые онъ задалъ себѣ для развитія учениковъ, и потомъ только припомнить эти разборы и извлечь изъ нихъ главныя черты для исторической оцѣнки въ связи съ другими фактами. Переводъ и чтеніе лѣтописныхъ сказаній въ IV классѣ весьма пригодятся ученикамъ впослѣдствіи, когда они приступятъ къ историческому изученію произведеній литературы. У нихъ уже будутъ въ запасѣ факты, которые при помощи преподавателя имъ придется только связать съ другими фактами и извлечь черты, нужныя для опредѣленія идеаловъ религіозныхъ, дружинныхъ и всего того, что послужитъ характеристикою времени. Для этого они уже будутъ подготовлены предшествовавшими трудами. Это значительно сократитъ труды послѣдняго года. Точно такъ же предварительно могутъ быть разобраны богатырскія пѣсни, сравнительно съ рапсодіями изъ Иліады и Одиссеи, для опредѣленія сущности народной эпической поэзіи въ извѣстный періодъ развитія, лѣтопись Нестора со стороны эпической и исторической. При опредѣленіи, какъ писатель можетъ относиться къ жизни, подробно разобрать нѣкоторые разсказы Гоголя, Аксакова, черезъ что опредѣлится и личность пишущаго и изображаемая эпоха. При опредѣленіи, какъ личность поэта выражается въ лирической поэзіи, можно разсмотрѣть лучшія лирическія произведенія Пушкина и вывести, какъ онъ относился къ самой поэзіи, чего требовалъ отъ дѣятельности поэта; для сравненія съ нимъ можно привести лирическія стремленія Жуковскаго или другого поэта, черезъ что живѣе обрисуется личность каждаго и разрѣшатся нѣкоторые вопросы жизни, связанные съ поэзіей того и другого. Здѣсь же ученики могутъ познакомиться съ простонародными лирическими пѣснями даже въ связи съ подобными же пѣснями у другихъ народовъ, могутъ сравнить ихъ съ пѣснями Кольцова, слѣдовательно, познакомиться и съ поэзіею этого послѣдняго, а черезъ него и съ вопросами, относящимися къ русской жизни. Словомъ, всѣ тѣ произведенія, которыя не требуютъ обширной исторической обстановки и которыя привлекаютъ своимъ

художественнымъ интересомъ, могутъ быть разобраны предварительно при другихъ цѣляхъ и соображеніяхъ преподавателя, прежде чѣмъ интересъ историческій онъ поставитъ на первомъ планѣ. Приступая къ историческому изученію, его ученики уже будутъ знакомы съ лучшими произведеніями новѣйшей русской литературы, какъ, напр., съ нѣкоторыми лирическими и эпическими произведеніями Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, со многими баснями Крылова, съ Горемъ отъ ума, съ стихотвореніями Кольцова, также съ произведеніями народной поэзіи и друг. Собственно историческое изученіе, по недостатку времени, мы предполагаемъ заключить Жуковскимъ. Но и здѣсь преподаватель долженъ выбрать только главнѣйшія сочиненія, въ которыхъ отразилась эпоха, и на нихъ сосредоточить вниманіе учениковъ, давая имъ при этомъ по возможности многостороннюю историческую обстановку. Трудъ преподавателя тутъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при извѣстной исторической обстановкѣ прямо поставить вопросы, которые должны разрѣшиться наблюденіемъ надъ памятникомъ. Трудъ ученика при данной обстановкѣ и вопросахъ вникнуть въ содержаніе разбираемаго сочиненія, въ развитіе и способы изложенія мысли и самому убѣдиться въ тѣхъ выводахъ, которые служатъ его характеристикою. При такихъ занятіяхъ ученику не придется заучивать голословныя характеристики, опредѣленія и чужія сужденія, нѣтъ, тутъ онъ съ одной стороны пріобрѣтетъ довольное число фактовъ, а съ другой—будетъ имѣть выводы, сдѣланные имъ самимъ изъ наблюденій надъ этими фактами. Тутъ, слѣдовательно, невозможно развитіе фразерства, такъ какъ знанія основываются на фактахъ; тутъ невозможно и заучиваніе словъ, такъ какъ ученикъ учится не по книгѣ, не по учительскимъ запискамъ, а самъ составляетъ себѣ статьи изъ тѣхъ матеріаловъ, которые онъ успѣлъ добыть при посредствѣ учителя и изъ собственнаго чтенія.

Намъ скажутъ, что учитель можетъ наводить ученика на ложные выводы. Не споримъ; но ложные выводы случаются и въ учебникахъ, которые заставляютъ учениковъ учить часто безъ всякаго толку; ошибки встрѣчаются вездѣ, и тутъ большой бѣды мы еще не видимъ, если онѣ не ошибки на-

мѣренныя. Тутъ важны, во-первыхъ, факты, приведенные въ общую группировку, во-вторыхъ, еще важнѣе, самый процессъ труда, отъ котораго ученикъ долженъ развиваться и умственно, и нравственно. При томъ же никто не обязываетъ преподавателя дѣлать свои собственные выводы; онъ можетъ брать ихъ готовые, сдѣланные другими и оправданные критикой; но долженъ педагогически поступить съ ними, т.-е. довести до нихъ ученика путемъ его собственныхъ наблюденій.

Сжать или распространить главные факты зависитъ отъ воли преподавателя, но во всякомъ случаѣ у него есть возможность обставить выбранныя для разбора сочиненія самыми живыми картинами. Здѣсь онъ можетъ многое извлечь изъ исторіи г. Галахова или даже заставлять своихъ учениковъ извлекать изъ нея, но только не общія характеристики, а факты. Пусть число ихъ будетъ очень ограничено, пусть ученики даже и не услышатъ о многихъ произведеніяхъ и писателяхъ, которые обыкновенно исчисляются въ исторіяхъ литературы; но спросимъ, что̀ можетъ болѣе развивать ихъ и пріучить къ основательному труду: внимательное чтеніе и разборъ пяти-шести произведеній или бѣглыя характеристики, надъ которыми приходилось работать только одной памяти? Что̀ можетъ вѣрнѣе развить нравственныя понятія: анализъ жизни, которая выразилась въ одномъ сочиненіи, или короткій пересказъ содержанія многихъ нравственныхъ повѣстей и поученій, пожалуй, даже съ оцѣнкою ихъ формы? Кажется, тутъ не можетъ быть двусмысленнаго отвѣта со стороны того, кто хлопочетъ о качествѣ, а не о количествѣ познаній.

III.

Мы уже замѣтили, что историческому изученію русской литературы должны предшествовать разборы замѣчательныхъ произведеній настоящаго или ближайшаго періода съ цѣлью преимущественно теоретическою. Біографическія свѣдѣнія о лучшихъ писателяхъ этого періода, равно какъ и указаніе на связь ихъ произведеній съ современностью, могутъ быть

переданы ученикамъ тутъ же, чтобы облегчить ихъ при повтореніи полнаго курса. Здѣсь же мы можемъ только представить образцы разборовъ, какъ отвѣты на главные вопросы, связанные съ разбираемыми сочиненіями.

Порядку, въ какомъ представлены здѣсь разборы, мы не даемъ никакого значенія. Онъ зависитъ отъ соображеній каждаго преподавателя.

1) Разбирается стихотвореніе Пушкина „Ко гробу Кутузова". (Хрестом. Отд. III).

Вопросы. Что изображается въ каждомъ куплетѣ? На сколько частей можно раздѣлить стихотвореніе? Какая общая связь между частями? Какъ поэтъ изображаетъ обстановку главнаго предмета? Какое значеніе этой обстановки? Какими чертами описывается Кутузовъ? Вѣренъ ли поэтъ исторіи? Почему онъ находитъ въ гробу восторгъ? Что означаютъ стихи послѣдняго куплета? Можно ли было бы узнать Кутузова, еслибы въ оглавленіи не было обозначено его имя? Какъ бы понялъ стихотвореніе иностранецъ, незнакомый съ русской исторіей и не слыхавшій ничего о Кутузовѣ? Въ чемъ же состоитъ главная мысль всего стихотворенія?

Отвѣты на эти вопросы здѣсь излагаются въ общей связи, но въ классныхъ бесѣдахъ ученики сами отыскиваютъ ихъ, вчитываясь и вдумываясь въ стихотвореніе; дѣло же преподавателя—въ затруднительныхъ случаяхъ возбуждать въ нихъ мышленіе другими разнообразными вопросами, которые вытекаютъ изъ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ учениковъ и которые, слѣдовательно, нельзя опредѣлить заблаговременно.

Поэтъ въ началѣ указываетъ на мѣсто, гдѣ онъ находится, и на обстановку. Это составляетъ содержаніе перваго куплета. Во второмъ изображается тотъ, кто лежитъ въ гробницѣ, привлекшей вниманіе поэта. Въ третьемъ—впечатлѣніе, какое производитъ она на русскаго человѣка. По этому содержанію и все стихотвореніе можетъ быть раздѣлено на три части. Въ первой части гробница называется *святою*. Это названіе связываетъ первую часть съ послѣдующими, которыя составляютъ не что иное какъ отвѣтъ на вопросъ: почему она святая? онѣ оправдываютъ это прилагательное. Поэтъ стоитъ

съ поникшей головой, это — обыкновенное положеніе задумавшагося человѣка. Поэтомъ овладѣла мысль о томъ, кто погребенъ въ гробницѣ. Его глубокой думѣ способствовала какъ общая тишина въ храмѣ, такъ полумракъ, отблескъ горящихъ лампадъ въ большихъ гранитныхъ колоннахъ и на военныхъ трофеяхъ, съ которыми связано имя здѣсь погребеннаго. Поэтъ долженъ былъ указать на всю эту обстановку, потому что отъ обстановки очень часто зависитъ характеръ впечатлѣнія; при другой обстановкѣ могли быть иныя думы, а слѣдственно иное и впечатлѣніе. Во второй части, говоря о томъ, кто погребенъ тутъ, поэтъ не называетъ его по имени, а описываетъ отличительными чертами: его слушалось и любило русское войско, онъ безпрестанно оберегалъ русское государство отъ враговъ, посѣдѣвъ на службѣ, побѣдилъ турокъ и французовъ, закончивъ собою рядъ полководцевъ, образовавшихся въ царствованіе Екатерины. „Славной стаей екатерининскихъ орловъ“ поэтъ называетъ Румянцева, Суворова, Потемкина, Орлова и другихъ, отличившихся въ счастливыхъ битвахъ и сошедшихъ со своего поприща прежде Кутузова, который былъ остальной изъ нихъ. Всѣ они уподобляются орламъ, потому что съ этимъ именемъ соединяется идея силы и величія. Черты эти поэтъ извлекъ изъ историческихъ фактовъ. Каждый человѣкъ гордится славою своего народа уже потому одному, что носитъ его имя. Гробница Кутузова напоминаетъ то славное время, когда русскій народъ съ Кутузовымъ во главѣ отстоялъ свою родину, выказавъ много нравственной и матеріальной силы. Мысль объ этой эпохѣ возбуждаетъ восторгъ въ русскомъ человѣкѣ. Но поэтъ находитъ этотъ восторгъ въ самомъ гробу, желая показать главнаго виновника той громкой славы. Человѣку свойственно переносить свои собственныя чувства на тотъ предметъ, который ихъ возбуждаетъ въ немъ, такъ, напр., о картинахъ природы мы говоримъ „печальный или веселый видъ“, хотя знаемъ, что природа безчувственна и не можетъ ни веселиться, ни печалиться; видъ производитъ *въ насъ* печальное или веселое чувство, и по этой связи онъ самъ какъ будто дѣлается живымъ въ нашихъ глазахъ и принимаетъ наши собственныя чувства. Такимъ же образомъ

выражается и Пушкинъ, приписывая восторгъ самому гробу. Изъ него поэтъ даже слышитъ русскій голосъ, который твердитъ намъ о славномъ времени. Этотъ голосъ есть не что иное, какъ воспоминаніе, возбужденное въ русскомъ человѣкѣ при видѣ гробницы. Она вызываетъ изъ памяти то событіе, когда весь народъ, видя уже часть своего отечества въ рукахъ непріятеля и боясь за будущее, возложилъ свою надежду на талантъ одного человѣка и не обманулся. Этотъ человѣкъ былъ Кутузовъ, уже убѣленный сѣдинами, которыя поэтъ называетъ *святыми*, какъ прежде назвалъ святою его гробницу. Его назначилъ императоръ Александръ I предводителемъ русскаго войска, согласно съ общимъ желаніемъ народа. Онъ названъ святымъ не въ смыслѣ религіозномъ, а въ патріотическомъ, т.-е. является передъ нами человѣкомъ, спасшимъ свою родину, человѣкомъ, къ имени котораго каждый русскій относится съ особеннымъ уваженіемъ, близкимъ къ религіозному чувству. Заключительный стихъ „иди спасай, ты всталъ и спасъ“ въ немногихъ словахъ выражаетъ великое событіе, всю громадность подвига спасителя родины и ту быстроту, съ какою былъ совершенъ этотъ подвигъ: ты всталъ и спасъ. Подобныя выраженія, давая только общія черты величественной картины безъ всякихъ подробностей, всегда производятъ сильное впечатлѣніе и возбуждаютъ чувство, которое называется *высокимъ*. Они слагаются только тогда, когда самъ поэтъ одушевленъ этимъ чувствомъ, или, иными словами, такое чувство только и можетъ вполнѣ и достойно высказаться въ подобныхъ выраженіяхъ.

Во всемъ стихотвореніи имя Кутузова ни разу не упоминается; но русскій человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ исторической жизнью своего народа, легко догадается о комъ идетъ рѣчь, еслибы даже въ оглавленіи не было этого имени: черты, рисующія намъ Кутузова, крупныя историческія черты; онѣ представляютъ такое положеніе, въ какомъ больше не былъ никто другой изъ стаи екатерининскихъ орловъ. Такое мастерское умѣнье живо рисовать личности немногими рѣзкими чертами отличаетъ сильный поэтическій талантъ Пушкина.

Но представимъ себѣ, что это стихотвореніе прочиталъ

бы иностранецъ, нисколько незнакомый съ русской исторіей. Какъ оно было бы имъ понято и какое впечатлѣніе произвело бы на него? Ясно, что онъ не могъ бы знать о какой эпохѣ русской жизни говорится здѣсь, тѣмъ больше не могъ бы назвать Кутузова; но одна сторона произведенія остается для него доступною. Онъ нашелъ бы, что здѣсь изображается человѣкъ, спасшій свою родину по народному вызову, что память о такомъ человѣкѣ должна возбуждать восторгъ въ его потомствѣ, что къ его гробницѣ всегда будутъ подходить какъ къ святынѣ и что, наконецъ, поэтъ былъ въ правѣ назвать ее святою. Эта сторона, доступная каждому человѣку, даже незнакомому съ фактомъ, о которомъ говорится, называется *общечеловѣческою*. Въ ней-то и заключается главная, основная мысль всего произведенія. Она можетъ выразиться такимъ образомъ: каждый спаситель своей родины вѣчно живетъ въ памяти потомства, которое съ восторженнымъ благоговѣніемъ обращается къ его могилѣ, какъ къ святому мѣсту. Выраженіе этой общей мысли поэтъ нашелъ у гробницы Кутузова и передалъ ее въ живомъ образѣ, близкомъ сердцу русскаго человѣка, въ которомъ и возбуждаетя патріотическое чувство. Эта сторона произведенія называется *народною* или *національною*. Если она вѣрно и живо представляетъ намъ мысль, то такое произведеніе мы называемъ прекраснымъ, поэтическимъ, оно намъ нравится. Въ разбираемомъ стихотвореніи обѣ стороны—общечеловѣческая и національная такъ тѣсно сливаются, какъ душа съ тѣломъ, представляя намъ одно стройное произведеніе, поэтому мы въ правѣ назвать его прекраснымъ.

---

2) Разбирается стихотвореніе Кольцова: „Что ты спишь, мужичекъ“.

Вопросы: Видно ли въ приступѣ поэта, съ какимъ мужикомъ онъ имѣетъ дѣло? Нельзя ли по нѣкоторымъ начальнымъ словамъ опредѣлить планъ дальнѣйшаго развитія, какъ поэтъ будетъ насъ знакомить съ мужикомъ? Какъ онъ изображаетъ нищету въ крестьянской жизни и зачѣмъ здѣсь говоритъ о домовомъ? Какъ изображается довольство и богатство въ той же жизни, и изъ какого источника они вытекаютъ? Видно ли, что крестьянинъ дошелъ до нищеты по своей винѣ, а не вслѣдствіе какого-либо

непредвидѣннаго несчастія? Зачѣмъ поэтъ въ другой разъ будитъ мужика? Какое значеніе онъ придаетъ труду? Можетъ ли также самая мысль, которая представлена въ изображеніи крестьянской жизни, быть примѣнена къ жизни другихъ сословій? Что тутъ требуется отъ поэта?

Поэтъ будитъ мужика въ ту пору года, когда начинаются крестьянскія работы, и этимъ показываетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ мужикомъ лѣнивымъ. Совѣтуя ему посмотрѣть на самого себя „что ты былъ, и что сталъ, и что есть у тебя", авторъ этими словами какъ бы опредѣляетъ себѣ планъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи онъ долженъ будетъ показать настоящее мужика, т.-е. что онъ сталъ и что есть у него, и прошедшее—что онъ былъ. Настоящее представляетъ картину совершенной нищеты. Описаніе начинается съ гумна, такъ какъ тамъ главное богатство крестьянина; но тамъ не оказывается ни снопа; можетъ быть, есть что-нибудь въ сараяхъ, въ закромахъ?—тоже ни зерна.

Отсюда поэтъ идетъ къ крестьянину во дворъ, гдѣ обыкновенно можно увидѣть разныя полевыя и хозяйственныя вещи—телѣгу, сани, плугъ, соху, грабли и проч.; но и тамъ хоть шаромъ покати—не задѣнетъ ни за что, только пробилась трава, которой некому и примять. Со двора осталось заглянуть въ клѣти — тамъ не найдешь и сору. Но у мужика должны быть лошади, безъ которыхъ невозможна крестьянская работа? Были, да за долгъ взяли сосѣди. Поэтъ здѣсь насмѣшливо обращается къ мужику, употребляя тотъ образъ, который еще имѣетъ значеніе въ кругу суевѣрныхъ крестьянъ, не мужикъ, а домовой и вымелъ соръ изъ клѣтей, и лошадокъ развелъ по сосѣдямъ—такъ быстро все исчезло, какъ будто дѣйствовала сверхъестественная сила, какъ будто старался домовой, невзлюбившій мужика. Изображая жизнь крестьянина, поэтъ удачно пользуется и тѣми образами, которые въ ходу въ той средѣ. Самъ онъ не вѣритъ въ домового и поэтому употребляетъ его образъ для выраженія насмѣшки. Остается еще заглянуть въ сундукъ, гдѣ, можетъ быть, хранятся у крестьянина накопленныя деньги. Нечего и заглядывать—онъ лежитъ пустой, опрокинутый подъ лавкой.

Наконецъ и сама изба погнулась, оставаясь безъ всякихъ починокъ. Нищета полная!

Совершенную противоположность представляетъ прошедшее мужика. Рисуя эту картину, авторъ употребляетъ поэтическій оборотъ, изображая прошедшую жизнь въ образѣ золотой рѣки: она выражаетъ крестьянское богатство, собранное въ поляхъ хлѣбомъ, въ лугахъ травою, свезенное изъ дому по дорогѣ къ городу и тамъ выгодно проданное. И вотъ мужикъ съ деньгами: благодаря своему труду. Трудолюбивый и достаточный человѣкъ пользуется почетомъ отъ своего собрата. Вездѣ ему радушная встрѣча, мѣсто въ почетномъ углу, т.-е. подъ образами по крестьянскому обычаю. Значитъ, прошедшее не было похоже на настоящее. Тамъ былъ трудъ, а изъ него уже вытекали и богатство, и уваженіе.

Но, можетъ быть, несчастіе посѣтило мужика; можетъ быть, не по своей винѣ онъ дошелъ до такой ужасной нищеты? Нѣтъ, поэтъ предупреждаетъ этотъ вопросъ новою картиною: мужикъ весь день спитъ на печи безъ просыпу, значитъ, излѣнился, не хочетъ работать. Но, можетъ быть, онъ не найдетъ себѣ работы, что нерѣдко случается: человѣкъ и радъ бы работать всѣми силами, да негдѣ взять работы, такъ что поневолѣ долженъ снимать съ себя послѣднее и продавать или закладывать, чтобы не умереть съ голоду. И этотъ вопросъ поэтъ предупредилъ другою картиною: у мужика въ поляхъ стоитъ свой нескошенный хлѣбъ—стоитъ немножко потрудиться, и уже сытъ и не нужно ничего выносить изъ избы. Такимъ образомъ поэтъ, переходя отъ картины къ картинѣ, рисуетъ намъ положеніе мужика трудолюбиваго и лѣниваго. Но вотъ наступаетъ осень, когда прилежный крестьянинъ собираетъ плоды своихъ трудовъ, и затѣмъ зима, когда онъ пользуется этими плодами—и собираетъ казну, и празднуетъ на своей прибыли. Лѣниваго мужика поэтъ будитъ снова, но уже не для работы, ея пора прошла, а для того, чтобъ указать на слѣдствіе этой работы, на живую картину зимы, когда трудолюбивый крестьянинъ, воспользовавшись первымъ снѣжкомъ, везетъ продавать свой хлѣбъ и потомъ, возвратившись съ казной, варитъ пиво и веселится.

Изъ этого разбора видно, какая главная мысль занимала поэта. Онъ изображаетъ намъ значеніе труда, который составляетъ человѣку источникъ матеріальнаго благосостоянія и нравственной высоты. Есть много людей, которые такъ хорошо матеріально обезпечены, что имъ нѣтъ никакой нужды трудиться для куска хлѣба, а между тѣмъ и для нихъ трудъ такъ же важенъ и необходимъ, какъ и для бѣдняка. Здѣсь уже значеніе его исключительно нравственное. Человѣкъ въ жизни долженъ чѣмъ-нибудь наполнить свое время, чтобы занять себя. Если онъ презираетъ трудъ, то ему остаются еще удовольствія. Къ нимъ онъ и обращается со своимъ праздным временемъ. Но гдѣ ихъ взять столько, чтобы они были постоянно новыя. А часто повторяясь, они скоро прискучиваютъ и уже перестаютъ быть удовольствіями. Къ нимъ праздный человѣкъ начинаетъ относиться хладнокровно, другихъ не находитъ; чѣмъ же наполнить время? Да нечѣмъ. Въ душѣ остается пустота, которая томитъ человѣка, ничто его не занимаетъ; онъ скучаетъ до того, что наконецъ дѣлается самому себѣ въ тягость; тутъ онъ и радъ бы былъ даже обратиться къ какому-нибудь труду, но не пріученный къ нему не знаетъ, какъ къ нему приступиться, не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Вотъ тутъ-то праздность и наказываетъ его, вступаясь за достоинство труда. Такихъ людей можно встрѣтить не мало въ жизни. А между тѣмъ для человѣка трудящагося имѣютъ большое нравственное значеніе и самыя удовольствія, которыя празднаго человѣка довели до ничтожества. Удовольствія также необходимы человѣку, но только послѣ труда, какъ отдыхъ, какъ минутное развлеченіе. Въ этомъ случаѣ они, не часто повторяясь, служатъ дѣйствительнымъ удовольствіемъ, даютъ бодрость духу и укрѣпляютъ силы для дальнѣйшихъ трудовъ. Такимъ образомъ трудъ является спасителемъ не только отъ голода, но и отъ мертвящей скуки, которая рано или поздно должна овладѣть вѣчно праздным человѣкомъ. Но кромѣ того и человѣкъ, вполнѣ обезпеченный матеріально, не можетъ ручаться за будущее: бывали примѣры, что самыя богатыя и знатныя лица неожиданно, вдругъ лишались всего. Въ этомъ положеніи не потеряется человѣкъ, пріученный къ труду.

Но зато какимъ жалкимъ является тотъ, кто кромѣ удовольствій не зналъ въ жизни ничего. Нищій, не умѣющій или не хотящій работать, самое ничтожное и презрѣнное существо. Такъ какъ онъ всѣмъ въ тягость, то, разумѣется, всѣ удаляются отъ него и пренебрегаютъ имъ. Тутъ праздность уже доводитъ до самаго унизительнаго состоянія.

Такое общечеловѣческое значеніе труда выказывается въ жизни каждаго человѣка, каждаго сословія и общества. Кольцовъ примѣнилъ его къ жизни русскаго крестьянина и рисуетъ намъ такія явленія, которыя принадлежатъ этому быту, такъ какъ онъ хорошо былъ знакомъ съ нимъ. Само собою разумѣется, что та же самая мысль, примѣненная къ жизни помѣщика, выразилась бы совсѣмъ въ другихъ картинахъ и сценахъ, потому что обстановка и всѣ условія помѣщичьей жизни совсѣмъ другія; равнымъ образомъ въ жизни чиновника, купца, солдата, она выражается сообразно съ условіями ихъ жизни. Отъ поэта здѣсь требуется, чтобы онъ вѣрно представлялъ намъ бытъ этихъ людей, и чтобы въ немъ, въ этомъ быту, живо выразилась самая мысль, которая и должна соединить въ одно цѣлое всѣ сцены и картины. Разборъ стихотворенія Кольцова показалъ намъ, какъ онъ умѣлъ слить эти двѣ стороны, какъ полно обрисовалъ картины крестьянской жизни и какъ ясно выразилъ въ нихъ значеніе крестьянскаго труда.

— — —

3) Разбирается стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“ (Хрестом. Отд. 1).

Вопросы: Что̀ послужило поэту поводомъ соединить лѣсъ и богатыря Бову въ одну картину? Какія подробности въ изображеніи того и другого и что̀ между ними общаго? Какіе моменты изъ жизни богатыря и лѣса представляетъ поэтъ? Есть ли связь между картинами осенними и лѣтними? Какія вражескія силы могли обезсилить богатыря и лѣсъ? Въ чемъ же заключается смыслъ всего стихотворенія?

Лѣсъ во время осени производитъ на насъ по большей части впечатлѣніе грустное. Въ эту пору онъ кажется намъ не въ настоящемъ, не въ нормальномъ своемъ видѣ. Мы не-

вольно вспоминаемъ то время, когда онъ не былъ такимъ чернымъ, мрачнымъ, когда онъ зеленѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ цвѣла и вся природа, привлекая насъ своею жизнью и красотою. Теперь же вся она какъ будто замираетъ. Вотъ причина нашего грустнаго настроенія при видѣ обнаженнаго осенняго лѣса. Подобную же грусть мы чувствуемъ при встрѣчѣ съ больнымъ, обезсиленнымъ, едва живымъ человѣкомъ, котораго еще недавно мы видѣли бодрымъ, сильнымъ, во всей красѣ мужества среди дѣятельной жизни. Одинаковое впечатлѣніе отъ того и другого явленія послужило Кольцову къ слитію этихъ двухъ фактовъ въ одну поэтическую картину. Онъ видитъ въ осеннемъ дремучемъ лѣсѣ русскаго сказочнаго богатыря Бову. Лѣсъ въ своемъ лучшемъ нормальномъ видѣ, во время лѣта, представляетъ столько силы, крѣпости, несокрушимости, что сравнить его съ обыкновеннымъ человѣкомъ было бы неестественно, неправдоподобно; значило бы не выразить всего того, что въ немъ заключается. Онъ по своей силѣ и могучей борьбѣ съ бурями является богатыремъ, потому и въ осеннее время напоминаетъ богатыря, ослабленнаго врагами и годами. Обратившись съ вопросомъ къ богатырю-лѣсу, Бовѣ-силачу, отчего онъ является въ такомъ печальномъ видѣ, невооруженнымъ, какъ бывало прежде въ борьбѣ съ тучей-бурею, поэтъ въ своемъ описаніи весьма искусно сливаетъ два разные образа: описывая лѣсъ, рисуетъ намъ и богатыря; изображая богатыря, въ то же время представляетъ и лѣсъ. Богатырскій шлемъ, зеленый, густолиственный, сорванъ съ головы буйнымъ вихремъ; богатырскій плащъ, упавъ къ ногамъ, разсыпался сухими листьями. Чрезвычайно искусное сближеніе этихъ двухъ образовъ возбуждаетъ въ воображеніи новыя подобныя же картины и сцены. При видѣ того, кто еще такъ недавно прельщалъ всѣхъ красотою и силою, очень естественъ вопросъ: куда же дѣлось все это—„рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская“: очень естественно вспомнить то счастливое время или, лучше сказать, неестественно было бы не вспомнить его. И поэтъ дѣйствительно вспоминаетъ, изображая въ одной живой картинѣ и мужественную пору изъ жизни богатыря, и лѣтніе виды лѣса—

въ безмолвную ночь, заливная соловьиная пѣсня въ лѣсу и веселая жизнь богатыря, лѣсная прохлада, привлекающая каждаго въ жаркіе дни, и гостепріимство Бовы, буря въ лѣсу и битвы съ врагами. Изобразивъ въ живописной картинѣ прошедшее время, поэтъ снова обращается къ тому лѣсу, который передъ его глазами и который послѣ живого воспоминанія еще сильнѣе поражаетъ своею одичалостью. „Гдѣ же теперь твоя *зеленая мощь*? спрашиваетъ онъ, слыша жалобный вой на несчастное время. Какъ богатыря побѣждаютъ не сильные люди, а болѣзни, годы, старость, такъ лѣсъ дорѣзала осень черная — вотъ вражія силы, съ которыми не сладить никакому богатырю, никакому лѣсу. Было время, когда никакая буря не могла оторвать отъ лѣса ни одного листка, а теперь, когда вражія силы проникли въ каждую вѣточку, листъ за листомъ падаетъ самъ—„съ богатырскихъ плечъ сняли голову, небольшой горой, а соломинкой". Значитъ, истинная красота, сила и величіе вытекаютъ изъ той внутренней жизни, которая заключается въ организмѣ и которая не пріобрѣтается извнѣ механически. Изсякнетъ она, и пропадетъ съ нею все, что могло прельщать насъ, нѣтъ больше ни силы, ни красоты, ни величія; они не замѣнятся никакими наружными украшеніями. Кто хочетъ быть богатыремъ, тотъ долженъ въ самомъ себѣ найти силу и развить ее, а если онъ будетъ заботиться только объ одной богатырской внѣшности, надѣнетъ латы и шлемъ, да пристегнетъ мечъ, то онъ будетъ горе-богатырь. Поэтъ прекрасно намъ представилъ значеніе этой жизненной силы какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ, въ чемъ и заключается главная мысль его стихотворенія. Находить въ разныхъ явленіяхъ жизни извѣстный смыслъ и изображать ихъ такъ, чтобы и другіе люди ясно видѣли этотъ смыслъ—такой даръ принадлежитъ поэту. Оттого всѣ такъ и цѣнятъ поэзію, что она объясняетъ намъ жизнь въ самыхъ явленіяхъ, въ самыхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ фактахъ, близкихъ и знакомыхъ каждому.

4) Разбирается стихотвореніе Лермонтова „Пророкъ“ (Хрест. Отд. III).

Вопросы: Какого человѣка можетъ представить намъ пророкъ, изображенный поэтомъ? Откуда взятъ образъ пророка? Какія въ немъ библейскія черты? Какія цѣли могли быть у пророка и въ чемъ заключалось его ученіе любви и правды? Почему люди такъ озлобились на него? Что̀ унесъ пророкъ съ собою въ пустыню, и какъ онъ жилъ тамъ? Въ чемъ можетъ заключаться завѣтъ предвѣчнаго? Какой наружный видъ принялъ пророкъ? Измѣнилось ли къ нему отношеніе людей? Какъ они сами на себя смотрятъ и какъ объясняютъ себѣ внѣшность пророка? Такимъ ли онъ представляется намъ? Въ чемъ мы видимъ его подвигъ? Какъ поэтъ относится къ старцамъ? Можемъ ли мы вѣрить всѣмъ словамъ пророка и считать его пророкомъ дѣйствительнымъ?

Человѣкъ, просвѣтившись мыслью о жизни лучшей и болѣе возвышенной, чѣмъ та, которою обыкновенно живутъ люди, и понявъ настоящій смыслъ ея, почувствовалъ и сильное стремленіе къ ней. Для изображенія такого человѣка поэтъ беретъ изъ библіи образъ пророка, а потому во всѣхъ подробностяхъ долженъ быть вѣренъ библейской обстановкѣ. Пророку легко было читать въ глазахъ людей страницы злобы и порока — мысли и желанія человѣка отражаются въ чертахъ его лица, въ глазахъ, особенно если душа его возбуждена какою-либо страстью. Значитъ, поэтъ могъ уподобить лицо человѣка книгѣ, гдѣ само написалось все то, что происходитъ въ душѣ. Ясно, что человѣкъ съ высшими стремленіями и съ лучшимъ пониманіемъ жизни не могъ быть доволенъ жизнью тѣхъ людей, которые заботились только о своихъ личныхъ интересахъ и, стремясь жить на счетъ другихъ, разумѣется, давали волю своимъ страстямъ. При такомъ ихъ стремленіи не могло быть общаго счастія между людьми, а пророкъ объ этомъ счастіи и хлопоталъ, убѣжденный, что оно должно быть удѣломъ человѣка. На это намъ указываетъ его ученіе *любви и правды*, потому что только онѣ и могутъ быть твердымъ основаніемъ общему счастію. Пусть онѣ распространятся между всѣми людьми, и всѣ будутъ счастливы; бѣдствія и несчастія однихъ происходятъ оттого, что въ другихъ нѣтъ ни любви, ни правды. Кого мы любимъ, тому не будемъ дѣлать зла, а напротивъ, постараемся

въ горѣ помочь ему. Съ кѣмъ мы хотимъ быть справедливыми, у того ничего не отнимемъ для себя, а напротивъ, безкорыстно защитимъ его отъ всякой несправедливости. Если всѣ разовьютъ въ себѣ эти чувства, то, конечно, цѣль пророка будетъ достигнута. Вотъ смыслъ его ученія; но оно-то и возбудило людское негодованіе, потому что требовало, чтобы люди отказались отъ нѣкоторыхъ личныхъ выгодъ, добываемыхъ на счетъ ближняго, а это, каждый знаетъ по опыту, не совсѣмъ-то легко; уступить другимъ то, что́ я считаю своею собственностью или своимъ правомъ, не всякій вдругъ рѣшится. Послѣ этого неудивительно, что они озлобились противъ такого человѣка, который такъ близко коснулся ихъ личныхъ интересовъ: они прогнали его отъ себя, или, выражаясь сообразно съ библейскими нравами, бѣшено бросали въ него каменья. Слѣдуя тѣмъ же нравамъ, пророкъ для выраженія сердечнаго горя „посыпалъ пепломъ свою голову“ и удалился въ пустыню. До сихъ поръ, показывая собою примѣръ другимъ, онъ не могъ заботиться о собственности, о корысти, иначе его слова были бы въ разладѣ съ дѣломъ, что́ несогласно съ строгою нравственностью, съ которою соединяется ученіе о любви и правдѣ: онъ былъ нищій, нищимъ явился и въ пустынѣ, гдѣ подобно птицамъ питался тѣмъ, что́ Богъ пошлетъ. Но разорвавъ связи съ людьми, онъ сохранилъ тѣсную связь съ природою. Ее сдѣлалъ онъ предметомъ своихъ наблюденій и изученій. Просвѣщенный умъ его нашелъ и здѣсь пищу, и его силѣ какъ бы покорилась вся природа по завѣту Предвѣчнаго, а этотъ завѣтъ заключается въ назначеніи обнимать мыслью все, что составляетъ вселенную. Нищенская жизнь и труды не могли сдѣлать привлекательнымъ наружный видъ его: едва прикрытый рубищемъ, онъ исхудалъ, сталъ блѣденъ, угрюмъ. Эта-то внѣшность и привлекала на себя вниманіе людей, когда ему случалось проходить черезъ шумный городъ, гдѣ еще недавно бросали въ него каменья. Помня это, онъ шелъ „торопливо“, чтобы вновь не быть предметомъ ярости; но теперь уже другое чувство возбуждалось въ сердцахъ тѣхъ же людей; оно выражается въ нихъ „самолюбивой улыбкѣ“. Теперь они находятъ уже оправданіе своимъ поступкамъ въ его жалкой внѣш-

ности. Не только они, и Богъ противъ него. Какъ же иначе объяснить это нищенское положеніе человѣка, который говорилъ, что „Богъ гласитъ его устами“? Если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то неужели бы Богъ оставилъ его и допустилъ бы до такого состоянія? Нѣтъ, тутъ скорѣе видно Божеское наказаніе. Значитъ, Богъ вмѣстѣ съ ними караетъ его. Какъ же отъ такой мысли не почувствовать самодовольствія, какъ не разыграться самолюбію? И вотъ отцы указываютъ на него дѣтямъ, какъ на дурной примѣръ гордости и неуживчивости. Что же можетъ быть для него болѣе язвительнаго? Его называютъ самозванцемъ-пророкомъ, человѣкомъ ослѣпленнымъ гордостью, и удѣлъ его — общее презрѣніе, какъ достойное наказаніе за дерзость противъ Бога. Вотъ какъ эти люди объясняютъ себѣ жалкую внѣшность пророка. Въ сознаніи своей силы они и не подозрѣваютъ, что они ослѣплены сами, видятъ только одну его сторону; а замѣтить другую самолюбіе не позволяетъ имъ; иначе они должны бы были обвинить самихъ себя. Пріятнѣе же оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, опершись на видимый фактъ, котораго никто не опровергнетъ: нищета, блѣдность, худоба... какъ же объяснить всѣ эти знаки страданія, тогда какъ они, старцы, продолжаютъ благоденствовать? Но мы не держимъ ихъ стороны. Передъ нами рисуется величавый образъ пророка, несмотря на его непривлекательную наружность. Вмѣстѣ съ поэтомъ мы видимъ другую его сторону, которая возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ. Онъ передъ нами является человѣкомъ, страдающимъ не за себя, а за истину, за ученіе о любви и правдѣ, за то добро, которое онъ хотѣлъ принести всѣмъ людямъ. Чтобы избѣжать страданій и лишеній, ему стоило только поддѣлаться подъ понятія старцевъ, прогнавшихъ его, или просто замолчать, не противорѣчить имъ, не показывать, что онъ читаетъ въ ихъ глазахъ страницы злобы и порока — и онъ могъ бы подобно имъ наслаждаться тѣмъ же внѣшнимъ довольствомъ и счастіемъ. Повидимому, все это сдѣлать было такъ легко. Да, легко, кто хлопочетъ только о самомъ себѣ! Но что тогда было бы съ ученіемъ о любви и правдѣ, съ мыслью объ общемъ человѣческомъ счастіи, если въ нихъ заключались не одни пустыя слова?

Человѣку честному, съ твердымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ невозможно отказаться отъ нихъ, если онъ не хочетъ унизить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Такой человѣкъ все отдастъ, всего лишится, а не оставитъ своего дѣла, не отступится отъ истины, иначе его замучитъ совѣсть. Онъ предпочтетъ нищету, страданія, лишь бы только остаться съ чистой, спокойной совѣстью, лишь бы не пришлось упрекать себя въ низости, въ отступничествѣ, въ подлости. Такой человѣкъ, конечно, долженъ возбуждать въ насъ особенное уваженіе и благоговѣніе къ себѣ. Онъ поражаетъ силою своего духа, любовью къ человѣку, безкорыстнымъ служеніемъ человѣчеству; подвигъ его намъ представляется не въ торжествѣ, а въ страданіи. Вотъ такихъ людей и изображаетъ намъ поэтъ въ библейскомъ образѣ пророка. Зато какъ мелки и ничтожны должны казаться намъ эти старцы, съ самолюбивой улыбкой, презрительно указывающіе на тотъ величавый, сіяющій образъ, на его нищету, которая не унижаетъ, а еще болѣе возвышаетъ его. Онъ, угрюмый, худой и блѣдный рядомъ съ ними, самодовольными и, можетъ быть, счастливыми, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны, уничтожаетъ ихъ до того, что мы вмѣстѣ съ поэтомъ уже насмѣшливо относимся къ ихъ самолюбію, или, говоря иначе, смотримъ на нихъ *иронически*.

Говорить о всемъ этомъ поэтъ заставляетъ самого пророка. Въ его словахъ мы видимъ сознаніе своего достоинства, глубокое убѣжденіе въ своей правотѣ; но въ то же время въ нихъ нѣтъ ничего высокомѣрнаго, хвастливаго. Онъ просто и спокойно разсказываетъ то, что съ нимъ было, и то, что онъ слышалъ, и это еще болѣе возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ. Страданія, которыя выставляются на видъ съ цѣлью похвалиться ими, возвысить себя, теряютъ для насъ значеніе подвига, потому что мы видимъ, что они удовлетворяютъ самолюбію человѣка и, слѣдственно, въ нихъ онъ находитъ себѣ какъ бы вознагражденіе—этимъ чувствомъ значительно смягчилась для него ихъ сила и горечь. Слушая слова пророка, мы и не думаемъ спрашивать себя: правду ли говоритъ онъ? можно ли вѣрить его словамъ? не правы ли, наоборотъ, старцы, смотрящіе на него

какъ на самозванца-пророка? не самозванецъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, насъ удостовѣряетъ съ одной стороны содержаніе его ученія, съ другой—его страданія, которыхъ бы онъ могъ избѣжать, какъ мы видѣли, и въ которыхъ онъ не видитъ никакой для себя славы. Дойти добровольно до такого положенія не было никакой цѣли какому-нибудь шарлатану, который разсчитываетъ на свои краснорѣчивыя рѣчи, прикидываясь и честнымъ, и праведнымъ, и даже страдающимъ за правду, но, въ сущности, пуская только пыль въ глаза изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ.

Такихъ ловкихъ людей можно встрѣтить не мало, но на нихъ непохожъ пророкъ Лермонтова. Искренность его словъ подтверждается фактами.

5) Разбирается „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина. (Хрест. Отд. I).

Вопросы. Съ какою цѣлью поэтъ представляетъ намъ Олега въ моментъ отправленія его въ походъ противъ хазаръ? Какія черты русскаго князя ему нужно было изобразить? Какія черты приписываются кудеснику, и необходимы ли онѣ для разсказа? Почему такой, а не другой вопросъ предложилъ ему князь? Согласны ли рѣчи того или другого съ ихъ положеніемъ и званіемъ? На какія отдѣльныя части раздѣляется все предсказаніе, и какая связь между ними? Почему первое впечатлѣніе предсказанія могло выразиться въ Олегѣ усмѣшкою, которая тотчасъ же перешла въ глубокую думу? О чемъ онъ могъ думать? Какое чувство князя выразилось въ его наставленіи отрокамъ? Зачѣмъ поэтъ представилъ Олега на пиру? Какія мысли предшествовали желанію его посмотрѣть на кости коня? Что́ князь думалъ, наступивъ на черепъ? Какое значеніе въ общемъ разсказѣ имѣетъ послѣдняя картина? Въ какихъ словахъ можно выразить сущность содержанія всего разсказа? На какія части можно его раздѣлить? Какая главная сцена въ каждой изъ нихъ и обстановка? Есть ли всѣ эти части и въ разсказѣ у Нестора? Одинъ ли цѣли были у него и у Пушкина? Какими подробностями отличается разсказъ послѣдняго сравнительно съ первымъ? Необходимы ли всѣ эти подробности сообразно съ цѣлью поэта?

Поэтъ выводитъ Олега въ походѣ противъ хазаръ, которымъ онъ хотѣлъ отмстить за ихъ набѣгъ на Русскую землю. Месть его должна выразиться въ безпощадныхъ убійствахъ и пожарахъ. Указывая на намѣренія князя, поэтъ

имѣлъ въ виду представить его грубымъ, суровымъ сыномъ того вѣка, когда слава измѣрялась числомъ убитыхъ людей и выжженныхъ селъ. А такимъ нужно было его изобразить для того, чтобы яснѣе выразить правдоподобіе слѣдующихъ сценъ—бесѣда съ кудесникомъ и вѣра въ предсказаніе—событіе оправдывается невѣжествомъ вѣка. Вопросъ о смерти естественнѣе всего могъ придти князю тогда, когда онъ отправлялся въ походъ, слѣдственно навстрѣчу смерти. Вотъ отчего въ этотъ моментъ поэтъ и представляетъ встрѣчу съ кудесникомъ. Изобразивъ Олега въ главныхъ чертахъ, сколько это нужно для ясности разсказа, онъ переходитъ съ той же цѣлью къ изображенію кудесника. Старикъ выходитъ изъ темнаго лѣса, гдѣ онъ могъ жить уединенно, служа богамъ; онъ названъ вдохновеннымъ, чтобъ показать связь его съ богами; онъ былъ покоренъ одному Перуну, слѣдственно былъ независимъ отъ людей и могъ свободно говорить правду; при такой связи съ божествомъ онъ могъ знать и возвѣщать будущее; мольбы и гаданья были его занятія, словомъ, онъ былъ мудрый старецъ. Такими качествами онъ долженъ былъ отличаться, иначе Олегъ не обратился бы къ нему такъ довѣрчиво съ вопросами о своей смерти. Только вѣра во всѣ эти качества заставила его вступить въ бесѣду съ кудесникомъ, который въ его глазахъ является любимцемъ боговъ. Вопросъ предложенъ сообразно съ положеніемъ князя: сущность вопроса опредѣляется походомъ, гдѣ жизнь каждаго виситъ на волоскѣ; но смерть умнаго и воинственнаго князя не только произведетъ одну убыль въ войскѣ, а еще и обрадуетъ сосѣдей враговъ. Сильное и исключительное положеніе князя могло производить страхъ въ тѣхъ людяхъ, которымъ приходилось говорить ему непріятную правду, и, слѣдственно, они могли не высказывать ее всю или совсѣмъ умалчивать о ней.

Отсюда вытекаетъ выраженіе: „открой мнѣ всю правду, не бойся меня“, и въ поощреніе князь обѣщаетъ ему даже почетный подарокъ. Отвѣтъ кудесника соображенъ съ положеніемъ служителя боговъ: хотя Олегъ и могучій владыка, но страхъ, который чувствуютъ передъ нимъ люди, ему подвластные, недоступенъ волхвамъ: они независимы и

подкупить ихъ нельзя никакимъ даромъ—они говорятъ свободно то, что̀ знаютъ, что̀ назначено небомъ. Въ удостовѣреніе этого начинается самое предсказаніе. Олегу обѣщается дивная судьба: слава, побѣды, торжество, даже упоминается щитъ на вратахъ Царьграда, повѣшенный Олегомъ по разсказу лѣтописи, въ знакъ того, что онъ доходилъ до столицы Византіи. Затѣмъ указываются смертные случаи, какіе могутъ постигнуть во время походовъ: воинъ можетъ утонуть въ бурю или быть убитъ камнемъ, стрѣлою — оружіемъ, которое въ то время употреблялось въ битвахъ, или пасть измѣнически отъ кинжала, или наконецъ изойти кровью отъ ранъ. Но ни одинъ изъ этихъ обыкновенныхъ случаевъ не постигнетъ счастливаго побѣдителя, судьба сохранитъ его отъ такой смерти, назначивъ ему другую. Далѣе кудесникъ дѣлаетъ переходъ къ княжескому коню, товарищу въ опасныхъ военныхъ трудахъ, указываетъ на его качества превосходныя въ глазахъ воина: конь легко переноситъ всѣ тягости похода, онъ послушенъ волѣ всадника; когда нужно; стоитъ смирно подъ вражескими стрѣлами, когда нужно несется по полю битвы и выноситъ на безопасное мѣсто. И несмотря на всѣ эти драгоцѣнныя качества, онъ будетъ причиною смерти Олега. Вотъ какъ послѣдовательно развилась рѣчь кудесника. Его неожиданное заключеніе заставило Олега прежде всего усмѣхнуться—князю показалось невѣроятнымъ такое событіе. Но его предсказываетъ любимецъ боговъ, у котораго „правдивъ и свободенъ вѣщій языкъ“ и который такъ смѣло отвергъ княжескій подарокъ! Такому человѣку нельзя не повѣрить. И вотъ улыбка скрылась, и князь глубоко задумался. Благоразуміе требовало взять мѣры, чтобы отстранить отъ себя такую опасность, лучше всего никогда не садиться на этого коня, даже никогда не видать его—этимъ отнимется у судьбы всякая возможность исполнить предсказаніе кудесника. Задумавъ такое рѣшеніе, Олегъ слѣзаетъ съ любимаго коня и трогательно прощается съ нимъ, какъ съ вѣрнымъ другомъ. Сдѣлавъ наставленіе отрокамъ, какъ о немъ заботиться, князь выказалъ этимъ самую нѣжную любовь къ своему товарищу

въ битвахъ; трудно ему было съ нимъ разстаться, но въ виду страшное предсказаніе, нельзя пренебречь имъ.

Проходитъ много времени. Предсказанія кудесника всѣ, кромѣ послѣдняго, исполнились. Олегъ, уже состарѣвшійся, пируетъ съ дружиною. О чемъ можетъ быть разговоръ воиновъ, посѣдѣлыхъ въ битвахъ? Разумѣется, о своихъ прежнихъ подвигахъ, о сѣчахъ, объ убитыхъ товарищахъ. Все это припоминаетъ старому князю давнишнее предсказаніе кудесника. Онъ спрашиваетъ о своемъ конѣ и слышитъ, что его уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Значитъ, предсказанію нѣтъ никакой возможности исполниться. Олегъ задумался и, забывъ, что всѣ другія предсказанія уже исполнились, усомнился въ правдивости и святости кудесника. Онъ раскаивается, что повѣрилъ ему и разстался съ конемъ. При той любви, какую князь питалъ къ вѣрному животному, очень естественно желаніе посмотрѣть хоть на его кости. Со всею дружиною отправляется онъ на холмъ, гдѣ лежатъ онѣ, и въ то время, какъ думалъ, что торжествуетъ надъ судьбою, она восторжествовала надъ нимъ. Слова „твой старый хозяинъ тебя пережилъ“ выражаютъ, что предсказаніе было не что иное какъ ложь. Старъ князь, не долго жить ему, онъ долженъ умереть, но умретъ онъ не отъ коня; не этому коню придется выполнить религіозный обрядъ при погребеніи—быть заколотымъ на могилѣ воина, котораго онъ носилъ въ битвахъ... Но кудесникъ былъ правъ; исполнилось и послѣднее предсказаніе; судьба не измѣняетъ своихъ опредѣленій, какія бы мѣры ни взялъ человѣкъ; князь былъ вѣренъ себѣ, ни разу не встрѣтился съ живымъ конемъ, который могъ быть причиною его смерти; но зато привлекъ его къ себѣ мертвый, котораго, повидимому, нечего было опасаться, а тутъ-то и сторожила судьба. Изъ лошадиной головы выползла змѣя и ужалила безпечнаго князя. Его восклицаніе „такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя“ выражаетъ торжество судьбы. Наконецъ послѣдняя картина, какъ заключеніе, изображая тризну на могилѣ Олега, удостовѣряетъ, что онъ дѣйствительно умеръ, и что судьба взяла свое.

Такимъ образомъ сущность содержанія всего стихотво-

ренія можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: кудесникъ предсказываетъ Олегу, что тотъ умретъ отъ своего коня; Олегъ беретъ свои средства, чтобъ предсказаніе не могло исполниться, но несмотря на это, оно, какъ выраженіе воли судьбы, все-таки исполняется. Отсюда и весь разсказъ раздѣляется на три части: первую назовемъ предсказаніемъ, вторую — мѣрами противъ него и третью — исполненіемъ. Каждая изъ этихъ частей, развиваясь въ подробностяхъ, представляетъ картины и сцены, необходимыя для живого изображенія событія. Такъ въ первой части потребовалась предварительная обстановка, прежде чѣмъ высказать предсказанія кудесника: нужно было описать его встрѣчу съ княземъ, показать тѣ условія, при которыхъ она произошла, и затѣмъ уже представить ихъ бесѣду. Переходомъ отъ первой ко второй части служитъ изображеніе впечатлѣнія, какое произвело на Олега предсказаніе, его дума и какъ ея слѣдствіе рѣшеніе разстаться съ конемъ; затѣмъ уже прощаніе съ нимъ и обращеніе къ отрокамъ. Наконецъ въ третьей части нужно было нѣсколькими картинами довести до главной ея сущности; вотъ здѣсь какое сцѣпленіе мыслей: пиръ служитъ поводомъ къ воспоминанію; изъ воспоминанія вытекаетъ вопросъ о конѣ; изъ отвѣта на вопросъ—сожалѣніе и досада, отсюда желаніе видѣть кости коня; оно приводитъ Олега на холмъ и здѣсь уже исполненіе предсказанія. Затѣмъ заключительная картина, какъ слѣдствіе предыдущаго, тризна на могилѣ Олега. Вотъ въ какой полнотѣ развивается разсказъ: одно такъ тѣсно соединяется съ другимъ, что нѣтъ ничего ни лишняго, ни недосказаннаго.

Содержаніе разсказа взято Пушкинымъ изъ лѣтописи монаха Нестора, написанной въ началѣ XII столѣтія; а Несторъ взялъ его изъ народныхъ поэтическихъ преданій, въ которыхъ истина обыкновенно смѣшивается съ вымысломъ, сообразно съ религіозными вѣрованіями того времени. У Нестора также есть эти три части, но не развиты въ такихъ подробностяхъ, какъ у Пушкина, такъ какъ цѣли того и другого были различны. Несторъ хотѣлъ только разсказать, отчего умеръ Олегъ и при этомъ подивиться „яко отъ волхованія сбывается чародѣйство“, что̀ очень свойственно суевѣр-

нымъ людямъ, какими въ то время были всѣ. Поэтому онъ распространяется въ послѣдней части, гдѣ говорится о самой смерти, какъ о сбывшемся волхвованіи. У Пушкина же была цѣль — изобразить древнее народное вѣрованіе въ судьбу, которое и было причиною вымысла о смерти Олега. Слѣдственно, ему нужно было представить событіе такъ, чтобъ оно казалось правдоподобнымъ; ему нужно было дать всему такую обстановку, чтобы изобразились и нравы, и обычаи, и понятія, и вѣрованія той невѣжественной эпохи; словомъ, ему нужно было нарисовать полную живую картину и подѣйствовать на воображеніе, чего не могъ имѣть въ виду Несторъ. Слѣдственно, цѣль нашего поэта была цѣль поэтическая, поэтому онъ и долженъ былъ заботиться, чтобъ не была упущена ни одна подробность, которая могла бы яснѣе и живѣе изобразить предметъ. Поэтъ, конечно, самъ не вѣритъ въ судьбу, но онъ ставитъ себя на мѣсто человѣка вѣрующаго и смотритъ на событіе такъ, какъ будто бы онъ нисколько не сомнѣвался въ его дѣйствительности. Такая способность скрывать свой личный взглядъ и переноситься въ разныя эпохи и состоянія, усвоивая себѣ на время ихъ взгляды, очень важна для каждаго поэта. Она дѣлаетъ его художникомъ, который вѣрно и прекрасно рисуетъ намъ картины жизни, почему и такія произведенія называются художественными.

---

6) Разбирается стихотвореніе Батюшкова „На развалинахъ замка въ Швеціи".

Вопросы: Какая отличительная черта первой картины и какое впечатлѣніе производитъ она? Какое ея значеніе въ общемъ разсказѣ? Какъ поэтъ опредѣляетъ мѣстность, гдѣ онъ находится? Въ какихъ словахъ выражается связь этой картины съ послѣдующими? Какія познанія нужны были поэту, чтобы возстановить картину прошедшаго? Въ какихъ чертахъ онъ могъ нарисовать намъ жителей замка? Какъ выразились у него вѣрованія религіозныя? Какая отличительная черта норманской жизни? Въ чемъ норманъ находитъ себѣ награду за подвиги въ молодости и въ старости? На какія сцены раздѣляется у поэта изображеніе жизни нормана? Въ чемъ заключалось содержаніе пѣсенъ скальдовъ? Какую связь настоящаго съ прошедшимъ видитъ поэтъ? Какой вопросъ онъ задаетъ себѣ въ послѣдней части стихотворенія? Въ какихъ словахъ можно выразить

основную мысль произведенія? Какія особенности замѣчаются въ его языкѣ сравнительно съ нынѣшнимъ?

Поэтъ рисуетъ картину вечера: *тихо* закатилось солнце; луна *задумчиво* глядитъ на морской берегъ и на воды; окрестности *въ глубокомъ снѣ; ночное безмолвіе* изрѣдка прерывается крикомъ рыбака и за нимъ эхомъ, которое повторяетъ его слова. Отличительная черта этой картины—ночная тишина, безмолвіе; впечатлѣніе отъ нея—настроеніе къ задумчивости, мечтательности. Отсюда опредѣляется цѣль ея или значеніе въ общемъ разсказѣ. Поэту нужно было представить эту картину для того, чтобы указать на источникъ того мечтательнаго расположенія, которое создало ему цѣлый рядъ другихъ картинъ. Далѣе, во второй части яснѣе опредѣляется мѣстность, гдѣ поэтъ находится, это—развалины замка, какъ „слѣды протекшихъ лѣтъ и славы". Задумчивое настроеніе духа, вызванное тишиною и таинственнымъ луннымъ свѣтомъ, находятъ себѣ пищу въ этой обстановкѣ—здѣсь живетъ воспоминанье, восклицаетъ поэтъ, и тѣмъ опредѣляетъ содержаніе слѣдующей части. Развалины уносятъ воображеніе въ ту отдаленную эпоху, когда всѣ эти обломки составляли цѣльное зданіе, жилище человѣка, который оживлялъ всю мѣстность. Всякое разрушеніе, всякое ненормальное состояніе обыкновенно напоминаетъ намъ то лучшее, цвѣтущее время жизни, когда никто не думалъ ни о разрушеніи, ни о дряхлости въ будущемъ. И вотъ воображеніе поэта, увлекаясь, рисуетъ ему картины прошедшаго. Здѣсь въ помощь ему уже является наука, исторія. Безъ нея онъ не могъ бы возстановить эти развалины, не могъ бы отвѣтить на пытливый вопросъ: что могло быть здѣсь въ былое время, когда человѣкъ построилъ себѣ это жилище? Знакомый же съ исторіей, поэтъ нашелъ возможность нарисовать намъ рядъ живыхъ картинъ и тѣмъ показать связь между поэзіей и наукою, и какую силу поэтъ почерпаетъ себѣ въ наукѣ. Она помогаетъ ему живѣе и вѣрнѣе изображать жизнь, въ чемъ и заключается главное назначеніе поэзіи. Исторія здѣсь не назвала поэту по имени тѣхъ, которые жили тутъ, не

представила портрета каждой личности, не разсказала особенныхъ, исключительныхъ фактовъ, бывшихъ дѣйствительно въ этой мѣстности, но она дала ему возможность нарисовать жизнь нормана, не одного, а каждаго, ту жизнь, какую велъ каждый норманскій рыцарь, сообразно съ вѣрованіями, нравами, обычаями цѣлаго народа, тѣ факты, которые могли случиться въ жизни каждаго изъ нихъ, потому что они вытекали изъ народныхъ понятій и опредѣленной обстановки жизни. Словомъ, поэтъ рисуетъ намъ не личную жизнь кого либо, а жизнь обще-норманскую, рисуетъ въ общихъ чертахъ, заключавшихся въ жизни каждаго норманскаго рыцаря,—то, что обыкновенно называется *типическимъ* изображеніемъ жизни.

Разсмотримъ же эти самыя черты, которыя дали поэту возможность нарисовать рядъ картинъ изъ норманской жизни. Прежде всего здѣсь представляются религіозныя вѣрованія: богъ Оденъ, властитель брани, къ которому воинственный норманъ обращался съ молитвою объ успѣхѣ битвы, и мыслью о которомъ вдохновлялся, стремясь на подвиги. Храбрый воинъ не боялся смерти, потому что, по его понятіямъ, убитаго въ сраженіи ожидала Валгала, норманскій рай, куда провожала его для вѣчныхъ наслажденій богиня Гела. Такія религіозныя вѣрованія въ народѣ могла создать воинственная жизнь, которая и поддерживалась ими, возбуждая въ норманѣ стремленіе къ воинской славѣ. Слѣдственно, другая черта жизни—воинственный духъ, образующій воиновъ-героевъ. Награду за геройскіе подвиги норманъ получалъ не только послѣ смерти, но и при жизни: слава, любовь женщины и хвалебныя пѣсни, въ которыхъ скальды, норманскіе поэты, воспѣвали героя, это были лучшія награды, составлявшія сладость его жизни. Дожившимъ до старости представлялась новая награда—видѣть въ своихъ сыновьяхъ героевъ, слышать отъ нихъ разсказы о подвигахъ и вспоминать свое славное время.

Вся эта часть стихотворенія, изображающая давно минувшее время, раздѣляется на нѣсколько картинъ или сценъ, сообразно съ тѣми главными чертами, которыя мы сейчасъ опредѣлили: 1) Старикъ-норманъ посвящаетъ юнаго сына въ

рыцари, поручая его покровительству Одена и требуя отъ него клятвы—сохранить рыцарскую честь, т.-е. или прославиться въ безпощадной битвѣ съ врагами, или умереть со славою; юноша вдохновляется уже при одной мысли, что онъ рыцарь, и стремится туда, гдѣ норманъ добывалъ себѣ славу. 2) Морской набѣгъ на берега Франціи и Англіи, наиболѣе страдавшіе отъ воинственныхъ норманъ—здѣсь громъ оружія, пожары, смерть и наконецъ добыча и слава героя. 3) Ожиданіе въ замкѣ, куда уже достигла вѣсть о счастливой побѣдѣ и гдѣ готовится радостная встрѣча юному побѣдителю, за котораго молится богамъ красавица-невѣста. 4) Возвращеніе счастливца; здѣсь его встрѣчаютъ пѣсни вдохновенныхъ скальдовъ, радостныя слезы скромной невѣсты, наконецъ шумное пиршество. Здѣсь же поэтъ указываетъ на содержаніе пѣсенъ скальдовъ, которыя одушевляли пирующихъ гостей, рисуя битвы и пожары, передавая звукъ мечей, свистъ стрѣлъ, удары щитовъ, подъ звуки золотой арфы.

При описаніи всѣхъ этихъ воображаемыхъ блестящихъ картинъ поэтъ нѣсколько разъ очень естественно обращается къ настоящему, которое поражаетъ его рѣзкою противоположностью съ прошедшимъ. При видѣ этого разрушенія онъ принимаетъ грустный тонъ и наконецъ задаетъ себѣ вопросъ, какой бы задалъ и каждый при той же самой обстановкѣ и при тѣхъ же воспоминаніяхъ; куда же все это дѣвалось, гдѣ же эта прежняя шумная жизнь, что же отъ нея осталось, кромѣ опустошенія? Разрѣшеніе этого вопроса составляетъ послѣднюю часть стихотворенія. Погибли сильные, но никто не скажетъ, что славная жизнь ихъ и подвиги остались безъ послѣдствій для новаго времени. Пользу приносятъ уже самыя развалины, съ которыми соединяется историческое воспоминаніе, а оно ободряетъ духъ потомковъ — обитателей этихъ странъ, внушаетъ имъ національную гордость и развиваетъ сознаніе, что они народъ историческій; съ такимъ же сознаніемъ пріобрѣтается много нравственной силы для жизни. Эта мысль и является основною мыслью всего стихотворенія. Стройное и живописное ея развитіе заставляетъ насъ назвать произведеніе прекраснымъ; но только языкъ его намъ кажется уже устарѣлымъ; ему недостаетъ

той естественности и простоты, къ которымъ насъ пріучили новѣйшіе поэты. Во времена Батюшкова любили употреблять изъ языка церковнославянскаго слова и выраженія, не принятыя въ обыкновенномъ говорѣ, напр., вѣтрила вмѣсто паруса, длани вмѣсто руки, перси вмѣсто грудь и пр. или устарѣлыя формы, напр., стебель изсохшія полыни вмѣсто изсохшей полыни. Такія выраженія намъ уже не могутъ нравиться.

---

7) Разбирается отрывокъ (Козьма Мининъ) изъ романа Загоскина „Юрій Милославскій“ (Хрестом. Отд. I).

Вопросы: Какая вступительная картина и зачѣмъ она нужна была автору? Какія сцены представляетъ онъ—обстановку, дѣйствующія лица, содержаніе ихъ рѣчей и значеніе каждой сцены въ общемъ ходѣ? На сколько частей можно раздѣлить рѣчь Минина? Въ чемъ авторъ выразилъ ея послѣдствія? Какое чувство родилось въ немъ при воспоминаніи объ этомъ событіи? Какая сцена изъ всѣхъ можетъ назваться самою главною? Какое впечатлѣніе произвела рѣчь на лица, представленныя авторомъ? Какъ въ нихъ выразился патріотизмъ? Какими качествами отличался Милославскій и въ чемъ можно видѣть причину его страданій? Какой могъ найти онъ исходъ изъ своего тяжелаго положенія? Чѣмъ отличается отъ него положеніе Минина? Какія душевныя качества выказываются въ его рѣчахъ и поступкахъ? Въ какихъ сценахъ и лицахъ выразилось религіозное чувство въ связи съ любовью къ родинѣ.

Вступленіе описываетъ утро того дня, когда «раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: умремъ за вѣру православную и святую Русь». Это описаніе автору нужно было для того, чтобы сильнѣе представить дѣйствіе набата въ Нижнемъ Новгородѣ въ минуту общей тишины ранняго утра. Отсюда уже какъ слѣдствіе рисуется рядъ разнообразныхъ сценъ. Первая изъ нихъ представляется въ комнатѣ Юрія Милославскаго. Въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ высказывается недоумѣніе и неизвѣстность о причинѣ набата и выражается уличное движеніе народа. Они выходятъ изъ дома, что̀ даетъ автору возможность перейти къ изображенію сценъ въ народной средѣ. Изъ разговоровъ бѣгущихъ лицъ уже выясняется и причина набата, и общее

чувство, всѣхъ одушевляющее; будетъ говорить на городской площади Козьма Мининъ, затѣвается патріотическое дѣло противъ супостатовъ, любовью къ родинѣ бьются всѣ сердца. Затѣмъ сцена на площади, куда изъ всѣхъ улицъ стремится народъ; въ сторонѣ соборные храмы, посрединѣ лобное мѣсто; на немъ изъ шумящей толпы появляется Козьма Мининъ, по знаку котораго водворяется общая тишина: онъ начинаетъ говорить народу. Рѣчь его дѣлится на три части и каждая сопровождается народнымъ одобреніемъ. Въ первой говорится о бѣдствіи отечества и о необходимости спасти его, во второй—рѣшеніе идти всѣмъ къ Москвѣ и совѣтъ выбрать воеводою князя Пожарскаго; въ третьей—убѣжденіе пожертвовать всѣмъ добромъ для содержанія ратныхъ людей. Далѣе представляется слѣдствіе этой рѣчи: народъ нарекаетъ Минина выборнымъ человѣкомъ отъ всей земли; церковь благословляетъ народное рѣшеніе и тѣмъ даетъ надежду на успѣхъ; восторгъ самого автора при воспоминаніи о томъ великомъ событіи. Вся эта сцена можетъ назваться главною во всемъ разсказѣ, такъ какъ всѣ предыдущія сцены составляютъ только приготовленіе къ ней, всѣ послѣдующія — не что иное, какъ ея слѣдствія. Послѣ нея авторъ показываетъ, какъ народъ исполнялъ свое рѣшеніе, быстро снося къ выборному отъ всей земли свое добро. Затѣмъ дѣлаетъ переходъ къ дѣйствующимъ лицамъ романа, какъ уже знакомымъ читателю, и представляется, какое впечатлѣніе на нихъ произвела рѣчь Минина. Тяжелое чувство одиночества посреди народа, одушевленнаго однимъ священнымъ чувствомъ, душевная борьба заставляютъ Юрія Милославскаго удалиться съ площади, и тутъ новая сцена: отдаленное предмѣстье, небольшая хижина, у воротъ ея скамейка, вдали по узкой улицѣ видится Волга; дѣйствующія лица: Юрій Милославскій и столѣтній старикъ съ женщинами. Авторъ приводитъ ихъ разговоръ для того, чтобы представить то страшное отчаяніе, къ которому привело Милославскаго двусмысленное его положеніе. Наконецъ послѣдняя сцена на берегу Волги между Мининымъ, Милославскимъ и его слугою заключается въ разговорѣ, сущность котораго представляетъ переходъ Милославскаго отъ отчаянія къ надеждѣ.

Нельзя сказать, что историческую сторону этого разсказа авторъ представилъ вѣрно съ дѣйствительностью. Минину недостаетъ ни въ поступкахъ, ни въ рѣчи той простоты, которая вытекала изъ его общественнаго положенія; проще должны были относиться къ нему и нижегородскіе горожане. Впрочемъ, главная цѣль автора здѣсь была представить проявленіе любви къ отечеству въ разныхъ личностяхъ, сообразно съ ихъ положеніемъ и обстановкой, что̀ и составляетъ общую внутреннюю связь между всѣми сценами. Прослѣдимъ же и мы дѣйствія всѣхъ этихъ личностей. Начнемъ съ Милославскаго, какъ главнаго лица въ романѣ. Въ горячей любви къ родинѣ онъ не уступалъ никому. Это чувство и заставило его послѣдовать Москвѣ и присягнуть польскому королевичу: „я былъ увѣренъ, говорилъ онъ Минину въ послѣдней сценѣ, и теперь еще.. да, и теперь еще надѣюсь, что сей жертвою мы спасемъ отъ гибели наше отечество“. Это же чувство поставило его въ противорѣчіе съ народными стремленіями, когда народъ задумалъ спасти родину отъ господства поляковъ, и такъ открыто, съ такимъ одушевленіемъ выражалъ свой патріотизмъ. Сердце Милославскаго было на сторонѣ народа; онъ радъ бы былъ присоединиться къ нему, готовъ бы былъ пожертвовать всѣмъ, лишь бы встать въ его ряды и такъ же открыто, какъ онъ, высказать свои чувства. Но въ его глазахъ присяга была дѣломъ священнымъ. Онъ былъ прежде всего честный человѣкъ. А такому человѣку измѣнить честному слову, которое онъ далъ добровольно, все равно, что запятнать себя безчестнымъ поступкомъ. Онъ не могъ рѣшиться на это, и тутъ-то источникъ его внутренней борьбы и душевныхъ страданій. Положеніе дѣйствительно тяжелое. Присоединиться къ народу, значитъ идти противъ того, съ кѣмъ связанъ честнымъ словомъ—понятіе о чести не допускаетъ этого. Остаться на сторонѣ королевича, значитъ идти противъ народа, который будетъ проливать кровь за свое дорогое отечество, пожертвовавъ для его освобожденія всѣмъ своимъ достояніемъ — патріотическое чувство Милославскаго не могло допустить и этого. А тутъ еще воспоминаніе добраго сына о наставленіяхъ любимаго отца—не забывать „что Милославскіе всегда

стояли грудью за правду и за святую Русь",—въ томъ состояла доблесть всего рода. Отступить отъ нея, значитъ покрыть стыдомъ свой родъ, не исполнить отцовскаго завѣщанія, накликать на себя проклятіе изъ-за могилы. Такимъ образомъ, всѣ лучшія чувства въ человѣкѣ явились въ противорѣчіи между собою и все потому, что онъ, увлекшись однимъ изъ нихъ, поставилъ себя въ ложное положеніе къ своей родинѣ. Правда, еслибы онъ могъ хладнокровно обсудить дѣло, то нашелъ бы себѣ исходъ изъ своего страдательнаго положенія и успокоилъ бы свою совѣсть, приставъ къ народу за общее дѣло: онъ присягалъ польскому королевичу Владиславу, а не полякамъ и не польскому королю Сигизмунду, присягалъ съ условіемъ, чтобы Владиславъ былъ московскимъ царемъ, принялъ православіе и проч. Но если поляки завладѣли Москвою и хотѣли управлять всею Русью, если Владиславъ не исполнялъ условій, то и присяга ему дѣлается уже недѣйствительною. Народное волненіе такъ нечаянно застало Милославскаго, въ такое смятеніе привело всѣ его чувства, что онъ не могъ обсудить сразу своего положенія, и лишь послѣ долгой борьбы остановился на мысли, что „есть еще клятва, передъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя".

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился Козьма Мининъ. Онъ ничѣмъ не былъ связанъ, поэтому могъ дѣйствовать свободно. Онъ высказывалъ открыто свою страстную любовь къ родинѣ, зная, что никто не можетъ за это осудить его. Совѣсть его также не могли потревожить никакія другія обязательства. Подобно Милославскому, онъ сильно страдалъ за бѣдствія родной земли; но у него не могло быть той внутренней борьбы, какая Милославскаго довела до отчаянія. Онъ, напротивъ, нашелъ въ себѣ силы заявить передъ всѣми свое чувство не только словомъ, но и дѣломъ. Подвигъ его еще болѣе возвышается скромностью, какую онъ при этомъ выказалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поднять народъ на защиту своего угнетеннаго отечества—дѣло великое, и человѣкъ, въ томъ успѣвшій, можетъ похвалиться своимъ подвигомъ. Но Мининъ какъ будто и не сознаетъ его. „Я первый заговорилъ, отвѣчаетъ онъ Милославскому, такъ что-жъ?..

великое дѣло... нельзя-жъ всѣмъ разомъ говорить; не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій... Я ничѣмъ другихъ не лучше... всѣ граждане наперерывъ другъ передъ другомъ отдавали свои имущества. На мнѣ хоть это платье осталось; а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвалиться?“ Значитъ, то дѣло въ его глазахъ было самое обыкновенное. Еще одна рѣзкая черта выдается въ его характерѣ, это—сердечная доброта, умѣнье понять страданіе другого и облегчить его теплымъ словомъ участія. Другой на его мѣстѣ, съ тою же пламенною любовью къ родинѣ, могъ бы отнестись съ укоромъ къ Милославскому, какъ къ человѣку, который не можетъ дѣйствовать съ нимъ заодно; и гнѣвъ, и досада его были бы законны, но изъ нихъ не вышло бы ничего благотворнаго. Мининъ поступилъ иначе: онъ сразу угадалъ въ сердцѣ Милославскаго больное мѣсто и коснулся его чрезвычайно осторожно и нѣжно. И посмотрите, какое чудное слѣдствіе отъ этого въ высшей степени человѣколюбиваго отношенія одного лица къ другому. Мининъ вывелъ Милославскаго изъ отчаянія, успокоилъ его, далъ возможность обсудить свое положеніе и найти въ себѣ силы дѣйствовать, какъ прилично и патріоту, и честному человѣку. Въ такомъ прекрасномъ образѣ представляется намъ Мининъ въ разсказѣ Загоскина.

Во всѣхъ второстепенныхъ лицахъ въ изображаемый моментъ любовь къ отечеству является также преобладающимъ чувствомъ. Алексѣй, слуга Милославскаго, бѣднякъ, ничего не имѣющій, могъ только плакать отъ умиленія, да снять съ себя серебряный крестъ, единственное свое сокровище, какъ знакъ родительскаго благословенія съ намѣреніемъ положить его въ общую груду пожертвованій. Запорожецъ Кирша отдаетъ все, что накопилъ въ своей походной жизни и, какъ суровый казакъ, неохотно признается, что и его сердце размягчилось, и лишь невольная слеза измѣняетъ ему. Столѣтній дѣдъ, не имѣя возможности, по своему крайнему безсилію, участвовать въ общемъ дѣлѣ, хочетъ по крайней мѣрѣ быть со всѣми въ толпѣ и послушать, что́ будутъ говорить о спасеніи родины, чтобы хоть заявить свою радость, глядя на ревность другихъ. Посадскій хочетъ не только самъ идти

противъ врага, а взять и своего двѣнадцатилѣтняго сына: „авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ, и то слава Богу!“ Возраженіе жены, на кого же онъ покинетъ ее и другихъ малолѣтнихъ дѣтей, не имѣетъ для него силы. Полнѣе этого не могло въ немъ выразиться чувство, охватившее его сердце. Наконецъ на площади: „все многолюдное собраніе народа составляло въ ту минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братской любовью обнимали другъ друга“.

Съ выраженіемъ любви къ родинѣ у всѣхъ соединялось и религіозное чувство: отечество и вѣра составляли какъ бы одно нераздѣльное цѣлое. И въ обращеніи Минина къ соборнымъ храмамъ, и въ рѣчи его, и въ восклицаніяхъ народныхъ, и въ крестномъ ходѣ духовенства, смѣнившаго на лобномъ мѣстѣ Минина, и въ молитвѣ архимандрита Ѳеодосія, и въ замѣчаніи посадскаго, что онъ такой же православный, какъ и всѣ, какъ же ему не идти на защиту родины, словомъ, вездѣ чувство патріотическое и религіозное сливаются вмѣстѣ, такъ что одно какъ бы находитъ себѣ выраженіе въ другомъ. Притомъ каждое лицо, какъ мы видѣли, выражаетъ ихъ по-своему, сообразно съ своими средствами и обстановкою.

Въ моей хрестоматіи приведены нѣкоторые монологи Минина изъ драматической хроники Островскаго „К. З. Мининъ“. Изъ нихъ ученикъ можетъ вывести характеристику Минина и сравнить его съ Мининымъ Загоскина.

Мы привели разборы этихъ произведеній для примѣра, не имѣя въ виду предпочитать ихъ многимъ другимъ, изъ которыхъ можно сдѣлать обильный выборъ. Мы только хотѣли показать на какіе вопросы особенно слѣдуетъ обращать вниманіе при первоначальныхъ опытахъ съ учениками, начинающими заниматься изученіемъ литературы. Главная цѣль здѣсь должна состоять въ томъ, чтобъ пріучать ихъ ясно понимать поэтическій языкъ, разсматривать поэтическіе образы въ отношеніи мысли и формы, видѣть логическое

развитіе идеи, внутреннюю связь между частями, вникать въ построеніе сочиненія въ зависимости отъ основной мысли. Здѣсь должно останавливать каждое поэтическое выраженіе, каждый образъ, затѣмъ каждая картина и сцена и все въ связи между собою, чтобы не терялась изъ виду общая нить произведенія, логическая связь; изъ всего этого наконецъ уже составляется понятіе о цѣломъ произведеніи, стройность и красоту котораго ученикъ долженъ почувствовать самъ безъ всякихъ восхваленій со стороны учителя.

Конечно, всѣ такія бесѣды должны непремѣнно соединяться съ письменными домашними упражненіями. Ученики должны трудиться дома надъ связнымъ изложеніемъ того, что̀ изслѣдовалось, выводилось и добывалось общими усиліями въ классѣ. Къ этому же, по образцу уже сдѣланныхъ разборовъ, можно назначать и другіе подобные же для самостоятельныхъ работъ, причемъ только слѣдуетъ опредѣленно указывать, какіе именно вопросы долженъ ученикъ прослѣдить въ заданномъ произведеніи. Такъ, напр., изъ сцены въ Чудовомъ монастырѣ (Борисъ Год. Пушк.) сперва онъ можетъ изложить содержаніе каждаго монолога, уничтоживъ діалогическую форму, потомъ прослѣдить, какія мысли развиваетъ то и другое лицо, какія мысли одного вызываютъ мысли другого, въ чемъ онѣ несогласны, затѣмъ отмѣтить выраженія, въ которыхъ видится Пименъ какъ монахъ, какъ лѣтописецъ, какъ старикъ, какъ человѣкъ опытный, или Григорій какъ юноша, какъ человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, что-то замышляющій и проч.; наконецъ уже опредѣлить главныя черты каждаго изъ этихъ лицъ. Или въ отрывкѣ изъ Капитанской дочки Пушкина „Марья Ивановна“ раздѣлить разсказъ по мѣсту дѣйствія, разсмотрѣть части по обстановкѣ, лицамъ и ихъ рѣчамъ, указать на внутреннюю связь между частями и собрать изъ разныхъ сценъ всѣ качества, которыя могутъ дать понятіе о Марьѣ Ивановнѣ, объ императрицѣ, объ Аннѣ Власьевнѣ и проч. Или по пѣснѣ Гомера „Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса“ вывести греческія религіозныя вѣрованія, развитіе мыслей Пріама въ связи съ его плачевнымъ положеніемъ, развитіе мыслей Ахиллеса, вызванныхъ рѣчью Пріама, отсюда изображеніе той и другой личности, какъ несчаст-

наго человѣка, какъ сына, и проч. Для всѣхъ подобныхъ упражненій можно найти довольно матеріала во всѣхъ хрестоматіяхъ.

Послѣ такихъ упражненій можно выбирать произведенія болѣе обширныя и цѣльныя, преимущественно эпическія, въ которыхъ жизнь выражается многостороннѣе и въ которыхъ можно слѣдить за полнымъ развитіемъ основной мысли писателя, характеровъ и за отношеніемъ лицъ между собою. Вопросы здѣсь касаются и содержанія, и формы, и жизни, и теоріи. Здѣсь должны разъясняться дѣйствительность и идеальная сторона жизни, опредѣляться личность писателя въ его цѣляхъ и намѣреніяхъ, въ его отношеніи къ изображаемой дѣйствительности; наконецъ, не послѣднее мѣсто долженъ занимать вопросъ, какими литературными средствами и способами пользовался писатель, и отсюда дѣлать опредѣленіе формы и всѣхъ ея частей, равно какъ и ея соотвѣтствія съ содержаніемъ. Искусство преподавателя здѣсь должно заключаться въ распредѣленіи вопросовъ, чтобы ученики могли искать на нихъ отвѣтовъ въ самомъ произведеніи и чтобы съ каждымъ вопросомъ находили новый интересъ, не утомляясь безпрестаннымъ повтореніемъ или переборомъ однихъ и тѣхъ же сценъ, картинъ, описаній и фактовъ, что очень скоро можетъ наскучить. Письменныя упражненія и здѣсь должны быть въ тѣсной связи съ классными бесѣдами.

Представляемъ нѣсколько разборовъ, какъ отвѣты на главные вопросы, вытекающіе изъ того или другого произведенія; но само собою разумѣется, что мы не можемъ изобразить самой бесѣды во всѣхъ подробностяхъ, которыя зависятъ отъ ученическихъ отвѣтовъ и отъ разныхъ непредвидимыхъ случайностей, дающихъ вопросамъ другое расположеніе или другую связь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самой бесѣдѣ особенный интересъ. Нерѣдко этотъ интересъ возбуждаетъ какая-нибудь одна живая личность изъ учениковъ или своими вопросами, или отвѣтами, и поддерживаетъ общее оживленіе, привлекая серьезное вниманіе товарищей къ той или другой части разбираемаго произведенія. Передать все это нѣтъ возможности въ нашихъ сжатыхъ разборахъ, которые поэтому

не могутъ вполнѣ представить той образовательной силы, какая заключается въ самыхъ бесѣдахъ.

---

8) Разбирается басня Крылова „Оселъ и Соловей".

Вопросы: Какъ авторъ относится къ предмету своего повѣствованія? Съ какой цѣлью онъ разсказываетъ эту басню? Соотвѣтствуетъ ли форма басни его цѣли, и почему онъ могъ предпочесть эту форму всѣмъ другимъ? Какъ животныя представляются въ баснѣ? Почему авторъ выбралъ осла, соловья и пѣтуха? Какъ развивается дѣйствіе? Въ какихъ изображеніяхъ заключается ироніа? Изъ какой среды авторъ заимствуетъ картины и выраженія? Всѣ ли картины и образы могутъ быть названы народными и общепонятными? Все ли представлено авторомъ естественно?

Писатель встрѣчалъ въ жизни людей, которые самоувѣренно, точно знатоки, судили о дѣлахъ и предметахъ, не имѣя въ нихъ ни малѣйшаго понятія: такъ иной судитъ о поэзіи и поэтѣ, другой объ артистѣ, третій объ ученыхъ трудахъ кого-либо. Противорѣчіе, какое заключается въ подобномъ судьѣ между самоувѣренностью и невѣжествомъ, конечно, должно возбуждать въ наблюдателѣ насмѣшку; съ нею-то Крыловъ и относится къ этому явленію. Онъ могъ бы представить его и въ повѣсти, и въ комедіи, но въ такомъ случаѣ ему должно бы было позаботиться изобразить и характеры отдѣльныхъ лицъ, и ихъ стремленія, и интересы, словомъ, все то, чѣмъ въ жизни человѣкъ заявляетъ свою личность. Но поэтъ хочетъ указать только на дѣйствіе, на явленіе, встрѣчающееся въ жизни, выставивъ его смѣшную сторону, не распространяясь о самыхъ лицахъ. Для этого онъ составляетъ коротенькій разсказъ, вмѣсто людей введя въ дѣйствіе животныхъ. Такое изображеніе имѣетъ ту выгоду, что въ каждомъ животномъ развито какое-нибудь качество, свойственное и людямъ, такъ, напр., въ волкѣ мы видимъ страсть къ хищничеству, въ лисицѣ—хитрость, въ обезьянѣ—перемчивость и безобразіе, въ свиньѣ—неряшество и пр. Слѣдовательно, писатель, представляя людей въ образѣ животныхъ, не имѣетъ нужды распространяться объ ихъ характерахъ, привычкахъ, стремленіяхъ; и безъ того мы

знаемъ, какія свойства соединяются съ тѣмъ или другимъ животнымъ; довольно назвать, напр., овцу, чтобъ представить себѣ кроткое и безсильное существо. Автору остается здѣсь только развивать дѣйствіе сообразно съ свойствами названныхъ животныхъ. Такимъ образомъ самый разсказъ значительно сокращается, а изображеніе жизни черезъ это нисколько не теряетъ, потому что животныя, не выходя изъ своей сферы, представляютъ намъ и поступки, и обычаи, и рѣчи людей. Они только въ одномъ противорѣчатъ себѣ—думаютъ и говорятъ по-человѣчески. Поэтому такіе разсказы и называются *баснями*, т.-е. вымысломъ, разсказомъ о событіи недѣйствительномъ, хотя на самомъ дѣлѣ событіе то берется изъ жизни людской, но только прикрывается мнимымъ дѣйствіемъ животныхъ или растеній, или даже неорганическихъ существъ. „Истина сноснѣе вполоткрыта“ говоритъ тотъ же Крыловъ, и, держась этого взгляда, онъ любитъ изображать жизнь *иносказательно* или *аллегорически*, т.-е. уподоблять дѣйствію разнородныхъ предметовъ дѣйствіе людей, или, иначе, представить дѣйствіе въ одной сферѣ, а разумѣть совсѣмъ другую. Значитъ, иносказаніе или аллегорія можетъ заключаться не только въ баснѣ, но и въ другой формѣ, напр., въ стихахъ:

«Лишь солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко-рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень холодно».

дѣйствіе выражается аллегорически. Здѣсь подъ именемъ солнца разумѣется счастіе, подъ именемъ холода—несчастіе; и мысль обыкновеннымъ языкомъ выскажется такъ: счастливый рѣдко разумѣетъ несчастнаго. Здѣсь аллегорія употреблена съ разсчетомъ сильнѣе подѣйствовать на воображеніе живописнымъ изображеніемъ мысли.

И такъ, Крыловъ, остановившись надъ извѣстнымъ явленіемъ въ жизни, выбралъ аллегорическій способъ для его изображенія. Онъ имѣетъ въ виду представить искуснаго артиста или пѣвца и невѣжественнаго судью или критика. Для этого онъ беретъ соловья, какъ птицу, отличающуюся передъ всѣми своимъ чуднымъ пѣніемъ. Слѣдовательно,

выборъ сдѣланъ удачно, такъ какъ соловья болѣе, чѣмъ кого-либо, можно уподобить талантливому артисту. Судьею является оселъ, съ которымъ у насъ связывается понятіе о глупости и тупости; его уже не нужно описывать. Поэтъ такъ и дѣлаетъ, начавъ свой разсказъ прямо съ развитія дѣйствія. Сначала слѣдуетъ вызовъ со стороны осла, который самъ хочетъ повѣрить чужіе толки о соловьиномъ пѣніи. Такъ какъ вся сила разсказа должна заключаться въ противорѣчіи между невѣжественнымъ судомъ осла и чуднымъ искусствомъ соловья, то, разумѣется, поэту необходимо было остановиться надъ предметомъ суда, т.-е. изобразить соловьиное искусство, представивъ, что оно дѣйствительно очаровательно. И въ самомъ дѣлѣ, онъ мастерски изобразилъ его, оставшись притомъ совершенно вѣрнымъ природѣ. Затѣмъ показываетъ живое впечатлѣніе, какое артистъ соловей произвелъ на все окружающее, и наконецъ переходитъ къ ослиному суду, который составляетъ другую существенную часть разсказа. Судья снисходительно отзывается о пѣніи и только жалѣетъ, что соловей незнакомъ съ пѣтухомъ. Пѣтухъ здѣсь выбранъ для того, чтобы безъ лишнихъ словъ изобразить ослиный вкусъ: въ чемъ можетъ быть больше противоположности, какъ не въ пѣньи соловья и пѣтушиномъ крикѣ? Въ этомъ изображеніи главнымъ образомъ и сосредоточивается иронія писателя и далѣе усиливается совѣтомъ соловью немножко поучиться у пѣтуха, чтобы навостриться еще больше. Что оставалось дѣлать соловью при такомъ совѣтѣ? То, что онъ и сдѣлалъ:

Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

Такимъ образомъ аллегорія и иронія составляютъ основаніе литературной обработки этого разсказа; аллегорія основывается на сходствѣ, иронія на противоположности. Такъ какъ дѣйствіе взято изъ ежедневной жизни, изъ среды многочисленной, то и картины и самыя выраженія заимствуются оттуда же; слѣдовательно, слогъ соотвѣтствуетъ понятіямъ и воззрѣніямъ этой самой среды. Особенно въ рѣчахъ осла слышится языкъ, который выработался въ массѣ и который мы обыкновенно называемъ народнымъ языкомъ: Послушай-

ка дружище, ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище... велико-ль подлинно твое умѣнье... Изрядно, сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно"... Крыловъ большой мастеръ выражаться въ народномъ духѣ; но тутъ же рядомъ съ такими выраженіями встрѣчаются у него и другія, которыя никакъ не идутъ въ тонъ съ ними, напр., „внимало все тогда любимцу и пѣвцу *Авроры*". Этотъ образъ, заимствованный изъ чужихъ вѣрованій, изъ чужой поэзіи, непонятенъ тому, кто незнакомъ съ миѳологіей древнихъ, и разногласитъ съ картинами, взятыми изъ русской жизни, что̀ конечно вредитъ общему колориту рѣчи и мѣшаетъ простому неученому русскому человѣку понимать одинаково всѣ части басни Крылова, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ критиковъ, утверждающихъ, будто басни его доступны наравнѣ и дѣтямъ, и взрослымъ, и ученымъ и неученымъ. Такое смѣшеніе картинъ и выраженій очень часто встрѣчается у Крылова. Даже извѣстная басня „Гуси", представляя картину, повидимому, изъ народной жизни, въ то же время можетъ быть ясно понята только тѣми, кто знакомъ съ римской исторіей.

Говоря далѣе о впечатлѣніи, какое соловей произвелъ своимъ пѣніемъ на все окружающее, Крыловъ впадаетъ уже въ преувеличеніе и представляетъ изображеніе неестественное: „затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада".

Стихи, сами по себѣ живописные и прекрасные, въ то же время выражаютъ ложь по отношенію къ дѣйствительности: „затихли вѣтерки, слушая пѣнье соловья", тутъ нѣтъ естественной картины, да и стада врядъ ли могли прилечь для той же цѣли. Наконецъ, картина пастушка съ пастушкой взята не изъ дѣйствительности, а изъ той воображаемой счастливой пастушеской жизни, которая описывалась въ разныхъ повѣстяхъ въ юные годы Крылова,—картина, чуждая русской жизни. Все это показываетъ, что писатель не можетъ совершенно отдѣлиться отъ своего времени и отстать отъ привычекъ и даже вкуса того общества, среди котораго онъ воспитался и дѣйствуетъ. Въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго у насъ любили обращаться

за поэтическими образами и картинами къ древней миѳологіи и исторіи; увлекались тоже такъ называемою пастушескою поэзіею, гдѣ изображалось истинное счастье небывалыхъ пастушковъ, которые видѣли цѣль и сладость жизни въ одной любви пастушекъ. Такая поэзія развилась въ литературѣ западныхъ народовъ, перешла къ намъ и вызвала подражаніе. Отъ пристрастія ко всѣмъ этимъ картинамъ не уберегся и Крыловъ. Такимъ образомъ можно сказать, что онъ писалъ свои басни не для всего народа, а для современнаго ему образованнаго общества, несмотря на простоту разсказа, на народный складъ его рѣчи и на все то, что даетъ имъ названіе народныхъ произведеній.

9) Разбирается басня Крылова „Лжецъ".

Вопросы: Какія качества выказываетъ въ себѣ лжецъ? Съ какою цѣлью онъ лжетъ? Можно ли видѣть, что онъ и глупъ, и необразованъ? Какимъ передъ нами является его пріятель? Можно ли извинить его ложь? Въ какое положеніе она поставила лжеца? Какое явленіе, подмѣченное въ жизни, хотѣлъ авторъ высказать въ этой баснѣ? Какія противорѣчія вызываютъ въ авторѣ иронію, и какъ она развивается въ баснѣ?

— —

Передъ нами два человѣка. Одинъ, возвратившись изъ путешествія, хвалится и лжетъ и въ своихъ рѣчахъ раскрываетъ передъ нами всю свою мелкую натуру. Страдая глупымъ честолюбіемъ—выставить себя на видъ передъ другими, отличить себя отъ толпы какими-нибудь достоинствами, онъ въ то же время не находитъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ истинныхъ достоинствъ, которыя дѣйствительно могутъ возвысить человѣка даже противъ его воли. Поэтому онъ смотритъ на свое путешествіе, какъ на личное достоинство, которое можетъ привлечь къ себѣ общее вниманіе. Если бы въ этомъ путешествіи онъ сдѣлалъ какое-либо важное открытіе или изслѣдованіе, или многосторонне образовалъ себя, то, конечно, и оно могло бы отличить его и сдѣлаться важнымъ достоинствомъ; но въ немъ онъ не подмѣтилъ даже ни одного предмета, о которомъ бы могъ разсказать что-нибудь занимательное, чтобы въ другихъ возбудить нѣкото-

рую зависть, и хотя бы этимъ выказать себя, что́ и дѣлаютъ многіе путешественники, не вывезя изъ путешествія ничего болѣе существеннаго и полезнаго. Найдя въ своей памяти совершенную пустоту, онъ хочетъ основать свое достоинство на выдумкахъ, на лжи, и здѣсь-то является передъ нами не только глупцомъ, но и совершеннымъ неучемъ. Говоря небылицы, изображая то, чего не можетъ и быть въ природѣ, онъ предполагаетъ, что другіе повѣрятъ ему, слѣдственно, считаетъ свои сказки возможными въ дѣйствительности — тутъ-то и высказывается его полное невѣжество.

Каждый человѣкъ, сколько нибудь знакомый съ математической географіей, какъ бы наглъ онъ ни былъ, не рѣшится передъ образованнымъ человѣкомъ утверждать, что есть такая страна, гдѣ „не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь и круглый годъ все видишь майскій день“. Онъ понялъ бы, что такимъ описаніемъ сразу бы выдалъ свою ложь. Но если на ней онъ хочетъ основать все свое достоинство, то значитъ и самъ не подозрѣваетъ всей ея нелѣпости. Разумѣется, въ такое положеніе можетъ поставить себя только неучъ. Отъ описанія подобныхъ странъ до разсказа о великанѣ-огурцѣ уже ничтожный шагъ для нашего смѣлаго путешественника.

Его пріятель, какъ человѣкъ образованный, не могъ тотчасъ же не замѣтить, какого сорту особу ему приходится слушать. Остановить его на первыхъ же словахъ, сказать, что онъ говоритъ небылицу, значитъ, заставить его увѣрять что это правда, а можетъ быть, даже вызвать на ссору. Такимъ путемъ довести до сознанія во лжи было бы трудно. Пріятелю пришла мысль дать чувствительный урокъ лжецу, поставивъ его въ необходимость такъ или иначе высказать это сознаніе. Сообразивъ, какимъ неучемъ явился разсказчикъ въ своихъ описаніяхъ, онъ нашелъ удобнымъ обратить противъ него собственное же его оружіе, т.-е. такую же грубую ложь. Успѣхъ былъ вѣренъ, и если лжецъ вѣрилъ въ возможность такой страны, гдѣ не знаютъ вѣкъ, что есть ночная тѣнь, то онъ долженъ былъ повѣрить и тому, что можетъ существовать чудесный мостъ, который никакъ

не подымаетъ лжеца. Эта вѣра тотчасъ же выразилась вопросомъ: „а какова у васъ рѣка“ и затѣмъ естественнымъ желаніемъ какъ-нибудь выпутаться изъ непріятнаго положенія. Онъ забавно начинаетъ хитрить самъ съ собой, уменьшая размѣры огурца. Самолюбіе не позволяло сознаться сразу въ своей лжи. Но такъ какъ и уменьшенные размѣры были далеки отъ нормальной величины огурца, то пріятель хитро продолжалъ указывать на чудное свойство моста, прикидываясь, что нисколько не сомнѣвается въ дивѣ, о которомъ сообщаетъ хвастливый путешественникъ. Но тому остается еще одна увертка, чтобы не обнаружить своей лжи, провалившись черезъ мостъ постыднымъ образомъ — миновать его и пройти тамъ, гдѣ есть возможность стоять на своей выдумкѣ, хотя, можетъ быть, и придется свернуть съ прямой дороги, сдѣлать обходъ, вымочиться и загрязниться. Но тутъ-то онъ незамѣтно и высказалъ сознаніе въ своей лжи: „чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду“. Этого только и нужно было пріятелю. Употребляя также ложь, слѣдственно средство безнравственное, онъ не является передъ нами, подобно путешественнику, глупымъ лжецомъ, человѣкомъ пустымъ и ничтожнымъ; напротивъ, въ немъ мы видимъ человѣка умнаго, образованнаго, нравственнаго; ложь здѣсь нисколько не унижаетъ его, потому что ею онъ хочетъ вывести лжеца на чистую воду, поразить его собственнымъ же его оружіемъ, слѣдственно проучить его. Въ основаніи и въ намѣреніяхъ такой лжи нѣтъ ничего безнравственнаго и она не подлежитъ осужденію.

Изъ всего этого разбора легко опредѣлить цѣль, съ какою разсказана басня.

Автору нужно было изобразить подмѣченное имъ явленіе въ жизни, что человѣкъ, живущій ложью и любящій пускать ею пыль въ глаза, предпочитаетъ прямому пути окольные, хотя бы ихъ и нужно было проходить съ нѣкоторыми затрудненіями; но тамъ онъ не провалится, а всегда вывернется, замаскируется, найдетъ средство выдти сухимъ изъ воды, а если и мокрымъ, то всякій знаетъ, что онъ шелъ въ бродъ и что при такомъ обстоятельствѣ мокрымъ быть очень естественно. Чтобъ идти по прямому пути, нужно быть у всѣхъ

на виду, слѣдственно, безпрестанно наталкиваться на такія обстоятельства и на такихъ людей, которые тотчасъ раскроютъ ложь и изобличатъ хвастуна или шарлатана.

Иронія автора сосредоточивается въ послѣднемъ стихѣ: „чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду". Но къ ней онъ подготовляетъ насъ предшествующимъ разговоромъ, поставивъ лжеца въ смѣшное положеніе, въ противорѣчіе съ самимъ собою; въ немъ борется страхъ провалиться черезъ мостъ съ неохотою сознаться во лжи. Подъ вліяніемъ страха онъ даже забылъ цѣль своего хвастовства и уже старается низвести до степени обыкновенной вещи то чудо, которымъ хвалился, вмѣняя себѣ въ достоинство то, что видѣлъ его. Римъ у него уже дѣлается похожимъ на деревню: „не думай, что вездѣ по нашему хоромы; что тамъ за домы: въ одинъ двоимъ за-нужду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть". Теперь и огурецъ сталъ уже „не такое диво", какимъ сначала хотѣлось его представить лжецу и одно воспоминаніе о которомъ вызвало возгласъ: „ахъ, мой Творецъ, и по сію не вспомнюсь пору!" Думая обмануть, неучъ-лжецъ самъ ловко вдается въ обманъ. Всѣ эти противорѣчія мало-по-малу усиливаютъ иронію, которая отъ легкой улыбки переходитъ въ смѣхъ.

Живости разсказа много способствуетъ діалогическая форма изложенія, къ которой авторъ перешелъ тотчасъ же, лишь только сообщилъ необходимыя при этомъ обстоятельства. Хотя здѣсь мы и не находимъ аллегорическаго изображенія, но названіе басни оправдывается возможностью уподобить этому разсказу всякое явленіе жизни, гдѣ лжецъ старается разными хитрыми уклоненіями не допустить обличить себя во лжи.

---

10) Разбирается идилія Майкова „Дурочка Дуня".

Вопросы: Какъ Дуня относилась къ природѣ? Какія способности въ ней не были развиты и какія развились подъ вліяніемъ природы? Какая отличительная черта ея характера? Какъ она относится къ людямъ? Можно ли гибель Дуни назвать случайностью? Не заключалась ли причина погибели въ собственномъ положеніи дѣвушки? Отчего безъ нея не стало въ домѣ души? Какъ представляется намъ сама разсказчица? Въ чемъ она видитъ

причину гибели своей внучки и въ чемъ находитъ себѣ утѣшеніе? Какая является главная черта во всемъ разсказѣ? Сообразно съ нею какъ можно опредѣлить сущность идиліи?

Разсказываетъ бабушка о своей внучкѣ Дунѣ, которую она называетъ дурочкою. Изъ ея разсказа мы можемъ ясно опредѣлить отношеніе Дуни къ природѣ и къ людямъ. Съ природой у нея была особенно тѣсная связь въ родѣ дружбы; казалось, только ее одну дѣвушка и понимала; но на самомъ дѣлѣ она ничего не понимала, а отдавалась безотчетно лишь влеченіямъ своей души. Умственныя или познавательныя силы въ ней дѣйствительно не были нисколько развиты, ихъ она была лишена; но зато на ихъ счетъ впечатлѣніями отъ внѣшней природы въ ней сильно развились чувство, воображеніе, фантазія; ими она только и жила, вполнѣ отдаваясь впечатлѣніямъ. Вотъ отчего она любила природу и почти сливала съ нею свою жизнь. Она не умѣла разсуждать, не умѣла задумываться, а быстро отзывалась только на то, что непосредственно дѣйствовало на ея чувство и воображеніе; всѣ порывы ея души тотчасъ же переходили въ дѣйствіе, ничѣмъ не сдерживаемые. Она чувствовала, что живетъ лишь тогда, когда ей удавалось попасть въ лѣсъ или стать среди поля, засмотрѣться на небо, подмѣтить полетъ журавля, слѣдить за нимъ или подманить его къ себѣ, покормить хлѣбомъ, крупою, заговорить съ нимъ особеннымъ языкомъ. Фантазія помогаетъ дѣвушкѣ вести особенную бесѣду съ тою или другою птицею, она воображаетъ, что тѣ понимаютъ ее, воображаетъ, что и сама понимаетъ ихъ языкъ. Она рада, когда ей удается вырваться на улицу, хотя бы и въ снѣгъ; тутъ уже вполнѣ ея сфера: она веселится, скачетъ. Но вотъ употребили противъ нея насиліе—не дали ей предаться ея чувствамъ, взяли ее домой; она перестаетъ жить своею настоящею жизнію—въ уголъ спрячется и плачетъ—въ этомъ лишь и заключалось ея горе. Вотъ отчего она сильно любила и дѣтей, жизнь которыхъ такъ близка къ природѣ, и которыя подобно ей безъ размышленія отдаются всѣмъ требованіямъ и впечатлѣніямъ природы. Такое положеніе мы

обыкновенно называемъ *наивнымъ;* въ немъ жизнь еще не вошла въ тѣ границы и условія, какія опредѣляетъ ей развитой или образованный человѣкъ, а направляется согласно съ душевными порывами, вызванными природою, въ ней сохраняется еще полное согласіе съ требованіями природы. Это-то наивность и составляетъ отличительную черту характера Дуни, но наивность, развитая до крайности, виною чему уже былъ недостатокъ умственныхъ силъ въ дѣвушкѣ. Ей недоступны были и страхи, которые люди сами часто создаютъ себѣ вслѣдствіе ложныхъ понятій о жизни. Поэтому она не боялась спать въ одномъ покоѣ съ мертвецомъ, смотря на смерть, какъ на естественное явленіе природы. Равнымъ образомъ, отдаваясь безотчетно порывамъ своей души, она не стѣснялась ничѣмъ постороннимъ—весело ей, и она поетъ, хохочетъ; что ей нужды, что она похожа на цыганку, удерживать себя для того, чтобы не измять или не замарать платья—такая осторожность и такія требованія ей были совершенно непонятны. Все это поставило ее въ семьѣ въ особенное положеніе. Ея натура не поддавалась подъ тѣ правила воспитанія, которыми каждый малолѣтній членъ семьи приводится въ извѣстныя отношенія къ прочимъ членамъ. Она не могла понять всѣхъ этихъ условій жизни, стѣсняющихъ личную свободу и сдерживающихъ проявленіе внутреннихъ порывовъ и стремленій. Она нарушала общій принятый порядокъ и гармонію въ семьѣ, гдѣ каждый занятъ своимъ дѣломъ, имѣющимъ свою цѣль и свой смыслъ. Разумѣется, ее старались учить, чтобы поставить въ общую колею, но при недостаткѣ разсудка и при пылкомъ воображеніи дѣвушки наука не могла пойти въ прокъ. Ея непониманіе принималось за упрямство, за непослушаніе, своеволіе, за что̀ она и наказывалась. Дуня терпѣла, и не зная, за что́ ее бьютъ, лишаютъ пищи, обходятся съ нею враждебно, стала смотрѣть на людей какъ на злыя созданія и только привязалась къ одной бабушкѣ, показавъ, что ея сердце способно горячо любить, если въ комъ-либо встрѣтитъ любовь и ласки къ себѣ.

Какъ не помогла наука, такъ не помогло и лѣченіе, потому что природу нельзя лѣчить. Что̀ же вышло изъ этой крайней наивности, развившейся, какъ мы видѣли, отъ недо-

статка въ дѣвушкѣ познавательной способности, которая составляетъ въ человѣкѣ весьма важную силу; черезъ нея человѣкъ, пріобрѣтая познанія о природѣ и о самомъ себѣ, становится въ болѣе правильныя отношенія ко всему его окружающему, сознавая силы какъ свои, такъ и другихъ существъ. Дуня погибла не случайно; причина ея гибели заключалась въ самомъ ея положеніи: такъ или иначе она должна была погибнуть. Та же самая природа, которую она такъ любила, которой она такъ безотчетно предалась, и погубила ее. Слушая сказки и исторіи, перемѣшанныя съ вымысломъ, она не могла отличить дѣйствительности отъ вымысла; она вѣрила всему, а пылкая ея фантазія, нисколько не подчиненная разсудку, сильно увлеклась блестящими описаніями южной природы, жизни и искусства. Для нея открылся новый міръ, и очень естественно, если въ ней родилось желаніе самой участвовать въ этой фантастической жизни, самой видѣть всѣ эти красоты природы. Она и не постигала невозможности исполнить свои желанія. Напротивъ, по своей наивности, она стремится желаніе привести тотчасъ же въ дѣйствіе. Всѣ другіе, не понимая ея природы, смотрятъ на ея разсказы, какъ на пустой бредъ, и не обращаютъ никакого вниманія на ея намѣренія, которыхъ она не умѣла даже и скрывать. Отдаваясь вполнѣ природѣ, такъ сказать, сливая съ нею свою жизнь, дѣвушка не была въ состояніи сообразить ни своихъ слабенькихъ силъ, ни громадныхъ силъ природы. Отъ подавляющаго дѣйствія этихъ послѣднихъ она спасалась, пока жила подъ надзоромъ людей. Но вотъ ея намѣренія влекутъ ее къ другой жизни, которою занята ея фантазія, она убѣгаетъ отъ родныхъ и при первомъ же столкновеніи съ природою дѣлается ея жертвою. Слабыя физическія силы человѣка и подавляющія силы природы уравновѣшиваются только умственными силами, которыя сообщаютъ человѣку средства избавляться отъ разрушительнаго и смертоноснаго вліянія природы. У бѣдной Дуни не было этихъ силъ, и природа сразу подавила ее. Въ разсказѣ дѣвушка отправилась въ путь зимой и замерзла. Но на это мы не должны смотрѣть, какъ на простую случайность. Конечно, она бы не замерзла, еслибы ушла лѣтомъ;

зато вмѣсто мороза другая сила природы точно такъ же гибельно могла на нее подѣйствовать: Дуня могла утонуть, или попасть въ когти хищнаго звѣря, или обезсилить отъ голода и проч. Причина ея гибели, какъ мы сказали, заключалась въ ея собственномъ положеніи. Но вотъ ея не стало въ семьѣ, и что же: по сознанію бабушки, „безъ нея замѣтно стало, что души-то въ домѣ нѣтъ“. Она дурочка, безъ всякаго соображенія, въ постоянномъ бреду, составляла душу семьи, что̀ замѣтили только тогда, когда ея не оказалось въ домѣ. Дѣйствительно, всѣ прочіе члены семьи всегда были заняты своими однообразными работами, только одна Дуня своими разсказами, танцами, пѣснями, беззаботною жизнью развлекала это однообразіе. Хотя на ея выходки иногда смотрѣли съ неудовольствіемъ, считая ее человѣкомъ лишнимъ, такъ какъ она ничего не прибавляла къ общему труду, но она, незамѣтно для всѣхъ, составляла поэтическую сторону въ общей семейной жизни: ея фантазія вносила въ прозаическую жизнь труда поэтическій элементъ. Точно такъ, какъ искусство, не принося никакой практической пользы, разнообразитъ жизнь, не даетъ ей потеряться въ ежедневныхъ мелочахъ и разныхъ разсчетахъ, которые все же необходимы въ жизни, а напротивъ, возвышаетъ ее, развивая сочувствіе къ интересамъ обще-человѣческимъ. Оно также незамѣтно составляетъ душу жизни среди постояннаго труда и разныхъ житейскихъ хлопотъ. Это искусство Дуня въ своей семьѣ замѣняла созданіями своей фантазіи, которая иногда вызывала дѣвушку на пляску, иногда внушала ей пѣсню, иногда разсказъ, хотя и похожій на бредъ, но полный живыхъ поэтическихъ образовъ и, что̀ главное, въ нихъ она вѣрила сама и передавала ихъ съ самой искренней дѣтской наивностью, всегда вносящей въ душу слушателя невольную веселость. И когда этой оживляющей силы не стало, тогда только постоянное однообразіе жизни, ничѣмъ не развлекаемое, заставило оцѣнить и дурочку и найти въ ней въ изобиліи то, чего недоставало другимъ и отъ чего жизни трудно отказаться, такъ, чтобъ тотчасъ же не замѣтить въ себѣ запустѣнья.

Во взглядѣ и разсужденіяхъ бабушки является также

много наивности; она долго не разсуждаетъ о разныхъ явленіяхъ жизни, какъ бы несообразны и исключительны ни представлялись они; она слушается только движенія своего сердца; развитое въ ней религіозное чувство миритъ ее со всѣмъ въ жизни и успокоиваетъ ея умъ. Начавъ разсужденіе, отчего Дуня у нихъ сдѣлалась такою, она тотчасъ же и прерываетъ себя замѣчаніемъ: „что лѣчить тутъ, противъ Бога человѣку не идти, докторовъ иныхъ бы нужно — повести бы по мощамъ". Далѣе, разсказавъ о гибели своей внучки, она не даетъ развиться въ сердцѣ горестному чувству и спѣшитъ указать на провидѣніе: „такъ ужъ видно суждено". Этою фразою все оправдывается и опредѣляется главная причина гибели. Мысли не надъ чѣмъ долго разсуждать, развѣ только пояснить слово „суждено", и благочестивое поясненіе дѣйствительно слѣдуетъ: „не жилось ей, знать, на свѣтѣ". Но почему же? потому что „Богъ не долго жить даетъ юродивымъ". Ихъ считаютъ божьими дѣтьми, такъ какъ они созданы не для земли, и Богъ беретъ ихъ прямо въ рай! Такимъ образомъ старушка наивно разрѣшаетъ всѣ вопросы, согласно съ религіозными чувствами своего сердца.

Итакъ, наивное отношеніе къ жизни и составляетъ главную черту въ разсказѣ. Вотъ отчего поэтъ назвалъ свое произведеніе *идиліей*. Идилическое и состоитъ именно въ этомъ: наивность есть главное его содержаніе, и такъ какъ она вытекаетъ изъ жизни, близкой къ природѣ, то и идилическія сцены, по большей части, встрѣчаются въ жизни сельской, крестьянской, гдѣ человѣкъ развивается преимущественно подъ вліяніемъ природы. Отсюда и идилія изображаетъ намъ чаще всего бытъ деревенскій съ его наивнымъ отношеніемъ къ жизни. Майковъ нашелъ такое отношеніе въ русской небогатой помѣщичьей семьѣ и прекрасно изобразилъ намъ идилическія сцены.

---

11) Разбирается повѣсть Гоголя „Шинель".

Вопросы: Надъ кѣмъ и почему смѣется авторъ? Какія чувства соединяются съ его смѣхомъ? Есть ли поэзіи дѣло до чиновниковъ? За чинов-

ничьи ли интересы вступается авторъ? За что представленное общество уважало человѣка, и что въ человѣкѣ уважалъ самъ авторъ? Какое противорѣчіе въ ихъ понятіяхъ? Что смѣшитъ Гоголя въ Акакіи Акакіевичѣ и чѣмъ его смѣхъ отличается отъ оскорбительнаго смѣха сослуживцевъ бѣднаго чиновника? Какое значеніе для Акакія Акакіевича имѣла шинель? Правдоподобны ли всѣ его чувства? Какое впечатлѣніе производитъ разсказъ о шинели? Какъ нужно смотрѣть на фантастическое окончаніе? Есть ли въ немъ какая-либо мысль въ связи со всѣмъ разсказомъ? Можно ли найти нравственное примиреніе съ безотрадною жизнью, изображенною авторомъ?

Наше вниманіе обращаютъ Акакій Акакіевичъ, общество, среди котораго приходилось ему работать, и самъ авторъ. Постараемся прежде всего опредѣлить отношенія автора къ обществу и главному лицу разсказа. Какіе факты здѣсь представляются намъ? Чиновникъ, жалкій, запуганный, нищій духомъ, нищій матеріальными средствами, предметъ насмѣшекъ своихъ сослуживцевъ, ограбленный ворами и наконецъ совершенно уничтоженный несправедливыми и безсердечными распеканіями значительной особы, умираетъ, не вынесши всѣхъ этихъ случайностей жизни, которыя, однакожъ, въ недавнее время могли встрѣчаться часто такимъ бѣднякамъ, какъ онъ. Рядомъ съ ними представляется общество безучастное къ плачевному положенію другого, эгоистическое, называющее себя образованнымъ, но на самомъ дѣлѣ не выказывающее и тѣни истиннаго образованія. Наконецъ отъ начала до конца разсказа смѣхъ автора, смѣхъ то веселый, то сопровождаемый сожалѣніемъ и состраданіемъ, то злобный, въ которомъ слышатся досада и негодованіе. Чему же смѣется онъ, о чемъ сожалѣетъ, за что негодуетъ? Противорѣчіе дѣйствительности съ тѣмъ понятіемъ о прекрасной и благородной жизни, какое онъ составилъ себѣ, есть источникъ смѣха. Человѣкъ здѣсь является далеко не въ томъ свѣтломъ видѣ, какимъ бы онъ долженъ быть, и своимъ загрязненнымъ и искривленнымъ образомъ смѣшитъ того, кто знаетъ, въ чемъ должна состоять истинная красота человѣческая. Какъ красавица, безобразно раскрасившая свое лицо разными красками, какъ прекрасный ребенокъ, выпачканный сажею, смѣшатъ насъ противорѣчіемъ того, что мы знаемъ,

съ тѣмъ, что̀ мы видимъ, такъ точно и въ нравственномъ мірѣ подобныя же противорѣчія возбуждаютъ въ насъ смѣхъ. Но въ этомъ же самомъ мірѣ человѣкъ, поставленный въ противорѣчіе, можетъ въ то же время и страдать, какъ Акакій Акакіевичъ. Его-то авторъ и сожалѣетъ, видя въ немъ жалкаго, униженнаго человѣка. Наконецъ, онъ негодуетъ на тѣхъ, кто позволяетъ себѣ доводить слабаго до такого униженія.

Авторъ заступается не за бѣднаго чиновника, а за человѣка. Поэту и поэзіи нѣтъ никакого дѣла до чиновника и до чиновничества, ни до того, какое они получаютъ содержаніе, и могутъ ли жить такъ, какъ прилично чиновнику и пр. Хотя все это вопросы важные, но ими занимается не поэзія. Поэта не насмѣшитъ, не оскорбитъ, если чиновникъ по скудости средствъ надѣнетъ теплый тулупъ вмѣсто форменнаго пальто или шинели; тулупъ сохраняетъ его здоровье и не дѣлаетъ его, какъ человѣка, ни лучше, ни хуже. Но другое дѣло, если этотъ чиновникъ начнетъ торговать закономъ, чтобы не носить тулупа, а грѣться въ дорогой шубѣ, тогда и насмѣшка, и злоба могутъ закипѣть въ душѣ поэта. Передъ нимъ уже будетъ не чиновникъ, а гнусный человѣкъ, который хочетъ основать свое благосостояніе на счетъ ближняго, отказывая ему въ справедливости. Правда составляетъ одну изъ нравственныхъ основъ жизни, поэтому касается не одного чиновника, а каждаго человѣка. Точно такъ же, если чиновникъ будетъ доведенъ другими до жалкаго и угнетеннаго положенія потому только, что онъ слабъ и бѣденъ, что онъ не въ состояніи сравнять свою внѣшность съ внѣшностью другихъ, поэтъ съ сочувствіемъ отнесется къ нему и, можетъ быть, горячо вступится за него, опять не какъ за чиновника, которому по его чину неприлично быть въ такомъ положеніи, а какъ за человѣка, въ которомъ унижено человѣческое достоинство. Точно такъ же поэтъ вступился бы и за крестьянина, и за солдата, и даже за каторжника, еслибы замѣтилъ, что въ нихъ страдаетъ по чужому своеволію или безчувствію нравственный человѣческій образъ. Это намъ необходимо имѣть въ виду, чтобы выяснить общечеловѣческую сторону поэтическаго произведенія, которое черезъ нея

и получаетъ свой высокій смыслъ. Истинная поэзія развиваетъ интересы не сословные, а человѣческіе, поэтому прежде всего всегда имѣетъ въ виду человѣка.

Итакъ, авторъ вступается за униженное и оскорбленное человѣческое достоинство въ лицѣ Акакія Акакіевича. А достоинство это заключается въ правахъ каждаго человѣка жить такъ, какъ живутъ всѣ прочіе, находить справедливость въ судѣ другихъ, наравнѣ со всѣми, въ свободѣ совершенствовать въ себѣ нравственный человѣческій образъ. Сознаніе всего этого возвышаетъ человѣка и развиваетъ въ немъ тѣ чувства и стремленія, которыя обыкновенно называются благородными. Такъ, кто не хочетъ признать въ человѣкѣ этихъ правъ и этой свободы, или стремится подавить ихъ, не возвышаетъ, а унижаетъ себя въ глазахъ людей, понимающихъ истинное благородство. Не признавая въ другихъ такихъ человѣческихъ достоинствъ, которыя должны вызывать общее уваженіе къ личности по тому одному, что она имѣетъ человѣческій образъ, онъ не можетъ признавать ихъ и въ самомъ себѣ, значитъ, основываетъ свою честь на какихъ-нибудь внѣшнихъ случайностяхъ. Но если одна случайность вознесла его, то другая такъ же легко можетъ низвести; что же тогда останется ему, на какія достоинства обопрется онъ, чтобы оградить свою личность отъ презрѣнія и униженія? То, что всегда держитъ человѣка на извѣстной нравственной высотѣ, имъ не признано, унижено въ другихъ, слѣдственно, не уважено и въ самомъ себѣ. Онъ не найдетъ въ себѣ нравственной силы, чтобы съ достоинствомъ устоять въ несчастіи, и тогда явится уже передъ всѣми жалкимъ, ничтожнымъ и презрѣннымъ, какимъ прежде казался немногимъ, умѣющимъ отличить сразу внѣшній блескъ отъ душевнаго благородства. Истинно благородный человѣкъ, который дорожитъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ, всегда будетъ уважать его и въ другихъ, одно безъ другого быть не можетъ; оскорбленіе человѣческаго образа въ другомъ непремѣнно соединяется съ собственнымъ униженіемъ, до котораго допустить себя не въ силахъ благородный человѣкъ. Мало того, видя, какъ оскорбляется это достоинство въ постороннихъ личностяхъ какимъ-нибудь нахаломъ, онъ

невольно принимаетъ такіе поступки за личное оскорбленіе, потому что и въ немъ существуетъ тотъ же нравственный образъ, и не сегодня, такъ завтра могутъ такъ же безпощадно отнестись и къ нему.

Отсюда понятно, почему Гоголь обратился съ такой злобной насмѣшкой къ тому обществу, гдѣ онъ нашелъ несчастнаго Акакія Акакіевича. Это общество считало себя образованнымъ; но какихъ же достоинствъ оно искало въ человѣкѣ, или, иначе, за что оно обыкновенно уважало человѣка? Изъ обращенія его съ Акакіемъ Акакіевичемъ видно, что оно не щадило личности, если встрѣчало въ ней бѣдность, слабость, безотвѣтность, скромную внѣшность, значитъ, оно уважало только богатство, знатное происхожденіе, чинъ, силу, хотя бы даже матеріальную. Какъ ни будь подлъ и низокъ человѣкъ, но если онъ богатъ, знатенъ или чиновенъ, или обладаетъ какою-нибудь чувствительною для нихъ силою, такіе люди съ большимъ уваженіемъ отнесутся къ нему, раболѣпно будутъ ухаживать за нимъ, льстить ему и даже гордиться знакомствомъ съ нимъ; до душевныхъ качествъ лица имъ нѣтъ никакого дѣла, потому что не ихъ уважаютъ они въ человѣкѣ. Они прельщаются блестящей внѣшностью, къ ней и стремятся, ее и ищутъ въ жизни. Значитъ, объ этихъ душевныхъ качествахъ и въ самихъ себѣ они мало заботятся. Если ихъ не возмутитъ подлость какого-либо богатаго или сильнаго человѣка, то и сами они, не возмутясь, способны рѣшиться на подлость. Какого же снисхожденія, не говоря уже объ уваженіи, ждать отъ нихъ бѣдному, безсильному Акакію Акакіевичу. Еслибы онъ могъ осадить хотя бы сильнымъ, грубымъ словомъ, еслибы могъ показать имъ хоть кулакъ, въ отпоръ оскорбительнымъ выходкамъ, они бы вѣрно не такъ рѣшительно отважились въ другой разъ приступить къ нему: такіе люди уважаютъ и грубую матеріальную силу. Но несчастный Акакій Акакіевичъ ничего не могъ противопоставить имъ, кромѣ жалостливыхъ словъ: „оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете“. Да развѣ могутъ эти слова остановить подобныхъ людей. Нѣтъ нужды, что „въ нихъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость“, недоступно имъ такое чувство. Нѣтъ нужды, что въ этихъ про-

никающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“, они непонятны дерзкимъ людямъ. Что для нихъ значитъ братъ, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни чина, ни власти, ни силы. Не помогло бы, еслибы кто-нибудъ имъ перевелъ эти слова на другія: „я такой же человѣкъ, какъ и вы“. Что для нихъ значитъ человѣкъ? развѣ они уважаютъ человѣка? они съ почтеніемъ относятся къ видному чиновнику, къ барину, а не къ человѣку. Человѣкъ безъ этихъ прибавочныхъ существительныхъ для нихъ или пустое слово, или слуга.

Что Гоголь дѣйствительно съ негодованіемъ смѣялся надъ обществомъ сослуживцевъ Акакія Акакіевича, что онъ дѣйствительно вступался за оскорбленное человѣческое достоинство, это видно между прочимъ изъ коротенькаго эпизода о молодомъ человѣкѣ, недавно опредѣлившемся на службу, который по примѣру другихъ позволилъ-было себѣ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ и который тотчасъ же понялъ значеніе словъ „я братъ твой“. „И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной образованной свѣтскости, и, Боже, даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“.

Само собою разумѣется, что такой, только повидимому благородный человѣкъ, выйдя въ чины и сдѣлавшись „значительнымъ лицомъ“, старается болѣе всего пользоваться тѣмъ, что возбуждало въ немъ раболѣпное поклоненіе, когда онъ самъ былъ въ маленькихъ чинахъ. Уважая въ человѣкѣ лишь внѣшній блескъ и грубую силу, онъ теперь хочетъ выставить ихъ на видъ въ самомъ себѣ, когда достигъ до этого вожделѣннаго положенія въ обществѣ. Преклонявшись самъ со страхомъ и трепетомъ передъ подобною силою, онъ не можетъ въ свою очередь отказаться отъ того, чтобы и передъ нимъ преклонялись, чтобы и его сила возбуждала страхъ и трепетъ. Вѣдь въ ней онъ находитъ достоинство, за которое самъ уважалъ и уважаетъ человѣка: какъ же имъ не пользоваться? Такимъ значительнымъ лицомъ долженъ сдѣлаться каждый изъ сослуживцевъ Акакія Акакіевича, когда ему удастся выбраться въ разрядъ начальствен-

ныхъ лицъ. Теперь они только смѣются и тѣшатся надъ бѣдною личностью Акакія Акакіевича, а тогда, почувствовавъ въ себѣ дѣйствительную силу, будутъ уничтожать презрительнымъ взглядомъ и поражать оскорбительными криками всѣхъ, кто ниже ихъ чиномъ или званіемъ. Такимъ точно и явилось „значительное лицо“ въ концѣ повѣсти Гоголя. Авторъ замѣчаетъ, что въ душѣ онъ былъ добрый человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ не глупый и съ равными себѣ очень порядочный, и несмотря на то, искаженныя понятія о человѣкѣ и его достоинствахъ дѣлали его подобнымъ звѣрю рычащему, лающему, кусающему, и все для того, чтобы поддержать въ себѣ свое мнимое достоинство. Очень понятно, что всякое возраженіе, всякое свободное движеніе чувства, которое не понравится „значительному лицу“ въ подчиненномъ или въ томъ, кто имѣетъ въ немъ нужду, будетъ считаться имъ за дерзость, за оскорбленіе, за безнравственный поступокъ, достойный строгаго наказанія. Тѣмъ съ бо́льшимъ лаемъ накинется оно на человѣка, чѣмъ слабѣе и ничтожнѣе покажется онъ въ его глазахъ. Не то ли же самое Акакій Акакіевичъ долженъ былъ испытать на себѣ?

Описывая всѣ эти сцены, какъ противорѣчіе разумному пониманію жизни и правильныхъ отношеній между людьми, авторъ не могъ не смѣяться надъ ними, потому что здѣсь людская глупость уже слишкомъ выдается впередъ, но такъ какъ она не безвредная глупость, а напротивъ, вноситъ въ жизнь безнравственность, зло, оскорбляетъ личности, то смѣхъ его обращается или въ злую иронію, или *въ юморъ*, т.-е. теряетъ свой свѣтлый, веселый характеръ и соединяется то съ легкой грустью, то съ сожалѣніемъ, то съ досадой и злобой. Отъ своего лица онъ, повидимому, не осуждаетъ никого, а только изображаетъ сцены изъ дѣйствительности, какъ онѣ были, нисколько не думая преувеличивать или представлять въ каррикатурѣ; но въ его тонѣ видно личное его отношеніе къ изображаемымъ предметамъ и жизни, которая не могла въ немъ возбудить сочувствіе къ себѣ. Такія-то изображенія и называются *юмористическими*.

Но отчего же Гоголь подсмѣивается и надъ Акакіемъ Акакіевичемъ? Не самъ ли онъ негодуетъ на чиновниковъ

за ихъ грубыя насмѣшки надъ бѣднымъ человѣкомъ? Нѣтъ ли во всемъ этомъ противорѣчія? Здѣсь нужно вникнуть въ самый характеръ смѣха автора. Что̀ смѣшитъ его въ Акакіи Акакіевичѣ? Тѣ случайности жизни, которыя могутъ быть съ каждымъ человѣкомъ и которыя, нисколько не завися отъ его воли, ставятъ его въ смѣшное или комическое положеніе. Смѣхъ, вытекающій отсюда, не можетъ назваться оскорбительнымъ для того лица. Оно само также можетъ смѣяться надъ собою и надъ другими, нисколько̀ не унижая ни своего, ни чужого человѣческаго достоинства. Этотъ смѣхъ нимало не похожъ на смѣхъ чиновниковъ, который производилъ сильную боль въ сердцѣ автора. Этотъ смѣхъ веселый, вытекающій изъ способности автора подмѣчать тѣ ежедневныя мелочи жизни, къ которымъ большинство приглядѣлось, но которыя въ самомъ дѣлѣ смѣшны или по своей мелочности, или по противорѣчію съ болѣе важнымъ взглядомъ на жизнь. Такимъ смѣхомъ Гоголь смѣется, описывая рожденіе будущаго титулярнаго совѣтника или сцены его съ портнымъ, гдѣ съ одной стороны скромная фигура несчастнаго чиновника, сознающаго свое безпомощное положеніе и съ сердечнымъ трепетомъ выслушивающаго вѣсть о негодности своей шинели; съ другой стороны суровая и невозмутимо хладнокровная фигура портного, который напускаетъ на себя неидущую къ нему важность, чтобы „себя не уронить, да и портного искусства тоже не выдать“. Это столкновеніе двухъ несходныхъ фигуръ, эта хитрость безхитростнаго Акакія Акакіевича съ цѣлью убѣдить портного въ томъ, въ чемъ никого нельзя убѣдить,—все это дѣйствительно весело смѣшитъ, не допуская никакого оскорбленія.

Но вотъ другой смѣхъ, который уже теряетъ въ половину свою веселость. Авторъ описываетъ намъ жалкую жизнь Акакія Акакіевича, которая открыла ему такой узенькій горизонтъ зрѣнія, что онъ не имѣлъ возможности развиться и сознать въ себѣ какія-нибудь силы: самая крайняя ограниченность во всемъ, и въ матеріальныхъ средствахъ, и въ умственномъ развитіи, и въ духовныхъ стремленіяхъ, и въ сферѣ дѣятельности, сдѣлалась его отличительнымъ свойствомъ, его неизмѣннымъ удѣломъ.

Эта мелкость духа, подавленнаго и обстоятельствами жизни, и безсердечными людьми, эта жизнь, спокойно мирившаяся съ самой жалкой дѣйствительностью и способная невозмутимо переносить всякія лишенія не изъ душевной твердости, а изъ безсознательной привычки, оттого, что лучшаго никогда и не встрѣчалось, и не испытывалось отъ самаго рожденія,—все это окунуло человѣка въ такую тину мелочей и ничтожества, сдѣлалось источникомъ столькихъ комическихъ сценъ, что не можетъ не смѣшить даже серьезнаго человѣка. Но веселому настроенію духа здѣсь уже мѣшаетъ мысль о томъ ужасномъ ничтожествѣ, до какого можетъ быть доведенъ человѣкъ; за смѣхомъ тотчасъ же чувствуется сердечная боль за человѣка, которая тѣмъ больше усиливается, чѣмъ больше вглядываешься и вдумываешься въ эту на первый взглядъ комическую жизнь. Не оскорбителенъ такой смѣхъ для Акакія Акакіевича, потому что касается не его бѣдной личности, а его положенія, которое зависѣло не отъ его воли; но тяжелъ наконецъ дѣлается онъ для смѣющагося; этимъ смѣхомъ нельзя долго смѣяться. Его уничтожатъ грусть, состраданіе и другія чувства, возбуждающія симпатію къ несчастному человѣку, за которымъ все же остается право быть нашимъ братомъ.

Такимъ образомъ, исторія съ шинелью, начавшаяся веселымъ смѣхомъ, подъ конецъ совершенно убиваетъ его своимъ мрачнымъ колоритомъ. Вы видите, до какой степени мало радостей было въ жизни человѣка, если мысль о новой шинели на долгое время заняла все его воображеніе, всѣ его помыслы, обратилась у него въ идеальныя стремленія, сдѣлала изъ него ребенка, который и засыпаетъ и просыпается съ мыслью объ обѣщанной обновкѣ. У его жизни явилась цѣль, безъ которой онъ до сихъ поръ жилъ, не сознавая ея необходимости. Но лишь только явилось сознаніе, лишь только онъ нашелъ идеалъ своимъ стремленіямъ, онъ вмигъ переродился. До сихъ поръ только нѣкоторыя буквы были его любимицами и пріятно занимали его. Но теперь онѣ забыты; онѣ должны казаться ему ничтожными въ сравненіи съ новою теплою шинелью, и насколько она важнѣе и существеннѣе ихъ, настолько поднялся духъ его. Комична

она для насъ въ образѣ идеала, но для Акакія Акакіевича послѣ буквъ, единственно доставлявшихъ ему удовольствіе, она была какъ „пріятная подруга жизни, которая согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу", по выраженію автора. Каждый новый идеалъ возбуждаетъ въ человѣкѣ нѣкоторую энергію; она же явилась и въ Акакіи Акакіевичѣ и сдѣлала изъ него героя въ перенесеніи всѣхъ тѣхъ лишеній и ограниченій, на которыя онъ осудилъ себя, чтобы скопить деньги на шинель. „Но зато, прибавляетъ авторъ, онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели; съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто бы какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ.... Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль; съ лица и поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ, всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты; огонь порою показывался въ глазахъ его; въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: „не положить ли точно куницу на воротникъ"... Смѣшно намъ все это въ отношеніи къ такому ничтожному предмету, какъ шинель, но развѣ не чувствуетъ того же самаго и человѣкъ, задавшій себѣ важную цѣль, увлекшійся дѣйствительно возвышеннымъ идеаломъ. Психологическіе законы для всѣхъ одни и тѣ же. Для Акакія Акакіевича шинель сдѣлалась тѣмъ же, чѣмъ для великаго генія многосторонній міровой идеалъ; и вотъ въ нихъ обоихъ одни и тѣ же явленія, по однимъ и тѣмъ же законамъ. Человѣческая природа Акакія Акакіевича нисколько не измѣнилась отъ ограниченности его понятій, его стремленій и сферы дѣятельности. Отсюда и дальнѣйшія психическія явленія должны быть одинаковы. День, когда Акакій Акакіевичъ надѣлъ въ первый разъ свою обновку, показался ему такимъ же торжественнымъ для него и счастливымъ днемъ, какимъ великому уму покажется день разрѣшенія міровой задачи, надъ которой онъ давно трудился. Свѣтло, празднично было на душѣ его; и ему пришлось наконецъ испытать эти великія и рѣдкія минуты самодовольствія, это сознаніе своей по-

бѣды, эту сладость обладанія тѣмъ, чѣмъ идеально была занята душа такъ много времени. Онъ жилъ тою же жизнью, какою живетъ и человѣкъ съ великими замыслами.

Но единственно-счастливый день въ жизни Акакія Акакіевича кончился трагически: онъ лишился своей шинели. Не то же ли самое онъ долженъ былъ почувствовать, что и геніальный человѣкъ, почти достигшій цѣли своихъ стремленій и вдругъ встрѣтившій неожиданную силу, которая совершенно уничтожила всѣ его труды. Самыя ужасныя муки, терзанія, отчаяніе, безуміе, все соединилось въ сердцѣ, терзая его каждую минуту и разрушая сильную жизнь генія. Положеніе Акакія Акакіевича было еще плачевнѣе. Великій человѣкъ еще встрѣтитъ въ нѣкоторыхъ сердцахъ участіе къ себѣ, сочувствіе къ своему горю. Онъ найдетъ людей, которые будутъ съ непритворной грустью выслушивать его жалобы, его гнѣвъ, его угрозы, будутъ его успокоивать и проч. Но Акакій Акакіевичъ не нашелъ ничего этого. Куда ни обратится—полное безучастіе къ своему горькому положенію, наконецъ даже безумный крикъ и оскорбленіе со стороны значительнаго лица, на милость котораго оставалась было нѣкоторая надежда. Какъ не вынесетъ сильная натура, когда разобьютъ блестящія цѣли его жизни, такъ не вынесла и слабая натура Акакія Акакіевича, когда отняли у него шинель. Какая мелочь! Можно ли придти въ такое отчаяніе, можно ли наконецъ умереть отъ пропажи шинели? Да, можно, если эта шинель для бѣднаго чиновника долгое время составляла такую же мечту наяву, такой же предметъ пріятныхъ сновидѣній, какъ для другого самая драгоцѣнная вещь въ мірѣ; если для нея онъ принесъ такія жертвы, какія только былъ въ силахъ; если къ ней одной только и было настроено его воображеніе. Въ этомъ случаѣ его шинель равнялась сокровищу, отъ потери котораго и сильные умы нерѣдко лишаются разсудка или умираютъ. Все зависитъ отъ настроенія нашего духа и отъ той внѣшней обстановки, которая окружаетъ насъ. Ничтожна была обстановка всей жизни Акакія Акакіевича, слаба была его натура, отсюда мелкими и ничтожными явились его задушевныя желанія и стремленія; но природа оставалась въ немъ все та же, природа человѣче-

ская, живущая по однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ и въ другихъ людяхъ. Все равно, мелочныя ли желанія и стремленія, или ужасающія своею смѣлостью, но лишь только они охватятъ всю душу, въ ней происходятъ одинакія явленія: и тотъ и другой человѣкъ равно страдаютъ и наслаждаются, терзаются и приходятъ въ восторгъ, предаются отчаянію и горько плачутъ—одинъ надъ погибшимъ другомъ, который составлялъ для него все, другой надъ украденной шинелью, которая одна доставила ему нѣсколько радостныхъ минутъ въ жизни.

Если въ душѣ каждаго изъ нихъ происходятъ такія муки, то не равнаго ли участія съ нашей стороны заслуживаютъ они, какъ люди, по своей человѣческой природѣ? Если мы будемъ различать ихъ по цѣлямъ и стремленіямъ и сообразно съ этимъ выказывать имъ состраданіе и участіе, то мы покажемъ, что въ насъ не развита любовь къ человѣку и что для насъ дорогъ не человѣкъ, а подвиги и громкія дѣла. Безъ этой же любви не можетъ быть и вопроса объ уваженіи человѣческихъ достоинствъ, и, напротивъ, только она одна въ состояніи внушить слова, полныя глубокой грусти и сочувствія къ гибнущему человѣку, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ,—слова, съ какими Гоголь отнесся къ погибшему Акакію Акакіевичу: „Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все-таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое также потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего“.

Мрачное впечатлѣніе оставляетъ по себѣ вся эта исторія, и мрачное именно по своей мелочности, сравнительно съ тѣмъ высокимъ образомъ человѣка, какой поэтъ создалъ себѣ. Человѣкъ въ дѣйствительности здѣсь является слиш-

комъ униженнымъ передъ идеальнымъ представленіемъ, слишкомъ жалкимъ и ничтожнымъ. Не возбудитъ въ насъ такого безотраднаго чувства гибель великаго человѣка, потому что причина ея не можетъ быть такъ мелка и ничтожна, какъ пропажа шинели.

Гоголь не хотѣлъ остановиться на печальномъ размышленіи о жизни Акакія Акакіевича и имъ закончить свою повѣсть; не хотѣлъ, чтобы читатель закрылъ книгу съ мрачнымъ настроеніемъ и съ безотраднымъ чувствомъ, въ которомъ невозможно найти примиренія съ жизнью. А цѣль его не та, чтобы ставить насъ враждебно къ жизни, т.-е. убѣждать, что въ ней неисполнимы и неосуществимы наши лучшіе идеалы. Нѣтъ, онъ, какъ юмористъ, поражая смѣхомъ грустныя и безотрадныя явленія жизни, въ то же время въ смѣхѣ ищетъ и примиренія. Онъ и послѣ смерти Акакія Акакіевича продолжаетъ исторію о шинели, называя это окончаніе фантастическимъ. По ночамъ на отдаленныхъ улицахъ стали стаскивать съ плечъ шинели и шубы, и разнеслись слухи, что это какой-то мертвецъ въ видѣ чиновника отыскиваетъ утащенную шинель, а одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича. Не спаслось отъ мертвеца и значительное лицо, которое безъ всякаго сопротивленія поспѣшило уступить ему шинель. Съ перваго взгляда этотъ фантастическій конецъ можетъ показаться совершенно лишнимъ, придуманнымъ некстати, только для смѣха. Но вникнувъ поглубже въ связь его со всѣмъ предыдущимъ, мы должны признать въ авторѣ глубокія нравственныя и эстетическія соображенія. Онъ очень хорошо понималъ, что человѣкъ, уничтожившій своего собрата или сдѣлавшійся причиною его гибели, хотя смутно, хотя неясно, но долженъ почувствовать свою вину. Онъ можетъ легко заглушить шопотъ совѣсти, но нѣкоторое время она все же потревожила его. У человѣка мало развитого морально, съ невѣжественными понятіями грубое воображеніе создаетъ внѣшніе пугающіе призраки и разные страхи, которые ему кажутся естественнымъ слѣдствіемъ его вины и даже казнію за нее. Что въ городѣ появились мошенники и стали стаскивать шинели съ плечъ

прохожихъ, дѣло очень естественное. Но почему же здѣсь явилось имя Акакія Акакіевича? Вотъ это-то и показываетъ, что смерть жалкаго чиновника нѣсколько смутила совѣсть всѣхъ тѣхъ, которые безжалостно, грубо унижали и оскорбляли его, что мысль о немъ шевелилась въ нихъ и послѣ его смерти, что совѣсть ихъ не совсѣмъ была спокойна, хотя они и не сознавались въ этомъ. Но каждый изъ нихъ невольно обнаружилъ тайное движеніе своей души при первомъ случаѣ. Не перешло бы имя Акакія Акакіевича на мошенниковъ, стаскивавшихъ шинели, еслибы въ ихъ воображеніи не воскресъ образъ его, но уже мстительный, грозящій, требующій себѣ удовлетворенія. Достаточно было только слуховъ о грабежѣ шинелей, чтобы этотъ образъ перешелъ въ дѣйствительность. Какъ невѣжественность была причиною грубаго ихъ обхожденія съ своимъ собратомъ, такъ точно она же создала имъ и страхи въ возмездіе за смерть его, когда совѣсть ихъ почувствовала нѣкоторое смущеніе. Само значительное лицо испытало то же самое, чѣмъ и выказало какъ свою грубую невѣжественность, такъ и сознаніе своей вины. Авторъ говоритъ, что совѣсть его смутилась тотчасъ же при извѣстіи о смерти Акакія Акакіевича. Ужъ довольно было этого, чтобы настроить грубое воображеніе и въ простой встрѣчѣ съ мошенникомъ увидѣть образъ Акакія Акакіевича, требующаго себѣ удовлетворенія. Такимъ образомъ человѣкъ самъ себя нравственно наказываетъ за свои вины, или, иначе, наказаніе непосредственно вытекаетъ изъ того ложнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя. Но неужели Гоголю непремѣнно нужно было окончить свою повѣсть такою общею моралью: порокъ рано или поздно наказывается, а добродѣтель награждается? Нѣтъ, не это онъ имѣлъ въ виду. Онъ хотѣлъ представить, что гибель даже такого жалкаго человѣка, надъ которымъ при жизни его всѣ смѣялись, которымъ всѣ пренебрегали, который былъ ничтожнѣе какой-нибудь букашки, обращающей на себя все вниманіе естествоиспытателя, что гибель и такого человѣка можетъ потревожить совѣсть не только мелкихъ людей, но и значительной особы, считающей за собою право уничтожать слабыхъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, что, слѣдственно, не без-

отомщенія остается гибнущее существо, носящее имя человѣка. А въ этой тайной тревогѣ совѣсти уже лежитъ надежда на исправленіе, что̀ и оправдывается значительнымъ лицомъ въ повѣсти. „Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: какъ вы смѣете, понимаете ли кто передъ вами; если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва въ чемъ дѣло".

Такимъ образомъ, смѣясь надъ невѣжествомъ и глупостью людей въ концѣ своей повѣсти, авторъ въ томъ же смѣхѣ нашелъ и нѣкоторое нравственное примиреніе съ тою жизнью, изображеніе которой возбудило самое безотрадное и тяжелое чувство. Конецъ повѣсти значительно смягчаетъ его юмористическимъ смѣхомъ, указывая мысли исходъ отъ отчаянія къ примиренію.

---

12) Сравниваются „Скупой рыцарь" Пушкина и „Плюшкинъ" Гоголя (Мертвыя души).

Вопросы: Нельзя ли опредѣлить источникъ страсти рыцаря и Плюшкина? Отчего одинъ копитъ только золото, другой всякую дрянь? Какъ дѣйствуетъ страсть въ томъ и въ другомъ на всѣ прочіе интересы жизни? Какое оправданіе находитъ себѣ каждый? Какъ оба они относятся къ людямъ? Какой конецъ можетъ быть у Плюшкина и какъ намъ представляется смерть рыцаря? Какъ выражается въ проявленіи страсти общечеловѣческая и національная сторона? Могъ ли Плюшкинъ повторить сцену барона въ подвалѣ передъ сундукомъ съ золотомъ? Виденъ ли въ Плюшкинѣ русскій помѣщикъ и хозяинъ, а въ баронѣ средневѣковой рыцарь? Какое впечатлѣніе оставляютъ въ насъ оба скупые? Отчего произошло различіе въ впечатлѣніяхъ? Въ какое отношеніе каждый поэтъ поставилъ себя къ изображаемому лицу? Въ чемъ заключается различіе въ изложеніи у того и другого поэта? Не оправдывается ли это различіе содержаніемъ произведеній и цѣлями обоихъ писателей?

— —

Страсть въ рыцарѣ и въ Плюшкинѣ одна и та же, но выражается иначе въ томъ и въ другомъ лицѣ, потому что въ нихъ убѣжденія, понятія, взгляды, стремленія, обстановка жизни неодинаковы. Чѣмъ возбуждается и поддерживается страсть въ рыцарѣ? Смотря на свое золото, онъ восхищается, что ему все подвластно, что изъ своего подвала онъ можетъ

править міромъ; лишь стоитъ ему захотѣть, и все явится къ его услугамъ, и искусство, и трудъ, и геній, и добродѣтель, и злодѣйство; надъ всѣмъ онъ господинъ, а надъ нимъ нѣтъ господина. Значитъ, честолюбивыя и властолюбивыя стремленія были первыми источниками его страсти. Онъ видѣлъ изъ множества примѣровъ въ жизни, какъ обаятельно дѣйствуетъ на людей золото, какъ люди посредствомъ него могутъ удовлетворять почти всѣмъ своимъ желаніямъ, и въ немъ развилось убѣжденіе, что только въ золотѣ и заключается дѣйствительная, высшая сила, которой должны подчиняться всѣ другія силы; что у кого въ рукахъ больше золота, у того и больше власти. И вотъ въ то время, какъ другіе, побуждаемые честолюбіемъ, стремятся къ разнымъ подвигамъ, не щадятъ своей жизни, онъ находитъ другую дорогу; онъ сноситъ въ свой подвалъ по горсти золота и постепенно наполняетъ имъ сундукъ за сундукомъ. И по мѣрѣ того, какъ число сундуковъ увеличивается, въ немъ все больше и больше развивается сознаніе своего могущества. Само собою разумѣется, что желаніе накопить какъ можно скорѣе обольстительнаго металла заставляетъ его ограничить всѣ свои нужды, всѣ свои потребности и незамѣтно дойти до самой жалкой обстановки—жить въ нетопленной конурѣ, пить одну воду, ѣсть сухія корки. Такая жизнь должна была уединить его отъ людей, и въ этомъ одиночествѣ страсть развивалась все больше, все сильнѣе. Старый баронъ нечувствительно сдѣлался рабомъ своей страсти, хотя ему все еще казалось, что ему все подвластно, а онъ ничему; онъ сдѣлался подвластенъ своему золоту больше, чѣмъ кто-либо. Онъ только тѣшилъ себя мыслью о своемъ могуществѣ, рисуя себѣ свое фантастическое царство власти; но на самомъ дѣлѣ у него уже не было силы воли испытать въ дѣйствительности это могущество, привести въ исполненіе хотя одну изъ тѣхъ обольстительныхъ картинъ, которыя рисуетъ онъ, любуясь своими сундуками. Ему кажется, что, истративъ хотя одинъ червонецъ изъ накопленнаго богатства, онъ уменьшитъ свою власть и свою силу, и дорожа ими, онъ дрожитъ и надъ своимъ золотомъ. Такими противорѣчіями онъ самъ уничтожаетъ свою дѣйствитель-

ную силу, самъ обманываетъ себя; видя въ золотѣ орудіе власти надъ другими, онъ самъ дѣлается безсильнымъ рабомъ ея, и уже никакая сила не въ состояніи освободить его отъ этого рабства. Ослѣпленіе его дошло до крайности: онъ не вѣритъ въ добродѣтель, которой нельзя было бы подкупить, не вѣритъ въ генія, независимость котораго устояла бы передъ его золотомъ, не вѣритъ въ свободное вдохновеніе поэта, который могъ бы съ презрѣніемъ посмотрѣть на его золото и не сдѣлаться его данникомъ. Значитъ, всѣ нравственныя силы, свобода, честь, слава, истина, всѣ высшіе духовные интересы, все это не существуетъ въ его сознаніи, все это химеры, передъ дѣйствительной силой золота. Даже его собственные первоначальные порывы честолюбія и власти давно потеряли свою силу, съ него стало довольно только сознанія своей мощи. И вотъ все его счастіе, честь и слава, всѣ интересы его жизни заключались въ сундукахъ; здѣсь его держава, здѣсь онъ царствуетъ, здѣсь приходитъ въ безумный восторгъ.

Вотъ отчего рыцарь копитъ только одно золото. Въ этомъ случаѣ рѣзко отъ него отличается Плюшкинъ, который не отказывается ни отъ чего и не можетъ разстаться ни съ чѣмъ. Въ немъ мы не замѣчаемъ ни честолюбія, ни властолюбія, которыя въ рыцарѣ возбудили страсть къ золоту; но въ немъ выработались другія убѣжденія, болѣе согласныя съ его мирною и нисколько не рыцарскою жизнью. Помѣщичья, сельская жизнь могла развить въ немъ мысль не о власти и могуществѣ, а о благосостояніи и счастіи въ своемъ скромномъ кругу. Также изъ многихъ примѣровъ онъ видѣлъ, что разореніе, безпокойство и несчастіе въ такой жизни происходятъ отъ неразсчетливости, безпорядочности, распущенности, отъ неумѣнья сводить концы съ концами. И вотъ у него развилось убѣжденіе, что счастіе и благосостояніе сельской жизни зависятъ отъ хорошаго хозяйства, отъ бережливости, отъ порядка — мысль дѣйствительно вѣрная, съ которою нельзя не согласиться. Но онъ слишкомъ односторонне посмотрѣлъ на хозяйство. Оно представилось ему въ однѣхъ мелочахъ, на которыя онъ и устремилъ всѣ свои заботы. Мысль, что въ хозяйствѣ всякая вещь

можетъ пригодиться, что тамъ на все нуженъ зоркій хозяйскій глазъ, постепенно втягивала его во всѣ эти мелочи и наконецъ обратилась въ страсть собирать все, что ни попадется подъ руку. Такія ежедневныя заботы, конечно, должны были заслонить отъ него главныя и крупныя статьи сельскаго хозяйства, отъ которыхъ бы онъ могъ дѣйствительно богатѣть, разумно устраивая свое благосостояніе. Отдавшись мелочамъ, и самъ онъ необходимо измельчалъ до безобразія. Выходя изъ убѣжденія, что отъ хорошаго хозяйства зависитъ благосостояніе и что въ хозяйствѣ пригодится всякая вещь, онъ сталъ дорожить всякою дрянью и незамѣтно развилъ въ себѣ ту гнусную скаредность, которая, обратившись въ страсть, оттолкнула отъ него всѣхъ людей. Прервавъ всякую связь съ общими интересами, онъ сосредоточился только въ своемъ углу и считалъ себя хорошимъ хозяиномъ, такъ какъ основное-то убѣжденіе его о причинѣ благосостоянія было дѣйствительно справедливо. Такимъ образомъ, ослѣпленный страстью, онъ поставилъ себя въ противорѣчіе; думая о хорошемъ хозяйствѣ и о благосостояніи, онъ нечувствительно разорялъ себя. Но онъ не замѣчалъ этого, онъ считалъ себя правымъ и оправдывалъ свою жизнь, нисколько не похожую на жизнь другихъ помѣщиковъ, усердными заботами о хозяйствѣ, о которомъ другіе будто бы мало заботились. Оправдать свои поступки, если не передъ другими, то въ своихъ собственныхъ глазахъ, старается каждый человѣкъ, потому что въ этомъ оправданіи онъ находитъ своей страсти нравственную опору. Такъ и скупой рыцарь оправдываетъ себя тѣмъ, что онъ выше всѣхъ желаній и доволенъ только сознаніемъ своего могущества, потому не имѣетъ и нужды тратить свое золото. Или въ другомъ мѣстѣ противъ предполагаемыхъ обвиненій, что у него сердце обросло мохомъ, что его никогда не грызла совѣсть, защищается словами: „нѣтъ; выстрадай сперва себѣ богатство, а тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный то расточать, что кровью пріобрѣлъ“. Эта мысль вынесена имъ изъ собственнаго опыта и ставитъ его опять въ противорѣчіе съ тѣмъ мнимымъ могуществомъ, которое онъ предполагаетъ въ себѣ.

Теперь посмотримъ на отношеніе обоихъ скупыхъ къ

людямъ. Какъ рыцарь, такъ и Плюшкинъ, каждый является передъ нами отцомъ, и нельзя не замѣтить, какое гибельное вліяніе имѣла страсть на самыя священныя отношенія между родителями и дѣтьми. Единственное чувство—любовь, которая должна связывать отца и сына, здѣсь не существуетъ: она подавлена все тою же страстью. Рыцарь не можетъ уничтожить въ себѣ сознаніе, что онъ обязанъ давать сыну средства для жизни; но такъ какъ это несогласно съ стремленіями его страсти, которую побѣдить онъ не въ силахъ, то тутъ снова является противорѣчіе, изъ котораго развивается уже враждебное отношеніе отца къ сыну. Старый баронъ смотритъ на своего юнаго сына какъ на личнаго врага. Далѣе, онъ хорошо знаетъ, что не можетъ уничтожить закона о наслѣдствѣ,—закона, по которому все его золото должно перейти къ сыну, а ему хочется, чтобы оно осталось вѣчно неприкосновеннымъ сокровищемъ въ этихъ подвалахъ, такъ какъ въ его глазахъ оно уже обратилось въ кумиръ, въ божество, которому нужно только поклоняться. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что рано или поздно, а придется разстаться съ этимъ сокровищемъ, что оно перейдетъ въ руки сына, который не выстрадалъ его, подобно какъ выстрадалъ его отецъ, и, слѣдственно, совсѣмъ иначе посмотритъ на него, и, можетъ быть, легкомысленно расточитъ то, что составляетъ силу, славу и честь ослѣпленнаго старика. Его разгоряченное воображеніе уже рисуетъ ему ужасную для него картину, какъ его сынъ, укравъ у отцовскаго трупа ключи, съ толпой ласкателей и жадныхъ придворныхъ сойдетъ подъ мирные своды и со смѣхомъ отопретъ сундуки и проч. Эта картина омрачаетъ тотъ восторгъ, какимъ старый баронъ наслаждался при видѣ блещущихъ грудъ золота; онъ переходитъ къ плачу, къ оправданію своей страсти, наконецъ къ желанію скрыть подвалъ отъ недостойныхъ взоровъ, приходитъ изъ могилы и, сидя на сундукахъ сторожевою тѣнью, хранитъ свои сокровища отъ живыхъ людей. Такимъ образомъ въ глазахъ барона сынъ его является самымъ главнымъ и злымъ его врагомъ уже по тому одному, что онъ естественный наслѣдникъ отцовскихъ сокровищъ. До такой степени страсть можетъ исказить и обезо-

бразить душу человѣка. Что для другихъ отцовъ составляетъ источникъ удовольствія и успокоенія, то для него источникъ вражды и терзаній.

Но, можетъ быть, сынъ дѣйствительно недостоинъ наслѣдства, заслуживъ гнѣвъ отца безнравственнымъ поведеніемъ? Бываетъ, что и лучшіе отцы враждебно относятся къ своимъ дѣтямъ и не хотятъ, чтобъ къ нимъ перешло родительское наслѣдство. Для устраненія такого вопроса поэтъ съ намѣреніемъ изображаетъ передъ нами первую сцену, гдѣ сынъ является юношею добрымъ, честнымъ, храбрымъ, благороднымъ. Правда, онъ не можетъ любить отца, но потому что слишкомъ ясно сознаетъ до какого ужаснаго нравственнаго безобразія дошелъ старикъ; его не смущаетъ желаніе поскорѣе похоронить отца, потому что самъ онъ до крайности доведенъ отцовскою скупостью. Если въ его сердцѣ не развилась сыновняя любовь, то винить въ этомъ случаѣ отца, а не сына. Любовь въ дѣтяхъ возбуждается съ самаго ранняго дѣтства любовью и заботами родителей. Чувство безъ внѣшнихъ впечатлѣній возбудиться не можетъ. Но юноша приходитъ въ яростное негодованіе, когда жидъ осмѣливается ему только намекнуть о насильной смерти отца, и готовъ даже совершить преступленіе, повѣсивъ жида, дерзнувшаго подозрѣвать въ немъ мысль объ отцеубійствѣ. Что эта мысль никогда не западала въ его голову, видно изъ того, съ какимъ трудомъ жиду пришлось выяснять свой лукавый намекъ, чтобы юноша наконецъ могъ понять, въ чемъ дѣло. Молодой человѣкъ уже отказывается отъ денегъ, которыя предлагалъ ему жидъ и въ которыхъ ему была такая крайняя нужда, отказывается потому, что жидовскіе червонцы будутъ пахнуть ядомъ, какъ сребренники пращура его. Все это насъ располагаетъ къ юношѣ; а вотъ мимоходомъ выказывается и добрая его душа; вчера онъ отослалъ послѣднюю бутылку вина больному кузнецу и теперь долженъ довольствоваться водою, чтобы нѣсколько усмирить въ себѣ кипѣніе гнѣва. Только крайность заставляетъ его идти къ герцогу и искать управы на отца, забывшаго свои обязанности и поставившаго сына въ такія неестественныя отношенія, что даже жидъ осмѣлился наводить его на отцеубійство.

Тяжела была для стараго барона бесѣда съ герцогомъ, который хотѣлъ, чтобы онъ далъ сыну приличное содержаніе. Отказать герцогу безъ причины было нельзя, исполнить его желаніе было выше силъ скупого старика. Оставался только одинъ выходъ: придумать причину, которая показалась бы достаточною для того, чтобы лишить сына права на отцовскую помощь. Но достаточная причина могла заключаться лишь въ какомъ-либо преступленіи. И вотъ фантазія скупого, разгоряченнаго страстью, быстро создаетъ мнимое преступленіе. Онъ не затрудняется обвинить сына въ покушеніяхъ не только на воровство, но и на жизнь отца; мысль, что такое преступленіе влечетъ за собою тяжелое наказаніе, нисколько не смущаетъ его. Ему нужно было только отдѣлаться отъ притязаній сына, который былъ виноватъ тѣмъ, что онъ сынъ скупца.

Точно такія же отношенія отца къ сыну мы замѣчаемъ и въ Плюшкинѣ. Хотя страсть въ немъ вытекаетъ изъ другого источника, но, охвативъ сердце, она дѣйствуетъ тамъ по тѣмъ же самымъ законамъ, обезображивая и уничтожая лучшія, благороднѣйшія чувства.

Равнымъ образомъ отношеніе обоихъ скупыхъ къ другимъ людямъ показываетъ, что въ сердцѣ того и другого не осталось нисколько ни человѣколюбія, ни состраданія къ несчастію; ихъ подавила та же страсть. Какъ для рыцаря, такъ и для Плюшкина все равно, еслибы погибъ весь свѣтъ, лишь бы остался невредимъ предметъ ихъ страсти. Баронъ съ насмѣшкой говоритъ о несчастной вдовѣ, которая съ дѣтьми подъ дождемъ три дня стояла на колѣняхъ у его окна и со слезами умаливала его объ отсрочкѣ долга. Она не умолила его и должна была отдать ему послѣдній дублонъ, чтобы завтра умирать съ голоду. Она въ его глазахъ была не больше, какъ притворщицей, обманщицей, и еслибы не заплатила долга, то онъ нисколько бы не задумался посадить ее въ тюрьму. Его не смущаетъ и мысль, что другой дублонъ могъ перейти къ нему изъ рукъ человѣка, который, можетъ быть, укралъ его или, еще хуже, вынулъ изъ кармана зарѣзаннаго имъ путника. Онъ даже понимаетъ чувство людей, которые въ убійствѣ находятъ пріятность. Съ

нимъ онъ сравниваетъ и свое чувство, которымъ бьется его сердце, когда онъ влагаетъ въ замокъ ключъ: пріятно и страшно вмѣстѣ.

Плюшкинъ подъ вліяніемъ страсти развилъ въ себѣ полное недовѣріе къ людямъ. Ему всѣ кажутся ворами, мошенниками, которые готовы обокрасть его или поживиться на его счетъ. Ему было ни по чемъ назвать такимъ именемъ человѣка въ глаза, не разобравъ, виноватъ тотъ или нѣтъ; не уважая личности ни въ себѣ, ни въ другихъ, онъ не могъ и понять, что словомъ можно обидѣть человѣка.

Плюшкинъ не умираетъ передъ нашими глазами, какъ скупой рыцарь, но мы легко можемъ себѣ представить, какая смерть скорѣе всего возможна въ его положеніи. Стоитъ только, чтобы кто-нибудь укралъ у него шкатулку съ деньгами, или просто бы напугать его мыслью о пропажѣ. Онъ не вынесетъ этого, кровь его прихлынетъ къ головѣ, сильное волненіе убьетъ его. Такимъ образомъ уже въ самой страсти заключается причина смерти. А покража легко можетъ случиться при томъ отношеніи, въ какое онъ поставилъ себя къ своей прислугѣ. Крайнею и постоянною подозрительностью къ людямъ, мало развитымъ нравственно, не трудно навести ихъ на мысль сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ преступными: все же равно ихъ и невинныхъ и честныхъ считаютъ обманщиками и ворами, такъ не лучше ли, если ужъ непремѣнно считаться ими, извлечь изъ того личную выгоду.

Смерть скупого рыцаря была также слѣдствіемъ его страсти, которая ставила его постоянно въ противорѣчіе съ самимъ собою. Она же заставила его налгать на сына передъ герцогомъ. И вотъ наконецъ всѣ эти противорѣчія обнаружились. Разныя чувства въ одинъ мигъ поднялись въ душѣ старика: и скупость, и гнѣвъ, и стыдъ, и сознаніе вины, и оскорбленная честь, все взволновало его; трудно было сердцу вынести такой страшный приливъ страстей; онѣ задушили скупца; но и умирая, онъ показалъ, какая страсть въ немъ была господствующею; онъ искалъ ключей, какъ будто бы съ намѣреніемъ захватить ихъ съ собою въ другой міръ, чтобы никому не досталось его сокровище.

Мы разсмотрѣли общечеловѣческую сторону того и другого лица, т.-е. дѣйствіе и развитіе страсти въ душѣ человѣка, независимо отъ времени и мѣста. Но каждый человѣкъ живетъ въ извѣстное время и дѣйствуетъ среди извѣстнаго общества или народа. Безъ этихъ двухъ условій ясно мы не можемъ представить въ своемъ воображеніи ни одной личности. Время и мѣсто развиваютъ въ человѣкѣ извѣстные понятія, взгляды, обычаи, словомъ, все то, что мы называемъ національною стороною жизни. Она составляетъ какъ бы одежду, въ которой передъ нами является человѣкъ, и по которой мы узнаемъ, къ какому народу онъ принадлежитъ и въ какое время онъ жилъ. Такъ какъ время и мѣсто даютъ человѣку извѣстную обстановку, независимо отъ его воли, то и страсти его могутъ проявляться во внѣшности только сообразно съ этою обстановкою, хотя въ душѣ-то онѣ развиваются у всѣхъ людей по однимъ и тѣмъ же законамъ. Человѣкъ нашего времени, воспитанный въ новѣйшихъ понятіяхъ, образованный современною наукою, живущій подъ извѣстными законами, можетъ поддаваться тѣмъ же страстямъ, какимъ поддавался и средневѣковой человѣкъ или гражданинъ Рима, но онѣ выразятся у него совсѣмъ въ другихъ формахъ, сообразно съ тѣми средствами, какія ему представитъ современная дѣйствительность или, иначе, обстановка его жизни.

Итакъ, взглянемъ же теперь на національную сторону того и другого изъ разбираемыхъ нами лицъ. Прежде всего спросимъ: могъ ли Плюшкинъ повторить сцену барона въ подвалѣ передъ сундуками съ золотомъ? Что у него были деньги, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но онѣ, конечно, состояли въ банковыхъ билетахъ. Трудно представить, чтобы онъ при своей скупости могъ отказаться отъ процентовъ, которые платитъ банкъ за вложенный капиталъ. Иначе онъ явился бы въ противорѣчіи со своею страстью. А не имѣя передъ глазами золота, которое такъ сильно разжигало воображеніе стараго рыцаря, онъ не могъ доходить и до такой восторженности и устраивать себѣ такіе пиры, какіе устраивалъ баронъ въ подвалѣ. Онъ могъ только любоваться на цифры, выставленныя на билетахъ,

но тутъ уже сцена совсѣмъ другая. Наконецъ самыя постройки помѣщичьихъ домовъ не предполагаютъ ничего похожаго на средневѣковые крѣпкіе рыцарскіе замки, гдѣ нарочно устраивались таинственные подвалы и подземелья для сбереженія богатства. Въ средніе вѣка не было банковъ, куда бы можно было отдавать на сохраненіе и въ ростъ свои деньги, не было и бумажныхъ денегъ; богатство заключалось въ золотѣ, и рыцарь поневолѣ долженъ былъ держать его въ своемъ подвалѣ, гдѣ накопленныя груды своимъ блескомъ не могли еще больше не разжигать его страсти; здѣсь очень естественно желаніе видѣть волшебный блескъ, для этого зажигать передъ сундуками свѣчи и воображать себя царемъ, которому все подвластно. Плюшкинъ же могъ прохаживаться между грудами всякой дряни и смотрѣть, чтобы ее не растащили; но съ нею не соединялось мысли о силѣ, какую рыцарь видѣлъ въ золотѣ, слѣдственно, она не могла въ Плюшкинѣ производить и восторга. Онъ дорожилъ всѣми этими пыльными грудами потому, что считалъ ихъ своею собственностью, видѣлъ въ нихъ хозяйственныя принадлежности, которыми не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ въ хозяйствѣ все пригодится. Онъ копилъ въ своихъ кладовыхъ разныя сельскія издѣлія, полотна, холсты, сукна, которые гнили и пропадали задаромъ; но копилъ не потому, что предпочиталъ ихъ деньгамъ, которыя бы получилъ за нихъ, если бы они были проданы въ свое время, а поневолѣ: они остались лежать въ кладовыхъ, потому что ему хотѣлось продать ихъ какъ можно дороже, и онъ назначилъ такія цѣны, какихъ никто не давалъ ему. Здѣсь онъ остался вѣренъ своей страсти, хотя послѣдствія и противорѣчатъ ей.

Плюшкинъ вездѣ является передъ нами русскимъ помѣщикомъ того времени, когда крестьяне были въ полной зависимости отъ помѣщика. При другихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ отношеніяхъ, крестьянинъ не позволилъ бы такъ обирать и разорять себя; дворовый человѣкъ не сталъ бы переносить отъ него такихъ обидъ и брани: каждый изъ нихъ обратился бы къ защитѣ закона, который и ограничилъ бы его своеволіе. Страсть его здѣсь не нашла бы себѣ пищи и должна бы была выразиться иначе, сообразно съ

другою обстановкою. Здѣсь Плюшкинъ, пользуясь своимъ помѣщичьимъ правомъ, безсознательно дѣйствовалъ во вредъ своимъ выгодамъ, но оставаясь вѣрнымъ своей страсти. Ослѣпленный ею, онъ грабилъ своихъ крестьянъ, думая увеличить свои богатства и усилить свое хозяйство, развращалъ дворовыхъ людей обидными подозрѣніями, полагая, что сохранитъ тѣмъ цѣлость всего накопленнаго имъ добра. Ему не приходило на умъ, что при крѣпостныхъ отношеніяхъ помѣщикъ, разоряя крестьянъ, самъ себя разоряетъ, и наоборотъ, только и могъ богатѣть тотъ помѣщикъ, у котораго крестьяне имѣли возможность жить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Онъ не разсуждалъ объ этомъ, и слѣдствіемъ были побѣги крестьянъ и общая нищета, съ которой уже нечего было взять.

Но какъ ни великъ былъ разрывъ между Плюшкинымъ и обществомъ, отъ котораго онъ отказался въ своей замкнутой уединенной жизни, однакожъ и онъ не могъ совершенно отречься отъ нѣкоторыхъ національныхъ обычаевъ, которые пользуются въ народѣ общимъ уваженіемъ и считаются обязательными для всякаго, какъ, напр., гостепріимство. Хотя онъ и признаетъ, что завели пренеприличный обычай ѣздить въ гости, потому что черезъ это бываетъ упущеніе въ хозяйствѣ, и хотя объявляетъ, что у него кухня предурная, того и гляди, что пожаръ сдѣлается, но когда Чичиковъ представляется ему благодѣтелемъ, то первая мысль скупого помѣщика была угостить нежданнаго благодѣтеля. Конечно, это угощеніе выразилось въ самыхъ каррикатурныхъ формахъ, какъ и слѣдуетъ у подобнаго скряги; страсть и здѣсь проявилась во всемъ своемъ безобразіи, точно такъ же, какъ и въ желаніи сдѣлать благодѣтелю какой-либо подарокъ. Наконецъ торгъ душами отлично изображаетъ намъ и скупого, и помѣщика, и русскаго, представляетъ такую сцену, какая могла быть только въ извѣстное время въ русской жизни.

Скупой баронъ при средневѣковой обстановкѣ жизни удерживаетъ за собою и понятія того времени: онъ является рыцаремъ и въ подвалѣ, и въ свиданіи съ герцогомъ, и въ объясненіи съ сыномъ. Его рыцарскія стремленія и внушили ему желаніе власти, которое развило въ немъ страсть ску-

пости; какъ мы уже видѣли, понятія о рыцарской чести нигдѣ не оставляютъ его. Онъ готовъ снова взлѣзть на коня, вооруженный въ случаѣ нужды защищать своего герцога; онъ бросаетъ сыну по рыцарскому обычаю перчатку, когда тотъ назвалъ его лжецомъ; онъ готовъ биться съ нимъ на поединкѣ за свою рыцарскую честь, хотя и знаетъ, что онъ налгалъ въ самомъ дѣлѣ на сына; но безчестіе, по рыцарскому взгляду, заключалось въ сказанномъ словѣ, а не безчестномъ поступкѣ, котораго еще никто не доказалъ. Этотъ рыцарскій порывъ и усилилъ въ старикѣ то душевное волненіе, которое безъ того было довольно сильно отъ объясненія съ герцогомъ, желавшимъ, чтобы отецъ назначилъ сыну приличное содержаніе. Баронъ умеръ и рыцаремъ и вмѣстѣ скупымъ, слѣдственно, остался себѣ вѣренъ.

Если въ баронѣ мы узнаемъ всѣ черты средневѣкового рыцаря, а въ Плюшкинѣ всѣ черты русскаго помѣщика, то мы въ правѣ назвать эти лица типическими, т.-е. представителями извѣстнаго времени и извѣстнаго общества. Это не единственныя, исключительныя личности, которыя поэтъ нашелъ въ дѣйствительности, срисовавъ съ нихъ портретъ; нѣтъ, всѣ эти условія жизни, понятія и пр. ему представились въ большинствѣ лицъ извѣстнаго круга; соединивъ ихъ всѣ въ одномъ лицѣ, поэтъ показалъ намъ, какъ при этихъ условіяхъ и понятіяхъ можетъ развиться и выразиться извѣстная страсть. Слѣдственно, страсть-скупость здѣсь не есть черта типическая, т.-е. непремѣнно принадлежащая всѣмъ рыцарямъ и русскимъ помѣщикамъ, и мы сдѣлали бы ошибочное заключеніе, еслибы стали представлять себѣ всѣ эти типы скупыми. Не всѣ рыцари были скупые, но всѣ скупые рыцари, давъ волю своей страсти, могли дойти до положенія стараго барона и, слѣдовательно, быть на него похожими; точно такъ же и всѣ скупые помѣщики, поддавшись вліянію той же страсти, могли идти путемъ Плюшкина и сдѣлаться новыми Плюшкиными, потому что всѣ они живутъ съ одними и тѣми же понятіями, при одинакихъ условіяхъ, значитъ, и страсть ихъ должна принять такое же направленіе. Но еслибы случилось, что въ комъ-либо условія жизни измѣнились, понятія явились другія, то, конечно, такія лич-

ности выйдутъ изъ прежняго круга общаго типа, и въ нихъ станетъ развиваться типъ новый. Такъ какъ типъ представляетъ не одну личность изъ дѣйствительности, а нѣсколько и даже много, то и имя собственное, съ которымъ является типъ у поэта, нерѣдко обращается въ имя нарицательное, какъ, напр., подъ именемъ Плюшкина уже разумѣютъ не только того Плюшкина, котораго изобразилъ Гоголь, но и всѣхъ скупцовъ-помѣщиковъ на него похожихъ. Это имя сдѣлалось эпическимъ, т.-е. рисуетъ намъ опредѣленный образъ.

Намъ остается сдѣлать еще одно сравненіе. Оно касается впечатлѣній, которыя на насъ производятъ рыцарь и помѣщикъ. Ясно, что они возбуждаютъ въ насъ не одни и тѣ же чувства. Надъ Плюшкинымъ мы смѣемся, но со смѣхомъ у насъ соединяются и жалость, и презрѣніе: онъ является передъ нами жалкимъ, ничтожнымъ, отвратительнымъ. Совсѣмъ не то мы чувствуемъ при видѣ скупого рыцаря; ни малѣйшей улыбки не возбудитъ онъ: что-то ужасное, подавляющее ложится на ваше сердце; вамъ дѣйствительно представляется страшная сила, которая не можетъ вызвать изъ вашей души ни смѣха, ни презрѣнія. Отчего же происходитъ такое различіе въ впечатлѣніяхъ при дѣйствіи одной и той же страсти? Это зависитъ отъ тѣхъ отношеній, въ какія каждый поэтъ поставилъ себя къ изображаемому лицу. Гоголь видитъ въ Плюшкинѣ жизнь, раздробившуюся на мелочи, которыя до того опутали человѣка, что въ нихъ онъ только и находитъ свое призваніе, ими только и питаетъ свою страсть; въ немъ онъ видитъ уклоненіе отъ разумной жизни и смѣется надъ нимъ, потому что всѣ эти житейскія мелочи, отъ которыхъ, впрочемъ, никто не можетъ избавиться, у Плюшкина выступаютъ на первый планъ, дѣлаются цѣлью его дѣятельности и предметомъ его страсти. Смѣхъ здѣсь вытекаетъ самъ собою; человѣкъ становится ужъ такъ низко, сравнительно съ обыкновенною жизнью людей, что противорѣчіе сразу бросается въ глаза всякому. Но въ то же время, у кого развито чувство человѣческаго достоинства, кто хочетъ въ каждомъ уважать образъ человѣка, тотъ не можетъ не замѣтить, что въ Плюшкинѣ этотъ образъ

слишкомъ униженъ, искаженъ и обезображенъ и ни по чьей чужой, а по собственной его винѣ, по его безсилію надъ самимъ собою. Если человѣкъ самъ такъ жалко уничтожилъ въ себѣ всѣ тѣ достоинства, за которыя обыкновенно уважаютъ человѣка, то одного остается ожидать ему—презрѣнія.

Пушкинъ видитъ въ рыцарѣ страшную силу страсти, которая не успокоивается на какихъ-нибудь мелочахъ, но все растетъ и растетъ съ мыслью властвовать надъ всѣми, ни передъ чѣмъ не останавливается, все сокрушаетъ, уничтожаетъ и только сама въ себѣ находитъ гибель. Сила, чѣмъ дѣйствуетъ гибельнѣе, тѣмъ больше поражаетъ насъ; гдѣ ужасъ, тамъ не можетъ быть ни смѣха, ни презрѣнія. Она можетъ исказить человѣческій образъ, но не измельчаетъ его, а сдѣлаетъ чудовищнымъ, страшнымъ, слѣдственно, никакъ не смѣшнымъ.

Такимъ образомъ рыцарь и Плюшкинъ производятъ на насъ впечатлѣнія совершенно противоположныя. Лицо рыцаря можно назвать *трагическимъ*, а лицо Плюшкина *комическимъ*.

Что касается до различія въ изложеніи у обоихъ поэтовъ, то и здѣсь можно найти свои причины. Пушкинъ предпочелъ изложеніе діалогическое, т.-е. вывелъ передъ нами лица и заставилъ ихъ говорить и дѣйствовать, тогда какъ Гоголь самъ разсказываетъ, и хотя также иногда уступаетъ, повидимому, свое мѣсто говоряшимъ лицамъ, но безпрестанно дополняетъ ихъ, замѣчая, что̀ каждое при этомъ дѣлало; значитъ, они все же являются предметомъ разсказа, а не сами дѣйствующими предъ нашими глазами, какъ у Пушкина.

Стоитъ только вникнуть въ положеніе каждаго изображаемаго лица, чтобы убѣдиться, почему тому и другому поэту необходимо было прибѣгнуть къ извѣстному способу изложенія Мы видимъ, что въ рыцарѣ постоянно происходитъ внутренняя борьба; цѣль ея — отстоять за собою свое золото, убѣдить себя въ законномъ правѣ вѣчно и нераздѣльно владѣть имъ, успокоить свою совѣсть, устранить всѣми средствами всякія постороннія притязанія даже на малѣйшую частицу этого богатства; въ немъ постоянно говоритъ страсть; а для изображенія такого состоянія простой

разсказъ слишкомъ слабъ; здѣсь нужно не разсказывать о лицѣ, а представлять его; нужно слышать голосъ самой страсти, чтобы видѣть живую борьбу, которая наконецъ находитъ себѣ исходъ въ побѣдѣ или въ пораженіи и гибели. Такимъ образомъ уже изъ самаго положенія лица вытекаетъ та форма, въ которой поэтъ развилъ свое произведеніе. Она называется формою *драматическою*, такъ какъ сущность драмы заключается въ дѣйствіи, развившемся въ борьбѣ. Здѣсь передъ нами представляется лицо, дѣйствующее подъ вліяніемъ страсти и высказывающее свою страсть.

Въ лицѣ Плюшкина Гоголь нашелъ не борьбу, которая составляетъ интересъ драмы, а жалкій искаженный страстью человѣческій образъ; онъ постоянно пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи, повторяя однѣ и тѣ же сцены. У него нѣтъ одного законченнаго дѣйствія, гдѣ бы сосредоточился интересъ борьбы и выразилось бы полное развитіе страсти, нашедшей себѣ какой-либо исходъ. Безъ этого послѣдняго условія не можетъ быть никакой драмы. Но если бы автору представилось такое дѣйствіе, тогда, конечно, была бы возможность изобразить Плюшкина и въ драматической формѣ, т.-е. *представить* его, вывести на сцену. И такъ какъ главное дѣйствующее лицо этой драмы было бы лицо комическое, то и она назвалась бы *комедіей*.

Но у Гоголя были другія цѣли, поэтому онъ и не искалъ одного законченнаго дѣйствія, какого требуетъ драма, а предпочелъ разсказъ, то изложеніе, которое обыкновенно называютъ *эпическимъ*, гдѣ ему удобнѣе было описать лицо, обративъ вниманіе на всѣ тѣ мелочи, которыя такъ опошлили человѣка. Эта сторона поразила автора; ее онъ изображаетъ въ соотвѣтственной формѣ.

---

13) Разбирается „Мѣдный Всадникъ“ Пушкина.

Вопросы: Какая связь вступленія съ содержаніемъ разсказа? Какой вопросъ рѣшается во вступленіи? Съ какою цѣлью авторъ ведетъ разсказъ объ Евгеніи? Въ чемъ заключается сущность первой части? Кто является главнымъ героемъ? Представителями какихъ интересовъ являются Петръ Великій и Евгеній? На какія картины и сцены раздѣляется вторая часть

и какъ въ нихъ разрѣшается главный вопросъ? Справедлива ли основная мысль всего разсказа? Какую оцѣнку можно сдѣлать всему произведенію?

Содержаніе поэмы, повидимому, составляетъ изображеніе несчастной судьбы бѣднаго юноши, который лишился невѣсты во время петербургскаго наводненія; онъ сошелъ съ ума, и ему все мерещилось, что его преслѣдуетъ конная статуя Петра Великаго, передъ которою онъ произнесъ дерзкія слова противъ основателя Петербурга. Какой же особенный интересъ могъ найти поэтъ въ такомъ событіи? При этомъ общемъ страшномъ бѣдствіи не должно ли показаться слишкомъ мелкимъ и незначущимъ сумасшествіе безвѣстнаго чиновника? Можетъ ли онъ остановить на себѣ исключительное вниманіе среди тысячи несчастій и смертей, производящихъ ужасъ въ душѣ каждаго? Имѣя въ виду, что поэтъ часто соединяетъ съ самымъ пустымъ и бѣднымъ содержаніемъ разсказа какую-нибудь важную мысль, относящуюся къ жизни многихъ людей, занимаясь вопросами не о личностяхъ, а о человѣкѣ и общественной жизни, мы должны прежде убѣдиться, не было ли у Пушкина какой особенной цѣли при разсказѣ о судьбѣ Евгенія. Достигнуть этого мы можемъ только подробнымъ разборомъ или анализомъ всего произведенія.

Первая картина, представляя какъ бы вступленіе въ разсказъ, изображаетъ намъ Петра Великаго на берегу завоеванной рѣки съ мыслью о построеніи Петербурга. Спрашивается: къ чему сдѣлано это вступленіе и какая связь его съ главнымъ содержаніемъ разсказа? Представимъ себѣ такую связь: бѣдствіе Евгенія произошло отъ наводненія Петербурга, который построенъ по волѣ Петра Великаго. Но если удовлетвориться этимъ, то можно пойти и дальше: мысль овладѣть приморскимъ краемъ явилась у Петра еще въ то время, когда онъ прельстился европейскимъ образованіемъ; слѣдственно, отчего ее не представить въ самомъ зародышѣ? Эта же мысль болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до него занимала царя Ивана Васильевича Грознаго. Отчего же бы кстати ужъ не представить и намѣренія Грознаго, такъ какъ они имѣютъ

связь съ стремленіями Петра, изъ которыхъ и возникъ Петербургъ? Допустивъ это, мы должны допустить, что разсказъ о каждомъ событіи можно начинать съ Адама: какая-нибудь связь всегда найдется. Но въ поэтическомъ произведеніи мы требуемъ, чтобы каждая часть была органически связана съ цѣлымъ, т. е. чтобы она составляла законную и необходимую принадлежность цѣлаго, которое безъ нея теряло бы ясность мысли. Только при этомъ условіи произведеніе можетъ быть вполнѣ прекраснымъ, и всѣ части его будутъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи, отъ чего много зависитъ красота формы; точно такъ въ прекрасномъ зданіи каждая часть имѣетъ свое значеніе въ красотѣ цѣлаго; пристройте къ нему что-нибудь лишнее, что не вытекаетъ изъ общей идеи плана, и все будетъ испорчено. Имѣя въ виду, что Пушкинъ вводитъ въ содержаніе разсказа статую Петра, съ которою соединяетъ судьбу бѣднаго Евгенія, мы можемъ предположить, что у поэта съ главною мыслью связанъ вопросъ о Петрѣ Великомъ; на это указываетъ намъ и самое заглавіе поэмы „Мѣдный Всадникъ“. Что же именно онъ хотѣлъ сказать намъ о Петрѣ, представивъ сперва его на берегу Невы съ мыслью о построеніи Петербурга, а потомъ его памятникъ въ „неколебимой вышинѣ“ и коннаго гиганта, преслѣдующаго несчастнаго безумца? Какая можетъ быть связь между Петромъ Великимъ и помѣшаннымъ чиновникомъ? На это намъ можетъ отвѣчать слѣдующая картина:

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло.
Глаза подернулись туманомъ,
По членамъ холодъ пробѣжалъ...
И вздрогнулъ онъ—и *мраченъ сталъ*
Предъ дивнымъ русскимъ великаномъ.
И перстъ свой на него поднявъ,
Задумался... Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось и пр.

Вотъ что было причиною его окончательнаго безумія: дерзость передъ тѣмъ, кто стоялъ въ „неколебимой вышинѣ“. Хотя дерзкая угроза и сдѣлана въ безуміи, но и тутъ она не могла пройти даромъ; она поразила страхомъ разстроенное воображеніе, въ которомъ мѣдный всадникъ какъ бы затопталъ всякое человѣческое сознаніе. Значитъ, поэтъ здѣсь вступается за Петра Великаго, показывая, что только безумецъ можетъ обращаться къ нему съ упрекомъ; но эта дерзость и человѣку въ безумномъ состояніи должна показаться такою святотатственною, что онъ не выноситъ ее, повсюду преслѣдуемый страхомъ... Эта мысль поэта имѣетъ связь съ тѣми толками, которые слышались послѣ наводненія, потопившаго въ 1824 году почти половину Петербурга. Говорили, что Петръ дурно сдѣлалъ, выбравъ для столицы такое неудобное и низменное мѣсто. Послѣ всего этого дѣлается яснымъ и значеніе первой картины поэмы. Въ ней самое ясное — дума Петра, въ которой выражается его намѣреніе построить городъ съ тѣмъ, чтобы соединить Россію съ Европою, обогатить государство морскою торговлею и указать народу путь къ благосостоянію, слѣдственно, соображенія весьма важныя, касающіяся не личностей, а общественной пользы. Высказавъ эту думу царя, поэтъ тотчасъ оставляетъ картину; ему не нужны всѣ другія подробности, которыхъ, конечно, могло бы представиться довольно для блестящаго описанія построенія русской столицы; но онъ не увлекается этимъ, имѣя въ виду цѣлое, главную мысль, для которой не требовалось никакихъ другихъ подробностей. Поэтъ только имѣетъ въ виду необходимый для его идеи вопросъ: исполнились ли всѣ эти намѣренія Петра? Чтобы отвѣчать на тотъ вопросъ, онъ быстро переносится черезъ сто лѣтъ и указываетъ, во что обратились тьмы лѣсовъ, топи болотъ, рыбачьи хижины. Если въ такое короткое для государственной жизни время могъ развиться такой обширный, богатый и роскошный городъ, „полночныхъ странъ краса и диво“, то слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что не обманулся Петръ въ своихъ намѣреніяхъ и что выбранное имъ мѣсто дѣйствительно выгодно и удобно, значитъ, общественная польза достигнута. Въ дополненіе къ общему виду Петербурга поэтъ

рисуетъ намъ тѣ частныя картины въ разныя времена года, по которымъ можно отличить Петербургъ отъ всѣхъ другихъ городовъ: здѣсь и гранитные невскіе берега, и свѣтлыя лѣтнія ночи, и веселая зимняя жизнь, несмотря на жестокость морозовъ, и военный видъ столицы съ разными смотрами и пушечнымъ громомъ, и весенніе дни съ синимъ взломаннымъ льдомъ на Невѣ. Всѣ эти картины нравятся поэту и составляютъ какъ бы переходъ къ той осенней картинѣ, которой нельзя обойти при описаніи „Петрова града“,—картинѣ наводненія. Она „тревожитъ вѣчный сонъ Петра, такъ какъ съ нею соединяются упреки Петру отъ страдающихъ жителей столицы.

Послѣ этого вступленія, гдѣ оправдываются цѣли и намѣренія преобразователя, Пушкинъ переходитъ къ самому разсказу, гдѣ уже поражается безуміе за дерзкіе упреки. Въ первой части разсказа поэтъ знакомитъ читателя съ бѣднякомъ Евгеніемъ, который ничѣмъ особеннымъ не отличался, и которому подобныхъ много живетъ въ Петербургѣ съ одними своими личными, мелкими интересами. Затѣмъ слѣдуетъ живописное описаніе петербургскаго наводненія и бѣдствія, застигшаго народъ. Соединивъ подробности въ самыхъ сжатыхъ образахъ, поэтъ превосходно умѣлъ представить стихійную силу, которая уничтожаетъ всѣ преграды, все сокрушаетъ, губитъ, не щадитъ никакой жизни. И рядомъ съ этой страшной силой изображается спасающееся безсиліе въ лицѣ несчастнаго Евгенія; но съ физическимъ безсиліемъ человѣка соединяется сила внутренняго чувства, сила любви, которая дѣлаетъ его нечувствительнымъ ко всѣмъ стихійнымъ яростямъ. И мысль, и сердце его не съ нимъ, а тамъ, гдѣ угрожаетъ опасность его Парашѣ; и онъ, какъ будто околдованный, не можетъ сойти съ мрамора, чтобы помочь ей; кругомъ его вода и больше ничего. Вотъ какое безсиліе мучитъ бѣднаго посреди всеразрушающей силы, которая невольно представляется *рокомъ,* судьбою, такъ какъ никакія человѣческія усилія не могутъ побѣдить ее и защитить бѣднаго смертнаго. Это вызываетъ у поэта вопросъ, очень естественный при видѣ такой картины: „иль вся наша и жизнь не что, какъ сонъ пустой, насмѣшка рока надъ землей?“ Но несмотря на

все это, поэтъ не теряетъ изъ виду своей основной идеи: его главный герой не Евгеній, а Петръ Великій, „вѣчный сонъ“ котораго тревожится упреками. Передъ этимъ гигантомъ на бронзовомъ конѣ Евгеній верхомъ на мраморномъ львѣ, безъ шляпы, съ сжатыми накрестъ руками, кажется существомъ жалкимъ, комическимъ. Какъ ни глубоко его чувство, но въ немъ заключается только личный интересъ; тогда какъ тотъ, простерши руку надъ возмущенною Невою, представляетъ интересъ всей Россіи. Онъ въ „неколебимой вышинѣ“, обращенный спиною къ жалкому всаднику, какъ будто не можетъ и видѣть его страданій, его мелкихъ интересовъ и уничтожаетъ его своимъ величіемъ, своею сильною мыслью о государственномъ благѣ.

Во второй части прекрасно представлена убыль воды; стихія, смиряющая свои силы, возвращается къ прежнему порядку. Она какъ бы сама себя утомила, не найдя себѣ нигдѣ преграды въ своемъ буйствѣ, и сама же стремится къ своему естественному состоянію. За нею и человѣкъ спѣшитъ привести къ прежнему порядку все разрушенное и испорченное ею. Только не могъ возвратиться къ тому же порядку тотъ, кто понесъ сердечную утрату, чьи потери не могутъ быть вознаграждены ни трудомъ, ни деньгами, ни надеждами на будущее. Лишившись своей Параши, бѣдный Евгеній лишился и разсудка. Этотъ драматическій моментъ представленъ поэтомъ въ немногихъ словахъ съ большимъ искусствомъ. Поэтъ хорошо понялъ, что въ такихъ случаяхъ поразительна бываетъ самая простота дѣйствія. Ужасный внутренній переворотъ въ человѣкѣ, какъ переходъ отъ сознанія къ постоянной безсознательности, въ вѣчный фантастическій міръ, къ вѣчному бреду, словомъ, къ тому состоянію, которое обыкновенно называютъ сумасшествіемъ, этотъ переворотъ отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, неуловимый для посторонняго глаза въ своемъ первомъ моментѣ, лучше и проще не могъ выразиться, какъ въ этихъ стихахъ:

И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ...

Одинъ неумѣстный хохотъ выразилъ это дикое состояніе, въ которое перешелъ несчастный человѣкъ, не вынесшій мысли о вѣчной утратѣ милаго существа. Теперь для него уже перестала существовать дѣйствительность. Онъ былъ „оглушенъ шумомъ внутренней тревоги“, углубился въ себя, и безумное его состояніе живо выразилось въ отношеніи его ко всему окружающему; онъ сталъ „ни звѣрь, ни человѣкъ, ни житель свѣта, ни призракъ мертвый“. А между тѣмъ гигантъ съ простертою рукою продолжалъ сидѣть на бронзовомъ конѣ все съ тѣмъ же величіемъ, на той же „неколебимой высотѣ“. И проходилъ мимо него помѣшанный Евгеній; нужна была только прежняя обстановка, чтобы ему припомнился прошлый ужасъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ прояснились въ немъ мысли. И вотъ однажды случилась и обстановка подобная: „мрачный валъ плескалъ на пристани, мрачно было, дождь капалъ, вѣтеръ выл уныло“... А тутъ на крыльцѣ съ поднятой лапой, какъ живые, стояли и сторожевые львы... И мысли Евгенія дѣйствительно прояснились, но прояснились страшно, онъ узналъ

И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдной головой
И съ распростертою рукой,
Какъ будто, градомъ любовался.

Да, ему можно было любоваться городомъ, „красой и дивомъ полночныхъ странъ“, но онъ и знать не хотѣлъ, что здѣсь погибла невѣста Евгенія, „его мечта, его любовь“; съ нею вмѣстѣ и Евгеній могъ бы также любоваться городомъ, а безъ нея... и вотъ у бѣдняка.

Глаза подернулись туманомъ,
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ, и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ русскимъ великаномъ,
И перстъ свой на него поднявъ,
Задумался...

И за этимъ защищенъ и оправданъ русскій великанъ, оправданъ тѣмъ ужасомъ, какимъ было поражено воображеніе безумца, вздумавшаго дерзко ровнять свой личный интересъ съ дѣломъ великана. Успокоился несчастный только на порогѣ ветхаго домишка, занесеннаго наводненіемъ на какой-то островокъ, того домишка, гдѣ когда-то жила его Параша, успокоился навсегда, забытый всѣми. Но кто же пожалѣетъ несчастнаго за его страданія? Не страдалъ бы онъ такъ, еслибы былъ неспособенъ глубоко чувствовать, сильно любить; а можетъ ли такая любовь быть предметомъ осужденія? Не люби человѣкъ и не было бы геройскихъ подвиговъ, ни даже стремленій къ общему благу.

Справедлива ли мысль Пушкина и въ самомъ ли дѣлѣ должно считать страшною дерзостью осужденіе того или другого дѣйствія великаго человѣка, хотя бы онъ и руководствовался соображеніями объ общественныхъ пользахъ? Каждый общественный дѣятель принадлежитъ суду потомства, которое стремится произносить свои приговоры, сообразно съ своими понятіями, взглядами, съ тѣми плодами, какими оно пользуется отъ его дѣятельности. Конечно, человѣкъ легко можетъ ошибиться въ своемъ судѣ и произнести приговоръ неправильный подъ вліяніемъ какой-либо страсти или ложнаго взгляда; но называть всякую его ошибку дерзостью и за это пугать его призраками, значитъ, не позволять свободнаго мышленія, безъ котораго не можетъ быть и разумной жизни. Не потревожится вѣчный сонъ великаго человѣка отъ неправильнаго приговора нѣсколькихъ личностей, но сильно пострадаетъ человѣчество, когда станутъ отнимать у человѣка право жить своимъ сердцемъ. Конечно, нужно желать, чтобы человѣкъ подчинялъ свои личныя выгоды интересамъ общественнымъ, чтобы первыя совершенно не заслоняли послѣднихъ, въ этомъ Пушкинъ вполнѣ правъ, но и требовать, чтобы каждый оставался безчувственнымъ къ своимъ утратамъ, когда его выгоды стали въ разладъ съ общественными, значитъ уничтожать человѣческую природу. Здѣсь Пушкинъ увлекся, принимая невольную досаду, имѣющую свое законное основаніе въ сердцѣ человѣка, за оскорбленіе идеала монарха, какой составило себѣ общество

въ теченіе ста лѣтъ, находя его въ лицѣ Петра Великаго; но на самомъ дѣлѣ это не было оскорбленіе, и потому здѣсь нужно было не карать виновнаго, а убѣждать заблудившагося. Въ этомъ случаѣ все вступленіе въ его поэмѣ, оправдывая фактами дѣло Петра, дѣйствуетъ сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ ужасъ сумасшедшаго, котораго гнѣвомъ преслѣдуетъ мѣдный всадникъ на звонкоскачущемъ конѣ. Пушкинъ могъ защищать Петра Великаго, не приписывая поступку Евгенія такой преступной дерзости, которая будто бы сама въ себѣ заключаетъ силу карать и безъ того несчастнаго безумца. Здѣсь уже мысль его встрѣчаетъ возраженіе, и потому въ цѣломъ разсказъ его можетъ удовлетворить не всякаго; зато въ подробностяхъ, какъ мы видѣли, онъ поражаетъ своими картинами. Равнымъ образомъ и планъ произведенія по отношенію къ главной мысли соображенъ такъ строго, всѣ части такъ соразмѣрны, такъ тѣсно связаны по отношенію къ цѣлому, что съ этой стороны произведеніе можетъ назваться безукоризненно-прекраснымъ.

На ряду съ подобными классными разборами ученики могутъ работать дома надъ произведеніями другого рода. Они указаны въ одной изъ дополнительныхъ главъ настоящей книги.

Изученіе эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ произведеній съ цѣлью опредѣлить сущность каждаго рода поэзіи въ связи съ жизнью общества и писателя требуетъ болѣе обширныхъ разборовъ и работъ; мы здѣсь только обозначимъ главные вопросы, которые связываются съ нѣкоторыми произведеніями, достойными быть предметомъ изученія.

Ученикъ, начинающій изученіе словесности, долженъ уже хорошо умѣть разбирать всѣ подробности каждой отдѣльной картины и всѣ части каждой статьи, слѣд. упражнять его въ классѣ такими разборами подробностей каждой картины было бы запоздалымъ трудомъ насчетъ занятій болѣе серьезныхъ. Если вслѣдствіе какихъ-либо соображеній преподавателя необходимо разобрать все это, то можно поручить ученикамъ исполнить такое дѣло, какъ домашнюю работу,

къ которой они должны быть пріучены въ предшествующихъ классахъ.

Мы находимъ очень полезнымъ долѣе останавливаться съ учениками на главной идеѣ произведенія и на повѣркѣ ея во всѣхъ подробностяхъ; черезъ это имъ лучше выясняется самая идея и законность всѣхъ частей произведенія, тѣсно связанныхъ идеею въ одно стройное цѣлое. Тогда лучше понимается художественная сторона формы, состоящая въ соразмѣрности и гармоніи всѣхъ отдѣльныхъ частей.

Тарасъ Бульба Гоголя.

Съ этой повѣстью можно прочитать ученикамъ главу изъ историческаго сочиненія Костомарова „Богданъ Хмельницкій“. И въ томъ и въ другомъ представляется одинъ и тотъ же народъ въ одну и ту же эпоху—борьба казаковъ за вѣру и свободу противъ польскаго угнетенія. Но Гоголь описываетъ какъ поэтъ, Костомаровъ—какъ историкъ. Значитъ, между ними есть разница независимо отъ главнаго содержанія. Чтобы понять ее, нужно разсмотрѣть, какъ каждый излагаетъ событія и представляетъ лица. Послѣ внимательнаго разбора того и другого окажется первое различіе въ цѣляхъ. Гоголь полагаетъ интересъ въ одной идеѣ, которую и старается развить въ своемъ произведеніи, идеѣ, имѣющей значеніе общечеловѣческое. У каждаго человѣка, живущаго въ обществѣ, есть свои обязанности, свой долгъ, исполненіе котораго есть нравственное требованіе совѣсти; оно соединяется съ понятіемъ о чести и составляетъ необходимое условіе для нравственнаго идеала жизни. Отступая отъ него, измѣняя ему, человѣкъ долженъ чувствовать нѣкоторое терзаніе совѣсти. Но, съ другой стороны, проникнутый сознаніемъ святости своего долга, человѣкъ можетъ дойти до героизма въ его исполненіи, т.-е. соединить съ нимъ вопросъ о жизни и смерти, не щадить первой и не бояться послѣдней, какъ скоро дойдетъ дѣло до препятствій, мѣшающихъ выполнить то, что имъ считается священною обязанностью честнаго человѣка. Въ этой героической борьбѣ чело-

вѣкъ и выказываетъ свою нравственную высоту. Подобное сознаніе долга можетъ развиваться въ каждомъ обществѣ, въ каждомъ народѣ, въ каждую эпоху; но будетъ оно выражаться въ разныхъ формахъ и дѣйствіяхъ сообразно съ понятіями, образованіемъ, обстановкою жизни человѣка. Гоголь примѣняетъ эту идею къ казацкой жизни въ извѣстную эпоху и разсматриваетъ, какъ она выразилась тамъ въ связи со всѣми условіями той жизни. Слѣдственно, ему нужно непремѣнно вѣрно представить эту жизнь, т.-е. изобразить, въ чемъ состоялъ казацкій долгъ, какой нравственный идеалъ развивался въ казацкой средѣ, какъ, сообразно съ нимъ, казакъ стремился устроить свою жизнь, какъ онъ относился ко всему тому, что не соотвѣтствовало его идеалу, какъ онъ исполнялъ свой долгъ, до какого героизма доходилъ онъ и пр. *). Все это должно намъ вѣрно представлять духъ народа и духъ времени, потому что въ этомъ заключается цѣль автора: въ раскрытіи извѣстной общечеловѣческой идеи въ казацкой жизни онъ полагаетъ главный интересъ своего произведенія. Но такъ какъ жизнь выражается въ фактахъ, въ событіяхъ, то, слѣдственно, они и должны составить содержаніе произведенія. Въ этомъ случаѣ для насъ уже рѣшительно все равно, возьметъ ли авторъ факты дѣйствительно бывшіе, т.-е. чисто историческіе, или вымыслитъ самъ, лишь бы они вѣрно представляли ту сторону жизни, которую онъ взялся изобразить. Здѣсь мы уже не спрашиваемъ себя, дѣйствительно ли было все такъ, какъ разсказываетъ авторъ, а довольствуемся убѣжденіемъ, что представленные факты нисколько не противорѣчатъ вѣрованіямъ, взглядамъ, понятіямъ, образу жизни, общему ходу исторіи той эпохи, а напротивъ, совершенно согласны со всѣмъ этимъ и вѣрно изображаютъ намъ тогдашнюю жизнь съ ея стремленіями и идеалами. Значитъ, здѣсь мы ищемъ исторической вѣрности не въ частныхъ событіяхъ, а въ общемъ духѣ, въ стремленіяхъ и въ обстановкѣ, среди которой должна была развиваться жизнь. Заинтересованные идеей автора, которую онъ

*) Всѣ эти вопросы могутъ быть темами для ученическаго устнаго изложенія или сочиненія.

раскрываетъ въ извѣстной жизни, мы съ любопытствомъ и съ удовольствіемъ читаемъ произведеніе, хотя и очень хорошо знаемъ, что событія имъ вымышлены.

Не то совсѣмъ при чтеніи исторіи. Лишь только мы начнемъ подозрѣвать сочиненіе въ невѣрномъ изложеніи фактовъ или въ ложномъ изображеніи дѣйствительности, мы оставляемъ книгу; сочиненіе перестаетъ интересовать насъ, потому что главный интересъ его заключается въ самомъ вѣрномъ изображеніи всего того, что дѣйствительно было, и какъ скоро является искаженіе, а тѣмъ болѣе вымыселъ, весь интересъ мгновенно пропадаетъ. Здѣсь мы хотимъ знакомиться съ жизнью народа по дѣйствительнымъ фактамъ, хотимъ видѣть, какія событія производила эпоха, согласно съ понятіями и духовными стремленіями народа; какія личности въ ней развивались и дѣйствовали. Исторія можетъ меня и не интересовать, если она представляетъ жизнь народа, не принимавшаго никакого участія въ общемъ развитіи человѣчества; но мы съ удовольствіемъ можемъ читать эпическое произведеніе даже такого народа, съ исторіей котораго мы очень мало знакомы, потому что находимъ въ немъ какую-либо общечеловѣческую идею, которая не можетъ не интересовать насъ, въ примѣненіи къ извѣстной народности въ извѣстную эпоху. Эти двѣ стороны составляютъ необходимое условіе для каждаго истинно-поэтическаго произведенія.

Какъ относительно событій, такъ и относительно лицъ, поэтъ не обязанъ выставлять передъ нами только историческія личности, изображая прошедшую жизнь. Для насъ здѣсь важны не лица, дѣйствительно жившія, которыя можно назвать по именамъ, а то, какъ жили люди при извѣстныхъ нравственныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, какъ выражались ихъ чувства и страсти при извѣстной обстановкѣ жизни, въ чемъ искали счастія и пр. Здѣсь, слѣдовательно, на первый планъ выступаетъ передъ нами *человѣкъ* и его судьба въ данное время и въ данной мѣстности. Отсюда и въ эпическомъ произведеніи является не личность, а *типическое* изображеніе. Въ немъ я уже вижу не одно извѣстное лицо, о которомъ остались сказанія въ исторіи, а всѣ лица, жив-

шія съ извѣстными идеалами при одной и той же обстановкѣ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, жилъ ли Тарасъ Бульба съ сыновьями, а если и жилъ, то дѣйствительно ли случилось съ ними все то, что представляетъ поэтъ; я довольствуюсь тѣмъ, что вижу въ Бульбѣ казака извѣстной эпохи, который, сознавая свой казацкій долгъ, считаетъ безчестнымъ дѣломъ не исполнить его и дѣлается героемъ. Во всемъ этомъ отъ поэта требуется *творчество*; въ дѣйствительности онъ найдетъ только личности и по нимъ-то уже долженъ *создавать* вѣрные типы.

Цѣли историка не могутъ допустить такой работы фантазіи. Лица, выводимыя имъ, должны до малѣйшихъ подробностей быть похожи на личности, дѣйствительно жившія, имена которыхъ они носятъ; безъ этого они не будутъ имѣть для насъ никакого значенія, и мы строго осудимъ историка, въ то время, какъ будемъ восхищаться поэтомъ, если онъ представитъ намъ и историческое лицо, какъ вѣрный типъ, хотя бы и въ вымышленномъ дѣйствіи и, можетъ быть, не во всемъ согласно съ историческими подробностями.

Всѣ эти выводы вытекаютъ изъ сравненія и разбора двухъ означенныхъ сочиненій. Чтобъ видѣть, какъ основная идея поэта опредѣляетъ объемъ произведенія, слѣдуетъ прослѣдить ея развитіе во всѣхъ частяхъ и опредѣлить отношеніе къ ней всѣхъ лицъ, какъ тѣхъ, которыя остаются вѣрны казацкому идеалу, такъ и тѣхъ, которыя измѣняютъ ему, подобно Андрею Бульбѣ, или по своей жизни не могутъ его выразить, напр., жена Тараса. Изъ этого отношенія къ идеалу вытекаетъ и судьба каждаго лица, а съ тѣмъ вмѣстѣ раскрывается и жизнь эпохи. Отсюда опредѣлится округленность и законченность эпическаго произведенія, что составляетъ необходимое его эстетическое условіе и чего нельзя требовать отъ исторіи, которая не задается никакой идеей, а только слѣдитъ за развитіемъ жизни, часто очень многосторонней, и за дѣйствіями личностей, изъ которыхъ однѣ смѣняютъ другихъ, не прекращая общей исторической жизни.

Мы исчерпали далеко не всѣ вопросы, которые вытекаютъ изъ произведенія Гоголя и надъ которыми подумать

не безполезно ученикамъ при ихъ работахъ. Они относятся къ изображенію историческихъ характеровъ, къ оцѣнкѣ нравственной стороны жизни, къ отношенію самого поэта къ тѣмъ или другимъ личностямъ и проч. Тутъ могутъ быть темы: домашняя жизнь казака, казацкое воспитаніе, казацкая школа, казакъ въ дорогѣ, казакъ на запорожской сѣчи, казакъ на войнѣ, казакъ какъ мужъ и отецъ.

Капитанская дочка Пушкина.

При чтеніи необходимо отдѣлять историческую часть отъ романтической или отъ вымысла, чтобы потомъ видѣть, какъ поэтъ можетъ пользоваться исторіей для своихъ цѣлей. Для этого хорошо указать ученикамъ на нѣкоторыя страницы исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина, которыя дали матеріалъ воображенію поэта для созданія живыхъ историческихъ картинъ и для вѣрнаго изображенія нравовъ того времени *). Конечно, ученическія работы могутъ быть гораздо серьезнѣе, если окажется возможнымъ, чтобы въ рукахъ учениковъ были самыя разбираемыя сочиненія **), которыя они могли бы прочитывать сами нѣсколько разъ и по волѣ перечитывать тѣ или другія страницы, чтобы сближать разныя части сочиненія.

Усвоивъ хорошо содержаніе, можно остановиться на вопросѣ объ *идеѣ* произведенія, которая обнаруживается здѣсь

---

*) См. словесность въ образцахъ и разборахъ Водовозова. Здѣсь авторъ обращаетъ особенное вниманіе на историческую сторону повѣсти, на что мы и указываемъ; эстетическая же его критика крайне придирчива и во многомъ неудовлетворительна.

**) Г. Гавриловъ въ своей книгѣ «Письменныя упражненія» замѣчаетъ: «Никоимъ образомъ нельзя довольствоваться *первымъ чтеніемъ* даннаго произведенія. Первое чтеніе можетъ привести только къ даннымъ обобщеніямъ и группамъ мыслей, ясно указываемыхъ темой, оно даетъ лишь блѣдное представленіе о томъ, что должно заключаться въ сочиненіи, и ученикъ поступитъ дурно, если ограничится этимъ представленіемъ... При ближайшемъ ознакомленіи съ подробностями матеріала, что достигается *многократнымъ* перечитываніемъ произведенія, первоначальныя обобщенія и точки зрѣнія расширяются, вывѣряются.

изъ наблюденія надъ общей связью между отдѣльными частями.

Пушкинъ оканчиваетъ свою повѣсть по обычаю почти всѣхъ романистовъ—добро должно быть награждено, а зло наказано; потому и Гриневъ, благодаря нѣсколькимъ благопріятнымъ случайностямъ, выходитъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ торжествующимъ и счастливымъ. Все это нужно романисту, чтобы не оставить въ читателѣ тяжелаго впечатлѣнія. Но въ дѣйствительности нерѣдко такихъ благопріятныхъ случайностей и не подвертывается; нравственный человѣкъ гибнетъ невинно на ряду съ злодѣемъ. Легко могъ погибнуть и Гриневъ и испытать участь одинакую съ Швабринымъ; онъ зналъ это хорошо и все же не поколебался выбрать себѣ мучительное будущее, лишь бы только не привлечь любимую особу къ непріятнымъ допросамъ вмѣстѣ съ злодѣями, лишь бы не оскорбить въ ней нравственнаго чувства, поставивъ ее на одну доску съ убійцами ея отца, съ ея мучителями и врагами. Нѣсколько часовъ ея страданій онъ рѣшается купить страданіями всей своей жизни. Слѣдственно здѣсь является самый высокій *героизмъ*, который нравственно ставитъ Гринева неизмѣримо выше Швабрина и другихъ, хотя ихъ могла постигнуть и одинаковая судьба, назначаемая закономъ только злодѣямъ. Откуда же вытекаетъ такой героизмъ? Конечно, безъ самой нѣжной любви къ Марьѣ Ивановнѣ онъ не могъ бы проявиться. Но одной любви тутъ мало. Мы знаемъ, что и Швабринъ любилъ капитанскую дочь, однако у него достало силъ только на гадкія клеветы, на насиліе и на самое отвратительное мщеніе. Такой человѣкъ не дошелъ бы до безкорыстнаго героизма. Въ Гриневѣ представляются еще другія силы, которыхъ нѣтъ у Швабрина, это—нравственное развитіе, благородство чувствъ, честность, добродушіе. Изъ этого факта и вытекаетъ идея: любовь можетъ довести до безкорыстнаго героизма только человѣка нравственно развитого. Такимъ Пушкинъ не безъ намѣренія и старается представить Гринева во всей своей повѣсти. Цѣль его—развить опредѣленную идею при извѣстной исторической обстановкѣ, показать, какъ она могла здѣсь проявиться и какая судьба могла ожидать человѣка съ бла-

городными чувствами. Черезъ это рисуется и нравственное состояніе того общества, въ которое вводится подобный человѣкъ. Конечно, Пушкинъ могъ бы вмѣсто счастливаго конца представить самый плачевный, чего скорѣе можно было ожидать въ дѣйствительности, какъ мы уже сказали. Но самая идея отъ этого не была бы яснѣе; она выражается независимо отъ награды за добро и наказанія за порокъ. И то, и другое является здѣсь по обычной теоріи для удовлетворенія нравственнаго чувства человѣка, которое возмущается при видѣ торжествующаго порока или невинно страдающей добродѣтели. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Гриневъ стоялъ бы высоко въ нашихъ глазахъ, какъ истинный герой, съ которымъ мы не смѣшали бы Швабрина и другихъ, какъ ихъ смѣшали судьи. Подобный человѣкъ, и погибая подъ приговоромъ суда, всегда имѣетъ такое утѣшеніе, какого не имѣетъ злодѣй. Онъ знаетъ, что образъ его остается чистъ и непороченъ и просіяетъ предъ людьми во всемъ своемъ блескѣ, когда передъ ними раскроются всѣ обстоятельства. Вотъ какая награда за добродѣтель, и она можетъ назваться нравственною, потому что вытекаетъ изъ самаго дѣла и никакая сила уничтожить ее не можетъ; она не зависитъ отъ случайностей. При изученіи произведенія нельзя обойти этой нравственной стороны его, потому что для нея представляются и всѣ его подробности. Далѣе является вопросъ: могли ли въ Гриневѣ дѣйствительно развиться всѣ тѣ качества, съ какими изображаетъ его Пушкинъ, или, иными словами, могъ ли въ той исторической средѣ явиться человѣкъ, подобный Гриневу; есть ли историческая связь между идеаломъ поэта и представляемою имъ эпохою; не вноситъ ли онъ преждевременно и насильственно въ эту эпоху того, чего въ ней ни по какимъ законамъ не могло быть?

Въ каждомъ характерѣ представляются двѣ стороны: силы, полученныя человѣкомъ отъ природы, и направленіе этихъ силъ, данное различными обстоятельствами жизни, начиная съ самаго дѣтства. Слѣдственно, при разборѣ съ самаго начала нужно ясно опредѣлить, какія силы даны человѣку природою. Природа можетъ дать человѣку въ большей или мень-

шей мѣрѣ разсудокъ, бо́льшую или меньшую силу воображенія, чувства, страстности и под. Соединеніе въ извѣстной мѣрѣ всего того, что мы называемъ душевными способностями, и составляетъ природу человѣка. Разсмотрѣвъ поступки Гринева, мы легко убѣдимся, что преобладающія въ немъ природныя силы заключались въ разсудкѣ и въ способности живо чувствовать, а вглядѣвшись въ обстановку его воспитанія, найдемъ, что для такой натуры условія были благопріятны, чтобы развиться сердечной мягкости и добродушію. Въ семьѣ этими качествами отличалась и мать его, тогда какъ отецъ былъ довольно суровъ и съ деспотическимъ характеромъ. Очень понятно, что ребенокъ съ живыми чувствами долженъ былъ стоять ближе къ привѣтливой и ласковой матери, чѣмъ къ суровому отцу и сдѣлаться добродушнымъ и мягкосердечнымъ. Но и отецъ не могъ оставаться безъ всякаго вліянія на сына. Онъ былъ хотя и съ деспотическими наклонностями, но съ нѣкоторыми здравыми понятіями. Онъ не хотѣлъ послать сына въ гвардію, чтобы тотъ праздно и безпутно проводилъ время, хотя эта служба считалась почетною, а хотѣлъ, чтобы юноша узналъ настоящую трудовую службу и въ этомъ смыслѣ написалъ и письмо къ оренбургскому губернатору. Не его вина, если не нашлось въ Бѣлогорской крѣпости такой службы, какой хотѣлъ онъ для сына; но онъ правильно разсчитывалъ на образовательную силу труда, котораго не оказывалось въ деревенской жизни, особенно, когда старикъ убѣдился, что отъ француза-учителя нельзя ожидать никакого добра для сына. Слѣдственно, природный разсудокъ Гринева могъ развиться подъ вліяніемъ разговоровъ и, можетъ быть, наставленій отца, точно такъ же и понятіе о дворянской чести и долгѣ мальчикъ могъ заимствовать отъ него же, такъ какъ старикъ дорожилъ этой честью.

Савельичъ, толковавшій о свойствахъ борзого кобеля, и французъ Бопре, пившій запоемъ, не оставили въ душѣ его никакихъ дурныхъ слѣдовъ. Савельичъ и не могъ оставить особенно дурныхъ слѣдовъ. Онъ былъ только рабскій исполнитель барскихъ приказаній, смотрѣлъ, чтобъ ребенокъ не дѣлалъ ничего, что́ не приказано дѣлать; самъ же

по себѣ былъ добрый и честный старикъ, слѣдственно, нравственно и не могъ испортить ребенка. Иное дѣло французъ Бопре; на другую натуру, болѣе страстную, онъ могъ бы имѣть очень дурное вліяніе; но на натуры, подобныя Гриневу, отвратительные примѣры въ воспитаніи чаще оставляютъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого бы можно было ожидать. Нѣжныя чувства и разсудительность не выносятъ слишкомъ грязныхъ сценъ или рѣзкихъ выходокъ: за ними всегда является въ душѣ отвращеніе, которое тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ чаще повторяются такія сцены. Какъ суровость и деспотизмъ отца не могли перейти въ нѣжную душу разсудительнаго Гринева, такъ и грязная жизнь Бопре не могла отразиться грязью на душѣ его. Такимъ образомъ, если Пушкинъ и не представилъ намъ подробностей воспитанія Гринева, то, по краней мѣрѣ, указалъ на тѣ данныя, по которымъ мы можемъ судить, какъ явились у него тѣ свойства, какія впослѣдствіи выказались въ его жизни, и мы видимъ, что ими Гриневъ не оторванъ отъ своей почвы.

Въ немъ выражаются между прочимъ и понятія того вѣка, напр., въ отношеніи къ дворянской чести. Русскія дворянскія чувства чести и гордость нельзя смѣшивать съ западно-рыцарскими чувствами. Въ рыцарѣ показалось бы противорѣчіемъ многое, что въ русскомъ дворянинѣ прошедшаго столѣтія такъ и должно было быть; здѣсь только выражаются черты мѣстныя, черты эпохи. Дворянинъ считалъ безчестьемъ, измѣняя престолу, перейти на сторону самозванца или обманщика, считалъ униженіемъ вымаливать себѣ пощаду, но то положеніе, въ какое онъ насильственно ставится другими, нисколько не оскорбляло его дворянской чести. Да и какъ бы въ немъ могло развиться такое понятіе о чести, когда еще было свѣжо преданіе о палкахъ и о кнутахъ, отъ которыхъ не были избавлены дворянскія спины. Слѣдственно, странно было бы ожидать, чтобы смутилась дворянская гордость Гринева при видѣ холопскаго усердія Савельича передъ Пугачевымъ и отъ своего собственнаго положенія, когда онъ былъ насильно поставленъ на колѣни передъ Пугачевымъ *). Довольно того, что онъ не сталъ въ такое по-

*) Г. Водовозовъ удивляется всему этому.

ложеніе добровольно, отказавшись цѣловать злодѣю руку. Въ словахъ его „я природный дворянинъ, тебѣ служить не могу... я офицеръ и дворянинъ“ вовсе не выражается какой-либо рыцарской гордости. Гриневъ хочетъ сказать, что онъ, какъ дворянинъ и офицеръ, обязанъ присягою служить государынѣ, слѣдовательно, не можетъ поступить противъ присяги. Это такъ просто и ясно, что, по его мнѣнію, должно быть убѣдительнымъ и для грубаго самозванца. Слѣдственно, не чувство дворянской гордости вызываетъ эти слова, а произносятся они какъ убѣдительный доводъ. Да и странно было бы, еслибы разсудительный Гриневъ сталъ выражать свою дворянскую гордость передъ врагомъ всего дворянскаго. Что же касается до того, что Гриневъ, считая Пугачева мошенникомъ и воромъ, сидѣлъ въ то же время съ нимъ за однимъ столомъ и пользовался его услугами, то на это мы замѣтимъ, что онъ не думалъ скрываться и передъ Пугачевымъ, за кого его принимаетъ, не льстилъ ему и не хитрилъ передъ нимъ, не дѣлалъ ничего, что̀, по понятіямъ вѣка, могло вредить службѣ или было несоотвѣтственно данной присягѣ, точно такъ, какъ и дворянской чести. Онъ дѣйствовалъ открыто, слѣдственно и не считалъ безчестнымъ или унизительнымъ воспользоваться такими услугами, которыя спасали честь, а можетъ быть и жизнь любимой дѣвушки. Не забудемъ, что здѣсь преобладающимъ чувствомъ была самая сильная любовь юноши, что, слѣдственно, возможно допустить и увлеченіе, какъ бы человѣкъ ни былъ разсудителенъ; въ такихъ обстоятельствахъ даже рыцарская гордость могла бы сдѣлать уступку, а странно было бы, еслибы Гриневъ отказался отъ услуги Пугачева, слѣдственно и отъ мысли во что бы ни стало спасти Марью Ивановну, только потому, что онъ дворянинъ, которому неприлично принять услугу отъ вора и мошенника, тѣмъ болѣе, что отъ него самого за это ничего не требовалось противнаго дворянской чести. Итакъ, мы видимъ, что тѣ понятія, какія въ ту эпоху могли существовать о дворянской чести, легко могли прививаться къ ребенку еще въ семьѣ; разсудительность же Гринева въ дальнѣйшей жизни умѣла согласовать съ ними и всѣ поступки.

Первые шаги Гринева на свободѣ представлены Пушкинымъ очень живо и вѣрно. Юноша, попавшись въ руки кутливаго Зурина, хочетъ убѣдить себя и другихъ, что онъ человѣкъ уже самостоятельный и можетъ не отставать отъ другихъ, по-юношески увлекается, отъ одной глупости быстро переходитъ къ другой, выказывая полную неопытность въ жизни, и за все это долженъ поплатиться ста рублями. Сопротивленіе Савельича выдать деньги заставляетъ его одуматься; природная разсудительность беретъ въ немъ верхъ; онъ убѣждается, что поступилъ дурно, что упреки Савельича справедливы, но въ себѣ самомъ онъ слышалъ еще и другой голосъ: безчестно отказаться отъ уплаты долга. Не нужно большого развитія, чтобы обманъ считать безчестнымъ дѣломъ, а Гриневъ все же воспитался въ такой семьѣ, гдѣ имѣли понятіе о честности. Савельичъ могъ сопротивляться, считая этотъ долгъ не долгомъ, а обманомъ и плутовствомъ со стороны Зурина, воспользовавшагося простотой и неопытностью ребенка; но Гриневъ понималъ это иначе, слѣдственно, не могъ допустить и мысли не уплатить долга. Чтобы устранить отъ себя опеку Савельича, онъ долженъ былъ показать рѣшительность и настойчивость, что̀ онъ и сдѣлалъ; но, съ другой стороны, явилась сердечная доброта: ему жаль стало старика, котораго онъ такъ оскорбилъ, и онъ даетъ слово вести себя иначе. Далѣе неопытность и юношеская опрометчивость поставили его опять въ непріятное положеніе—въ степи подъ сильнымъ бураномъ, положеніе, изъ котораго они могли выйти только при помощи бродяги. Доброта и чувство благодарности заговорили снова въ сердцѣ Гринева и опять встрѣтили сопротивленіе со стороны Савельича. Гриневъ подѣлился съ бродягою своимъ платьемъ, чтобы не огорчать Савельича требованіемъ денежнаго подарка. Такимъ образомъ, по первымъ шагамъ неопытнаго юноши уже видно, какія силы будутъ преобладать въ его жизни. Затѣмъ онъ является почти роднымъ человѣкомъ въ простой и скромной семьѣ капитана Миронова, гдѣ онъ и не могъ ничему особенно научиться, но гдѣ нравственное вліяніе было для него благотворно; его мягкое и нѣжное сердце нашло здѣсь ласку и любовь, слѣдственно, онъ могъ примириться и съ тою скукою, которая

въ началѣ ему угрожала. Подъ впечатлѣніемъ этой простой спокойной жизни очень понятно, что Марья Ивановна своимъ скромнымъ характеромъ привлекла его вниманіе и онъ полюбилъ ее. Сблизила ихъ молодость, потребность молодыхъ сердецъ любить, постоянныя встрѣчи при однообразной жизни, общія симпатіи къ скромной и простой жизни. По свойству своей натуры юноша Гриневъ способенъ былъ привязываться всѣми силами своей души, любить глубоко, хотя, можетъ быть, и безъ страстныхъ порывовъ, какъ онъ дѣйствительно и полюбилъ Марью Ивановну. Не удивительно, если онъ не могъ вынести низкой клеветы Швабрина, коснувшейся чести любимой имъ дѣвушки, и воспламенился гнѣвомъ *).

*) А г. Водовозовъ находитъ въ этомъ какое-то особенное геройство и удивляется, что Гриневъ по пріѣздѣ въ Бѣлогорскую крѣпость уже является *совершеннымъ героемъ*: «не спрашивая, желаетъ того или нѣтъ Марья Ивановна, онъ становится ревнивымъ защитникомъ ея чести. Вмѣсто того, чтобы только предостеречь ее отъ Швабрина, онъ берется наказать клеветника безъ ея вѣдома. Гриневъ мало зналъ Швабрина и, между тѣмъ, бывши друженъ съ этимъ человѣкомъ, онъ при первомъ случаѣ называетъ его мерзавцемъ и затѣваетъ съ нимъ дуэль. Швабринъ, конечно, пошлый клеветникъ, но и Гриневъ не разсуждаетъ, чѣмъ можетъ онъ лучше помочь Марьѣ Ивановнѣ и какъ вѣрнѣе избавить ее отъ опасности». Намъ кажется, что Гриневъ сталъ бы въ весьма комическое положеніе, еслибы въ свои юные годы, притомъ влюбленный и наконецъ раздраженный наглою клеветою, обладалъ такою холодною разсудительностью, какой требуетъ отъ него г. Водовозовъ. Передъ нимъ клевещутъ самымъ недостойнымъ образомъ на невинную и скромную дѣвушку, которая для него дороже всего на свѣтѣ, а онъ молча пойдетъ спрашивать ее, желаетъ ли она имѣть его своимъ защитникомъ и позволитъ ли ему наказать клеветника. Да развѣ этого можно требовать? Едва ли даже и не влюбленный человѣкъ удержится отъ гнѣва, слыша, какъ при немъ заочно оскорбляютъ честную женщину. Онъ не пойдетъ разсказывать ей что о ней говорятъ, а прямо назоветъ клеветника недостойнымъ лжецомъ и гнуснымъ человѣкомъ. Гнѣвъ свои права имѣетъ. И можно ли находить страннымъ то, что Гриневъ, мало зная Швабрина и находясь съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, при первомъ случаѣ называетъ его мерзавцемъ и затѣваетъ дуэль. По-нашему, рѣшительно все равно, первый ли это случай, или нѣтъ, дѣло въ томъ, что Гриневъ не искалъ его; а случай былъ такой отвратительный, что впечатлѣнія отъ него не могла смягчить и пріятельская связь. Дуэль есть уже необходимое слѣдствіе крупнаго слова, выразившаго только негодованіе взволнованнаго юноши; да притомъ же и не Гриневъ затѣялъ ее, онъ только не могъ отъ нея отказаться по принятымъ по-

Все это намъ представляется очень естественнымъ даже и въ разсудительномъ, но влюбленномъ юношѣ, и героизмъ его нисколько ему не навязывается. При разборѣ необходимо имѣть въ виду форму изложенія повѣсти, гдѣ разсказываетъ о себѣ самъ разсказчикъ, слѣдовательно, не можетъ вдаваться въ тонкій анализъ самого себя, а передаетъ намъ только факты, которые въ другой формѣ, конечно, были бы изложены поэтомъ иначе. Здѣсь же поэтъ долженъ предоставить нашей собственной наблюдательности объяснить развитіе характера. Здѣсь романтическая сторона героя заключается въ томъ, что весь интересъ жизни полагается въ одномъ чувствѣ, которое послѣ многихъ неудачъ и страданій наконецъ торжествуетъ и тѣмъ доказываетъ свою законность. О Гриневѣ нельзя сказать того, что̀ о многихъ романтическихъ герояхъ, что ему все на свѣтѣ удается безъ всякаго съ его стороны усилія, по одному щучьему велѣнью, какъ въ самомъ дѣлѣ является во многихъ романахъ. Вникая въ его поступки и дѣйствія, мы находимъ тѣсную связь между ними и нравствен-

---

пятіямъ о чести. Мы сами признали въ Гриневѣ разсудительность за одну изъ главныхъ природныхъ силъ, но считаемъ неестественнымъ требовать ея въ такой мѣрѣ, чтобы она подавляла въ юношѣ всѣ движенія сердца, тѣмъ болѣе, что и способность живо чувствовать была у него развита въ значительной степени. Разумѣется, въ жизни обѣ эти силы иногда будутъ дружно сходиться, иногда одна брать верхъ надъ другою и производить борьбу, но разсудительность честнаго человѣка всегда будетъ стремиться удерживать его въ предѣлахъ честныхъ поступковъ.

Г. Водовозовъ видитъ противорѣчіе и въ томъ, что Гриневъ, представленный великодушнымъ и разумнымъ человѣкомъ, вдругъ является отчаяннымъ сумасбродомъ, безъ всякихъ разсужденій и помощниковъ, принимаясь за трудное дѣло — одинъ скачетъ черезъ степь, наполненную непріятелями, противъ которыхъ безсильно было все оренбургское войско. Дѣйствительно, разсудительности тутъ, можетъ быть, и мало, но зато тутъ много героизма, очень естественно вызваннаго сильною любовью на крикъ любимой дѣвушки: спаси меня, я погибаю. Неужели была тутъ возможность юношѣ хладнокровно разсуждать, тѣмъ болѣе, что не представлялось никакихъ обыкновенныхъ средствъ къ спасенію? Разсудительность все же и при этомъ совершенно не оставила Гринева: замышляя отважный поступокъ и предвидя всю его опасность, онъ позаботился о Савельичѣ, распорядился своими деньгами и тогда уже отправился, конечно, въ надеждѣ воспользоваться какою-нибудь благопріятною случайностью для спасенія своей невѣсты.

ною стороною его жизни; они какъ бы вытекаютъ изъ послѣдней, составляя прямое ея слѣдствіе. Честность, сердечная доброта безъ корыстнаго разсчета, благородство производятъ тѣ удачи, которыми онъ пользуется. Заячій тулупъ и чарка водки, данные бродягѣ изъ чувства благодарности и сожалѣнія, впослѣдствіи спасли его отъ висѣлицы; долгъ, честно уплаченный не совсѣмъ честному Зурину, выручилъ его также изъ очень затруднительнаго обстоятельства. Конечно, можно сказать, что все это рѣдкія случайности, такъ какъ въ дѣйствительности не всегда вытекаютъ такія слѣдствія изъ добрыхъ дѣлъ. Справедливо, но нельзя сказать и того, что человѣкъ никогда не видитъ добрыхъ слѣдствій отъ своей нравственной жизни и добрыхъ дѣлъ. Разумѣется, поступая честно, справедливо, по сердечному влеченію, вслѣдствіе нравственной потребности, онъ никогда не разсчитываетъ на вознагражденіе, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ насчитать въ своей жизни нѣсколько такихъ благопріятныхъ случайностей, которыя имѣютъ тѣсную связь съ его прежними поступками, иногда очень давнишними и почти забытыми. То же самое повторилось и съ Гриневымъ, и, конечно, разсказывая о себѣ самъ, онъ могъ упоминать только о такихъ своимъ поступкахъ, которые впослѣдствіи были причиною весьма важныхъ обстоятельствъ его жизни; но и они достаточно намъ показываютъ хорошо развитую натуру человѣка. Ясно, слѣдовательно, что поэтъ имѣлъ въ виду связь между нравственною стороною и обстоятельствами жизни; а поэтому и героя его нельзя отнести къ разряду тѣхъ, которымъ все приложено извнѣ, для того, чтобы герой вышелъ настоящимъ героемъ.

Какъ тему для сочиненія, можно дать ученикамъ прослѣдить, всѣ ли части повѣсти Пушкина необходимы для общаго развитія и могутъ ли быть оправданы идеей произведенія; части же можно назвать слѣдующія: воспитаніе, первые шаги молодого человѣка на свободѣ, семейство капитана Миронова, столкновеніе съ Швабринымъ, появленіе Пугачева, личное отношеніе Гринева къ Пугачеву, судъ и оправданіе. Самыя важныя части въ разсказѣ тѣ, гдѣ выражается любовь и героизмъ, такъ какъ эти послѣднія заключаются въ

самой идеѣ. Для развитія любви необходимо представить обстоятельства, при которыхъ встрѣтились или сошлись молодые люди; для развитія героизма необходимы препятствія и противодѣйствія, что все должно было ввести въ разсказъ семейство Миронова и Швабрина. Для выясненія характера, которымъ опредѣляется самый героизмъ, необходимо было указать на обстановку при воспитаніи и на вступленіе въ жизнь, причемъ обнаруживаются всѣ задатки характера и завязывается нравственная связь съ дальнѣйшею жизнью. Гибель семейства Миронова и измѣна Швабрина ставятъ молодую дѣвушку Марью Ивановну въ такое положеніе, которое должно было вызвать героизмъ со стороны влюбленнаго Гринева съ его прямымъ и честнымъ характеромъ. Все это повело къ дальнѣйшимъ сценамъ, которыя естественно привели Гринева къ суду, гдѣ и произошло высшее проявленіе героизма. Послѣдняя часть — оправданіе, нужна, какъ мы видѣли, вслѣдствіе особыхъ соображеній автора.

Старосвѣтскіе помѣщики Гоголя.

Въ повѣсти видимо двѣ главныя части — описательная и повѣствовательная. Въ первой подробно представляется счастливая жизнь Товстогубовъ, жизнь, сложившаяся, безъ всякаго съ ихъ стороны усилія, сообразно съ ихъ наклонностями, характерами, потребностями, привычками. Во второй части разсказывается, какъ все это счастье быстро разрушается отъ одного пустого случая—бѣгства любимой кошки Пульхеріи Ивановны. Случай этотъ сильно подѣйствовалъ на ея воображеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на весь ея духовный міръ; явились безпокойство, ожиданіе, страхъ, наконецъ смерть хозяйки и всѣ дальнѣйшія послѣдствія для Аѳанасія Ивановича. Суевѣрное отношеніе Пульхеріи Ивановны къ жизни придало простому случаю съ кошкою особое таинственное значеніе, а слѣдственно, въ немъ и заключается причина разрушенія счастливой жизни обоихъ супруговъ. Отсюда и проясняется идея самаго произведенія: здѣсь Гоголь имѣлъ въ виду представить, какъ непрочно счастье лю-

дей, слишкомъ мало развитыхъ умственно, хотя бы въ нравственномъ отношеніи они были и прекрасные люди: собственною своею рукою, безсознательно они разрушаютъ свое счастье и нерѣдко губятъ свою жизнь. Въ разсказѣ рисуется жизнь, надъ которою наблюдалъ авторъ. Въ самой идеѣ уже выражаются двѣ части: изображеніе счастія и разрушеніе его. Но счастіе человѣка зависитъ отъ его понятій, нрава и обстановки его жизни, слѣдственно, чтобы вполнѣ изобразить счастливую жизнь, нужно коснуться всѣхъ этихъ сторонъ, которыя и составили описательную часть.

Изъ всего этого разъясненія возникаетъ тема для ученическаго сочиненія: какіе интересы привязывали старосвѣтскихъ помѣщиковъ къ жизни? При этомъ слѣдуетъ коснуться вообще житейскихъ интересовъ, которые могутъ быть весьма разнообразны: интересы общіе и частные, общественные, семейные, личные, какъ, напр., интересы науки, искусства, политическіе, извѣстнаго общества, сословія, кружка и пр Образованіе развиваетъ кругъ интересовъ, одни подчиняютъ себѣ другіе, отсюда опредѣляется и характеръ дѣятельности человѣка. Счастье для однихъ не можетъ быть счастьемъ для другихъ, иначе развитыхъ и съ иными идеалами жизни. То, что составляетъ счастіе старосвѣтскихъ помѣщиковъ, можетъ показаться человѣку съ большимъ умственнымъ развитіемъ жалкою, пустою жизнью. Такъ какъ онъ привязанъ къ жизни разнообразными интересами, то, слѣдственно, одинъ личный или семейный интересъ, какимъ жили старосвѣтскіе помѣщики, далеко не можетъ удовлетворить его. Онъ требуетъ отъ жизни дѣятельности, и притомъ, если онъ человѣкъ нравственный, то дѣятельности на пользу общественную. Отсюда въ немъ должно развиваться и особенное отношеніе къ жизни тѣхъ людей, которые, подобно старосвѣтскимъ помѣщикамъ, живутъ исключительно личными интересами и находятъ свое счастье въ неподвижности, благопріятно для нихъ сложившейся. Съ его стороны является взглядъ насмѣшливый, *юмористическій*, хотя въ то же время, изображая людей добродушныхъ, гостепріимныхъ, любящихъ другъ друга, онъ не можетъ не питать къ нимъ и чувства любви. Такимъ и является Гоголь въ первой части своего разсказа.

Здѣсь выясняется отношеніе автора къ предмету своего повѣствованія, что̀ составляетъ очень важную сторону каждаго произведенія; она даетъ особенный тонъ разсказу и, слѣдственно, оживляетъ его, находясь при томъ въ тѣсной связи съ самой идеей произведенія.

Другая часть по идеѣ должна изобразить факты, разрушившіе то счастье, которое сложилось безъ всякаго усилія со стороны людей, благодаря ихъ нраву и благопріятнымъ обстоятельствамъ.

Эти факты находятся въ тѣсной связи съ ихъ понятіями и малымъ умственнымъ развитіемъ. Сами по себѣ они такъ мелочны и ничтожны, что должны еще болѣе усилить юмористическое отношеніе автора; но въ то же время они получаютъ такую силу отъ умственной неразвитости людей, что могутъ совершенно погубить ихъ. Здѣсь насмѣшливый тонъ автора невольно смѣняется самымъ грустнымъ. Ему жаль не только Пульхерію Ивановну и ея мужа, но жаль вообще людей, такъ безсознательно губящихъ себя по своей неразвитости, а такихъ неразвитыхъ большинство въ народѣ. Аѳанасія Ивановича по смерти жены уже не связывали съ жизнью никакіе интересы, да и развить какіе-либо по умственной ограниченности онъ былъ не въ состояніи; неудивительно, что онъ растерялся, видя связь съ жизнью оборванною, растерялся до того, что потерялъ даже способность соображенія; онъ весь углубился въ прошедшее, оставаясь совершенно безчувственнымъ къ настоящему, и такимъ образомъ могъ бы прожить еще долго, еслибы не простая случайность, соединенная съ мыслью о Пульхеріи Ивановнѣ, не поспѣшила и его свести въ могилу. Человѣкъ болѣе развитой, съ многообразными интересами въ жизни, лишившись одного ихъ нихъ, послѣ нѣкотораго времени грусти, печали все же наконецъ обращается къ настоящей жизни, съ которою его связываютъ еще другіе интересы; для него еще возможно и счастье въ будущемъ, если онъ захочетъ о немъ позаботиться. Но для Аѳанасія Ивановича со смертью жены было все кончено. Счастіе его было непрочно въ своемъ основаніи; крайняя ограниченность интересовъ жизни сдѣлала его жертвою самыхъ ничтожныхъ случайностей.

Изъ подробнаго разбора вытекаютъ очень важные психологическіе выводы, съ которыми, думаю, необходимо знакомить учениковъ. Счастіе находится въ тѣсной связи со всею духовною дѣятельностью человѣка, хотя, повидимому, оно болѣе состоитъ въ удовлетвореніи сердечныхъ стремленій къ той жизни, идеальное представленіе которой создается воображеніемъ. Сила чувства и воображеніе хотя и не зависятъ отъ разсудочной дѣятельности, слѣдственно—отъ умственнаго развитія человѣка, но отъ нея незамѣтно они получаютъ свое направленіе и, слѣдственно, всегда находятся въ тѣсной связи съ нею.

Бѣжинъ лугъ, разсказъ Тургенева.

Разсмотрѣвъ внимательно всѣ подробности разсказа, каждый замѣтитъ, что авторъ въ немъ то рисуетъ природу, то изображаетъ людей. Если вникнемъ, какую сторону природы старается онъ представить, то увидимъ, что на первый планъ здѣсь выступаетъ все чарующее, располагающее къ нѣгѣ, все таинственное, сильно дѣйствующее на воображеніе неразвитого человѣка: „надъ деревьями носятся летучія мыши, *таинственно* кружась и *дрожа на смутно ясномъ небѣ... все чернѣетъ*, ночная птица неслышно и низко мчится на своихъ крыльяхъ и *пугливо* ныряетъ въ сторону, поле *не ясно* бѣлѣетъ, шаги *глухо* отдаются въ *застывающемъ воздухѣ*... Въ лощинѣ до того было *глухо* и *нѣмо*, такъ *печально*, такъ *уныло*, что *сердце сжалось*“. Всѣ подробности о томъ, какъ охотникъ заблудился, видимо, передаются съ тою цѣлью, чтобы изобразить съ извѣстной стороны природу; самый разсказъ о бесѣдѣ мальчиковъ иногда прерывается описаніемъ природы и указаніемъ, какъ она своею таинственностью дѣйствовала на мальчиковъ. Все это показываетъ, что съ описаніемъ природы авторъ соединилъ здѣсь опредѣленную идею и что оно дѣйствительно составляетъ существенную часть въ разсказѣ. Другая часть—изображеніе людей, касается жизни человѣка съ неразвитыми понятіями среди извѣстной обстановки. Природа сильно дѣйствуетъ на воображеніе неразвитого чело-

вѣка, возбуждая въ немъ суевѣрные страхи. При совершенномъ отсутствіи науки, она постоянно поддерживаетъ суевѣріе при стремленіи человѣка разъяснить себѣ разныя ея явленія. Отсюда каждый шагъ человѣка сопровождается суевѣріемъ, которое, съ своей стороны, ставя его въ ложное отношеніе къ жизни, часто уничтожаетъ добытое имъ случайно счастье или совсѣмъ не допускаетъ его. Слѣдственно, прочное счастье въ такой средѣ невозможно. Вотъ идея произведенія. Она должна быть выведена изъ анализа частей и провѣрена всѣми подробностями. Провѣрка убѣждаетъ, что авторъ дѣйствительно имѣлъ въ виду опредѣленную идею...

Бесѣда мальчиковъ, составляя другую существенную часть повѣсти, показываетъ, какъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ установляются ложныя отношенія человѣка къ природѣ,—отношенія, переданныя прадѣдами, которые въ свой чередъ приняли ихъ еще въ дѣтствѣ отъ старины, и ничто въ этихъ вѣрованіяхъ не измѣнилось, потому что не измѣнилась ни природа, возбудившая ихъ своими таинственными силами, ни человѣкъ, оставшійся при томъ же маломъ умственномъ развитіи. Главная бесѣда мальчиковъ о тѣхъ людяхъ, которые сдѣлались несчастными отъ своего ложнаго отношенія къ природѣ. Суевѣрное воображеніе ихъ принимало всѣ явленія природы не такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ, а неразвитый умъ отказывался объяснить ихъ естественнымъ образомъ. Отсюда и несчастіе Гаврилы, Ульяны и другихъ, которымъ имя легіонъ, и будетъ все это повторяться и губить простыхъ людей до тѣхъ поръ, пока истинныя познанія природы не проникнутъ въ эту среду и не разрушатъ тѣхъ таинственныхъ губительныхъ силъ. Авторъ представляетъ, что теперь онѣ подчиняютъ себѣ не только слабыя, но даже и сильныя натуры, которыя безъ необходимыхъ знаній никакъ не могутъ выбиться изъ этого заколдованнаго круга. Такъ бойкій и смышленый Павлуша не теряется ни при какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя кажутся ему естественными; но лишь только онъ чего не понимаетъ, что ему кажется сверхъестественнымъ, онъ поддается суевѣрному страху и теряетъ свою энергію.

При такомъ отношеніи къ природѣ счастіе человѣка крайне непрочно: оно легко разрушается какимъ-нибудь самымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ; а отсюда уже самъ собою вытекаетъ выводъ, что прочность въ тѣсной связи съ правильнымъ отношеніемъ къ природѣ, слѣдовательно и съ истиннымъ образованіемъ; безъ него же природа своею таинственною стороною всегда будетъ поддерживать въ человѣкѣ суевѣріе, а съ нимъ вопросъ о прочномъ счастіи дѣлается невозможнымъ. Намъ даже не кажется лишнею и не идущею къ дѣлу замѣтка Тургенева, что Павлуша черезъ годъ убился, упавъ наскаку съ лошади. Нѣтъ, этотъ случай мы видимъ въ связи съ идеей автора. Онъ вытекаетъ изъ отважнаго характера мальчика, который все же не могъ избавиться отъ силы суевѣрія. Убѣжденный, что онъ слышалъ голосъ покойнаго Васи и что, слѣдственно, ему самому придется умереть въ этомъ году, онъ по своему отважному характеру уже дѣлается безразсуднымъ въ своихъ поступкахъ, наталкиваясь на разныя опасности, съ одной мыслью, что все равно не избѣжишь смерти, если уже было предвѣщаніе. Очень понятно, что при подобномъ направленіи онъ долженъ былъ наткнуться на такой случай, который сломилъ ему голову. Слѣдственно, отважнѣйшій еще скорѣе гибнетъ отъ тѣхъ же пустыхъ причинъ, отъ какихъ и слабый.

Пророкъ, стихотвореніе Пушкина.

Словомъ *духовной* (жаждою) поэтъ опредѣляетъ, въ какомъ смыслѣ должно понимать всю сцену, которую онъ намъ представляетъ, это смыслъ—аллегорическій. Здѣсь изображается душевное состояніе человѣка, у котораго явилась жажда высшаго просвѣщенія или просвѣтленія духа. Вся окружающая его жизнь стала казаться ему *мрачною пустынею*: всѣ эти мелочныя ежедневныя заботы и интересы людскіе не могли привлекать и занимать его—среди нихъ онъ былъ одинокій, какъ въ пустынѣ, а *томленіе* неудовлетвореннаго духа, ищущаго высшаго познанія, сдѣлало эту пустыню *мрачною*. Словомъ *влачился* онъ уподобляетъ свою жизнь состоя-

нію усталаго бѣднаго странника, который, потерявъ дорогу, долго не находитъ себѣ пріюта. Находясь въ сомнѣніи и колебаніи, т.-е. на *перепутьи*, не зная, по какой идти дорогѣ, онъ находитъ себѣ просвѣтителя въ Серафимѣ, идеальномъ представленіи высшихъ познаній, и его душа отъ прикосновенія этого ангела преображается: *зеницы* его сдѣлались *вѣщими*, т.-е. наука и высшее просвѣщеніе развили въ немъ прозорливость, глубокій взглядъ на жизнь, слухъ его пріобрѣлъ необыкновенную тонкость, онъ сталъ слышать въ природѣ то, чего обыкновенный слухъ не могъ услышать, т.-е. наука сблизила его съ природою и онъ сталъ понимать ея законы. Отсюда и мысль его очистилась, возвысилась и просвѣтилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *языкъ* его, прежде грѣшный, празднословный и лукавый, получилъ особенную силу—*жало мудрой змѣи*. Пріобрѣтенная мудрость очистила и возвысила самыя чувства: робкое (трепетное) сердце запылало огнемъ любви къ истинѣ, правдѣ и добру, какъ бы замѣнилось *пылающимъ углемъ*, и робость смѣнилась смѣлостью и мужествомъ. Какъ это высшее просвѣщеніе преобразило человѣка и возвысило до пониманія божеской воли; выполнить ее—въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль высшаго просвѣщенія, назначеніе глубоко-просвѣщеннаго человѣка. Въ чемъ же заключается эта воля? чего можетъ хотѣть Богъ? Конечно, только одного прекраснаго, добра, истины, правды. Для того, чтобы исполнить эту неизмѣнную волю Бога, человѣку открыта для поприща вся земля, *моря и земли*, гдѣ есть только люди, которымъ онъ и долженъ служить тѣми силами, какія даетъ ему просвѣщеніе. На связь между высшимъ назначеніемъ просвѣщеннаго человѣка и тѣми дарами, какіе получаетъ онъ, указываетъ въ стихотвореніи *гласъ Бога* словами: *внемли* и *внемли, глаголомъ жги* сердца людей.

Отсюда ясно, что все стихотвореніе имѣетъ въ виду идеально представить намъ назначеніе человѣка, получающаго высшее просвѣщеніе: онъ долженъ проникнуться правдой, истиной, добромъ, всѣмъ прекраснымъ и смѣло и благотворно дѣйствовать на сердца людей, т.-е. возвышать нравственную сторону ихъ жизни.

Для представленія всего этого поэтъ беретъ библейскій

образъ пророка, которому шестикрылый Серафимъ сообщаетъ дары, нужные для его призванія. Сообразно съ этими двумя образами, поэтъ развиваетъ всѣ подробности общей картины. Кромѣ того, самый слогъ его отличается величавостью, принимая колоритъ библейскаго разсказа черезъ употребленіе тѣхъ словъ и выраженій, которыя мы привыкли встрѣчать въ Библіи: *перстами, отверзлись вѣщія зеницы, внялъ я* неба *содроганье, горній* полетъ ангела, *дольней лозы прозябанье,* жало *мудрыя* змѣи въ *уста* замершія мои вложилъ *десницею* кровавой, во грудь *отверзтую водвинулъ;* и Бога *гласъ ко мнѣ воззвалъ, возстань,* и *внемли, исполнись* волею моей, *глаголомъ жги*.

Все стихотвореніе дѣлится на три части: 1) душевное состояніе пророка до встрѣчи съ Серафимомъ; 2) перемѣны, произведенныя въ немъ рукою Серафима; 3) назначеніе пророка, указанное ему самимъ Богомъ.

Море, стихотвореніе Жуковскаго

Поэта особенно поражаетъ въ морѣ безмолвіе и отблескъ его бездны; свое впечатлѣніе опредѣляетъ онъ словомъ *очарованіе*: ему кажется море оживленнымъ, чудится въ немъ даже дыханіе, наконецъ видится жизнь осмысленная, которая обнаруживается въ любви и думѣ; но любовь его *смятенная*, дума *тревожная* — эпитеты, вытекающіе изъ свойства моря — постоянно колебаться и волноваться. Все это въ глазахъ очарованнаго наблюдателя составляетъ тайну моря, которую ему хочется разгадать. Поэтъ обращается къ нему, уже какъ къ существу живому, съ вопросомъ: что̀ движетъ твое необъятное лоно, чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь? Отвѣтъ на свой вопросъ онъ слагаетъ самъ въ видѣ предположенія, чтобы оправдать въ морѣ кажущуюся *смятенную* любовь и *тревожную* думу. Море представляется ему въ *земной неволи*, изъ которой тянетъ его къ себѣ свѣтлое далекое небо. Этою любовью между моремъ и небомъ и объясняются поэтомъ всѣ морскія явленія: когда море можетъ любоваться чистымъ небомъ, оно само спокойно и чисто, полное таин-

ственной и сладостной жизни; въ немъ отражаются и свѣтозарная лазурь неба, и вечерняя и утренняя заря, и золотыя облака, и звѣзды. Но вотъ собираются черныя тучи и отнимаютъ у моря ясное небо, море волнуется, рвется, воетъ, сердится, что отняли у него любимое существо. Наконецъ тучи скрываются, но, подобно взволнованному человѣку, море не вдругъ можетъ успокоиться, хотя и уничтожилась причина безпокойства: оно еще полно прежней тревоги. Всѣмъ этимъ и объясняется морская тайна, отчего въ самой неподвижности моря чудится что-то смятенное и тревожное, отчего и любовь, и дума его получили такіе эпитеты. Море является обманчивымъ, скрывая въ спокойной безднѣ смятенье: оно въ одно и то же время и любуется небомъ, и дрожитъ за него.

Здѣсь поэтъ дѣлаетъ намъ описаніе моря подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое оно произвело на него. Онъ представляетъ три момента изъ бытія моря: море въ спокойномъ состояніи, море въ бурю и море послѣ бури. Всѣ три картины природы изображены довольно вѣрно и живо: море въ спокойномъ состояніи дѣйствительно отражаетъ небо со всѣмъ его свѣтомъ и блескомъ и какъ будто нѣжится въ своемъ сліяніи съ небомъ; въ бурю, когда черныя тучи нависнутъ надъ моремъ, оно порывами своихъ волнъ, шумомъ и ревомъ напоминаетъ страшную ярость разгнѣваннаго существа; наконецъ, послѣ бури море продолжаетъ волноваться и при ясномъ небѣ и утихаетъ только постепенно. Все это списано съ натуры; но тутъ есть и другая сторона, которая сообщаетъ морю особенную идеализацію. Вслѣдствіе того, что поэту въ спокойномъ состояніи моря чудится что-то таинственное, является желаніе и объяснить эту таинственность. Такъ какъ море представляется ему существомъ живымъ, то отсюда воображеніе сближаетъ его съ человѣкомъ, предполагая въ морской стихіи и думу, и чувства. Въ сліяніи моря съ небомъ онъ видитъ изображеніе безпредѣльной любви одного существа къ другому, любви, съ которой въ то же время соединяется и робость, такъ какъ это существо находится въ неволѣ и ежеминутно боится за насильственную разлуку. Всего этого, конечно, нѣтъ въ морѣ, слѣдственно, и идея вытекаетъ не изъ свойства самого моря, а только

изъ сравненія его съ человѣкомъ. Отсюда и идеализація выводитъ море изъ круга дѣйствительной жизни и вводитъ въ кругъ чего-то таинственнаго. Такого рода идеализація отличаетъ романтическаго поэта, который ищетъ въ жизни таинственнаго и вслѣдствіе этого часто находитъ чувство тамъ, гдѣ его не можетъ и быть. Въ морѣ Жуковскій изображаетъ и свою собственную поэзію. Онъ постоянно стремится во всемъ найти таинственную связь земного съ небеснымъ, постоянно представляетъ порывы души къ небу. Онъ ищетъ истинно прекраснаго только въ небѣ, которое является обиталищемъ его неосязаемаго идеала красоты: оттуда исходитъ все чарующее, все обѣщающее отраду и наслажденіе, все манящее отъ земли, какъ отъ мѣста неволи, непостоянства, утратъ и печали къ чему-то лучшему: неземному, вѣчному. Очень понятно, что при такомъ настроеніи онъ нашелъ то же самое и въ морѣ, которое и послужило романтическому поэту поэтическимъ образомъ для выраженія его стремленій.

Къ морю, стихотвореніе Пушкина.

Поэта прежде всего поражаетъ море, какъ *свободная* стихія, хотя онъ также обращаетъ вниманіе и на цвѣтъ моря, и на его красоту, которая въ соединеніи съ свободой кажется ему *гордою* красою, а въ другой моментъ *торжественною*. Онъ также соединяетъ съ моремъ идею *дружбы*, но въ этомъ случаѣ рѣзко отличается отъ Жуковскаго. Послѣдній находитъ чувство въ самомъ морѣ, которое этимъ и выводится изъ предѣловъ дѣйствительной жизни: Пушкину же оно только напоминаетъ о дружбѣ своимъ шумомъ и гуломъ, слѣдовательно, чувство не входитъ въ свойство моря, а потому и представляется только одна дѣйствительность. Далѣе, показавъ свою личную связь съ моремъ, онъ касается разныхъ моментовъ морской жизни, и всѣ они вмѣстѣ представляютъ ему идею неограниченной свободы, самаго полнаго своенравія. Она особенно ясно выражается въ двухъ картинахъ, противоположныхъ по содержанію, которыя въ

дѣйствительности быстро смѣняются одна другою: то утлый рыбачій челнокъ безопасно носится по морской безднѣ, то въ одинъ мигъ гибнетъ цѣлый флотъ. Все это въ глазахъ наблюдателя оживляетъ море, поэтъ видитъ въ немъ уже *прихоть*, по волѣ которой здѣсь все совершается, и вотъ создается *идеализація* моря, а съ ней вмѣстѣ и поэтическій образъ, но идеализація здѣсь совсѣмъ не та, что у Жуковскаго. Идея здѣсь является не извнѣ, не навязывается предмету, а вытекаетъ прямо изъ свойствъ предмета. Море дѣйствительно представляетъ безграничную свободу съ неодолимою силою, и поэтъ, идеализируя его такимъ образомъ, нисколько не измѣняетъ дѣйствительности.

Далѣе поэтъ продолжаетъ представлять свою связь съ моремъ и здѣсь останавливается на двухъ знаменитыхъ личностяхъ—Наполеонѣ и Байронѣ. Но это нисколько не составляетъ отступленія отъ главной цѣли; поэтъ ни на мигъ не забываетъ своего предмета, который и даетъ ему все содержаніе. На вопросъ: чѣмъ бы теперь море могло привлечь поэта, чтобы внушить желаніе направить свой путь по его волнамъ, онъ задумывается; мысль его несется по всему пространству моря и наталкивается на одинокую скалу, гдѣ такъ недавно угасла жизнь великаго человѣка,—скалу, которая сдѣлалась гробницею его славы. Поэтъ здѣсь представляетъ намъ изъ жизни этого человѣка только то, чему море могло быть свидѣтелемъ, не дѣлая никакихъ отступленій, на которыя могло бы вызвать имя Наполеона; значитъ, море своею дѣйствительностью даетъ ему это содержаніе. Точно такъ же поступаетъ онъ и съ именемъ Байрона, находя связь этого имени съ моремъ. Британскій поэтъ въ самомъ своемъ характерѣ представляетъ ту же самую идею, какую и море — идею безграничной свободы и своеправія; отсюда поэтъ свойствами моря опредѣляетъ и характеръ Байрона. Свобода оплакала своего пѣвца, пусть и море не останется спокойнымъ: и его пѣвцомъ былъ онъ — въ его произведеніяхъ осталось множество картинъ моря въ разнообразные его моменты. Значитъ, и здѣсь поэтъ не перешелъ границы, описывая море и остановившись на имени Байрона; оно же дало ему это имя, тѣсно съ нимъ связанное.

Въ настоящемъ для поэта не остается уже ничего, что̀ могло бы выразить ту же идею свободы; на землѣ нигдѣ онъ ея не находитъ. Отъ прошедшаго и настоящаго онъ переходитъ къ будущему, въ которомъ, обѣщаетъ, связь его съ моремъ не прервется. Гдѣ бы онъ ни былъ, съ нимъ постоянно будетъ этотъ живой образъ, который всегда будетъ говорить ему однимъ и тѣмъ же языкомъ.

Такимъ образомъ Пушкинъ является поэтомъ дѣйствительности и, создавая себѣ поэтическій образъ, не преступаетъ предѣловъ дѣйствительности, которая только и даетъ ему черты, нужныя для изображенія этого образа. Дѣйствительность, отражающаяся въ душѣ извѣстными впечатлѣніями, возбуждающая въ ней сильныя чувства своими лучшими жизненными сторонами, представляется намъ въ поэзіи Пушкина при сравненіи съ поэтическими произведеніями Жуковскаго. Нашему выводу не противорѣчатъ даже и тѣ произведенія его, гдѣ главный интересъ заключается, повидимому, только въ фантастическомъ, какъ, напр., Бѣсы, Утопленникъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.

Бѣсы, стихотвореніе Пушкина.

Сначала поэтъ изображаетъ обстановку, среди которой ему пришлось быть въ дорогѣ. Повтореніемъ слова *ѣду* онъ показываетъ продолжительность пути; къ этому еще прибавляется однообразный безконечный звонъ колокольчика на лошадиной дугѣ, и отъ всего вмѣстѣ невольный страхъ средь невѣдомыхъ равнинъ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ поэтъ торопитъ ямщика, чтобы скорѣе выдти изъ этого тяжелаго положенія и добраться до ночлега, но слышитъ отъ ямщика неутѣшительные доводы въ невозможности выполнить его желаніе. Ямщикъ въ полномъ недоумѣніи только хочетъ объяснить причину такой бѣды. Не видя естественной причины, онъ какъ человѣкъ необразованный, отдается своей фантазіи, которая быстро и представила ему причину въ догадкѣ; въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, *видно*, да кружитъ по сторонамъ. Этотъ образъ бѣса фантазія ямщика нашла въ народ-

номъ повѣрьѣ, которымъ объясняется происхожденіе вьюги—это бѣсъ крутитъ снѣгъ на зло человѣку. Ямщикъ начинаетъ провѣрять свою догадку подробностями, и она быстро превращается въ увѣренность: дѣйствіе вѣтра и снѣга онъ приписываетъ бѣсу, который имѣетъ въ виду причинить зло путникамъ: снѣгъ залѣпляетъ глаза—это бѣсъ играетъ, дуетъ-плюетъ; постоянный вѣтеръ съ одной стороны заставляетъ лошадей воротить къ другой—то толкаетъ ихъ бѣсъ, чтобы они попали въ оврагъ; тамъ слишкомъ сгустился снѣгъ, показался верстовымъ столбомъ, на который ямщикъ и направилъ свою тройку въ увѣренности стать на дорогу; тамъ сверкнули волчьи глаза или какой-нибудь блудячій огонекъ, который ямщикъ поспѣшилъ принять за свѣтъ изъ жилья и направиться къ нему, но все исчезло—кто же какъ не бѣсъ кружитъ ихъ по сторонамъ, чтобы они окончательно потеряли дорогу и сдѣлались бы его жертвами.

Далѣе поэтъ повторяетъ первые четыре стиха, желая показать, что въ обстановкѣ ничто не измѣнилось, слѣдственно, и впечатлѣніе мучительно длится и особенно настраиваетъ воображеніе путника. Наконецъ произошла маленькая перемѣна, но не къ лучшему: колокольчикъ умолкъ, кони стали. Поэтъ смотритъ изъ кибитки: что́ тамъ въ полѣ? Отвѣтъ неопредѣленный: пень иль волкъ. Неопредѣленность сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, а предъ глазами вьюга злится и плачетъ, слышится конскій храпъ, а тамъ вдали горятъ чьи-то глаза—это *его* глаза, это *онъ*, кто же, волкъ или бѣсъ? Но вотъ тройка понеслась снова, колокольчикъ зазвучалъ попрежнему, а въ воображеніе поэта уже перешелъ образъ бѣса, но въ немъ онъ развивается еще болѣе, согласно со всей представившейся обстановкой въ дѣйствительности. Кони мчатся среди безконечнаго круженія снѣга и воя вѣтра: по обѣимъ сторонамъ, спереди, сзади, вверху, трудно все это движеніе представить дѣйствіемъ *одного*, и вотъ одинъ дробится на множество; подробности вьюги сообщаютъ этому множеству соотвѣтственныя черты: это кружатся безконечные, безобразные бѣсы. Особенное движеніе въ людской жизни происходитъ тогда, когда дѣлается что-нибудь особенное—свадьба или похороны? Не то же ли самое случи-

лось и у этихъ бѣсовъ. Такимъ образомъ при вопросѣ о причинѣ движенія воображеніе развиваетъ картину далѣе: домового ли хоронятъ, вѣдьму-ль замужъ выдаютъ. Новымъ повтореніемъ первыхъ стиховъ поэтъ показываетъ, что въ дѣйствительности остается все по старому, но самая продолжительность того явленія природы усиливаетъ впечатлѣніе и даетъ обильный матеріалъ для работы фантазіи: уже явились *цѣлые рои бѣсовъ*, а порывы и завыванье вѣтра обратились въ ихъ жалобный визгъ и вой, надрывающій сердце. Все это живо представляетъ намъ то впечатлѣніе, какое въ душѣ путника оставляетъ продолжительная вьюга: вообразите себѣ, что за вами несутся безконечные рои бѣсовъ и преслѣдуютъ васъ жалобнымъ визгомъ и воемъ, надрывая ваше сердце—трудно сильнѣе и вѣрнѣе выразить это впечатлѣніе. Желаніе передать его и вызвало самое стихотвореніе. Поэтъ только воспользовался образомъ, созданнымъ народной фантазіей и развилъ его въ поэтическій образъ, согласно съ дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ.

Утопленникъ Пушкина.

Вся баллада можетъ быть раздѣлева на три сцены: 1) вѣсть о мертвецѣ, 2) поступокъ мужика съ мертвецомъ, 3) борьба съ совѣстью. Интересъ первой сцены заключается въ страхѣ мужика при извѣстіи о мертвецѣ, котораго притащили его сѣти; но страхъ этотъ возбужденъ не мертвецомъ, а безнравственнымъ отношеніемъ властей къ подвластнымъ. Мужикъ хорошо знаетъ, что корыстолюбивые судьи, торгуя законами, рады будутъ этому случаю, чтобы привязаться къ нему и поживиться на его счетъ: производя слѣдствіе, они будутъ жить въ его избѣ, объѣдать его, придираться ко всякой малости, будутъ обвинять его въ убійствѣ и вымогать отъ него послѣдніе гроши: мужику съ семьею грозитъ полное разореніе. Этотъ основательный страхъ мужика ставитъ его въ противорѣчіе съ его совѣстью, которая требуетъ честно предать землѣ несчастнаго утопленника; но чувство самосохраненія беретъ верхъ надъ совѣстью, и мужикъ долженъ

поступить противъ своего религіознаго убѣжденія; даже не разсмотрѣвъ, кто могъ быть этотъ мертвецъ, онъ спѣшитъ оттолкнуть его весломъ въ рѣку, чтобъ не увидали другіе, и запрещаетъ ребятамъ болтать объ этомъ. Дѣло слажено и мужикъ спасенъ отъ судейскаго разоренія, въ чемъ и заключается интересъ второй сцены. Но не спасенъ онъ отъ угрызенія совѣсти. Внутренній голосъ говоритъ ему, что онъ поступилъ дурно, распорядившись съ мертвецомъ такимъ образомъ. Грубое воображеніе неразвитого человѣка уже ждетъ наказанія извнѣ за совершенный грѣхъ. Кто же можетъ явиться наказующимъ, какъ не тотъ же самый мертвецъ, котораго онъ лишилъ могилы и креста. И вотъ неспокойное состояніе духа создаетъ страшный призракъ, который и мучитъ несчастнаго, не давая ему покоя: ему уже кажется въ дѣйствительности то, что на самомъ дѣлѣ работа его воображенія. Такимъ образомъ Пушкинъ представляетъ, въ какое мучительное положеніе ставитъ суевѣрнаго человѣка безнравственный, корыстный судъ, заставляя его дѣйствовать противъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій. Значитъ, весь разсказъ здѣсь взятъ изъ дѣйствительности и изображаетъ одно изъ печальныхъ явленій русской жизни.

Элегія Пушкина: Брожу ли я вдоль улицъ...

Поэта постоянно преслѣдуетъ мысль о смерти, въ какой бы обстановкѣ онъ ни находился; каждый предметъ, полный жизни, напоминаетъ ему о смерти своею противоположностью съ нею: шумная улица, многолюдный храмъ, пріятельскій пиръ, цвѣтущій младенецъ, крѣпкій дубъ. Далѣе поэтъ спрашиваетъ себя, гдѣ ему придется умереть, и исчисляетъ возможные случаи смерти. Хотя въ сущности все равно, гдѣ бы ни истлѣвать безчувственному тѣлу, но пока человѣкъ живъ, ему пріятно желать найти себѣ вѣчный покой на родинѣ. Имѣя въ виду всѣ эти думы, каждый пойметъ, что настроеніе духа поэта должно быть грустное; но дойдя до вопроса о неизбѣжной могилѣ, онъ не позволяетъ своему чувству совершенно овладѣть собою. Въ непріят-

номъ положеніи онъ старается найти лучшую сторону, чтобы черезъ нее примириться съ нимъ. Заключительные стихи поэта и представляютъ это примиреніе. Онъ, какъ артистъ, который ищетъ наслажденія въ одномъ прекрасномъ, находитъ въ этой же идеѣ и утѣшеніе при неотвязчивой мысли о могилѣ. Поэтъ умретъ, но не умретъ эта вѣчно юная жизнь и красота природы, она будетъ сіять и на его могилѣ, невозмущенная никакими посторонними чувствами. Такимъ образомъ мрачная картина въ воображеніи поэта переработалась въ привлекательную, которая примирила его даже съ мыслью о смерти; но въ ней ничего нѣтъ ни мечтательнаго, ни вымышленнаго; она также взята изъ дѣйствительности.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...

Поэтъ разсматриваетъ свое прошедшее, настоящее и будущее: въ прошедшемъ находитъ только безумные годы, которые оставили по себѣ одни неизгладимые слѣды печали; въ настоящемъ представляется одинъ унылый путь; въ будущемъ—трудъ, горе и волненія. Слѣдственно, нѣтъ ничего, что могло бы привязывать къ жизни; но поэтъ все же не хочетъ разстаться съ жизнью, которая представляется ему въ дѣятельности мысли, въ страданіи. Онъ, какъ поэтъ, ожидаетъ наслажденія только изъ сферы артистической, въ своихъ поэтическихъ трудахъ, которые будутъ смягчать житейскія горести, заботы и треволненія; собственное творчество будетъ ему источникомъ наслажденія; а въ печальной жизни, можетъ быть, любовь оживитъ его унылую душу. Такимъ образомъ и здѣсь поэтъ хочетъ примириться съ жизнью, стараясь остановиться на лучшей сторонѣ, какую она можетъ представить въ его положеніи. Быстрый переходъ отъ элегическаго настроенія къ чему-либо примиряющему, утѣшительному, составляетъ отличительный характеръ большей части элегій Пушкина. Очень немногія изъ нихъ оканчиваются иначе.

Для сравненія можно взять также нѣсколько пѣсенъ Кольцова и народныхъ. Изученіе его пѣсенъ представитъ намъ также нѣсколько мотивовъ. Онѣ развиваютъ идеалъ счастливой жизни, которую поэтъ разсматриваетъ съ матеріальной и нравственной стороны. Трудъ составляетъ основаніе матеріальному довольству, безъ котораго невозможно счастіе. Такъ какъ поэтъ вращается въ средѣ низменной, знакомъ болѣе съ жизнью крестьянина, то его труду онъ и поетъ пѣсню (Урожай, Пѣсня пахаря, Что ты спишь, мужичокъ, и др.). Но нравственныя условія въ его глазахъ выше матеріальныхъ въ дѣлѣ счастія. Въ одномъ довольствѣ еще нѣтъ счастія. Нужна еще свобода располагать собою, свобода чувства. На послѣднее обстоятельство поэтъ обращаетъ особенное вниманіе. Такъ какъ въ окружающей средѣ оно встрѣчалось рѣдко, то и въ пѣсняхъ представляется по большей части отрицательно. Насиліе надъ чувствомъ у него главный источникъ несчастія, особенно въ жизни женщины, которая рѣдко имѣетъ возможность распоряжаться своею судьбою и послѣдовать движенію своего чувства. Ея молодой неопытности обыкновенно противопоставляютъ разсудительную и резонирующую опытность, которая сама по себѣ сила разумная заслуживающая полнаго уваженія, но въ иныхъ случаяхъ забываетъ свои права и позволяетъ деспотическое насиліе надъ чувствомъ, изъ чего, по убѣжденію поэта, никогда не можетъ выдти добра. Дѣло опытности совѣтовать, удерживать, а не распоряжаться жизнью другого, согласно съ своими разсчетами. Впрочемъ, поэтъ рисуетъ намъ и счастливыя мгновенія жизни: всѣ они вытекаютъ изъ свободнаго движенія чувства. Но чаще въ его пѣсняхъ бѣдный человѣкъ представляется намъ въ отрицательныхъ условіяхъ для счастія; онъ или бѣденъ, или одинокъ, или нѣтъ у него свободы, или долженъ подавить въ себѣ свои сердечныя чувства, а изъ всего этого печаль, тоска, жалобы...

Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ выводамъ должно предшествовать изученіе самыхъ пѣсенъ, которыя слѣдуетъ передать ученикамъ въ извѣстныхъ отдѣлахъ, чтобы они могли прослѣдить развитіе каждаго мотива. Окончательнымъ вопросомъ можетъ быть вопросъ о связи поэзіи Кольцова съ его

жизнію, для чего, конечно, необходимо прочитать біографію поэта. Изъ нея они увидятъ, что глубина и сила чувства перешли въ пѣсни изъ собственнаго сердца поэта, что вопросъ о счастіи былъ для него не праздным мечтаніемъ, а вопросомъ жизни, которая вела его тернистымъ путемъ насилія, лишеній, несчастія.

Изученіе басенъ Крылова должно вызвать нѣсколько вопросовъ, которые ученики прослѣдятъ не безъ интереса. Крыловъ является писателемъ-моралистомъ, слѣдственно, цѣль его изученія будетъ состоять въ опредѣленіи его морали, т.-е. какія нравственныя понятія о жизни онъ составилъ себѣ и въ какихъ явленіяхъ настоящей дѣйствительности онъ нашелъ противорѣчіе со своими понятіями. Итакъ, предметомъ нашего наблюденія служитъ съ одной стороны жизнь, которая развивалась передъ глазами баснописца, съ другой—его личность; сюда же нужно отнести и его литературные пріемы, которые нельзя оставить безъ вниманія. Конечно, ученики, предоставленные сами себѣ, легко потеряются въ этихъ сотняхъ басенъ, изъ которыхъ въ каждой заключается какая-нибудь своя мораль. Чтобы этого не случилось, нужно вести ихъ отъ вопроса къ вопросу, пока они не вчитаются въ большую часть басенъ, понемногу перерабатывая всѣ эти вопросы, и пока, наконецъ, не въ состояніи будутъ привести всѣ тѣ нравственныя правила къ одному общему началу, изъ котораго они вытекаютъ. Тогда ясно опредѣлятся и нравственныя убѣжденія писателя, и отношеніе его къ обществу. Такъ какъ въ большей части басенъ дѣйствуютъ животныя, то можно начать съ нихъ—раздѣлить ихъ на отдѣлы и опредѣлить, какого рода людей изображаютъ тѣ или другія изъ животныхъ. Ихъ можно даже привести въ связь съ звѣрями изъ народнаго животнаго эпоса и разсмотрѣть, есть ли между ними что-нибудь общее, т.-е. такъ ли баснописецъ представляетъ обитателей русскихъ лѣсовъ, какъ представляетъ ихъ народъ. Отношеніе звѣрей между собою поведетъ къ подробному разбору отношеній между людьми: сильнаго къ слабому, богатаго къ бѣдному, господина къ слугѣ: вездѣ сказываются только заботы о своихъ личныхъ интересахъ, личный эгоизмъ, откуда вытекаютъ и

отношенія самыя неправильныя. Подобно отдѣльнымъ личностямъ, такія же отношенія являются и между сословіями, какъ, напр. въ басняхъ „Пушки и паруса“, „Листы и корни“, „Мірская сходка“ и др. Вотъ какая сторона дѣйствительной жизни преимущественно привлекала вниманіе Крылова. Отсюда легко опредѣляются его нравственныя начала. Если онъ безпрестанно указывалъ на неправильныя отношенія, какія встрѣчались въ жизни между людьми, то, значитъ, въ нихъ онъ видѣлъ помѣху для болѣе моральной и разумной жизни, и, слѣдственно, желалъ, чтобы установились отношенія болѣе правильныя, сообразно съ его понятіями о жизни. На чемъ же должны основаться эти отношенія? Если безнравственность, смѣшныя и уродливыя явленія, а отсюда и страданія слабаго вытекаютъ изъ преобладанія личныхъ интересовъ, изъ грубаго эгоизма, то значитъ, что для пользы нравственной жизни нужно ограничить ихъ. Въ обществѣ, надъ которымъ наблюдаетъ онъ, недостаетъ сознанія интересовъ общественныхъ. Нужно, чтобы развилось оно, чтобы каждый видѣлъ свою пользу въ исполненіи законовъ и свой вредъ въ ихъ неисполненіи, тогда и слабые будутъ менѣе страдать отъ сильныхъ, потому что будутъ имѣть возможность находить защиту въ законахъ, а сильные, сдерживаемые строгостью закона и страхомъ наказанія, которое непремѣнно должно слѣдовать за беззаконное насиліе, поневолѣ подчинятъ свои личные интересы общественнымъ. При этомъ и для развитія эгоизма не будетъ такого широкаго поприща, слѣдственно, и самая нравственность должна возвыситься. Тогда будетъ практиченъ и законъ, который даетъ право овцѣ приводить въ судъ волка, если этотъ хищникъ обидитъ ее; тогда и медвѣдю не дадутъ отставки, съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ у себя въ берлогѣ, въ которую перетаскалъ весь медъ изъ улья.

Другой разрядъ басенъ Крылова представляетъ высокомѣріе человѣка, ослѣпленнаго своимъ могуществомъ, или силою, или счастіемъ. Онъ забываетъ, что онъ не всемогущъ, не всесиленъ, не всевѣдущъ, и черезъ это часто гибнетъ или, по крайней мѣрѣ, подвергается чувствительнымъ лишеніямъ. Орелъ, считая себя слишкомъ зоркимъ, не по-

слушался спеціалиста-крота и потерялъ орлицу съ дѣтьми; левъ, обольщенный лестью лисицы, понадѣялся на свои силы и попалъ на дно пропасти, вмѣсто того, чтобы перескочить черезъ нее; другой левъ, доживъ до старости, отвѣдалъ ослинаго копыта и пр. Баснописецъ, сознавъ слабость человѣческой природы, на ней основалъ и моральныя правила для жизни, которыя также должны возстановить болѣе правильныя отношенія между людьми. Помня свою человѣческую слабость, каждый долженъ вести себя такъ, чтобы въ случаѣ бѣды, горя или несчастія, ни у кого не было повода воспользоваться этимъ и отомстить за прошлое, чтобы даже и у осла не могла явиться мысль познакомить льва съ ослинымъ копытомъ. Для этого высокомѣріе, тщеславіе, гордость, все, унижающее въ другомъ человѣческое достоинство, должно быть отложено въ сторону.

Взглядъ Крылова на образованіе, на просвѣщеніе, на науку, на воспитаніе высказывается во многихъ его басняхъ: его необходимо прослѣдить отдѣльно и, конечно, обратить вниманіе на взглядъ противоположный, который онъ встрѣтилъ въ современномъ обществѣ и который вызвалъ противъ себя его басни. Слѣдуетъ обсудить и басню „Водолазы“, гдѣ высказывается такой странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро людямъ.

Укажемъ на группы, на которыя можно раздѣлить басни Крылова:

Неправильный взглядъ на собственныя силы: Орелъ и кротъ, Левъ и комаръ, Левъ и мышь, Левъ, серна и лиса, Лисица и оселъ, Орелъ и паукъ, Лжецъ, Орелъ и кукушка, Оселъ, Гуси, Слонъ и моська, Муравей.

Неправильныя отношенія между людьми: Два мальчика, Госпожа и двѣ служанки, Собачья дружба, Волкъ и журавль, Моръ звѣрей, Совѣтъ мышей, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Крестьянинъ и овца, Волкъ и кукушка, Хмель, Булатъ.

Неправильныя отношенія между сословіями: Волкъ и овцы, Левъ состарѣвшійся, Мірская сходка, Овцы и собаки, Рыбьи пляски, Медвѣдь у пчелъ, Пушки и паруса, Щука, Листы и корни, Слонъ на воеводствѣ, Крестьяне и рѣка.

Неправильныя отношенія къ труду: Двѣ собаки, Бѣлка, Кошка и соловей, Соловьи, Квартетъ, Трудолюбивый медвѣдь, Стрекоза и муравей, Муха и

дорожные, Голикъ, Прихожанинъ, Музыканты, Щука и котъ, Туча, Орелъ и пчела, Заяцъ на ловлѣ, Оселъ и соловей, Обезьяна, Скворецъ, Камень и червякъ.

Неправильныя отношенія къ богатству: Бѣдный богачъ, Скупой, Фортуна и нищій, Откупщикъ и сапожникъ, Скупой и курица, Мѣшокъ, Миронъ.

Неправильныя отношенія къ воспитанію: Кукушка и горлинка, Крестьянинъ и змѣя, Воспитаніе льва, Бочка.

Неправильныя отношенія къ просвѣщенію и образованію: Червонецъ, Прудъ и рѣка, Водолазы, Бритвы, Свинья подъ дубомъ, Свинья, Огородникъ и философъ.

Неправильныя отношенія къ предметамъ: Мартышка и очки, Гребень, Цвѣты, Любопытный, Демьянова уха, Крестьянинъ и топоръ, Мельникъ.

Здѣсь кстати остановиться на педагогическомъ значеніи басенъ Крылова. У насъ обыкновенно даютъ ихъ учить дѣтямъ. Но, по нашему мнѣнію, онѣ совсѣмъ не для дѣтей, которымъ непонятны ни тѣ неправильныя и ложныя отношенія между людьми, изображаемыя въ басняхъ, ни та иронія, съ какою баснописецъ постоянно обращается къ несообразнымъ явленіямъ жизни. Объяснять же все это дѣтямъ преждевременно уже потому, что они еще не успѣли приглядѣться къ жизни, и многое даже въ объясненіи будетъ недоступно ихъ понятіямъ; иронія же такъ чужда ихъ наивному отношенію къ жизни, что они всегда принимаютъ ее за чистую монету, т.-е. въ прямомъ, а не въ противоположномъ значеніи. Такъ, напр., въ извѣстной баснѣ „Стрекоза и Муравей“, которую обыкновенно заставляютъ дѣтей учить, послѣдній стихъ, гдѣ сосредоточивается тонкая и ѣдкая иронія „такъ поди же попляши“, для нихъ совершенно пропадаетъ и басня теряетъ весь смыслъ. Воспитатели навязываютъ дѣтямъ басни, не замѣчая, что эти разсказы не такъ просты, какъ представляются съ перваго взгляда; дѣтямъ они кажутся неестественными, мало интересными и потому скоро имъ наскучиваютъ. Отъ впечатлѣній дѣтства не скоро освобождаются и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Отъ этого и происходитъ то, что когда юношамъ приходитъ пора внимательно изучать басни Крылова, они неохотно принимаются за нихъ, считая ихъ дѣтскими разсказцами.

Кромѣ обозначенныхъ мною вопросовъ, легко можетъ представиться много другихъ при подробномъ разборѣ ба-

сенъ Крылова; въ немъ яснѣе обозначатся и дѣйствительная жизнь общества, и стремленія писателя-моралиста, который хотѣлъ внести въ эту жизнь нравственныя основы. Такъ, напр., отвращеніе его отъ всего неестественнаго, поддѣльнаго, выразившееся въ нѣкоторыхъ басняхъ, представляетъ, съ одной стороны, нравственное значеніе въ жизни качествъ, противоположныхъ этимъ, съ другой—объясняетъ его любовь къ простотѣ и естественности въ литературномъ изложеніи мысли; эти качества онъ первый сталъ вносить въ литературную рѣчь, чуждаясь прежнихъ велерѣчій и разукрашенныхъ фразъ, и потому первый сблизилъ литературный языкъ съ народнымъ. Сходство басни Крылова съ русскою пословицею поведетъ къ ихъ сравненію и къ разбору пословицъ въ примѣненіи къ русской жизни.

Драматическая поэзія въ нашей литературѣ не представляетъ большого выбора для педагогическихъ работъ. Здѣсь уже нельзя обойтись безъ разбора двухъ или трехъ иностранныхъ произведеній, чтобы соединить съ ними вопросы о драматической борьбѣ, о трагическомъ дѣйствіи и под. Каждое произведеніе Софокла и Шекспира можетъ дать не мало вопросовъ и психическихъ, и нравственныхъ, и эстетическихъ, которые займутъ умъ полезною работою. Сравненіе ихъ выяснитъ ихъ особенности въ связи съ понятіями и стремленіями ихъ времени. Послѣ этихъ трудовъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на изученіи драмы Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Здѣсь можетъ представиться множество вопросовъ, которые ученики были бы въ силахъ разрабатывать сами, если имъ есть возможность имѣть подъ рукою разбираемую драму. Сперва можно разсмотрѣть каждую сцену въ отдѣльности: содержаніе и цѣль разговора, обрисовка характеровъ, понятія каждаго лица, особенности его языка, драматическія движенія, развитіе дѣйствія. Затѣмъ прослѣдить внутреннюю связь между всѣми сценами, чтобы ясно представить себѣ общій ходъ дѣйствія и видѣть значеніе каждой сцены въ цѣломъ произведеніи. Далѣе опредѣлить отношеніе между лицами и сословіями, отношеніе ихъ къ Борису и его къ нимъ, прослѣдить параллель, въ какой Пушкинъ ведетъ Годунова и самозванца, ихъ таинственную связь, на которой построена

вся драма: Борисъ, какъ преступникъ, избѣжавъ людского суда, достигъ своей цѣли; нравственная сторона жизни осталась попранною, слѣдственно, должна потерять всякое значеніе, если не будетъ вновь возстановлена; люди теперь уже не могли возстановить ее, такъ какъ Борисъ-царь сталъ выше ихъ всѣхъ по ихъ добровольному избранію. Но остается еще другой, высшій судъ, который по безсилію людей теперь долженъ выказать свою силу, чтобы не позволить вѣчно торжествовать преступленію. Надъ Борисомъ долженъ былъ совершиться высшій судъ, судъ неба, и покарать его именемъ убитаго имъ царевича, какъ призракомъ, вышедшимъ изъ могилы для того, чтобы не оставить преступленія ненаказаннымъ, если люди были не въ силахъ наказать его. Самозванецъ является только орудіемъ провидѣнія, назначившаго кару преступному царю; вотъ отчего онъ такъ быстро успѣваетъ, несмотря на дерзкіе, почти несбыточные свои планы, на все легкомысліе, съ какимъ приступаетъ онъ къ ихъ исполненію, на ничтожную горсть войска, которое разбиваетъ московскія войска. Невидимая сила ведетъ его впередъ какъ небесную кару. Борисъ не выдержалъ душевнаго волненія: онъ почувствовалъ надъ собою судъ Божій, сознаЛъ свое безсиліе и умеръ, думая, что невинный сынъ его всходитъ на престолъ по праву и удержитъ карающую руку невидимаго судіи. Но не такъ было рѣшено въ высшемъ правосудномъ судѣ. Престолъ, добытый страшною цѣною крови, не могъ остаться въ родѣ убійцы, иначе судъ не достигъ бы своей цѣли. Зло было такъ велико, что за него долженъ былъ поплатиться и невинный юноша именемъ все того же Дмитрія. Народъ, незадолго со злобою кричавшій противъ осиротѣвшаго семейства Бориса, отвѣтилъ общимъ безмолвіемъ на извѣстіе о смерти юнаго Ѳеодора. Онъ ясно увидѣлъ, что его человѣческому суду здѣсь уже нѣтъ мѣста, что уже безъ него совершился другой судъ; стихла злоба, и фактъ былъ признанъ однимъ молчаніемъ. Въ этомъ молчаніи при имени царя Димитрія Ивановича слышится и предчувствіе новой грозы, которая связывается съ судьбою царя самозванца.

Такой смыслъ далъ Пушкинъ своему произведенію. Его-то и нужно разобрать въ сценахъ, приведя при этомъ нѣ-

которыя страницы изъ исторіи Карамзина. Здѣсь задача будетъ состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, какія заимствованія сдѣлалъ Пушкинъ у историка, и какъ переработалъ найденные у него факты въ драматическія сцены. Это произведеніе не подойдетъ подъ всѣ условія извѣстной теоріи драмы, за что́, впрочемъ, не слѣдуетъ винить автора, такъ какъ оно все-таки вышло и оригинально, и прекрасно. Оно представляетъ особый видъ драматической поэзіи, гдѣ главный интересъ заключается не въ борьбѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ общей идеѣ, которою поэтъ хочетъ объяснить историческое событіе.

Такъ какъ дѣйствіемъ управляетъ, по взгляду поэта, высшая сила, которую сознаетъ и самъ Борисъ, то отсюда борьба дѣлается невозможною, отчего и личность Годунова лишена драматическаго интереса. Онъ только мучится совѣстью и казнитъ всѣхъ для него опасныхъ или подозрительныхъ людей. Здѣсь еще нѣтъ борьбы, здѣсь только деспотизмъ тирана. Бороться съ высшею невидимою силою, дѣйствіе которой онъ мало-по-малу сознавалъ надъ собою какъ небесную кару, онъ не могъ, потому что чувствовалъ и тяжесть своей вины, и свое безсиліе. Правда, въ древнихъ трагедіяхъ герой также сталкивается съ высшею силою, какою являлась судьба, и находитъ въ себѣ силы бороться; но тамъ, во-первыхъ, опредѣленія судьбы ему были неизвѣстны, во-вторыхъ, у него были свои стремленія, которыя нерѣдко расходились съ высшимъ сокровеннымъ предназначеніемъ; ему было зачто бороться, такъ какъ исходъ борьбы былъ никому неизвѣстенъ. Борисъ былъ въ другихъ обстоятельствахъ: тайная сила обезсиливала его: при такомъ сознаніи человѣку съ характеромъ оставалось одно: отказаться отъ своего величія, которое ему досталось такою дорогою цѣною, и въ покаяніи ждать совершенія надъ собою Божьяго суда. Не сдѣлавъ этого, онъ является въ высшей степени безхарактернымъ—злодѣемъ, читающимъ себѣ мораль, сознающимъ надъ собою небесный гнѣвъ и безсиліе съ нимъ бороться и въ то же время занимающимся доносами слугъ на бояръ, тайнымъ кровопусканіемъ въ темницахъ, мелкою местью и пр.

Въ самозванцѣ также не можетъ быть борьбы, потому

что онъ является въ драмѣ, какъ мы сказали, орудіемъ провидѣнія; оно и ведетъ его впередъ, согласно съ его собственными стремленіями занять престолъ московскій, слѣдственно, бороться ему не съ чѣмъ, а сраженія удачныя и неудачныя не составляютъ драматической борьбы. Такимъ образомъ, оба главныя лица не представляютъ драматическаго интереса; мы безъ участія слѣдимъ за ними, потому что въ нихъ не видимъ тѣхъ силъ, которыя бы привлекали насъ къ себѣ и отъ которыхъ бы мы ожидали развитія. Въ этомъ отношеніи драма должна назваться слабою, потому что въ ней недостаетъ самаго важнаго условія для драмы—драматической борьбы. Достоинства ея заключаются въ отдѣльныхъ сценахъ, связанныхъ извѣстною идеею, гдѣ представлена жизнь народа въ одну изъ важныхъ эпохъ его исторіи.

Сцена въ кельѣ Чудова монастыря.

Лѣтописецъ-монахъ Пименъ въ глубокую ночь при свѣтѣ лампады оканчиваетъ свой лѣтописный трудъ и задумывается надъ нимъ. Въ этой думѣ высказывается: 1) его монашескій *взглядъ* на лѣтопись, какъ на долгъ, завѣщанный ему отъ Бога. Такой взглядъ выведенъ изъ двухъ обстоятельствъ: Богъ далъ ему долгую жизнь и помогъ научиться грамотѣ, слѣдовательно, и назначеніе его записать все, что онъ видѣлъ или слышалъ въ теченіе жизни; 2) *судьба* лѣтописи—послѣ многихъ лѣтъ, забытая, она будетъ найдена какимъ-либо трудолюбивымъ монахомъ, который и будетъ продолжать ее; 3) *цѣль* лѣтописи—чтобъ потомки знали, что было на родной землѣ, но не для того, чтобы судить дѣятелей этого времени, а чтобы добромъ поминать ихъ за труды и молиться за ихъ грѣхи и темныя дѣянья; 4) *впечатлѣніе* отъ лѣтописнаго труда—все минувшее снова переживается; разница въ томъ, что въ дѣйствительности оно неслось бурно, а въ воображеніи уже не волнуетъ страсти, являясь спокойно и безмолвно; 5) причина *прекращенія* труда — лѣтописецъ въ уединенной жизни пересталъ вникать въ событія: память его перестала помнить имена и факты.

Вся эта характеристика русской лѣтописи и лѣтописца есть не что иное, какъ общій выводъ, сдѣланный поэтомъ при чтеніи нашихъ лѣтописей. Всѣ онѣ отличаются одностороннерелигіознымъ взглядомъ, незлобивостью, кротостью, смиреніемъ всегда безъименнаго автора, спокойнымъ изложеніемъ. Въ самомъ языкѣ Пимена слышится голосъ монаха, свыкшагося съ постояннымъ чтеніемъ религіозныхъ книгъ; онъ и самъ употребляетъ выраженія книжныя, считая ихъ болѣе приличными для мыслей важныхъ: *долгъ*, *завѣщанный отъ Бога*, *научилъ книжному искусству*, *пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ*, *вѣдаютъ потомки православныхъ минувшую судьбу родной земли* и проч. Все это налагаетъ на слогъ монашескій особенный отпечатокъ, удачно подмѣченный Пушкинымъ.

Пока старикъ монахъ занятъ своимъ трудомъ, послушникъ юноша Григорій спитъ, тревожимый все однимъ и тѣмъ же сновидѣніемъ, отчего наконецъ и просыпается. Разумѣется, первая его мысль и должна быть о томъ, что̀ его такъ встревожило: все тотъ же сонъ, возможно-ль въ третій разъ, проклятый сонъ. Затѣмъ, придя въ ясное сознаніе, онъ останавливаетъ свою мысль на старикѣ-лѣтописцѣ. Его поражаетъ та противоположность, въ какую монахъ поставилъ себя со всѣмъ окружающимъ. Въ то время, когда все покоится сномъ, когда онъ, Григорій, видѣлъ уже три раза одинъ и тотъ же сонъ, старый монахъ не смыкалъ глазъ при свѣтѣ лампады за своимъ трудомъ. Вглядываясь въ трудолюбиваго старика, Григорій дополняетъ ту характеристику лѣтописи, которую передъ этимъ сдѣлалъ самъ лѣтописецъ; онъ указываетъ на одиноко безстрастное отношеніе автора ко всѣмъ событіямъ, которыя изображаетъ онъ, и при этомъ обозначаетъ содержаніе лѣтописи. Онъ удачно сравниваетъ лѣтописца съ дьякомъ, посѣдѣлымъ въ приказѣ въ роли судьи, который до того привыкъ ежедневно выслушивать и правыхъ и виновныхъ, что уже не возмущается никакими картинами, равнодушно, безъ жалости и гнѣва внимая добру и злу. Своимъ движеніемъ Григорій привлекъ къ себѣ вниманіе Пимена, который и обращается къ нему съ вопросомъ: проснулся, братъ? Затѣмъ слѣдуетъ размѣнъ монашескихъ привѣтствій и завязывается бесѣда.

Очень естественно, что Григорій долженъ былъ начать свою рѣчь съ того, что̀ заняло его мысль послѣ пробужденія: 1) сновидѣніе, 2) ночная неурочная работа монаха. Между тѣмъ и другимъ онъ видитъ противоположность, на которую и указываетъ въ своей рѣчи.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.

Выраженія его также монашескія, которыя обнаруживаютъ и монашескій взглядъ на явленія природы и жизни. По этому взгляду сны навѣваются или силою святою, или темною, отчего они и могутъ быть пророческими. Дурной сонъ, конечно, отъ силы дьявольской; онъ есть *бѣсовское мечтаніе*. Бѣсъ на монашескомъ языкѣ есть *врагъ*, такъ какъ только онъ одинъ и враждуетъ противъ монаха, стремясь совратить его со святого пути разными прельщеніями. *Врагъ меня мутилъ*, говоритъ Григорій, съ полнымъ убѣжденіемъ въ діавольскую силу, и затѣмъ разсказываетъ свой сонъ. Въ немъ дѣйствительно оказываются намеки на будущую судьбу Григорія, но такъ какъ мы не можемъ вѣрить въ пророческую силу сновидѣнія, то не эта сторона его и останавливаетъ насъ. По сновидѣнію мы можемъ судить о состояніи духа человѣка на яву. Неспокойное состояніе непремѣнно тѣмъ же отражается и во снѣ; а сонъ Григорія именно такого свойства: видимо, что юноша недоволенъ своею бѣдною однообразною жизнью; онъ стремится къ какой-то другой жизни; ему неясно мечтается другая, высшая сфера, куда и несется духъ его, и вотъ эта недовольная жизнь въ монашеской кельѣ съ мечтами немонашескими и переходитъ въ сновидѣніе, которое кажется бѣсовскимъ мечтаніемъ. Но въ головѣ юноши еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ замысловъ: ему пока еще смутно представляется иная жизнь, для монашества онъ не созданъ.

Пименъ, какъ монахъ опытный, считаетъ своею обязанностью наставить юношу, какъ удалять отъ себя такіе сны. Совершенно вѣрно и естественно онъ объясняетъ причину ихъ: *младая кровь играетъ*, именно молодость и пылкая кровь

юноши и есть причина его стремленій въ другую болѣе дѣятельную и разнообразную сферу. Указавъ на причину, старикъ указываетъ и на средство уничтожить ее: *смиряй себя молитвой и постомъ*.. средство совершенно монашеское, уже испытанное самимъ Пименомъ. На этотъ опытъ онъ и указываетъ для большей силы своего наставленія; но только при этомъ забываетъ, что имѣетъ дѣло съ пылкимъ юношей. Разсказомъ о своей шумной прошлой жизни онъ не достигаетъ той цѣли, которую себѣ предназначилъ. Вмѣсто того, чтобъ убѣдить юношу въ необходимости смирять себя молитвой и постомъ, онъ только воспламеняетъ его воображеніе и внушаетъ нечестивую мысль, что монашеская жизнь прилична старости, а не молодости. У Григорія является зависть къ Пимену, который весело провелъ свою молодость въ войскѣ и при дворѣ, и вотъ уже страстно выражаетъ свое желаніе бѣдный юный инокъ наслаждаться жизнью, а не умерщвлять ее въ душной кельѣ, и если ужъ необходимо это послѣднее, то отчего не отложить до старыхъ лѣтъ: успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ

Отъ суеты, отъ міра отложиться...

Но старый Пименъ не таковъ, чтобы пылкіе порывы юноши могли остановить его и заставили бы отказаться отъ убѣжденія. Теперь ему представилась другая цѣль—доказать, что всѣ мірскія удовольствія есть только грѣхъ и потому не составляютъ наслажденій для души, не даютъ ей покоя. Конечно, доказательства его должны вытекать изъ того же монашескаго взгляда на жизнь. Высшая цѣль жизни человѣка есть спасеніе души, слѣдовательно, и та сфера, которая ведетъ къ этому спасенію, и есть настоящая жизнь, внѣ ея все *грѣшный свѣтъ*, въ которомъ только одни *искушенія*. Кто поздно перешелъ оттуда въ настоящую жизнь, тотъ дольше долженъ каяться и дольше не найдетъ себѣ душевнаго покоя. Отсюда представляется и выгода юноши, рано покинувшаго грѣшный свѣтъ. Правда, его еще прельщаютъ слава, роскошь и женская любовь; но чтобы отвлечь его отъ такихъ мыслей, ему нужно доказать, что все это привлекательно только *издали*. Пименъ хорошо понимаетъ, что самыя убѣдительныя

доказательства тутъ должны быть взяты изъ дѣйствительной жизни. Для этого въ примѣръ онъ ставитъ прежде всего себя, старика, испытавшаго многое.

Съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь меня Господь привелъ.

Но и этого мало, онъ находитъ разительные примѣры въ жизни самихъ царей, во власти которыхъ наслаждаться всѣми благами жизни, и несмотря на то, часто златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился,

Они его мѣняли на клобукъ.

И затѣмъ въ разсказѣ монаха выступаетъ на сцену памятный всѣмъ царь Іоаннъ, прозванный Грознымъ. По-монашески смотритъ Пименъ и на жизнь царя: *онъ искалъ успокоенья въ подобіи монашескихъ трудовъ.*

Только о томъ и говоритъ разсказчикъ, что̀ видѣлъ самъ и что̀ поразило его: грозный царь, усталый отъ гнѣвныхъ думъ и казней, въ смиреніи, въ слезахъ, въ бѣдной монашеской кельѣ даетъ торжественное обѣщаніе отказаться отъ царскаго величія и принять схиму, чтобы въ ней найти покой своей душѣ. Отъ этого примѣра Пименъ переходитъ къ другому, столь же поразительному. Царь является и на престолѣ монахомъ, его царскіе чертоги преобразились въ молитвенную келью, гдѣ святая душа его уже не возмущалась державными заботами. Въ немъ-то, по взгляду монаха, и является настоящій идеалъ царя. Это онъ выводитъ изъ того, что царствованіе Ѳеодора прошло мирно, безъ особенныхъ потрясеній, значитъ, Богъ возлюбилъ смиреніе царя. Въ доказательство его святости приводится случай въ часъ его кончины,—случай, который въ глазахъ инока не что иное, какъ чудо. Всѣ слышали, какъ царь въ предсмертномъ бреду произносилъ слова *великій патріархъ;* московскаго патріарха въ это время при царѣ не было; отсюда должно было заключить, что не къ нему относились эти слова, и что, слѣдовательно, царю представляется видѣніе. Воображеніе религіозныхъ людей дополнило все остальное; видѣніе это должно быть непремѣнно небесное, такъ какъ царь отличался свя-

тою жизнью; мужъ, котораго онъ называлъ великимъ патріархомъ, долженъ быть необычайно свѣтелъ, такъ какъ видѣніе было небесное. Одно, повидимому, логически вытекаетъ изъ другого и убѣждаетъ людей, настроенныхъ во всемъ видѣть чудо. Таковъ былъ монашескій взглядъ, которымъ былъ проникнутъ Пименъ.

За этимъ очень естественно было слышать изъ устъ набожнаго монаха сожалѣніе, выразившееся въ восклицаніи: *ужъ не видать такого намъ царя!* А это обратило мысль къ настоящему: на престолѣ Ѳеодора цареубійца, котораго выбрали въ цари сами же русскіе. Какъ объяснить это, если не гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи наши? Такимъ образомъ бесѣда переходитъ на другой предметъ. Григорій не находитъ ничего, чтобы возразить Пимену на всѣ его доказательства; убѣжденъ ли онъ ими, мы не знаемъ; но мысль его привлечена къ новому предмету. Рѣчь о цареубійцѣ должна была напомнить и объ его несчастной жертвѣ—убитомъ царевичѣ. Григорій не зналъ достовѣрныхъ подробностей объ этомъ событіи; отсюда естественно желаніе выслушать ихъ отъ очевидца, а Пименъ, говорятъ, въ то время былъ въ Угличѣ. Старикъ разсказываетъ съ одушевленіемъ, такъ какъ это злое дѣло, этотъ кровавый грѣхъ былъ еще свѣжъ въ его памяти и сильно поразилъ его. Григорію при этомъ хочется знать, какихъ лѣтъ былъ убитый царевичъ, но здѣсь мы еще не видимъ, чтобы у него были какіе-либо замыслы. Онъ спрашиваетъ о лѣтахъ, какъ о подробности, которой недоставало воображенію, чтобы живо представить всю картину, нарисованную самимъ Пименомъ. Простодушный отвѣтъ монаха, назвавшаго царевича ровесникомъ Григорія и, слѣдственно, невольно сравнившаго обоихъ, могъ забросить въ душу недовольнаго и неспокойнаго юноши первую, еще смутную, неясную мысль о тѣхъ безумныхъ замыслахъ, которые подъ конецъ увѣнчались успѣхомъ. Хотя словомъ и *царствовалъ* Пименъ показалъ всю громадную разницу между тѣмъ и другимъ, но это могло еще сильнѣе разгорячить и раздражить пылкую душу: его ровесникъ теперь бы царствовалъ, а онъ, Григорій, томится въ жалкой монашеской жизни, прельщаемый мечтами о битвахъ, о царскихъ пирахъ. „Богъ

судилъ иное", говоритъ старикъ: онъ судилъ не царствовать тому, кто имѣлъ право на царство, а кто знаетъ, можетъ быть, онъ же судилъ престолъ тому, кто родился въ самой темной долѣ... Достаточно промелькнуть такому заключенію въ пылкой головѣ, чтобы привязаться къ нему и отъ мечтаній мало-по-малу перейти къ плану, а тамъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и къ дѣйствію. Старикъ Пименъ, конечно, не могъ и подозрѣвать, какую искру бросилъ онъ въ душу своего собесѣдника, которому при этомъ онъ указываетъ совсѣмъ на другое поприще. Закончивъ свою лѣтопись плачевнымъ разсказомъ о смерти Димитрія царевича, онъ хочетъ сдѣлать грамотнаго Григорія своимъ наслѣдникомъ—передать ему лѣтопись съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ этотъ трудъ. Его наставленія, какъ вести лѣтопись, заканчиваютъ характеристику русской лѣтописи, которою начинается эта сцена. Но не о такомъ наслѣдствѣ съ этого времени уже будетъ думать Григорій: онъ будетъ рваться не описывать дѣла царей, а быть самому на ихъ мѣстѣ, не теряться въ толпѣ простыхъ свидѣтелей событія, а быть въ немъ участникомъ и главнымъ дѣятелемъ; пусть лучше другіе описываютъ его собственныя дѣла, чѣмъ ему описывать дѣла другихъ. Вотъ какія мысли въ головѣ юноши могли вытекать изъ предложеній и совѣтовъ стараго монаха, чтобы потомъ вскружить ему голову.

Пименъ, призываемый раннимъ благовѣстомъ на молитву, уходитъ, а Григорія поражаетъ тайная связь между царемъ Борисомъ и старымъ лѣтописцемъ, связь, которой не подозрѣваетъ и царь. Въ сознаніи своего могущества, видя, какъ все передъ нимъ трепещетъ, онъ думаетъ, что слѣды преступленія навсегда изглажены и скрыты, и не знаетъ, что изъ этой самой темной кельи выйдетъ простая и вѣрная повѣсть о всѣхъ его дѣлахъ, какъ доносъ потомству. Такимъ образомъ и онъ, какъ всякій другой, не уйдетъ отъ мірского суда, хотя и думаетъ, что уже ушелъ отъ него. Но не уйдетъ онъ и отъ Божьяго суда, который долженъ выразиться черезъ него, Григорія. Эта послѣдняя мысль связываетъ всю сцену съ главною идеею и, слѣдственно, съ общимъ развитіемъ. Здѣсь она выразилась только отрывочно,

какъ бы мимоходомъ, неясно, она лишь промелькнула въ головѣ Григорія, какъ слѣдствіе предыдущей бесѣды, но впослѣдствіи она выразилась яснѣе, такъ сказать, сознательнѣе въ рѣчахъ Григорія:

Тѣнь грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Изъ всего этого видно, какія соображенія руководили Пушкинымъ, когда онъ обрабатывалъ эту сцену. Ему нужно было представить, какимъ образомъ въ головѣ Григорія могла зародиться первая мысль назваться царевичемъ Димитріемъ и какую нравственную или религіозную опору онъ нашелъ въ себѣ, чтобы развивать ее и привести въ дѣйствіе. Для этого поэту нужно было, не выводя Григорія изъ его дѣйствительной монашеской сферы, свести съ религіознымъ и разсудительнымъ человѣкомъ, который познакомилъ бы его съ обстоятельствами, касавшимися смерти царевича, и въ то же время показалъ бы связь между дѣлами людскими и божескою волею. Это и вызываетъ на сцену образъ лѣтописца, прекрасно созданный поэтомъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя даютъ русская лѣтопись и исторія.

Горе отъ ума, комедія Грибоѣдова.

Ученики должны сами вчитаться въ комедію, чтобы подробно разсказывать содержаніе каждой сцены и даже запомнить характеристическія выраженія. Преподаватель при этомъ долженъ обратить ихъ вниманіе на драматическую и комическую сторону произведенія. Завязку комедіи здѣсь составляетъ неожиданный пріѣздъ въ Москву Чацкаго и появленіе его въ томъ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію и воспитанію, но съ которымъ совершенно расходился по своимъ убѣжденіямъ. Это общество считаетъ себя образованнымъ, нравственнымъ, но на самомъ дѣлѣ не можетъ назваться ни тѣмъ, ни другимъ.

Оно выпустило изъ виду главныя цѣли образованія и не выяснило себѣ истинныхъ основъ нравственности. Усвоивъ себѣ иностраннымъ воспитаніемъ внѣшность европейской жизни, оно не усвоило ея интересовъ, и отстаивая свои собственные интересы, стало въ противоположность съ высшими стремленіями европейскаго образованія. Въ этой противоположности и заключается комическая сторона представляемой жизни. Но при всемъ томъ это общество является силою, и въ своемъ сознаніи, силою законною, которою держится весь порядокъ въ государствѣ и которая оберегаетъ общественную нравственность. Очень понятно, что въ такомъ обществѣ всякая другая сила, заявившая свою законность во имя высшаго европейскаго просвѣщенія и новыхъ болѣе возвышенныхъ идеаловъ, будетъ встрѣчена враждебно. Общество, живущее исключительно сословными интересами, и къ нимъ пріурочившее все свое образованіе, объявитъ общественнымъ врагомъ каждаго, кто затронетъ эти интересы. Безъ борьбы дѣло тутъ обойтись не можетъ. И вотъ является такой человѣкъ, проникнутый интересами европейскаго просвѣщенія, развившій новый идеалъ жизни на основаніи не внѣшнихъ, а внутреннихъ достоинствъ человѣка. Онъ ясно видитъ всю пустоту, пошлость и безнравственность этого общества, которое не хочетъ и понять своихъ недостатковъ, считая ихъ за достоинства. Какимъ же образомъ онъ будетъ дѣйствовать среди такихъ людей, которые будутъ требовать, чтобы во всемъ онъ согласовался съ ихъ понятіями и взглядами? Дѣйствіе первыхъ провозвѣстниковъ новыхъ истинъ ограничивается только словомъ, проповѣдью, которыми они и приготовляютъ будущихъ дѣятелей на новомъ поприщѣ. Потому положеніе ихъ тѣмъ болѣе затруднительно, что ихъ считаютъ праздными говорунами, не выказавшими своихъ силъ ни въ какомъ настоящемъ трудѣ, людьми, которые хотятъ учить, а сами будто бы ничего не дѣлаютъ. Дѣлать они дѣйствительно ничего не могутъ, хотя и хотѣли бы очень многое, потому что ихъ не допустятъ дѣлать что-либо, согласно съ ихъ убѣжденіями и взглядами; всякое ихъ дѣло покажется новымъ дѣломъ, разрушающимъ чьи-либо интересы. Потому тѣмъ съ большею энергіею они принимаются за

слово, которое и дѣлается ихъ настоящимъ дѣломъ, ихъ призваніемъ, имѣющимъ свое значеніе въ общественномъ развитіи. Такимъ является Чацкій и возбуждаетъ бурю въ обществѣ, которое сначала считаетъ его своимъ. Въ немъ кромѣ того зарождается еще внутренняя борьба: по своимъ убѣжденіямъ онъ становится въ разрѣзъ съ этимъ обществомъ, ни въ чемъ не можетъ съ нимъ согласиться. Онъ понимаетъ, что интересы высшаго просвѣщенія и нравственности должны сдѣлаться и высшими общественными интересами, чего не находитъ въ дѣйствительности; онъ хочетъ, чтобы къ нимъ направилось общественное развитіе и подчинило имъ всѣ другіе интересы жизни; онъ такъ проникается ими, что отказаться отъ нихъ для него значитъ отказаться отъ жизни. Но въ то же время личные его интересы привязываютъ его къ тому же обществу. Софья Фамусова дѣлается предметомъ его мечты, съ которою онъ соединяетъ мысль о собственномъ счастіи, и такимъ образомъ въ немъ самомъ должно произойти противорѣчіе и, слѣдственно, борьба. Чтобы устроить свое счастье согласно съ своими сердечными стремленіями, ему нужно отказаться отъ своихъ высшихъ стремленій, нужно замолкнуть передъ всѣмъ, что̀ ему кажется уродливымъ, безнравственнымъ, пошлымъ. Но это сдѣлать онъ не въ силахъ, онъ долженъ остаться вѣренъ самому себѣ, своимъ убѣжденіямъ, и за это долженъ видѣть, какъ изъ его рукъ ускользаетъ его счастіе: Софья, прежде любившая его и возбудившая въ немъ надежду на счастіе, первая отшатнулась отъ него за его смѣлую и рѣзкую рѣчь противъ всякой пошлости и уродства. Она не могла понять его стремленій и испугалась той разрушительной силы, которая слышалась ей въ его словахъ. Но еслибы она и могла возвыситься до его понятій и нравственныхъ требованій, для чего потребовалась бы болѣе сильная натура, еслибы она и захотѣла составить его счастіе, то и тогда пришлось бы вступить въ борьбу съ обществомъ, которое не допустило бы такого союза, или слѣдовало отказаться отъ своего идеала и принять гнилой идеалъ общества, подчинившись всѣмъ его требованіямъ.

Оружіемъ въ своей борьбѣ съ Чацкимъ всѣ эти люди

выбрали самое старое и по большей части вѣрное въ столкновеніи съ новыми идеалами. Еще въ сатирѣ Кантемира Сильванъ, осуждая новыя стремленія жизни

Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.

Люди съ новыми стремленіями объявляются вредными гражданству, вольнодумцами, врагами общественнаго порядка. Съ ними не вступаютъ въ споръ, не убѣждаютъ ихъ путемъ логическимъ, потому что чувствуютъ тутъ свою слабость и несостоятельность, а прибѣгаютъ къ обвиненію съ тѣмъ, чтобы направить противъ нихъ власти и безъ всякихъ хлопотъ одною силою уничтожить всѣ опасныя для себя стремленія. Подобныя обвиненія тотчасъ же направились и на Чацкаго. Конечно, онъ могъ понять, что не здѣсь, не въ этой затхлой средѣ слѣдовало ему искать участія къ своимъ стремленіямъ, не здѣсь можно было найти себѣ партизановъ, но онъ не могъ сразу отказаться и отъ своего личнаго счастія; прежде чѣмъ оставить это общество, ему нужно было убѣдиться въ чувствахъ Софьи, увидѣть, что надежда на счастье разбилась навсегда и возродиться болѣе не можетъ. Привязанный къ обществу личными интересами, онъ въ то же время не могъ ограничиться одними наблюденіями надъ Софьею, чтобы окончательно рѣшить себѣ вопросъ, любитъ она его или нѣтъ. Онъ безпрестанно наталкивается на такіе факты, слышитъ такія сужденія, которыя волнуютъ его, оскорбляютъ въ немъ нравственное чувство. Его юный, пылкій нравъ не позволяетъ ему быть сдержаннымъ, что́ было бы, можетъ быть, благоразумнѣе для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли. Но онъ не въ силахъ совладать съ собою, не въ силахъ молчать, и вотъ онъ съ жаромъ говоритъ людямъ, чего они и понять не могутъ, черезъ что становится даже въ комическое положеніе, не замѣчая того самъ. Послѣ этого не мудрено, что всѣ сразу, безъ повѣрки ухватились за слово *сумасшедшій*, лишь только оно было произнесено; всѣ какъ будто обрадовались, что найдено настоящее слово, которое опредѣлило имъ положеніе Чацкаго. И въ самомъ дѣлѣ, было чему обрадоваться! Это слово избавляло всѣхъ

отъ труда вести дальнѣйшую борьбу, пріискивать обвиненіе, направлять власти, губить человѣка. Теперь же весь вопросъ разрѣшается самъ собою. Что Чацкій сумасшедшій, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, есть всѣ тому признаки: онъ придирается къ каждому слову, повидимому, самому обыкновенному, говоритъ съ такимъ жаромъ, готовъ даже браниться, словомъ, ведетъ себя такъ, какъ считается неприличнымъ въ этомъ обществѣ, которое называется благороднымъ и дорожитъ своимъ благородствомъ. Итакъ, Чацкій сумасшедшій. За что же тутъ сердиться, на что негодовать, если человѣка постигло такое несчастіе; онъ не виноватъ въ этомъ. Правда, остается при этомъ рѣшить вопросъ о причинѣ болѣзни. Хотя въ этомъ люди и расходятся и спорятъ, но то уже не важно; главное же, представляется случай каждому члену общества выказать себя съ хорошей стороны—пожалѣть Чацкаго *по-христіански*, прикинуться сострадательнымъ. Наконецъ представляется предметъ поговорить, посудить объ этомъ несчастномъ событіи, какъ объ одной изъ тѣхъ новостей, которыхъ ищетъ праздное общество для разсѣянія. Наконецъ и Чацкій узнаетъ, какъ настроено противъ него общество, а затѣмъ убѣждается окончательно, что ему нечего ждать и отъ Софьи, которая предпочла ему самаго пошлаго человѣка, въ чемъ и самой ей пришлось убѣдиться на глазахъ же Чацкаго. Но это минутное униженіе Софьи, эта неудачная любовь ея не могли смягчить въ Чацкомъ всей горести чувствъ, всей сердечной боли, когда пришлось не только отказаться навсегда отъ надежды на счастіе, но и видѣть свои чувства оскорбленными, осмѣянными, приписанными безумному человѣку изъ одного желанія сдѣлать его предметомъ общаго посмѣянія. Итакъ, личнымъ счастіемъ своимъ поплатился человѣкъ за свои убѣжденія, которыя нравственно поставили его выше того общества, гдѣ ему пришлось искать счастія. Повидимому, онъ остался побѣжденнымъ; онъ долженъ былъ оставить поле битвы, отступить, измученный, съ разбитымъ сердцемъ, не нанеся никакого вреда своимъ противникамъ; слѣдственно, они торжествуютъ, они остались побѣдителями. Но все это нисколько не смягчаетъ комической стороны ихъ положенія.

Здѣсь торжествуетъ только сила массы, а не нравственная сила, которая оказалась совершенно несостоятельною. При нравственномъ безсиліи это торжество сильной массы можетъ быть только кратковременно. Но, конечно, надъ нею уже будетъ торжествовать не Чацкій, а тотъ идеалъ, во имя котораго онъ боролся, въ которомъ находилъ свою нравственную крѣпость, которому пожертвовалъ своимъ счастіемъ. Съ торжествомъ этого идеала и высшіе интересы жизни сдѣлаются общественными интересами.

Вотъ въ чемъ заключается драматическая сторона комедіи Грибоѣдова.

Общество, представленное въ комедіи, имѣетъ свое историческое развитіе. Его нравы, понятія, стремленія, идеалы развивались постепенно въ теченіе почти полутораста лѣтъ. Оно создалось подъ вліяніемъ крѣпостного права, табели о рангахъ, граматы о вольности дворянства, иноземнаго воспитанія, старыхъ родовыхъ понятій. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ чертъ требуетъ извѣстной исторической обстановки, которая должна войти въ „Руководство“ для учениковъ.

Чтобы основательно изучить комедію, ученики должны сами поработать надъ нею, имѣя въ виду вопросы, предложенные преподавателемъ. Вопросы эти могутъ быть такого рода:

Такъ какъ представленное здѣсь общество считаетъ себя образованнымъ, то и вывести, въ чемъ оно полагаетъ образованіе и какой у него составился идеалъ образованнаго человѣка? При его взглядѣ на образованіе, была ли необходимость въ наукѣ? Что въ человѣкѣ могло уважать такое общество? Какое значеніе имѣлъ здѣсь чинъ? Какъ смотрѣли на государственную службу, что въ ней считали главнымъ и чего отъ нея добивались? Какимъ является въ комедіи Фамусовъ, какъ чиновникъ и какъ отецъ? Какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе? Опредѣлить его нравственныя правила. Почему общество такъ враждебно отнеслось къ Чацкому? Какія понятія его противорѣчили понятіямъ общества? Что онъ уважалъ въ человѣкѣ? Со всѣми ли его мнѣніями можно согласиться? Опредѣлить личность Молчалина. Въ чемъ заключается комическая сторона его? Что общаго между нимъ и Загорѣцкимъ, который, по выраженію Чацкаго, „не умретъ въ Молчалинѣ“. Опредѣлить образованіе, понятія и характеръ Софьи по отношенію ея къ отцу, Чацкому и Молчалину. Какія сцены подвигаютъ впередъ дѣйствіе? Можно ли по комедіи судить о личности автора? Если ученики уже изучили комедію Недоросль, то къ прежнимъ вопросамъ для

сравненія можно присоединить и слѣдующіе: какія общія понятія высказываются въ комическихъ лицахъ Недоросля и Горя отъ ума во взглядѣ на науку, въ отношеніи къ людямъ—высшимъ и низшимъ и пр. Нѣтъ ли чего-нибудь общаго между Стародумомъ и Чацкимъ? Какія понятія и требованія Чацкаго отличаютъ его отъ Стародума?

IV.

Литературу, какъ извѣстно, составляютъ всѣ словесныя произведенія народа; они такъ разнообразны, что дѣлятся и подраздѣляются на многіе отдѣлы, какъ, напр., поэзія, исторія, философія, наука и проч.; каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свою исторію, такъ какъ каждый постоянно развивается и вноситъ въ извѣстную сферу новыя истины, идеи, познанія. Отсюда возникаетъ вопросъ: составитъ ли содержаніе общей исторіи литературы совокупность всѣхъ этихъ частныхъ исторій? Или, другими словами: можно ли въ исторію литературы вносить всѣ факты, которые частными исторіями считаются фактами замѣчательными? Съ другой стороны, литература, выражая духовную жизнь народа, находится въ тѣсной связи со всѣми его духовными стремленіями, которыя проявляются во внѣшности въ разнообразныхъ формахъ, и, слѣдственно, исторія литературы необходимо связывается съ другими исторіями, какъ, напр., съ исторіей политической, съ исторіей религіи, искусствъ и проч. Многія литературныя явленія иначе не могутъ быть ясно поняты, какъ съ помощью той или другой исторіи. Отсюда возникаетъ другой вопросъ: въ какой зависимости исторія литературы можетъ быть отъ другихъ исторій народной дѣятельности, и можетъ ли она излагать факты, не относящіеся прямо къ ея области?

Оба эти вопроса касаются предѣловъ исторіи литературы. Разрѣшить ихъ весьма важно, потому что ни въ одной наукѣ не происходитъ такого смѣшенія, какъ здѣсь, нигдѣ такъ легко и замѣтно нельзя увлечься посторонними фактами, какъ въ исторіи литературы. Въ примѣръ можно представить Шевырева, который, увлекшись вліяніемъ православія на древній періодъ нашей литературы, написалъ ско-

рѣе исторію религіознаго просвѣщенія нашего отечества, чѣмъ исторію древней русской литературы, хотя имѣлъ намѣреніе, судя по заглавію, написать эту послѣднюю. Такимъ образомъ отъ невольнаго увлеченія явилась крайность, сильно повредившая въ цѣломъ почтенному труду. Другая крайность мѣстами является въ исторіи Галахова изъ боязни зайти въ чужую область и захватить факты, выходящіе изъ предѣловъ литературы, отъ чего чувствуется недостатокъ исторической обстановки и яснаго освѣщенія фактовъ, какъ у Шевырева излишнее обиліе ненужныхъ подробностей, дающихъ искусственное освѣщеніе главнымъ фактамъ.

Исторія литературы, разсматривая литературныя произведенія въ *связи съ общественною жизнью*, должна безпрестанно обращаться за историческою обстановкою, за правильнымъ и яснымъ освѣщеніемъ своихъ литературныхъ фактовъ къ другимъ исторіямъ народной жизни, какъ, напр., къ религіи, политикѣ, законамъ, искусствамъ и проч., иначе потеряется цѣль исторіи литературы, которая *обнимаетъ всѣ словесныя произведенія, изображающія жизнь и характеръ народа* и которая *состоитъ въ тѣсной связи съ жизнью народа, какъ внѣшнею, такъ и внутреннею.*

По нѣкоторымъ опредѣленіямъ, исторія литературы почти тожественна съ исторіей цивилизаціи, т.-е. просвѣщенія и гражданскаго развитія, потому что и то и другое непремѣнно изображается или отражается въ литературѣ. Раскрывая и разъясняя литературные факты, мы необходимо будемъ раскрывать и гражданское развитіе и просвѣщеніе народа. При этомъ взглядѣ исторія литературы есть дѣйствительно исторія цивилизаціи, если для первой не найдется другой, спеціальной цѣли. Можетъ быть, намъ скажутъ, что исторія цивилизаціи имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣйствія народа на разныхъ поприщахъ жизни, въ которыхъ выразилась его духовная жизнь, развитіе и стремленія, тогда какъ въ исторіи литературы группируются всѣ факты около литературныхъ произведеній. Согласны, но если въ этихъ произведеніяхъ отражается та же жизнь, что и въ дѣйствіи, если ихъ нельзя даже разсматривать безъ обстановки, взятой изъ круга внѣшней дѣятельности народа, если главная цѣль ихъ

разбора будетъ заключаться въ изображеніи развитія общественной жизни, нравовъ, обычаевъ и проч., то не будетъ ли изъ всего этого вытекать одинъ и тотъ же результатъ, къ которому стремится и исторія цивилизаціи. Эстетическая оцѣнка литературныхъ произведеній въ исторіи литературы не можетъ ее отличать отъ исторіи цивилизаціи, потому что и эта послѣдняя имѣетъ въ виду эстетическое развитіе народа и съ этою цѣлью обращается не только къ литературнымъ произведеніямъ, но и ко всѣмъ искусствамъ. Разсматривать же форму каждаго литературнаго произведенія и въ исторіи литературы нѣтъ никакой нужды, если историкъ не хочетъ нагнать скуку на своихъ читателей. Исторія цивилизаціи безпрестанно захватываетъ литературу, и не можетъ не дѣлать этого, да и самая-то литература для насъ болѣе всего интересна по отношенію къ цивилизаціи. Значитъ, главная разница между тою и другою исторіею будетъ заключаться къ группировкѣ фактовъ? Почти что такъ, если не имѣть въ виду, что человѣкъ не весь выражается въ общественной жизни, т.-е. во внѣшнихъ фактахъ, въ дѣйствительности, что онъ постоянно представляетъ себѣ возможность лучшей и болѣе счастливой жизни, возможность, которая стремитъ его впередъ къ развитію, что эти стремленія часто противорѣчатъ дѣйствительности, а потому и не находятъ себѣ осуществленія во внѣшней жизни, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ весьма важное значеніе, потому что по нимъ человѣкъ располагаетъ свою жизнь, на нихъ опирается при оцѣнкѣ своей дѣйствительности. Эти идеальныя стремленія, какъ главная мысль, занимающая человѣка, какъ желаніе въ настоящемъ, прежде всего, разумѣется, выражаются словомъ, назначеніе котораго передавать всякую духовную дѣятельность, пришедшую въ ясное сознаніе ума.

Отъ словъ иногда бываетъ переходъ и къ дѣлу, переходъ, который нерѣдко сопровождается страшною борьбою между личностями и даже гибелью многихъ изъ нихъ. Такими стремленіями человѣкъ заявляетъ о своей личности и вноситъ движеніе въ общую жизнь. Какъ у одного человѣка, такъ и у цѣлаго общества и народа могутъ быть свои идеальныя стремленія, которыя въ ихъ жизни имѣютъ такое

же значеніе, какъ и въ жизни одного человѣка. Они также прежде всего заявляются словомъ. Такъ какъ человѣкъ одаренъ фантазіей и развивается подъ вліяніемъ природы, то и старается, подражая ей, представить всѣ свои стремленія и выработанныя идеи въ ясныхъ, живыхъ образахъ: у него создаются идеалы, которые согласуются съ дѣйствительностью или противорѣчатъ ей, но во всякомъ случаѣ отражаютъ ее вмѣстѣ съ духовнымъ настроеніемъ человѣка и являются крайнимъ результатомъ дѣятельности всѣхъ его духовныхъ силъ. Вотъ отчего поэтическія произведенія полнѣе, чѣмъ какія-либо другія, выражаютъ намъ и человѣка, и общество, и народъ, словомъ, всю дѣйствительность извѣстной эпохи въ тѣсной связи съ идеальнымъ настроеніемъ духа. Они не составляютъ случайности, но прямо вытекаютъ изъ потребности духа и съ этой точки представляютъ уже явленіе психологическое.

Какъ въ народной жизни поколѣнія смѣняются поколѣніями, такъ точно идеалы смѣняются идеалами, видоизмѣняясь и перерождаясь, по мѣрѣ развитія понятій подъ вліяніемъ религіи, науки, гражданской жизни и пр. И чѣмъ рѣже бываетъ смѣна идеаловъ, тѣмъ больше застоя замѣчается въ обществѣ или народѣ, что̀ очень понятно: значитъ, въ народѣ слишкомъ мало дѣлается умственныхъ пріобрѣтеній и познаній, которыя развиваютъ понятія и указываютъ на болѣе правильныя отношенія людей между собою и къ природѣ; оставаясь при однихъ и тѣхъ же понятіяхъ, разумѣется, общество или народъ сохраняетъ одинъ и тотъ же взглядъ на жизнь или одни и тѣ же идеалы. Напротивъ, чѣмъ больше дѣлается такихъ пріобрѣтеній, тѣмъ чаще являются изъ массы народа отдѣльныя личности со своими особенными, новыми идеалами и дѣлаются или руководителями массы, если имѣютъ на нее нравственное вліяніе, или становятся съ нею въ противорѣчіе, а нерѣдко и вступаютъ въ борьбу, исходъ которой зависитъ отъ жизненной силы самаго идеала. Часто случается, что личность гибнетъ, а созданный ею идеалъ переходитъ мало-по-малу въ массу, которая сначала противъ него боролась.

Должна ли исторія цивилизаціи изображать эту идеаль-

ную сторону жизни народа и отдѣльныхъ личностей? Если она имѣетъ въ виду дѣйствіе, т.-е. жизнь дѣйствительную, въ которой выразилось духовное развитіе народа, то, конечно, мечтанія, желанія, не перешедшія отъ словъ къ дѣлу, не будутъ для нея составлять сущности. Она будетъ къ нимъ обращаться только по мѣрѣ того, насколько они успѣли осуществиться или проявиться въ дѣйствительности. А между тѣмъ и они имѣютъ важное значеніе въ жизни человѣка и народа, какъ мы уже говорили. И такъ какъ они главнымъ образомъ выражаются въ словесныхъ произведеніяхъ, находясь въ тѣсной связи съ понятіями и познаніями, которыя пріобрѣтаетъ наука, то, слѣдовательно, на эту сторону жизни исторія литературы и должна обращать особенное вниманіе, чѣмъ она рѣзко и отличается отъ исторіи цивилизаціи. Она должна разсматривать образованіе идеаловъ, ихъ видоизмѣненія по вліянію религіозной, умственной и гражданской жизни, слѣдственно, отношеніе ихъ къ дѣйствительности, ихъ нравственное значеніе. Здѣсь дѣйствительность, конечно, обрисуется въ яркой картинѣ, но только по отношенію къ идеальнымъ стремленіямъ народа или личности писателя. Такимъ образомъ одно и то же литературное произведеніе для историка цивилизаціи и для историка литературы будетъ имѣть разное значеніе. Каждый изъ нихъ будетъ смотрѣть на него съ своей точки зрѣнія и изучать его по-своему. Такъ, напр., историкъ цивилизаціи въ лѣтописи Нестора будетъ искать точныхъ фактовъ, изображающихъ разныя стороны народной жизни, нравы, обычаи и проч. и съ этой точки зрѣнія подвергать строгой критикѣ всѣ сказанія. Историкъ литературы, напротивъ, будетъ дорожить и самыми вымыслами, потому что въ нихъ онъ видитъ идеальное настроеніе духа, по нимъ онъ судитъ о направленіи фантазіи, которая хотя заимствуетъ матеріалы для своего творчества изъ дѣйствительности, но передѣлываетъ ихъ по-своему, сообразно съ понятіями человѣка о жизни, о самомъ себѣ, о природѣ. Историкъ литературы съ особеннымъ вниманіемъ займется и самимъ лѣтописцемъ, какъ личностью, образовавшеюся въ извѣстную эпоху и отнесшеюся къ разнымъ явленіямъ жизни со своимъ идеаломъ; тогда какъ исто-

рикъ цивилизаціи будетъ стараться очистить факты отъ личнаго взгляда лѣтописца. Онъ же будетъ искать въ поученіи Владиміра Мономаха черты, обрисовывающія быть, современный князю, и его личность, какъ историческаго дѣятеля, и мало обратитъ вниманія на тотъ идеалъ народнаго правителя, который такъ ярко изображается въ поученіи и который находится въ тѣсной связи съ дѣйствительностью, что историку литературы прежде всего должно броситься въ глаза.

Точно такъ же и во всѣхъ другихъ литературныхъ произведеніяхъ: одинъ будетъ искать въ нихъ истинныхъ фактовъ для изображенія дѣйствительной жизни той или иной эпохи; другой—идеальнаго отношенія личности извѣстнаго круга къ тому или другому явленію жизни. Историкъ цивилизаціи укажетъ, можетъ быть, на Полтаву Пушкина съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы охарактеризовать новое направленіе, которое въ извѣстное время стала принимать наша литература, и тѣмъ сообщать самой цивилизаціи особенный характеръ. Историкъ же литературы особенно остановится на этомъ произведеніи вмѣстѣ съ другими того же поэта, гдѣ изображается Петръ Великій. Въ нихъ онъ увидитъ тотъ идеалъ монарха, который въ теченіе цѣлаго столѣтія развивался въ обществѣ образованныхъ русскихъ и наконецъ нашелъ себѣ художественное выраженіе въ поэтическихъ трудахъ перваго народнаго поэта. Конечно, онъ далеко не представляетъ намъ полнаго образа Петра, какъ обязанъ представить его безпристрастный историкъ, но онъ вѣрно изображаетъ намъ идеалъ, создавшійся въ воображеніи русскихъ въ связи съ прошедшею громкою дѣйствительностью и, слѣдственно, указываетъ на ихъ отношеніе къ этой дѣйствительности.

При такомъ разборѣ литературныхъ фактовъ и разборъ формы словеснаго произведенія имѣетъ свою относительную важность: онъ опредѣляетъ, во-первыхъ, силу таланта извѣстной личности, во-вторыхъ, степень его самостоятельности и, наконецъ, въ-третьихъ, наше отношеніе къ произведенію, которое можетъ прельщать насъ только художественною формою. Но форма, какъ мы сказали, не должна привлекать исключительное вниманіе историка. Вотъ почему исторія поэзіи

и краснорѣчіе занимаютъ главнѣйшее мѣсто въ исторіи литературы: въ нихъ полнѣе и опредѣленнѣе выражаются идеалы народной жизни и отдѣльныхъ личностей. Отсюда опредѣляется и отношеніе другихъ сочиненій къ предмету исторіи литературы. Имѣя въ виду опредѣленную нами цѣль, мы изъ нихъ разсматриваемъ только тѣ, которыя вносили въ жизнь новые взгляды и понятія, и, слѣдственно, способствовали видоизмѣненію и перерожденію прежнихъ идеаловъ жизни, или которые силились отстоять прежнее противъ наплыва новыхъ идей. И то, и другое имѣетъ прямое отношеніе и къ народной жизни, и къ народному характеру, также можетъ имѣть вліяніе на развитіе краснорѣчія и поэзіи. Что же касается до изящной формы безъ живого содержанія, то такіе пустоцвѣты не заслуживаютъ особеннаго вниманія историка, если съ ними не связано никакого другого значенія по отношенію къ народной жизни въ извѣстную эпоху.

Изъ всего этого ясно, что не всѣ факты изъ исторіи наукъ, не всѣ ученые, богословскіе и другіе трактаты и разсужденія могутъ входить въ исторію литературы, но только тѣ, которые измѣняли понятія людей и давали новыя цѣли ихъ идеальнымъ стремленіямъ. Такъ, напр., историкъ европейскихъ литературъ не можетъ обойти Бэкона, Ньютона, Локка, не можетъ не остановиться на успѣхахъ естественныхъ наукъ въ XVII и въ XVIII стол., на нѣкоторыхъ философскихъ выводахъ того же времени, такъ какъ все это совершенно переродило идеалы передовыхъ людей общества и поставило ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ идеалами прежней жизни. Равнымъ образомъ историкъ русской литературы не можетъ обойти изъ исторіи русскаго законодательства многихъ узаконеній Петра I и Екатерины II, чтобы яснѣе опредѣлить тѣ и другіе литературные факты, въ которыхъ выразились идеальныя стремленія общества или отдѣльныхъ личностей.

При разборѣ каждаго литературно-историческаго памятника главное вниманіе должно быть обращено на элементъ *обще-человѣческій* въ связи съ *національнымъ и личнымъ*. Подъ именемъ общечеловѣческаго мы разумѣемъ все то, что человѣчество успѣло выработать *до нашего времени*, какъ *непреложно-истинное*, и на что, по нашему взгляду, имѣетъ право каждый

человѣкъ. Не слѣдуетъ забывать, что современный историкъ не долженъ терять изъ виду конечный исходъ своего труда, т.-е. наше время. Онъ долженъ показать, какъ идеалы протекшей жизни, видоизмѣняясь и перерождаясь, наконецъ перешли въ наши идеалы, по которымъ мы стремимся устроить свою жизнь, признавая за ними достоинство общечеловѣческое. Всѣ тѣ идеи, которыми мы живемъ или которыя мы стремимся осуществить въ жизни, составляютъ ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на свое прошедшее, тотъ критеріумъ, на основаніи котораго мы судимъ прошлое и оцѣниваемъ степень просвѣщенія той или другой эпохи. Словомъ, все то, что мы признаемъ разумнымъ, справедливымъ, истиннымъ, нравственнымъ, прекраснымъ, и есть общечеловѣческій элементъ, который долженъ составлять душу каждаго произведенія. Стремленіе къ истинѣ, къ правдѣ, добру и проч., какъ явленія общечеловѣческія, живутъ въ каждомъ человѣкѣ, слѣдственно, и въ каждомъ народѣ; но дѣло въ томъ, что народъ не скоро добирается до настоящей истины, до правильныхъ понятій о правдѣ, добрѣ и проч.—безъ помощи науки онъ часто принимаетъ ложь за истину, окружая ее особеннымъ почитаніемъ, опутываетъ себя тиною суевѣрія, составляетъ себѣ особенныя понятія о нравственности, которыя съ нашей точки зрѣнія нисколько не нравственны; но общечеловѣческія стремленія въ немъ не заглушаются, и онъ мало-по-малу выпутывается изъ той тины, по мѣрѣ того, какъ накопляются у него истинныя познанія о природѣ и человѣкѣ. Такъ, напр., сколько вѣковъ человѣкъ руководствовался самымъ ложнымъ взглядомъ на природу и стоялъ къ ней въ самомъ неестественномъ отношеніи, но наконецъ при помощи науки онъ понялъ ее и взглядъ его быстро измѣнился, а съ нимъ измѣнилось и весьма многое въ его жизни. Слѣдственно, оцѣнивая тотъ или другой литературный памятникъ, мы необходимо должны обратить вниманіе на тѣ общечеловѣческія стремленія, которыя въ немъ заключаются, должны опредѣлить, сколько въ немъ этого вѣчно разумнаго, истиннаго, прекраснаго и проч., какъ мы понимаемъ ихъ, потому что черезъ это опредѣлится самая эпоха и та общечеловѣческая сторона, которая составляетъ глав-

ную сущность развитія; чрезъ это мы опредѣляемъ и достоинство тѣхъ идеаловъ, которыми стремился жить народъ или которые усиливались вносить отдѣльныя личности; наконецъ, это же самое опредѣляетъ мѣсто и достоинство литературнаго произведенія, какъ факта въ общей цѣпи всѣхъ фактовъ, составляющихъ исторію, какъ часть въ цѣломъ. Этотъ общечеловѣческій элементъ составляетъ душу всей исторіи, внутреннюю связь между всѣми фактами и долженъ проходить непрерывною нитью отъ перваго зарожденія народной жизни до нашего времени. Его-то собственно и должна выяснить исторія, изображая народную жизнь. Итакъ, по нашему мнѣнію, общечеловѣческій элементъ долженъ состоять въ отношеніи литературнаго памятника къ намъ въ той внутренней связи, которая съ нимъ соединяетъ насъ, какъ настоящее съ прошедшимъ.

Всѣ эти понятія и взгляды мы должны были выяснить прежде всего, потому что отъ неясности ихъ даже въ богатыхъ европейскихъ литературахъ появляются исторіи, которыя скорѣе можно назвать словарями: онѣ безъ разбора захватываютъ всѣ литературные факты, излагаютъ ихъ безъ всякой внутренней связи, почти такъ, какъ дѣлается въ словаряхъ, только давая имъ связь внѣшнюю по годамъ и по отдѣламъ. Здѣсь уже не думайте видѣть яснаго историческаго развитія, не думайте искать живыхъ картинъ народной жизни. Такія мнимыя исторіи полезны для справокъ, но никакъ не для чтенія съ цѣлью ясно представить себѣ развитіе духовной жизни народа. Изъ такихъ сочиненій читатель выноситъ только сильное утомленіе.

V.

Наша письменность начинается со временъ Владиміра святого, отсюда, слѣдственно, и нужно вести ея исторію. Введеніемъ къ ней долженъ служить обзоръ литературы болгарской, которая имѣетъ тѣсную историческую связь съ нашею. Это и должно войти въ руководство для учениковъ. До водворенія христіанства русскій народъ чувствовалъ надъ собою

только одну власть, власть князя и дружины—сословія военно-административнаго, власть, призванную изъ чужой земли сѣверомъ для наряда и водворившуюся на югѣ силою. Ясно, что пришлая власть не могла составить съ народомъ одного цѣлаго: у каждаго были свои понятія, свои интересы, свои идеалы. Народъ жилъ на большомъ пространствѣ, кто, уже осѣвшись, распахивалъ поля, вырубалъ лѣса, бился съ дикими звѣрями, пролагалъ дороги, словомъ, совершалъ тѣ земскіе подвиги, которые приписаны народному представителю, Ильѣ Муромцу; кто жилъ въ городахъ, ведя торгъ мѣхами, медомъ; кто продолжалъ еще по старому кочевать, устремляясь болѣе къ сѣверо-востоку и оттѣсняя на сѣверъ финскія племена. Князь съ дружиною ежегодно обходилъ ихъ, сбирая дань, а если выказывалъ несправедливыя требованія, то встрѣчалъ и враждебныя дѣйствія, какъ Игорь въ землѣ древлянской. Впрочемъ, ига этой власти народъ на себѣ не чувствовалъ, за исключеніемъ частныхъ случаевъ, считая ее необходимою для наряда и для охраны Русской земли. Съ водвореніемъ христіанства явилась другая власть на ряду съ первой, съ притязаніями бо̀льшими, чѣмъ власть князя и дружины: она стремилась овладѣть убѣжденіями каждой личности, совѣстью, нравственностью, всею внутреннею жизнью, власть также пришлая, призванная прежнею властью — княземъ и дружиною для смѣны старыхъ вѣрованій, которыя казались несостоятельными пытливому уму князя, вѣрованіями другими, которыя успокаивали всѣ тревоги ума и сердца, обѣщая неизреченныя награды за жизнь по извѣстному идеалу, слѣдственно, власть, призванная также для наряда, но только не земскаго, а духовнаго, религіознаго, и не народомъ, а волей княжеской. Эта новая власть принесла съ собою идеалы, совершенно чуждые народу и прямо враждебные его идеаламъ, по которымъ онъ уже давно устраивалъ свои отношенія къ природѣ и отдѣльныхъ личностей между собою. Онъ позволилъ себя крестить, потому что прежняя власть, уже имѣвшая для него значеніе авторитета, сама крестившись, стояла на сторонѣ новой власти; но онъ вѣрно не понималъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ, чего отъ него хотятъ, сгоняя въ воду. Легко было свалить кумиры и

пустить по теченію рѣкъ, но не легко было уничтожить ихъ въ воображеніи и въ сердцахъ народа: они остались тамъ еще надолго, что́ подтверждается и нашими лѣтописями. Да и неестественно было бы, еслибы народъ сразу перемѣнилъ свои вѣрованія, которыя онъ вырабатывалъ постепенно, съ которыми былъ связанъ каждый шагъ его жизни, которыя давали особенное значеніе многимъ предметамъ, имъ ежедневно употребляемымъ, которымъ, наконецъ, были подчинены всѣ его духовныя силы; неестественно, чтобы онъ тотчасъ смѣнилъ ихъ на новыя, тѣмъ болѣе, что некому было эти послѣднія и объяснять ему: пришлое духовенство не могло быть такъ многочисленно, чтобы разсѣяться по селамъ и учить народъ, еслибы онъ даже и былъ расположенъ мирно принять въ свою среду людей, совершенно ему чуждыхъ и враждебно смотрѣвшихъ на всю его жизнь. Да и притомъ были ли между ними люди, умѣвшіе говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ понятною рѣчью? Страннымъ и даже ненадежнымъ показался бы намъ такой народъ, еслибы онъ такъ быстро могъ переходить отъ однихъ вѣрованій къ другимъ.

Вотъ въ какомъ положеніи представляется намъ дѣло при началѣ христіанства, а слѣдовательно и литературы. Оно и должно быть исходной точкой для историка. Народъ—горожане и поселяне, князь съ дружиною, уже освоившіеся съ народомъ и пришлое духовенство—три предмета, за которыми онъ долженъ слѣдить. У каждаго изъ нихъ свои интересы, свои стремленія, свои идеалы. Опредѣлить ихъ и вникнуть во взаимное ихъ отношеніе между собою должно быть первымъ дѣломъ историка, который хочетъ внести жизнь въ свое изслѣдованіе. Сообразно съ этимъ онъ и долженъ группировать извѣстные ему факты.

Духовенство, основывая свое ученіе на книгахъ, должно было, разумѣется, усвоить себѣ и грамотность; она сдѣлалась его необходимой потребностью. Если кто изъ князей или изъ дружины учился грамотѣ, то также съ цѣлью религіозною, изъ набожнаго стремленія читать священныя книги. Въ другихъ случаяхъ жизни грамота была потребна развѣ только при заключеніи договоровъ съ чужими землями, но это слу-

чалось такъ рѣдко, что нарочно для того учиться не пришло бы никому и въ голову. Административныя сношенія съ народомъ были такъ просты, что не требовали письма. Для народа тѣмъ больше не было никакой потребности въ грамотѣ. Отсюда и объясняется, почему въ нашей древней письменности преобладаетъ направленіе религіозное. Такъ какъ грамота была потребностью людей религіозныхъ, преимущественно духовенства, то съ этою цѣлью она и употреблялась. Слѣдственно, о народѣ можно судить не по религіозному содержанію этой письменности, а по отношенію религіознаго писателя къ народной жизни, какъ оно высказывается въ его произведеніи: религіозность здѣсь выражаетъ только личность пишущаго, а не цѣлый народъ. Но самымъ главнымъ матеріаломъ для изображенія народной жизни и стремленій служатъ созданія фантазіи, которой народъ ввѣрялъ свои думы, понятія, взгляды, чувства, весь этотъ внутренній міръ, который сложился въ немъ подъ вліяніемъ природы и стремленій понять эту природу, чтобы опредѣлить свое къ ней отношеніе. Сюда относятся пѣсни, сказки, преданія, пословицы, повѣрья, все то, что прежде имѣло для него значеніе религіозное и потомъ перешло въ обычаи жизни.

Разсмотрѣніе былинъ лучше отнести къ отдѣлу изученія эпической поэзіи, гдѣ для сравненія можно привести и образцы чужеземнаго народнаго эпоса. На что именно здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, изложено въ дополнительной главѣ этой книги (см. въ концѣ).

Христіанскіе идеалы перенесены къ намъ греческимъ духовенствомъ, которое было призвано Владиміромъ крестить Русь. Извѣстно, что и до этого времени между кіевлянами было нѣсколько христіанъ: и не трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились они между собою и къ народу. Разумѣется, что, принявъ по доброй волѣ, сознательно идеи христіанства, они не могли жить съ массою одною жизнью и должны были отдѣлиться отъ нея, слѣдственно, заявить передъ нею свою личность; конечно, и масса не могла дать простору этой личности, и если не подавляла ее совершенно, то по крайней мѣрѣ относилась къ ней съ насмѣшками и презрѣніемъ, о чемъ даетъ свидѣтельство самъ Святославъ

въ лѣтописи Нестора. Масса сдерживалась княжескою властью, которая съ самаго начала, повидимому, хладнокровно относилась къ народнымъ вѣрованіямъ, такъ какъ была власть пришлая и въ этомъ случаѣ имѣла мало общаго съ народомъ; но одинъ представившійся удобный случай показалъ, что масса была бы не прочь и совсѣмъ уничтожить эти отдѣлившіяся отъ нея личности — христіанинъ Ѳеодоръ, какъ извѣстно по лѣтописи, сдѣлался жертвою возбужденной страсти толпы. По всей вѣроятности, всѣ эти личности явились на помощь греческому духовенству, когда оно было призвано властью, признавшею христіанство господствующею религіею. Княжеская дружина безъ сопротивленія могла послѣдовать примѣру князя, потому что вѣрованія своей прежней родины успѣла забыть, а вѣрованіями народными, подобно Владиміру, не удовлетворилась, слѣдственно, защищать было нечего, нечему было и сопротивляться. „Руси есть веселіе пити“, а новая вѣра допускала это, значитъ, на первый разъ удовлетворяла привычкамъ веселой жизни, развитымъ пирами Краснаго Солнышка. При такой обстановкѣ легко было крестить и народъ, т.-е. сдѣлать христіанами по имени, а не по жизни. Христіанскіе идеалы въ тѣхъ образахъ, въ какихъ они были перенесены византійскими монахами, были слишкомъ отвлечены отъ жизни и слишкомъ далеки отъ народности. Главною ихъ чертою были заботы о своей личности, т.-е. стремленіе спасти себя отъ мукъ ада и получить вѣчную награду въ будущей жизни за жизнь земную по извѣстнымъ правиламъ и требованіямъ; значитъ, здѣсь личность принимается не въ нашемъ смыслѣ, какъ сознаніе правъ на свободную и самостоятельную человѣческую жизнь, а какъ сознаніе въ себѣ свободной воли и силы достигать опредѣленной цѣли извѣстными путями.

Необузданность страстей и разнузданная жизнь многихъ въ то время, когда христіанство начало распространяться изъ Палестины, вызвали въ новомъ ученіи протестъ, изъ котораго произошла другая крайность: уединеніе, отчужденіе отъ людей, подавленіе въ себѣ всякой страсти, добровольная жизнь въ нуждѣ, въ лишеніяхъ и т. п. Отсюда развился аскетическій взглядъ на жизнь. Въ настоящемъ, въ

природѣ и во всемъ окружающемъ человѣка, наконецъ, въ самомъ человѣкѣ находили только искушеніе, соблазнъ, враговъ спасеніе—отсюда вызывался враждебный взглядъ на мірскую жизнь, а при такомъ развитіи понятій фантазія поспѣшила олицетворить всѣ потребности, вызываемыя природою, въ образѣ разныхъ демоническихъ существъ, которыя и населили всю природу: она получила названіе *грѣховной*. При первомъ своемъ развитіи такой идеалъ произвелъ монашество, которое и продолжало его развивать въ подробностяхъ, не признавая въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ никакихъ другихъ интересовъ жизни. Этотъ монашескій аскетическій идеалъ перенесенъ былъ и къ намъ. Впрочемъ, въ самой Византіи въ городскихъ классахъ и въ духовенствѣ исторически развился свой кругъ образованія, а съ нимъ и своя словесность.

Но эта эллинско-византійская ученость въ Кіевѣ не могла имѣть значенія, какъ совершенно недоступная для ума, неразвитого схоластикою. Изъ нея могъ выдѣлиться только византійско-богословскій элементъ и перейти къ тѣмъ, которые чувствовали призваніе заниматься религіознымъ созерцаніемъ. Въ самой же жизни на виду могъ быть только тотъ идеалъ, который выставлялся монашествомъ.

Духовенство, прибывшее съ княземъ въ Кіевъ, позаботилось устроить греческую іерархію и, какъ убѣжище для осуществленія аскетическаго идеала, монастыри, не справляясь, есть ли въ нихъ на первый разъ потребность новокрещеннымъ русскимъ. Разумѣется, ихъ и наполнили греческіе монахи. Но изъ того, что требовалось въ идеалѣ, еще не слѣдуетъ, что эти требованія вполнѣ исполнялись: они были такъ строги и суровы, что человѣческая природа безпрестанно измѣняла имъ. Могли находиться только немногія сильныя натуры, которыя побѣждали въ себѣ всѣ мірскія наклонности въ монастырской жизни. Этими монастырями уже былъ недоволенъ Антоній, первый изъ русскихъ, начавшихъ у насъ богомольное странничество, которое имѣло впослѣдствіи свое значеніе въ исторіи народнаго развитія. Проникшись самымъ строгимъ духомъ аскетизма въ своемъ странствованіи по византійскимъ монастырямъ, онъ нашелъ

въ монастыряхъ кіевскихъ много мірскихъ стремленій и отдѣлился отъ нихъ.

Духовенство въ началѣ своей дѣятельности могло имѣть прямое вліяніе только на князя, на дружину и отчасти на горожанъ. Греки не знали или знали плохо по-русски: изъ прежнихъ русскихъ христіанъ, которые могли принять священство, были сами слишкомъ мало учены, чтобы учить новокрещенныхъ. На князя, какъ добровольно принявшаго новую вѣру, ученіе имѣло несомнѣнное вліяніе, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись. Стремясь быть христіаниномъ по тому идеалу, который ему передали, онъ даже переставалъ быть способнымъ правителемъ. Что же касается прочихъ, то только во второмъ и третьемъ поколѣніи начинаютъ выказываться слѣды христіанскаго ученія. Иларіонъ успѣваетъ усвоить себѣ византійско-богословскую ученость и пишетъ богословскій трактатъ, который оканчивается радостью патріота, что наконецъ и его отечество можетъ назваться землею христіанскою. Но тутъ каждый, почувствовавшій въ себѣ религіозное расположеніе къ тому ученію, которое передавало духовенство, находилъ неудобнымъ оставаться въ мірской средѣ, отдѣлялся отъ нея и уходилъ въ монастырь. Такое бѣгство происходило преимущественно изъ дружины и болѣе впечатлительныхъ юношей. Такъ Ѳеодосій въ самыхъ раннихъ годахъ является отшельникомъ, Несторъ семнадцати лѣтъ поселяется въ монастырѣ. Но зато юные князья Борисъ и Глѣбъ, усвоившіе себѣ христіанскіе идеалы и не уединившіеся, дѣлаются несчастными жертвами кровной мести, понятій, развитыхъ искони въ массѣ. Эта масса продолжала внимать своимъ волхвамъ и, случалось, шла открытою силою противъ власти, которой она не призывала и не признавала. Все это подтверждается Несторовою лѣтописью, которою и должны начаться историческіе разборы въ гимназическомъ курсѣ.

Лѣтопись Нестора должна быть очень внимательно изучаема во многихъ отрывкахъ, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ литературныхъ памятниковъ нашего древняго періода. Въ исторіи нашей литературы она въ особенности важна тѣмъ, что представляетъ намъ начало той русской цивили-

заціи, въ основаніе которой легло византійское православіе, служившее у насъ исключительно цивилизующей силой до самаго XVII столѣтія. Здѣсь же соединены общеславянскія и русскія преданія, какія сохранились въ русской средѣ, также преданія христіанскія, взятыя изъ византійскихъ книгъ; здѣсь сохранились и остатки того дружиннаго эпоса, который представлялъ торжество русской силы; здѣсь мы находимъ и начало религіознаго эпоса, какъ выраженіе высшихъ интересовъ новой русской жизни; здѣсь же видятся всѣ убѣжденія русскихъ людей, принявшихъ въ себя эту цивилизующую силу, и стремившихся ею направить русскую жизнь на опредѣленный путь, примѣняя къ разнообразнымъ ея случаямъ христіанскую мораль; здѣсь мы можемъ слѣдить за направленіемъ творчества русской фантазіи, создававшей новые образы и новые идеалы или въ противоположность дѣйствительности, или для объясненія явленій дѣйствительности. Словомъ, здѣсь богатый историко-литературный матеріалъ, который необходимо разсмотрѣть, чтобы лучше понимать послѣдующіе литературные факты. По нашему мнѣнію, лучше сократить число прочихъ произведеній древней эпохи, чѣмъ безъ должнаго вниманія отнестись къ этому памятнику. Мы можемъ указать очень удобное для употребленія учениковъ и притомъ дешевое московское изданіе лѣтописи для учащихся, сдѣланное г. Басистовымъ „Несторова Лѣтопись съ примѣчаніями и словаремъ“ древнихъ русскихъ словъ. Само собою разумѣется, всѣ свѣдѣнія о лѣтописи и вся историческая обстановка, необходимая для основательнаго ея изученія, должны быть изложены въ Руководствѣ.

Эпическая сторона лѣтописи обращаетъ на себя особенное вниманіе, если на нее смотрѣть съ историко-литературной точки зрѣнія. Она представляетъ намъ направленіе и идеалы двухъ сословій—дружины и духовенства *).

*) Чтобы наглядиѣе представился эпическій характеръ въ лѣтописномъ изложеніи, можно для сравненія взять отрывки изъ лѣтописи Тацита, гдѣ лѣтописецъ художественной живости и картинности нерѣдко приноситъ въ жертву историческую точность, напримѣръ, заставляетъ лицо

Дружина въ эпоху принятія христіанства составляла военно-административное сословіе и имѣла авторитетъ власти. Она ходила съ княземъ на войну, пользовалась военною добычею, сбирала для князя дань, которую онъ и дѣлилъ съ нею, думала съ нимъ думу, судила и рядила судъ надъ народомъ и наконецъ пировала въ княжескихъ гридняхъ. Она была равнодушна къ народнымъ вѣрованіямъ, хотя многія понятія были между ними общія. Но при ея особомъ положеніи у нея развились и особыя отношенія къ князю и къ народу, особыя права, а съ этимъ вмѣстѣ и особые идеалы, у которыхъ не было ничего общаго съ идеалами народными. Они довольно живо изображаются въ лѣтописи Нестора. Всѣ сказанія о походахъ князей составляютъ основу прекраснаго эпоса; дѣйствительныя событія въ нихъ уже перешли въ фантазію и приняли идеальныя черты, сообразно съ понятіями и стремленіями дружины. Въ нихъ критика находитъ много сходства съ норманскими сагами, что̀ очень естественно по происхожденію дружины; это же служитъ яснымъ доказательствомъ, что сказанія вырабатывались не въ народѣ, а въ самой дружинѣ. Лѣтописецъ записывалъ ихъ по живымъ разсказамъ. Намъ неизвѣстно, изъ какого сословія вышелъ онъ, но можно предполагать, что скорѣе всего дружина была средою его воспитанія, какъ потому, что о народѣ онъ говоритъ немного, и то по слухамъ, такъ и по тому сочувствію, какое онъ постоянно выказываетъ, говоря о подвигахъ дружины. Несмотря на то, что въ многіе разсказы онъ вноситъ свой монашескій взглядъ, онъ не могъ совершенно отказаться отъ дружиннаго взгляда, который, повидимому, не совсѣмъ бы долженъ согласоваться съ его христіанскими понятіями, тогда какъ о явленіяхъ жизни народной судитъ онъ строго по своему идеалу. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о дружинѣ, онъ видимо увлекается дружинными идеалами, которые могли плѣнять его еще въ дѣтствѣ.

думать и говорить наединѣ то, что, конечно, не могло быть ему извѣстно; здѣсь онъ подобно эпическому поэту соображаетъ только вѣроятность при извѣстной обстановкѣ. Сравненіе отрывковъ изъ исторіи Карамзина и Соловьева между собою и съ лѣтописными сказаніями составитъ полезный трудъ для ученическихъ работъ.

Главными героями и любимыми идеалами историческаго дружиннаго эпоса является вѣщій Олегъ, Ольга, Святославъ. Олегъ — Одиссей, Святославъ — Ахиллъ русской дружины. Эпосъ славитъ Олега за хитрость, иногда переходящую въ лукавство—эти свойства ума считаются за высшее его достоинство, вопреки нашимъ нравственнымъ понятіямъ. Любимый герой греческаго эпоса Одиссей отличается тѣми же качествами. Если мы вникнемъ въ обстановку и обстоятельства жизни младенчествующаго человѣка, то намъ будетъ понятно, отчего эти черты ума возводятся въ идеалъ у неразвитого народа. Окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, которыя часто не въ состояніи отразить или отвратить силою, человѣкъ безпрестанно долженъ быть на стражѣ и напрягать всѣ силы своего ума, чтобы увернуться отъ нихъ и не быть ими подавленнымъ. Такъ природа ежедневно грозитъ ему своими страшными силами, противъ которыхъ мы беремъ свои мѣры съ помощью науки, устраивая себѣ разныя спасительныя убѣжища, плотины, громовые отводы и пр. Съ другой стороны, самъ человѣкъ съ неразвитыми понятіями о правѣ собственности, объ уваженіи личности, съ сознаніемъ права силы представляетъ не меньше опасности своему сосѣду. Слѣдственно, по инстинкту самоохраненія вся дѣятельность ума направляется къ тому, чтобы придумать средства, какъ бы ускользнуть отъ грозящей силы, если онъ не можетъ побѣдить ее собственною силою, обмануть врага, воспользоваться его оплошностью въ свою пользу. Торжествующій такимъ образомъ надъ враждебными силами, спасающій себя и своихъ товарищей отъ гибели долженъ вызывать съ ихъ стороны невольный почетъ и уваженіе. И вотъ хитрость, лукавство являются добродѣтелями въ глазахъ народа. Умъ цѣнится по этимъ качествамъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже представляется торжество ума, сознавшаго свою силу, что́ въ особенности и должно интересовать насъ. Таковъ былъ Одиссей, такимъ является и Олегъ. Онъ лукавствомъ торжествуетъ надъ Аскольдомъ и Диромъ и овладѣваетъ Кіевомъ, и эпосъ славитъ его. Не возмущается этимъ поступкомъ даже самъ лѣтописецъ, несмотря на то, что Аскольдъ и Диръ были христіане, которые должны были

привлечь къ себѣ его сочувствіе. Но этого еще мало. Олегъ своимъ умомъ торжествуетъ только въ своей средѣ. Для полнаго его торжества нужно ввести его въ ту среду, гдѣ умъ уже отличился многими хитростями — въ среду греческую. Нужно, чтобы эпитетъ *вѣщій* вполнѣ оправдался и здѣсь. Хитрой находчивостью Олегъ побѣждаетъ грековъ, беретъ съ нихъ обильную дань, обогащаетъ свою дружину, и эпосъ называетъ его вѣщимъ. Но несмотря на свое счастье, умъ, торжество, и онъ, подобно всѣмъ людямъ, не могъ восторжествовать надъ опредѣленіемъ судьбы. Слышитъ онъ предсказаніе, что умретъ отъ своего любимаго коня, беретъ всѣ средства, чтобы удалить возможность исполниться предсказанію, и въ ту минуту, какъ, повидимому, торжествуетъ свою побѣду надъ судьбою, когда ему кажется, что предсказаніе совершенно неисполнимо, когда онъ уже готовъ посмѣяться надъ вѣщимъ предсказателемъ, судьба удостовѣряетъ его въ противномъ и сама надъ нимъ торжествуетъ. Этотъ въ высшей степени поэтическій и полный смысла эпизодъ составляетъ необходимую часть всего эпическаго разсказа, который безъ него не имѣлъ бы закругленнаго, оконченнаго цѣлаго. Онъ такъ многозначителенъ, что даже въ самомъ лѣтописцѣ не возбуждаетъ недовѣрія, хотя по его христіанскому взгляду это должно бы было казаться баснею. Онъ видимо сокращенъ лѣтописцемъ, такъ какъ его не могла интересовать идея о судьбѣ, положенная въ основаніи разсказа. Но что такая идея была обыкновенною темою тогдашняго дружиннаго эпоса, въ этомъ насъ убѣждаетъ и припѣвка Баяна (въ Сл. о п. И.): ни хитру, ни горазду и пр. Человѣкъ, проникнутый христіанскими вѣрованіями, уже пересталъ понимать этотъ разсказъ, какъ понимали его другіе: на предсказанія онъ уже смотрѣлъ, какъ на волхвованіе, которое и причинило смерть, а не какъ на слова судьбы, которая и безъ того бы исполнилась.

Тѣ же самыя качества ума дружинный эпосъ восхваляетъ и въ Ольгѣ, и лѣтописецъ явно сочувствуетъ ей, называя ее мудрѣйшею изъ женъ. Весь разсказъ о ней дѣлится на двѣ части—Ольга-язычница и Ольга-христіанка, но и здѣсь, и тамъ строго выдерживается ея характеръ. Какъ въ первой

части хитростью и лукавствомъ она проводитъ древлянъ, страшно мстя имъ за смерть своего мужа, такъ во второй она хитро проводитъ византійскаго императора, который долженъ былъ наконецъ признаться, что она *переклюкала* его. Подобно соименнику своему *Олегу*, и она для полнаго торжества ума вводится въ греческую среду и ставится выше тѣхъ, которые у русскихъ считались хитрѣйшими. Мстительность ея является и въ христіанскій періодъ ея жизни, когда она, не совсѣмъ довольная пріемомъ при византійскомъ дворѣ, по возвращеніи въ Кіевъ, заставляетъ византійскихъ пословъ долгое время ждать на Почайнѣ своего пріема. Бывъ язычницею, она остается вѣрною и языческимъ нравамъ, считая своею священною обязанностью исполнить требованія кровной мести; но, какъ женщина, дѣлаетъ это по-женски, сообразно съ своими силами и средствами, обнаруживъ здѣсь всю тонкость своего хитраго и изобрѣтательнаго ума, и устроивъ приличную тризну на могилѣ убитаго мужа, какъ этого требовалъ обычай. Съ другой стороны, эпосъ не выпускаетъ изъ виду и красоты, какъ важнаго женскаго достоинства; въ своемъ идеалѣ мудрѣйшей изъ женъ онъ представляетъ Ольгу красавицею, которая красотою плѣнила Игоря и потомъ самого византійскаго императора. Лѣтописецъ такъ увлекается этимъ идеаломъ, что въ своемъ разсказѣ даже не замѣчаетъ несообразности, допущенной въ эпическомъ описаніи: если онъ не могъ знать, что греческій императоръ былъ женатъ въ то время, когда Ольга была въ Константинополѣ и, слѣдственно, увлеченный ея красотою, не могъ ей предлагать свою руку, то не трудно было сообразить, что въ это время Ольга была уже въ лѣтахъ и не могла поражать красотою, если и дѣйствительно была въ молодости красавицею. Но лѣтописецъ съ такою любовью описывалъ этотъ идеалъ, который, конечно, привлекалъ его въ особенности обращеніемъ его героини къ христіанству, что она представлялась ему вѣчно-юною съ своей идеальной красотою, какъ она жила въ фантазіи дружины.

Святославъ выражаетъ другой идеалъ, къ которому относятся съ уваженіемъ всѣ вѣка и народы: такъ много въ немъ привлекательныхъ общечеловѣческихъ чертъ. Взлелѣян-

ный среди дружины подъ вліяніемъ материнскихъ заботъ мудрѣйшей изъ женъ, онъ не развилъ въ себѣ тѣхъ сторонъ ума, которыя при другихъ обстоятельствахъ развились у Олега и Ольги. Еще въ дѣтствѣ, по долгу князя бросившій копье въ непріятеля впереди своей дружины, онъ воспиталъ въ себѣ воинственный духъ, твердое мужество, неустрашимую отвагу, которою одушевлялъ всѣхъ на полѣ брани въ самыя опасныя минуты. Эпосъ въ похвалу ему сравниваетъ его съ леопардомъ, который прямо и открыто идетъ на своего врага. Прямодушіе составляетъ главную и блестящую сторону его характера въ противоположность хитрости Олега. Онъ уважаетъ только открытые пути, не любитъ всѣхъ изворотливыхъ движеній и хитрыхъ разсчетовъ; на врага не нападаетъ врасплохъ, а прежде объявляетъ ему: хочу на васъ идти. Ко всему этому простота и невзыскательность походной жизни, привычка переносить легко всѣ ея тягости и лишенія и въ то же время умѣнье пользоваться своими побѣдами для жизни веселой, привольной и обильной,—все это рѣзкія черты, отличающія эту идеальную личность. Но выше всего онъ ставитъ честь храбраго воина,—честь, безъ которой и жизнь не имѣетъ значенія; если нужно лишиться ея, то лучше предпочесть смерть, „мертвые бо срама не имутъ“. Забота, чтобы дружина постоянно имѣла о немъ доброе мнѣніе, не позволяла ему уступить убѣжденіямъ матери принять христіанство, но въ другихъ случаяхъ онъ является нѣжнымъ, добрымъ и покорнымъ сыномъ; онъ оставляетъ приволье жизни въ Болгаріи, которая такъ ему нравилась, для того, чтобы успокоить послѣдніе дни своей матери. Но и онъ получилъ урокъ, предпочтя чужую землю своей, чужой народъ своему, тамъ онъ и сложилъ свою голову, отрѣзанный отъ родины многочисленнымъ врагомъ; ему недоставало осторожности и хитрости, чтобы ускользнуть отъ него, а храбрость не помогла въ борьбѣ съ несоразмѣрною силою. Нельзя здѣсь не замѣтить и намека на то, что̀ составляло слабую сторону этого князя и что̀ должно быть исключено изъ идеала, это—малая связь князя съ своимъ народомъ и съ своею землею. Это было главною причиною его погибели. И вотъ его черепъ сталъ переходить на пиру изъ вражескихъ рукъ въ

другія. Много привлекательнаго, поэтическаго во всемъ этомъ идеальномъ изображеніи Святослава. И что такой идеалъ былъ дѣйствительно идеаломъ жизни дружины, это мы видимъ въ сходствѣ его съ нѣкоторыми изъ послѣдующихъ удалыхъ князей, любимцами дружины *). Но въ нихъ тѣсная связь

*) Въ исторіи г. Соловьева читаемъ: «Главный доходъ князя, который, разумѣется, шелъ преимущественно на содержаніе дружины, состоялъ въ дани, которую князь собиралъ съ племенъ и которая потомъ продавалась въ Греціи; въ началѣ, если князь не ходилъ за данью, то дружина его бѣдствовала: «у Свѣнельдовыхъ отроковъ много оружія и платья, а мы босы и наги; поѣдемъ, князь, съ нами за данью», говоритъ дружина Игоря. Извѣстіе драгоцѣнное, показывающее намъ, какъ мы должны смотрѣть на дѣло.

«Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ доходомъ этихъ земель: они остаются съ прежнимъ характеромъ спутниковъ, товарищей князя, остаются при немъ, въ полной зависимости отъ него относительно содержанія; они привязаны къ особѣ князя, вождя своего, который ихъ кормитъ и одѣваетъ; кормитъ и одѣваетъ дурно, они ропщутъ, и если ропотъ не производитъ дѣйствія, если князь не уступаетъ имъ, какъ уступалъ Владиміръ, выложившій серебряныя ложки вмѣсто деревянныхъ, то дружинники уходятъ къ другому князю, который щедрѣе... Такимъ образомъ дружина, послѣ появленія ея на восточной равнинѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не усаживается, но сохраняетъ первоначальный характеръ,—характеръ военнаго общества, братства, которое съ своимъ вождемъ движется, ища подвиговъ и добычи. Дружина хорошо и весело живетъ при князѣ; князь старшій товарищъ, старшій братъ, а не повелитель, онъ не тапся отъ дружины, дружина знаетъ всякую его думу, онъ ничего не щадитъ для дружины, ни ѣды, ни питья, ничего не копитъ себѣ, все раздаетъ дружинѣ; а нехорошъ князь, думаетъ свою думу врозь отъ дружины, скупъ князь или завелъ любимца, дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать; они не связаны съ областью, гдѣ правитъ покинутый князь; они русскіе, а русская земля велика и князей много, каждый съ радостью приметъ добраго воина. Такъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскіе дружинники привыкли жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на непзмѣримомъ пространствѣ, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочетъ князю, привыкли жить безъ заботно, не думая о завтрашнемъ днѣ, не чувствуя никакого давленія сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своихъ правъ, привыкли избѣгать всякой непріятности, всего дурного не сопротивленіемъ, но уходомъ, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными (томъ XIII, стр. 14, 15).

съ землею дѣлается уже необходимою въ числѣ другихъ идеальныхъ чертъ.

Переходя къ разсмотрѣнію эпоса религіознаго, созданнаго фантазіею, которая уже была направляема на извѣстное творчество православіемъ, какъ цивилизующею силою, необходимо прежде всего остановиться на разсказахъ о созданіи и развитіи Печерскаго монастыря. Идея перваго разсказа подъ 6559 годомъ показать, чѣмъ сдѣлался великъ и славенъ Печерскій монастырь: онъ основанъ по благословенію отъ святой (Аѳонской) горы, и притомъ слезами, пощеньемъ, молитвою и бдѣньемъ, а не такъ, какъ многіе другіе отъ царей, отъ бояръ и отъ богатства; наконецъ способствовали его развитію строгія черническія правила, введенныя въ монастырь Ѳеодосіемъ по студійскому уставу — „тѣмъ же почтенъ есть монастырь Печерскій старѣе всего“.

Идея втораго разсказа подъ 6582 годомъ показать, что процвѣтаніе монастыря находится въ тѣсной связи съ благочестивою жизнью Ѳеодосія; поэтому и самый разсказъ дѣлится на двѣ части. Въ первой представляются послѣдніе дни жизни Ѳеодосія и его ученіе, составляющее христіанскую мораль по монашескому идеалу. Она заключается предсмертными словами Ѳеодосія: „аще по моемъ отшествіи свѣта сего, аще буду *Богу угодилъ* и *пріялъ мя будетъ Богъ*, то по моемъ отшествіи *монастырь ся начнетъ строити и прибывати въ немъ:* то вѣжьте, яко пріялъ мя есть Богъ; *аще ли* по моей смерти *оскудѣвати* начнетъ монастырь *черноризци* и *потребами монастырьскими*, то вѣдуще будете, яко *не угодилъ есть Богу*“. Вторую часть составляютъ какъ бы доказательства этихъ словъ Ѳеодосіевыхъ. Онъ дѣйствительно угодилъ Богу, потому что *въ Руси сіяютъ яко свѣтила чернеци*, и всѣ они подвизались въ Печерскомъ монастырѣ. Здѣсь изображаются богатыри новой жизни, какъ герои христіанскаго эпоса. Они также обладаютъ страшною силою, которую употребляютъ на борьбу съ своимъ врагомъ, а врагъ этотъ собственная плоть, собственныя физическія потребности, которыя фантазія представляла въ образѣ дьявола. Они также совершаютъ невѣроятные подвиги, которыми и наполняется вся ихъ жизнь. Здѣсь представлены всѣ черты монашескаго идеала по ви-

зантійско-аскетическому представленію. Здѣсь и все главное содержаніе религіознаго эпоса, который уже впослѣдствіи развился въ подробностяхъ. Весьма интересенъ здѣсь первый моментъ созданія тѣхъ легендъ, которыми такъ богата наша древняя литература. Вотъ, напр., какъ составился разсказъ о старцѣ Дамьянѣ тотчасъ же при его смерти: конечно, онъ отличался самою строгою аскетическою жизнью, такъ что братья религіозно настроенная могла смотрѣть на него не иначе, какъ на святого человѣка. Передъ смертью *лежащю ему въ немощи*, окруженный всею братіею, онъ обратился къ игумену Ѳеодосію, присѣвшему на его постель: „не забывай, игумене, еже еси обѣщалъ“. Такъ какъ Ѳеодосій ничего не обѣщалъ ему, то у него и у всѣхъ является предположеніе, что умирающій Дамьянъ видѣлъ видѣніе, значитъ, ему кто-нибудь являлся въ образѣ Ѳеодосія съ какимъ-либо обѣщаніемъ. Кто же къ святому человѣку передъ смертью можетъ явиться, кромѣ ангела, и что же ангелъ могъ обѣщать ему, кромѣ царства небеснаго? И вотъ всѣ съ полною вѣрою принимаютъ это, какъ дѣйствительный фактъ, и такимъ образомъ составилась короткая легенда, которую фантазія, при религіозномъ настроеніи, можетъ развивать въ подробностяхъ. Точно такъ же ясно и происхожденіе легенды о Матѳеѣ, объ Исакіи. Всѣ онѣ слагались тотчасъ же по смерти лица, возводя его въ идеалъ, и выражали направленіе фантазіи, которая, конечно, должна была подчинить себѣ всю дѣятельность духа. Та же фантазія нерѣдко является со своими образами для объясненія явленій жизни. Такъ подъ 6491 г., говоря о смерти двухъ варяговъ-христіанъ, лѣтописецъ поясняетъ: „бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани: *дьяволъ* радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему; тако бо тщашеся погубити родъ христіанскій, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ онѣхъ странахъ; сдѣ же мняшеся окаянный: яко сдѣ ми есть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя—люди моя о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ и въ конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гла-

сятъ по вселеннѣй въ церквахъ. Имъ же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози; яко же попросто и си *отьника*, пріемше вѣнецъ небесный съ святыми мученики и праведники". Или подъ 6579 годомъ, говоря о гибели волхва, пришедшаго подъ Кіевъ, лѣтописецъ прибавляетъ: „бѣси бо подътокшо на зло вводятъ, по семъ же насмисаются ввергше въ пропасть смертную, научивше глаголати".

Приложеніе христіанской морали и словъ священнаго писанія къ разнымъ явленіямъ жизни заслуживаетъ также особеннаго вниманія, такъ какъ въ нихъ и выказываетъ себя та цивилизующая сила, которая съ начала христіанства стремилась направлять русскую жизнь по извѣстному пути. Подъ 6494 годомъ, говоря о принятіи христіанства, лѣтопись вкратцѣ приводитъ всю библейскую исторію въ доказательство, что Богъ христіанскій — истинный Богъ, и символически объясняетъ нѣкоторыя явленія христіанской исторіи; далѣе указываетъ на догматы православія и исчисляетъ соборы, утвердившіе православіе. Подъ 6488 г., говоря о воеводѣ Блудѣ, коварно предавшемъ Ярополка Владиміру, лѣтописецъ восклицаетъ: „о, злая лесть человѣческа!" и приводитъ изреченія Давыда, примѣнимыя къ этому случаю. Въ разсказѣ объ убіеніи Бориса лѣтопись называетъ убійцъ слугами бѣса и, пользуясь случаемъ, опредѣляетъ предѣлы дѣйствій ангела и бѣса. Злой человѣкъ по его взгляду хуже бѣса: „бѣсы боятся хоть Бога, а злой человѣкъ ни Бога не боится, ни человѣка не стыдится; бѣсы боятся креста Господня, а злой человѣкъ и креста не боится". Далѣе, говоря о судьбѣ Глѣба, безпрестанно примѣняетъ слова Давыда и Соломона. Подъ 6530 г. въ разсказѣ о поединкѣ Мстислава съ Редедею представляется побѣда Мстислава, какъ слѣдствіе его молитвы Богородицѣ, которой онъ обѣщалъ построить церковь. Подъ 6532 г. въ разсказѣ о казни волхвовъ замѣчается устами Ярослава: „Богъ наводитъ по грѣхамъ на кующдо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже". Или подъ 6562 г. устами же умирающаго Ярослава проповѣдуется взаимная любовь, какъ главное основаніе нравственной жизни. Подъ 6575 г. по

случаю побѣды половцевъ надъ русскими князьями лѣтописецъ разсуждаетъ, что нашествіе иноплеменниковъ бываетъ по гнѣву Божію, а междоусобная рать отъ *соблажненья дьявола*; и въ примѣненіе къ этому приводитъ разныя изреченія изъ свящ. писанія. Тамъ же, по случаю избавленія отъ смерти князя Всеслава въ праздникъ Воздвиженія разсуждается о силѣ креста и крестнаго цѣлованія. Подъ 6581 г. въ разсказѣ о томъ, какъ князь Святославъ преступилъ отцовскую заповѣдь, лѣтописецъ разсуждаетъ, какой великій грѣхъ совершилъ онъ, примѣняя къ нему нѣкоторые библейскіе факты. Подъ 6586 г. въ разсказѣ о смерти князя Изяслава приводятся въ похвалу ему многія слова изъ свящ. писанія о братней любви и дружбѣ. Подъ 6604 г. по случаю нашествія половцевъ берется для разсужденія тема: что̀ ожидаетъ враговъ, разоряющихъ храмы Господніе и оскверняющихъ иконы. Мы указали только нѣкоторыя мѣста. Такое же примѣненіе христіанскаго ученія къ жизни встрѣчаемъ и въ похвальныхъ словахъ князьямъ. Эти слова слѣдуетъ раздѣлить на два разряда: одни обращены къ князьямъ, признаннымъ святыми, какъ, напр., къ Ольгѣ, къ Борису и Глѣбу, другіе къ прочимъ благочестивымъ и добродѣтельнымъ, какъ, напр., къ Владиміру (при лѣтописцѣ, какъ видно, онъ еще не былъ признанъ церковью въ числѣ святыхъ), Ярославу и др. Первыя составлены въ формѣ акаѳиста, другія же имѣютъ въ виду похвалу за добрыя дѣла.

Изъ всего этого видно, что лѣтопись проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ, и, слѣдственно, невозможно обойти этого вопроса при изученіи лѣтописи. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется и личность самого лѣтописца, который для насъ можетъ быть представителемъ всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ людей того времени. Здѣсь же нельзя обойти и тѣхъ статей, гдѣ выражается отношеніе его къ явленіямъ природы, которыя онъ называетъ знаменіями; „знаменія же, по его убѣжденію, бываютъ ова на зло, ова ли на добро. Но знаменья въ небеси или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не благо бываютъ, но знаменья сице на зло бываютъ, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ“. Онъ и отличаетъ преимущественно тѣ знаменья,

послѣ которыхъ бывало зло. Такъ подъ 6570 г. записано знаменье на западѣ — „звѣзда превелика, луче имущи, акы кровавы всходящее съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 днiй; се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобицѣ много и нашествiе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ аки кроваво, проявляющiе кровопролитье". Подъ 6600 г. „бысть знаменье въ небеси: яко кругъ бысть посреди неба превеликъ; въ се же лѣто ведро бяше, яко изгораше земля и мнози борове възгарахуся сами и болота; много знаменья бываху по мѣстомъ, *и рать велика бяше отъ Половецъ и отвсюду*... Подобныя же знаменья отмѣчены подъ годами 6610, 6618. Лѣтописецъ любитъ иногда доказывать свои мнѣнiя и убѣжденiя не только изреченiями изъ свящ. писанiя, но и историческими фактами, которые онъ выбиралъ изъ переводныхъ греческихъ хронографовъ. А такъ какъ средневѣковыя исторiи наполнялись всевозможными сказками, то очень понятно, что, принимая ихъ за дѣйствительные факты, онъ находилъ тамъ подтвержденiе своимъ взглядамъ, которые расходятся съ научными выводами. Такъ подъ 6572 г. онъ доказываетъ, что передъ общими бѣдствiями дѣйствительно посылаются знаменья въ природѣ. Подъ 6618 г., говоря объ огненномъ столпѣ, явившемся надъ Печерскимъ монастыремъ, онъ доказываетъ, что въ такомъ видѣ является всегда ангелъ. Точно такъ же по случаю смерти вѣщаго Олега онъ доказываетъ разными фактами изъ исторiи, что отъ волхвованiя многое сбывается.

Такъ какъ поученiе Владимiра Мономаха составляетъ часть Лаврентьевскаго списка, то и этотъ замѣчательный памятникъ кстати разсмотрѣть съ учениками. Его слѣдуетъ раздѣлить на двѣ части: въ одной представляется, подобно какъ и у Нестора, христiанская мораль, выбранная изъ священнаго писанiя, какъ сила, образующая нравственнаго человѣка. Здѣсь рисуется идеалъ праведника и отношенiя его къ Богу и людямъ. Въ другой части, для насъ самой важной, представляется согласованiе жизни княжеской съ христiанскимъ духомъ, слѣд., идеалъ князя и стремленiе опредѣлить кругъ добрыхъ дѣлъ княжескихъ.

Духовенство своими идеалами могло дѣйствовать на кня-

зя болѣе, чѣмъ на прочихъ, находясь съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Разумѣется, совѣты нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ были полезны князьямъ, сдерживая ихъ страсти, заставляя обдумывать свои поступки; но въ то же время нѣкоторые изъ такихъ совѣтовъ были въ высшей степени непрактичны. Князья не могли ихъ исполнить, не отказавшись отъ княжескаго достоинства, не сдѣлавшись монахами. При настойчивости совѣтника, разумѣется, должны были иногда происходить неудовольствія между нимъ и княземъ, о чемъ намъ и говорятъ современныя сказанія. Въ нихъ мы видимъ столкновеніе идеаловъ монашескихъ съ идеалами свѣтскихъ людей, которые силятся за собою отстоять права на жизнь въ вольномъ свѣтѣ, а не въ монашеской кельѣ. Конечно, уступка происходила почти всегда со стороны князей, такъ какъ идеалы духовенства представляли интересы высшіе, религіозные. Подъ этимъ-то вліяніемъ и могъ выработаться тотъ идеалъ князя-правителя, который мы находимъ въ поученіи Владиміра Мономаха. Онъ примиряетъ обязанности и обстановку княжеской жизни съ христіанскими требованіями. Это идеалъ Святослава, который мы разсматривали, но Святослава, уже сдѣлавшагося христіаниномъ по убѣжденію. Здѣсь Святославъ отстоялъ себя успѣшнѣе и лучше, чѣмъ Владиміръ, совершенно переродившійся подъ вліяніемъ византійско-монашескаго идеала. Въ самомъ дѣлѣ, въ идеалѣ князя временъ Мономаха еще живъ духъ Святослава: та же воинственная дѣятельность, вызываемая и развиваемая самою жизнью, та же неустрашимость и отвага въ добываніи княжеской славы и чести, та же связь съ дружиною, тотъ же сильный могучій духъ, въ битвѣ ли съ половецкими ханами, которыхъ Мономахъ беретъ въ полонъ безъ счету, кого убиваетъ, кого отпускаетъ на волю, на охотѣ ли противъ дикихъ звѣрей. Съ другой стороны, время и требованія вѣка развиваютъ въ немъ другія черты; онъ является не только оберегателемъ и распространителемъ русской земли, но и справедливымъ судьею и заботливымъ устроителемъ ея; онъ не только князь-воинъ, но и князь-правитель; княжескую честь онъ полагаетъ не въ одной военной славѣ, хотя ее и ставитъ выше всего, но и въ справедливости, и въ добрыхъ отношеніяхъ къ людямъ.

Все это вырабатывается въ немъ уже подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій; онъ также князь-христіанинъ. Аскетическій идеалъ монашества, конечно, не могъ быть усвоенъ княземъ, какъ идеалъ крайне-односторонній. Въ заботахъ о сбереженіи своей личности отъ мірскихъ заразъ онъ отторгалъ человѣка отъ участія въ общей жизни; хотя и совѣтовалъ дѣлать добро, но для него самого доступнѣе были другіе пути къ цѣли спасенія: покаяніе и слезы, постъ и молитва; доброе дѣло для него выражалось преимущественно въ милостыни, что̀ объясняется положеніемъ монашества въ общей массѣ людей. Положеніе князя дѣлало для него неудобнымъ жизнь созерцательную въ слезахъ и постѣ. Признавая за ними достоинство путей спасенія и указывая на ночь, какъ на удобное время для земныхъ поклоновъ, князь оставляетъ за днемъ добрыя дѣла, поставляя ихъ такимъ образомъ на первый планъ, что̀ согласно съ отношеніемъ князя къ жизни. Но добрыя дѣла князя не могли ограничиться одной милостыней. Отношенія его ко всему окружающему были такъ разнообразны, что заставляли расширить кругъ добрыхъ дѣлъ и яснѣе опредѣлить, въ чемъ должны состоять они, тѣмъ болѣе, что крайніе совѣты „роздать имѣніе нищимъ“ были неудобоисполнимы въ княжеской жизни для полнаго удовлетворенія односторонняго идеала. Избравъ себѣ по преимуществу путь добрыхъ дѣлъ, чтобы имѣть возможность быть княземъ-христіаниномъ, онъ развиваетъ ихъ изъ собственной дѣятельности, какую налагаетъ на него званіе князя: заботы о справедливости и милосердіи, объ общей безопасности выступаютъ на первое мѣсто въ княжескомъ идеалѣ и ставятъ его въ связи съ духовенствомъ, съ дружиною и съ народомъ. Эти стремленія оправдываютъ и его воинственныя наклонности, какъ князя воина, князя дружины, вызываемыя временемъ. Требуя княжескаго глаза повсюду, они не допускаютъ праздности и лѣности, которыя поэтому считаются главнымъ порокомъ, какъ главная помѣха для осуществленія идеала князя. Всѣ дѣла, на которыя онъ указываетъ, вытекаютъ прямо изъ сферы княжеской жизни. Онъ опредѣляетъ отношенія князя ко всѣмъ людямъ, какъ человѣка сильнаго, какъ судьи, какъ правителя, предводителя дружины; разсматри-

ваетъ князя въ сферѣ жизни домашней, военной, въ путешествіи. Такъ какъ князь долженъ быть во главѣ всѣхъ, то ему нужно и знать болѣе другихъ; отсюда и совѣтъ неустанно учиться во всю жизнь. Какъ человѣкъ практическій, Мономахъ не довольствуется одною отвлеченною моралью; для большей убѣдительности ему нужно показать, что эта мораль примѣнима къ жизни и уже испытана, для чего онъ и указываетъ то на себя, то на своего отца.

Все это составляетъ тѣ общечеловѣческія черты, которыя привлекаютъ насъ къ идеалу и заставляютъ относиться съ большимъ сочувствіемъ къ князю, который такъ живо изобразилъ его. Здѣсь мы видимъ, какъ жизнь въ христіанскихъ понятіяхъ дѣйствительно перерабатывала идеалы, не выходя изъ общей обстановки, вопреки крайнимъ требованіямъ религіозныхъ людей изъ духовенства. Здѣсь уже намъ представляется историческое развитіе, а эта-то сторона особенно и важна для насъ.

Указанія на современный княжескій бытъ здѣсь очень важны; они свидѣтельствуютъ, что князь ставилъ свой идеалъ въ условіе этого быта, слѣдственно, отличалъ его отъ всякой другой обстановки, которая могла бы сообщить ему и другія черты. Читая поученіе, мы легко можемъ себѣ представить жизнь князя въ идеальномъ стремленіи, т.-е. такую жизнь, какая современностью считалась образцовою для князя; но никакъ не представимъ жизни каждаго русскаго человѣка, потому что она развивалась совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ. Въ идеалѣ Мономаха мы видимъ дальнѣйшее развитіе прежняго идеала князя, выраженнаго въ образѣ Святослава. Онъ не остановится въ своемъ развитіи и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ времени разовьется, наконецъ, въ идеалъ царя, который выразился въ письмахъ Ивана Васильевича Грознаго. Въ формѣ поученія Мономаха видится подражаніе Василію Великому, написавшему поученіе юношеству, Ксенофонту, оставившему поученія своимъ сыновьямъ, и св. Ѳеодорѣ также къ сыну. Это прибавляетъ еще одну черту, развившуюся подъ вліяніемъ христіанскихъ стремленій—любовь къ чтенію духовныхъ книгъ и вслѣдствіе

этого начитанность. Такое качество дѣйствительно было въ большомъ уваженіи у людей религіозныхъ.

Само собою разумѣется, что не всѣ князья стремились въ своей жизни возсоздать этотъ идеалъ: одни въ своихъ личныхъ стремленіяхъ приближались къ нему, другіе удалялись или развивали преимущественно какую-нибудь одну его сторону. Но всѣ русскіе одинаково и оцѣнивали ихъ жизнь и дѣйствія. Мы уже видѣли, чѣмъ въ своей оцѣнкѣ руководствовалось духовенство, составляя князьямъ похвальныя слова. Дружина и горожане, если не весь народъ, обращали особенное вниманіе на другія стороны княжеской жизни, конечно, сообразно съ своимъ собственнымъ идеаломъ. Какія же черты особенно привлекли ихъ? Съ этимъ вопросомъ мы переходимъ къ Слову о полку Игоря, какъ къ голосу, вышедшему изъ массы, какъ отголоску, въ которомъ не слышится участія духовенства.

Вообще этотъ поэтическій памятникъ отражаетъ въ себѣ столько жизни изъ современной эпохи, какъ всякое истинно-поэтическое произведеніе, что намъ даже кажется страннымъ, какъ могли когда-нибудь подозрѣвать его въ поддѣлкѣ, не замѣчая въ немъ той кипучей жизни, тѣхъ многихъ самыхъ живыхъ струй, незамѣтно для самого поэта врывающихся изъ современной дѣйствительности, которыхъ никакимъ образомъ нельзя поддѣлать. За авторомъ Слова всѣ единогласно признаютъ званіе лица свѣтскаго, но намъ кажется, что можно еще ближе опредѣлить его званіе, если вглядѣться въ его отношеніе къ князьямъ, дружинѣ и народу. Онъ ставитъ себя въ одинакое положеніе съ поэтомъ Баяномъ, который, по его же описанію, видимо былъ поэтомъ или пѣвцомъ дружины: воинственные подвиги князя и его дружины—вотъ предметъ его пѣсенъ. Тотъ дружинный эпосъ, отрывки котораго вошли въ лѣтопись Нестора, развивался дружинными поэтами въ родѣ Баяна. Русскіе баяны это—барды, скальды, минезенгеры другихъ народовъ, питомцы воинственныхъ вѣковъ, вѣщіе истолкователи дружинной жизни. Понятно, что они должны были воспитаться дружиною, ея духомъ, проникнуться ея идеалами, участвовать въ ея подвигахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и могли сохраниться

только въ дружинѣ и переходить, какъ бы по наслѣдству, отъ одного пѣвца къ другому. Лучшія изъ нихъ были образцами другимъ, которые ими и развивали свой поэтическій даръ. Такъ, Баянъ служилъ образцомъ пѣвцу Слова о полку Игоря, котораго мы также должны назвать дружиннымъ пѣвцомъ. Онъ воспѣваетъ Игоря и буй-туръ-Всеволода за ихъ отвагу, мужество, за добываніе воинской славы и чести, за все то, за что пѣснотворцы стараго времени восхваляли стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ русскихъ князей. Эти главныя свойства эпическаго Святослава Несторовой лѣтописи являются и здѣсь, какъ лучшія и блестящія качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго одушевленія. Поэтъ знаетъ не только „былины своего времени“, т.-е. всѣхъ современныхъ ему князей, какъ пѣвецъ дружины, близкой къ князю, который считаетъ себя членомъ общей княжеской семьи, родовичемъ; но онъ знаетъ и „былины стараго времени“, знаетъ не по отрывочнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, а по живымъ преданіямъ, по пѣснямъ Баяна и, можетъ быть, другихъ пѣснотворцевъ стараго времени. Сочувствіе его ко всѣмъ нимъ опредѣляется тѣми же самыми чертами удали, которыя дѣлали князя идоломъ дружины. Онъ описываетъ ихъ личности по удалымъ ихъ подвигамъ, но такимъ, которые доставляли князю славу, а дружинѣ честь. А эти подвиги могли совершаться только на полѣ битвы съ врагами для охраны родины. Наконецъ, близкое, какъ бы родственное отношеніе пѣвца къ дружинѣ ясно говоритъ намъ, въ какой средѣ могли развиться его идеалы. Онъ самъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ мы и свои сложимъ“—говорила дружина Святославу, и въ этомъ заключалась воинская честь ея.

Та же самая тѣсная связь на полѣ брани между княземъ и дружиною является и у пѣвца Слова; отношенія не измѣнились. Князь говоритъ дружинѣ: „лучше быть побиту, чѣмъ полонену“, и дружина идетъ храбро за княземъ, и пѣвецъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за дружиною, такъ какъ всѣ ея интересы близки ему самому. Зато въ какомъ идеаль-

номъ изображеніи онъ представляетъ ее: это народъ опытный, подъ трубами повитый, подъ шлемами взлелѣянный, концомъ копья вскормленный, пути и овраги знакомы ему; колчаны у него отворены, сабли наточены, и цѣль всего этого—добыть себѣ чести, а князю славы. Все это заставляетъ насъ предполагать, что дружинная жизнь близко знакома пѣвцу Слова.

Но наше вниманіе не можетъ остановиться только на этой сторонѣ личности поэта; въ ней ярко выступаетъ еще и другая, на которой нельзя не остановиться. Поэтъ вездѣ выказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдствію и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и разореній половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Ее, раздѣленную на удѣлы, онъ признаетъ за страну единую, и негодуетъ на тѣхъ князей, которые говорили: „и то мое, и это мое“, за малое спорили какъ за великое и изъ личныхъ интересовъ проливали русскую кровь. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ онъ не признаетъ за доблесть, называетъ ихъ крамолами и этимъ взглядомъ руководствуется также при оцѣнкѣ княжеской дѣятельности. Тутъ онъ является строгимъ судьею и не стѣсняется въ приговорахъ. Олегъ Святославовичъ превращается у него въ Олега Гореславича; потому что, по его взгляду, много горя посѣялъ онъ на русской землѣ, указывая къ ней дорогу половцамъ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными интересами, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всею землею, съ народомъ; сознаніе единства русской земли, несмотря на ея раздробленность, ясно высказывается поэтомъ; онъ чуждъ всякаго мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма, онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, терпящихъ бѣды за княжескія крамолы. Самыя вѣрованія его мы должны назвать народными. Въ его время они были еще въ полной силѣ въ народѣ вдали отъ русско-христіанскаго центра, Кіева, хотя уже не могли быть господствующими въ дружинѣ. Эти вѣрованія еще миѳическія и являются не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ

и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорьса, и въ Велеса, котораго въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, почему лѣтописецъ считаетъ нужнымъ опредѣлить его эпитетомъ „скотій богъ“, тогда какъ тутъ же рядомъ Перуна оставляетъ безъ всякаго опредѣленія, какъ бога еще всѣмъ хорошо знакомаго. Поэтъ вѣритъ и въ миѳическую силу стихій, къ которымъ заставляетъ обращаться плачущую Ярославну, какъ дѣйствительно къ живымъ божествамъ, на что между прочимъ указываетъ и эпитетъ „господине“, относимый къ каждой стихіи порознь,—эпитетъ, который выражаетъ живую одушевленную силу. Наконецъ, хорошее слѣдствіе этой миѳической молитвы выказывается тотчасъ же въ спасеніи князя Игоря: стихійныя божества какъ будто услышали скорбное моленіе тоскующей жены и помогли ея мужу воротиться на родину.

Все это миѳическое міросозерцаніе сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ образовъ, не выходящихъ изъ круга родныхъ вѣрованій. У него сохраняется то же миѳическое отношеніе къ природѣ, та же вѣра въ оборотней, волкодлаковъ, въ добрыя и злыя предвѣщанія, какія еще живо сохранялъ русскій народъ. Словомъ, творчество захватываетъ, какъ бы мимоходомъ, множество вѣрованій для живого изображенія картины несчастнаго Игорева похода, въ которомъ не пострадали слава князя и честь дружины. Эти образы, мелькающіе въ разсказѣ безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета со стороны поэта, слѣдственно, безъ всякихъ риторическихъ цѣлей и соображеній, могли вытекать только изъ общаго цѣльнаго міросозерцанія, еще не разбитаго никакими другими противоположными вѣрованіями. Во всемъ этомъ мы еще не видимъ никакого вліянія христіанства. Только въ концѣ поэмы одинъ маленькій эпизодъ говоритъ, что идетъ рѣчь о князѣ-христіанинѣ, но особенно для характеристики самихъ идеаловъ поэта онъ не имѣетъ никакого значенія. Вопреки изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ, мы не предполагаемъ, что Слово о полку Игоря, а можетъ быть и предшествующія ему, неизвѣстныя намъ пѣсни Баяна, какъ историческій эпосъ, смѣняютъ миѳическій и богатырскій. По нашему мнѣнію, между русскимъ эпосомъ богатыр-

скимъ и Словомъ о полку Игоря нѣтъ ничего общаго, тогда какъ по естественному историческому развитію смѣна могла произойти перерожденіемъ одного въ другой, слѣдственно, и въ общемъ характерѣ, и въ эпическихъ пріемахъ, и во многомъ другомъ должно бы сохраниться много схожаго, родственнаго. Богатырскій эпосъ есть созданіе народной фантазіи. Княжеская дружина, которая сначала стояла врозь съ народомъ, создала свой дружинный эпосъ, который, пожалуй, назовите историческимъ, но онъ существовалъ, какъ мы видѣли, отдѣльно, независимо отъ богатырскаго. Этотъ послѣдній существуетъ до сихъ поръ въ народѣ, перерождаясь съ теченіемъ вѣковъ подъ разными историческими вліяніями; но дружинный эпосъ никогда не переходилъ въ народъ и былъ ему совершенно незнакомъ. Мы видѣли близкое родство и связь Слово о полку Игоря съ сказаніями Нестора, заимствованными изъ дружиннаго эпоса. Отсюда Слово и должно вести свое начало; но съ нимъ еще соединяется народное миѳическое міросозерцаніе, что̀ не мѣшаетъ намъ назвать Слово эпосомъ дружиннымъ, такъ какъ это міросозерцаніе составляетъ только фонъ картины, а далеко не главную сущность. Оно показываетъ только отношеніе пѣвца къ народу, но герои его поэзіи князья и дружина; въ нихъ рисуется его идеалъ, который уже прежде мы назвали дружиннымъ идеаломъ.

Трудно сказать, въ такомъ ли видѣ вышло Слово изъ устъ поэта, и самъ ли онъ его записалъ, или оно записано кѣмъ другимъ, не умѣвшимъ сохранить пѣсеннаго размѣра. Но соображая обстоятельства, мы склонны предполагать это послѣднее. Грамотность, какъ мы прежде сказали, была потребностью только людей религіозныхъ, слѣдственно, только они преодолѣвали трудъ ученія. Всѣмъ же другимъ умѣнье читать и писать не представляло никакого интереса. Пѣвецъ Слова если и считался христіаниномъ, то уже никакъ не былъ религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ христіанскими идеями и стремленіями, которыя внутренно даже и не коснулись его. Слѣдственно, если онъ могъ быть грамотнымъ, то вслѣдствіе какой-нибудь особенной случайности; но вѣрнѣе, что онъ и не принимался за эту науку. Обыкновенно учи-

лись читать по часослову, по псалтири или по другимъ священнымъ книгамъ, потому что иныхъ не было. Странно было бы предположить, что нашъ поэтъ, учась, конечно, по этимъ книгамъ, не принималъ оттуда никакихъ идей; а принявъ хотя нѣсколько, онъ невольно бы разрушилъ ту цѣлость миѳическаго міросозерцанія, которую мы замѣтили въ его поэмѣ. Онъ не могъ бы быть такъ наивно искреннимъ, касаясь того, другого или третьяго миѳическаго образа. Съ другой стороны, поэтъ въ то время не былъ писателемъ, а былъ пѣвцомъ; онъ не нуждался въ грамотности, и, слѣдственно, поэтическія стремленія не имѣли ничего общаго съ умѣньемъ читать и писать. Баянъ кого хотѣлъ воспѣть, брался за гусли, а не за перо, и былъ, по всей вѣроятности, безграмотный. То же мы думаемъ и о пѣвцѣ Слова. Значитъ, остаемся на предположеніи, что его поэма прошла черезъ чужое перо, слѣдственно, могла нѣсколько измѣниться въ формѣ изложенія.

Вся историческая обстановка для чтенія Слова изложена въ моемъ Руководствѣ. Впрочемъ, мы вполнѣ согласны съ тѣми педагогами, которые доказывали, что съ учениками не слѣдуетъ читать подъ рядъ все это произведеніе, такъ какъ въ немъ много неясныхъ мѣстъ, а ученикамъ можно давать для изученія только строго опредѣленное и точное, не допускающее никакихъ догадокъ и сомнѣній. Имѣя это въ виду, мы и укажемъ какія части Слова могутъ быть предметомъ класснаго изученія.

Дѣленіе на мелкія части и названія ихъ мы беремъ у г. Скопина *): 1) Намѣреніе поэта описать событіе по былинамъ своего времени, 2) характеръ и содержаніе баяновыхъ пѣсенъ, 3) предметъ Слова, 4) солнечное затменіе и рѣчь Игоря къ дружинѣ, 5) похвала поэта Игорю въ духѣ Баяна, 6) ожиданіе Всеволода, 7) рѣчь Всеволода къ брату, 8) описаніе похода и предзнаменованіе природы (за исключеніемъ „дивъ кличетъ... тьмутараканьскый болванъ“), 9) ночь передъ битвою, 10) пораженіе половцевъ (исключая: „не былонъ

*) См. въ журналѣ Учитель за 1865 г. О преподаваніи литературы въ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ—статья вторая.

обидѣ... поганый половчине"), 11) бѣгство Гзака и Кончака, 12) новыя предзнаменованія природы, 13) нападеніе половцевъ и отступленіе русскихъ, 14) похвала подвигамъ Всеволода, 15) воспоминаніе о междоусобіяхъ во времена Олега Гориславича (исключить „ступаетъ въ златъ стремень... ко святѣй Софіи къ Кіеву"), 16) описаніе битвы, 17) пораженіе русскихъ, 18) усобицы князей, 19) нападеніе Карны и Жли на Русь, 20) печаль Руси, 21) подвиги великаго князя Святослава, 22) сонъ Святослава (исключить „у Плѣсньска... къ синему морю"), 23) объясненіе сна боярами (искл. „и великое буйство... дивъ на землю"), 24) злато слово Святослава съ слезами смѣшано (искл. „а уже не вижду... туга и тоска сыну Глѣбову"), 25) обращеніе къ Всеволоду Суздальскому, 26) обращеніе къ Рюрику и Давиду Смоленскимъ, 27) обращеніе къ Ярославу Осмомыслу Галицкому, 28) воспоминаніе о Всеславѣ въ связи съ Баяномъ (начиная: на Немизѣ снопы), 29) сожалѣніе о смерти стараго Владиміра (искл. „рози нося.. на Дунаи"), 30) плачъ Ярославны, 31) приготовленіе Игоря къ бѣгству, 32) описаніе побѣга, 33) обращеніе къ Донцу, 34) преслѣдованія Игоря, разговоръ Гзака съ Кончакомъ, 35) обращеніе къ Баяну, 36) возвращеніе Игоря на родину, 37) заключительное словословіе.

Мы не будемъ останавливаться на разнообразныхъ вопросахъ, которые можно предлагать ученикамъ для ближайшаго знакомства съ Словомъ; все это довольно основательно опредѣлено г. Скопинымъ; мы можемъ только посовѣтовать обратиться къ его дѣльной статьѣ (о преподав. истор. литер.), въ которой каждый преподаватель найдетъ для себя много важныхъ указаній и совѣтовъ.

VI.

Мы сказали, что духовенство первоначально могло имѣть вліяніе только на дружину и на горожанъ и что идеалы его стали въ нихъ оставлять слѣды лишь во второмъ и третьемъ поколѣніи. Религію обрядную, конечно, принимали скоро, т.-е. богослуженіе, догматы вѣры, формальныя обязанности хри-

стіанина, но самая жизнь не скоро могла передѣлаться по новымъ идеаламъ. Греческое духовенство мало-по-малу стало переходить въ русское, т.-е. изъ среды дружины и горожанъ стали отдѣляться личности и принимать на себя священство и монашество. Они могли наставлять паству въ требованіяхъ вѣры, но греческой учености у нихъ не было. Если для образованія русскаго духовенства заводились школы, то это были школы грамотности, гдѣ „ученіе, по словамъ г. Галахова, заключалось въ азбукѣ, часословѣ и псалтирѣ: кто изучилъ псалтирь, тотъ считался уже человѣкомъ грамотнымъ, книжнымъ; въ старину книжное чтеніе имѣло смыслъ болѣ обширный, чѣмъ теперь: подъ нимъ разумѣли „изученіе“ читаемаго, потому что чтеніе каждой книги всегда почти продолжалось до изучиванія ея наизусть“. Это ученіе потомъ дополнялось людьми, успѣвшими въ себѣ развить религіозное направленіе чтеніемъ разныхъ книгъ изъ священнаго писанія, книгъ богослужебныхъ и нѣкоторыхъ твореній св. отцовъ, какія переходили къ намъ въ болгарскихъ переводахъ. Всего этого чтенія было достаточно, чтобы, опираясь на монашескій идеалъ, вооружить религіозныхъ людей противъ народной жизни, всѣхъ ея исконныхъ нравовъ и обычаевъ. Какъ всегда повторяется при смѣнѣ религій, божества старыхъ вѣрованій дѣлаются демонами, нечистыми силами въ религіи новой: существованіе ихъ не отвергается, но имъ только приписывается злое начало; съ неба ихъ низводятъ въ подземное царство. Точно такъ же въ воображеніи русскихъ набожныхъ людей всѣ образы, созданные народной фантазіей, обратились въ *нечесть* и возбуждали къ себѣ враждебное отношеніе. Отсюда и къ народной жизни стали относиться съ омерзѣніемъ; народное веселье и игры стали казаться бѣсовскими. Даже народныя пѣсни—сатанинскими. Такіе люди хотѣли бы сгладить всѣ слѣды народной жизни и всѣхъ обратить въ монаховъ, не думая, что тогда и монахамъ, питавшимся мірскимъ подаяніемъ, пришлось бы умереть съ голоду. Такимъ именно образомъ постоянно относятся къ народу ревнивѣйшіе изъ русскаго духовенства, которые считали своею обязанностью проводить свои идеалы въ массу посредствомъ живого слова.

Нѣтъ сомнѣнія, что намѣренія ихъ были чисты и честны; но они были ошибочны въ томъ отношеніи, что на народъ нужно было дѣйствовать въ самой средѣ его словами любви и снисхожденія, а не сурово обличать издали, изъ монастырскихъ стѣнъ. Какъ сильно было это отчужденіе нѣкоторыхъ изъ духовенства отъ народа и стремленіе скрыть отъ своихъ глазъ все мірское монастырскими стѣнами, это доказываютъ слова суздальскаго епископа (XIII ст.) въ письмѣ къ монаху Поликарпу: „лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, *нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничьихъ*“ *). Но и въ дому Божіей Матери, какъ мы видѣли, не всѣ отличались безгрѣшіемъ; по своей человѣческой природѣ, и тамъ возбуждались укоры и обличенія со стороны людей, преданныхъ своему идеалу. Даже и у этихъ людей является много такого общаго съ массою, чего они и не подозрѣвали. Они также по-своему суевѣрны, стоятъ въ такомъ же ложномъ отношеніи къ природѣ, какъ и всѣ прочіе. Ихъ умъ еще не успѣлъ освободиться изъ-подъ вліянія страха, какой внушаютъ силы природы людямъ, еще не приглядѣвшимся къ ней и не разгадавшимъ ея тайныхъ законовъ. Ихъ фантазія подъ впечатлѣніемъ того же страха создаетъ имъ и соотвѣтственные образы, конечно, не выходя изъ круга ихъ односторонне-религіозныхъ понятій. Всѣ нечастыя атмосферическія явленія, каждая комета, солнечное затменіе и проч. возбуждаютъ въ нихъ такой же суевѣрный ужасъ, какъ и въ простолюдинѣ. Называя все это небесными знаменіями, они смѣшиваются съ массою въ общихъ толкахъ о недобрыхъ предвѣщаніяхъ. Всякое бѣдствіе, происшедшее отъ простыхъ физическихъ причинъ, они относятъ къ небесной карѣ, ниспосланной за грѣхи людскіе. Таковъ былъ Несторъ, таковы были и всѣ прочіе писатели. Изучающему литературу необходимо и съ этой точки вглядѣться въ ихъ произведенія, чтобы вполнѣ представить ихъ личности. Конечно, онъ не имѣетъ права упрекать ихъ за то, что они не опередили своего вѣка, но убѣдившись въ ихъ невѣжественности, онъ не долженъ вѣрить на-слово ихъ одностороннимъ и враждеб-

*) Истор. древн. русск. слов. Шевырева, часть III, стр. 7.

нымъ сужденіямъ о народной жизни и нравственности. Ослѣпленные своими идеалами, нѣкоторые изъ нихъ не могли понимать никакихъ другихъ человѣческихъ отношеній и положеній. Такъ, по сказанію, Агапитъ, безмездный врачъ, отказавшись отъ подарковъ Владиміра Мономаха, совѣтуетъ ему самому *раздать все имѣніе нищимъ* *). Совѣтнику не пришла и въ голову вся непрактичность этого совѣта. Онъ не подумалъ задать себѣ вопросъ: какъ же правитель народа раздастъ нищимъ все свое имѣніе? тогда ему самому остается только сдѣлаться монахомъ; но монахъ и князь—двѣ личности несовмѣстимыя; обязанности монашескія требуютъ однѣхъ заботъ о самомъ себѣ; обязанности княжескія—о всѣхъ подвластныхъ.

Митрополиты долгое время являлись у насъ преимущественно изъ грековъ, людей просвѣщенныхъ византійскимъ ученіемъ, навыкшихъ въ разныхъ схоластическихъ разсужденіяхъ. Для нихъ главнымъ интересомъ было доказывать заблужденія папства и латинства и преимущества православія. Они находили себѣ подражателей и въ русскихъ, болѣе начитанныхъ, и такимъ образомъ являются сочиненія „Объ опрѣснокахъ“ митр. Леонтія (XI вѣкъ), „Стязанье съ латиною“ митр. Георгія (XI в.), Посланіе Ѳеодосія къ Изяславу о латинской вѣрѣ, Посланіе митр. Іоанна II къ Клименту III о винахъ или прегрѣшеніяхъ латинства; Посланіе митр. Никифора къ Владиміру Мономаху о латинахъ. Г. Галаховъ въ своей исторіи говоритъ, что всѣ такія сочиненія „предостерегали новую, еще неокрѣпшую церковь отъ покушеній римскаго двора и удовлетворяли любознательности людей грамотныхъ и благочестивыхъ, *для которыхъ вопросъ о раздѣленіи церквей былъ вопросомъ первой важности*“. Все это намъ кажется предположеніемъ гадательнымъ. Вопросы первой важности для грековъ далеко не могли быть первостепенными вопросами для русскихъ. Мы знаемъ только одинъ случай, именно любознательный вопросъ Владиміра Мономаха, обращенный къ Никифору: „за что отвергнуты латины отъ святой соборной и правовѣрной церкви?“ да и то не видимъ, чтобъ этотъ вопросъ для князя былъ вопросомъ

*) Истор. древн. русск. слов. Шевырева, часть III, стр. 12.

первой важности. Съ другой стороны, почти во всѣхъ такихъ сочиненіяхъ имѣется въ виду одна извѣстная личность, отчего они и названы посланіями, слѣдственно, сочинители не могли имѣть въ виду *предостереженія новой, еще неокрѣпшей церкви отъ покушеній римскаго двора*, иначе имъ дана была бы другая форма. По нашему взгляду, такія сочиненія для нашей исторіи не составляютъ важныхъ фактовъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ писалась не русскими и притомъ въ византійскихъ интересахъ.

Замѣчательнѣе мудрствованія русскихъ людей о предметахъ религіи; здѣсь мы по крайней мѣрѣ видимъ, какъ подъ византійскимъ вліяніемъ направлялась фантазія человѣка и доходила до странныхъ созерцаній. Такъ Авраамій смоленскій (XIII ст.) въ своемъ сочиненіи „О небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ“ увѣряетъ, что въ восполненіе падшихъ ангеловъ, не соотвѣтствовавшихъ Богу, созданъ былъ человѣкъ: и онъ палъ, но не совсѣмъ, не безъ надежды на возстаніе. Въ теченіе 7000 лѣтъ, опредѣленныхъ на существованіе человѣчеству, долженъ быть восполненъ чинъ ангеловъ, отпадшихъ на небесахъ. Къ сему велъ Господь человѣка въ мірѣ древнемъ казнями; къ сему ведетъ его искупленіемъ и ожиданіемъ страшнаго суда; два ангела, добрый и злой, блюдутъ за всею жизнью человѣка *) и проч.

Вотъ до какихъ размышленій доходили наши доморощенные богословы. Думая дѣлать добро, просвѣщать неученыхъ, сколько ложныхъ взглядовъ вносили они, замѣняя одно невѣжество другимъ. Мысль объ опредѣленномъ числѣ лѣтъ жизни міра перенесена къ намъ также изъ Византіи и впослѣдствіи слишкомъ сконфузила духовенство передъ мірянами, когда предсказаніе его не исполнилось.

Какъ бы то ни было, но города, каковы: Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ и др., по вліянію духовенства въ четвертомъ и пятомъ поколѣніи сдѣлались городами христіанскими по убѣжденію. Никто не станетъ утверждать, что обращеніе въ христіанство горожанъ произошло тотчасъ же по кре-

*) Истор. древн. русск. слов. Шевырева, часть III, стр. 15.

щеніи Руси—этому противорѣчатъ и лѣтописныя сказанія. Укажемъ на извѣстный случай столкновенія власти съ волхвами въ Новгородѣ. Горожане всѣ оказались на сторонѣ волхвовъ, и только дружина на сторонѣ епископа. Изъ городовъ, гдѣ сосредоточивалось дѣйствіе духовенства, христіанскія вѣрованія мало-по-малу стали распространяться по окрестнымъ селеніямъ; но большинство сельскаго населенія, особенно вдали отъ городовъ, сохранило свои прежнія вѣрованія: Перунъ, Сварожичъ, Волосъ, Родъ, Рожаницы играли еще роли божествъ; праздники, сопровождаемые играми, браки, тризны совершались повсюду по языческимъ обрядамъ.

На нихъ не могли дѣйствовать обличенія, которыя мы читаемъ у нашихъ духовныхъ писателей, по той простой причинѣ, что тамъ никто не умѣлъ читать, еслибы даже и списки съ тѣхъ произведеній могли быстро распространяться въ массѣ. Но рукописи не печатныя книги: онѣ переписывались съ трудомъ и цѣнились весьма высоко. Онѣ обращались только въ монастыряхъ, въ княжескихъ книгохранилищахъ, да развѣ у богатыхъ бояръ въ дружинной средѣ. Основательнымъ же ученіемъ народа посредствомъ живого слова заняться было некому, по недостатку приготовленныхъ для того людей въ самомъ духовенствѣ: обезпеченная монашеская жизнь отторгала людей отъ дѣятельности среди народа. Слѣдственно, здѣсь вина народа слагается на самихъ обличителей и обвинителей.

Всѣ высказанныя нами соображенія заставляютъ цѣнить также и проповѣди Кирилла Туровскаго. Воспользуемся характеристикою ихъ, сдѣланною г. Галаховымъ, для того, чтобы потомъ сдѣлать изъ нея свои выводы въ связи съ тѣмъ, что уже нами представлено:

„Кириллъ Туровскій, какъ духовный ораторъ, пріобрѣлъ себѣ такую знаменитую извѣстность, что получилъ названіе „второго златословеснаго учителя“, т.-е. второго Златоуста. Изъ многихъ сочиненій его дошли до насъ слова на праздники, посланія и молитвы. Содержаніемъ словъ служитъ раскрытіе таинственнаго духовнаго смысла евангельскихъ повѣствованій; содержаніемъ посланій—значеніе монашеской жизни. Тѣ и другія показываютъ въ авторѣ значительную

силу ораторскаго искусства и *поэтическаго воображенія*. Хотя въ словахъ его и есть нѣкоторыя указанія на современныя обстоятельства, напр., *на равнодушіе паствы къ его поученіямъ* и на языческія суевѣрія, но главный характеръ ихъ—духовно-созерцательный, *отрѣшеніе отъ современной дѣйствительности*.

„Предметы, въ нихъ развиваемые, относятся къ религіознымъ истинамъ, общимъ и равнозначительнымъ для христіанства во всякое время и у всякаго народа, безъ отношенія ихъ къ особенному состоянію той или другой эпохи, того или другого христіанскаго общества. Форма представленія — символическая, происходящая отъ символическаго воззрѣнія на природу и человѣка и противоположная простотѣ начальныхъ поученій нашихъ, каково, напримѣръ, поученіе Луки Жидяты. Такъ въ Словѣ въ недѣлю новую христіанство является въ образѣ весны, а язычество и іудейство въ образѣ зимы; грѣховные помыслы принимаютъ видъ бурныхъ вѣтровъ, ветхій законъ, воздающій честь новому, уподобляется лунѣ, смѣняемой солнцемъ. Такъ въ притчѣ „о бѣлоризцѣ - человѣцѣ“ умъ, душа, тѣло, монастырскій уставъ, иноческій чинъ и смертная память изображены подъ образами царя, его дочери, города, вертепа и мужа съ женою. Символизмъ Кирилла Туровскаго иногда доходитъ *до одушевленнаго, поэтическаго представленія*, вѣрно передавая сходство между предметами внѣшняго и внутренняго міра; а иногда, напротивъ, впадаетъ въ искусственность, причина которой или въ произвольныхъ натянутыхъ сближеніяхъ, или въ желаніи провести символическую параллель не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ, или, наконецъ, въ ненужномъ скопленіи образовъ, которые не уясняютъ, а затемняютъ мысль. Символика, будучи принадлежностью древнехристіанской литературы и живописи и получившая на западѣ обширное развитіе, усвоена нашими духовными писателями *отъ византійцевъ*.

„Очевидное вліяніе въ этомъ случаѣ оказано толкованіями отдѣльныхъ книгъ Св. Писанія. При объясненіи текстовъ они указываютъ *таинственное соотношеніе между христіанствомъ и ветхимъ завѣтомъ и содержатъ въ себѣ символическій взглядъ на природу и человѣчество*“.

„Заимствуя отсюда *сокдьнія догматическія*, духовенство наше заимствовало вмѣстѣ и символизмъ. До Кирилла Туровскаго въ словѣ о законѣ и благодати Иларіонъ опредѣляетъ ихъ отношеніе рядомъ символическихъ представленій; но *Кириллъ далъ символизму обширное развитіе и мѣсто*. Изложеніе у Кирилла Туровскаго отъ повѣствовательнаго часто переходитъ къ драматическому: лица, о которыхъ говоритъ Слово, становятся какъ бы лицами дѣйствующими, вступаютъ другъ съ другомъ въ бесѣду, выражаютъ мысли и чувства монологами, иногда очень длинными. Хорошая сторона такого литературнаго пріема, имѣющаго свой первообразъ въ библейскихъ книгахъ, состоитъ въ томъ, что онъ служитъ средствомъ, оживляющимъ поученіе; погрѣшность его въ неестественности или въ злоупотребленіи, что̀ также могло зависѣть *„отъ вліянія схоластической византійской реторики“* (Ист. лит. 56, 57).

Изъ всего этого мы сдѣлаемъ слѣдующіе выводы: Кириллъ Туровскій былъ поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ, но развился подъ вліяніемъ византійскихъ идеаловъ. Съ одной стороны, схоластическая разработка вопросовъ вѣры, съ другой—испорченный вкусъ въ искусствѣ овладѣли поэтическими силами Кирилла и отвлекли ихъ отъ русской дѣйствительности, направивъ ихъ по ложной дорогѣ. Слѣдственно, его труды имѣютъ для насъ важность не по отношенію ихъ къ русской жизни, а по степени вліянія византійской науки на таланты и умы тѣхъ русскихъ людей, которые искали высшаго просвѣщенія. Сильный поэтическій талантъ его не былъ подавленъ этими безплодными схоластическими упражненіями въ религіи и въ слогѣ, въ этихъ заоблачныхъ созерцаніяхъ того, что принадлежитъ землѣ и человѣку; онъ торжествуетъ и здѣсь въ поэтическихъ образахъ, которые на каждомъ шагу создаетъ ему плодовитая творческая фантазія, но онъ потерялъ свободу и самостоятельность въ творчествѣ. Онъ оригиналенъ въ средѣ русскихъ духовныхъ писателей древнѣйшаго періода нашей литературы, потому что ни у одного изъ нихъ далеко не было такого сильнаго таланта; но онъ не оригиналенъ, какъ русскій писатель. Онъ только повторяетъ византійскія стремленія. Вотъ от-

чего и послѣдующіе вѣка смѣшивали его творенія съ переводными изъ греческой духовной литературы. Вотъ отчего и современники его не увлекались его восторженнымъ краснорѣчіемъ, не стекались съ жадностью слушать его слова, на что онъ самъ жалуется имъ же самимъ. Между нимъ и слушателями было слишкомъ мало живой связи, общихъ интересовъ; онъ былъ слишкомъ далекъ отъ русской жизни и его не понимали. Жалоба его для насъ многозначительна, она убѣждаетъ насъ, что русскихъ людей, считавшихъ себя христіанами (только къ такимъ, конечно, и обращался Кириллъ), не занимали и не привлекали даже въ блестящей поэтической формѣ, даже въ образахъ, живо дѣйствующихъ на молодое воображеніе, всѣ мистическія и выспреннія созерцанія, которыми увлекался византійскій духъ. Имѣя это въ виду, мы сомнѣваемся, что между современниками онъ пріобрѣлъ *знаменитую извѣстность*, тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе вѣка съ его трудами соединяли имя Златоустаго Іоанна, благодаря красивому убранству его словъ, котораго не могли не замѣтить уже начитанные люди другого періода. Знаменитую извѣстность онъ достойно получилъ въ наше время за свой поэтическій талантъ.

VII.

Средоточіемъ религіозной и политической дѣятельности въ началѣ были югъ Руси и Новгородъ со Псковомъ. Здѣсь же составлялись и литературныя произведенія, о которыхъ говоритъ исторія литературы. Но является новая сила и удаляетъ жизнь съ юга на сѣверо-востокъ. Тамъ начинается развитіе подъ новыми вліяніями, при измѣненныхъ обстановкахъ. Ясно, что оно должно пойти другими путями и измѣнить отношеніе между идеалами. Отсюда необходимо начать новый періодъ нашей исторіи, такъ какъ времена татарщины рѣзко отличаются въ своемъ развитіи отъ всей предъидущей эпохи. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ ходъ и движеніе мысли въ это трудное время.

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на

людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву Божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея противорѣчія съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ, обличительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, развивать взаимную любовь для единодушія, которое необходимо было, чтобы свергнуть съ себя тяжелое и ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Такимъ образомъ за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напуганное воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было уединиться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. Митрополитъ Кириллъ II созываетъ во Владиміръ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства, сообразно съ православнымъ идеаломъ. Положено было уничтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: „семью гривнами на клирошанъ должна была ограничиться вся издержка попа или дьякона“. Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующіе за нихъ прокляты“. Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать семь священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію; кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою, убѣгалъ дани, *чародѣйствовалъ*, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе тридцати лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаятся: „Лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ“ *)... Черезъ десять лѣтъ (1284) митрополитъ Максимъ сбираетъ соборъ

*) Истор. Шевыр., т. III, стр. 27—28.

въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кириллъ II, по свидѣтельству лѣтописей, проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Шевыревъ приводитъ коротенькое его слово, характеризующее ученіе, основанное на любви и снисхожденіи. Оно было сказано ростовскому епископу Игнатію, который, вѣроятно желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. „Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ: не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ, милость Господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда Божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живаго ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешь мерtваго жестокимъ отлученіемъ? А ежели желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвою и божественною службою“ *).

Съ энергическими словами обращался къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ. „Молю васъ, братія: каждый изъ васъ вникни въ свои мысли, сердечными очами разсмотри дѣла свои; *раскайся и гнѣвъ Божій минуетъ*. Вспомнимъ наибольшую заповѣдь *любить другъ друга*, не воздавать зломъ за зло; нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный“. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными“. Но проповѣдникъ требовалъ слишкомъ быстрой перемѣны жизни въ своихъ слушателяхъ. Онъ упрекаетъ ихъ, что видитъ слишкомъ мало плодовъ отъ своего ученія: „Много разъ я говорилъ вамъ, но не вижу въ васъ пере-

*) Истор. Шевыр., т. III, стр. 32—33.

мѣны... Чѣмъ мнѣ утѣшиться, чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердецъ вашихъ сѣмя божественное и никогда не вижу, чтобы оно прозябало и плодъ породило... Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ". Впрочемъ, онъ хвалитъ ихъ и радуется тому, что они ходятъ съ великою любовью въ церковь и стоятъ съ благоговѣніемъ. „О, еслибы, при этомъ восклицаетъ онъ, я могъ наполнить сердце и утробу каждаго разума божественнаго".

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли доходить до всего народа. Онѣ обращались въ соборныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общія бѣдствія дѣйствительно сблизили ихъ съ духовенствомъ, которое въ лицѣ своихъ митрополитовъ и епископовъ стало дѣятельнѣе и практичнѣе въ отношеніи къ народу, и религіозное вліяніе на воображеніе массы стало сильнѣе. Горожане мало-по-малу дѣйствительно успѣли отстать отъ язычества и даже подъ вліяніемъ бѣдствій иногда одушевлялись фанатизмомъ противъ языческихъ явленій, гнѣздившихся еще по деревнямъ въ сельскомъ населеніи. Они стали выказывать свою ревность къ христіанству въ сожженіи волхвовъ, которые появлялись въ народѣ, такъ что тѣ же самые проповѣдники, настроившіе на религіозный путь ихъ воображеніе, должны были сильными словами и укорами сдержать ихъ фанатическую ревность. „Малъ часъ порадовался о васъ, чада, говоритъ Серапіонъ, видя вашу любовь и послушаніе. Но вы еще поганскаго обычая держитесь, волхвованію вѣруете, и пожигая огнемъ невинныхъ людей, наводите на весь міръ и городъ убійства. Если кто и не участвовалъ въ убійствѣ, а въ сонмищѣ былъ и соглашался, и тотъ убійца. Кто могъ помочь, да не могъ, какъ будто бы самъ велѣлъ убить. Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія вы слышали (большинство, конечно, не читало никакихъ книгъ), что отъ волхвованія бываетъ на землѣ голодъ и что волхвованіемъ умножается жито. Если вѣрите сему, то зачѣмъ зажигаете ихъ Молитесь имъ, чтите ихъ, приносите имъ дары, чтобы они благоустроили міръ, пускали дождь, приводили тепло, велѣли землѣ плодить... Правила божественныя повелѣваютъ, по свидѣтельству многихъ, осуждать на смерть чело-

вѣка. Вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: *если начнетъ утопать — неповинна; если поплыветъ — волшебница.* Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго человѣка и пошли къ бездушному естеству, чтобы отъ него принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога" *).

Хотя проповѣдникъ является здѣсь во многихъ понятіяхъ выше общаго уровня понятій своего вѣка, но нерѣдко и онъ раздѣляетъ общее суевѣріе. „Я знаю, что *чародѣи дѣйствуютъ на людей*, говоритъ онъ, но только на тѣхъ, которые вѣруютъ въ нихъ. И бѣсы дѣйствуютъ по Божію попущенію на тѣхъ, кто ихъ боится". Мы видѣли, что возможность чародѣйства призналъ и цѣлый соборъ, собранный митрополитомъ Кирилломъ, стараясь оградить отъ него священство.

Такимъ образомъ, первое слѣдствіе суроваго татарскаго владычества выразилось въ возбужденной дѣятельности, которая съ юга мало-по-малу переходила на сѣверо-востокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самомъ грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣть отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселенія многихъ жителей на сѣверъ. Въ прежнемъ идеалѣ духовенства теперь особенно выдается одна черта, вызванная временемъ, это—безпрестанное покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, которые накликали на Русь страшное бѣдствіе. Поле дѣятельности его—призываніе къ покаянію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться. Шевыревъ насчитываетъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходитъ ихъ до восьмидесяти, если не болѣе **). Въ одномъ безъименномъ *ученіи*, „обращенномъ ко всѣмъ христіанамъ", совѣтуется любить монастыри, потому что они *пристанища сего свѣта*, сыновья святыхъ. „Входя въ нихъ, вы увидите, какъ игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ страха ради Божія, другой возноситъ руки и сердце горѣ, а очи держитъ долу, тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; тотъ работаетъ какъ полоненный, тѣ заняты

*) Истор. Шевыр., стр. 37—42.
**) Тамъ же, стр. 187.

дѣломъ, другіе стоятъ въ церкви будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ".

Вотъ та монастырская жизнь, привлекавшая людей, воображеніе которыхъ съ одной стороны было напугано татарскимъ погромомъ, съ другой—направлено на религіозный путь. Этотъ путь сдѣлался единственнымъ для всѣхъ сильныхъ натуръ, которыя искали себѣ дѣятельности или высшаго духовнаго просвѣщенія: никакихъ другихъ поприщъ для удовлетворенія духовныхъ стремленій человѣка болѣе не было. Усвоивъ себѣ аскетическій идеалъ, сообразно съ нимъ они располагали и свою жизнь и дѣятельность. Такимъ образомъ въ монастыри переходятъ изъ князей, изъ дружины, изъ горожанъ; монашество быстро увеличивается. Въ число важныхъ добрыхъ дѣлъ попрежнему ставится милостыня—раздача имѣнія нищимъ и монастырямъ. Благочестивые люди дѣйствительно завѣщаютъ монастырямъ цѣлыя села. Многіе князья сами строятъ монастыри и щедро надѣляютъ ихъ, чтобы они могли содержать себя.

Натуры дѣятельныя и страстныя, одушевленныя своимъ монашескимъ идеаломъ, ищутъ самой суровой аскетической жизни, удаляются въ глушь, въ лѣса и въ дебри, поселяются тамъ и сбираютъ вокругъ себя подражателей, и вотъ основывается новый монастырь. Строгій пустынникъ достигаетъ славы, о немъ говорятъ въ окрестностяхъ, къ нему стекается народъ, дивится его жизни, полной лишеній и трудовъ, слушаетъ его ученіе Вотъ какимъ образомъ распространились христіанскія понятія по селамъ и деревнямъ. Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарскаго владычества. Монастыри наполнялись нерѣдко людьми, утомленными трудною жизнью, вѣчною боязнью огня и меча татарскихъ полчищъ, разграбленными, лишившимися родныхъ, захваченныхъ въ полонъ. Пристанищемъ и мѣстомъ успокоенія имъ служили монастыри, которые пользовались привилегіями отъ татаръ и были безопаснѣе всякаго другого жилища. Были между энергичными дѣятелями и такіе, которые отправлялись для распространенія христіанства въ мѣста, гдѣ еще господствовало язычество. По словамъ г. Буслаева, христіанскіе просвѣтители водружали крестъ и ставили храмъ истин-

ному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ, слѣдственно, средоточіе мѣстныхъ жителей, куда они стекались для религіозныхъ обрядовъ, не измѣнялось; по привычкѣ, всѣ продолжали приходить сюда, что̀, конечно, способствовало утвержденію христіанскихъ вѣрованій. Построеніе городовъ нашими князьями, замѣчаетъ тотъ же ученый, было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Руси. Разумѣется, народъ, принимая христіанскія вѣрованія, перемѣшивалъ ихъ со старыми, языческими, такъ какъ наука не являлась на помощь христіанству и не объясняла человѣку его прямыхъ отношеній къ природѣ, которая народною фантазіею населялась разными демоническими существами. Отсюда явилось двоевѣріе, на которое и нападаютъ русскіе проповѣдники.

При особенномъ религіозномъ направленіи духа въ монастырскихъ стѣнахъ, послѣ смерти каждаго благочестиваго дѣятеля быстро составлялись о немъ сказанія по тому аскетическому монашескому идеалу, который привлекалъ воображеніе набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ сказаній, конечно, были дѣйствительные факты изъ его жизни: и вотъ они наконецъ записывались какимъ-либо грамотнымъ монахомъ, иногда распространялись и разукрашивались разными риторическими красками, и въ такомъ видѣ переходили въ послѣдующія поколѣнія. Иногда изъ такихъ сказаній составлялись сборники подъ названіемъ прологовъ и патериковъ, образцомъ которымъ служилъ патерикъ печерскій, составленный еще въ XIII ст.

Такимъ образомъ, мало-по-малу въ разныхъ областяхъ составлялись свои мѣстныя святыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, достойныя полнаго вниманія историка литературы; но ихъ только начинаютъ у насъ разрабатывать, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, при болѣе подробной разработкѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для исторіи. Чтобы опредѣлить ихъ значеніе, воспользуемся характеристикой, сдѣланной г. Буслаевымъ: „Вмѣстѣ съ расширеніемъ православія и княжеской власти умножаются средоточія исторической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и слагаются

народныя сказанія во Владимірѣ, Москвѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и другихъ областяхъ. И какъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сложилось наконецъ русское царство съ Москвою въ своемъ средоточіи, такъ и всѣ мѣстныя, такъ сказать, удѣльныя сказанія и преданія, какъ эпизоды великаго національнаго эпоса, составляетъ *главное и существенное содержаніе* древнерусской литературы. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа, надобно войти *въ мѣстные интересы* всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы: Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ, сберегли свои мѣстныя преданія и сказанія, которыя даютъ особую нравственную физіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ они его завѣтное, національное сокровище... Монументальные остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и безполезныя для практическаго употребленія развалины, имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: они говорятъ о старинѣ и преданіи и наглядно научаютъ каждаго, точно такъ же, какъ и стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миніатюры въ народныхъ книгахъ предназначались нѣкогда для назиданія неграмотныхъ... Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстныя преданія не только отъ временъ Іоанна Грознаго, отъ временъ татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи миѳической. Извѣстны древнѣйшія поэтическія литературныя преданія Новгорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы то къ какому-нибудь собственному имени монастыря, нак, напр., *Перюнскій скитъ* въ новгородскихъ сказаніяхъ, то урочищу, какъ *Кажемяки* въ Кіевѣ и т. п. *).

*) Въ IV томѣ Лѣтописей русской литер. и древн. статья г. Буслаева: Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія.

Въ другой статьѣ г. Буслаевъ такимъ образомъ характеризуетъ Москву, сравнительно съ другими городами: „Мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь... Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанія и нѣкоторыхъ другихъ народовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ... Изъ самыхъ отношеній къ татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противоположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разрабатываемыхъ въ теченіе вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV вѣка даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, то-есть грамотности и, слѣдовательно, литературы. Москва не только въ XIV, но даже и въ XV вѣкѣ въ отношеніи литературномъ несравненно ниже стояла Кіева или Новгорода XII столѣтія. Это значитъ не то, чтобы книжное просвѣщеніе на Руси коснѣло или что въ XIV вѣкѣ оно пошло назадъ; но то, что *близорукій взглядъ историковъ Россіи, историковъ ея церкви и литературы не умѣлъ отдѣлить мѣстнаго, то-есть городского и областного развитія русской жизни и литературы отъ общей хронологической таблицы по вѣкамъ, въ которую безсмысленно помѣщались факты разныхъ мѣстностей и только производили путаницу въ вопросахъ объ историческомъ развитіи древней Руси.* Какъ погрѣшительна эта система въ разработкѣ русской литературы, можно видѣть изъ мѣста, какое историки русской литературы даютъ митрополиту Кипріану въ разсужденіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи. Митрополитъ Евгеній въ своемъ историческомъ словарѣ о писателяхъ духовнаго чина говоритъ о Кипріанѣ слѣдующее: „сей пастырь былъ первымъ возстановителемъ по нашествіи татаръ упавшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ привезъ къ намъ нѣсколько славянскихъ переводовъ разныхъ церковныхъ и

отечественныхъ книгъ, сохранившихся у задунайскихъ славянскихъ поколѣній". Слѣдуя Евгенію, и архіепископъ Филаретъ въ своемъ обзорѣ русской духовной литературы въ § 74 повторяетъ о Кипріанѣ: „Пастырь образованный, много заботившійся о возстановленіи упавшаго просвѣщенія въ Россіи" (Г. Галаховъ говоритъ: „заслуга Кипріана заключалась въ его стараніяхъ о собраніи и переводѣ книгъ съ цѣлью доставить средства для образованія, упавшаго вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находилось наше отечество"). Невѣрность, или, по крайней мѣрѣ, односторонность этого мнѣнія открывается сама собою, если мы повѣримъ его системою мѣстнаго или областного развитія національныхъ и литературныхъ интересовъ древней Руси. 1) Что такое значитъ упавшее просвѣщеніе въ *Россіи*? Гдѣ была Россія въ XIV вѣкѣ, когда палъ Кіевъ? Ужъ конечно не въ Москвѣ, которая стремилась проводить антинаціональныя начала и въ свою пользу налагала ихъ тамъ, гдѣ находила уступки своимъ чисто матеріальнымъ силамъ. Что же касается до Пскова, Новгорода и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ городовъ, то просвѣщеніе (конечно, принимаемое въ самомъ снисходительномъ смыслѣ) не только не пало въ нихъ въ XIV вѣкѣ, но быстро шло впередъ и даже распространялось въ массахъ, чему свидѣтельствомъ служитъ зарожденіе духа пытливости и критики, правда, обнаружившагося въ ереси стригольниковъ и, слѣдовательно, какъ бы въ уклоненіи отъ преданія, но все же говорящаго въ пользу развитія идей въ массахъ народа, хотя бы строгій пуристъ и порицалъ это развитіе съ своей слишкомъ исключительной точки зрѣнія. Исторія литературы заявляетъ только объ умственномъ и литературномъ развитіи, обнаружившемся въ стригольникахъ, не касаясь щекотливаго вопроса объ отношеніи ихъ къ исторіи русской церкви. Что же касается до Новгорода, то достаточно упомянуть о св. Василіи, архіепископѣ новгородскомъ (1331—1352), который въ своемъ посланіи къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ даетъ намъ самыя положительныя доказательства тому, что въ Новгородѣ въ половинѣ XIV вѣка читались книги даже не церковнаго, но апокрифическаго содержанія и усвоивались

массою гражданъ, входя въ составъ мѣстныхъ сказаній. И такъ, услуги Москвѣ митрополита Кипріана въ возстановленіи падшаго просвѣщенія не имѣли мѣста *въ Россіи*, т.-е. въ тѣхъ городахъ, гдѣ по преимуществу сохранились русскія преданія, когда палъ Кіевъ, а Москва еще становилась только на ноги. 2) Не относятся ли заслуги Кипріана преимущественно къ Москвѣ, такъ какъ онѣ не приложимы къ Новугороду или Пскову? И дѣйствительно, литературная дѣятельность его ограничивается по преимуществу Москвою, а въ этомъ городѣ не могло *просвѣщеніе пасть*, потому что его тамъ еще вовсе не было, да и не могло быть; и безъ сомнѣнія презрѣніе старыхъ городовъ къ Москвѣ въ XIV и XV вѣкѣ объясняется не одною только татарщиною въ политикѣ этого города, но и его безграмотностью. И такъ, 3) въ чемъ же состояли заслуги Кипріана? А онѣ дѣйствительно должны быть признаны. Желая водворить книжное ученіе въ дикомъ воинскомъ станѣ, называвшемся тогда Москвою, св. Кипріанъ захватилъ съ собою много церковныхъ книгъ, необходимыхъ для практическаго употребленія въ населеніи, которое должно было обзавестись церквами, чтобы стать настоящимъ городомъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Кипріана для Москвы не подлежатъ сомнѣнію. Но и здѣсь по печальной судьбѣ этого города, пугавшаго всѣхъ своими иноземными средствами, оказался тотъ же, противный областнымъ національностямъ, принципъ. Въ то время, когда въ новгородской области народный языкъ уже началъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ книжною рѣчью, завезенною къ намъ изъ Болгаріи, Кипріанъ привезъ въ Москву кучи переводовъ древнеболгарскихъ, да еще переписанныхъ сербами; и распространеніе этихъ болгаро-сербскихъ рукописей, способствуя въ Москвѣ церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно литературномъ имѣло свои великія невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-сербскаго характера и удаливъ на нѣкоторое время нашу письменность отъ чисто русской рѣчи“ *). Все

*) Лѣтописи русск. литер. и древн., кн. VI. 1860.

необходимо имѣть въ виду преподавателю, чтобы не повторять пустыхъ фразъ изъ разныхъ исторій литературы.

Въ дополненіе къ этому представимъ, какъ объ одномъ и томъ же событіи составлялись разныя сказанія съ разными на него взглядами, глядя по мѣстности. Г. Буслаевъ указываетъ на повѣствованіе объ осадѣ Новгорода великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и о знаменіи отъ иконы Богородицы. Въ то время, какъ новгородское мѣстное сказаніе изображаетъ Андрея Боголюбскаго *лютымъ фараономъ*, мѣстныя преданія владимірскія называютъ этого князя святымъ и вносятъ житіе его въ мѣстный владимірскій патерикъ. Подобныя столкновенія мѣстныхъ интересовъ и симпатій неоднократно замѣчаются въ исторіи древне-русской литературы. Между тѣмъ какъ Боголюбскій герой побѣдоносно идетъ съ своей Вышегородской святынею въ сѣверовосточную Русь и во имя покровительствующей ему иконы Богоматери одерживаетъ въ 1164 г. побѣду надъ болгарами, новгородцы вооружаются на того же самаго *боголюбиваго* героя подъ покровительствомъ своей мѣстно чтимой святыни и вслѣдствіе чудесной отъ нея защиты прогоняютъ союзныя войска владимірскаго ополченія въ 1170 г. Говоря о союзномъ ополченіи князей на Новгородъ, съ негодованіемъ продолжаетъ сказаніе, что князья эти „забыли объ единокровномъ племени и о духовномъ родствѣ отъ св. крещенія, такъ какъ всѣ составляютъ одинъ родъ русскій; такимъ образомъ земля (новогородская) наполнилась конными и пѣшими, какъ нѣкоторые говорятъ: собралось тогда больше семидесяти князей, свои съ своими и столько, что мало не вся русская земля соединилась на разореніе одного того города. Всѣхъ взяла зависть, такъ какъ тогда новгородцы славились богатствомъ больше всѣхъ русскихъ городовъ, управляясь самовластно и не допуская ни одного изъ прежнихъ князей обладать собою, но давая имъ только опредѣленное и назначенное (уставленная и умѣренная)“. Если враги Новгорода изображаются въ сказаніи о знаменіи *завистливыми и несправедливыми*, то сами новгородцы *благочестивыми*: „ни откуда не надѣялись помощи, но только возлагали всю надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу; они были весьма благочестивы изстари (отъ

отецъ), привязаны были къ Божьимъ церквамъ, тароваты и милостивы къ нищимъ". Въ то время, какъ граждане изнемогали, отражая отъ стѣнъ своего города великія союзныя силы, архіепископъ новгородскій Іоаннъ услышалъ тайный голосъ, приказывающій ему взять икону Богородицы изъ церкви Спаса и вынести на городскія стѣны. По этому случаю сказаніе, благословляя новгородцевъ, гремитъ проклятіемъ противъ враговъ ихъ... „Но осаждающіе не убоялись и не устыдились при видѣ иконы, разъярились пуще прежняго и въ гордости своей думали уже, что тотчасъ же и весь городъ будетъ въ рукахъ, и уже улицы городскія дѣлили между собою по городамъ, хвалясь не только дома, но и церкви Божіи разорить, и до того дошли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы стрѣлы пускали. Тогда, продолжаетъ сказаніе, икона сама собою отворотилась отъ враговъ и изъ очей своихъ испустила слезы. Этимъ великимъ знаменіемъ своимъ отняла она у враговъ силу и навела на нихъ слѣпоту... Пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги слѣпли и поражали другъ друга или же въ страхѣ и трепетѣ бѣжали. И тяжекъ былъ имъ обратный путь: многіе отъ голода и мороза перемерли: иные отъ великаго голода во св. великій постъ ѣли конину"... Таково новгородское сказаніе о знаменіи, проникнутое самымъ исключительнымъ мѣстнымъ характеромъ. Этотъ новгородскій колоритъ выступитъ для насъ еще разительнѣе, когда мы прочтемъ о томъ же событіи и простыя слова суздальскаго лѣтописца, можетъ быть, также не чуждыя мѣстныхъ симпатій и нѣкотораго пристрастія къ князю владимірскому. „Союзныя войска русскихъ князей, по словамъ этого лѣтописца, подошли къ Новгороду, а новгородцы затворились въ городѣ съ княземъ своимъ Романомъ и бились крѣпко изъ города и многихъ избили *отъ нашихъ*. Осаждающіе ничего не успѣли сдѣлать и пошли назадъ; многіе едва воротились домой пѣши, а другіе едва не померли съ голода и никогда не было болѣе тяжкаго пути людямъ; иные даже конину ѣли въ великій постъ. И было *это за грѣхи наши. Слышали мы*, что *за три года* передъ тѣмъ было въ Новгородѣ знаменіе, которое всѣ видѣли. Въ трехъ церквахъ нов-

городскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица. Божія Матерь, провидѣвши пагубу, грозящую Новгороду и его волости, молила сына своего со слезами, дабы новгородцевъ отнюдь не искоренилъ, но помиловалъ. Такъ и было. Богъ и Божія Матерь, очевидно, избавили ихъ милостью своею, потому что они христіане. „Наказуя, накажи мя, Господи, а смерти не предаждь мене", сказалъ Давидъ. Такъ и людей новгородскихъ *наказалъ Богъ и крѣпко смирилъ за преступленіе крестное и за гордость*, но милостію своею избавилъ ихъ городъ. *Мы не скажемъ: правы новгородцы*, что издавна освобождены прадѣдами князей нашихъ. Но еслибы и такъ было, то велѣли ли имъ прежніе князья крестъ переступать или внуковъ и правнуковъ срамить и, цѣлуя честный крестъ, ко внукамъ ихъ и правнукамъ преступать крестное цѣлованіе? *„Доколѣ Богу терпѣть надъ ними? За грѣхи навелъ и наказалъ по достоянію рукою благовѣрнаго князя Андрея*". Послѣднія слова, замѣчаетъ г. Буслаевъ, явно выражаютъ ненависть суздальца къ новгородцамъ и тщетное желаніе, во что бы то ни стало, хотя бы противорѣча самому себѣ, выставить въ благопріятномъ свѣтѣ подвиги боголюбиваго князя Андрея. Сопоставленіе этихъ словъ суздальскаго лѣтописца новгородскому сказанію о знаменіи, какъ кажется, лучше всѣхъ разсужденій убѣдитъ насъ въ той мысли, что древне-русская литература развивалась и видоизмѣнялась по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества; она выражала мѣстные интересы, иногда наивно и пристрастно, но всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, подъ вліяніемъ страстей, которыми волновались цѣлые города... *).

Какъ подѣйствовала на народъ татарщина, мы видимъ изъ народнаго сказанія „Отчего перевелись витязи на святой Руси". Здѣсь замѣчаемъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ дѣйствительно въ былое время, видимъ и вѣрованіе въ языческое чудесное. Но народъ прекращеніе богатырской жизни объясняетъ по-своему. Онъ представляетъ какую-то *не здѣшнюю* силу, которая подавила богатырскія стремленія народа и обратила

*) Лѣт. русск. лит. и древн., томъ IV, стр. 20—23.

богатырей въ камни. На многіе камни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми схоронена могучая сила прошлаго. Какая же это не здѣшняя сила? Шевыревъ видитъ въ ней силу небесную, слѣдственно, христіанство, которое, будто бы, удаливъ народъ отъ внѣшнихъ подвиговъ, призвало его къ жизни внутренней, созерцательной. Намъ кажется, что самъ народъ не могъ сознавать того, что́ ему навязываютъ. Онъ только чувствовалъ вліяніе на себѣ какой-то страшной силы, которая ставила его въ положеніе страдательное, подавляя его земскую жизнь, заглушая въ немъ всякія стремленія проявить свои силы. Эта сила — сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе.

Какъ бы то ни было, но въ разсказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменяющей—передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ.

Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперь нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ постороннихъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣшала даже его нравственныя понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Въ сборникѣ русскихъ пѣсенъ Саратовской губерніи, г-жи Мордовцевой и г. Костомарова, мы находимъ пѣсню, сложенную въ тяжелыя татарскія времена, пѣсню замѣчательную въ томъ отношеніи, что ея тема основана на извращеніи тѣхъ нравственныхъ законовъ, которые народъ вырабатывалъ себѣ вѣками, по своимъ понятіямъ и которыми особенно дорожитъ, какъ основою нравственной жизни. Татаринъ извращаетъ эти законы, ставитъ членовъ одной и той же семьи въ самое неестественное положеніе.

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымя;

Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкимъ:
«Ты встрѣчай меня, молода жена,
Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку-полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльцо—ковры вышивать,
Другое дѣльцо—гусей стеречи,
А третье—дѣтей качати».
— «Я руками ковры вышила,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитю качала:
Ты качу-баю мое дптятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
Ты не крещеный не молитвенный,
А по матушкѣ мой боярченокъ *),
Мой боярченокъ—русска косточка!“
Услыхала молода княжна:
«Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—боярченокъ?»
— «Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята **).

Мать—рабой у дочери, русская, православная няньчитъ внука-татарина, некрещенаго, ненавистнаго русскому человѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не иначе произноситъ его имя, какъ съ эпитетомъ *злой*. Любовь и ненависть къ одному ребенку — два противоположныхъ чувства соединяются въ ней. Вотъ эти-то извращенныя нравственныя отношенія и смущали русскаго человѣка. Вообще надо замѣтить, что нѣ-

*) У Сахарова: «А по матушкѣ—милъ внученочекъ».
**) Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, стр. 47—48.

которыя историческія пѣсни отличаются замѣчательнымъ драматизмомъ, естественно вытекающимъ изъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыя жизнь ставила народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, разумѣется, по мѣстностямъ, гдѣ онѣ могли сложиться, могъ бы раскрыть намъ и нравственныя понятія народа въ его идеальныхъ стремленіяхъ, и взглядъ его на разныя событія изъ его исторической жизни.

VIII.

Изъ фактовъ этой эпохи, обращающихъ на себя вниманіе историка литературы по вопросу о развитіи идеаловъ русской жизни, остановимся еще на двухъ-трехъ. Мы уже сказали, что число русскихъ монастырей быстро увеличивалось, во многихъ изъ нихъ число монаховъ было весьма значительно; но съ этимъ вмѣстѣ сталъ ослабѣвать тотъ аскетическій идеалъ, который былъ условіемъ монастырской жизни. Стремясь подавить человѣческую природу, онъ встрѣчалъ въ дѣйствительности безпрестанныя уклоненія, особенно въ большомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что многіе монастыри, разбогатѣвъ отъ разныхъ завѣщаній и даровъ, могли жить уже не одною милостынею. При этихъ условіяхъ человѣческая природа стремилась заявлять свои права на жизнь. Такое ослабленіе вызывало съ другой стороны лица, недовольныя дѣйствительностью: аскетическій духъ воскресалъ въ нихъ съ большею силою, чѣмъ когда-либо, и употреблялъ всю ихъ энергію на то, чтобы разорвать связь съ обществомъ и жить для себя, для будущей жизни, враждуя со своей природой. Прежде всего нѣкоторыми обращается вниманіе на села и деревни, составлявшія монастырскія помѣстья и сближавшія монаховъ съ міромъ. Такъ еще въ XIV ст. митрополитъ Кипріанъ писалъ къ игумену Аѳанасію: „села и людей держать инокамъ не предано св. отцами. Какъ можно разъ отрекшемуся міра и всего мірского снова обязываться мірскими дѣлами, и что разорилъ, созидать опять и являться преступникомъ заповѣди апостольской. И древніе отцы не пріобрѣтали ни селъ, ни богатства... Ты спра-

шиваешь меня о селѣ, которое князь далъ тебѣ въ монастырь, какъ и что дѣлать съ нимъ? слушай мой отвѣтъ и прими совѣтъ мой: если уповаешь на Бога съ своею братіею и даже донынѣ Богъ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, почто же обязываться попеченіемъ мірскимъ и вмѣсто того, чтобы поминать Бога и служить ему единому, поминать о селахъ и о мірскихъ попеченіяхъ? Вникни и въ это: когда чернецъ свободенъ отъ всякаго попеченія мірского, тогда онъ въ мирѣ со всѣми мірянами, и всѣ люди любятъ его и воздаютъ честь ему; когда же обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда нужно ходить по князьямъ и по властелямъ, искать судилищъ, стоять за обидимыхъ, спорить и мириться, и поневолѣ, лишь бы не выдать въ обиду людей своихъ, передъ всякимъ человѣкомъ поднимать трудъ великій и отступать отъ своего правила; а еще и того страшнѣе чернецамъ: властвуя надъ селами, судить мужей и женъ, часто ходить къ нимъ и о нихъ заботиться: *чѣмъ же будутъ они отъ мірянина отличны. Чернецамъ обращаться съ женами и творить съ ними бесѣды опасно.* Но вотъ какъ лучше быть селу подъ монастыремъ: *чернецу никогда не бывать въ немъ*, а приказать его какому-нибудь богобоязненному мірянину и ему заботиться о всякихъ дѣлахъ: въ монастырь же бы готовое привозилъ житомъ и всякими потребами: не то—*пагуба чернецамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ*» *).

Этотъ вопросъ позднѣе сдѣлался весьма важнымъ государственнымъ вопросомъ и едва былъ разрѣшенъ при Екатеринѣ II, поэтому любопытно видѣть его въ самомъ корнѣ. Кипріанъ смотритъ на него единственно съ монашеской точки зрѣнія; во-первыхъ, онъ боится за человѣческую природу, которая можетъ легко измѣнить аскетическому идеалу въ сношеніяхъ съ мірскими людьми; во-вторыхъ, боится столкновенія съ мірскимъ судомъ при защитѣ крестьянъ отъ обидъ и насилій. Онъ страшится только за честь монашескую.

Далѣе его пошелъ Кириллъ бѣлозерскій. Создавъ себѣ самый суровый аскетическій идеалъ, онъ хотѣлъ осуществить

*) Истор. древн. русск. слов. Шевырева, ч. III, стр. 180—181.

его и на дѣлѣ. Для этого онъ основалъ новый монастырь въ Бѣлозерской пущѣ, въ самомъ дикомъ мѣстѣ, и запретилъ монахамъ просить даже милостыню у мірянъ для удовлетворенія какой бы то ни было самой крайней нужды. Онъ отнималъ всякую личную волю у членовъ своей общины, подчинивъ ихъ строжайшимъ правиламъ, по которымъ они должны были жить и приготовлять себя къ раю. Какъ высоко ставился такой идеалъ—это намъ говоритъ слово Григорія Цимблака въ похвалу *отцамъ-пустынникамъ*: увлекаясь имъ, онъ рисуетъ идеальный образецъ человѣческой жизни во житіи монашескомъ и чувствуетъ все недостоинство своего слова при мысли о подвигахъ и доблестяхъ отцовъ пустынниковъ.

Перваго изъ аскетовъ, Антонія египетскаго онъ ставитъ выше Авраама, потому что и домъ, и сродниковъ, и друзей, и имѣніе, все онъ оставилъ и прошелъ непроходимую пустыню; выше Іакова: тотъ вошелъ въ Египетъ съ 75 душами, а вышло ихъ шестьсотъ тысячъ, Антоній же одинъ вошелъ въ пустыню, а изъ нея вышли безчисленныя тысячи людей; выше Моисея, который побѣдилъ Амалика — Антоній побѣдилъ дьявола; наконецъ побѣды его выше всѣхъ побѣдъ Александра Македонскаго: „что̀ побѣда цѣлой вселенной передъ его побѣдой, когда всѣ лукавые полки обратились въ бѣгство, гонимые Антоніемъ? что̀ передъ нимъ знаменитые философы Греціи?“ *). Такъ увлекалось воображеніе людей, мысль которыхъ питалась чтеніемъ поэтическихъ повѣствованій о жизни святыхъ.

Есть эпохи, когда чтеніе извѣстныхъ книгъ овладѣваетъ всею мыслью и фантазіею человѣка и устраиваетъ его жизнь по образцу тѣхъ идеаловъ, которые такъ плѣняли его въ книгахъ. Такіе люди по большей части страстные, энергическіе, силою своего слова увлекаютъ и другихъ, которые, составивъ около нихъ кружокъ, подчиняются имъ вполнѣ, являясь преданными учениками, и разглашаютъ славу о своемъ учителѣ. Такимъ между прочими былъ Іосифъ Волоцкій. Не найдя полнаго осуществленія своего книжно-аскетическаго идеала въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ отправился

*) Истор. древн. русск. слов. Шевырева, ч. III, стр. 362.

бродить по другимъ монастырямъ, чтобы удостовѣриться, гдѣ лучше примѣненъ этотъ идеалъ къ жизни. Описаніе его путешествія особенно интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какая борьба заключалась тогда въ самыхъ монастыряхъ уже по вліянію новаго времени, для котораго духъ аскетической жизни терялъ свою силу, на что, разумѣется, путешественникъ смотрѣлъ съ соболѣзнованіемъ: онъ говоритъ, что хотя и не видалъ прежнихъ святыхъ отецъ, просіявшихъ въ нашей землѣ: Сергія, Варлаама, Кирилла и имъ подобныхъ, но видѣлъ многихъ, которые были ихъ учениками. „*Уставы иноческіе, заповѣданные великими подвижниками, подвергались многимъ измѣненіямъ со стороны новыхъ игуменовъ*, но находили также приверженцевъ и защитниковъ, которые *строго, даже до мученичества* отстаивали ихъ силу; дѣло обходилось не безъ борьбы многотрудной; въ обители Сергія неусыпная его дѣятельность, забота о своей паствѣ и нищета, имъ любимая, сохранилась, попрежнему: *даже книги писали не на пергаментѣ, а на берестовой корѣ.* Въ монастырѣ Кирилла бѣлозерскаго старцы Досиѳей, Илія, Чапѣй и Игнатій Бурмака, со многими иными *отстаивали* преданія Кирилловы *противъ новыхъ пришлыхъ и даже своихъ настоятелей и терпѣли отъ нихъ мученія и смертельные побои.* Около Москвы въ монастырѣ Симоновомъ старецъ Варѳоломей *защищалъ преданія и обычаи*, введенные Ѳеодоромъ, племянникомъ Сергія, и Кирилломъ *противъ новыхъ архимандритовъ, имъ измѣнившихъ*». Іосифъ передаетъ то, что самъ видѣлъ, о Саввѣ, основателѣ тверской обители и братѣ его пустынникѣ Варсонофіи, *великомъ любителѣ книгъ и чтенія*, который имѣлъ у себя въ пустынѣ многочисленную библіотеку, разрѣшалъ недоумѣнія многихъ и даже митрополита Фотія, касавшіяся слова Божія, *помнилъ все священное писаніе, всегда держалъ на языкѣ и всѣмъ неоскудно подавалъ эту духовную милостыню.* Когда же Савва и Варсонофій скончались, *и тутъ была борьба за ихъ завѣтъ противъ новыхъ настоятелей*»... *).

Іосифъ является врагомъ всѣхъ этихъ новыхъ измѣненій и противопоставляетъ имъ свой уставъ, развившійся у него

*) Истор. Шевырева, ч. IV, стр. 137—138.

въ двухлѣтнемъ путешествіи: онъ основываетъ новый монастырь въ волоколамскихъ лѣсахъ, въ сосновомъ бору, гдѣ возстановляется монашеская жизнь въ древнемъ ея видѣ со всѣмъ пустынническимъ аскетизмомъ: всѣ возможныя оружія противъ плоти употреблялись въ обители—желѣзныя брони, тяжелыя вериги, острыя власяницы, многотысячные поклоны и молитвы. Впрочемъ, въ большомъ уваженіи была здѣсь и письменная дѣятельность, благодаря которой въ монастырѣ составилась большая библіотека. Іосифъ сильно дѣйствовалъ на своихъ учениковъ, которые записывали всѣ его рѣчи. Но онъ пришелъ въ столкновеніе съ другимъ аскетомъ, также личностью сильною и энергическою, Ниломъ Сорскимъ, который считается у насъ основателемъ скитскаго монашества.

Въ юности бывъ скорописцемъ, онъ также увлекся чтеніемъ о жизни разныхъ пустынниковъ и даже переписывалъ ихъ житія, потомъ постригся въ кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ по извѣстію Іосифа Волоцкаго, строгія аскетическія правила уже стали измѣняться. Недовольный этимъ, онъ, подобно Іосифу, отправился въ путешествіе, но уже не по русской землѣ, а туда, откуда къ намъ пришли аскетическіе идеалы, въ Византію, въ монастыри константинопольскіе и аѳонскіе, колыбели аскетизма. Здѣсь онъ умилился жизнью, сходною съ тою, которая прельщала его въ книгахъ, сталъ читать сочиненія аскетическихъ греческихъ писателей, которые излагали правила жизни, и увлекся еще болѣе. Общинная монашеская жизнь, распространенная на его родинѣ, ему уже не нравилась, такъ какъ въ ней безпрестанно измѣняли идеалу по самымъ условіямъ общины, которая должна была заботиться о мірскихъ пріобрѣтеніяхъ и о хозяйствѣ для своего пропитанія. Ясно, что истинный аскетъ не могъ быть пріобрѣтателемъ и хозяиномъ. Жизнь одинокая, совершенное отшельничество казались ему слишкомъ опасными, такъ какъ могли развивать *самомнѣніе и гордость*, отчего воспитывается *внутренній фарисей*. Нилъ выбралъ среднюю дорогу—уединенную жизнь съ двумя и тремя при общей пищѣ и одеждѣ, при общемъ трудѣ и рукодѣліи. Образецъ такой жизни нашелъ онъ на аѳонской горѣ. Она

вполнѣ удовлетворяла его экзальтированному воображенію, склонному къ мистицизму.

Возвратившись на родину, онъ, какъ энергическій человѣкъ, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, одушевляясь своимъ идеаломъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ кирилло-бѣлозерскаго монастыря на рѣкѣ Сорѣ, въ самой дикой болотистой пущѣ, среди хвойнаго лѣса онъ выбралъ себѣ мѣстожительство и основалъ скитъ. Около него собралось нѣсколько учениковъ съ такимъ же воспаленнымъ воображеніемъ, и они построили двѣнадцать келій, разбросанныхъ по лѣсу. Одно изъ условій Нилова аскетизма было какъ можно менѣе говорить и какъ можно болѣе думать и углубляться въ себя, то, что онъ называлъ *умнымъ дѣланіемъ*. Въ своемъ ученіи *о помыслахъ* онъ и объясняетъ, въ чемъ должна состоять эта исключительно-внутренняя жизнь, убивающая въ человѣкѣ все, что можетъ привязывать его къ жизни и подавляющая его человѣческую природу. Такое постоянное настроеніе духа доводитъ человѣка до высшей экзальтаціи, которая и есть цѣль аскетическаго умерщвленія плоти. Этого состоянія дѣйствительно достигали аскеты, когда, по словамъ Нила, перестанутъ дѣйствовать и уста, и языкъ, и сердце, и умъ, и мысль—„*скоролетящая и безстыдная птица мысль тогда не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластія;* но наставленіемъ наставляется *отъ иной силы*, а не наставляетъ. Не молитвою молится умъ; но *превыше молитвы бываетъ, и въ обрѣтеніи лучшаго молитва оставляется, и человѣкъ въ изступленіи бываетъ, и не имѣетъ никакого хотѣнія, а по слову апостолову аще въ тѣлѣ или внѣ тѣла не знаетъ*“ *).

Вотъ какую цѣль и какую земную награду нашелъ наконецъ аскетизмъ въ своемъ крайнемъ проявленіи, какъ противодѣйствіе разнообразнымъ стремленіямъ жизни. Разумѣется, страсти являются главною помѣхою въ достиженіи такого состоянія, поэтому аскетъ видитъ въ нихъ своихъ враговъ, и главною заботою его жизни дѣлается уничтоженіе ихъ съ самымъ корнемъ. Нилъ называетъ ихъ лукавыми помыслами и насчитываетъ ихъ до осьми; они соотвѣтствуютъ

*) Истор. Шевырева, ч. IV, стр. 187.

семи смертнымъ грѣхамъ по ученію другихъ богослововъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ онъ ставитъ ихъ: помыслъ *чревообъястный* (обжорство), *сладострастіе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе* (отчаяніе), *тщеславіе и гордость*. Главное оружіе противъ нихъ—постоянная память смерти и страшнаго суда—это memento mori западныхъ аскетовъ. Такъ какъ ученіе Нила было вызвано отчасти его недовольствомъ современною ему монашескою жизнью, въ которой онъ еще находилъ нѣкоторыя заботы о житейскомъ, то, разумѣется, по его взгляду, помыселъ *сребролюбія* является самымъ опаснымъ и гибельнымъ: онъ скорѣе всѣхъ можетъ разрушить идеальную жизнь аскета; этотъ помыселъ онъ называетъ *всѣхъ злѣйшимъ*, когда онъ укрѣпится въ человѣкѣ.

Какъ сильно были въ немъ развиты аскетическія идеи, видно изъ того, что передъ смертью онъ завѣщалъ ученикамъ бросить его тѣло на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, какъ недостойное погребенія, и если этого не захотятъ сдѣлать, то, ископавши ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, пускай погребутъ его *со всякимъ безчестіемъ*.

Мы съ намѣреніемъ привели всѣ эти подробности, чтобы показать, до какой крайности доводило аскетическое направленіе мысли, развитой чтеніемъ извѣстныхъ книгъ, сильно дѣйствовавшихъ на впечатлительное воображеніе. Идеалы такихъ людей, совершенно оторванные отъ дѣйствительности, не могли оказывать благодѣтельнаго вліянія на развитіе житейскихъ идеаловъ массы, которая имъ удивлялась, даже преклонялась передъ ними съ благоговѣніемъ, но сама ничего не могла отъ нихъ заимствовать: они принадлежали не землѣ, а другимъ невѣдомымъ странамъ. Они могли только отрывать отъ массы нѣсколько восторженныхъ личностей, но не вносить въ нее тѣхъ общечеловѣческихъ понятій, которыя обыкновенно очищаютъ идеалъ и по суммѣ которыхъ мы судимъ объ его человѣческомъ достоинствѣ.

Столкновеніе двухъ аскетовъ, Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго, взгляды которыхъ на монашескую жизнь были несогласны, произошло въ 1500 году на московскомъ соборѣ, гдѣ поднятъ былъ вопросъ, отчасти уже въ интересахъ государственныхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ. Іосифъ стоялъ

противъ отчужденія селъ и деревень отъ монастырей, смотря на нихъ какъ на источникъ пропитанія для монастырской общины, которая, по его аскетическимъ идеямъ, не могла зарабатывать себѣ на содержаніе трудомъ: ее должны были занимать работы не житейскія и земныя, а небесныя. Не совсѣмъ логически выставляетъ онъ и ту цѣль, чтобы и *честнымъ* (т.-е. дружиннымъ) людямъ охотно было постригаться въ монахи, такъ какъ имъ онъ предназначалъ высшія іерархическія мѣста. Понятно, что Нилъ Сорскій по своимъ убѣжденіямъ долженъ былъ явиться противникомъ Іосифа: онъ допускалъ только милостыню христолюбивыхъ людей, которая должна быть пропитаніемъ для братіи. Мнѣніе Іосифа восторжествовало на соборѣ; на сторонѣ его были монахи волоколамскіе, на сторонѣ Нила кирилло-бѣлозерскіе и. конечно, сорскіе отшельники. Начинается вражда, а вмѣстѣ съ нею и соревнованіе въ аскетическихъ подвигахъ между монастырями. Этотъ фактъ для насъ интересенъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ не обыкновенное столкновеніе личныхъ интересовъ, а различіе въ самыхъ аскетическихъ идеалахъ. Г. Галаховъ довольно обстоятельно изложилъ эту монастырскую вражду, относящуюся къ XVI стол., но у него не вполнѣ раскрыто основаніе самыхъ фактовъ, отчего событіе представляется какимъ-то отрывочнымъ эпизодомъ.

Іосифъ Волоцкій еще на нѣсколько времени удерживаетъ наше вниманіе, такъ какъ въ его ученіи и жизни выразился другой замѣчательный фактъ, который необходимо разобрать историку литературы. Онъ опровергаетъ то мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, будто религіозное направленіе нашей древней литературы имѣло сильное вліяніе на народную жизнь, способствуя духовному ея просвѣщенію. Судя по лѣтописнымъ изображеніямъ и даже по нѣкоторымъ проповѣдямъ, жизнь во всѣхъ народныхъ слояхъ представляла еще чрезвычайно много дикости и грубости; нравы поражаютъ своею суровостью; безчеловѣчные поступки были не рѣдкостью повсюду; мстительность и другія страсти выказывались часто въ широкихъ и ужасающихъ размѣрахъ; обычное насиліе заглушало всякую идею правды, которая должна служить основою жизни сколько-нибудь развитому обществу. Неува-

женіе личности и собственности, кулачное право, неправда были обыденными явленіями русской жизни. Все это вызывало поученія и наставленія со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, усвоившихъ себѣ христіанскіе идеалы; слова ихъ иногда минутно дѣйствовали, но не входили въ жизнь. Случалось, что между двумя враждующими новгородскими сторонами, вступившими въ свирѣпый бой на волховскомъ мосту, являлся какой-нибудь монахъ, какъ, напр., хутынскій схимникъ Моисей, съ поднятымъ крестомъ въ рукѣ, усовѣщивалъ и образумливалъ толпы, растерявшіяся отъ внезапнаго явленія креста: они расходились для того, чтобъ черезъ нѣсколько дней снова сойтись для той же цѣли. Это разсказываетъ лѣтопись, а народная пѣсня, представляя подобнаго же старца-монаха въ гиперболическомъ образѣ Пилигримища, говоритъ, что новгородскій удалецъ Васька Буслаевъ и его не пощадилъ и вышибъ изъ него духъ. Нельзя не сочувствовать многимъ прекраснымъ наставленіямъ нашихъ духовныхъ писателей; въ нихъ дѣйствительно много любви къ правдѣ, къ добру, много тѣхъ нравственныхъ общечеловѣческихъ началъ, которыя возвышаютъ каждый идеалъ жизни; но по нимъ нельзя заключать, что всѣ эти стремленія и идеалы быстро переходили въ дѣйствительную жизнь. Отсюда невольно возникаетъ вопросъ: отчего же всѣ добрыя старанія оставались безъ успѣха, отчего жизнь не принимала этихъ идеаловъ и крѣпко держалась своихъ, старыхъ, въ которыхъ не были прояснены идеи личности и общественности, въ которыхъ нравственныя основы жизни держались одними родовыми понятіями? Съ этимъ вопросомъ мы приступаемъ къ сочиненію Іосифа Волоцкаго, гдѣ полнѣе, чѣмъ у кого-либо другого, выразился идеалъ христіанина со всѣми его обязанностями. Разсмотримъ его главныя черты и потомъ вглядимся въ дѣйствительность, чтобы видѣть, былъ ли онъ примѣнимъ въ ея средѣ.

Цѣль ученія—изложить, какъ подобаетъ *нынѣ* служить единому Богу. Авторъ признаетъ въ человѣкѣ свободную волю, т.-е. силу или творить заповѣди Божіи, которыя составляютъ свѣтъ и жизнь, или презрѣть ихъ. Эту силу человѣкъ и долженъ такъ направлять въ жизни, чтобы „насла-

диться благихъ, что Господь обѣщалъ любящимъ его". Вѣра, опредѣленная извѣстными догматами, составляетъ первое условіе, чтобы быть христіаниномъ; но съ вѣрою должны соединиться дѣла. Какія же именно дѣла? Подъ именемъ дѣлъ авторъ здѣсь разумѣетъ больше то, что мы называемъ *поведеніемъ*. Совѣты автора вытекаютъ преимущественно изъ аскетическаго взгляда на жизнь: „отдадимъ тѣло свое всему *скорбному и печальному*: *многихъ язвъ оно достойно*, и всѣ святые въ подвигѣ пота ихъ, *въ скорбяхъ* и *въ нуждахъ великихъ* и *постнически* и *мученически* угодили Христу"; „*поработи тѣло*, освободи душу; вдавайся всему скорбному въ это время, чтобы въ будущее время исполниться всякой радости, „оставь земное, да примешь небесное", „пока ты во плоти, не прекращай подвига". Вездѣ жизнь довольная, пріятная, веселая, счастливая отрицается, какъ помѣха для осуществленія христіанскаго идеала. Отсюда вытекаетъ мрачный взглядъ на все земное; онъ вызывается съ одной стороны ничтожествомъ и безсиліемъ человѣка передъ смертью, о которой совѣтуется ему безпрестанно думать, съ другой стороны современною жизнью: „помяни, какъ часто воздвигалось море сіе житейское дѣйствіемъ плоти нашей, сколько бурь, сколько мятежей, сколько вѣтровъ, сколько грѣховъ, сколько слезъ во всѣхъ городахъ, въ домахъ и на торгахъ". Къ этому взгляду присоединяются совѣты о смиреніи, о покаяніи, о нищетѣ и особенно о милостынѣ: „отвори домъ свой не богатымъ, не славнымъ, но убогимъ и нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, и не имѣющимъ, гдѣ главы преклонить". Сюда же относятся и общехристіанскія наставленія: алчущаго накорми, жаждущаго напой и пр. Нельзя особенно не сочувствовать тѣмъ совѣтамъ, гдѣ развивается любовь къ человѣку въ томъ вѣкѣ, когда она слишкомъ мало проявлялась: „бесѣдуя съ нищимъ, не оскорби его; всякому, созданному по образу Божію, не стыдись преклонять главы своей, меньшихъ себя принимай съ любовію... милующій убогаго Богу взаймы даетъ". Всѣ другіе совѣты противоположны по большей части тѣмъ недостаткамъ и грубымъ нравамъ, которыми отличалась современность: будь праведенъ, къ человѣкамъ привѣтливъ, не досадитель, въ отвѣтахъ сладокъ, кротокъ,

несловоохотенъ, незлатолюбецъ, неосудникъ; ступаніе имѣй кроткое, голосъ умѣренъ, слово благочинно и проч.

Всѣ эти качества, конечно, должны были сообщить нравамъ большую мягкость. Но нельзя не замѣтить, что такой идеалъ создался не изъ стремленій дѣйствительной жизни, а изъ отвлеченныхъ созерцаній въ монашеской кельѣ, гдѣ не предполагается никакихъ другихъ жизненныхъ интересовъ, кромѣ одного—спеціально приготовлять себя для неземной жизни. Еслибы даже устранить отъ него весь аскетизмъ, то и тогда онъ былъ бы непрактиченъ для современнаго ему русскаго человѣка, не оставившаго своей среды. Въ вѣкъ насилія ему говорятъ: *„во всемъ благодари, въ скорбяхъ терпи, ко всѣмъ смиренъ будь“*; въ вѣкъ неправды онъ слышитъ: *„плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай; не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми“;* въ обществѣ, гдѣ умъ не научился сдерживать страсти въ сознаніи своего человѣческаго достоинства, гдѣ не существуетъ уваженія личности, онъ слышитъ совѣты: *„укоряемъ будь, а не укоряй, біенъ будь, а не бей, обидимъ будь, а не обижай“*. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ человѣкъ беззащитно отдается на жертву насилія и обидъ, оскорбленій, неправды, обмана, безъ всякой попытки оградить свою личность отъ покушеній чужого эгоизма и чужой страсти. Въ немъ самомъ даже не подозрѣвается никакой страсти: будь кротокъ, смиренъ, молчаливъ, говорятъ ему, при старѣйшихъ молчи, вопрошаемый—отвѣчай, а не вопрошаемый—безмолвствуй и проч. т. п. въ то время, когда вокругъ него кипятъ личные житейскіе интересы, неподчиненные сознанію права каждаго человѣка на жизнь, когда нипочемъ ради нихъ уничтожить человѣка, лишь бы удовлетворить своей страсти, когда, наконецъ, беретъ верхъ постоянно матеріальная сила—и исполняя всѣ эти совѣты, онъ долженъ молчать, уступать, терпѣть, не укорять, даже не оправдываться, даже быть кроткимъ, привѣтливымъ, даже исповѣдывать себя грѣшнымъ передъ людьми. Спрашивается: чѣмъ же долженъ сдѣлаться подобный человѣкъ въ томъ обществѣ, гдѣ во имя христіанскаго идеала ему совѣтуютъ воздерживаться *отъ бесѣдъ женскихъ столько же, сколько и отъ вина: „вино и жены заставляютъ отступать и разумныхъ“*. Вино

и женщина стоятъ наравнѣ... сколько самаго грубаго цинизма предполагается въ такомъ обществѣ; проповѣдникъ не находитъ даже никакихъ мѣръ, чтобы установить нравственныя отношенія между мужчиною и женщиною: онъ видитъ одно средство—пренебрегать женскою бесѣдою. Возможно ли съ такимъ идеаломъ явиться дѣятелемъ въ подобное общество, тѣмъ болѣе, что ему совѣтуется *отказаться мудростей мірскихъ*, которыя будто бы *распяли Господа славы*, слѣдственно, и наука не дается ему на помощь,—наука, которая могла бы незамѣтно дѣйствовать на невѣжественныхъ людей. Такой человѣкъ сдѣлался бы забитымъ, ничтожнымъ, юродивымъ въ жизни. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали идеалъ, передаваемый міру нашими духовными писателями, непрактичнымъ для міра. Каждый человѣкъ, который его усвоиваетъ себѣ, видѣлъ полную невозможность жить съ нимъ въ мірѣ и дѣйствовать для жизненныхъ интересовъ; онъ тотчасъ же оставлялъ свою среду и удалялся въ монастырь, гдѣ онъ могъ быть и кротокъ, и смиренъ, и молчаливъ.

Впрочемъ, самъ Іосифъ доказалъ на дѣлѣ, фактами своей жизни, какъ трудно оставаться постоянно вѣрнымъ отвлеченно-созданному идеалу, лишь только человѣкъ придетъ въ соприкосновеніе съ настоящей жизнью, оставивъ свои келейныя созерцанія. Онъ, преданный аскетизму по убѣжденію, повидимому, научившійся обуздывать страсти и торжествовать надъ ними, отдается имъ безотчетно, лишь только коснулось дѣло интересовъ, близкихъ его сердцу. Первымъ его искусомъ была жидовская ересь: она вызвала противъ себя нѣсколько обличительныхъ сочиненій со стороны Іосифа.

Имѣя въ виду тотъ идеалъ, который онъ, передавая міру, считалъ совершеннымъ и возможнымъ въ житейскомъ примѣненіи, мы ожидаемъ встрѣтить въ его словахъ спокойное, разсудительное обличеніе, кроткое увѣщаніе, наконецъ, сердечную скорбь о согрѣшающихъ; но вмѣсто того слышимъ слова гнѣва и проклятія—гдѣ эти спокойные келейные совѣты: *бѣсъ будь, а не бей; обидимъ будь, а не обижай; укоримъ будь, а не укоряй?* Они забыты при первой вспышкѣ досады и гнѣва, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью,

забыты въ той самой кельѣ, гдѣ писались. Гдѣ эта терпимость, эта безстрастность, которая, казалось, проникала до костей весь идеалъ его? Тутъ онъ уже забываетъ всякое человѣколюбіе, провозглашая, что *убивать еретика руками или молитвою все то же*, что онъ не признаетъ въ отступникахъ и покаянія, если только оно вынуждено страхомъ казни. Наконецъ Іосифъ уже прямо взываетъ къ властямъ: „мы невѣрующихъ въ святую и единосущную Троицу повелѣваемъ *мечемъ посѣщи, и богатство ихъ на расхищеніе предать;* повелѣваемъ ихъ *казнямъ люпымъ предавать наравнѣ съ ворами и разбойниками*“. Здѣсь онъ сравнился со всѣми тѣми, которые не знали границъ своей злобѣ и мщенію, взявъ силою верхъ надъ своими врагами. Іосифъ оправдываетъ себя подражаніемъ пастухамъ, защищающимъ свое стадо: „когда невѣрные еретики православныхъ не прельщаютъ, можно оставлять ихъ въ покоѣ, но когда они совращаютъ вѣрныхъ, тогда надобно ихъ не только ненавидѣть и осуждать, но *проклинать и язвить, и тѣмъ руку свою освятить*“. Но такимъ же образомъ можетъ оправдываться каждый, кто считаетъ на своей сторонѣ истину, соединенную съ силою, кто думаетъ, что онъ защищаетъ общіе интересы. Проповѣдникъ забылъ, что пастухъ защищаетъ свое стадо отъ волковъ, а не отъ овецъ, отставшихъ отъ его же стада и заблудившихся.

Мы не осуждаемъ Іосифа, оправдывая его кровавую ревность духомъ нетерпимости того времени, но мы хотимъ только показать, какъ у него самого недостало силы остаться вѣрнымъ своему идеалу, которымъ даже восхищаются и въ настоящее время.

Къ удовольствію Іосифа, еретики въ желѣзныхъ клѣткахъ запылали на кострахъ въ глазахъ у народа, которому изъ монашеской скудной кельи передавались идеалы любви, смиренія, кроткаго обхожденія и пр. Палачи вооружались клещами и ножами, вырывали или отрѣзывали языки у еретиковъ менѣе преступныхъ, другихъ бросали въ душныя и сырыя тюрьмы въ виду той же толпы, для которой писались совѣты: *плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай:* они имѣютъ *своего судію, который воздастъ каждому по дѣламъ его; ярость да не насилуетъ тебя, похоть да не держитъ: не держите мести ни*

на кою, чтобы зломъ воздать за зло. Какое противорѣчіе между тѣмъ и другимъ! Какая безсознательная страшная насмѣшка надъ этимъ высокимъ идеаломъ, который въ келейной тиши прельщаетъ воображеніе иноковъ!

И это замѣтили, къ чести тогдашняго монашества, тѣ монастыри, которые своею жизнью не удовлетворяли строгихъ аскетовъ, тѣ, которые имѣли съ міромъ больше связей и, слѣдственно, больше любили міръ и были къ нему снисходительнѣе—монахи Кириллова и вологодскихъ монастырей. Они написали протестъ Іосифу, обличая его, что онъ измѣнилъ тому христіанскому идеалу, которому долженъ бы былъ свято слѣдовать, протестъ, интересный по силѣ доказательствъ, взятыхъ изъ той сферы, гдѣ самый идеалъ находилъ себѣ живую душу. Сознаніе правоты своего взгляда возбуждаетъ въ пишущихъ иронію, уничтожающую нравственныя основы поступка Іосифа. „Что ты, господинъ старецъ Іосифъ, писалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, то такъ; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господу и сказалъ ему: если ихъ погубишь, то меня прежде ихъ погуби; и Богъ не погубилъ Израиля, Моисея ради. Видишь ли, господинъ, какъ любовь Моисеева къ согрѣшившимъ превозмогла самый гнѣвъ Божій... Но тогда еще былъ ветхій законъ; намъ же въ новой благодати явилъ Владыко христолюбивый союзъ—не осуждать брату брата, а только единому Богу судить согрѣшенія человѣческія... Петръ апостолъ Симона волхва молитвою разбилъ; и ты, господинъ Іосифъ, *сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника.* Если же Богъ приметъ еретика или грѣшника на покаяніе, то *не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя...* Левъ, епископъ катанскій, Ліодора волхва эпитрахилью связалъ и сжегъ при греческомъ царѣ, то такъ. А ты, господинъ Іосифъ, *зачѣмъ не испытаешь своей святости,* зачѣмъ не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею? *Пока бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, а мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, изъ пламени вышедшихъ, да и приняли.* Поразумѣй, господинъ Іосифъ, какъ много розни промежъ Моисея и Иліи, и Петра и Павла, *да и тебя отъ нихъ.*

Кто бы, господинъ, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, еслибы не самъ Господь показалъ его людямъ надъ грѣшниками... Вспомни, когда апостолъ Петръ спросилъ Господа: „Господи, аще братъ согрѣшитъ въ мя до седьмижды днемъ, прощу ли его? Что отвѣчалъ ему Господь? „Не глаголю ти *до седьмижды*, но *до семьдесятъ седмерицею* прости“ *).

Этотъ урокъ отъ своихъ собратій долженъ былъ живо почувствовать Іосифъ, хотя онъ шелъ также изъ келыи, гдѣ и самъ Іосифъ въ безстрастномъ состояніи могъ изображать возвышенные идеалы и указывать на ихъ уклоненія. Для насъ особенно важно здѣсь столкновеніе съ жизнью, которой не выдерживали сами, повидимому, эти крѣпкіе духомъ идеалисты. Въ другой разъ, при новомъ случаѣ, когда задѣты были близкіе интересы волоколамскаго старца, онъ снова измѣняетъ тому идеалу, которому самъ предписывалъ смиреніе, терпѣніе, молчаніе передъ старшими и проч. Не выдержалъ онъ, когда волоколамскій удѣльный князь Ѳеодоръ Борисовичъ сталъ притѣснять его монастырь; безсиленъ оказался совѣтъ: „во всемъ благодари, въ скорбяхъ терпи, плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай“. Іосифъ обратился съ жалобою къ великому князю и къ митрополиту Симону, тогда какъ по духовной іерархіи былъ подчиненъ новгородскому архіепископу Серапіону. Правда, въ то время сношенія съ Новгородомъ были прерваны по случаю язвы, которая тамъ свирѣпствовала; но Іосифъ не могъ не знать о той національной щекотливости, которая всегда отличала новгородцевъ и ихъ власти въ отношеніи къ Москвѣ.

„При старѣйшихъ молчи, вдавайся всему скорбному, не вопрошаемый безмолвствуй, ступаніе имѣй кроткое, голосъ умѣренъ!“ Еслибы онъ въ своей досадѣ и огорченіи помнилъ эти идеальныя правила, то, конечно, выждалъ бы, когда откроются сношенія съ Новгородомъ; тогда бы оправдалъ и другія правила: „будь праведенъ и терпѣливъ въ напастяхъ“. Но пользуясь натянутыми отношеніями между новгородцами и Москвою, онъ обратился къ московскимъ властямъ, зная, конечно, что онѣ воспользуются случаемъ досадить новго-

*) Исторія Шевырева, ч. IV, стр. 173—174.

родцамъ, вмѣшавшись въ дѣло, которое касалось новгородской епархіи. Поступокъ до того безтактный, что расшевелилъ страсти съ обѣихъ сторонъ, тогда какъ въ идеалѣ слѣдовало бы смирять и свои собственныя страсти, не только разжигать ихъ въ другихъ. Серапіонъ, узнавъ о поступкѣ Іосифа, сильно разсердился на него и даже отлучилъ его отъ церкви, ссылаясь на свое законное право, что *онъ воленъ въ своемъ чернецѣ*. Имѣя въ виду все тотъ же идеалъ, вы ожидаете полнаго смиренія со стороны отлученнаго. Не онъ ли съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ: *„не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми, укоряемъ будь, а не укоряй, біенъ будь, а не бей, обидимъ будь, а не обижай“*? Но Іосифъ забылъ эти наставленія, лишь только вступилъ на дорогу житейской борьбы. Онъ снова обратился, къ митрополиту, къ великому князю и къ московскимъ боярамъ съ жалобою на Серапіона. Конечно, всѣ они приняли его сторону, на что и прежде не могъ онъ не надѣяться при извѣстныхъ московско-новгородскихъ отношеніяхъ. Итакъ, онъ воспользовался силою уже прямо для своихъ личныхъ интересовъ и, разумѣется, восторжествовалъ и убѣдился на собственномъ опытѣ, отчего люди предпочитаютъ сильнаго безсильному тамъ, гдѣ существуетъ кулачное право. Серапіонъ лишился своего мѣста и самъ былъ отлученъ отъ церкви.

Въ прахъ разлетѣлись всѣ идеальные уроки аскета!

Если въ настоящей, а не въ монашеской жизни не выдерживали такія личности, какъ Іосифъ, то что же можно было требовать отъ другихъ, которыя никогда не отрекались отъ житейскихъ интересовъ и никогда въ такихъ подробностяхъ не развивали своихъ нравственныхъ идеаловъ? Какъ люди практическіе, они не могли не видѣть, что къ ихъ жизни, обстановка которой не отъ нихъ зависѣла, непримѣнимъ этотъ проповѣдуемый идеалъ, и они не принимали его. Чтобы подѣйствовать на нихъ благотворно и крѣпко связать съ ними новый идеалъ жизни взамѣнъ прежняго, суроваго и эгоистическаго, нужно, чтобы въ немъ самомъ развивался живой интересъ дѣйствительности, который бы побуждалъ энергически дѣйствовать въ своей средѣ, а не отрывалъ бы

отъ нея. Нужно было, чтобы явился проповѣдникъ не изъ другой сферы, не связанной ничѣмъ съ настоящей дѣйствительностью, потому знакомый съ нею только издали, какъ посторонній наблюдатель, а изъ той же самой среды, не прервавшій съ нею связей, и потому знающій, что̀ возможно и примѣнимо въ ней. Нужно было не вооружать религію противъ жизни, не отдѣлять ее отъ жизни какъ сферу независимую ни отъ чего, которая можетъ существовать сама по себѣ, не обезсиливать человѣка въ его средѣ, передавая ему новый идеалъ и отнимая средства защиты при грубомъ покушеніи на его личность, а напротивъ, крѣпко связать со всѣми житейскими интересами любовь и истину, на которыхъ основывается христіанство. Нужно было развивать въ идеалѣ сознаніе права каждой личности на жизнь и на этомъ основаніи изображать нравственныя отношенія между людьми; нужно было внушать не молчаніе, когда тебя оскорбляютъ, не бездѣйствіе, когда тебя бьютъ, а напротивъ, твердое убѣжденіе въ необходимости защищать свои человѣческія права. Такой проповѣдникъ долженъ былъ громко взывать къ властямъ, чтобы онѣ твердыми законами ограничивали господство личной силы, и дали бы жить каждому человѣку, какъ бы слабъ онъ ни былъ. Этотъ идеалъ, развивая общечеловѣческія начала жизни, былъ бы въ то же время и христіанскимъ идеаломъ. Правда, въ немъ не было бы ничего аскетическаго; но въ немъ бы оставались яркими любовь и истина, которыя признавали за основу христіанства и всѣ наши аскеты писатели. Этотъ идеалъ не уничтожалъ бы и человѣка въ его средѣ, не заглушалъ бы въ немъ его живыхъ стремленій заявить свою личность въ общественной дѣятельности, потому что начала общечеловѣческія, составляющія его нравственную силу, всегда живятъ, а не мертвятъ. Но такого идеала и такого проповѣдника не являлось, да и не могло явиться въ то время. Та среда, гдѣ могли развиваться высшіе интересы жизни, была оторвана отъ массы, имѣя пристрастіе лишь къ аскетическимъ стремленіямъ, и потому не понимала всѣхъ сторонъ жизни и всѣхъ правъ человѣка на эту жизнь. Она даже была не расположена къ мірской мудрости, т.-е. къ наукѣ, и не пользовалась ея силами А безъ науки и изъ

массы никто не могъ возвыситься до того, чтобы изъ самой жизни вынести лучшій идеалъ, способный жить въ мірѣ, а не въ кельѣ. Изъ массы, какъ мы видѣли, выходили только въ монастыри. Наконецъ, власти... у власти развивался свой идеалъ, и на немъ необходимо долженъ остановиться историкъ литературы, такъ какъ онъ выразился въ произведеніяхъ тогдашнихъ писателей.

IX.

Этотъ идеалъ развивался постепенно, не одно столѣтіе подъ разными вліяніями; отсюда вытекаетъ небходимость связать его съ прошедшимъ временемъ, т.-е. прослѣдить его развитіе, въ чемъ собственно и заключается цѣль исторіи.

Мы уже видѣли, какъ выразился идеалъ князя въ первую эпоху нашего литературнаго развитія, особенно въ поученіи Мономаха, гдѣ отчасти уже видно сознаніе отвѣтственности князя передъ высшимъ авторитетомъ за всѣ дѣла общаго интереса; по крайней мѣрѣ оно требуетъ вездѣ княжескаго глаза и труда. Это сознаніе черезъ сто лѣтъ уже ясно высказывается въ бесѣдѣ между полоцкимъ княземъ Константиномъ и тверскимъ епископомъ Симеономъ, который самъ былъ изъ князей. Князь спрашиваетъ у епископа: гдѣ тіуну быть на томъ свѣтѣ? Симеонъ отвѣчаетъ: гдѣ и князю. Князю не полюбился отвѣтъ; онъ говоритъ: тіунъ неправедно судитъ, мзду беретъ, людей продаетъ, мучитъ, зло всякое дѣлаетъ, а я что? Симеонъ отвѣчаетъ: если князь добръ, богобоязливъ, жалѣетъ о людяхъ, правду любитъ, то тіуна и властеля выбираетъ такого же: тогда и князь въ раю, и тіунъ въ раю. Если же князь безъ Божьяго страха, христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не печалуется и въ тіуны и властели ставитъ человѣка злого, лишь бы только князю товару добывалъ, тогда и князя въ адъ, и тіуна съ нимъ въ адъ *).

*) Истор. Шевырева, ч. III, стр. 43—44.

Въ XIII столѣтіи и особенно въ XIV, когда великое княженіе перешло сперва въ суздальскую область, а потомъ въ Москву, нѣкоторыя черты прежняго идеала начинаютъ утрачиваться и взамѣнъ ихъ развиваться новыя. Идеалъ высшей власти сталъ переходить изъ князя-воина, удалого предводителя дружины, въ князя-хозяина, князя-пріобрѣтателя, собирателя русской земли и наконецъ царя. Это перерожденіе совершалось съ помощью духовенства и татаръ; разумѣется, оно должно было измѣнить и отношеніе князя къ дружинѣ. Византійское понятіе о верховномъ правителѣ, какъ о владыкѣ, кесарѣ, полномъ господинѣ своего народа стало переходить прежде всего въ духовенство, которое и помогало князьямъ развивать эти понятія. Такъ въ XIII стол. въ „ученіи ко всѣмъ христіанамъ читаемъ: „Пріяйте князя главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею: не возмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея... *Если кто отъ своего князя къ иному князю отъѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ жидовскимъ*". Эти слова еще мало вяжутся съ тѣмъ временемъ, когда князья постоянно мѣняли свои удѣлы, слѣдственно, не могли имѣть крѣпкихъ связей съ народомъ, которому нечего было и ждать отъ нихъ счастливой и спокойной жизни. Равнымъ образомъ дико должно было звучать въ ушахъ дружины сравненіе съ Іудою того, кто отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому, потому что такой отъѣздъ съ развитіемъ удѣловъ считался законнымъ правомъ каждаго дружинника. Но въ этихъ новыхъ для того времени словахъ уже слышится голосъ будущаго: князь изъ воина и судьи переходитъ въ хозяина и въ господина.

Въ русскомъ народѣ поется пѣсня:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Въ этихъ стихахъ много историческаго смысла. Время Грознаго есть результатъ всего предшествовавшаго московскаго періода. Первый великій князь московскій Иванъ Калита уже сталъ готовить Руси будущаго грознаго царя, какимъ

явился Иванъ Васильевичъ. Онъ дѣйствительно *зачинался* тогда, когда зачиналась Москва. Въ ней вскорѣ по ея зачатіи является переводъ вопросовъ и отвѣтовъ греческаго писателя Анастасія Синаита. Этотъ трудъ приписываютъ митрополиту Алексѣю. Первый вопросъ въ немъ касается опредѣленія властей. „Такъ какъ всѣ власти мірскія учинены отъ Бога, то всякій ли царь, или князь, или епископъ отъ Бога поставляется?“ Вопросъ поставленъ довольно искусно; не менѣе искусно придуманъ и отвѣтъ на него: „Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему. Ясно, что нѣкоторые изъ царей или князей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются *за недостоинства людей, по злобѣ ихъ; по Божью попущенью и хотѣнью*“... Приводятся два примѣра: мучителя Фоки въ Царьградѣ и одного недостойнаго епископа Фиваиды. „И такъ, когда видишь недостойнаго, злого царя, или князя, или епископа, не дивися, *ни Божія промысла оглаголуй*, но научися и вѣруй, что *по беззаконію нашему такимъ мучителямъ предаемся*“.

Г. Буслаевъ, разбирая разныя преданія и сказанія объ основаніи Москвы, заключаетъ: „Мрачныя преданія литературы и народной поэзіи доносятся до насъ изъ темной варварской эпохи съ береговъ Клязьмы и Москвы рѣки. Сколько ни старались украсить эти воспоминанія услужливые повѣствователи XVII в. различными риторическими выдумками, все же изображали мѣстность московскую въ темной глуши, съ дебрями и топкими болотами, а вмѣсто красныхъ селъ и слободъ боярина Кучки, видѣли бѣдныя хижины отшельниковъ, которыхъ даже лестное предсказаніе о Москвѣ облекалось въ суровыя фразы, намекавшія на татарщину: „въ Москвѣ умножатся *разныхъ ордъ* люди“, говорило оно князю Ивану Даниловичу... Съ основаніемъ Москвы, также какъ и съ возвышеніемъ Владиміра (города) соединяется въ сказаніяхъ память о какомъ-то великомъ преступленіи, о кровавой драмѣ. Еще Карамзинъ приводитъ слѣдующія слова одного стариннаго повѣствователя: „Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: *Москва также на крови основана* и къ изумленію враговъ нашихъ

сдѣлалась царствомъ знаменитымъ..." *). „Ничего утѣшительнаго *въ нравственномъ отношеніи* не представляютъ намъ древнѣйшія преданія Москвы изъ ранней эпохи татарскаго господства. Если темная память соединяется въ нашихъ сказаніяхъ съ Москвою временъ Великаго князя Ивана Васильевича и митрополита Алексѣя, то еще мрачнѣе отзываются въ сказаніяхъ предшествующія тому событія. Мученическая смерть князя Михаила Тверского возбудила къ Москвѣ *непримиримую ненависть* въ тѣхъ городахъ, гдѣ *старыя національныя преданія* могли противопоставить татарскому насилію какіе-либо *нравственные принципы*. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими нравами Москвы и, безъ сомнѣнія, не изъ этого города распространилась и доселѣ живетъ въ народѣ пѣсня, въ которой онъ горько протестуетъ противъ хана Узбека, тестя Георгія Даниловича, и друга, и союзника, и покровителя московскихъ князей Ивана Калиты и Симеона... Какъ смотрѣли старые города на подвиги зачинавшейся Москвы, можно видѣть изъ участія, какое Псковъ принималъ въ семействѣ замученнаго князя Михаила Тверского **).

Эти слова прекрасно изображаютъ положеніе Москвы среди другихъ русскихъ городовъ и княжествъ. Въ то время, когда тѣ держатся за свои прежніе идеалы, она начинаетъ развивать новые, нравственныя основанія которыхъ кажутся слишкомъ подозрительными въ ихъ глазахъ. Она пользуется, какъ говоритъ г. Буслаевъ, антинаціональными средствами, ненавистными для другихъ. Она употребляетъ въ свою пользу татарскую силу и ею стремится подчинить себѣ всѣхъ князей, а непослушныхъ погубить, взявъ себѣ ихъ удѣлы, и въ то время, какъ другіе гибнутъ въ ордѣ за свою княжескую честь, князья московскіе предпочитаютъ всякія униженія и не стыдятся слыть холопами татарскихъ хановъ. Они торжествуютъ въ своей землѣ, находя себѣ одобреніе и опору въ высшей духовной власти, которая ставила *сми-*

*) Лѣтописи русск. лит. и древн., т. IV; Сказанія московскія, владимірскія и новгородскія, стр. 13—18.

**) Лѣт. русск. лит. и древн., кн. VI, стр. 66.

реніе самою высокою добродѣтелью, и въ то же время идеалъ князя старалась, по византійскимъ понятіямъ, окружать ореоломъ святости. И дѣйствительно, московскіе князья смирялись даже передъ татарскими баскаками, но зато, по мѣрѣ своей силы и успѣховъ, требовали себѣ такого же холопскаго подчиненія отъ другихъ. Здѣсь уже не было мѣста тѣмъ многимъ прекраснымъ чертамъ, которыя являлись въ идеалѣ князя прежней эпохи. Удальство, личная храбрость, заботы о чести княжеской и дружинной, все это перешло въ хитрость, въ лукавство, въ интриги, въ неправду, которыя должны были употреблять князья для того, чтобы твердо поставить себя въ двусмысленное положеніе—вѣрныхъ холопей въ отношеніи къ татарамъ и сильныхъ князей-господъ въ отношеніи всей Руси. Не похожи Иванъ Калита и его преемники ничѣмъ на Владиміра Мономаха, хотя и считали его своимъ родичемъ.

Только въ Димитріи Донскомъ нѣсколько проявляется духъ прежнихъ князей, когда онъ рѣшился свои средства, собранныя всякими путями съ помощью силъ татарскихъ, обратить противъ самихъ же татаръ и тѣмъ какъ бы возстановить московскую честь, которая не пользовалась доброю славою. Но онъ не нашелъ себѣ такого пѣвца, какого нашелъ Игорь въ пѣвцѣ Слова о полку Игоря. Его воспѣлъ монахъ, обворовавъ пѣвца Игоря, какъ только возможно, и все же донской герой явился нисколько не похожимъ на того удалого, отважнаго князя, который ополчился противъ половцевъ за землю русскую. „Въ немъ нѣтъ удальства“, по характеристикѣ Шевырева, онъ не вѣритъ въ особенныя свои силы. „Кротокъ есть человѣкъ Димитрій“, скажемъ о немъ словами его врага Олега (по сказанію Задонщины, а не въ самомъ дѣлѣ). Образъ смиреномудрія онъ носилъ на себѣ; личную волю свою облекаетъ въ оружіе вѣры, покорности промыслу и въ самоотверженіе. Въ его мужествѣ дѣйствуетъ высшая сила. Онъ самъ начальникъ побѣды и едва не палъ въ числѣ первыхъ жертвъ ея. Дѣло вѣнчается успѣхомъ какъ бы не отъ собственныхъ силъ совершителя, а отъ той незримой силы, которой онъ самъ служилъ только вѣрнымъ орудіемъ“. Такимъ представилъ его

монахъ; такими же старались представлять себя и московскіе князья, опираясь на духовенство и на книги его сочиненія. Здѣсь уже виденъ зародышъ того идеала царя, который всецѣло выразился въ сочиненіи Грознаго.

Впослѣдствіи, когда Иванъ Васильевичъ III, выказавъ много ума, хитрости, изворотливости и сильной воли, какъ князь-господинъ всея Руси, не выказывалъ уже никакой доблести князя-воина, духовникъ его Вассіанъ счелъ нужнымъ напомнить ему объ этомъ главномъ качествѣ прежняго идеала князя. Когда Иванъ Васильевичъ стоялъ съ войскомъ на Угрѣ, боясь вступить въ бой съ татарскими силами: „поревнуй прародителямъ твоимъ", пишетъ Вассіанъ; „не только обороняли они русскую землю отъ поганыхъ, но и иныя страны подъ себя принимали. Припомни Игоря, Святослава, Владиміра, бравшихъ дань съ царей греческихъ; припомни Владиміра Мономаха, какъ бился онъ съ окаянными половцами за русскую землю, и иныхъ многихъ. Припомни Дмитрія, какое мужество показалъ онъ надъ окаянными сыроядцами, какъ не убоялся татарскаго множества, но забывъ жену и дѣтей и не усумнясь, рѣшился на подвигъ, желая исхитить изъ волчьихъ устъ Мамая словесное стадо овецъ Христовыхъ"...

Вмѣстѣ съ этимъ совѣтомъ Вассіанъ давалъ ему и другой, который не могъ не прійтись по душѣ великому князю, такъ какъ и онъ самъ и его предшественники уже не разъ пользовались подобными же умозаключеніями: „Если же ты вопреки сему скажешь: мы подъ клятвою отъ прародителей—не поднимать руки противъ царя (хана татарскаго), послушай *боголюбивый царь*: когда клятва дана по нуждѣ, прощать и разрѣшать отъ нея повелѣно намъ. Такъ святѣйшій митрополитъ и мы, и весь боголюбивый соборъ прощаемъ, и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя *не яко на царя*, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. *Лучше солгавши животъ получить, нежели истинствуя погибнуть*".

При такомъ нравственномъ основаніи дѣйствій, опираясь на одобреніе духовныхъ лицъ, Москва дѣйствительно возвышалась. Замѣчательно въ тѣхъ же словахъ Вассіана, что

онъ, назвавъ царемъ татарскаго хана, потомъ переноситъ этотъ титулъ на великаго князя.

Подъ именемъ царя въ прежнюю эпоху у насъ разумѣли греческаго императора, облеченнаго тою самодержавною властью, какой русскій народъ еще не зналъ. Во времена татарскія этимъ именемъ называли хана золотой орды. Слѣдственно, въ первую эпоху слово царь для русскихъ представляло что-то чужое, не свое, далекое, отвлеченное; во вторую онъ уже чувствовалъ на себѣ эту власть, эту магическую силу царя, но самого его еще не видалъ; онъ все еще представлялся въ далекомъ отвлеченномъ образѣ. Наконецъ московскимъ князьямъ удалось окончательно свергнуть татарское иго, и царскій титулъ съ татарскихъ хановъ сталъ переходить на великихъ князей; конечно, со словомъ перешло и понятіе, связанное съ нимъ въ теченіе вѣковъ. Московскіе князья слишкомъ хорошо были знакомы съ тою властью, которая надъ ними тяготѣла. Взявъ надъ нею верхъ, они сами стали стремиться ею пользоваться и окружать себя силою и величіемъ высшей власти. И вотъ наконецъ является идеалъ царя, неограниченнаго владыки всей Руси, никому неподвластнаго, назначеннаго самимъ Богомъ.

При такомъ развитіи идеала верховной власти и самое положеніе дружины должно было измѣниться. Она также была причастна власти, но исключительно военный ея характеръ теряется. По мѣрѣ утвержденія удѣловъ за извѣстнымъ княжескимъ родомъ, дружина уже дѣлалась осѣдлою, получивъ отъ князей земли въ свое пользованіе. Она выходила въ поле вмѣстѣ съ своимъ княземъ, но когда князь проигрывалъ битву, и его удѣлъ присоединялся къ Москвѣ, его дружина, если и оставалась на своихъ земляхъ, то съ обязанностью служить великому князю. Московская дружина обратилась въ великокняжескій *дворъ*; дружинники сдѣлались *дворянами*, которыхъ князь назначалъ на разныя административныя мѣста. Воевода уже пересталъ означать военачальника, а означалъ правителя города или области. Связь между московскимъ княземъ и его дружиною идеально выразилась въ „Словѣ о преставленіи и житіи великаго князя Димитрія“.

Здѣсь умирающій Димитрій Донской такимъ образомъ обращается къ своимъ боярамъ: „вѣдайте обычаи мои и нравы: передъ вами родился и при васъ взросъ, съ вами и царствовалъ и землю русскую держалъ двадцать шесть лѣтъ, и мужествовалъ съ вами на многія страны, враговъ покорилъ, княженіе укрѣпилъ, миръ и тишину землѣ сотворилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, къ вамъ честь и любовь имѣлъ, подъ вами города держалъ и великія волости и чадъ вашихъ любилъ, никому не сдѣлалъ зла, ни силой что̀ отнялъ, ни досадилъ, ни укорилъ, ни разграбилъ, ни безчинствовалъ, но всѣхъ любилъ и всѣхъ въ чести держалъ и веселился съ вами, и скорбѣлъ; *вы же не назывались у меня боярами, но князьями земли моей*.

Впослѣдствіи Вассіанъ въ письмѣ къ Ивану Васильевичу III говорилъ словами философа Демокрита изъ Пчелы: „Князю подобаетъ имѣть умъ ко всему временному, на супостатовъ крѣпость и храбрость, *а къ своей дружинѣ любовь и сладкій привѣтъ*».

Такимъ образомъ по идеальнымъ представленіямъ земля можетъ наслаждаться спокойствіемъ и счастіемъ, а князь пользоваться удачами и многою славою только тогда, когда существуетъ самая тѣсная дружелюбная связь между княземъ и дружиною, когда князь заботится объ интересахъ дружины, а эта послѣдняя объ интересахъ княжескихъ. Здѣсь пока еще не царь и рабы, а князь и совѣтники его. Такъ и смотрѣли на себя московскіе бояре, но вотъ наконецъ въ ихъ кругъ вступаютъ дѣти и внуки удѣльныхъ князей, также выходцы изъ сосѣднихъ странъ. Князь обратился въ царя, дружина въ дворъ и царедворцевъ. Въ малолѣтство Грознаго они являются уже далеко не тѣми, какими мы видѣли ихъ въ малолѣтство Донского: тамъ общія заботы о томъ, чтобы удержать за своимъ княземъ великое княженіе, здѣсь же личныя заботы удержать за своимъ родомъ или партіей вліяніе на князя и власть надъ государствомъ для своихъ личныхъ интересовъ *). Итакъ, интересы всѣхъ въ самыхъ

*) Въ исторіи г. Соловьева: «Къ концу первой половины XV вѣка дворъ великаго князя московскаго наполняется пришельцами новаго рода, князьями

идеалахъ разрознились, отсюда и вытекаетъ то столкновеніе между царемъ и его боярами или царедворской дружиною, какое мы встрѣчаемъ въ царствованіе Грознаго. Мы видѣли,

---

потомками Рюрика и Гедимина, которые по своему происхожденію становятся на первомъ планѣ, оттѣсняютъ старыхъ бояръ на второй, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ къ себѣ ихъ непріязнь. Такимъ образомъ вмѣсто увеличенія силъ дружины отъ прилива князей, силы уменьшаются, ибо происходитъ раздѣленіе интересовъ. Притомъ князья являются въ Москву съ одними притязаніями на важное значеніе безъ средствъ поддержать ихъ. Въ томъ же самомъ положеніи относительно средствъ находятся всѣ бояре, вся знать, т.-е. всѣ они бѣдны средствами. Князья и бояре бѣдны, а великій князь очень богатъ; онъ промыслилъ себѣ множество земель, и земля при младенческомъ состояніи московскаго государства, государства земледѣльческаго, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержанія... Великій князь рѣзко выдѣляется, высоко поднимается надъ старшими дружинниками по своимъ независимымъ средствамъ, по своему значенію для остального народонаселенія страны; среди всеобщей бѣдности онъ одинъ могъ окружить себя великолѣпіемъ, такъ сильно дѣйствующимъ на воображеніе... Въ московскомъ государствѣ названіе дружины исчезаетъ, ибо исчезаетъ понятіе. Чѣмъ же оно постепенно замѣняется? Изъ-за дружины сначала выступаетъ дворъ и производное отъ него дворянинъ и пріобрѣтаетъ все больше и больше силы. Сначала бояре и дѣти боярскіе сохраняютъ относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ съ возвышеніемъ значенія государя и его двора названіе дворянинъ беретъ верхъ надъ названіемъ сынъ боярскій и послѣднимъ означается низшій классъ военныхъ людей; съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ вождю выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю и является для военныхъ людей названіе *служилые люди* въ противоположность всему остальному народонаселенію, которое не поднимается, сохраняетъ попрежнему относительно военныхъ людей значеніе мужиковъ; но и военные люди уже болѣе не мужи, а служилые люди, холопи государя. Но было еще другое названіе, которое обозначало вознагражденіе за службу, названіе *помѣщикъ*... Если названіе служилый человѣкъ опредѣляло отношеніе къ государю, то названіе помѣщикъ опредѣляло отношеніе къ землѣ, къ народонаселенію, которое должно было содержать военнаго человѣка... Превращеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на перемѣну въ характерѣ военнаго русскаго сословія. Въ членахъ подвижной дружины, перебѣгавшей съ княземъ своимъ изъ одной области въ другую, безпрестанно готовой переѣдаться съ дружинами враждебныхъ князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость... Но характеръ долженъ былъ необходимо измѣниться, когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все

какъ вся историческая обстановка способствовала развитію идеала царя по мѣрѣ того, какъ Москва возвышалась, освобождая Русь отъ татарской власти. Онъ перешелъ по наслѣдству и къ Ивану Васильевичу Грозному, пламенное воображеніе котораго оживило его въ самыхъ яркихъ чертахъ, особенно когда были сокрушены и послѣднія татарскія силы. Онъ освятилъ свой идеалъ торжественнымъ церковнымъ короннованіемъ, чего не могли еще сдѣлать его предшественники. Византійское понятіе о власти, давно признаваемое и освящаемое духовенствомъ, въ соединеніи съ тою ордынскою властью надъ Русью, къ которой давно привыкла народная мысль, во всемъ своемъ блескѣ и во всей полнотѣ выразилась въ идеалѣ Грознаго.

Онъ, какъ мы уже сказали, есть необходимый результатъ всего прошедшаго времени. Явившись съ такимъ идеаломъ и вѣруя въ его святость, царь нашелъ, что дѣйствительность не вполнѣ соотвѣтствуетъ ему. Бояре и царедворцы, какъ бывшая дружина, еще считали за собою права совѣтниковъ, еще не забыли, что они не такъ давно имѣли право по собственной волѣ переходить отъ князя къ князю, а юридически и теперь считали за собою это право; но всѣ эти идеальныя представленія изъ прежнихъ временъ уже не согласовались съ идеаломъ новаго времени.

Если, съ одной стороны, такъ артистически выработался идеалъ царя, то онъ же, съ другой стороны, требовалъ не совѣтниковъ, не слугъ, служащихъ по какому-то старому договору, а рабовъ, безпрекословно ему подчиненныхъ. Если прежде московская дружина помогала своимъ князьямъ все закрѣплять за Москвою, то настало наконецъ время и ей закрѣпиться за царемъ, когда въ немъ соединились всѣ раздробленныя власти. Прежняя связь между нею и княземъ не могла существовать. Закрѣпостивъ за собою все дальнее,

---

мирное время до перваго призыва. Онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ и привыкалъ съ своему мирному положенію, которое становилось для него естественнымъ, постояннымъ, а военное время случайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться... (т. XIII, стр. 29—32, 79—81).

идеалъ не могъ болѣе развиваться въ эту же сторону, пока не закрѣпоститъ за собою же самаго близкаго; съ нимъ ему нужно было установить тѣ отношенія, которыя вытекали изъ самыхъ свойствъ его. За такое дальнѣйшее развитіе идеала и принялся Грозный; это-то самое и выражается въ его перепискѣ съ княземъ Курбскимъ. Ихъ понятія и взгляды совершенно противоположны. Одинъ, держась за свой идеалъ, освященный въ его глазахъ самимъ Богомъ, не находитъ въ дѣйствительности тѣхъ покорныхъ рабовъ, которые бы преклонялись передъ его священнымъ величіемъ; другой, напротивъ, держась прежнихъ понятій объ отношеніи князя и дружины, стоитъ за свои права и не хочетъ признать правъ новаго идеала. Грознаго смущаютъ и волнуютъ даже дѣтскія воспоминанія, когда ему приходитъ на память, что передъ нимъ, играющимъ ребенкомъ, князь Шуйскій не стоялъ, какъ слѣдуетъ рабу предъ властелиномъ, а „сидитъ на лавкѣ локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ“. „И таковая гордыня кто можетъ понести!“ восклицаетъ онъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что *Божіимъ изволеніемъ* дѣду нашему, великому государю, Богъ поручилъ предковъ Курбскаго (князей ярославскихъ) *въ работу* и они, *давъ свои души*, до смерти служили и вамъ, *своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ*. Вездѣ онъ называетъ себя владыкою, требуя себѣ рабскаго подчиненія. Отсюда вытекаютъ всѣ его силлогизмы, которые онъ очень наивно выражаетъ: „Ты говоришь, что я, растлѣнный умомъ, ставлю тебя самого судьею между мною и боярами: *я хотѣлъ владѣть вами, а вы не хотѣли быть подъ моей властью, за что и заслужили мои опалы: кто же растлѣнны, вы или я?*“ Упрекая Курбскаго въ измѣнѣ, онъ съ полною вѣрою говорилъ, что еслибы Курбскій былъ дѣйствительно благочестивъ, то не продалъ бы своей души за тѣло, а *рѣшился бы пострадать отъ строптиваго владыки и страданіемъ наслѣдовать вѣнецъ мученическій*. Здѣсь уже забыты наставленія, которыя писалъ Вассіанъ къ дѣду Грознаго: *лучше солгавши животъ получить, нежели истинствуя погибнуть*. Такъ время перемѣнило всѣ отношенія.

Курбскій же съ своей стороны представлялъ, что *воеводы даны Царю отъ Бога*, и что ежели царь губитъ ихъ, то является

тираномъ, мучителемъ, и въ союзѣ съ богопротивною силою губитъ и свое тѣло, и свою душу. Въ своей исторіи Курбскій силится доказать, что царь до тѣхъ поръ оставался благочестивымъ и мудрымъ, пользовался побѣдами, славою и общею любовью, пока сохранялись исконныя отношенія между княземъ и его боярами-совѣтниками; но лишь только они уничтожились и царь, „отворивши оба уха своимъ презлымъ ласкателямъ, исполнился буйства". Онъ жалѣетъ, что *въ предобрый* русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ *злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйками* яко и во израильскихъ царяхъ, *паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ*". Это мнѣніе о перемѣнѣ къ худшему княжескихъ нравовъ по вліянію ихъ женъ высказалось еще въ предшествовавшее царствованіе на допросѣ лицъ по дѣлу Максима Грека; тамъ прямо говорится, что въ Москву пришло „нестроенье" съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала съ греками великая княгиня Софья. Но не ихъ вліяніе, а, какъ мы видѣли, вся историческая обстановка вырабатывала новыя стремленія. За прежними дружинными понятіями, представителемъ которыхъ явился князь Курбскій, оказалось такъ мало силы, что они были окончательно задавлены: торжествовалъ царь Иванъ Васильевичъ со своимъ идеаломъ.

Но мы представили бы этотъ идеалъ далеко не въ полномъ свѣтѣ, еслибы не указали еще на одну черту, вошедшую въ него также по наслѣдству отъ прошедшаго, это—вѣра въ чародѣйство и колдовство, какъ такую внѣшнюю силу, противъ которой и сила царская не можетъ уберечься.

Пока у князя не было враговъ подлѣ него самого, до тѣхъ поръ онъ и не боялся этой силы. Но вотъ наконецъ князь съ новымъ идеаломъ царя стремится всѣхъ привести въ рабское къ себѣ отношеніе, и не найдя быстрой покорности, караетъ тѣхъ, которые кажутся ему крамольниками и врагами его царскимъ стремленіямъ. Явно сопротивляться ему уже никто не смѣетъ, но вотъ царя смущаетъ мысль, что эти враги могутъ призвать къ себѣ на помощь тайную силу, силу волшебства и чародѣйства, и ея оружіе направить для уничтоженія грозной царской воли. И чувствуетъ царь въ самомъ идеалѣ безсиліе сражаться съ такою темною силою;

онъ также прибѣгаетъ къ духовному оружію и имъ хочетъ оградить себя, но боязнь не оставляетъ его. Это противорѣчіе силы и безсилія, царственнаго величія и страха, соединившись вмѣстѣ, вырабатываютъ чудовищный образъ, полный драматизма.

Чародѣйской силѣ вѣрили и тѣ, которыхъ царь считалъ своими врагами. Такъ Курбскій, описывая осаду Казани, говоритъ, что татары на войско христіанское чары творили и плювію (дождь) наводили: „лишь только начнетъ восходить солнце, и выйдутъ на городскую стѣну или престарѣйшіе ихъ мужи или бабы и начнутъ вопить сатанинскія слова, махать своими одеждами на войско наше и непристойно вертѣться; тогда вдругъ поднимается вѣтеръ, откуда ни возьмутся облака, хотя бы день сначала былъ ясенъ, и пойдетъ такой дождь, что сухія мѣста всѣ въ болото обратятся; и это было только надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣтъ, не такъ, какъ обыкновенно въ природѣ бываетъ“. Въ то время, какъ царь боялся чародѣйства со стороны своихъ крамольниковъ, тѣ, которые терпѣли отъ него гнѣвъ, считали его уже околдованнымъ со стороны ласкателей его и любимцевъ. Въ ихъ-то средѣ и сложилась весьма интересная „повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа, списанная при Макарьѣ митрополитѣ *царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси;* да сіе вѣдяще не впадете во злыя сѣти и беззаконія *отъялыхъ и прельщенныхъ человѣкъ и губительныхъ волковъ*, не щадяще души; ей же весь міръ недостоинъ, прочетше же сіе, человѣцы, убойтеся *чары и волхованія, творяще скверныя Богу и грубая, и мерзкая, и проклятая дѣла*“. Въ ней разсказывается, какъ нѣкій чародѣй умѣлъ обольстить правовѣрнаго, боголюбиваго и милостиваго царя, по его приказанію собралъ еще сорокъ чародѣевъ и съ ними вмѣстѣ началъ клеветать царю на невинныхъ, смущать его на людей, людей на него, такъ что царь, „оскорбляя неповинныхъ различными печалями“, былъ постоянно одержимъ страхомъ и боязнію, а самъ думалъ получить пользу „отъ врачеванія“ чародѣевъ. Но вотъ настало время и тотъ царь „за беззаконіе месть пріялъ отъ Бога“. Возстали на него окрестные города, плѣнили и разорили его землю и даже грозили самому ему, пока онъ снова не захотѣлъ обра-

титься на прежній путь. Тогда Богъ помогъ ему выгнать враговъ, а чародѣи были казнены, и „потомъ царствовалъ въ тишинѣ и покоѣ безмятежно“.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ вѣрованій и стремленій времени вырабатывались личности и становились въ разнообразныя и часто драматическія положенія.

Принадлежностью верховной власти было право суда; мы не можемъ сказать, что наравнѣ съ развитіемъ идеала царя развивалась и идея правды. Съ судомъ соединялась личная выгода князей, потому что отъ него шла пошлина въ княжескую казну. Но нравственное основаніе суда полагалось въ совѣсти судьи, слѣдственно, было слишкомъ непрочно и соединялось съ произволомъ. Въ удѣльный періодъ князья между собою судились *судомъ Божіимъ*, т.-е. битвою дружинъ въ открытомъ полѣ, основываясь на вѣрѣ, что Богъ всегда стоитъ за праваго, и такъ какъ успѣхъ битвы приписывался Божьей помощи, то и отсюда правою стороною считалась та, которая брала верхъ. Такимъ образомъ это прекрасное, въ сущности, вѣрованіе, принаровленное къ случайностямъ, искажалось и оправдывало самыя несправедливыя явленія: правда соединялась съ силою; на той сторонѣ оказывалась правда, кто былъ сильнѣе и искуснѣе вести бой. Судъ Божій (или поле) долгое время держался и въ народѣ, сильный все тѣмъ же вѣрованіемъ; разумѣется, онъ много дѣйствовалъ на пугливое воображеніе, и нерѣдко случалось, что подъ его вліяніемъ и у сильнаго, сознавшаго за собою неправду, обезсиливала рука и давала противнику взять надъ собою верхъ, чѣмъ только и могла поддерживаться нравственная основа такого суда. Сила его признавалась еще въ судебникѣ Ивана Васильевича Грознаго, гдѣ были опредѣлены правила для бойцовъ.

Наши писатели, развивая идеалъ князя по византійско-кесарскому идеалу, возлагали на князя отвѣтственность передъ Богомъ за неправду княжескихъ тіуновъ и намѣстниковъ. Такъ Кириллъ бѣлозерскій писалъ князю можайскому Андрею Дмитріевичу: „властелинъ еси вотчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймати отъ лихого обычая; судъ бо, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине,

не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими"... Подобные же совѣты давались и другимъ князьямъ, но никто не указывалъ на вѣрное средство, какъ гарантировать правду на судѣ, потому что князь не могъ же углядѣть за всѣми своими тіунами и намѣстниками. Да и трудно было найти какое-либо средство тамъ, гдѣ произволъ удерживался не точными законами, а лишь страхомъ княжескаго наказанія. Когда московскіе князья стали подчинять себѣ всѣ другіе удѣлы и области, тогда образовалась въ судѣ *своя московская правда*, которая имѣла въ виду только интересы московскіе и часто становилась въ противорѣчіе съ истиною, человѣческою правдою. Здѣсь князья въ собственномъ своемъ дѣлѣ нерѣдко являлись судьями, и можно себѣ представить, сколько было безпристрастія на такомъ судѣ. Тотъ же Кириллъ бѣлозерскій писалъ къ великому князю Василію Дмитріевичу, касаясь его раздоровъ съ суздальскими князьями: „слышалъ есми, господине, князь великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими, князьями суздальскими, ты, господине, *свою правду* сказываешь, *а они свою*; а въ томъ, господине, между васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ *будетъ ихъ правда передъ тобою*, и ты, господине, своимъ *смиреніемъ* поступи на себѣ; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себя стой по правдѣ. А почнутъ ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, *Бога ради пожаловалъ ихъ по ихъ мѣрѣ*"... Но такой совѣтъ противорѣчилъ идеалу московскихъ князей. Они допускали смиреніе только въ отношеніи къ татарскимъ ханамъ, а никакъ не въ отношеніи къ русскимъ князьямъ, какая бы законная правда ни была на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Въ идеалѣ должна была существовать только одна московская правда, передъ которою всякій удѣльный князь былъ виноватъ уже тѣмъ, что онъ владѣетъ своимъ удѣломъ, вмѣсто того, чтобы присоединить его къ Москвѣ. Вотъ отчего не помогъ и совѣтъ Кирилла бѣлозерскаго: князья можайскіе не только не были *пожалованы по правдѣ*, но должны были бросить свои удѣлы и умереть въ изгнаніи.

Чѣмъ больше усиливались московскіе князья, чѣмъ больше

развивался ихъ идеалъ, тѣмъ больше личнаго произвола и неправды было въ ихъ судахъ. Вспомнимъ только, какъ царь Иванъ Грозный судилъ бояръ и новгородцевъ, несмотря на то, что позаботился издать судебникъ или наставленіе боярамъ, окольничимъ и прочимъ судьямъ, какъ судить народъ: „судомъ не дружити и не мстити никому и посула въ судѣ не имати". Правда, онъ не *дружилъ никому*, но мстилъ страшно, давая безграничную власть произволу. Московскіе судьи, руководствуясь принципами своихъ князей, также немного заботились о настоящей правдѣ; личныя, если не московскія, выгоды и произволъ были основаніемъ ихъ суда. Мы видѣли, какъ въ идеальныхъ понятіяхъ объ отношеніяхъ князя и дружины выразились дружинные интересы, о которыхъ князь прилагалъ свои старанія, признавая заслуги дружины въ дѣлѣ московскихъ интересовъ: онъ называлъ своихъ бояръ не боярами, а *князьями земли своей*, раздавая имъ города и волости, гдѣ они и пользовались княжескими правами въ дѣлѣ суда. Хотя впослѣдствіи Иванъ Грозный хотѣлъ считать своихъ бояръ не только не князьями, даже и не боярами, а рабами, но онъ не могъ ограничить произвола, потому что самъ подавалъ тому примѣръ въ громадныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ правда на судѣ было дѣло такое неслыханное, что въ народѣ даже составилась пѣсня о томъ, какъ кривда правду переспорила:

Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу царю небесному;
А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по святорусской,
По всему народу христіанскому.
Отъ кривды земля всколебалася,
Оттого народъ весь возмущается;
Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.

Отсутствіе такого важнаго общечеловѣческаго начала въ жизни, въ отношеніяхъ между народомъ и властью, не дозволяло въ народѣ развиваться нравственнымъ понятіямъ,

чувству законности, а давало широкое поле для развитія произвола и кулачнаго права. Въ случаѣ общаго бѣдствія народъ самъ прибѣгалъ къ расправѣ съ тѣми, кого подозрѣвалъ виновникомъ его, не думая ни о какомъ судѣ и вѣря всевозможнымъ нелѣпостямъ. Такъ во время московскаго пожара при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ народъ повѣрилъ, что пожаръ произошелъ отъ чародѣйства царскихъ родственниковъ, князей Глинскихъ, поймалъ одного изъ нихъ и безчеловѣчно убилъ въ самомъ Успенскомъ соборѣ. Какъ ему не оказывали никакой правды въ судѣ, такъ и онъ распорядился безъ всякаго суда, удовлетворяя своей ярости и злобѣ.

Но стремленіе къ правдѣ, какъ нравственное основаніе жизни, совершенно не могло заглохнуть. Голосъ протеста противъ господствовавшей неправды слышится уже въ приведенной народной пѣснѣ. Еще сильнѣе онъ слышится въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ которыя ходили по рукамъ грамотныхъ людей. Такъ въ повѣсти о взятіи Царяграда разсказчикъ главною причиною паденія Царяграда считаетъ отсутствіе правды въ судахъ: „Греки праведный судъ понимали, да осуждали невинно по мздамъ. Магомедъ, завладѣвъ городомъ, нашелъ, что судьи судили *по посуламъ* и велѣлъ имъ отложить лихоимство; а съ неправедныхъ судей приказывалъ сдирать кожи: „на кожахъ набить бумаги, написать на нихъ преступленія ихъ неправды и прибить ихъ *въ судебняхъ* желѣзными гвоздями: *безъ такой грозы правды въ царство нельзя ввести, правда Богу сердечная радость*»... Обращаясь къ русской землѣ, повѣствователь и въ ней не находитъ правды: „велика милость Божія въ землѣ русскихъ; но *еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, съ нами бы ангелы бесѣдовали*».

Такимъ образомъ изъ всего этого легко заключить, какъ мало могли способствовать нравственному народному развитію всѣ тѣ идеалы, которые развивались въ разныхъ сферахъ русской жизни. Въ той же повѣсти о взятіи Царяграда въ уста Магомеда влагаются слѣдующія слова, видимо направленныя противъ русской современности: „въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруга не смѣлы, ибо порабощенный

человѣкъ срама не боится и чести себѣ не добываетъ, а говоритъ такъ: хоть богатырь или не богатырь, *однако я холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ*; а въ царствѣ константиновѣ при царѣ Константинѣ и у вельможъ его *лучшіе люди его всѣ порабощены были въ неволѣ*“ *). Но всѣ такіе протесты были слишкомъ слабы и не могли имѣть ни на кого вліянія, значитъ, по нимъ и по немногимъ нравственнымъ сочиненіямъ нельзя судить о массѣ, какъ многіе это дѣлаютъ.

X.

Я уже не разъ замѣчалъ, что эпоха Ивана Васильевича Грознаго представляется намъ полнымъ результатомъ всего прошедшаго развитія, т.-е. она какъ бы даетъ себѣ отчетъ за прошедшее, сливаетъ въ одну національность всѣ мѣстныя народности, соединяетъ въ одно цѣлое все, что прежде было разрознено, опредѣляетъ идеалы въ живыхъ образахъ, отыскивая имъ основаніе въ старинѣ. Вопросъ о старинѣ здѣсь получаетъ очень важное значеніе при обозрѣніи многихъ литературныхъ памятниковъ этого времени. Равнымъ образомъ и при обзорѣ дѣйствій Стоглаваго собора обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія обстоятельства: соборъ единогласно признаетъ *упадокъ* нравственности въ народѣ и въ духовенствѣ и причину тому находитъ въ общемъ невѣжествѣ и въ забвеніи старины. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный соглашается съ этимъ и наивно подтверждаетъ, что старина дѣйствительно пришла въ забвеніе во вредъ русской жизни и даже проситъ соборъ разсудить о нуждахъ и утвердить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и *по прежнимъ законамъ его прародителей*, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи получили законное устройство въ русскомъ царствѣ. Указывая на *упадокъ* нравственности, соборъ вмѣстѣ съ царемъ, значитъ, признали, что въ прежнее время общій уровень нравственности былъ значительно выше. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ такъ развратился народъ, отсту-

*) Истор. Шевыр., ч. IV, стр. 107—109.

пивши отъ своей старины, и дѣйствительно ли эта старина была такъ нравственна и привлекательна, что цѣлый соборъ нашелъ въ ней прочныя основанія для нравственной жизни своего времени?

Мы уже знаемъ, по какимъ идеаламъ духовенство оцѣнивало жизнь массы; знаемъ какъ мало они примѣнимы были къ мірской жизни по своему аскетическому характеру; знаемъ, что въ народѣ осуждались и его пѣсни, и его игры, и праздники, словомъ, все то, что удовлетворяло самымъ обыкновеннымъ стремленіямъ человѣческой природы къ веселымъ развлеченіямъ среди утомительныхъ трудовъ, то, что считалось, по односторонне-религіозному взгляду, происхожденія сатанинскаго и бѣсовскаго. Зная все это, мы не можемъ принять на вѣру оцѣнку собора. Мы уже видѣли, обозрѣвая прошедшія времена, что и хваленая старина нападала на то же самое, на что нападалъ соборъ, и тамъ со стороны писателей постоянно слышатся жалобы и на неправду, и на языческія вѣрованія, и на множество разныхъ пороковъ какъ въ народѣ, такъ и въ духовенствѣ. Можетъ быть, во времена собора только монастырская жизнь болѣе отступала отъ своихъ уставовъ; но что отступленія были и прежде, это также мы видѣли изъ нашего обзора. Развратителями монастырей являлись опальные бояре, которымъ царская власть приказывала постригаться въ монахи, слѣдственно, дѣлала монастыри мѣстомъ ссылки и заточенія. Насильно постриженные продолжали попрежнему вести жизнь мірскую, часто весьма шумную, дѣлая участниками ея и всю братію. Это дѣйствительно явленіе новое, несогласное со стариною. Но оно происходило не отъ народной безнравственности, а отъ новаго положенія власти, которая измѣнила свои отношенія ко всему окружающему.

Замѣчательно, что царь высказывалъ сожалѣніе о старинѣ и желаніе возвратиться къ ней, тогда какъ собственное его положеніе никакъ не согласовалось съ этою стариною. Воскресивъ ее, онъ долженъ бы былъ отказаться отъ своего идеала, которымъ такъ дорожилъ и который освятилъ въ глазахъ народа собственнымъ церковнымъ коронованіемъ. Правда, онъ любилъ ссылаться на своихъ прародителей, отъ кото-

рыхъ законно перешла къ нему власть, но онъ не соображалъ, что прародители совсѣмъ иначе были обставлены и что въ ихъ обстановкѣ ему было бы тѣсно, какъ въ клѣткѣ. Если старина измѣнилась, то въ его пользу, и вина всей этой перемѣны лежала на верховной власти. Сожалѣя о старинѣ, царь и впослѣдствіи на каждомъ шагу противорѣчилъ ей, противорѣчилъ даже тому идеалу, который дѣйствительно перешелъ отъ старины и который повидимому онъ глубоко почиталъ, это—идеалъ монастырской жизни, основанной на самомъ суровомъ аскетизмѣ. Въ среду монаховъ Иванъ Васильевичъ вводилъ опальныхъ бояръ съ мірскими стремленіями, чѣмъ способствовалъ развращенію монашества и, въ то же время, негодовалъ на такое явленіе въ монастырскихъ стѣнахъ, посылая гнѣвное посланіе къ бѣлозерскимъ монахамъ. Уважая святость монашеской жизни, онъ въ то же время дѣлалъ изъ нея карикатуру въ *подобіи монашескихъ трудовъ* посреди своей буйной опричины. Словомъ, все дѣлалось имъ наперекоръ старинѣ.

Чѣмъ же старина могла прельстить какъ его, такъ и весь соборъ? Максимъ Грекъ указывалъ также на недостатки и пороки русской жизни, но онъ не зналъ ея старины, онъ судилъ не по сравненію съ нею, а по противорѣчію дѣйствительности съ своимъ христіанскимъ идеаломъ. Намъ кажется, что старина представлялась собору и царю въ ложномъ свѣтѣ. Они знали ее только по нѣкоторымъ книгамъ, патерикамъ и житіямъ, въ которыхъ изображались идеальныя стремленія набожныхъ людей. По этимъ описаніямъ старина имъ казалась благочестивою, потому что за нею они не видали настоящей жизни.

Но почему же оказалась потребность составить соборъ для устройства неурядицы именно въ это время, а не раньше, если и въ прежнія времена состояніе общественной нравственности было нисколько не лучше? Этотъ вопросъ разрѣшается личностью самого царя. Духъ его былъ слишкомъ встревоженъ пожаромъ, народнымъ волненіемъ и безобразіемъ собственной юношеской жизни. Онъ хотѣлъ загладить слѣды недавняго прошедшаго и привести жизнь къ тому христіанскому идеалу, который привлекалъ благочестивыхъ людей.

Это самое и вызвало дѣятельность собора. Но еслибы соборъ не остановился на идеальной старинѣ, а исчисливъ всѣ недостатки и пороки, искажавшіе нравственную и разумную жизнь, захотѣлъ бы яснѣе и подробнѣе опредѣлить причины такого явленія, то ему вѣрно пришлось бы большую часть вины сложить на власти какъ свѣтскія, такъ и духовныя, какъ современныя, такъ и бывшія прежде. Даже съ ихъ точки зрѣнія они всегда были вожди народные, владыки, пастыри словеснаго стада.

Нельзя также разсматривать безъ связи съ прошедшимъ и Домострой *), относящійся къ первой половинѣ XVI стол. Въ немъ изображается идеалъ благочестиваго семьянина, развившійся не въ монастырской кельѣ, хотя и подъ сильнымъ религіознымъ вліяніемъ, а въ семьѣ, при тѣхъ условіяхъ, какія представляла русская семейная жизнь. Онъ сложился постепенно изъ чертъ, выработанныхъ дѣйствительностью, въ связи съ другими идеалами, которые развивались въ разныхъ сферахъ, поэтому въ немъ опредѣляются и разныя отношенія къ этимъ сферамъ. Онъ особенно интересенъ для историка: подробный разборъ его раскрываетъ тѣ результаты, до которыхъ дошла въ своихъ стремленіяхъ русская жизнь въ теченіе вѣковъ.

Въ основаніи идеала Домостроя лежитъ то ученіе, которое мы встрѣчаемъ въ книгахъ стараго времени **) и которое, конечно, было знакомо религіознымъ грамотнымъ людямъ, слѣдственно этотъ идеалъ вырабатывался въ той средѣ, гдѣ вопросъ о нравственной жизни былъ наравнѣ съ вопросомъ о самой жизни. Отсюда и въ идеалѣ мѣстами проглядываетъ аскетизмъ, перешедшій сюда изъ того ученія: «*славы земныя* ни въ чемъ не желай, всякую скорбь и тѣсноту *съ благодареніемъ* терпи, обидимъ не мсти, хулимъ молп, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай» и проч. Сообразно съ этимъ и жизнь должна течь самымъ ровнымъ, невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, даже никакихъ

*) См. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя Некрасова. 1873.

**) См. истор. г. Галахова, т. I, стр. 142.

веселыхъ порывовъ—музыка, пѣніе, пляска, все это стоитъ наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ.

Съ этимъ вмѣстѣ соединяются родовыя понятія, перешедшія изъ глубокой старины, объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи. Хотя въ основаніи этихъ отношеній полагается, согласно съ христіанскимъ требованіемъ, любовь, но это не устраняетъ съ одной стороны грознаго господства владыки дома, съ другой—самаго рабскаго ему подчиненія. Необходимый атрибутъ его власти жезлъ или лоза и плеть, отъ которыхъ нѣтъ спасенія ни женѣ, ни дѣтямъ, ни слугамъ, еслибы владыка нашелъ нужнымъ поучить ихъ. Страхомъ онъ долженъ держать свой домъ въ порядкѣ; чтобы быть вѣрнымъ идеалу отца, онъ не долженъ даже ласкать своего ребенка или играть съ нимъ, чтобы не унизить своего достоинства, чтобы не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе. Здѣсь воля признается только за нимъ однимъ, за прочимъ—неволя и работа.

Основаніемъ счастія считается внѣшній порядокъ въ домѣ, жизнь по извѣстной мѣркѣ, въ извѣстныхъ формахъ Для этого Домострой касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, опредѣляетъ каждый шагъ, даже указываетъ предметы для разговоровъ съ гостями. При этомъ надо замѣтить, что здѣсь имѣется въ виду жизнь семьянина богатаго, у котораго дворъ застроенъ амбарами для храненія его богатствъ и хозяйственныхъ запасовъ, мастерскія наполнены слугами и холопами, приготовляющими все нужное для дома. Отсюда всѣ заботы хозяина и хозяйки обращаются на воспитаніе дѣтей, на добропорядочную жизнь слугъ, на сбереженія или увеличеніе богатства и на обиходное хозяйство. Владыкѣ дома представляются правила быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, господиномъ, хозяиномъ. Заботы его должны касаться и собственной чести, а честь заключается въ доброй славѣ между людями, а такъ какъ люди судятъ по наружности, то и слѣдуетъ на нее обращать особенное вниманіе.

Съ другой стороны, Домострой пугаетъ воображеніе страхомъ ада, исчисляя всѣ тѣ поступки, которые по его понятіямъ заслуживаютъ осужденія; сюда относятся и ловы съ

собаками, съ птицами и съ медвѣдями, также игра въ шахматы, въ шашки, въ кости. Мы не можемъ входить во всѣ подробности, но указавъ на связь этого идеала съ идеаломъ монашескимъ и древней родовой жизни, укажемъ и на связь съ идеаломъ власти, который, какъ мы видѣли, выразился наконецъ въ образѣ царя. Именно этотъ образъ и выставляется на видъ при указаніи на отношеніе къ высшей власти. Здѣсь также видно книжное вліяніе. Царь сравнивается съ Богомъ, который также называется царемъ только небеснымъ и вѣчнымъ, а тотъ временной. Даже извлекается особенная, чисто религіозная польза изъ повиновенія земному царю: „Аще законному царю правдою служиши и боишися его, *такъ научишися и небеснаго царя боятися*». Какъ глубоко вѣрилъ въ непогрѣшимость и чистоту своего идеала составитель Домостроя, видно изъ его обращенія къ дѣтямъ: „Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами *отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда*, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ... И начнете дѣломъ творити вся сія, будетъ на васъ *милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка*; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т.-е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ трудовъ, да будетъ балгословенно, исполнено всякихъ благъ“. Никакая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастія, не допускается и считается невозможною.

Взглянемъ же на этотъ идеалъ съ общечеловѣческой стороны его. Здѣсь мы указали уже на любовь къ человѣку, которая вводится въ отношеніе между членами семьи, начало дѣйствительно плодотворное; но тутъ ея дѣйствія слишкомъ парализуются недовѣріемъ къ человѣческой природѣ. Въ человѣкѣ предполагается слишкомъ много злого начала, весьма большая наклонность къ противорѣчію всему доброму и какъ бы естественное стремленіе выходить изъ той сферы, которая ему предназначается; удерживать его отъ этого, пріучать идти по доброму пути и не сбиваться съ него можно только страхомъ наказанія, страхомъ тѣлесной

боли. По этой мысли отцу совѣтуется не щадить даже родныхъ дѣтей, *возлагать на нихъ раны, сокрушать ребра.* Такой взглядъ на человѣка развивается всегда тамъ, гдѣ нравственныя семейныя отношенія основываются на рабской зависимости, гдѣ въ нравственныя понятія входитъ полное, безпрекословное рабское подчиненіе младшихъ старшимъ. При такомъ состояніи умъ обыкновенно такъ мало развивается, что не въ силахъ владѣть страстями; у него еще не выработались тѣ разумныя убѣжденія, опираясь на которыя человѣкъ могъ бы сдерживать себя. Отсюда является и недовѣріе въ человѣческой природѣ, будто ее нужно подчинять извѣстнымъ правиламъ только физическою силою. Такъ какъ эти правила вытекаютъ изъ идеала, то всякое уклоненіе отъ нихъ считается оскорбленіемъ идеала, слѣдственно, явленіемъ безнравственнымъ и опаснымъ для общаго благосостоянія семьи. Аскетическія понятія, перешедшія къ намъ съ христіанствомъ, не противорѣчили такимъ взглядамъ, а напротивъ, вносили даже добровольныя истязанія тѣла для спасенія души. Заботы о душѣ домочадца дѣлаются также главными заботами христіанскихъ отцовъ семейства и при томъ же недовѣріи къ человѣческой природѣ находятъ еще больше опоры въ оправданіи жестокихъ наказаній: *бія его по тылу, душу его избавляешь отъ смерти; казни сына своего отъ юности* его, и покоитъ тя на старость твою и *дастъ красоту души твоей.* Съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣтается и новая узда для усмиренія бунтливой природы человѣка; къ страху наказанія и тѣлесной боли присоединяется еще страхъ для души—*страхъ ада.*

Пока могутъ существовать подобныя семейныя отношенія, до тѣхъ поръ не можетъ быть свободнаго развитія того прекраснаго начала, которое благочестивые люди хотѣли вводить въ эти отношенія изъ христіанскаго идеала. Въ главѣ семейства оно должно было подавляться сознаніемъ своей безграничной власти, самодурствомъ, въ подвластныхъ ему — страхомъ, безъ надежды выдти изъ своего безотвѣтнаго положенія. При такихъ условіяхъ невозможно и развитіе идеала женщины, которая должна находиться въ постоянномъ рабствѣ. Впрочемъ хотя любовь и является здѣсь чувствомъ

прививнымъ, какъ бы уступкою христіанскимъ требованіямъ со стороны родового быта, но для насъ важно то, что она считается необходимымъ условіемъ идеала, слѣдственно, признается какъ начало общечеловѣческое, смягчающее грубость нравовъ. Парализованное теперь, оно можетъ выказать свою силу тогда, когда въ жизнь будетъ входить другое начало, разрушающее грубое понятіе о человѣческой природѣ.

Другая важная черта, бросающаяся въ глаза въ идеалѣ Домостроя, есть любовь къ порядку, къ благоустройству, къ труду,—все это такія нравственныя силы, которыя могли бы разумно развить жизнь человѣка, еслибы не были стѣснены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ, самыми мелочными правилами, которыя не позволяли сдѣлать ни одного свободнаго шага; еслибы съ ихъ исполненіемъ не соединялось понятіе о семейной чести. Здѣсь обычай, привычка, извѣстная форма, усвоенные въ прошедшемъ при разныхъ условіяхъ жизни, обращаются въ непремѣнный законъ, неисполненіе котораго ведетъ за собою осужденіе, безчестье. Здѣсь крайняя неподвижность мертвитъ всякую живую мысль, останавливаетъ всякое развитіе. Здѣсь старина имѣетъ смыслъ святости, и передъ нею любовь къ порядку должна обратиться въ деспотическое стѣсненіе самостоятельности въ жизни, любовь къ благоустройству—въ самые мелочные разсчеты, любовь къ труду—въ рабское исполненіе различныхъ формальностей и условныхъ правилъ, освященныхъ стариною и возведенныхъ чуть не до Божескихъ законовъ. Такимъ образомъ парализованы и эти нравственныя силы. Отсюда и развитіе идеала сдѣлалось невозможнымъ—онъ обратился въ догматъ жизни, смѣшался съ религіознымъ вѣрованіемъ, и отступленіе отъ него грозило гибелью въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Русская жизнь, сложившись въ эти формы, заключившись въ эти предѣлы, должна была замереть или принять въ себя другія общечеловѣческія начала, которыя бы оживили уже существующія въ ней, разбивъ эти мертвящія формы и доказавъ, что человѣческая природа совсѣмъ не такая, какою она представлялась въ старыя времена, что тѣ понятія, которыя стариною принимались за нравственныя, далеко не безусловно нравственны, что истинная нравственность можетъ развиться

только на свободныхъ отношеніяхъ между людьми, а не на страхѣ отъ внѣшней грозы.—Такая сила есть сила науки, т.-е. самое близкое знакомство человѣка съ природою какъ со своею, такъ и со всею его окружающею. Она ставитъ человѣка въ правильное и естественное отношеніе ко всему и требуетъ для него свободы дѣйствія. Это общечеловѣческое начало мало-по-малу стало входить въ русскую жизнь и разбивать прежніе идеалы. Первое, хотя и слабое стремленіе къ тому выказалось у насъ въ XVII стол., поэтому мы по справедливости можемъ считать его третьимъ періодомъ нашей исторіи.

Говоря объ эпохѣ Ивана Васильевича Грознаго, очень кстати коснуться и тѣхъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, въ которыхъ изображается грозный царь. Въ поэтическихъ образахъ наивная фантазія представила его жестокость, сопровождаемую ироніей, его отношенія къ боярамъ, сыноубійство, завоеваніе Казани и Астрахани, покореніе Сибири. Къ этому укажемъ особенно на одну черту въ пѣсняхъ, заслуживающую вниманія. Въ идеальномъ изображеніи Грозный вездѣ является подозрѣвающимъ измѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивымъ: при первомъ подозрѣніи онъ безъ всякаго суда приступаетъ къ расправѣ, велитъ казнить-вѣшать. Не отрицая нисколько этого царскаго его права, пѣсня въ то же время представляетъ несправедливость его въ поспѣшности, иногда даже съ нѣкоторымъ проблескомъ ироніи. Такъ, напр., въ пѣснѣ о томъ, какъ царь велѣлъ убить своего сына, Никита Романовичъ, спасши его тайкомъ, пировалъ, и какъ будто бы насмѣхался надъ печалью царя, который чувствовалъ раскаяніе въ своемъ опрометчивомъ приговорѣ. Узнавъ о Никитиномъ пирѣ, Грозный распаляется гнѣвомъ на боярина, призываетъ его къ себѣ: ткнулъ желѣзомъ въ правую его ногу и примялъ къ сырой землѣ, а самъ приговариваетъ:

Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить.
На колъ посадить, скоро велю казнить;
У меня кручина несносная.
А у тебя, боярина, пиръ навеселѣ...

Но и здѣсь гнѣвъ и угрозы царя безъ изслѣдованія дѣла оказываются опрометчивыми и совершенно несправедливыми. Никита Романовичъ заставляетъ его смѣнить гнѣвъ на милость, возвращая ему мнимо-погибшаго царевича. Въ другой пѣснѣ царь со своею ярою вспыльчивостью уже прямо становится въ комическое положеніе. Онъ осадилъ Казань.

Подъ Казанку, подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай, за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А татарченки по городу похаживаютъ,
Всяко грубіянство оказываютъ.
Они грозному царю насмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!»
Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь *прогнѣвался*,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
Что отъ нихъ измѣна учинилася:
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.
А и тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Большой за меньшаго хоронится,
А одинъ пушкарь отважился:
«Прикажи, государь-царь, слово молвить,
Не вели, государь, насъ казнити:
Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,
Подъ землей-то свѣча идетъ тишѣе» *).
Не успѣлъ пушкарь слово выговорить,
Подъ землею свѣча догорала,
И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку,
Забросало палаты бѣлокаменны...

Въ пѣснѣ „Мамстрюкъ Темрюковичъ“, въ которой г. Галаховъ видитъ со стороны народа обличеніе Москвы въ нравственномъ свойствѣ съ татарами, мы находимъ (по сборнику Костомарова) еще замѣчательную черту—сопоставленіе кре-

*) Варіантъ. Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельи свѣчи не скоро теплятся.

Въ сборникѣ Мордовцевой и Костомарова. Лѣтоп. русск. лит. и др., т. IV.

стьянина съ боярами Грознаго и ироническій взглядъ на послѣднихъ.

На свадьбу Ивана Васильевича пріѣхалъ удалецъ боецъ, славный витязь, самъ князь черкасскій Мамстрюкъ, пріѣхалъ съ молодой женой и съ храброй дружиной, пріѣхалъ позже всѣхъ, а садился выше всѣхъ, но на пиру онъ не пьетъ, не ѣстъ, а выглядываетъ князей и бояръ, ищетъ себѣ борца-бойца.

Да изъ этихъ изъ князей, бояръ
Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка супротивничка:
Какъ возговоритъ черкасскій князь:
«Ой вы гой есте, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дарма ѣдите хлѣбъ,
Зелено вино распиваете,
На боку лежа, дары получаете».
Всѣ князья-бояре призадумались,
Со стыда носы повѣсили.
Отколь взялся тутъ *крестьянскій* сынъ—
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ.
—«Охъ ты гой еси, черкасскій князь!
Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ, серебромъ украсился,
Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди рано не радуйся,
На бѣду я слово вымолвлю:
Не пытай силу съ крестьяниномъ!»

Князь черкасскій закипѣлъ сердцемъ, въ гнѣвѣ выскочилъ изъ-за стола и прежде чѣмъ добрался до крестьянскаго сына, ненамѣренно выказалъ свою богатырскую силу: зацѣпилъ на бѣду за столъ, повалилъ девяносто скамей и подавилъ полтораста гостей,

И схватилъ крестьянина за воротъ,
Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечъ
И ударилъ объ сыру землю:
Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьяные съ ногъ свалилися,

Растянулся князь черкасскій замертво.
Что князья-бояре разахалися,
Молодая княгиня расплакалася,
Во слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
—«Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
Вы убейте вора безъименнаго.
Разорвите его тѣло на мелки части,
Да и бросьте псамъ на съѣденіе».
Какъ возговоритъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
Не мышаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія».

Значитъ, борьба національностей признается царскимъ дѣломъ; въ ней главную роль играетъ сила крестьянская. Въ окончаніи пѣсни, приведенной г. Галаховымъ, также выражается сторона національная въ словахъ царя Ивана Васильевича на жалобы жены его, царицы Маріи Темрюковны, что деревенскій дѣтина наругался надъ ея братомъ, любимымъ его шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ:

А не то у меня честь въ Москвѣ, что татары борются;
То-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится.

Въ этихъ же пѣсняхъ увѣковѣчился любимецъ Грознаго, Малюта Скуратовъ, который вездѣ представляется кровожаднымъ злодѣемъ. Нравъ его переносится даже на его дочь, которая является героинею въ пѣснѣ о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, отравляя его на крестинахъ у князя Воротынскаго.

XI.

Отъ историческихъ народныхъ пѣсенъ перейдемъ къ духовнымъ „стихамъ“.

Имѣя въ виду самую близкую связь духовныхъ стиховъ съ нашею книжною литературою, какъ это очень наглядно и обстоятельно показываетъ г. Галаховъ въ своей исторіи, читатель невольно останавливается на этомъ фактѣ и задаетъ вопросъ: какимъ образомъ при безграмотности народной

массы могли въ нее переходить книжныя сказанія. Если и въ настоящее время число грамотныхъ въ народѣ капля въ морѣ, то въ тѣ времена оно должно было быть значительно ничтожнѣе. Правда, потребность въ грамотности въ московскій періодъ стала возбуждаться уже не одной религіей. Москва, расширивъ предѣлы государства, должна была уже сноситься письменно съ разными областями и личностями; управленіе сдѣлалось сложнѣе. Отсюда возникъ особенный чиновный или административный классъ, дьяки и подъячіе, для которыхъ грамотность сдѣлалась потребностью помимо религіозныхъ интересовъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ занимались перепискою церковныхъ книгъ по разнымъ городамъ, какъ значится на рукописяхъ XV и XVI столѣтія *). Такимъ образомъ число грамотныхъ значительно увеличивалось, но только по городамъ, а никакъ не въ массѣ народа, ни по селамъ, ни по деревнямъ. Конечно, какъ исключеніе могли являться и тамъ личности, которыя изъ какихъ бы то ни было потребностей овладѣвали грамотностью; но трудно представить, чтобы онѣ могли много читать по рѣдкости книгъ въ то время, а тѣмъ болѣе быть спеціальными распространителями книжныхъ свѣдѣній въ средѣ своихъ безграмотныхъ собратій.

Извѣстно, что духовныя пѣсни поются нищими слѣпцами, да и самое содержаніе ихъ ближе къ интересамъ тѣхъ людей, которые живутъ мірскимъ подаяніемъ; возбудить милосердіе и состраданіе въ другихъ, представить, что эти-то чувства и приводили людей въ рай—вотъ цѣль ихъ. Нищенство у насъ тѣсно соединилось съ религіозными стремленіями. Его взяла подъ свое покровительство церковь при самомъ началѣ христіанства на Руси. Оно сдѣлалось даже необходимымъ для христіанъ, которымъ безпрестанно проповѣдывалось: продай имѣніе и раздай нищимъ: на милостыню указывали, какъ на одно изъ основныхъ средствъ спасенія; а кому же было подавать ее, какъ не нищимъ. Нищіе, понимая усилія церкви въ ихъ пользу, всегда и тѣснились въ церкви, гдѣ молящіеся подъ религіознымъ вліяніемъ охотнѣе и по-

*) Исторія Шевырева, ч. IV, стр. 46.

давали имъ. Они чаще другихъ присутствовали при богослуженіи, если не изъ религіознаго чувства, то по крайней мѣрѣ изъ интересовъ своей спеціальности, чаще другихъ слышали чтеніе церковныхъ книгъ и поученія, слѣдственно, лучше другихъ были знакомы съ фактами христіанской исторіи. Опираясь на нее, они считали свое дѣло святымъ, какъ бы небеснымъ предназначеніемъ, что̀ ясно и выразилось въ стихѣ о вознесеніи Христовѣ, который видимо составился въ кругу нищей братіи. Христосъ, возносясь на небо, утѣшалъ нищихъ, „свою меньшую братію“, которая съ плачемъ говорила ему: „батюшка нашъ, царь небесный! на кого ты насъ покидаешь, кто будетъ насъ поить, кормить, отъ темной ночи укрывать? Онъ отвѣчалъ имъ:

Не плачь, моя меньшая братья.
Дамъ я вамъ гору золотую,
Дамъ я вамъ рѣку медвяную,
Оставлю вамъ сады, виноградy,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Я дамъ вамъ машу небесну.
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣлати:
Будете вы сыты, да и пьяны,
Будете обуты и одѣты,
Будете тепломъ да обогрены
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Іоаннъ Богословъ, услыша это, не совѣтуетъ Христу оставлять такое наслѣдство нищей братіи, относясь съ ѣдкой ироніей къ властямъ и торгующему классу:

Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую:
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнаютъ гору *князи и бояре*,
Зазнаютъ гору *пастыри и власти*,
Зазнаютъ гору *торговые люди*,
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую.
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищію братью не допустятъ;

Много у нихъ будетъ убійства...
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
Имя твое святое.
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти:
Будутъ они сыты и довольны.
Обуты будутъ и одѣты
И отъ темной ночи пріукрыты.

При такомъ спеціальномъ назначеніи нищихъ — величать Христа и быть средствомъ спасенія для христіанъ, разумѣется, нищенство развилось сильно, и ни одно доброе дѣло, проповѣдуемое церковью, такъ не утвердилось, какъ милостыня. Извѣстно, что въ Москвѣ цари, бояре и богатые купцы давали нищимъ обѣды въ тѣ дни, которые хотѣли ознаменовать добрымъ дѣломъ. Съ нищенствомъ соединяется странничество, которое имѣетъ важное значеніе въ исторіи образованія народа. Это тѣ бродячія силы, которыя связываются еще съ кочующею эпохою народной жизни. Въ началѣ осѣдлости это тѣ *поленицы удалые*, которые еще не могли осѣсться вмѣстѣ съ народомъ и продолжали бродить одиноко изъ любви къ такой жизни, не связанные съ землею общенародными интересами. Съ распространеніемъ христіанства они не осѣлись, а нашли себѣ исходъ въ *каликахъ перехожихъ*, подъ покровительствомъ церкви. Что такой переходъ одного типа въ другой очень возможенъ и естественъ, это намъ показываетъ пѣсня „Сорокъ каликъ со каликою“, гдѣ въ образѣ каликъ еще соединяются черты богатырскаго удальства и странничество съ религіозною цѣлью. Здѣсь калика — еще поленицы удалые, т.-е. моментъ перехода одного типа въ другой. Вотъ встрѣча ихъ съ Владиміромъ:

Становилися въ единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:

Дрогнетъ матушка, сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окарачился,
А богатырей кони попадали.

Затѣмъ по указанію Владиміра отправляются они въ Кіевъ на княжескій дворъ и тамъ:

Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися,
Становилися во единый кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молодой княгини Апраксѣевны.

Или на широкомъ дворѣ у литовскаго короля:

Становились подъ косящето окошечко
И попросили-то они милостыни:
«Аій же ты, король литовскій!
«Сотворп-тко намъ милостыню
«Каликамъ перехожимъ.
«Не рублями мы беремъ и не полтинами,
«Беремъ-то мы цѣлыми тысячами».
Отъ ихъ покриковъ *богатырскихъ*
Окоченки въ теремахъ поразсыпались,
Маковки въ теремахъ покривились...
Говорилъ король таковы слова:
«Не калики есте перехожіе
Еще вы русскіе могучіе богатыри» *).

Въ новгородскомъ разсказѣ объ удальцѣ Васькѣ Буслаевѣ представляется та же бродячая, неуспокоенная, бурливая сила, которая, не найдя своихъ интересовъ въ общихъ, рѣшается какъ бы успокоиться въ религіозномъ странствіи, избравъ себѣ цѣлью Іерусалимъ, но и здѣсь удальство, богатырство, поленичество не оставляютъ ее.

Въ началѣ христіанства русское странничество имѣло въ виду святыни византійскія и палестинскія **), такъ какъ русскихъ святынь еще не было. По лѣтописямъ и разнымъ ска-

*) «Калики перехожіе, изданіе Безсонова, ч. I, стр. 10—20.

**) Изслѣдованіе г. Срезневскаго о пѣсняхъ калікъ перехожихъ въ Запискахъ Имп. Академіи наукъ.

заніямъ мы можемъ даже назвать по имени нѣсколько лицъ, совершавшихъ путешествія; отъ одного изъ нихъ осталось и описаніе (Даніила Паломника). Но съ развитіемъ христіанства въ русской землѣ стали являться и русскія мѣстныя святыни, которыми дорожила каждая мѣстность или область, какъ своимъ національнымъ сокровищемъ, и о которыхъ слава мало-по-малу расходилась между религіозными людьми. О мѣстной святынѣ составлялись разныя сказанія, плодъ творческой фантазіи, возбужденной религіознымъ настроеніемъ.

Князья особенно покровительствовали нѣкоторымъ святынямъ, связаннымъ съ ихъ фамильными преданіями; а Москва даже и тутъ старалась выказать свое превосходство и національную нетерпимость, отдавая предпочтеніе своимъ мѣстнымъ святынямъ передъ другими. Г. Буслаевъ нѣсколько разъясняетъ отношеніе этихъ мѣстныхъ святынь въ *двухъ лекціяхъ изъ курса исторіи русской литературы*, напечатанныхъ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древностей. Онъ указываетъ на основныя нити преданія, сохранившагося въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго, фамильнаго преданія, которыми съ кіевскою святынею связывалась земля ростовская и суздальская, т.-е. наслѣдственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Въ фамиліи Всеволода особенно были прославлены чудесами варяжскія святыни, такъ что сынъ Всеволода,Владиміръ Мономахъ, взявъ мѣру кіево-печерской церкви Успенія Богородицы, опредѣленную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь, во всемъ сходную съ кіево-печерскою, и въ своемъ княженіи, въ Ростовѣ, а сынъ его Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ своего отца о чудесахъ печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи, въ городѣ Суздалѣ. Андрей Боголюбскій, по внушенію фамильныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору на Клязьмѣ. Это родовое кіево-печерское преданіе, продолжаетъ г. Буслаевъ, соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто-мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ иконою Богоматери Пирогощей была принесена изъ Царяграда въ даръ Юрію Долгорукому въ

Кіевъ другая икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою. Она была постановлена въ вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца... Ее-то похитилъ ночью князь Андрей Боголюбскій, поѣхавъ изъ Кіева въ свою суздальскую землю. Во Владимірѣ на рѣкѣ Клязьмѣ онъ построилъ для нея храмъ... Во всѣхъ своихъ походахъ онъ постоянно имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону и мечъ святого Бориса, который былъ нѣкогда княземъ въ землѣ ростовской, въ дѣдинѣ и отчинѣ князя Андрея Боголюбскаго. Одержавъ въ 1164 г. побѣду надъ болгарами, въ одинъ день съ побѣдою греческаго императора Мануила надъ сарацынами, и приписавъ ее содѣйствію бывшей съ нимъ иконы, онъ установилъ праздновать въ этотъ день память той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона получила имя *Владимірской*. Въ 1395 г. по желанію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана она была перенесена въ Москву, спасеніе которой отъ Тамерлана было приписано ей, и постановлена въ Успенскомъ соборѣ, которымъ Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ... Отъ того же Андрея Боголюбскаго, который прибѣгалъ подъ покровительство своихъ святынь, по новгородскому сказанію, спасла новгородцевъ уже ихъ мѣстная святыня—икона Богородицы знаменія, на что мы имѣли случай указать прежде, пользуясь тѣми же изслѣдованіями г. Буслаева. Здѣсь уже выказалось какъ бы соревнованіе мѣстныхъ святынь. Въ мѣстныхъ новгородскихъ сказаніяхъ изображается высокомѣрное отношеніе московскихъ властей къ святынямъ Новгорода. Такъ архіепископъ Сергій, назначенный въ Новгородъ отъ Москвы, отнеся самымъ непочтительнымъ образомъ къ мощамъ архіепископа новгородскаго Моисея, когда на его требованіе открыть Моисеевъ гробъ священникъ сказалъ ему: „я не смѣю, владыко, это твоего архіерейства дѣло“. „Слышавъ то, Сергій вознесся умомъ, высоты ради сана своего, и яко *отъ Москвы пріиде*, и рече дерзновенно: *кою сею смердія сына и смотрѣти*“. Вступаясь за достоинство своей святыни, сказаніе изображаетъ, какъ Сергій и наказанъ былъ за свою дерзость.

Въ Новгородѣ съ теченіемъ времени накопилось столько святынь, что въ XV ст. новгородскому архіепископу Евфимію пришла мысль освятить своимъ авторитетомъ древнія священныя преданія о новгородской святынѣ. „Времена были опасныя, замѣчаетъ г. Буслаевъ: московскіе враги, надменные своимъ внѣшнимъ превосходствомъ, не пощадили бы мѣстныхъ святочтимыхъ преданій и для уничтоженія Новгорода готовы бы были святотатственно оглашать рабскими прозвищами святочтимыя въ Новгородѣ имена, какъ тотъ москвичъ, архіепископъ Сергій, который св. Моисея осмѣлился назвать *смердіемъ сыномъ*... Особенно важно было для укрѣпленія всей новгородской старины вообще возстановленіе въ память будущимъ поколѣніямъ всѣхъ мѣстныхъ преданій о новгородскихъ князьяхъ и святителяхъ, прославленныхъ въ народной памяти... Такое торжественное возстановленіе церковнымъ авторитетомъ священной старины и историческихъ преданій во всемъ объемѣ мѣстныхъ интересовъ было на Руси дѣломъ новымъ, дотолѣ небывалымъ. Послѣ кіевскаго патерика, имѣвшаго, впрочемъ, интересъ болѣе келейный, аскетическій, новгородскія памяти, освященныя церковнымъ авторитетомъ по мысли архіепископа Евфимія, давали обширный матеріалъ для цѣлаго житейника новгородскаго, къ которому уже сами собою прилагались и новыя данныя въ теченіе XVI вѣка. Патріотическій подвигъ архіепископа Евфимія выступаетъ въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, когда возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новугороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго, имѣвшаго въ ту пору только смыслъ религіозный. Это духовное ополченіе, окруженное ореолами святости, какъ нельзя лучше во-время было вызвано изъ старыхъ преданій и какъ бы пущено на встрѣчу притязаніямъ Москвы, *еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями*, и, что особенно заслуживаетъ вниманія, Москва, ревниво смотрѣвшая на древнюю славу Новагорода и *волею-неволею внесшая потомъ въ свои всероссійскія священныя преданія имена нѣкоторыхъ новгородскихъ епископовъ и монаховъ, все же не хотѣла признать общаго всероссійскаго авторитета за святостью новгородскихъ кня-*

зей, донынѣ пользующихся только мѣстнымъ чествованіемъ. Даже самое имя святой Софіи, гдѣ покоятся останки новгородскихъ князей, осталось для Москвы какъ бы чуждымъ. Ведя свой родъ отъ Мономаховъ, чрезъ владимірское княжество, московскіе князья усвоили себѣ мѣстную святыню въ храмѣ Успенія Богородицы, построеніе котораго соединялось съ варяжскими сказаніями о Шиманѣ; но св. Софія, которую такъ высоко чтилъ Новгородъ, не вошла уже въ число кремлевскихъ святынь, несмотря на то, что это знаменитое имя было положено въ основу священныхъ памятниковъ церковнаго зодчества въ самой Византіи еще во времена Юстиніана.

Дѣло Евфимія продолжалъ послѣ него архіепископъ Іона, который поручалъ составлять жизнеописаніе нѣкоторыхъ святыхъ Новгорода священнику Пахомію, сербину, „искусному въ книжномъ сложеніи". Послѣ смерти Іоны, Пахомій переѣхалъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь, становившійся центромъ книжнаго просвѣщенія въ усиливающейся Москвѣ. По примѣру Новгорода и Москва уже стала думать о водвореніи въ благочестивыхъ умахъ памяти и своихъ мѣстныхъ святочтимыхъ угодниковъ. Когда открыты были мощи св. Петра митрополита Московскаго, Пахомію поручено было сочинить службу на обрѣтеніе мощей его, и онъ написалъ два канона. Еще описалъ онъ житіе другой знаменитой личности въ исторіи московской церкви, именно св. Алексія митрополита. Такимъ образомъ даже самыя раннія священныя преданія свои Москва приводитъ въ литературную извѣстность по примѣру Новгорода и подъ вліяніемъ новогородскихъ идей, которымъ при архіепископѣ Іонѣ усердно служилъ сербинъ Пахомій *).

Мы извлекли всѣ эти подробности изъ упомянутыхъ лекцій г. Буслаева съ цѣлью показать значеніе мѣстныхъ святынь и тѣхъ сказаній, которыя о нихъ составлялись въ связи съ интересами мѣстныхъ народностей. „Въ теченіе послѣдующаго развитія русской жизни время сгладило всѣ

*) Лѣтопись русск. лит. и древн., кн. VI, стр. 72, 77, 78, 79, 87, т. IV, стр. 6, 7.

эти мѣстныя симпатіи и антипатіи, замѣчаетъ г. Буслаевъ, и какъ всѣ города и области слились въ одно великое государство русское, такъ и мѣстныя сказанія, нѣкогда проникнутыя духомъ удѣльной исключительности, впослѣдствіи миролюбиво были приняты въ прологи и вмѣстѣ со многими другими, нѣкогда столь же исключительно мѣстными сказаніями, составили одно національное цѣлое, въ которомъ содержится завѣтное преданіе нашей родной старины". Въ это же время и мѣстныя святыни сдѣлались общими и отъ Кіева до Соловецкихъ острововъ стали привлекать къ себѣ странниковъ. Но и прежде странничество кромѣ общехристіанскихъ святынь въ Іерусалимѣ и православныхъ въ Византіи находило себѣ цѣли и въ предѣлахъ Руси. Изъ житія Даніила переяславскаго мы узнаемъ, что въ XVI стол. странничество уже было въ большомъ ходу, такъ что Даніилу пришла даже мысль посвятить свою жизнь на погребеніе странниковъ, которые въ своей бродячей жизни умирали по дорогамъ, по полямъ, лѣсамъ и пустынямъ, часто отъ стужи, иногда, подъ рукой разбойника или въ когтяхъ дикихъ звѣрей. Благочестивый мужъ давалъ покой всѣмъ странникамъ, приходившимъ въ монастырь, разыскивалъ объ умершихъ, оставленныхъ безъ погребенія, построилъ скудельницу, или кладбище, гдѣ и хоронилъ ихъ.

Конечно, странничество было сопряжено въ то время съ большими трудами, особенно на сѣверѣ, но эти труды не страшили, не останавливали странниковъ. Въ ихъ жизни были и привлекательныя стороны: удовлетвореніе религіознымъ стремленіямъ души, независимость ни отъ строгихъ монастырскихъ уставовъ, ни отъ семейнаго деспотизма, который, по родовымъ преданіямъ, гнетомъ ложился на всѣ личности. наконецъ, легкій способъ пропитанія въ монастыряхъ и на дорогѣ въ деревняхъ, гдѣ и до сихъ поръ странника принимаютъ охотно и не отпускаютъ голоднаго; все это поддерживало тѣ бродячія силы, которыя не могли подчиниться какой-либо общинѣ и всѣмъ ея обычаямъ, а искали жизни личной, самостоятельной. Они по собственной волѣ и по собственному выбору переходили изъ монастыря въ монастырь, изъ города въ городъ и составляли что-то среднее

между монашествомъ и народомъ. Они сами происходили изъ народа и не отрывали себя отъ мірской жизни никакими обѣтами, поэтому не обращались къ народной жизни ни съ какими обличеніями и проповѣдями; и въ то же время часто вращаясь среди монаховъ, настраивали свою мысль по-монашески, слѣдственно, были близки и тѣмъ и другимъ. Но ихъ охотно принимали и въ городахъ, и въ другихъ сословіяхъ, такъ что имъ были знакомы всѣ сферы жизни. Посѣщая разныя святыни, они, конечно, интересовались и тѣми мѣстными сказаніями, которыя касались этихъ святынь, въ церквахъ безпрестанно слышали чтенія священнаго писанія, наконецъ нѣкоторые изъ нихъ по религіозному стремленію научились грамотѣ и, слѣдственно, читали сами, словомъ, у нихъ былъ большой запасъ церковныхъ фактовъ и поэтическихъ разсказовъ иногда полныхъ драматическаго интереса. Вотъ эти-то свѣдѣнія они и разносили по деревнямъ, селамъ и городамъ во время своего странничества, занимая воображеніе людей, давшихъ имъ на время убѣжище въ своихъ домахъ. Ихъ разсказы, изложенные языкомъ простымъ, народнымъ, были доступны каждому и разнообразили однообразную трудовую жизнь, замѣняя чтеніе.

Вотъ какимъ путемъ могли проходить въ народъ книжныя свѣдѣнія, если предположить, что имъ сложены духовные стихи. Но мы скорѣе согласны думать, что они—произведеніе религіозной фантазіи самихъ странниковъ, каликъ-перехожихъ, потому что содержаніе стиховъ, какъ мы уже сказали, близко касается ихъ интересовъ, да и самый слогъ выказываетъ воображеніе, настроенное частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ. Мы уже видѣли въ стихѣ о вознесеніи прямо говорится о нищихъ, да и поется онъ нищими, слѣдственно, не иначе, какъ въ этомъ кругу могъ быть и сложенъ Извѣстно, что въ русскомъ народѣ каждая община или каждый отдѣльный слой, преслѣдующій какіе-нибудь свои особенные интересы, составляетъ свои пѣсни, въ которыхъ и выражаетъ свои стремленія, такъ у насъ явились пѣсни казацкія, солдатскія, разбойничьи, раскольничьи и др. Точно такъ же и духовные стихи составляютъ пѣсни каликъ-перехожихъ. Стихъ о двухъ Лазаряхъ явно касается ихъ же

интересовъ; сюда же относятся стихи объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ. Стихъ о Георгіи изображаетъ бродячія силы древнѣйшей эпохи, миѳической, перешедшія въ христіанскій типъ Георгія; онъ также близокъ каликамъ-перехожимъ по бродячей жизни; имъ были знакомы и лѣса дремучіе, и рѣки глубокія, и та едва проходимая дичь, на которую наѣзжалъ Георгій, устраивая землю:

Наѣзжалъ Егорій ко крутымъ горамъ,
Ко крутымъ горамъ, ко темнымъ лѣсамъ;
Какъ гора съ горою они сойдутся,
Не разойдутся;
Еще лѣсъ къ лѣсу преклоняется,
По сырой землѣ разстилается;
Наѣзжалъ Егорій на лютыхъ звѣрьевъ.
На сѣрыхъ волковъ на прыскучіихъ...
Наѣзжалъ на люта змія, люта огненна,
Какъ изо-рта огонь, изъ ушей полымя,
Изъ глазъ въ ней искры сыплютъ огненныя.

Наконецъ нѣкоторый аскетизмъ, котораго держались въ жизни странники по монашескому образцу, выражается и въ стихахъ:

Только намъ пособитъ,
Только намъ поможетъ
Постъ и молитва,
Слезы и покаянье!
Слезы покаянье
Душамъ на спасенье.

Или въ стихѣ объ Іосифѣ царевичѣ изображеніе пустынической жизни:

Во тебѣ, матерь пустыня,
Гиплая Колода —
То сахарное мнѣ будетъ явство,
То мнѣ райская пища;
Во тебѣ, матерь пустыня,
Болотная вода —
То медвяное мое пойло,
То мнѣ тихія прохлады!
Разгуляюсь я, младъ юноша
Іосафій царевичъ,

Во зеленой во дубравѣ;
Тамъ есть частыя древа,
Со мной будутъ думу думати.
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати,
Христа Бога прославляти....

Описанія страшнаго суда и мукъ ада, заимствованныя по большей части изъ книгъ съ цѣлью напугать воображеніе и тѣмъ отвратить людей отъ грѣховной жизни, также могли быть только произведеніемъ фантазіи тѣхъ, которые спеціально заняты религіозными интересами. Эти описанія во всякомъ случаѣ выше въ художественномъ отношеніи описаній прозаическихъ, которыя составлялись нашими грамотеями на славяно-русскомъ языкѣ съ тою же цѣлью. Въ послѣднихъ и религіозный аскетизмъ дѣйствуетъ какъ-то болѣзненно на воображеніе; цѣль его не та, чтобы представить высшее неподкупное правосудіе, карающее за беззаконія, а только навязать воображенію пугало, которое отняло бы всѣ, даже самыя невинныя удовольствія жизни. Русскій Данте нашелъ бы здѣсь довольно матеріаловъ для изображенія ада. Вотъ коротенькая повѣсть, хотя въ ней и видны слѣды иноземнаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе она представляетъ примѣръ, какъ разжигалась фантазія ревнителя вѣры, дошедшаго до крайней нетерпимости:

„Дѣвка нѣкая во дни святые, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче во играхъ, въ веселіи, въ танцѣхъ пребывала, и нѣкоего дни отъ утра даже и до вечера во глумленіяхъ и въ танцѣхъ пребывше, въ вечеръ глубокій возвратися въ домъ свой и сидя тако, дая себѣ покой и воздремля мало, точію очи смежише, въ томъ снѣ восхищена бысть отъ бѣсовъ, и занесоша ю бѣсы въ геену, и тамо ю тако опалиша, яже не единъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими вреды страшными обложися и нестерпимый смрадъ испущая, и по опаленіи единъ демонъ головню ей горячую въ уста ея вонзе и рече: имѣй сіе за пѣсни, и за танцы, и прелестныя ризы: ризы же ея ни слѣду опаленія

пріяша. Обудися, воплемъ страшнымъ отъ болѣзни кричаше, матери же и инымъ пребывшимъ, что ей сотворися, всѣмъ повѣдая; призванный же священникъ на исповѣди *ни единаго смертнаго грьха обрьте* едино се, еже, все тщаніе имѣ *танцовати и пьсни пьти*“ *).

При обозрѣніи духовныхъ стиховъ по справедливости сосредоточивается особенное вниманіе на стихѣ *о Голубиной книгѣ*. Г. Галаховъ представляетъ полный, скажемъ даже, образцовый разборъ этого произведенія, гдѣ древнѣйшія вѣрованія народа соединились съ понятіями христіанскими, преданія съ книжными сказаніями. Авторъ обстоятельно указываетъ на источники этого стиха, пользуясь новѣйшими изслѣдованіями.

Г. Галаховъ, повидимому, согласенъ, съ г. Буслаевымъ отнести къ духовнымъ стихамъ и повѣсть „о Горѣ-злосчастіи“, но едва ли можно съ этимъ согласиться, если имѣть въ виду, что духовные стихи составляютъ особенный кругъ, тѣсно-связанный со сферой каликъ перехожихъ, которыми они поются. Повѣсть о Горѣ-злосчастіи не имѣетъ съ ними ничего общаго, развѣ только религіозное настроеніе, но здѣсь оно вытекаетъ не изъ аскетизма, не изъ стремленія представить нищенствующую жизнь образцовою въ христіанствѣ, а является какъ необходимый элементъ русской нравственной жизни XVII столѣтія. Здѣсь передъ нами поэтъ моралистъ, который вѣритъ въ святость старо-русскаго идеала, идеала Домостроя, и отстаиваетъ его противъ вліянія другой жизни. Онъ показываетъ, какое слѣдствіе можетъ произвести отступленіе отъ этого идеала, увѣренный, что внѣ его круга нѣтъ счастія человѣку, что, напротивъ, перешагнувъ черезъ этотъ магическій завѣтный кругъ, человѣкъ роднится съ навязчивымъ Горемъ-злосчастіемъ, отъ котораго можетъ избавиться развѣ только въ монастырскихъ стѣнахъ; другими словами, угрызеніе совѣсти за отреченіе отъ идеала уже не допускаетъ возврата къ нему въ жизни, а требуетъ долгаго покаянія и слезъ, требуетъ совершеннаго отреченія отъ того міра, гдѣ существуетъ только един-

*) Памятники старинной русск. литер., ч. I.

ственный, нравственный идеалъ жизни. Это дѣйствительно поэтическое произведеніе тѣсно связано съ русскою жизнью, но не всего народа, а того класса, который выработалъ себѣ идеалъ Домостроя. Герой повѣсти вездѣ представляется горожаниномъ, сыномъ родителей зажиточныхъ. Все это никакъ не позволяетъ намъ смѣшивать повѣсти съ пѣснями, извѣстными подъ именемъ *„духовныхъ стиховъ“*, у которыхъ совсѣмъ другой характеръ, какъ мы уже видѣли.

XII.

Отъ духовныхъ стиховъ г. Галаховъ производитъ и такъ называемыя народныя легенды, которыя онъ именуетъ также духовными сказками народа, замѣчая, что онѣ относятся къ стихамъ такъ же, какъ сказки о богатыряхъ къ пѣснямъ о томъ же предметѣ, т.-е. къ былинамъ: „Сказка образовалась изъ былины: *и народная легенда ведетъ свое начало отъ духовнаго стиха, какъ другая, прозаическая форма, передающая тѣ же сюжеты*“ (истор., стр. 266). Вотъ съ этимъ-то послѣднимъ мы не совсѣмъ согласны, хотя не прочь согласиться съ дальнѣйшей характеристикой легендъ. Мы нисколько не отрицаемъ факта, что преданіе о пятницѣ разсказано и народнымъ (т.-е. духовнымъ) „стихомъ“, и народной легендой; можетъ быть, найдется и еще нѣсколько одинакихъ предметовъ, такъ какъ легенды начали записывать недавно и собраны онѣ далеко не всѣ; но имѣемъ въ виду также и слѣдующіе выводы автора: *„другимъ источникомъ* легендъ служили апокрифы повѣствовательнаго характера, *переработанные народомъ подъ вліяніемъ его религіозныхъ и нравственныхъ понятій.* Такъ легенда про Ноя и жену его Евгу взяла матеріалъ изъ апокрифическаго сказанія о Ковчегѣ Ноевѣ, приписаннаго Меѳодію, патріарху константинопольскому: такъ еще легенды о хожденіи апостоловъ по землѣ имѣютъ прямую связь съ апокрифомъ, извѣстнымъ подъ именемъ апостольскихъ обходовъ. Кромѣ того легенды пользовались и *многими иными, устными и письменными источниками,* слагая *разнородные матеріалы* въ одно цѣлое, не всегда легко разлагаемое на составные элементы“.

Значитъ, легенда брала матеріалъ отовсюду, или, иными словами, все, что переходило въ народъ какими бы то ни было путями, какъ фактъ, по его вѣрѣ, дѣйствительный, перерабатывалось его фантазіей сообразно съ его стремленіями и идеалами. Поэтому и выводъ, что „народная легенда ведетъ свое начало отъ духовнаго стиха, какъ другая, прозаическая форма, передающая тѣ же сюжеты", да проститъ насъ авторъ, намъ кажется выводомъ натянутымъ. Что былины перешли въ сказки, объ этомъ нельзя и спорить—одни и тѣ же типы, одно и то же содержаніе; но что легенда есть только „прозаическая форма, передающая тѣ же сюжеты", какіе и стихъ, это видимо противорѣчитъ и дальнѣйшимъ словамъ самого автора. Мы даже не знаемъ, что̀ въ нихъ общаго, исключая двухъ-трехъ изъ напечатанныхъ до настоящаго времени. Развѣ только то, что нѣкоторыя лица берутся изъ священнаго писанія, но какъ содержаніе, такъ и типы, и идеалы, и цѣли—все разное. Слѣдственно, на легенды мы должны смотрѣть какъ на произведенія самостоятельныя, вызванныя жизнью народа и выработавшія себѣ соотвѣтственную форму. Имѣя въ виду происхожденіе легенды отъ духовныхъ стиховъ, г. Галаховъ назвалъ ихъ *духовными сказками* по аналогіи съ богатырскими сказками, происшедшими отъ богатырскихъ пѣсенъ; но едва ли можно удержать за ними это названіе, такъ какъ религіозный интересъ въ нихъ вовсе не главный. Намъ даже кажется, что имъ не совсѣмъ идетъ и названіе легенды, которыхъ основа должна быть историческая, въ нихъ же только лица изъ библейской исторіи, все же прочее, за весьма немногими исключеніями, не имѣетъ никакого историческаго основанія. Какъ онѣ называются въ народѣ, мы не знаемъ, но если есть имъ какое-либо названіе, то лучше бы и усвоить его въ литературѣ. Въ нихъ мы видимъ маленькія повѣсти или разсказы, соотвѣтствующіе развитію простого народа и тѣмъ стремленіямъ, которыя занимаютъ его духовную жизнь, слѣдственно, повѣсти простонародныя. Онѣ еще болѣе утверждаютъ насъ въ мысли, что духовные стихи принадлежатъ только извѣстному, сравнительно незначительному классу народа и потому не могутъ выражать всего народа. Стоитъ только сравнить, какъ отра-

жаются въ тѣхъ и другихъ религіозныя идеи и даже какъ развиваются. Въ стихахъ вы видите еще аскетизмъ, разрывъ съ дѣйствительною жизнью, призывъ къ покаянію, плачъ за грѣховную жизнь и проч., все то, что составляло спеціальные интересы людей, посвятившихъ себя исключительно религіознымъ цѣлямъ; тамъ народа нѣтъ, вы видите только личности, не принадлежащія народу. Въ легендахъ раскрывается дѣйствительная жизнь со всѣми мірскими интересами, религіозность является какъ основаніе нравственности, а не какъ противорѣчіе этой жизни; религія, напротивъ, миритъ народъ съ жизнью не въ смыслѣ отреченія отъ міра, словомъ, здѣсь вы видите народъ, который понимаетъ жизнь какъ что-то цѣльное, а не раздвоенное, который изображаетъ только то, что выработалось въ дѣйствительности подъ вліяніемъ извѣстныхъ понятій. Онъ не вноситъ идеаловъ въ жизнь извнѣ, а напротивъ, они въ самой жизни вырабатываются у него, оттого практичность, возможность ихъ первое условіе. Оттого и религія не разсматривается у него какъ что-то отдѣльное, а очень практически соединяется со всѣми житейскими интересами. Ясно, что при такомъ взглядѣ, при такой переработкѣ понятій, переходящихъ извнѣ, народъ не могъ заниматься составленіемъ духовныхъ стиховъ, такъ какъ они требуютъ спеціальнаго настроенія религіознаго духа.

Какъ народъ передѣлываетъ чужіе факты, примѣняя ихъ къ себѣ, это отлично показываетъ легенда объ Егоріи храбромъ, передѣланная дѣйствительно изъ духовнаго стиха, который и до сихъ поръ поется нищими, но котораго народъ не принялъ въ такомъ видѣ. Въ легендѣ нисколько не говорится о мукахъ за вѣру, а прямо изображаются въ образѣ Егорія, мужицкаго сына, всѣ тѣ страданія и муки, которыя вытерпѣлъ русскій народъ во времена татарскаго ига, вытерпѣлъ и наконецъ восторжествовалъ — это коротенькая исторія татарской эпохи. Она разсказывается въ юго-восточной Руси, тамъ, гдѣ народъ особенно страдалъ отъ татарскаго погрома. Приведемъ ее всю:

„Не въ чужомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ

много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ и началъ онъ брать вьюницъ и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, моханину. Горе да и только, слезъ-то, слезъ-то что было пролито! Всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться. И вотъ жилъ да былъ [въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкахъ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорія былъ не младенческій: бывало, услышитъ какую молитву и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить его слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорія въ науку. А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ *Змѣемъ Горынычемъ*: такъ онъ былъ золъ и хитеръ, просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало, выѣдетъ на охоту, дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколетъ, а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ онъ разъ Антипа и Марью, и больно полюбилась она ему. Сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ въ градъ, чтобы избавить мать свою отъ злой неволи; взялъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты брагимовы

и видитъ: стоятъ злые нехристи и „нещадно бьютъ мать его бѣдную“. Повалился Егорій самому хану въ ноги и „сталъ просить за мать родную“; Брагимъ, грозный ханъ, закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устрашился и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ „пилить его пилами, рубить топорами“; у пилъ зубья посшибались, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ „варить его въ смолѣ кипучей“, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокій погребъ: тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій—все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ: стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и пустилъ ихъ на Брагима, хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его копьемъ, „а мать свою отъ злой неволи освободилъ“.

Ясно, что здѣсь чисто-религіозный интересъ уступаетъ мѣсто интересу семейно-патріотическому: Егорій вытерпѣлъ страшныя муки не за вѣру, а за родную мать — родную землю, а въ вѣрѣ находилъ только подпору своему терпѣнію и наконецъ восторжествовалъ надъ татариномъ и освободилъ мать отъ злой неволи. Слѣдственно, здѣсь религіозный характеръ теряетъ свой преобладающій колоритъ, а входитъ только какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ жизни, сливаясь съ прочими. То же самое является и во всѣхъ другихъ простонародныхъ разсказахъ. Коснувшись ихъ, необходимо имѣть въ виду, что за ними нельзя считать много столѣтій, какъ, напр., за народными былинами: онѣ могли составиться въ недавнее время, судя по ихъ типамъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ даже послѣднему времени. Въ нихъ выражается народъ, намъ современный съ своими стремленіями, взглядами и понятіями. Поэтому намъ хотѣлось бы, чтобы историкъ, раскрывая ихъ, не ограничился только общею краткой характеристикой, а вошелъ бы во

многія подробности. Въ наше время особенно высказалось сознаніе въ необходимости сблизиться съ народомъ, откуда, конечно, вытекаетъ первая потребность узнать этотъ народъ, иначе невозможно думать и о самомъ сближеніи.

Но какимъ образомъ можно лучше узнать его, какъ не съ помощью собственныхъ его произведеній, гдѣ фантазія, нисколько не таясь, представляетъ въ живыхъ образахъ все то, что народъ думалъ, чувствовалъ, къ чему стремился, въ чемъ ощущалъ потребность. Фантазіи запугать нельзя, какъ запугивается умъ, отъ котораго вы часто ничего не добьетесь, даже имѣя въ виду добрыя цѣли: фантазія какъ въ зеркалѣ всегда отражаетъ въ себѣ всю внутреннюю дѣятельность, все настроеніе духа и высказывается прямо, не опасаясь, что ее подслушаетъ какой-нибудь недоброжелатель. Пусть легенды пользовались разными источниками, пусть поэтому содержаніе ихъ заимствовано, но оно, повторимъ слова г. Галахова, переработано народомъ „подъ вліяніемъ его религіозныхъ и нравственныхъ понятій". Вотъ эти-то религіозныя и нравственныя понятія и важны для насъ; ихъ-то и нужно раскрыть въ народныхъ идеалахъ; тогда необходимо будетъ коснуться и многихъ подробностей, дающихъ опредѣленіе народнымъ понятіямъ; а подробности, конечно, раскроютъ намъ и національную и общечеловѣческую сторону произведеній.

Имѣя въ виду все это, мы никакъ не можемъ довольствоваться однимъ общимъ опредѣленіемъ нравственной стороны легендъ. Найдя нравственное начало ихъ, какъ основу общечеловѣческую, мы хотимъ видѣть, какъ понимаетъ народъ добро и зло, въ чемъ ихъ находитъ и какъ на нихъ смотритъ, хотимъ знать, какія качества въ его идеалѣ особенно развиваются и какія обстоятельства ихъ вызвали, черезъ что, конечно, намъ хорошо опредѣлится и самая жизнь народа, а этого-то мы и ждемъ отъ исторіи. Слѣдственно, не общая мораль здѣсь интересуетъ насъ, а частное ея примѣненіе къ извѣстной жизни и въ извѣстную эпоху.

Для насъ, конечно, очень важно замѣтить, что народное сочувствіе всегда на сторонѣ слабаго, народная мысль всегда о несчастномъ — это никакъ не показываетъ испорченности

массы; но тутъ же намъ интересно раскрыть понятіе народа о счастіи и несчастіи. Послѣднее онъ полагаетъ въ бѣдности, въ матеріальномъ недостаткѣ существованія, въ болѣзни и въ угрызеніи совѣсти за совершенное преступленіе; счастіе же видитъ въ богатствѣ и во власти. Все это, разумѣется, выведено имъ изъ опытовъ жизни, изъ дѣйствительности. Кого фантазія народная хочетъ представить счастливцемъ, тотчасъ же одѣляетъ богатствомъ или женитъ на дочери царя и дѣлаетъ царскимъ наслѣдникомъ; власть представляется народу въ двухъ правахъ—миловать и карать по собственной волѣ: „Царь объявляетъ, что кто вылѣчитъ больную его дочь, тому *полъ царства*, а не вылѣчитъ—*голова съ плечъ, на тычинку повьсятъ* (разсказъ „Попъ завидущіе глаза“). Баринъ, заставляя кузнеца передѣлать его въ молодого, прибавляетъ угрозу: „не то быть худу—*попробуешь у меня березовой бани*». Барыня, узнавъ, что „кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и *велѣла тащить кузнеца на висѣлицу*“ (разсказъ Кузнецъ и чортъ).

Богатство, по народному взгляду, развиваетъ въ человѣкѣ гордость, сердечную огрубѣлость, хладнокровіе къ бѣдамъ ближняго, немилосердіе — все это сама жизнь представляла народной наблюдательности. Человѣкъ, постоянно въ потѣ лица добывающій себѣ пропитаніе, конечно, долженъ считать блаженнымъ то состояніе, которое освобождаетъ отъ этого труда и позволяетъ жить такъ, какъ хочется; отсюда богатство—главное условіе счастія. Но сдѣлавшійся богатымъ чувствуетъ свою силу и ею подчиняетъ себѣ слабаго. Такимъ образомъ источникъ счастія и порока, который, какъ явленіе безнравственное, вызываетъ наказаніе—одинъ и тотъ же. Чтобы примирить это противорѣчіе, народъ въ своемъ идеалѣ развиваетъ, какъ главное его свойство, *милосердіе* и *состраданіе*. Оно примиряетъ бѣднаго съ богатымъ; оно даетъ счастію право на нравственное значеніе. Обыкновенно въ идеалѣ преобладающею представляется та черта, которая слабо развита въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, или, лучше сказать, черта, противоположная той, которая слишкомъ часто проявляется въ жизни, не по праву нравственности, а по

праву силы или страсти. Народъ въ своемъ идеалѣ проситъ милосердія, состраданія, какъ первой для себя потребности, и зато какія награды рисуетъ фантазія за эти добродѣтели и какія казни за недостатокъ ихъ въ человѣкѣ. Здѣсь она уже опирается на религію и освѣщаетъ ею свои нравственныя требованія; здѣсь уже религія примиряетъ несчастнаго и слабаго съ его жизнью. Въ „странствіи Христа съ апостолами“ стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить: „Іисусе, мы пить хочемъ“, говорятъ они Спасителю. „Ступайте“, сказалъ Спаситель, „вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтесь“. Апостолы пошли; шли, шли и видятъ колодезь. Заглянули туда, тамъ-то срамота, тамъ-то скверната — жабы, змѣи, лягвы (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю.—„Что-жъ, испили водицы?“—спросилъ ихъ Христосъ—„Нѣтъ Господи!“—Отчего?—Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: „Іисусе, мы пить хочемъ“. Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: „вотъ видите колодезь, ступайте и напейтесь“. Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо, тамъ-то прекрасно: растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова. Напились апостолы, а вода такая чистая, студеная, да сладкая, и воротились назадъ. — „Что такъ долго не приходили?“—спрашиваетъ ихъ Спаситель.—Мы только напились,—отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки.—„Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. *Каково въ первомъ колодези—таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику* (который отказалъ имъ въ ночлегѣ), *а каково у другого колодезя—таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ* (которая приняла ихъ и накормила)“.

Какъ сильно чувствовалъ народъ потребность въ милосердіи и состраданіи, особенно видно изъ разсказа, гдѣ Касьянъ отказалъ въ помощи *мужику*, у котораго въ осеннюю пору завязъ возъ на дорогѣ, отказалъ, чтобъ не вымарать своего свѣтлаго платья, и какъ помогъ бѣдняку Никола-угод-

никъ, и потомъ весь выпачканный грязью явился къ Богу. Богъ одобрилъ поступокъ Николы и наградилъ его, тогда какъ къ Касьяну отнесся съ неудовольствіемъ. Вотъ какъ народная фантазія рѣшила вопросъ: отчего Николѣ-угоднику празднуютъ два раза въ годъ, Касьяну же одинъ въ три года. Еслибы народную думу постоянно не занимала мысль о милосердіи, то, конечно, и фантазія не могла бы создать такой сцены съ безпомощнымъ мужикомъ.

Дѣйствительность убѣдила народъ, что немилосердый и гордый человѣкъ очень часто и не наказывается въ жизни, а несчастный и сострадательный нерѣдко доживаетъ до самыхъ послѣднихъ лишеній, что̀ выразилось чрезвычайно вѣрно въ томъ же разсказѣ о странствіи Христа съ апостолами, гдѣ немилосердый мужикъ разбогатѣлъ еще больше, найдя бочку съ золотомъ, а сострадательная вдова обнищала окончательно, лишившись послѣдней коровы. Но нравственное значеніе такой жизни народомъ возстановляется мыслью о высшей наградѣ послѣ смерти. Эта мысль миритъ народъ съ постоянными несправедливостями, которыя въ жизни бросаются въ глаза. Но въ то же время онъ не усвоилъ себѣ аскетическаго взгляда на жизнь, который требуетъ добровольнаго отреченія отъ всѣхъ мірскихъ благъ, напротивъ, онъ видитъ, какъ мы замѣтили, въ богатствѣ счастіе, къ которому и стремится, только въ идеалѣ ставитъ въ тѣсной связи съ нимъ милосердіе и состраданіе, безъ которыхъ богатство лишается нравственной основы.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ развивается въ народѣ извѣстная мораль и извѣстные идеалы. Мы коснулись только этой стороны простонародныхъ повѣстей, но въ нихъ есть и другія, заслуживающія вниманія или по отношенію народа къ разнымъ явленіямъ жизни, или по типамъ, взятымъ изъ народной дѣйствительности, какъ, напр., типъ попа, солдата и др. Чортъ, какъ представитель зла, порока и всего дурного, очень часто является въ повѣсти дѣйствующимъ лицомъ, но онъ очень рѣдко торжествуетъ надъ умомъ, который въ соединеніи съ религіозностью проводитъ его и ставитъ въ самое комическое положеніе. Но разбирать все это въ подробности потребовало бы отъ насъ довольно

времени. Мы считаемъ своимъ дѣломъ только подтвердить примѣрами свои сужденія и предположенія, чтобы они не казались голословными, невозможными и непрактическими: поэтому на всѣхъ подробностяхъ останавливаться не можемъ, какъ бы ни были онѣ сами по себѣ интересны.

Нѣкоторыя изъ народныхъ пѣсенъ сложились въ послѣднее время и рѣзко отличаются отъ другихъ, сложившихся раньше; но между тѣми и другими замѣчается тѣсная связь, такъ что первыя объясняются послѣдними, какъ предыдущая эпоха жизни объясняетъ послѣдующую.

Въ легендахъ мы видѣли протестъ бѣдности, слабости, всего страдающаго противъ насилія богатства и власти, протестъ, основанный на религіозныхъ вѣрованіяхъ, слѣдственно, сильный своею нравственною стороною. Въ пѣсняхъ также слышится протестъ, но направленный противъ другой стороны дѣйствительности. Здѣсь постоянно являются два поколѣнія—старшее и младшее, первое господствующее, сильное своими родовыми преданіями, на которыхъ крѣпятся всѣ его нравственныя понятія, вѣрующее въ достоинство идеаловъ, выработанныхъ въ старыя времена, торжествующее надъ вторымъ своею силою, властью, авторитетомъ отцовъ и дѣдовъ; второе—вполнѣ подвластное ему, чувствующее свои молодыя силы и въ то же время страшный деспотическій гнетъ надъ личностью, сознающее свое безотвѣтное тяжелое положеніе предъ авторитетомъ старшихъ и безсильное что-нибудь сдѣлать для своего счастія. Лиризмъ здѣсь идетъ изъ устъ молодого поколѣнія, это затаенный, глухой протестъ личности противъ семейнаго деспотизма, который какъ сѣтями опутываетъ молодую личность, хочетъ подавить въ ней всѣ свободныя движенія души, хочетъ распоряжаться ея жизнію и счастіемъ, втѣснить всѣ ея чувства въ извѣстные предѣлы, чтобы въ ней увѣковѣчить свой идеалъ. Но молодая природа, имѣющая свои права на жизнь, не вдругъ можетъ подчиниться всѣмъ этимъ условнымъ требованіямъ стараго идеала, она стремится жить своею жизнью; молодая личность хочетъ наконецъ сама найти себѣ счастіе согласно съ своими чувствами; но сила, господствующая надъ нею, слишкомъ велика, и вотъ подавленныя ею чувства находятъ себѣ исходъ

въ грустныхъ жалобахъ на судьбу. Сознаніе своего полнаго безсилія противъ этой гнетущей силы наконецъ должно было представить ее въ образѣ рока, судьбы, которой нельзя избѣжать и поневолѣ нужно подчиниться. Но примиренія тутъ нѣтъ, развѣ только смерть являлась примирительницею. Добрый молодецъ объявляетъ, что онъ не слушается отца, послушается матери, женится на иной женѣ, не на той, съ которой онъ соединялъ мысли о счастіи.

Обвѣнчаюсь я съ иной женою,
Со смертью раннею и насильною.

Въ отвѣтъ ему слышится голосъ любимой имъ дѣвушки:

Нѣтъ у горлицы двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедушковъ —
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ.

И вотъ слѣдствіе этого:

Не спитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Такимъ трагическимъ концомъ выразился протестъ противъ насилія семейнаго деспотизма. Или вотъ молодая женщина плачется на отца и мать, что приневолили ее выдти за стараго мужа нелюбимаго, что жизнь ея навѣки погублена, и не найти ей счастія; остается только одно:

Текутъ, текутъ слезыньки по бѣлу лицу,
Утираю слезыньки бѣлымъ платкомъ...
Горькою пташечкою кукушечкою
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
На любиму яблоньку на матушкину:
Горькими слезами я весь садъ потоплю,
Тяжелыми слезами весь садъ посушу,
Закукую въ садикѣ жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Любезныхъ невѣстушекъ побуживаетъ:
— «Вставайте невѣстушки-голубки мои!

Что это за чудо у насъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дождя безъ сильнаго садикъ потонулъ?
Что у насъ во садикѣ за пташка поетъ,
Жалобною пѣсенкой сердечушко рветъ,
Ретиву сердечку назолу даетъ?»
Большая невѣстушка возговоритъ:
— «Что это за пташечка—пойдемъ, поглядимъ!»
Середняя невѣстушка: «пойдемъ, пзловимъ!»
А малый-то братецъ: «пойдемъ, застрѣлимъ!»
Жена ему молвила: «пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка сестрица твоя,
Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
Со чужой сторонушки, изъ лихой семьи!»
— «Али ты безумная! сестрица моя —
Бѣлая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, *худа и блѣдна».*
— «Оттого худа-блѣдна—въ чужой сторонѣ,
На чужой сторонушкѣ плохое житье».

Вотъ въ какихъ жалобныхъ драматическихъ сценахъ представился протестъ угнетенной личности. Чужая сторона, т.-е. не свое село, не своя семья, также не давала личности свободы, чувству простора: тамъ существовали тѣ же понятія, тотъ же гнетъ, да кромѣ того еще чужіе люди, которые только заботились о своихъ семейныхъ интересахъ; счастія не могъ найти и тамъ человѣкъ, отдѣлившійся отъ семьи, или бездомный сирота, и вотъ чужая сторона сдѣлалась выраженіемъ самой горькой одинокой жизни:

Чужая сторона безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ.
Она горемъ вся пзнасѣяна,
Она слезами поливана.

Сирота, промаячивъ свою жизнь, наконецъ благодаритъ кувшинъ (конечно съ водкой), который размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину:

Во слезахъ родился я, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ,
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня, молодца, полюбила.
Изсыхаютъ во слезахъ мои ясныя очи,
Изнываетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій...

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ сильно и глубоко наконецъ почувствовалась эта неправильность отношеній между членами семьи, и какъ заговорила человѣческая природа за свои права противъ подавляющей ее силы. Но она пока еще не видала никакого счастливаго исхода изъ своего положенія и могла заявлять свой протестъ только безвыходной грустью. Правда, въ жизни болѣе сильныя и страстныя натуры, убѣдившись въ безполезности борьбы, находили себѣ исходъ: онѣ разрывали всѣ связи съ семьею и съ обществомъ, которое подавляло всякую личную самостоятельность, и уходили въ темные лѣса, захвативъ съ собою булатный ножъ. Тамъ онѣ составляли свое особенное общество и открыто становились во враждебныя отношенія ко всему остальному міру. Такъ какъ у нихъ были свои интересы, свои стремленія, то онѣ создали и свою пѣсню, которая по ихъ имени назвалась разбойничьей пѣсней. Тамъ вмѣстѣ со злобою на людей сознаніе безграничной свободы, безотчетный разгулъ, буйная жизнь, какъ крайность, вызванная крайностью. Тамъ отвергнуты совершенно родовыя нравственныя понятія, а признана только сила личности и добровольное ей подчиненіе.

Многіе сентиментальные патріоты, а между ними и критики говорятъ о русской пѣснѣ не иначе, какъ только съ восторженными восхваленіями, съ большимъ запасомъ лирическихъ восклицаній, ну, кажется, они желали бы вѣкъ слушать народъ, поющій эти пѣсни, не разсуждая, какая суровая дѣйствительность вызывала ихъ. Мы же скажемъ: пока народъ будетъ ихъ пѣть, онъ не можетъ назвать себя счастливымъ, или, иначе, онѣ забудутся въ народѣ тогда, когда въ его средѣ выработаются новыя нравственныя отношенія—семейныя и общественныя, которыя будутъ давать просторъ личному развитію и не будутъ давить тяжелымъ гнетомъ природу человѣка. Тогда не будетъ нужды въ протестѣ, слѣдственно, забудется и пѣсня, выражающая этотъ протестъ. Сентиментальные патріоты пожалѣютъ ее; но жизнь дороже пѣсни, болѣе правильныя отношенія между людьми, общечеловѣческое достоинство идеаловъ жизни важнѣе грусти, скорби и плача о погибшихъ надеждахъ на счастіе.

Въ пѣсняхъ, сложенныхъ въ послѣднее время, представляется уже не глухой протестъ, а голосъ личности, отказавшейся отъ прежнихъ идеаловъ и сознавшей свою силу. Эти пѣсни складываются большею частью по городамъ, гдѣ другія условія и обстановка жизни даютъ личности больше возможности развиться и сознать себя. Въ художественномъ отношеніи онѣ значительно ниже первыхъ; а строгій моралистъ осудитъ и нравственное ихъ значеніе и даже заключитъ по нимъ о сильномъ упадкѣ нравственности въ народной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ, повидимому, уничтожены всѣ нравственныя семейныя отношенія, личность какъ будто мститъ за прошлое насиліе надъ собою и даетъ своей страсти полный просторъ. Мотивы этихъ пѣсенъ такъ же мало разнообразятся, какъ и первыхъ, но не жалобы, не грусть о безъисходномъ положеніи выражаются въ нихъ, а другая крѣпкая дума:

Добрый молодецъ коня поилъ,
Напоилъ коня, во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
«*Ужъ и какъ-то мнѣ жену убить?*
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Всѣ народушки пріугомонятся!

Какъ за матушкой за Волгой за рѣкой,
Косилъ Ванюшка шелковую траву,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросалъ:
«Пропадай моя укладная коса.
«*Ты умри, умри, упрюмая жена!*
Ужъ я взялъ бы красну дѣвку за себя,
Урядилъ бы я, украсилъ для себя.

Или дума замужней женщины:

Ужъ вы, люди, люди добрые,
Не видали-ль вы какъ туча шла,
Не слыхали-ль вы, какъ громъ гремѣлъ,
Моего стараго мужа молоньей сожгло?

Изъ кузницы молодой кузнецъ
Куетъ, куетъ, приколачиваетъ,
Меня младу приговариваетъ;
Сулитъ, сулитъ мнѣ ключъ съ замкомъ;
А мнѣ младой его не хотѣлося,
Мнѣ хотѣлося пистолетъ съ ружьемъ,
Ружьемъ-то я постылаго мужа застрѣлю,
Пистолетомъ я мила дружка подарю.

Такая драма есть необходимое слѣдствіе прежняго стѣсненія личности, у которой не было воли устроить свое счастіе и которая сама была постоянно жертвой чужихъ идеаловъ. Почувствовавъ свою силу, она теперь не задумывается принести своему счастію въ жертву другихъ, которые были ему помѣхою. Пѣсня представляетъ намъ первое мгновеніе освобожденія личности, когда она, отказавшись отъ прежнихъ нравственныхъ основаній жизни, еще не успѣла себѣ выработать и опредѣлить новыхъ. Она здѣсь признаетъ только законность чувства и страсти, предъявляетъ свои права на счастіе и энергически стоитъ за нихъ. Зато въ какихъ страшныхъ и часто въ чудовищныхъ образахъ фантазія выражаетъ порывы этой страсти, вырвавшейся изъ-подъ гнета и вступающейся за свои права въ жизни. Что можетъ быть болѣе дикаго, какъ, напр., подобныя угрозы изъ устъ дѣвушки, обманутой своимъ полюбовникомъ:

Ужъ и я красна дѣвушка,—некруглая сирота:
У меня ли, у дѣвушки, есть отецъ, есть и мать,
Есть два брата соколы. Я велю тебя поймать.....
Какъ изъ рукъ твоихъ изъ ногъ себѣ стульчикъ я собью,
Изъ широкихъ костей я кроватушку смощу,
Я изъ буйной головы сидовницу сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей пару рюмокъ выточу,
А изъ алой твоей крови брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твово сала себѣ свѣчъ я налью,
Изъ русыхъ изъ кудрей фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твово тѣла пироговъ я напеку,
А изъ пальчиковъ-суставчиковъ похлебочку сварю.
Созову я, красна дѣвушка, всѣхъ подруженекъ,
Какъ и первую подруженьку сестрицу твою,
Посажаю я подруженокъ на лавочку,
А любимую подружку на скамеечку,
Сама сяду молода на кроватушку.

«Загадаю вамъ, подруженьки, я загадочку,
А загадочку, подружки, неотгадливую:
Я на миломъ сижу, я на милаго гляжу,
Стоитъ милый предо мной,
Бѣлой сальною свѣчой,
Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ печкѣ сидитъ,
Я изъ мила наливаю,
Во миломъ я подношу,
Дружкомъ подчиваю.
Какъ и всѣ мои подружки призадумалися....

Какого бо̀льшаго доказательства, воскликнетъ строгій моралистъ, можно потребовать, чтобъ убѣдиться въ полномъ нравственномъ разложеніи жизни! Дѣйствительно, защищать нравственную сторону всѣхъ этихъ сценъ и стремленій было бы довольно смѣло; но тутъ мы замѣчаемъ еще одну черту, которая удерживаетъ насъ отъ совершеннаго осужденія и убѣждаетъ, что жизнь не потеряла своей нравственной основы, или, лучше сказать, нашла новую основу, на которой и должны развиться настоящія отношенія семейныя и общественныя. Любовь, правъ которой не признавалъ прежній деспотизмъ, является здѣсь уже не съ безнадежными жалобами и не съ глухимъ протестомъ, а съ сознаніемъ своей законности, съ своими требованіями, разрушающими прежнія стѣснительныя, насильныя отношенія, основанныя на рабской покорности. Мужъ, тяготясь насильнымъ бракомъ, уговариваетъ жену:

Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая,
За постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
За посхименье дамъ тебѣ тысячу,
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобью ее чернымъ бархатомъ,
Ты въ ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися—Богу молитися.

Жена соглашается. Черезъ нѣсколько времени свободный мужъ проѣзжаетъ съ купцами мимо кельи:

Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«А и что это, братцы, за келейка?

Хороша келья построена,
И малехонька и новехонька,
Ужъ и кто же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ «*млада старочка*»,
Хорошехонька, молодехонька,
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонившися слово молвила:
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя,
Не въ любви жила, не въ согласіи».

Мужъ, увидавъ свою прежнюю жену, вдругъ почувствовалъ къ ней любовь и какъ будто бы только теперь нашелъ настоящія нравственныя основанія для супружеской жизни:

Разстригися, жена моя *милая*,
За разстриженье дамъ тебѣ *тысячу*
За расхименье *все имньице*;
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со краснымп со оконцами,
Со хрусталными со стекольцами.
Будешь жить въ немъ, прохлаждатися,
Во цвѣтно платье наряжатися.

Любовь тотчасъ же нарисовала идеалъ счастливой жены, но уже было поздно. *Младой старочкѣ* оставалось одно отвѣтить на это:

Я останусь въ этой келейкѣ,
Ужъ я стану жить, спасатися,
За тебя Богу молитися».

Любовь если не соединила ихъ снова, то примирила ихъ и тѣмъ выказала свою нравственную силу. Вотъ другая пѣсня: пахарь разсердился на жену за то, что „чужія жены мужьямъ ѣсть принесли, а его жена долго хлѣба не несла“. Вырѣзавъ лозу на провинившуюся, онъ отправляется съ поля домой:

Подъѣзжаю ко двору—
Жена ходитъ по двору,
Набѣленая, нарумянепая,
Въ кокошничкѣ-рогачкѣ,
Въ коноватной фаточкѣ,

Во парчевыхъ рукавахъ,
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во бумажныхъ чулкахъ,
Въ переплетахъ башмаки.
Ужъ я брошу лозу,
Поцѣлую жену,
Поцѣлую, обойму,
Разлапушкой назову.

Вотъ какъ любовь обезоруживаетъ гнѣвъ даже и голоднаго мужа. Дѣвушка совѣтуетъ своему полюбовнику:

«Купи, купи, миленькій, шелковую плеть,
Ты бей учи, миленькій, угрюмую свою жену».
— Сударыня дѣвушка, *все не рѣчь ты говоришь:*
Съ угрюмой жоночкой мнѣ вѣкъ вѣковать,
А съ тобой, красна дѣвушка, одинъ часокъ часовать.

Слѣдственно, ясно высказывается сознаніе, какъ необходимы согласіе и любовь въ семейныхъ отношеніяхъ. Въ заключеніе приведу еще одну пѣсню: говоритъ мужъ о постылой женѣ:

«Ты хворай-ка, моя хозяюшка, побольнѣе,
Ты умри-ка, моя хозяюшка, поскорѣе!
Отпусти ты меня, добра молодца, на волю,—
Что на волюшку, добра молодца, на легку работу.
Я пойду ли съ горя во чисто поле,
А съ чистаго поля зайду въ рощицу зелену,
Я срублю-то сосеньку кудряву,
Я найму себѣ плотничка лихова,
Я построю себѣ, добрый молодецъ, гореньку нову,
Я возьму себѣ, добрый молодецъ, жену молодую,
Малымъ дѣтушкамъ возьму мачиху лихую.

За этими словами слышится голосъ дѣтей:

«Ты сгори-ка, сгори, горенька новая,
Ты умри-ка, умри, мачиха лихая:
Ты возстань-ка, возстань, матушка родная!

Мы знаемъ много пѣсенъ на эту тему, и во всѣхъ нихъ видимъ протестъ дѣтей противъ безразсудныхъ порывовъ личной страсти, не научившейся себя сдерживать и разрушающей семейную жизнь. Любовь дѣтей составляетъ одну изъ сильныхъ нравственныхъ связей между мужемъ и женою.

Она-то и является здѣсь для возстановленія поколебавшейся нравственности. Такимъ образомъ въ новыхъ пѣсняхъ русскаго народа мы не должны видѣть только одну испорченность нравовъ, вызывающую съ нашей стороны сожалѣніе и сѣтованіе, а необходимый переходный моментъ отъ прежнихъ нравственныхъ отношеній къ новымъ,—моментъ, когда родовыя понятія признаются въ жизни несостоятельными, и чувствуется потребность дать просторъ личности и выработать болѣе правильныя нравственныя понятія, основанныя на свободныхъ отношеніяхъ между людьми. Если личность здѣсь и заявляетъ себя преступными дѣйствіями, то она только оправдываетъ общій историческій законъ, по которому изъ одной крайности вытекаетъ другая. Сильное стѣсненіе личной свободы въ прежнія эпохи вызвало личность на дѣйствія, перешедшія предѣлы всякой законности; но это, какъ мы сказали, только первый моментъ. Время должно привести все къ равновѣсію и подчинить самую свободу личности общимъ законамъ, которые обезопасятъ слабаго отъ насилія сильнаго. Тогда выработается съ другими отношеніями и другая жизнь, тогда сложатся и другія пѣсни.

XIII.

Въ то время, какъ низшіе классы народа при самой неблагопріятной обстановкѣ туго и медленно развивали свои понятія, высказывая въ произведеніяхъ своей фантазіи только одинъ протестъ противъ несправедливости, насилія, стѣсненія, гнета, и тѣмъ доказывая, что общечеловѣческая сторона жизни не была у нихъ совершенно заглушена разными невзгодами, другія сословія постепенно выясняли себѣ идею науки и вносили ее въ жизнь, какъ новую силу, которая должна подчинить всѣ прочія силы, ставя человѣка въ отношенія болѣе правильныя къ природѣ и обществу. Мы видѣли, въ какой заколдованный кругъ попалъ идеалъ русской жизни въ XVI стол., идеалъ Домостроя, видѣли, что нужна была какая-нибудь новая сила, которая бы разбила его цѣпи и дала бы ему свободный выходъ изъ этого круга. Такая

сила явилась ему на помощь извнѣ, черезъ наше столкновеніе съ католичествомъ и съ Европою,—столкновеніе, которое рано или поздно должно было произойти непремѣнно уже по одному географическому положенію Россіи, не принимая въ разсчетъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ. Первое проявленіе этой силы выказалось въ такъ называемой схоластической наукѣ и литературѣ, которыя у насъ развиваются въ XVII стол. и которыя у г. Галахова разобраны весьма подробно. Здѣсь авторъ искусно раскрываетъ факты, даетъ основательное понятіе какъ о сущности, такъ и о направленіи нашей схоластической словесности; прослѣдивъ ея развитіе въ исторической послѣдовательности сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ. За все это нельзя не благодарить почтеннаго автора. Но при этомъ намъ хотѣлось бы выяснить еще одну сторону, которая съ нашей точки зрѣнія является очень важною въ исторіи. Мы уже не разъ говорили, что для насъ только то развитіе интересно, въ которомъ видятся стремленія общечеловѣческія, въ которомъ жизнь вырабатывается на основаніи добываемыхъ истинъ и познаній, въ которомъ понятія освобождаются отъ ложныхъ представленій и зарождаютъ идеалы, отличающіеся отъ прежнихъ бо̀льшимъ человѣческимъ достоинствомъ. Все это мы и называемъ общечеловѣческою стороною и въ ней только видимъ настоящее стремленіе къ образованію, поэтому ее считаемъ центромъ, около котораго должны группироваться всѣ историческіе факты. Она представляетъ намъ ту мѣрку, по которой мы даемъ оцѣнку фактамъ, одни считая за важные, другіе менѣе важные, а третьи и совсѣмъ не имѣющіе значенія. Съ этой точки намъ представляется вопросъ: способствовала ли схоластика нашему общечеловѣческому развитію, т.-е. какое ея значеніе для насъ въ русскомъ образованіи, внесла ли она къ намъ новыя истины, и настоящія познанія и имѣла ли какое вліяніе на идеалы русской жизни, слѣдственно, и на направленіе самой жизни.

Схоластика западная, какъ извѣстно, явилась у насъ сперва въ Кіевѣ вслѣдствіе религіозныхъ потребностей, точно такъ же, какъ за нѣсколько вѣковъ тамъ же явилась и грамотность. Нашему духовенству нужно было пріобрѣсти то же

острое оружіе, какимъ сражались противъ православія ученые іезуиты. Кіевъ, благодаря своей близкой связи съ Польшею, не могъ гнушаться тѣмъ, чѣмъ бы погнушалась при своей односторонности и исключительной національности Москва. Она не завела бы у себя школы по образцу польскихъ школъ, не приняла бы католической науки. Въ Кіевѣ же нѣкоторые изъ духовенства получали воспитаніе въ Польшѣ и даже знакомы были съ европейскими университетами, слѣдственно, не могли бояться заразы отъ науки. Они убѣдились только въ ея силѣ и захотѣли ею воспользоваться. Москва могла принять ее только впослѣдствіи, когда увидѣла ее въ тѣсной связи съ православіемъ,—въ связи, выработанной кіевскими учеными, да и то не вдругъ побѣдила свое недовѣріе, а принимала съ осторожностью, со многими возраженіями, въ виду настоятельной потребности поражать расколъ, значитъ, также потребности религіозной.

Вотъ отчего изъ того, что выработала Европа, у насъ прежде всего явилась не та новая наука съ своими плодотворными идеями, которая начинала вести жизнь къ лучшей обстановкѣ на болѣе разумныхъ основаніяхъ, а та вѣковая и уже старѣвшая схоластика, которая старалась заковать мысль въ извѣстныя формы, давая уму опредѣленные предѣлы для дѣятельности. Для защиты православія оказалось нужнымъ поставить его въ ясныя отношенія къ католичеству и къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, а для этого необходимо было пользоваться тѣми же средствами, какими пользовались сильные враги. Слѣдственно, такое явленіе, не случайное, вытекало, какъ изъ законной необходимости, изъ всей исторической обстановки. Но въ какой степени было оно плодотворно для русской жизни, т.-е. внесло ли въ нее что-нибудь живое, какія-либо новыя идеи, истинныя познанія, которыя бы дали болѣе простора развитію общечеловѣческой ея стороны? Риторическія познанія, навыкъ вести споръ, объяснять догматы при помощи силлогизмовъ и другихъ умозаключеній, приводить ихъ въ строгую систему, все это, конечно, очень полезно и имѣло свое значеніе, что̀ можно видѣть изъ обстоятельнаго разбора г. Галахова; но все это внѣшность, форма, а не самая мысль.

Этими средствами воспользовались наши религіозные ученые для развитія и обработки тѣхъ идей, которыя составляли сущность православія, перешедши въ его догматы, слѣдственно, они приводили, такъ сказать, въ ясность прежнія, давнія идеи, принятыя отъ Византіи въ книгахъ, старались вполнѣ сознательно утвердить себя и другихъ въ православіи, но мы спрашиваемъ, самая схоластика вносила ли въ ихъ труды новую мысль для развитія русской жизни? Тѣхъ познаній, какія они почерпали изъ европейскихъ источниковъ и передавали въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ, мы не назовемъ важными. Возставая противъ невѣжественныхъ понятій народа, они передавали ему другія, почти такія же, значитъ, одно невѣжество смѣняли другимъ; тутъ сумма истинныхъ познаній, составляющихъ разумное образованіе человѣка, нисколько не увеличивалась. Что могли помочь человѣку въ правильномъ пониманіи природы и его отношенія къ ней хоть бы такія извѣстія, передаваемыя Галятовскимъ: „по ученію философовъ и астрологовъ всѣхъ небесъ одиннадцать — на первомъ, ближайшемъ къ намъ, луна, подъ вліяніемъ которой возрастаетъ человѣкъ, становясь изъ ребенка совершеннымъ мужемъ; на второмъ небѣ планета Меркурій; родившійся подъ нею бываетъ ораторомъ знаменитымъ... Солнце, пребывающее на четвертомъ небѣ, вліяетъ на разумъ и чувства человѣческія“ и пр. Или такія объясненія Кирилла Транквиліона: „огонь естество легкое, просвѣтительное, гореносное, скороходное, согрѣвательное, сожигательное, сквозь вся видимое проходительное. Огонь, на высшемъ мѣстѣ положенный, философы называютъ эфирскимъ ношеніемъ... Вода солона отъ природы, ибо въ противномъ случаѣ, стоя на одномъ и томъ же мѣстѣ отъ созданія міра, она загнила бы и засмердѣла, смрадомъ своимъ заразила бы воздухъ и сгубила людей... Въ человѣческомъ тѣлѣ четыре элемента: плоть отъ земли, кровь отъ воды, дыханіе отъ воздуха, теплота отъ огня. Чувствъ пять разныхъ и неровныхъ, подобно стихіямъ видимаго міра: вкусъ какъ земля, обоняніе какъ вода, слышаніе какъ воздухъ, зрѣніе какъ огонь, осязаніе—отъ живой души. Составомъ своимъ человѣкъ причастенъ всякому творенію: землѣ плотію, водѣ кровію, ды-

ханіемъ воздуху, теплотою огню, древу растительному силою, безсловеснымъ яростію и похотѣніемъ, бездушнымъ ногтями и власами, нечувствующими боли, когда ихъ обрѣзываютъ словеснымъ разумомъ, самовластіемъ, разсужденіемъ, творить ли зло или не творить... Человѣкъ—небо и земля: отъ пупа горняя часть его — небо, дольняя — земля... Какъ на небѣ звѣзды, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, такъ въ главѣ очи—свѣтила, мгновеніе ока—молнія, голосъ—громъ, дыханіе изъ ноздрей — вѣтръ духа бурнаго... (Истор. Гал., стр. 184, 194).

Въ этомъ случаѣ Москва, не хотѣвшая принять ученыхъ толкованій Лаврентія Зизанія, какъ противныхъ буквальному смыслу Библіи, нисколько не теряетъ въ нашихъ глазахъ и не кажется намъ оттого еще невѣжественнѣе: „У тебя, говорили Лаврентію, написано о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, солнечномъ затменіи, громѣ, молніи, тресновеніи и шибеніи, перунѣ, кометахъ и другихъ звѣздахъ; статьи эти изъ астрологіи, а астрологія взята изъ эллинскихъ волхвовъ и отъ идолослужителей, слѣдственно, книга къ нашему правовѣрію не сходна. Развѣ это правда, что облака, надувшись, сходятся, ударяются и оттого будто бываютъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза. И звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными, звѣрями! Мы вѣруемъ, какъ написалъ Моисей: и сотвори Богъ два свѣтила великія и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли и владѣти днемъ и ночію; а животными, звѣрями не называлъ ихъ Моисей“ (тамъ же, стр. 223).

Приняла бы Москва ученіе Мелетія, или нѣтъ, она все была бы далека отъ настоящей истины, слѣдственно, и пріобрѣтеніе познаній такого рода не можетъ служить мѣриломъ образованія и развитія. Они могли бы быть любопытны, еслибы вырабатывались въ самой русской средѣ, по крайней мѣрѣ тогда мы смотрѣли бы на нихъ какъ на заблужденіе ума, самостоятельно стремящагося открыть истину; но заимствованныя, они могутъ имѣть для насъ цѣну по большей или меньшей близости къ дѣйствительной истинѣ; а ея-то мы и находимъ тамъ только незначительную долю. Итакъ, и съ этой стороны схоластика не сообщала нашей жизни развиваю-

щаго элемента. Впрочемъ, говоря и о схоластическихъ и риторическихъ пріемахъ въ развитіи темы, нельзя сказать, что они прежде были намъ совершенно неизвѣстны. Византійскою риторичностью уже давно пользовались нѣкоторые изъ нашихъ духовныхъ писателей, а иные даже любили щеголять ею, какъ, напр., еще въ началѣ XV стол. въ западной Руси извѣстный Григорій Цимблакъ въ своихъ поученіяхъ.

Но не этимъ всѣмъ особенно важна въ нашихъ глазахъ схоластика въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Припомнимъ тѣ аскетическіе идеалы, которые стремились развивать наши духовные писатели въ прежнія времена, припомнимъ, въ чемъ они искали совершенства жизни, отрывая ее отъ всѣхъ житейскихъ идеаловъ. На науку они смотрѣли недовѣрчиво, мало того, совѣтовали даже совсѣмъ не заниматься ею, находя въ ней противорѣчіе съ интересами религіи. Схоластическая наука, сама считая высшимъ своимъ интересомъ религію, какъ бы невѣдомо для себя, ненамѣренно выступаетъ противъ суровыхъ аскетическихъ стремленій. Служа средствомъ для религіозной защиты, она заставляетъ любить и уважать себя, и какъ наука вноситъ уваженіе къ наукѣ. Отсюда значительно смягчается идеальный аскетизмъ. Совершенство идеала ставится уже не въ строгомъ отчужденіи отъ міра, а въ духовномъ просвѣщеніи ума тѣми науками, которыя помогаютъ служенію религіознымъ интересамъ. Подъ вліяніемъ этой науки идеалъ высшей духовной жизни перерождается и мало-по-малу вноситъ въ жизнь новыя стремленія. Симеонъ Полоцкій, говоря о пользѣ науки, совѣтуетъ учиться не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Это уже большой шагъ впередъ Чѣмъ больше наши ученые воспитывали въ себѣ уваженіе къ наукѣ, тѣмъ больше они сознавали невѣжественность той среды, въ которую приходилось наконецъ заглянуть наукѣ. Вспомнимъ, что̀ встрѣтилъ въ Москвѣ Борисъ Годуновъ, ставшій дѣйствительно выше своего вѣка и задумавшійся надъ наукою, какъ надъ средствомъ смягчить грубые нравы москвичей. Чуть-чуть что не оскорбленіе національности видѣли въ такихъ благихъ мысляхъ царя. Если среди такой грубой массы стали являться личности съ новыми идеалами, проникнутыми уваженіемъ къ

наукѣ—то и это уже большое завоеваніе. Безъ нихъ, безъ этихъ личностей, и Петру Первому едва ли бы удалось что-нибудь сдѣлать, когда онъ вздумалъ ввести въ обширныхъ размѣрахъ науку уже не во имя однихъ религіозныхъ интересовъ, а во имя европейскаго просвѣщенія, какъ не удалось Борису Годунову. Петръ уже нашелъ небольшой кружокъ русскихъ людей, уважавшихъ науку и ставшихъ во враждебныя отношенія къ невѣжеству; въ нихъ онъ и нашелъ себѣ главную опору. Скажемъ даже болѣе: дѣло науки и безъ Петра не было бы потеряно, такъ какъ оно стало входить въ сознаніе нѣкоторыхъ личностей, соединяясь съ ихъ идеальными стремленіями—схоластика, конечно, перешла бы мало-по-малу и къ живой европейской наукѣ; отъ ея примѣненія къ одному религіозному дѣлу дошли бы и до примѣненія къ жизни.

Схоластика сама по себѣ, конечно, не могла развить болѣе правильныхъ взглядовъ на жизнь, такъ какъ она не содержала въ себѣ тѣхъ новыхъ истинъ и познаній, которыя вырабатывала Европа того времени. Вращаясь въ сферѣ религіозной, она хотя и смягчила, но не могла совершенно уничтожить аскетическихъ отношеній къ жизни. Писатели продолжали смотрѣть на народные обычаи, даже на невинныя увеселенія, какъ на язычество и совершенно неумѣстно преслѣдовали ихъ. Такъ пляски съ хороводными пѣснями, которыя тѣшатъ народъ и въ наше время, представлялись имъ „нелѣпымъ скаканіемъ и плясаніемъ съ непристойными припѣвами для потѣхи дьявола“. Даже просвѣщеннѣйшій изъ своихъ современниковъ, Симеонъ Полоцкій, возставалъ противъ качелей: „поставятъ нѣкія висѣлицы, простѣе именуемыя рѣлями, на которыхъ и малые, и большіе привыкли качаться, съ опасностію для здоровья, а иногда и для жизни, и *всегда со грѣхомъ, ибо то самое творили древніе идолослужители въ честь своихъ жрецовъ* (Ист. Гал., стр. 227).

Наукѣ пришлось развиваться совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и христіанству вмѣстѣ съ грамотностью. Та и другая были въ началѣ потребностью только духовенства. Грамотный человѣкъ, получивъ изъ книгъ религіозное направленіе, отдѣлялся отъ массы, находя въ ней все языческое, и смотрѣлъ,

на ея жизнь уже враждебнымъ взглядомъ; человѣкъ, искусившійся въ наукѣ, также отрывался отъ общей среды, находя въ ней если не язычество, то невѣжество, и также враждебно относился къ ея жизни. Какъ грамотность дѣлалась мало-по-малу потребностью лицъ правительственныхъ и чиновныхъ, такъ и наука впослѣдствіи вошла въ разсчеты правительства и продолжала разъединять сословія, клеймя именемъ невѣжества все народное.

Выясняя свой взглядъ на значеніе схоластической литературы въ нашей исторіи, мы хотѣли только показать, что это время отличается особеннымъ характеромъ и стремленіями, слѣдственно должно составить и особенный историческій періодъ, по нашему счету третій. Онъ связывается съ предъидущимъ періодомъ, расширяя тѣ узкіе предѣлы идеала русской жизни, которые дѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее развитіе; онъ же приготовляетъ людей съ новыми идеалами для слѣдующей эпохи, которая приводитъ въ столкновеніе старые и новые идеалы и производитъ сильную борьбу.

Впрочемъ, столкновеніе идеаловъ религіозныхъ началось еще въ періодъ схоластическій. Появленіе кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ и столкновеніе ихъ съ московскимъ духовенствомъ мы излагаемъ въ самомъ „Руководствѣ“ для учениковъ. Аскетическій идеалъ, не признававшій науки, нашелъ себѣ многихъ защитниковъ, когда наука, какъ сила, явилась въ связи съ религіей и стала различать законъ отъ буквы, обычай отъ вѣры. Эти люди, встрѣтивъ во властяхъ отступленіе отъ стараго идеала, стали развивать въ себѣ идею мученичества и дошли до фанатизма—это было неизбѣжное слѣдствіе той односторонности, которая развивалась въ теченіе вѣковъ безъ всякаго участія науки. Они находили себѣ опору въ прежнихъ дѣятеляхъ, не знавшихъ никакой науки и признанныхъ церковью святыми, что̀ ясно выразилось въ автобіографіи раскольника, протопопа Аввакума. „Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ, говоритъ онъ, и поставили на подворьѣ и, волоча многажды, въ Чудовъ поставили передъ вселенскихъ патріарховъ, и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ

Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли, что де ты упрямъ, вся де наша Палестина и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся, одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя персты; такъ не подобаетъ". И я имъ о Христѣ отвѣчалъ еще: вселенстіи учители, Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца быша враги христіаномъ: и у васъ православіе пестро; отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали, и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божію благодатію самодержавство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двумя персты крестились и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія антіохійскаго, Ѳеодорита, блаженнаго епископа кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывшій соборъ при царѣ Иванѣ такъ же, слагая персты, креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. „*Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменосцы Гуріе и Варсонофіе, казанскіе чудотворцы и Филиппъ соловецкія игуменъ, отъ святыхъ русскихъ*". И патріархи задумалися и наши, что волченки, завыли, облевать стали на отцовъ своихъ, говоря: „*глупы де были и не смыслили наши русскіе святые, неученые де были, чему имъ вѣрить они де грамотѣ не умѣли*".

Увлекаясь въ своемъ фанатизмѣ, и они хотѣли быть *знаменоносцами*, смѣло являясь предъ царемъ, патріархами, соборомъ, въ народѣ и вездѣ, открыто обличали новыхъ людей, не боясь никакихъ страданій и мукъ. Это были натуры дѣйствительно сильныя и страстныя, способныя къ фанатическимъ увлеченіямъ; чѣмъ больше силы и противодѣйствія встрѣчали они, тѣмъ больше укрѣплялся ихъ духъ въ борьбѣ и закаливался въ терпѣніи мукъ. Автобіографія Аввакума отлично знакомитъ насъ, что̀ это были за личности, къ которымъ при всей ихъ крайней односторонности историкъ не можетъ не отнестись съ уваженіемъ. Аввакумъ разсказываетъ о своей юности: „Егда былъ въ попѣхъ (въ попы

онъ былъ поставленъ 23 лѣтъ, а черезъ восемь лѣтъ въ протопопы), приде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененная, блудному дѣлу повинна, нача мнѣ, плакавшися, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же, треокаянный и врагъ, самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ и горько бысть мнѣ въ той часъ: *зажегъ три свѣщи и прильпилъ къ налою и возложилъ руку правую на пламя и держалъ дондеже во мнѣ угасло злое расженіе, и отпустии дѣвицу, сложа ризы, помолясь, пошелъ въ домъ свой зело скорбенъ*... У вдовы начальникъ отнялъ дочерь, и азъ молихъ его даже сиротину возвратить къ матери, и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на насъ бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ лежа мертвъ полчаса и больше и паки оживе Божіимъ мановеніемъ, и онъ устрашился, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его дьяволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, *и я молитву въ то время говорю*. Таже (потомъ) ихъ начальникъ во оно время на мя разсвирѣпѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песъ зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и покиня мя, пошелъ въ домъ свой. Азъ же *поблагодаря Бога*, завертѣлъ руку платомъ, *пошелъ къ вечернѣ*, и егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и близь меня бывъ, запалилъ изъ пистоля, и Божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, и пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю и изъ другія паки запалилъ также и Божія воля учинила такъ же; и та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи, *молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и поклонился ему*; онъ меня лаетъ, а я ему рекъ: „*благодать во устѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ*“. По семъ дворъ у меня отнялъ, а меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ... Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, *по Христѣ ревнуя*, изгналъ ихъ и хари (маски) и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ — одного ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василій Петровичъ Шереметьевъ, плывучи Волгою въ Казань на

воеводство, взялъ на судно и браня много и велѣлъ благословить своего сына Матвѣя, *брадобрида*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудоносный образъ*. Боляринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу, и много томя, протолкали"...

Вотъ какія личности еще въ юности развивались подъ вліяніемъ идеаловъ, крѣпко укоренившихся въ религіозной средѣ. Ясно, что они не уступятъ никакой новизнѣ и фанатически будутъ отстаивать старину, лишь только произойдетъ столкновеніе. Раскольничья литература у насъ еще очень мало изслѣдована, а между тѣмъ въ ней найдутся интересные матеріалы не только для исторіи раскола, но и для исторіи литературы. Такъ, напр., въ той же автобіографіи Аввакума, несмотря на всю безпорядочность ея изложенія, на тотъ фанатизмъ, который не позволяетъ автору спокойно сосредоточиться на своемъ предметѣ, который видитъ во всемъ чудеса и представляетъ все въ суровомъ, грандіозномъ видѣ, мы встрѣчаемъ много чертъ для живой характеристики того времени; находимъ даже живописныя описанія мѣстностей, и теперь еще мало изслѣдованныхъ, какъ, напр., рѣки Лены, куда былъ сосланъ несчастный фанатикъ со своей семьей, и гдѣ вытерпѣлъ множество бѣдъ, едва ли выносимыхъ въ наше время. Вотъ какъ онъ описываетъ берега Лены: „Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ—поглядѣть заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе, въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, кречеты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя; на тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя". Это описаніе тѣмъ болѣе интересно, что въ нашей старой письменности рѣдко приходится встрѣтить какое-либо описаніе природы.

Лишь только образовался расколъ и сложилось особенное общество со своими отдѣльными интересами, какъ явились въ массѣ раскольниковъ и пѣсни для выраженія этихъ интересовъ. Онѣ, группируясь съ другими фактами, могутъ

живо представить намъ массу, отдѣлившуюся отъ прочаго народа и сохранившую свои особенные идеалы жизни, въ которыхъ выработалось и особенное отношеніе ко всему окружающему, начиная отъ властей до каждой частной личности. Интересная борьба въ это время произошла и между учеными кіевскими, учениками Епифанія Славинецкаго, соединившимися съ греками Лихудами, но факты о всемъ этомъ мы излагаемъ въ самомъ „Руководствѣ".

XIV.

Перехожу къ XVIII столѣтію. Здѣсь необходимо выяснить многіе вопросы, такъ какъ отсюда начинается развитіе другихъ сторонъ жизни, за которыми придется слѣдить до нашего времени. Колоссальная личность Петра Великаго необходимо должна привлечь полное наше вниманіе, потому что наука, о которой такъ много хлопоталъ царь, входитъ въ область литературы. Полагая ее въ основаніе дѣйствій преобразователя, мы не можемъ обойти вопроса, въ какое отношеніе она была поставлена ко всѣмъ идеаламъ русской жизни—старымъ и новымъ, и могла ли она благопріятно развиваться на томъ пути, который, повидимому, такъ заботливо очищалъ для нея царь? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ должно освѣтить дальнѣйшій ходъ развитія, такъ какъ наука полагается ему въ основаніе.

Петръ Великій началъ свою дѣятельность съ тѣмъ идеаломъ царя, который, какъ мы видѣли, вырабатывался въ прежніе вѣка. Послѣ Ивана Васильевича Грознаго, несмотря на перемѣну династіи, которая уже не могла опираться на свое родословное дерево, онъ продолжалъ развиваться все по тому же направленію, выказывая свою силу въ закрѣпощеніи крестьянъ, въ побѣдѣ надъ патріархомъ Никономъ, въ уничтоженіи мѣстническихъ книгъ. Всѣ народныя силы соединились въ этомъ идеалѣ; онъ сдѣлался средоточіемъ всего въ русской землѣ, самъ сдѣлался государствомъ. Петръ овладѣваетъ еще новою, уже общеевропейскою силою и ему подчиняетъ ее. При помощи иностранцевъ, онъ усвоиваетъ

себѣ идеалъ европейца, главнымъ условіемъ жизни котораго является наука. До сихъ поръ она у насъ служила только религіознымъ интересамъ въ средѣ высшаго духовенства. Петръ вводитъ ее въ интересы государственные. Онъ хочетъ быть государемъ европейскимъ. Идеалъ царя расширяетъ свои предѣлы, найдя въ наукѣ ту силу, которая должна дать ему цѣну въ средѣ европейскихъ государей. Поэтому для него дѣлаются особенно важны результаты науки, т.-е. ея приложеніе къ жизни, такъ какъ этою стороною Европа и прельщала Петра. И вотъ съ новымъ идеаломъ и съ новою силою царь начинаетъ страшную государственную ломку, жертвуетъ даже тѣмъ величіемъ и недоступностью, которыя прежде были принадлежностью идеала царя, самъ дѣлается неутомимымъ работникомъ и всѣхъ обращаетъ въ работниковъ, лишь бы только стать царемъ европейскаго государства. Онъ отдаваль сотни своихъ рабовъ *въ науку*, такъ, какъ отдаютъ мальчиковъ въ годы на выучку ремесленникамъ; они потомъ должны были показать свое мастерство на огромной фабрикѣ, гдѣ перековывалось московское царство въ Россійскую имперію. Окончательно закрѣпостивъ государству всѣхъ, Петръ закрѣпостилъ ему и науку, которая сдѣлалась дѣломъ оффиціальнымъ, государственнымъ.

Во всемъ этомъ представляется удивительно странное противорѣчіе: наука вездѣ могла развиваться только въ средѣ свободной, гдѣ она не обязана была угождать какой-либо власти, кромѣ одной истины, тамъ, гдѣ ей не нужно было поддѣлываться ни къ какимъ авторитетамъ, ни подчиняться приказамъ и указамъ разныхъ іерархій; эта наука обольщаетъ русскаго царя тѣми результатами, которые въ примѣненіи къ жизни такъ возвысили европейскую цивилизацію. И вотъ царь съ ревностью принимается пересаживать всѣ эти научные результаты въ свое государство, которое онъ безошибочно могъ приравнять къ себѣ, т.-е. сказать: государство составляю только я. Съ его идеальными стремленіями неразрывно связывается наука, и тутъ ли бы, кажется, не развиваться ей подъ монаршимъ покровомъ, а между тѣмъ выходило не такъ.

Въ то время, какъ царь одною рукою тащилъ науку изъ

Европы, другою, согласно съ своимъ царскимъ идеаломъ, писалъ указы, закрѣпощавшіе государству въ извѣстной іерархіи всѣ классы народа, лишавшіе личности всякой свободной самодѣятельности; все приводилось подъ общій государственный контроль; государство поглощало всѣ отдѣльныя силы и интересы. Могла ли же при такихъ условіяхъ утвердиться и развиваться наука и выказывать въ жизни свои плодотворныя слѣдствія? Ея свободнымъ силамъ тутъ не было никакого исхода; ее также закрѣпостили въ работницы на государство. Она являлась въ образахъ иностранныхъ генераловъ, капитановъ, моряковъ, литейщиковъ, инженеровъ, рудокоповъ и другихъ мастеровъ, которые за извѣстныя вознагражденія обязывались примѣнять свои спеціальныя знанія къ государственнымъ требамъ, и дѣйствительно примѣняли ихъ. Съ ихъ помощью наука оказала Петру существенную услугу: онъ торжествовалъ надъ внѣшними врагами, на сушѣ и на моряхъ, далъ государству внѣшній видъ европейскій, построилъ европейскій городъ, завелъ разные ученые кабинеты, въ которыхъ некому было заниматься, словомъ, обозначилъ вездѣ свою связь съ наукою, и дѣйствительно сталъ европейскимъ государемъ. Результаты науки были видимы, а самой науки въ русской жизни почти не чувствовалось: она постоянно была на барщинѣ только у государя. Правда, заводились разныя школы, но для того только, чтобы пополнить число работниковъ на той же барщинѣ, чтобы имѣть инженеровъ, моряковъ и другихъ мастеровъ, а не для того, чтобы приготовить людей для свободнаго занятія наукою. Уже подъ конецъ своей жизни царь спохватился: какъ же наука будетъ существовать безъ ученыхъ. Нужно построить ей храмъ и насадить туда жрецовъ, чтобы они заботились о ней и прикармливали бы ее къ государству. И вотъ явилась академія наукъ съ нѣмецкою колоніею ученыхъ, которые навсегда и остались жрецами, прикармливающими науку и сытыми отъ нея; а свободная наука все оставалась какимъ-то отвлеченнымъ, газообразнымъ, невидимымъ существомъ въ жизни.

Въ другихъ государствахъ всѣ удобства жизни и государственныя улучшенія вытекали изъ науки, которая тамъ

свободно развивалась вѣками, которая имѣла свои особенные интересы, даже безъ примѣненія выводовъ ея къ жизни и къ государственнымъ потребностямъ; академіи и разныя ученыя учрежденія являлись уже какъ слѣдствіе научныхъ стремленій общества. У насъ же хотѣли пользоваться результатами науки. Царь нашелъ въ нихъ силу для осуществленія своего идеала, ухватился за нее своею мощною рукою, не замѣтивъ противорѣчія, какое существовало между его идеальными стремленіями и свободными стремленіями науки. Кто изъ русскихъ могъ увлечься настоящими интересами науки,—интересами, только ей принадлежащими, когда отъ него требовалась вѣчная работа на государство, когда она одна вознаграждалась, когда самая наука могла существовать лишь для государственныхъ интересовъ. Она разрабатывается и разрывается живыми силами людей, а если люди были поставлены въ такое невыгодное отношеніе къ свободному труду, то и она пока еще не могла найти себѣ почвы.

Такимъ образомъ Петръ воспользовался силами науки, развивавшейся въ Европѣ для осуществленія своего царскаго идеала, который выработался независимо отъ науки, какъ продолженіе прежнихъ идеальныхъ стремленій верховной власти. Съ этой стороны мы вовсе не видимъ того разрыва Петровской эпохи со старымъ временемъ, какой можетъ представиться съ перваго взгляда. Своимъ идеаломъ Петръ тѣсно связывается съ предыдущей эпохой. Онъ только подчиняетъ этому идеалу новую силу, которая и развиваетъ его все въ томъ же направленіи. Но онъ хотѣлъ пойти еще далѣе, чѣмъ было возможно.

Соединивъ въ себѣ всѣ силы народа, онъ полагалъ, что можетъ управлять и всѣми убѣжденіями своихъ рабовъ по собственной волѣ, думалъ, что можно издавать приказы, какъ слѣдуетъ мыслить его рабамъ, считалъ возможнымъ насильно заставить ихъ заниматься наукою, и она будетъ процвѣтать въ государствѣ, доставляя ему всевозможныхъ спеціалистовъ исключительно для государственныхъ интересовъ. Ясно, что тутъ онъ уже заходилъ за предѣлы человѣческихъ силъ, обольщенный тѣми громадными силами, ко-

торыми владѣлъ въ дѣйствительности, и которыя ему казались еще недостаточными въ его идеальныхъ стремленіяхъ. Правда, при помощи науки онъ разбивалъ многіе предразсудки и суевѣрія прежняго времени, но взамѣнъ ихъ онъ не ставилъ жизни въ тѣ новыя условія, при которыхъ наука свободно могла бы развиваться. Пока она была только на государственной службѣ, она, подобно прочимъ чиновникамъ, должна была исполнять лишь одни царскіе приказы, стѣдственно, подчиняться совершенно постороннимъ убѣжденіямъ и разсчетамъ, а не преслѣдовать независимо своихъ спеціальныхъ цѣлей въ изслѣдованіи новыхъ истинъ.

Помощниками Петра явились не одни иностранцы. Ученые кіевской и московской академіи сочувствовали нѣкоторымъ стремленіямъ царя, который такъ сильно хлопоталъ о наукѣ для своихъ государственныхъ цѣлей. Они уже прежде выработали себѣ убѣжденіе, что наука полезна, и пользовались ею для религіозныхъ интересовъ. Но не всѣ они одинаково отнеслись къ идеалу царя. Самый талантливый и самый страстный изъ нихъ Ѳеофанъ Прокоповичъ уже прежде, независимо отъ стремленій Петра, выказалъ реформаторскій духъ въ дѣлѣ религіи, потомъ расширилъ свою дѣятельность, слившъ ее съ царскимъ дѣломъ, къ чему побуждали его честолюбивые разсчеты. Онъ является самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Петра, а черезъ это вступаетъ въ сильное столкновеніе съ большинствомъ изъ высшаго духовенства. Оно понимало стремленія Петра привесть все въ одно государственное единство и, слѣдственно, подчинить религіозные интересы государственнымъ. Съ этою цѣлью было уничтожено и патріаршество. Дорожа своимъ независимымъ религіознымъ идеаломъ, духовенство не могло смотрѣть на это хладнокровно. Оно видѣло тутъ посягательство на самую религію и стало на стражу чистоты православія, отстаивая независимость религіозныхъ интересовъ. Это казалось тѣмъ болѣе необходимо, что государственныя мѣста наполнялись католиками, лютеранами, кальвинистами, которые были не прочь вносить въ русскую среду свои религіозныя вѣрованія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ не считалъ нужнымъ стоять за

отдѣльные интересы церкви и ревностно помогалъ Петру исполнить на дѣлѣ то, что уже давно было рѣшено въ царскомъ идеалѣ, т.-е. ввести церковные интересы въ кругъ интересовъ государственныхъ. Вся эта борьба живо выразилась въ литературѣ и заслуживаетъ подробнаго разбора, такъ какъ въ ней рѣшалась участь духовенства, которое до того времени, преслѣдуя свои собственные интересы, занимало главное мѣсто въ литературѣ, давая ей направленіе *).

Если изъ образованнаго духовенства далеко не всѣ относились съ одинаковымъ сочувствіемъ ко всѣмъ сторонамъ Петровой реформы, не желая уступить чрезмѣрному властолюбію царя, то тѣмъ болѣе не могли быть расположены къ ней тѣ, которые держались еще старинныхъ идеаловъ, съ большимъ недовѣріемъ смотрѣвшихъ на науку взглядомъ аскетическимъ. Они уже прямо враждебно отнеслись ко всѣмъ стремленіямъ Петра и не хотѣли уступить безъ отчаянной борьбы; она была уже за національность, которая видѣла свою гибель въ чрезмѣрномъ развитіи царскаго идеала, и потому самая борьба принимаетъ характеръ политическо-религіозный. Въ литературѣ сторонники ея отличались крайнимъ фанатизмомъ, но въ своихъ устарѣлыхъ идеалахъ выказали слишкомъ мало жизненности. Вообще историку здѣсь предстоитъ трудъ разобрать партіи со всѣми ихъ оттѣнками, которыя въ иныхъ интересахъ сходятся между собою, но которыя нельзя сливать въ одно, напр., образованный князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ или Ѳеофилактъ Лопатинскій не могутъ быть разсматриваемы на ряду съ какимъ-нибудь Маркеломъ Родышевскимъ, хотя всѣ они относились непріязненно къ иностранцамъ.

Литература Петрова времени особенно интересна для насъ своимъ драматическимъ характеромъ, тою борьбою, которая происходила, съ одной стороны, во имя религіи и народности, съ другой—во имя науки и просвѣщенія.

Конечно, цѣль научныхъ стремленій Петра высказывалась при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ въ граматѣ голландцу Тесингу на привилегію печатать въ Голландіи русскія книги

*) См. въ моей статьѣ при сочиненіяхъ Кантемира, изд. 1867 г.

и чертежи говорится, что типографщикъ долженъ „показать намъ, великому государю, службу свою и прилежное радѣніе, чтобы тѣ чертежи и книги напечатаны были *къ славѣ нашему великаго государя превысокому имени и ко всему нашему россійскому царствію межъ европейскими монархами къ цвѣтущей, наивящшей похвалѣ... и пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было*". Копіевскій, работая надъ переводами въ Голландіи, хорошо понялъ эти цѣли и потому писалъ, что работаетъ единственно *въ видахъ умноженія и расширенія славы государя.*

Съ этою же цѣлью Петръ сильно заботился о томъ, чтобы оставить на память потомству описаніе своихъ дѣлъ, и даже самъ занимался своей исторіей, изъ которой и вышелъ дневникъ съ исчисленіемъ того, что могло служить къ славѣ царя, но съ пропусками тѣхъ событій, которыя могли быть щекотливыми для той же славы, какъ, напр., о царевичѣ Алексѣѣ, о второй супругѣ царя. Въ примѣръ безпристрастія Петра нѣкоторые разсказчики ставятъ анекдотъ о переводѣ извѣстной въ свое время книги Пуффендорфа „Введеніе въ исторію", сдѣланномъ по царскому приказу Гавріиломъ Бужинскимъ. Когда въ 1714 г. переводчикъ представилъ царю свой трудъ, царь тотчасъ же началъ его перелистывать съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тамъ какое-то мѣсто; не находя его, государь съ гнѣвомъ обратился къ переводчику: „Глупецъ, что̀ я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою? — Перевести, отвѣчалъ тотъ. — Развѣ это переведено, возразилъ царь, указывая на статью о Россіи, изъ которой былъ выпущенъ при переводѣ приговоръ Пуффендорфа о русскихъ, не совсѣмъ лестный для національнаго самолюбія.— Тотчасъ поди, прибавилъ Петръ, и сдѣлай что̀ я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть *).

Дѣйствительно, съ перваго взгляда такое безпристрастіе покажется удивительнымъ въ русскомъ царѣ; но если мы

*) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, т. I, стр. 326.

вникнемъ въ смыслъ выпущенной статьи о Россіи, то намъ легко представится совсѣмъ другая причина царскаго гнѣва. Вотъ это мѣсто: „О нравѣхъ и о разумѣ народа россійскаго ничтоже вспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже бо россіяне тако суть устроены и политичны, яко же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ же толь неискусны, яко въ писаніи и въ прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы толико суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токма прочитывати едину и вторую божественнаго писанія главу или толкованіе евангельское имѣютъ—больше же ничто не знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровожаждущіе человѣцы, въ вещѣхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостью возносятся; въ противныхъ же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіе, ниже высокоумѣемъ ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удоволитися можетъ. Ко прибыли и лихвѣ, хитростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостію власти воздержитися въ повиновеніи любятъ, и яко же всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и часто есть употребленіе“ *). Эта характеристика русскихъ оправдывала взгляды самого Петра на с ихъ рабовъ и тѣмъ болѣе въ блистательномъ свѣтѣ выставляла его собственную дѣятельность въ связи съ наукою. Слѣдственно, пропускъ такого мѣста былъ какъ бы посягательствомъ на царскую славу, о которой такъ много заботился царь.

Такимъ образомъ, изъ всего нами сказаннаго видно, что наука была поставлена въ самыя неблагопріятныя условія для своего развитія, вопреки желаніямъ царя, который искренно хотѣлъ, чтобы она успѣшно развивалась, хотя бы для его собственной славы; но онъ не могъ понять, что, заставивъ ее служить постороннимъ интересамъ, онъ отнималъ у нея всю силу. Отъ этого и произошло, что она болѣе всего чувствовалась и оказывала нѣкоторое вліяніе тамъ, гдѣ менѣе

*) Тамъ же.

всего коснулась рука его—въ кіевской и московской академіяхъ, откуда и выходили люди, способные трудиться для науки, хотя и ставились въ условія, далеко непривлекательныя. Всѣ наши первые ученые были ученики той или другой академіи. Тамъ пріютилась наука прежде Петра, тамъ же она сохранилась и послѣ него и готовила людей, которые съ большими усиліями должны были очищать ей путь и разрабатывать для нея удобную почву. Со времени Петра въ этомъ и заключается у насъ развитіе науки. Она не идетъ впередъ, открывая новыя истины, а въ лицѣ немногихъ дѣятельныхъ личностей только дѣлаетъ усилія поставить себя въ условія болѣе благопріятныя, вырваться изъ тѣхъ цѣпей, какія на нее наложены въ служеніи постороннимъ интересамъ. Эти усилія науки выражаются въ дальнѣйшей литературѣ. Тамъ она мало-по-малу сознается какъ новая живая сила, безъ которой русская жизнь должна замереть и погибнуть; тамъ на основаніи ея выводовъ вырабатываются новые идеалы, въ которыхъ общечеловѣческая сторона жизни составляетъ ихъ душу; но тамъ же выказываются и тѣ страшныя препятствія, которыя имъ нужно было преодолѣть, чтобы войти въ дѣйствительную жизнь,—препятствія, вытекавшія изъ тѣхъ условій, въ какія была поставлена общественная жизнь самимъ же преобразователемъ, согласно съ его идеаломъ. Эта борьба можетъ быть правильно понята историкомъ только тогда, когда онъ безпристрастно анализируетъ эпоху преобразованія по литературнымъ фактамъ, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка, и ясно опредѣлитъ отношеніе преобразователя къ наукѣ или отношеніе науки къ его задушевному идеалу. Если же онъ будетъ довольствоваться фразами, сложившимися объ этой эпохѣ еще во времена Петра, потомъ повторявшимися цѣлое столѣтіе, то, конечно, онъ не подмѣтитъ главнаго интереса борьбы.

Какъ бы то ни было, но нельзя не признать за неопровержимую истину, что силою цивилизующею въ русской жизни въ XVIII стол. является наука, слѣдовательно, ее и нужно имѣть въ виду при разборѣ литературныхъ памятниковъ.

Собственно для эпохи преобразованія преподаватель возь-

метъ развѣ только нѣкоторыя сочиненія Ѳеофана Прокоповича при нужной исторической обстановкѣ, опредѣлитъ по нимъ характеръ эпохи. Здѣсь главнымъ образомъ ему предстоитъ выяснить вопросъ о значеніи науки, объ ея отношеніи къ современной дѣйствительности, къ идеаламъ старымъ и новымъ для того, чтобы отсюда повести дальнѣйшее развитіе новой литературы, которое выразилось въ трудахъ послѣдующихъ писателей. Съ этимъ вопросомъ онъ перейдетъ и къ сочиненіямъ Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова. Біографическія подробности объ этихъ писателяхъ, равно какъ о Сумароковѣ, вошли въ „Руководство“; онѣ даютъ понятіе о значеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ и о той борьбѣ, какую онъ долженъ былъ вести, развивая въ себѣ новый идеалъ жизни подъ вліяніемъ европейскихъ понятій.

XV.

Новый періодъ исторіи русской литературы у насъ обыкновенно начинаютъ Ломоносовымъ, но едва ли не будетъ основательнѣе начинать его съ эпохи преобразованія. Если мы всѣ справедливо считаемъ эту эпоху началомъ новой жизни въ русскомъ обществѣ; если въ исторіи политической и цивилизаціи она признается единодушно за начало новой русской исторіи, то какимъ образомъ мы будемъ отдѣлять отъ нея литературу, которая такъ живо выражаетъ всѣ ея интересы.

Если дѣятельность Ломоносова прямо вытекала изъ эпохи преобразованія, то изъ нея столько же вытекала и дѣятельность Ѳеофана Прокоповича, и Кантемира, и Тредьяковскаго, и Татищева, и всѣхъ другихъ, трудившихся въ этотъ небольшой промежутокъ времени отъ Петра до Ломоносова. Въ ихъ направленіи мы не замѣчаемъ большого различія; у всѣхъ ихъ были одни и тѣ же стремленія, всѣ хотятъ выяснить идею науки, ставя ее на первый планъ, и въ ней видя связь свою съ преобразованіемъ, всѣ борются за нее и для нея: разница въ томъ, что одинъ высказался болѣе,

другой менѣе; одинъ искуснѣе, другой слабѣе; одинъ имѣлъ большее вліяніе на свою среду, другой меньшее. Г. Галаховъ говоритъ, что Ломоносову предоставлено было водворить у насъ надолго и въ теоріи, и на практикѣ господство новоевропейскаго литературнаго направленія, поэтому съ него и нужно начинать новую исторію. Едва ли и съ этимъ можно вполнѣ безусловно согласиться. Новоевропейское литературное направленіе мы видимъ и у Кантемира, и у Тредьяковскаго, наконецъ нельзя въ томъ же отказать и Сумарокову, который, можетъ быть, сильнѣе Ломоносова дѣйствовалъ на своихъ современниковъ. Нисколько не оспаривая важныхъ заслугъ Ломоносова, мы въ то же время не видимъ достаточныхъ причинъ начинать имъ новую исторію, когда она въ дѣйствительности началась раньше, выразивъ тѣ идеи, которыя развивалъ и Ломоносовъ, только съ большею обработкою формы и языка. Въ этомъ дѣйствительно одна изъ значительныхъ заслугъ его, но литературная внѣшность сочиненій не можетъ служить гранью между двумя исторіями—новой и старой. Здѣсь должны имѣть первое значеніе содержаніе и направленіе; а мы не думаемъ, чтобъ кто-нибудь могъ показать въ этомъ отношеніи рѣзкую разницу между Ломоносовымъ и писателями, ему предшествовавшими. Безспорно, Ломоносовъ, какъ геніальный человѣкъ, сдѣлалъ значительно больше и лучше ихъ, имѣлъ вліяніе на другихъ дѣятелей несравненно сильнѣе; но мы знаемъ довольно геніальныхъ писателей, которые сдѣлали также многое и которыми никто не думаетъ начинать не только новой исторіи, а даже новаго періода въ литературѣ, и это нисколько не можетъ послужить въ ущербъ ихъ славѣ и унизить ихъ заслуги.

Что въ прежнее время Ломоносова считали начальникомъ новой литературы—это очень понятно. Когда утверждалась за нимъ слава перваго русскаго писателя, начавшаго новую литературу, писатели, трудившіеся прежде него, почти были неизвѣстны читающему міру. Сатиры Кантемира были напечатаны черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ смерти ихъ автора и за три года до смерти Ломоносова; до тѣхъ поръ ихъ могли знать только немногіе въ рукописяхъ. Почти всѣ со-

чиненія Татищева были напечатаны уже послѣ смерти Ломоносова, спустя даже много лѣтъ. Въ нихъ публика уже не могла найти что-либо новое. Всѣ мысли ихъ были ей уже знакомы изъ сочиненій послѣдующихъ писателей, поэтому на нихъ и не обратили никакого вниманія. Къ этому же въ то время особенно цѣнили звучный стихъ, риторическую фразу, а тяжелый силлабическій стихъ Кантемира, устарѣлый языкъ Татищева, конечно, не могли сравниться съ языкомъ и стихомъ Ломоносова и отвращали отъ себя читателей. Это же было причиною, почему и Тредьяковскій не былъ оцѣненъ по заслугамъ.

Итакъ, современники Ломоносова и даже слѣдующее поколѣніе съ своей точки зрѣнія были правы, начиная съ Ломоносова новую русскую литературу. Прежде него имъ ничего не представлялось заслуживающаго вниманія. Но мы, знакомые съ прежними писателями, видя въ нихъ отраженіе новаго времени, новыя стремленія, тѣ же идеалы, которые развивались у писателей послѣдующихъ, мы уже не можемъ слѣдовать тому же раздѣленію для того только, чтобы сохранить взглядъ нашихъ дѣдовъ. Мы позволимъ себѣ имѣть смѣлость составить свой собственный взглядъ и начать исторію новой русской литературы съ эпохи преобразованія. Тогда не придется намъ принимать и той странной натяжки, какую дѣлаетъ г. Галаховъ. Онъ чувствуетъ, что сочиненія Кантемира, Тредьяковскаго и др. невозможно отнести къ старой исторіи ни по содержанію, ни по формѣ, и не рѣшается противорѣчить, какъ онъ говоритъ, согласному приговору современниковъ и потомства, чтобы отнести ихъ къ новой исторіи, поэтому онъ создаетъ отдѣльный періодъ, который не относится ни къ той, ни къ другой исторіи, какой-то межеумокъ, который не знаешь, куда примкнуть, хотя и видишь, что онъ тѣсно связывается съ новымъ временемъ.

Естественно, что новая наша литература должна была начаться вопросами о наукѣ, такъ какъ ея именемъ измѣнено у насъ все административное устройство, вся общественная жизнь; ея именемъ вводились въ жизнь новые идеалы и поражались старые. Эти вопросы дѣйствительно и являлись у писателей, которые признавали законность реформы. Такъ,

имъ посвящена не случайно вся первая сатира Кантемира, который умѣлъ понять истинное значеніе науки, воспитавшись при особенныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Хотя онъ и благоговѣлъ передъ дѣлами преобразователя, но въ немъ наука протестовала впервые противъ того неестественнаго положенія, въ которое она была поставлена Петромъ. Сатирикъ не замѣчаетъ самъ, что протестъ направленъ противъ понятій того, кто считался покровителемъ и насадителемъ наукъ въ Россіи. Онъ возставалъ противъ утилитарнаго взгляда на науку, отъ которой требовалась только практическая польза,—взгляда, усвоеннаго Петромъ и отъ него перешедшаго къ другимъ. Кантемиръ справедливо требовалъ отъ науки нравственнаго вліянія на личность. Конечно, онъ еще не могъ дойти до вопроса, можетъ ли наука при такой обстановкѣ нравственно развивать людей, когда въ самыхъ ихъ отношеніяхъ между собою лежали основанія безнравственныя; но на первый разъ довольно сознанія несостоятельности того взгляда на науку, съ какимъ она вводилась въ наше отечество. Отношеніе этой настоящей науки ко всѣмъ классамъ общества живо изображено сатирикомъ. Она дѣйствительно является въ его лицѣ уединенною, непонятою, въ самомъ неестественномъ положеніи, въ сознаніи своего безсилія въ такой матеріальной средѣ. Люди, державшіеся старыхъ идеаловъ, не могли признать гражданства за наукою, потому что не только не находили въ ней потребности для своей жизни, но даже должны были смотрѣть на нее, какъ на порчу религіозныхъ и нравственныхъ понятій русскаго человѣка, такъ какъ его религіозность и нравственность основывались на извѣстныхъ его отношеніяхъ къ природѣ, къ власти и къ семьѣ.

Наука до сихъ поръ выказывалась только въ своихъ результатахъ, въ практическомъ примѣненіи къ государственной машинѣ, въ формахъ европейской жизни, въ которыхъ большинство не видѣло для себя ничего, что́ могло бы улучшить личную жизнь каждаго, дать ей больше простору, поманить болѣе близкимъ путемъ къ счастію; всѣ только видѣли измѣненіе національныхъ нравовъ, не понимая тому цѣли; всѣ чувствовали на себѣ могучую власть царя, кото-

рая пошла еще дальше власти прежнихъ владыкъ, разрушая исконные народные обычаи, уважаемые отцами и дѣдами ихъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ не только не могла быть понятна наука въ ея настоящемъ смыслѣ, но даже возбуждался вопросъ, не слишкомъ ли далеко зашла царская власть; возникало сомнѣніе въ законности ея поступковъ. То, что вытекало изъ науки при Петрѣ, какъ ни было полезно для государства, не могло убѣдить массу въ ея пользу, потому что средства, для того употребляемыя царемъ, слишкомъ тяжело ложились на всѣ сословія и осчастливили развѣ только нѣсколько личностей. Изъ всей этой тягости могло родиться не только равнодушіе, но даже враждебное отношеніе къ наукѣ, если даже не брать въ разсчетъ односторонніхъ религіозныхъ взглядовъ. Въ подобномъ положеніи, конечно, нѣ былъ никакой другой народъ.

Способъ, какимъ совершено было преобразованіе, необходимо долженъ былъ развить въ административныхъ людяхъ, окружавшихъ царя, въ придворныхъ и ихъ семьяхъ новый идеалъ совсѣмъ иного рода, но тоже крайне односторонній. Въ реформѣ они находили свои личные интересы, слѣдственно, и къ наукѣ они не могли отнестись прямо враждебно, но они поняли ее по-своему, не отступая, впрочемъ, много отъ взглядовъ самого царя. Какъ царь соединилъ науку со своимъ идеаломъ, пользуясь изъ нея тѣмъ, что̀ могло быть полезно государству, слѣдственно и его славѣ, такъ и они стали пользоваться изъ нея тѣмъ, что̀ полезно или пріятно было лично для нихъ, т.-е. европейскою обстановкою и удобствами жизни, представлявшими также результатъ европейской науки. Какъ царь, опираясь на науку, враждебно смотрѣлъ на многія явленія народной жизни, такъ и они съ презрѣніемъ стали относиться ко всему народному, одѣвшись во французскіе костюмы, обзаведясь толпою ливрейныхъ слугъ, налакировавшись французскимъ лоскомъ и наконецъ отвыкая даже отъ родного языка. Ихъ идеалъ европейца ощущалъ въ себѣ только эти потребности, и наука обратилась у нихъ въ умѣнье жить на иностранный ладъ. Они дѣлали со своими семьями и въ своемъ кругу то же, что сдѣлалъ царь съ государствомъ. Онъ хотѣлъ сви-

таться европейскимъ монархомъ; они—европейскими людьми. Онъ бралъ изъ науки многое дѣйствительно полезное, потому что иначе не достигъ бы своей цѣли; для ихъ же идеала достаточно было только того, что̀ могло измѣнить ихъ внѣшность, сблизивъ съ внѣшностью европейской жизни. Какъ царь, пользуясь силами науки для своей славы, не отказался отъ прежняго царскаго идеала, связавшаго его съ предыдущею эпохою, такъ они, чванясь своимъ просвѣщеніемъ, сущности котораго не могли понять, сохраняли прежнія барскія отношенія ко всему остальному русскому міру, даже болѣе: насколько увеличилась власть царя, настолько же увеличилась и ихъ безсудная сила надъ народомъ. Царь, торжествуя надъ врагами, безпрестанно праздновалъ свои побѣды и годовщины ихъ и разныя другія событія разгульными пирами со всѣми европейскими потѣхами; и новое поколѣніе лучше всего успѣло усвоить себѣ эту сторону европейской жизни. Сознанія общественныхъ интересовъ въ немъ не могло развиваться никакого, такъ какъ царь ихъ всѣ заключалъ въ самомъ себѣ, а желаніе жить веселою жизнью по еврепейскому идеалу ничѣмъ не сдерживалось: прежнія нравственныя основы жизни были значительно поколеблены, а новыя еще не выработались. Наука, принятая здѣсь только для домашняго обихода, была безсильна. Табель о рангахъ, введенная Петромъ, повидимому, съ прекрасной цѣлью дать дорогу личнымъ заслугамъ, при этихъ условіяхъ и обстановкѣ не могла принести ожидаемой пользы. При господствѣ боярской силы за заслуги стали приниматься прислуги или подслуги, и ни наука, ни нравственная сторона жизни здѣсь ничего не выиграли. Словомъ, за наукой въ ея настоящихъ стремленіяхъ нигдѣ не было признано право гражданства. Это испыталъ на себѣ и Кантемиръ въ юныхъ годахъ въ дѣлѣ объ отцовскомъ наслѣдствѣ. Въ его лицѣ наукѣ отъ имени монаршей власти было отказано во всякомъ притязаніи на общественное значеніе, что̀ и внушило ему элегическій стихъ о наукѣ.

Наука ободрана, въ лоскуткахъ обшита,
Изо всѣхъ знатныхъ домовъ съ ругательствомъ сбита и пр.

За нимъ остается та честь, что онъ первый, тотчасъ же послѣ преобразованія, поставилъ прямо вопросъ о наукѣ, показавъ, въ какомъ отношеніи она находилась ко всему окружающему и съ какими усиліями ей нужно было пробиваться, чтобы наконецъ подъ ея вліяніемъ выработался сколько-нибудь здоровый, общечеловѣческій идеалъ для общественной жизни. Какъ же послѣ этого мы не назовемъ Кантемира писателемъ новой исторіи въ нашей литературѣ. Только одинъ силлабическій стихъ рознитъ его съ новымъ временемъ, но и тутъ, если вглядѣться, нельзя не замѣтить, что стихотворецъ приближается къ нему своими усиліями выработать новый болѣе звучный стихъ, также основываясь на удареніи, которое послужило основою стихосложенія у послѣдующихъ поэтовъ.

Это стремленіе Кантемира въ исторіи русскаго стиха не должно остаться незамѣченнымъ. Указать на это тѣмъ болѣе необходимо, что тутъ мы находимъ причину передѣлки первыхъ пяти сатиръ его, которыя извѣстны въ двухъ редакціяхъ.

До своего отправленія въ Лондонъ Кантемиръ написалъ шесть сатиръ обыкновеннымъ силлабическимъ размѣромъ, какимъ въ то время писали всѣ наши стихотворцы. Эти сатиры въ рукописяхъ и стали ходить по рукамъ, списываемыя любителями стиховъ. Въ Лондонѣ и потомъ въ Парижѣ Кантемиръ продолжалъ заниматься стихотворствомъ, вдумываясь въ то же время и въ свойства самаго размѣра, наконецъ вывелъ и особенную теорію для русскаго стиха, взявъ въ основаніе и одинакій счетъ слоговъ и ударніе. Такимъ стихомъ онъ написалъ три новыя сатиры и, думая всѣ ихъ напечатать вмѣстѣ, нашелъ стихъ первыхъ неподходящимъ къ стиху послѣднихъ. Тогда онъ принялся за передѣлку и уже коснулся не одного стиха, но и нѣкоторыхъ картинъ, равно и расположенія ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Новый стихъ его состоитъ также изъ тринадцати слоговъ, какъ и прежній, только посредствомъ сѣченія (цезуры) раздѣляется на двѣ части; первая въ семь слоговъ съ сильнымъ ударніемъ на пятомъ или на седьмомъ слогѣ, вторая въ шесть слоговъ съ ударніемъ на предпослѣднемъ:

Уме недозрѣлый плодъ—недолгой наўки
Покойся, не понуждáй—къ перу мои рўки.
Не писавъ летя́щи дни—вѣка проводи́ти
Можно и славу достáть—хоть творцомъ не слы́ти:

Этого правильнаго сѣченія и опредѣленныхъ удареній не соблюдается въ первоначальной редакціи:

Уме слабый, плодъ недолгой наукп!
Покойся, если хочешь прожить жизнь безъ скукѝ:
Не писавъ, дни летящи вѣка проводити
Можно и хвалу достать, хоть творцомъ не слыти...

Въ передѣланномъ видѣ сатиры Кантемира въ числѣ восьми и были напечатаны въ 1762 году. Но сюда не вошла девятая „Къ солнцу или состояніе свѣта сего“. Ея размѣръ, сходный съ первоначальными редакціями первыхъ пяти, и заставляетъ насъ думать, что она написана еще въ Петербургѣ, не задолго до отправленія автора въ Лондонъ, поэтому она и не попала въ общую тетрадь, приготовленную было для печати съ посвященіемъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Нѣкоторые любители, списывая съ общаго списка пять сатиръ, прибавляли къ нимъ и эту шестую. Вотъ отчего она и встрѣчается не во всѣхъ спискахъ. Самая теорія стихосложенія Кантемира напечатана уже въ годъ его смерти (1744). Подробности о немъ и его трудахъ изложены мною въ статьѣ о немъ при его сочиненіяхъ, изданія 1867 г.

Сатира къ уму моему.

Изученіе первой сатиры Кантемира требуетъ довольно обширной исторической обстановки и поясненія многихъ подробностей, что̀ изложено въ „Руководствѣ“. Пособіемъ для учителей можетъ служить изданіе Глазунова сочиненій Кантемира. Для лучшаго обозрѣнія слѣдуетъ раздѣлить всю сатиру на части и читать съ учениками каждую часть, останавливаясь на всемъ, что̀ требуетъ объясненія, начиная отъ словъ и фразъ до историческихъ фактовъ.

Первую часть составляетъ обращеніе автора къ уму своему, гдѣ представляется отношеніе тогдашняго общества къ писателю, какъ къ лицу еще новому въ обществѣ, дѣйствующему во имя просвѣщенія и науки. Девять сестеръ (музъ) представляютъ здѣсь и науки и искусства вмѣстѣ. Классическіе образы приводятся здѣсь по требованію тогдашней европейской теоріи.

Во второй части похвала императору Петру II за покровительство Аполлоновой свиты и за стараніе умножить число парнасскихъ жителей, т.-е. ученыхъ. Здѣсь виденъ обычай писателей того времени идеально представлять сильныя личности, какъ бы съ намѣреніемъ вызвать въ нихъ то, что желалось бы въ нихъ видѣть для общей пользы. Другого средства и не было высказать имъ свое желаніе.

Въ третьей части рисуются типическіе очерки людей, враждебно относящихся къ наукѣ. Слова ханжи Критона касаются очень важнаго вопроса русской жизни того времени: отношенія религіи къ наукѣ. Прошедшая жизнь развила между ними враждебныя отношенія, которыя и мѣшали наукѣ распространяться среди русскихъ людей. Этому въ особенности способствовалъ односторонній взглядъ на религію, гдѣ видѣли болѣе сторону обрядную, чѣмъ нравственную. Старинный вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ это время все еще продолжалъ имѣть свое религіозное и политическое значеніе.

Всего этого касается Критонъ, обвиняя во всемъ науку и повторяя тѣ обвиненія, которыя давно сложились въ его средѣ. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствительно лицо типическое, и каждое его слово имѣетъ для насъ значеніе историческое. Другой представитель эпохи, Сильванъ, смотритъ на науку съ иной точки зрѣнія и находитъ для нея обвиненіе другого рода: это помѣщикъ-хозяинъ, который хочетъ изъ всего извлекать матеріальную выгоду. Хотя наука и можетъ способствовать этой выгодѣ, но въ то время она у насъ начинала служить только правительству, а еще не частнымъ людямъ, которые и не знали, какъ ею пользоваться для своихъ выгодъ. Видя, что ученые люди сидятъ только за книгами, а не прилагаютъ своихъ трудовъ къ практикѣ, думали, что

наука, отвлекая руки отъ настоящаго труда, способнѣе навести голодъ, чѣмъ дать изобиліе. Сильванъ перебираетъ болѣе извѣстныя науки и ни изъ одной не можетъ извлечь для себя никакой выгоды: риторика, логика, психологія, метафизика, химія, медицина, астрономія, геометрія, алгебра—всѣ эти науки для него негодны, потому что самыя потребности его были слишкомъ незначительны и удовлетворялись безъ всякихъ научныхъ трудовъ. Зачѣмъ тому изучать алгебру, кто не хочетъ ничего считать, кромѣ своихъ рублей и копѣекъ? Зачѣмъ знакомиться съ астрономіею, когда изъ всего, что есть на небѣ, его можетъ интересовать только солнце своимъ восходомъ, съ котораго крестьяне его начинаютъ свои работы? Зачѣмъ такимъ же образомъ и всѣ другія науки? Ясно, что говоритъ человѣкъ, не поднявшійся до той высоты, гдѣ начинаетъ тревожить любознательность и гдѣ являются вопросы о природѣ и человѣкѣ, ведущіе къ просвѣщенію. Ученикъ долженъ здѣсь перебрать самъ всѣ доводы противъ науки и запомнить болѣе характеристическія выраженія, такъ какъ они мѣтко представляютъ самыя понятія и взгляды извѣстной исторической эпохи.

Гуляка Лука враждебно относится къ наукѣ со своей точки зрѣнія. Онъ ищетъ цѣли жизни въ весельи, а его находили въ разгульномъ обществѣ; наука же требуетъ уединенія, слѣдовательно, и не ведетъ къ настоящей цѣли жизни, а отсюда выходитъ, что она, разрушая содружество, приноситъ вредъ. Съ этимъ же вмѣстѣ соединяется и похвальная пѣсня вину, отчасти заимствованная авторомъ у Горація, и затѣмъ ироническое обѣщаніе оставить стаканъ и приняться за книгу, также отчасти заимствованное у Овидія. Здѣсь кстати опредѣлить заимствованія и степень подражанія Кантемира латинскимъ и французскимъ писателямъ. И то, и другое вызывалось у насъ новою жизнью, которая стала развивать и новую литературу.

Франтъ Медоръ уже представляетъ типъ новаго времени, развившійся изъ преобразовательной эпохи. Онъ усвоилъ себѣ одну только внѣшность европейской жизни и считаетъ себя человѣкомъ образованнымъ, тогда какъ настоящее-то содержаніе этой жизни — наука осталась ему не только со-

вершенно недоступною, но даже стала враждебною силою. Это родоначальникъ того типа, который впослѣдствіи изображали многіе наши писатели.

Вся эта часть служила какъ бы доводами уму, чтобы убѣдить его оставить намѣреніе заниматься наукою посреди такихъ людей, которые, не понимая, бранятъ ее. Слѣдующая часть представляетъ новое обращеніе къ уму, какъ заключеніе предыдущаго. Здѣсь предполагаются тѣ возраженія, какія можетъ представить умъ въ защиту научныхъ и литературныхъ занятій противъ злобныхъ рѣчей невѣждъ. Какъ бы въ ослабленіе этихъ доводовъ ума, авторъ указываетъ на многочисленность враговъ науки, которые заглушаютъ слова умныхъ, и въ дополненіе къ прежнимъ типамъ переходитъ къ новымъ, что̀ и составляетъ содержаніе *пятой* части. Здѣсь сатирикъ разсматриваетъ, нужна ли на практикѣ наука тѣмъ, кто занимаетъ высшія должности въ государствѣ? По наукѣ ли признаютъ ихъ за сильныхъ и важныхъ людей? И вотъ передъ нами является неучъ-епископъ, котораго каждый признаетъ епископомъ по его внѣшности, а до просвѣщенія ни ему, ни кому другому нѣтъ и дѣла, точно такъ, какъ и до нравственнаго его вліянія на другихъ. Судью также возвышаетъ не наука, онъ не имѣетъ никакого понятія ни о какихъ законахъ, ни о правахъ, ни о справедливости, руководствуется только корыстолюбіемъ, и все же онъ сидитъ за судейскимъ столомъ и всѣ признаютъ его судьею. Оказывается, что невѣжество властвуетъ во всѣхъ лицахъ—оно и въ полководцѣ, и въ придворномъ; а наука въ самомъ плачевномъ состояніи. Далѣе представляется идеалъ тогдашняго молодого человѣка. Здѣсь объ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи также нѣтъ рѣчи. Молодой человѣкъ могъ обратить на себя вниманіе своею модною внѣшностью, умѣньемъ хорошо одѣваться, ловко танцовать, играть въ карты и проч. Такія познанія считались очень важными и вели быстро къ высшимъ степенямъ въ государствѣ. Но, можетъ быть, наука уважается въ низшихъ слояхъ? И сатирикъ мелькомъ заглядываетъ туда, но и тамъ такъ низокъ уровень познаній и просвѣщенія, что умѣнье бѣгло читать и бойко писать считается уже боль-

шимъ достоинствомъ и служитъ предлогомъ къ требованію высшаго мѣста. Самое же главное достоинство человѣка—родовитость и богатство. Съ ними не нужно никакихъ познаній, даже можно не умѣть писать и читать, и все же дойти до почетныхъ мѣстъ. Значитъ, наука нигдѣ не уважается.

Заключительная часть сатиры представляетъ новое обращеніе къ уму, которому совѣтуетъ авторъ не добиваться похвалъ тамъ, гдѣ ихъ нельзя ожидать, а убѣдившись въ пользѣ наукъ, заниматься ими для себя, для собственнаго удовольствія, хотя бы и пришлось сидѣть въ незнатности, которая имѣетъ свою выгоду, доставляя *безстрашное житье*.

Изложеніе содержанія сатиры представитъ двѣ ея стороны — историческую и моральную. Первая изображаетъ русское общество, только-что вышедшее изъ преобразовательной эпохи Петра Великаго съ тѣми его типами, какіе могли создаться при тогдашней обстановкѣ жизни. Здѣсь главный интересъ въ отношеніи науки къ тогдашней жизни. Выводъ автора составляетъ моральную сторону: онъ хочетъ показать, что всѣ эти люди, ставшіе враждебно къ наукѣ, не годятся для новой дѣятельности, потому что у нихъ нѣтъ ни умственнаго, ни нравственнаго развитія, нужныхъ для того, чтобы выполнить новыя задачи государства. Въ основаніе этихъ послѣднихъ легли наука, просвѣщеніе, которыя и должны создать новую цивилизацію. Все это показываетъ, какъ тѣсно сатира Кантемира связывается съ своею современностью. Вопросъ о наукѣ здѣсь не является случайнымъ вопросомъ, а необходимо вытекаетъ изъ того новаго направленія, которое получила русская жизнь въ своихъ высшихъ интересахъ. Элегическій оттѣнокъ въ сатирѣ опредѣляетъ собственное отношеніе автора къ наукѣ, которая имѣла еще такъ мало сторонниковъ въ средѣ русскихъ людей, и потому необходимое для жизни торжество науки могло представляться только въ самомъ далекомъ будущемъ; а безъ него нельзя было и ожидать какихъ-либо успѣховъ новой цивилизаціи. Обстоятельства жизни Кантемира еще болѣе поясняютъ связь ее личности съ наукою, но это излагается въ „Руководствѣ“ вмѣстѣ съ нужною историческою обстановкою.

Ученикъ долженъ письменно изложить подробное содержаніе каждой части сатиры вмѣстѣ съ объясненіями преподавателя, отмѣтивъ оригинальныя выраженія, ироническія мѣста и разныя особенности въ языкѣ, характеризующія слогъ писателя и литературные пріемы того времени.

XVI.

При тѣхъ отношеніяхъ науки къ обществу, какія мы уже опредѣлили, разумѣется, и русскій писатель, преданный наукѣ, оказался стоящимъ уединенно. Тамъ, гдѣ уваженіе къ людямъ распредѣлялось сообразно съ разными степенями общественной іерархіи, для писателя, какъ человѣка новаго, не могло найтись ни одной степени. За нимъ сразу не могли признать права гражданства, права свободной дѣятельности, права не только учить, но и осуждать, и направлять. При такомъ положеніи писателя безъ борьбы не могло обойтись и тутъ. Онъ долженъ былъ завоевать себѣ права во имя науки, искусства, литературы и просвѣщенія. Борьба эта переходила въ различные фазисы; измѣнявшійся характеръ ея зависѣлъ какъ отъ личности писателей, такъ отъ общественныхъ понятій правительственныхъ стремленій. Первая тяжесть такой борьбы пала на несчастнаго Тредьяковскаго, который кромѣ званія ученаго и стихотворца не могъ предъявить никакихъ другихъ правъ на уваженіе. У него не было ни приличнаго чина, ни родословія, ни богатства, словомъ—всего того, что вызывало нѣкоторое уваженіе со стороны общества и чѣмъ другіе писатели въ борьбѣ могли устранить отъ себя личное оскорбленіе. Онъ сразу былъ подавленъ, обращенный въ безпомощную жертву. Далѣе идетъ борьба, но уже съ бо̀льшимъ достоинствомъ и съ большею возможностью бороться, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Новикова, Радищева, даже Карамзина и другихъ позднѣйшихъ. Для исторической обстановки непремѣнно должно обратить вниманіе на эти отношенія писателя въ разное время къ обществу и властямъ, и потому тамъ, гдѣ нужно для характеристики времени, не

должно чуждаться и біографическихъ подробностей, которыя и должны войти въ „Руководство“.

Въ основаніе разбора сочиненій Ломоносова должны быть положены слѣдующіе главные вопросы: объ идеальныхъ стремленіяхъ писателя, о патріотическомъ взглядѣ его на науку, объ отношеніи его къ эпохѣ преобразованія и объ идеальномъ изображеніи личности Петра Великаго, о связи его стихотворныхъ произведеній съ учеными, объ отношеніи къ дѣйствительности его поэзіи и научныхъ вопросовъ, которыхъ онъ касался въ своихъ ученыхъ трудахъ; подъ какими вліяніями совершилось у него преобразованіе литературнаго языка? Изъ всего этого вѣрно опредѣлится и характеристика дѣятельности нашего писателя и значеніе его въ нашей литературѣ. Отвѣты же при необходимой исторической обстановкѣ найдутся въ сочиненіяхъ, помѣщенныхъ въ хрестоматіи г. Галахова, а его исторія укажетъ и на нѣкоторые другіе вопросы, которыхъ можетъ коснуться преподаватель.

VIII-ая ода Ломоносова.

Ода Ломоносова на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы начинается похвалою миру, который авторъ называетъ *возлюбленною тишиною*; эпитеты, придаваемые имъ миру, выражаютъ тѣ добрыя слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ него; въ немъ соединяется *полезное съ прекраснымъ* (*коль ты полезна и красна*!). Отъ него польза для земледѣлія, для торговли, отъ него благоденствіе для всѣхъ. Обращеніе къ міру, какъ ко второму лицу, слѣд., какъ къ существу живому, составляетъ одинъ изъ пріемовъ (*фигуръ*) тогдашняго стихотворнаго или поэтическаго слога. Теорія требовала искусственнаго оживленія предмета, отсюда и къ кораблямъ относится глаголъ *дерзаютъ*, который оживляетъ неодушевленный предметъ. Стремленіе представить явленія жизни какъ можно картиннѣе заставляло прибѣгать къ разнымъ описательнымъ фразамъ и избѣгать обыкновенныхъ, обыденныхъ названій. Этого требовала теорія высокаго слога. Такимъ образомъ стихотворецъ во второй строфѣ называетъ солнце *великимъ свѣтиломъ міру*, небо—*вѣчной высотой*, и про-

стую мысль—*на земли нѣтъ ничего лучше мира и Елисаветы, заключившей миръ*, онъ украшаетъ такими цвѣтами краснорѣчія: солнце, блистая съ неба на бисеръ (красоту), злато (богатство) и порфиру (величіе), обозрѣваетъ всѣ страны, но нигдѣ не находитъ ничего краше мира и Елисаветы. Впрочемъ, первое мѣсто дается здѣсь Елисаветѣ, такъ какъ *душа ея тише зефира и зракъ прекрасніе рая*. Эта душевная тишина и служитъ связью между нею и миромъ, выраженіе чего и составляетъ содержаніе второй строфы. Здѣсь въ стихахъ замѣчаются нѣкоторыя *стихотворныя вольности*, которыя состоятъ въ грамматическихъ и просодическихъ неправильностяхъ и которыя допускались стихотворцами прошедшаго столѣтія: *во всѣ страны* (вм. стра̀ны), *прекрасніе рая* (вм. ра̀я) или въ предыдущей строфѣ *по земли* вм. по землѣ.

Описавъ миръ и показавъ связь между нимъ и Елисаветою, авторъ въ третьей строфѣ уже описываетъ государыню, продолжая обращаться къ миру, какъ ко второму лицу. Здѣсь для одной и той же мысли онъ прибираетъ тожественныя выраженія, чтобы картиннѣе и, слѣд., сильнѣе изобразить ее: 1) *когда на тронъ она вступила*, 2) *какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ*, или 1) *Тебя* (миръ) *въ Россію возвратила*, 2) *войнѣ поставила конецъ*. Принявъ миръ, она облобызала его (оживленіе мира), чѣмъ и выразила свою любовь къ нему. При этомъ авторъ влагаетъ ей въ уста слова, выражающія связь ея съ подданными, отвращеніе отъ крови, счастіе и спокойствіе россовъ; еслибы цѣною этого спокойствія можно было пріобрѣсти *цѣлый западъ* и *востокъ*, она отказалась бы отъ нихъ. Употребленіе словъ изъ церковно-славянскаго языка, выраженія искусственныя были слѣдствіемъ требованія теоріи высокаго слога. Такъ въ этихъ трехъ строфахъ попадаются: *градовъ* (городовъ), ограда, *класы* (колосья), *дерзаютъ* (отваживаются), *поставила конецъ* (прекратила), *тебя пріявъ, спокойствомъ*. Слово *россовъ* принадлежитъ только высокому и преимущественно стихотворному языку.

Выведя Елисавету изъ ряда всѣхъ смертныхъ, въ четвертой строфѣ авторъ возводитъ ее на степень божества: Божественнымъ устамъ приличенъ, монархиня, сей кроткій гласъ, восклицаетъ онъ, и переходитъ къ дню ея восшествія на

престолъ, указывая на то патріотическое чувство, съ какимъ она была встрѣчена всѣми русскими. Здѣсь онъ обращается къ ней, какъ ко второму лицу и снова прибѣгаетъ къ оживленію согласно съ теоретическими требованіями: *отъ радостной премѣны* (перемѣны царствованія), *Петровы стѣны* (Петербургъ) *возвышали до звѣздъ плесканье* (рукоплесканье) и *кликъ*. Оживленіе продолжается и въ отдѣленіи всѣхъ добротъ Елисаветы въ *одинъ общій хоръ, который она возвела съ собою на престолъ*.

Эти строфы составляютъ вступленіе въ оду. Въ нихъ показывается источникъ вдохновенія стихотворца, т.-е. что̀ вызываетъ его на *пѣснопѣніе*: кротость государыни, соединенная съ любовью къ миру, доброта ея и патріотическое чувство ея подданныхъ. Послѣ этого авторъ обращается уже къ себѣ, сравниваетъ свои силы со всѣмъ тѣмъ, что̀ ему представляется воспѣвать, и находитъ, что силы его недостаточны; но въ то же время сознается, что духъ его не можетъ удержаться отъ похвалъ, такъ какъ его ободряютъ щедроты императрицы. Здѣсь употребляется одинъ изъ пріемовъ классическихъ похвалъ: уменьшать свои силы и этимъ самымъ возвышать высокія качества и снисхожденіе тѣхъ, кому слагаются похвалы. Авторъ сравниваетъ себя съ пловцомъ, котораго способный (попутный) *вѣтръ* порываетъ въ *понтъ* (въ море) чрезъ яры волны; пловецъ съ весельемъ оставляетъ брегъ, въ то время какъ корма (метаф. корабль) летитъ межъ водныхъ нѣдръ.

Далѣе въ шестой строфѣ авторъ употребляетъ другой пріемъ классической оды для выраженія похвалы: онъ заботится объ обстановкѣ, приличной и благопріятной для восхваляемыхъ лицъ. Пламенные звуки (т.-е. войны) колеблютъ свѣтъ; поэтъ приказываетъ имъ молчать, такъ какъ *Елисавета изволила въ мирѣ расширять науки; наглые* вихри *не должны ревѣть, но должны кротко разглашать прекрасны наши времена*; наконецъ, самая вселенная должна внимать въ безмолвіи, потому что *восхищенная лира хочетъ гласить велики имена*. Этою строфою настраивается духъ читателя, который приготовляется слушать что-то важное и торжественное—также обыкновенный классическій пріемъ.

Послѣ всего этого авторъ переходитъ ко времени, предшествовавшему вступленію Елисаветы на престолъ. Здѣсь представляются *два великія имени*, о которыхъ хочетъ гласить его лира: Петра I и Екатерины I, отца и матери Елисаветы. Кромѣ родственной связи между ними, авторъ находитъ еще другую связь: Елисавета расширяетъ въ мирѣ науки, которыя къ намъ ввелъ Петръ и поддерживала Екатерина, слѣдственно, переходъ къ Петру здѣсь самый естественный. По поэтическому представленію автора, Петръ хотя и человѣкъ, но такой, *каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка*. Онъ явился въ Россіи вслѣдствіе предвѣчнаго опредѣленія Бога (ужаснаго чудными дѣлами зиждителя міра), который искони положилъ своими судьбами этимъ прославить себя въ наши дни. Здѣсь опять восхваляемое лицо выводится изъ общей людской сферы и ставится въ особую связь съ божествомъ, чѣмъ и выказывается его героическая порода. Далѣе указываются главные подвиги Петра: торжество его надъ всѣми препятствіями при вступленіи на престолъ: онъ вывелъ Россію изъ варварства, возвысилъ ее съ собою до небесъ, устроилъ войска, завелъ флотъ, построилъ Петербургъ и наконецъ открылъ путь въ Россію *божественнымъ* наукамъ. Представляя все это, авторъ опять прибѣгаетъ къ олицетворенію и оживленію: на сцену являются классическія божества, Марсъ и Нептунъ; первый почувствовалъ страхъ въ кровавомъ полѣ, видя свой мечъ въ Петровыхъ рукахъ; другой съ трепетомъ увидѣлъ въ морѣ россійскій флагъ. Наконецъ Нева, вдругъ увидѣвъ себя укрѣпленною стѣнами и окруженною зданіями, пришла въ смущеніе и въ недоумѣніи сказала: неужели въ забытьи я сошла съ того пути, которымъ текла прежде. Все это представляетъ ту быстроту, съ какою строился Петербургъ. Олицетворенными рисуются и божественныя науки, которыя изъ-за горъ, рѣкъ и морей *простирали* въ Россію *руки*, обѣщая съ крайнимъ тщаніемъ подать въ *россійскомъ родѣ* новые плоды чистѣйшаго ума. И въ то время, какъ Россія ожидаетъ видѣть ихъ полезные труды... *ахъ, жестокая судьбина*! является смерть и похищаетъ покровителя ихъ. Это восклицаніе выражаетъ неожиданный переходъ, который авторъ долженъ сдѣлать къ печальному

событію, поразившему всѣхъ — пріемъ также обыкновенный у стихотворцевъ того времени. Быстрые переходы отъ одного предмета къ другому посредствомъ восклицаній, вопросовъ, удивленія составляли такъ называемый *лирическій безпорядокъ* въ одѣ. Описаніе смерти Петра основывается здѣсь на противоположности; мужъ, *достойный безсмертія, умираетъ*; причина нашего блаженства погружаетъ насъ въ глубокомъ плачѣ къ несносной скорби нашихъ душъ; смерть его есть слѣдствіе зависти самого рока. Далѣе науки представляются въ образѣ музъ: услышавъ наши рыданія (внушивъ слухъ нашихъ рыданій), возстенали парнасскіе верхи, и музы провождали воплемъ пресвѣтлый духъ въ небесную дверь; печаль ихъ была праведна, потому что шатался ихъ сомнѣнный путь, т.-е. нужно было опасаться за ихъ бытіе въ Россіи; но по Петрѣ остается единая отрада, кроткая Екатерина, она пріемлетъ плачущихъ музъ щедрой рукой — намекъ на открытіе академіи наукъ.

При этомъ для возвеличенія Екатерины авторъ прибѣгаетъ къ гиперболѣ, опять употребивъ восклицаніе: ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась, давно-бъ Секвана (Сена, т.-е. Парижъ, рѣка вмѣсто города) постыдилась съ своимъ искусствомъ передъ Невой (Петербургомъ). Подобныя гиперболы были также общеупотребительны въ тогдашнемъ классическомъ слогѣ. Со смертью Екатерины распространяется новая горесть. Авторъ обходитъ слѣдующія царствованія, гдѣ музы не могли найти себѣ довольства, и опять дѣлаетъ искусственный переходъ къ Елисаветѣ. Онъ спрашиваетъ: что это за свѣтъ окружаетъ Парнасъ? и выражаетъ удивленіе, слыша парнасскую музыку. Причина всего этого тотчасъ же и выясняется: всѣ холмы покрываются ликующими хорами, отъ которыхъ раздаются въ долинахъ клики, объявляющіе, что великая дщерь Петра превышаетъ отчія щедроты, усугубляетъ довольство музъ и отверзаетъ дверь къ счастію. Здѣсь авторъ, гиперболически выхваляя Елисавету, высказываетъ свою задушевную мысль: счастіе народа тѣсно связывается съ образованіемъ и, слѣдственно, съ распространеніемъ науки, которая и должна постоянно имѣть въ виду эту главную цѣль. Ее же всегда имѣлъ въ виду и Ломоносовъ, чрез-

мѣрно восхваляя царственныя лица, и этимъ какъ бы стараясь вызвать въ нихъ тѣ труды и заботы, которые нужны были для счастья народа и которые онъ называетъ однимъ общимъ словомъ *щедроты*.

Распространенію наукъ и счастью народа способствуетъ, между прочимъ, мирное состояніе государства. Елисавета заключила миръ, за что авторъ и восхваляетъ ее въ началѣ оды, но тутъ является обстоятельство, которое, повидимому, противорѣчитъ его похвалѣ. Военные подвиги и завоеванія обыкновенно ставятся высоко и восхваляются всѣми поэтами: Ломоносовъ же хвалитъ императрицу за то, что она прекратила войну, слѣдственно, не стремится къ завоеваніямъ и отказывается отъ военной славы. Для того, чтобы согласовать это кажущееся противорѣчіе, авторъ сравниваетъ славу войны и славу мира и послѣднюю ставитъ выше первой. Онъ признаетъ великую славу за тѣмъ воиномъ, который одерживаетъ побѣду въ каждомъ сраженіи и проводитъ жизнь въ полѣ: но слава его принадлежитъ не ему одному; онъ долженъ раздѣлить ее съ подвластными ратниками (войскомъ), безъ которыхъ ничего не могъ бы сдѣлать; при этомъ же плачевный стонъ побѣжденныхъ мѣшаетъ трубному звуку славы. А эта слава, т.-е. слава мира, принадлежитъ одному монарху. За нее благодарна своей монархинѣ вся ея пространная держава. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить синтаксическія особенности: „тебѣ благодаритъ“ (вм. благодарна) или „сравнить сраженьямъ“. Далѣе авторъ показываетъ, какіе плоды можетъ принести наука во время мира. Онъ дѣлаетъ общій очеркъ Россіи съ физической стороны: высокія горы, широкія поля, большія рѣки,—все это скрываетъ въ себѣ богатства, которыя можно для общаго довольствія добыть только наукою; а она можетъ цвѣсти, пока только щедростью монархини.—*Что* щедростью твоей цвѣтетъ—(употребленіе *что* вм. который). Послѣ этого авторъ указываетъ, на что̀ именно должна наука обратить вниманіе: въ Россіи въ то время стали открываться сокровища, *какими хвалится Индія* (вольность въ ударенiи *Индія* вм. Индія), т.-е. металлы и драгоцѣнные камни; но чтобы извлекать ихъ изъ горъ, требуются „руки, утвержденныя искусствомъ: тогда-то и камни* почув-

ствуютъ силу наукъ, *возставленныхъ Елисаветою*. Сѣверныя страны Россіи остаются совершенно неизвѣстны и не изслѣдованы наукою, которая между прочимъ туда и должна устремить свои силы. Авторъ здѣсь картинно рисуетъ сѣверъ, знакомый съ нимъ отчасти какъ уроженецъ сѣверной области, отчасти по разсказамъ другихъ. Здѣсь у него суровую сѣверную зиму представляетъ борей съ мерзлыми крылами; онъ взвѣваетъ знамена Елисаветы, т.-е. господствуетъ въ областяхъ ей подвластныхъ въ Сибири. Но несмотря на вѣчные снѣга и здѣсь между льдистыми горами Богъ великъ своими чудесами, и здѣсь найдется многое, надъ чѣмъ должна поработать наука: передъ нею огромныя рѣки, какъ, напр., Лена, которыя разливаются подобно морю (сравнившись *морю* широтою); передъ нею непроходимые лѣса (тѣсные животнымъ своею густостью), гдѣ не была еще нога ни звѣролова, ни охотника съ лукомъ, ни земледѣльца съ сѣкирою. Широкое открыто поле, гдѣ музамъ путь свой простирать!— восклицаетъ авторъ, и снова обращается къ Елисаветѣ, желая вызвать ея содѣйствіе, за которое не найдется достойной награды. Музы обѣщаютъ прославить до небесъ даръ ея и поставить памятникъ ея щедротамъ (знакъ щедротъ твоихъ поставимъ) тамъ, гдѣ восходитъ солнце, то-есть на самомъ отдаленномъ востокѣ, гдѣ Амуръ, крутясь въ зеленыхъ берегахъ, желаетъ *снова* возвратиться отъ Манжуръ въ ея державу — намекъ на трактатъ, заключенный графомъ Рагузинскимъ между Россіей и Китаемъ,— трактатъ, по которому рѣка Амуръ, считавшаяся границею русскихъ владѣній, отошла къ Китаю. Ломоносовъ указываетъ, что она естественная граница между обоими государствами. Называя мрачною вѣчностью эти отдаленныя неизвѣстныя мѣста, авторъ замѣчаетъ, что у науки является надежда проникнуть туда и построить храмъ премудрости тамъ, гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закона, т.-е. гдѣ люди живутъ еще въ дикости.

Невѣжество блѣднѣетъ при видѣ бѣлѣющихъ кораблей, плывущихъ на востокъ, на которыхъ россійскій Колумбъ (Берингъ) спѣшитъ къ неизвѣстнымъ народамъ сказать о *щедрости* императрицы—намекъ на извѣстную морскую экспедицію Беринга. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе Великаго океана,

сдѣланное авторомъ по слухамъ: усѣянный островами, онъ своими проливами уподобляется рѣкѣ; тамъ даже воронъ красивѣе павлина, тамъ разноцвѣтныя птицы своею пестротою превосходятъ весенніе цвѣты, тамъ въ ароматныхъ рощахъ неизвѣстна суровая зима, тамъ наука также найдетъ себѣ много дѣла.

Но вотъ той же наукѣ представляется новая мѣстность: въ уральскихъ горахъ (верхи Рифейски) отыскивается серебро и золото. Авторъ здѣсь опять обращается къ классическимъ и миѳологическимъ образамъ. Минерва ударяетъ своимъ копьемъ въ верхи рифейскіе, и во всемъ русскомъ царствѣ течетъ серебро и золото. Плутонъ, хранитель подземныхъ сокровищъ, мятется въ своихъ разсѣлинахъ въ досадѣ, что россамъ въ руки предается дорогой металлъ, скрытый въ горахъ природою, и отвращаетъ свой свирѣпый взоръ отъ солнечнаго блеска.

Показавъ, сколько работы предстоитъ наукѣ и какое благо народу она можетъ доставить, если ее будетъ сопровождать монаршая щедрость, авторъ обращается къ другому патріотическому вопросу: Россія вызывала до сихъ поръ на дѣло науки ученыхъ изъ чужихъ странъ; нужно доказать, что русскій народъ самъ способенъ заниматься этимъ дѣломъ и можетъ изъ своей среды производить ученыхъ. Ихъ-то и вызываетъ авторъ на трудъ, говоря, что время для нихъ настало благопріятное, они теперь могутъ своимъ раченьемъ показать, что „россійская земля“ въ состояніи рождать и собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ. Нельзя не замѣтить, что Ломоносовъ своею личностью и трудами разрѣшилъ этотъ вопросъ о способностяхъ русскаго человѣка,—вопросъ въ то время важный въ виду ученыхъ иностранцевъ, которые съ высокомѣріемъ и недовѣрчивостью смотрѣли на всѣхъ русскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстная похвальная строфа наукѣ, которая оказывается полезною во всякомъ возрастѣ и состояніи, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всякой мѣстности.

Въ заключеніе авторъ снова обращается къ той, которой посвящаетъ свою оду и приводитъ конецъ къ началу, т.-е. опять касается вопроса о мирѣ. Можетъ случиться, что онъ

будетъ нарушенъ не по волѣ императрицы: кто-нибудь по своей гордости, *завидя* (позавидуя) *нашему покою*, объявитъ ей войну. Въ такомъ случаѣ помощникомъ ей будетъ Всевышній Зиждитель, онъ сохранитъ ее во всѣхъ путяхъ и съ числомъ ея *щедротъ* сравнитъ число ея дней.

Изъ такого подробнаго изложенія содержанія оды можно видѣть слѣдующія части, изъ которыхъ состоитъ она: 1) вступленіе — поводъ къ одѣ, причина похвалъ и приготовленіе читателя; 2) похвала Петру за его подвиги и за покровительство наукамъ; 3) похвала Екатеринѣ за ея заботы о наукѣ; 4) похвала Елисаветѣ за ея щедроты; 5) рѣчь о трудахъ, предстоящихъ наукѣ въ Россіи; 6) обращеніе къ русскимъ ученымъ; 7) похвала наукѣ; 8) заключеніе — призываніе помощи Всевышняго и многая лѣта. Слѣдственно, главная рѣчь автора относится къ наукѣ; она вызываетъ похвалы и дѣламъ и лицамъ; она дверь къ народному счастію, главное чувство— патріотическое; оно заставляетъ полюбить науку, ведущую къ народному благоденствію, полюбить и лица, способствующія ея распространенію своею щедростью или своими трудами. Историческая обстановка, необходимая при разборѣ этой оды, входитъ въ „Руководство ученикамъ“.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія, Ломоносова.

Сначала авторъ представляетъ постепенное распространеніе ночного мрака: захожденіе солнца, мракъ покрываетъ поля, отсюда черная тѣнь ложится на горы: солнечныхъ лучей не осталось нигдѣ. Показать все это нужно автору, такъ какъ далѣе онъ хочетъ представить сѣверное сіяніе, которое незнающими могло бы быть принято за отблескъ солнечныхъ лучей, поэтому и говоритъ онъ: лучи отъ насъ сокрылись прочь. Далѣе рисуется картина ночи: открывается бездна, полная звѣздъ; сосчитать ихъ—нѣтъ числа, проникнуть бездну до дна—она безъ дна. Все это изображаетъ ту обстановку, среди которой находится мыслящій поэтъ; углубляясь въ эту бездну, онъ теряется, утомленный мыслями, какъ теряется посреди огромныхъ массъ и силъ какое-нибудь ничтожное

вещество; песчинка въ морскихъ волнахъ, искра въ вѣчныхъ льдахъ, пыль въ сильномъ вихрѣ, пухъ (перо) въ свирѣпомъ огнѣ. Мысли его обращаются около вопроса: что тамъ въ этихъ звѣздахъ; и отвѣтъ на него онъ слышитъ изъ устъ ученыхъ (премудрыхъ): тамъ безсчетные міры и солнца, на нихъ живутъ народы; тамъ природа своею силою дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ, какъ и у насъ, для той же славы божества. Но вдругъ поэту представляется какъ будто противорѣчіе тому, что говоритъ наука: природа дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, а между тѣмъ заря вмѣсто востока показывается на сѣверѣ, откуда какъ будто хочетъ выйти солнце, или какъ будто сливаются вмѣстѣ двѣ разнородныя стихіи: изъ льдистыхъ морей выходитъ огонь: видится пламя, но безъ теплоты, холодное; среди ночи на землѣ является день.

Описавъ такимъ образомъ сѣверное сіяніе, хорошо знакомое ему еще въ дѣтствѣ, онъ снова обращается къ ученымъ, которымъ извѣстны вѣчные законы природы и пути всѣхъ планетъ, и проситъ ихъ объяснить это явленіе, которое такъ смущаетъ его; дальнѣйшими вопросами къ нимъ онъ дополняетъ сдѣланное имъ описаніе: ночью зыблется ясный лучъ, тонкій пламень разитъ въ твердь, безъ грозныхъ тучъ молнія стремится отъ земли вверхъ (въ зенитъ), среди зимы мерзлый паръ производитъ пламень (пожаръ). За этимъ онъ дѣлаетъ намеки на разныя ученыя гипотезы, которыми прежде объясняли сѣверное сіяніе и которыя оказались несостоятельными.

Послѣ такихъ отвѣтовъ, полныхъ сомнѣній, о явленіяхъ, близкихъ землѣ, кто же можетъ сказать, какъ великъ свѣтъ, замѣчаетъ авторъ, и что находится за этими малѣйшими звѣздами? Гдѣ конецъ міру, не знаютъ и премудрые, и отсюда каждый можетъ сдѣлать заключеніе о величіи и могуществѣ Творца. Здѣсь авторъ, доказывая величіе Божіе, хочетъ доказать, что наука не разрушаетъ вѣры отъ Бога, какъ полагали тогдашніе старовѣры, а напротивъ, открывая новые безконечные міры и не находя возможности объяснять многія явленія, еще болѣе раскрываетъ могущество и величіе Творца и, слѣдственно, утверждаетъ въ вѣрѣ.

О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ Ломоносова.

Изъ этого разсужденія Ломоносова слѣдуетъ извлечь главныя мысли, которыя онъ здѣсь развиваетъ и которыя опредѣляютъ его взглядъ на русскій литературный языкъ.

I. Русскій языкъ богатъ множествомъ реченій и выраженій разума; часть ихъ онъ усвоилъ изъ церковно-славянскаго языка; а этотъ въ свое время обогатился отъ греческаго при переводѣ ветхаго и новаго завѣта, поученій, отеческихъ духовныхъ пѣсней. Греческій же языкъ отличается красотою, изобиліемъ, силою и важностью слога. Эти качества развили въ немъ геніальные поэты и ораторы древности и за ними великіе учители христіанской церкви. Такимъ образомъ *русскій литературный языкъ черезъ славянскій имѣетъ связь съ богатѣйшимъ классическимъ языкомъ*. Самые грецизмы, вошедшіе въ славянскій языкъ, сначала казавшіеся странными, потомъ сдѣлались *пріятными* и *полезными*.

II. *Сравненіе русскаго языка* съ другими доказываетъ, что ему была полезна связь его съ языками греческимъ и богослужебнымъ.

III. Русскій языкъ по своей связи съ церковнымъ можетъ удовлетворять всѣмъ стиллистическимъ требованіямъ, излагаемымъ въ риторикахъ; отсюда и въ немъ являются *три штиля* — высокій, посредственный и низкій. Опредѣляется каждый изъ нихъ съ исчисленіемъ видовъ сочиненій, которыя должны писаться тѣмъ или другимъ штилемъ.

IV. Польза причастныхъ формъ церковнаго языка въ высокой стихотворной рѣчи. Всѣмъ этимъ доказывается, что русскій языкъ пріобрѣлъ отъ книгъ церковныхъ *богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ*.

V. Кромѣ этой выгоды церковный языкъ сообщилъ русскому еще и другія, которыхъ лишены многіе языки: 1) русскіе понимаютъ другъ друга на всемъ пространствѣ русской земли. 2) Русскій современный языкъ не столько удалился отъ языка древне-русскаго, чтобы мы не могли понимать этого послѣдняго, не учась ему. Слѣдственно, церковный языкъ служилъ *связью всѣхъ мѣстныхъ русскихъ нарѣчій между собою и новаго языка со старымъ*.

VI. Доказавъ, какую пользу русскому языку вообще принесъ церковный языкъ, Ломоносовъ доказываетъ, какую пользу онъ *можетъ* принести каждому любителю отечественнаго слова: 1) черезъ него сочинитель возвыситъ сугубо великолѣпныя мысли, 2) научится наблюдать ровность слога, 3) предохранитъ свой языкъ отъ вліянія иностранныхъ языковъ, которые искажаютъ собственную красоту нашего языка.

VII. Историческія доказательства, что языкъ тѣсно связанъ съ народною славою. Отсюда слѣдствіе: необходимо изъ любви къ отечеству изучать свой языкъ и обогащать его.

VIII. Выраженіе патріотическаго чувства Ломоносова. Русское слово никогда не придетъ въ упадокъ въ союзѣ съ просвѣщеніемъ, которое введено къ намъ Петромъ и укрѣплено *щедротою* его дочери. Залогомъ этого служатъ новыя учрежденія на пользу русскаго образованія, между прочимъ основаніе Московскаго университета.

Изъ всего этого можно видѣть развитіе мысли Ломоносова: патріотическое чувство заставляетъ его думать о славѣ отечества; слава эта имѣетъ тѣсную связь съ языкомъ, которымъ только она и передается въ позднѣйшее потомство, слѣд., нужно позаботиться о развитіи этого языка. Такимъ образомъ является тема: о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ. Нельзя не убѣдиться, что и здѣсь чувство патріотическое занимаетъ первое мѣсто и составляетъ ту силу, которая побуждаетъ Ломоносова на всякій литературный трудъ. Въ этомъ случаѣ, несмотря на все разнообразіе трудовъ его, мы находимъ во всѣхъ ихъ одну идею и одно стремленіе.

Въ нѣкоторыхъ современныхъ программахъ въ числѣ сочиненій Ломоносова, назначенныхъ для изученія, встрѣчается и Слово похвальное Петру Великому; а г. Поповъ перепечаталъ его даже цѣликомъ въ своемъ Пособіи при изученіи образцовъ русской литературы. Соображая время, которое нужно употребить для основательнаго изученія этого произведенія, и цѣли, которыя можно имѣть въ виду при его чтеніи, мы должны сознаться, что едва ли оно не будетъ обременительно и для преподавателей, и для учениковъ. По

Смирдинскому изданію оно занимаетъ 37 страницъ, по изданію г. Попова (въ 8 дол.) 22 страницы. Спрашивается, сколько же нужно употребить уроковъ для того, чтобы основательно и прочно для учениковъ прочитать его, останавливаясь безпрестанно на объясненіяхъ, которыхъ здѣсь потребуется очень много. По этой же послѣдней причинѣ нельзя поручить и самимъ ученикамъ прочитать Слово дома: безъ объясненій многое имъ будетъ непонятно, и за непривычными для нихъ риторическими фразами они не будутъ видѣть развитія мысли. По нашему мнѣнію, для чтенія довольно бѣглаго нужно употребить никакъ не менѣе *семи* или *осьми* уроковъ и для чего же? для того, чтобы разбирать риторическія фразы и правила устарѣлой теоріи ораторской рѣчи: эту цѣль по крайней мѣрѣ выставляютъ, указывая на необходимость читать Слово. Для этого же и г. Поповъ въ своей книгѣ помѣщаетъ всѣ риторическія правила, которыми руководствовался Ломоносовъ. Конечно, намъ могутъ представить и другія цѣли: по Слову можно познакомиться съ направленіемъ Ломоносова, съ его взглядами и стремленіями, съ его отношеніемъ къ наукѣ, къ своей современности, къ эпохѣ преобразованія и пр. Все это справедливо, но со всѣмъ этимъ можно познакомиться и по другимъ его произведеніямъ, хотя бы по VIII одѣ, для чтенія и объясненія которой нужно уже значительно менѣе времени и которая, слѣд., будетъ менѣе утомлять своею риторичностью. Итакъ, спеціальною цѣлью Слова остается все та же теорія старинной ораторской рѣчи. Но мы не видимъ причины, почему именно этой теоріи давать такое предпочтеніе предъ прочими? Отчего, напр., г. Поповъ не изложилъ такъ же подробно теоріи старинной эпопеи, которая въ свое время тоже занимала геніальные умы? Отчего не изложитъ и теоріи старинной трагедіи? А идя послѣдовательно, мы поневолѣ должны включить въ курсъ словесности и всю старинную риторику и піитику? Отчего же мы отказались отъ всѣхъ этихъ теорій, кромѣ ораторской рѣчи? Отчего ее непремѣнно хотимъ удержать въ курсѣ? Не по старинному ли преданію, что этотъ родъ сочиненій долженъ считаться самымъ главнымъ и труднымъ, почему риторики на него и обращали особенное вниманіе. Не лучше ли оста-

вить эти взгляды и руководствоваться болѣе педагогическими соображеніями: не утомлять силу учениковъ такими работами, которыя даютъ ничтожные результаты? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ кромѣ крайняго утомленія вынесетъ ученикъ изъ чтенія похвальнаго слова? и на что имъ будетъ употреблено столько часовъ времени? На то, чтобы сказать: теперь уже такъ не пишутъ. Всѣ же другіе выводы, очень важные для опредѣленія дѣятельности Ломоносова и языка его, будутъ сдѣланы по другимъ его сочиненіямъ, не столь обширнымъ и, слѣд., не столь утомительнымъ. Намъ скажутъ: въ такомъ случаѣ, нельзя ли прочитать только нѣкоторые отрывки изъ Слова? На нашъ взглядъ, такое чтеніе еще безполезнѣе, потому что изъ него не сдѣлаете уже никакого вывода. Вообще при чтеніи съ учениками старинныхъ писателей нужна *умѣренность* и съ нею особенная основательность въ разборѣ, чтобы ученики могли видѣть историческій интересъ въ читаемомъ, иначе нѣтъ ничего легче, какъ отвратить ихъ отъ писателя, тогда какъ наше дѣло внушить къ нему уваженіе за труды его.

XVII.

Послѣ Петровой реформы у насъ оказались слѣдующія сословія: дворянство—старое и новое, т.-е. родовое и чиновное, духовенство и народъ, свободные—горожане и закрѣпощенные—сельское населеніе, слѣдственно, самый многочисленный классъ поставленъ въ самыя невыгодныя условія для развитія. Притаившись на долгое время, пока на его счетъ развивались интересы дворянства, онъ ничѣмъ и не заявлялъ себя въ общей жизни, если исключить нѣкоторыя частныя возстанія противъ крайняго насилія, пугачевское движеніе, да раскольничьи зарубежные выселки. У раскольниковъ образовалась своя письменная литература, выразившая ихъ собственные интересы: но она еще слишкомъ мало изслѣдована. До сихъ поръ для насъ важна была только та литература, въ которой развивались интересы просвѣщенія, литература въ средѣ дворянства и духовенства; ее по этимъ сословіямъ

мы и раздѣляли на литературу духовную и свѣтскую, которую также можно назвать и дворянскою. Впрочемъ, къ ея чести мы должны сказать, что она хотя и вращалась въ дворянствѣ, и выражала по преимуществу его жизнь, но исключительно не развивала однихъ сословныхъ интересовъ. Сближаясь съ западными идеями, она подъ ихъ вліяніемъ вырабатывала себѣ идеалъ нравственнаго человѣка независимо отъ сословныхъ отношеній и только признавала, что дворянину болѣе чѣмъ кому-либо слѣдуетъ образовать себя по этому идеалу. Итакъ, усвоивая себѣ общечеловѣческіе интересы, она почти не захватывала интересовъ народныхъ. Только одинъ Ломоносовъ возвысился надъ всѣми, чѣмъ онъ особенно и великъ: онъ стремился примѣнять науку къ дѣлу, на пользу общенародную, хотя отчасти и смотрѣлъ на ученую дѣятельность съ государственной точки зрѣнія, связывая ее съ дѣятельностью Петра Великаго. Идеалы общественные—старые и новые—не могли къ себѣ привлекать сочувствія писателей, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ выражалось пристрастіе къ формѣ, внѣшности, а не разумное основаніе жизни. Въ жизни старой, народной они видѣли много такихъ сторонъ, которыя развивались изъ невѣжественныхъ понятій и взглядовъ, и которыя, слѣдовательно, они не могли принять; въ жизни, устроенной по европейскому образцу, они находили крайности подражанія, которыя уже прерывали всякую связь со всѣмъ русскимъ и доходили до безобразія, что̀ также не могло найти въ нихъ одобренія. Оставалось держаться средины между тѣмъ и другимъ и въ ней-то вырабатывать новый идеалъ, который бы можно было назвать русско-европейскимъ.

Первая такая работа досталась Сумарокову. Онъ усвоилъ себѣ новыя европейскія идеи, которыя разбивали сословные предразсудки и развивали человѣколюбивыя отношенія между людьми, но въ то же время онъ понималъ, что нѣтъ нужды отказываться совершенно отъ своей національности и отъ прошедшаго, поэтому сильно возставалъ противъ придворныхъ дворянъ, занявшихся преобразованіемъ одной своей внѣшности съ цѣлью не походить на русскихъ. Съ другой стороны, въ жизни прочихъ онъ встрѣчалъ столько явленій, возмущавшихъ его, что здѣсь тѣмъ менѣе могъ

найти возможность примѣнять свои идеи. И какъ ни красивы, какъ ни разумны казались онѣ въ отвлеченности, но въ жизни имъ недоставало твердой почвы: что̀ слѣдовало удержать изъ народной жизни, согласно съ требованіемъ истиннаго европейскаго просвѣщенія, и что̀ принять изъ европейской, чтобы не сгладить въ себѣ всѣхъ слѣдовъ національности и не сдѣлаться похожимъ на обезьяну—задача была очень нелегкая. Она не могла скоро разрѣшиться. И Сумароковъ, явившись посредникомъ между массою и европейскимъ просвѣщеніемъ, его истолкователемъ, самъ оказывается въ безпрестанномъ съ нимъ противорѣчіи. Онъ не могъ твердо установиться въ этой срединѣ. Колебаніе, шаткость, неопредѣленность выказываются въ его идеальныхъ стремленіяхъ и отражаются въ его характерѣ. Убѣжденный въ силѣ своихъ мыслей и нравственныхъ правилъ, въ достоинствѣ своихъ дѣйствій, онъ въ то же время часто измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ и унижаетъ себя самымъ жалкимъ образомъ. Не имѣя силы выработать себѣ яснаго, опредѣленнаго, живого идеала, и не признавая законными идеаловъ, усвоенныхъ другими, онъ не имѣлъ и твердой нравственной опоры для жизни, потому не умѣлъ и сдерживать себя, безпрестанно спотыкался, падалъ и унижался, не замѣчая того самъ. Словомъ, въ немъ какъ бы бродили еще, не соединившись, всѣ элементы жизни: тутъ и европейскій, и русскій человѣкъ, и писатель, начинающій новую литературу, и дворянинъ, и чиновникъ, все это поперемѣнно выказывалось, смѣшивалось противорѣчило одно другому. Онъ не выдержалъ съ достоинствомъ и борьбы, какую долженъ былъ вести въ качествѣ писателя, и никто не скажетъ, что онъ съ честью сошелъ съ своего поприща; но никто и не обвинитъ его, не принявъ во вниманіе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ уже самымъ родомъ своей дѣятельности. Стремленія его были честны; но почва, на которой приходилось ему вырабатывать для жизни новый идеалъ, была слишкомъ шатка и трудно было сразу осѣсться и утвердиться въ ней.

Съ именемъ Сумарокова соединяются основаніе русскаго театра, французская трагедія и сатира во всевозможныхъ

формахъ. Всѣ эти факты изложены въ „Руководствѣ“. Въ исторіи г. Галахова найдется довольно матеріаловъ, чтобы опредѣлить отношеніе тогдашней русской литературы къ литературѣ французской и къ русской жизни. Дѣло преподавателя сгруппировать всѣ эти факты около статей, выбранныхъ изъ сочиненій Сумарокова, для того, чтобы ученики могли составить себѣ понятіе о той литературной эпохѣ. Идеалы Сумарокова, развивавшіеся изъ европейскихъ понятій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общественными идеалами, заслуживаютъ вниманія уже потому, что подъ ихъ вліяніемъ воспиталось слѣдующее поколѣніе писателей. Стремленіе Сумарокова не пропало даромъ и перешло къ новому поколѣнію писателей, которые, оперевшись на Наказъ Екатерины II, съ увлеченіемъ устремились на массу, думая въ мигъ преобразовать ее по новымъ идеямъ. Идеалы ихъ были дѣйствительно прекрасны. Но они выработались не изъ жизни, а въ четырехъ стѣнахъ кабинета, за чтеніемъ французскихъ книгъ; потому въ самой-то дѣйствительности они оказались точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы видѣли христіанскій идеалъ въ древнѣйшій періодъ русской жизни. Создавшись отвлеченно, они оказались непримѣнимыми къ средѣ, сложившейся при извѣстныхъ условіяхъ. Говорить о всѣхъ ихъ и дѣлать характеристики сочиненій совершенно безполезно, если ученики не прочитаютъ самыхъ сочиненій. Для чтенія же и разбора ихъ потребуется столько времени, сколько не найдется ни у учениковъ, ни у преподавателя. Необходимость заставляетъ ограничиваться двумятремя писателями, давъ имъ подробную историческую обстановку изъ ихъ біографій, изъ Наказа Екатерины, изъ сочиненій другихъ писателей. Мы укажемъ на Державина, Фонвизина и Новикова. Это три центра, около которыхъ можно сгруппировать все литературное движеніе тогдашняго времени. Вопросы о сочиненіяхъ названныхъ писателей, равно какъ и большая часть фактовъ вошли въ „Руководство“, но не должно при этомъ упускать изъ виду и той обстановки жизни, среди которой возникали идеалы нашихъ писателей,—обстановки тѣсно связанной съ эпохой преобразованія, о чемъ мы уже говорили прежде при обзорѣ исторіи. Безъ

нея все развитіе можетъ быть представлено въ ложномъ свѣтѣ, а коснувшись ея, вы необходимо должны затронуть нѣсколько важныхъ вопросовъ о соціальномъ развитіи, о нравственныхъ отношеніяхъ между сословіями тогдашняго времени, объ историческихъ преградахъ, мѣшавшихъ въ жизни развитію идеаловъ писателей,—вопросовъ, которыхъ не касается г. Галаховъ, и которые нельзя назвать лишними, если мы хотимъ развивать въ ученикахъ правильныя нравственныя понятія о жизни. Мы бы хотѣли, чтобы ученики прочли побольше сценъ изъ комедій Фонвизина и нѣкоторыя сатирическія письма, и Придворную грамматику, и наконецъ извѣстные вопросы Фонвизина. Конечно, учитель можетъ самъ прочитать все это въ классѣ, но, по нашему мнѣнію, больше пользы для развитія и прочнѣе знанія, когда ученикъ имѣетъ возможность самъ читать, наблюдать и дѣлать выводы. Комедія „Недоросль“ для учебныхъ заведеній издана мною.

Мы уже знаемъ, какъ Петръ Великій сосредоточилъ въ своемъ царскомъ идеалѣ всѣ силы и интересы народа. Они оставались такимъ же образомъ сосредоточенными и въ послѣдующее время. Что же оставалось на долю всѣхъ прочихъ? Не считая за собою права заботы объ интересахъ общественныхъ, права, которое принадлежало только верховной власти, разумѣется, каждый долженъ былъ сосредоточивать свою дѣятельность на однихъ своихъ личныхъ интересахъ, потому что никакой другой дѣятельности ему не представлялось. Мысль каждаго только и могла вращаться въ этомъ тѣсномъ кругу, за которымъ она видѣла уже чужую область, другой кругъ, не подлежащій ея сужденію. Конечно, при такихъ условіяхъ, при такомъ направленіи мысли каждый и пользовался для своихъ личныхъ интересовъ тѣми средствами, какія были у него подъ рукою. Такъ какъ по табели о рангахъ чинъ давалъ человѣку извѣстныя права и положеніе, съ которыми соединялись личныя выгоды, то, разумѣется, заботы о добываніи себѣ чина сдѣлались главными заботами для каждаго: какой же человѣкъ не стремится туда, гдѣ ему можетъ быть лучше. Добывъ чинъ не службой общественному дѣлу, о которомъ

не могло развиваться даже и сознанія, каждый старался пользоваться имъ только для себя, иначе чинъ былъ бы ему совершенно безполезенъ.

Такъ какъ въ рукахъ его былъ законъ, то, разумѣется, и законъ долженъ былъ служить для его личныхъ интересовъ, потому что, какъ мы сказали, заботы объ интересахъ общественныхъ отъ него были отдѣлены, и, слѣдственно, не могли сливаться съ его личными выгодами. Очень понятно, что нравственность тутъ не могла развиваться во всей своей чистотѣ. Торгъ закономъ сталъ считаться правомъ каждаго чина; чиновникъ сдѣлался господиномъ, а каждый прибѣгающій подъ защиту закона—его покорнымъ слугою.

А между тѣмъ новый идеалъ требуетъ быть прежде всего человѣкомъ, развивать въ себѣ человѣческое достоинство, добродѣтель, честность, служить обществу, подчинять свои личныя выгоды интересамъ общественнымъ. Всѣ эти требованія въ идеалѣ дѣйствительно прекрасны. Но какимъ образомъ въ жизни станутъ заботиться о томъ, чтобы прежде всего сдѣлаться человѣкомъ, когда человѣческія права связывались съ извѣстнымъ чиномъ, когда по закону чиновникъ стоялъ выше человѣка? Какимъ образомъ стали бы особенно дорожить добродѣтелью и честностью, когда онѣ не находили защиты въ законѣ, который легко подкупался всякимъ плутомъ и негодяемъ? Какъ чинъ сталъ бы служить обществу, когда онъ считалъ себя не членомъ общества, а его господиномъ, на котораго должно оно работать? Какъ онъ подчинитъ свои личныя выгоды общественнымъ, когда этихъ послѣднихъ для него не существовало? Власть требовала отъ него извѣстной работы, и онъ работалъ, находя въ томъ свои выгоды. Новый европейскій идеалъ требовалъ отъ него, чтобъ онъ былъ гражданиномъ, тогда какъ по самой обстановкѣ онъ могъ быть только чиновникомъ, человѣкомъ, закрѣпощеннымъ за государствомъ. Какое уже тутъ гражданство? Принявъ этотъ идеалъ, онъ долженъ бы былъ отказаться отъ своей службы, иначе его отставило бы государство за домогательство гражданства. Ему оставалось удалиться въ среду писателей и въ стѣнахъ своего кабинета восхищаться красотою идеала, точно такъ, какъ въ старое

время люди, усвоившіе себѣ христіанскій идеалъ, удалялись изъ жизни въ монастырь.

Съ другой стороны, Петръ Первый, требуя, чтобы дворянинъ служилъ государству до смерти, обезпечивалъ его жизнь крестьянскимъ трудомъ. Впослѣдствіи грамата о вольности дворянства освободила его отъ государственной крѣпостной зависимости, но отношенія его къ крестьянству не измѣнились. Тѣ дворяне, которые не находили личныхъ выгодъ въ государственной службѣ, оставляли ее и стали исключительно искать своихъ выгодъ только въ трудѣ крестьянъ, не признавая за собою лично никакой обязанности трудиться. Не нужно доказывать всю безнравственность этихъ отношеній, о которыхъ было уже такъ много говорено. Ясно, что тутъ было не мѣсто развиваться новому европейскому идеалу. Заботиться о развитіи человѣческаго достоинства, когда оно уничтожалось самымъ крѣпостнымъ правомъ, о добродѣтели и честности, когда та и другая могли заключаться въ уравненіи своихъ рабовъ съ собою, о служеніи обществу, когда господинъ требовалъ службы самому себѣ, опираясь на свое помѣщичье право, всѣ эти идеальныя заботы были немыслимы въ такой средѣ, потому что требовали отреченія отъ самого себя, отъ своихъ интересовъ, что̀, конечно, было невозможно.

Мало соображали наши писатели всю эту обстановку, крайне неблагопріятную для развитія ихъ идеала въ дѣйствительной жизни. Они только млѣли передъ нимъ, восхваляя Екатерину за то, что и она какъ будто заодно съ ними увлекается тѣми же идеальными стремленіями и нападаетъ на тѣ же явленія жизни, которыя возбуждали въ нихъ злобу и негодованіе своимъ противорѣчіемъ новому идеалу. Они очень наивно и злобились, и восхищались въ то время, какъ Екатерина, желая прослыть въ Европѣ передовою въ просвѣщеніи, писала Наказъ, комедіи, поощряла писателей и ученыхъ, заводила училища для созданія „новой породы“ людей и щедро раздавала крестьянъ своимъ приближеннымъ. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ она рѣшительно парализировала въ жизни тотъ идеалъ, о которомъ, казалось, такъ искренно заботилась.

Все это необходимо имѣть въ виду при изученіи литературныхъ произведеній того времени. Здѣсь мы разсмотримъ комедію Фонвизина Недоросль и нѣсколько одъ Державина.

Недоросль.

Первыя сцены знакомятъ насъ съ тою силою, которая должна столкнуться съ другими силами и вступить съ ними въ борьбу; исходъ борьбы долженъ зависѣть отъ моральной стороны всѣхъ этихъ силъ, что̀ все вмѣстѣ и составляетъ содержаніе комедіи. Простакова въ своемъ отношеніи къ дворовымъ людямъ и къ мужу представляетъ страшную моральную силу. Это натура въ высшей степени страстная; обстановка ея жизни пока не представляетъ ей тѣхъ препятствій, которыя могли бы удержать ее и ограничить въ извѣстныхъ предѣлахъ. Крѣпостное право и безхарактерность мужа даютъ полный просторъ развитію страсти. Невѣжество и отсутствіе сознанія общественныхъ и гражданскихъ интересовъ даютъ направленіе этой страсти въ сторону исключительно личныхъ интересовъ. Простакова всегда права въ своихъ глазахъ, потому что для нея законъ—собственный ея произволъ, которому должны подчиняться всѣ, кто слабѣе ея. Отношеніе ея къ сыну опредѣляется ея любовью къ нему. Согласно съ ея натурою, эта любовь, конечно, должна отличаться тою же страстностью, какою сопровождается каждое ея чувство. Она ничего не дѣлаетъ безъ страсти, ей только и поддается во всѣхъ своихъ поступкахъ. Страстная и, при ея невѣжествѣ, безразсудная любовь къ сыну подчиняетъ и ее самоё его прихотямъ, и здѣсь она изъ самодурки-госпожи дѣлается покорною услужницею избалованнаго и своевольнаго мальчика. Отношенія ея къ брату болѣе равныя, потому что въ немъ она встрѣчаетъ силы равныя своимъ, а интересы ихъ пока общіе, слѣдовательно, не можетъ быть и попытки подчинить себѣ эту близкую силу. По желанію брата, Простакова задумываетъ устроить бракъ его съ сиротою Софьею, живущею у нея въ домѣ,

и на это сознаетъ въ себѣ довольно силы, даже еслибы Софья и не была согласна. Она не допускаетъ и мысли, что бѣдная дѣвушка можетъ ей противодѣйствовать въ ея намѣреніяхъ, хотя бы они касались самыхъ близкихъ личныхъ интересовъ безпомощной сироты; но такъ какъ съ этими интересами хозяйка сама связываетъ свои собственные интересы, то все должно безъ противорѣчія подчиниться ея силѣ. Простакова даже не хочетъ до самой минуты сговора объявить Софьѣ о своемъ намѣреніи, чтобы та какъ-нибудь не допустила въ себѣ дерзкой мысли, будто *ей докладываются*, тогда какъ это послѣднее было немыслимо для суровой ея родственницы.

Итакъ, въ сознаніи своей силы Простакова всѣмъ властвуетъ, распоряжается и наслаждается своею материнскою любовью; но вдругъ обстановка нѣсколько измѣняется: передъ нею возникаетъ другая независимая сила, которой обойти нельзя, не отказавшись отъ своихъ намѣреній; а отказываться отъ того, за что она принимается со страстью, она не привыкла, не умѣетъ и не въ состояніи. Объ этой силѣ возвѣщаетъ письмо, представленное Софьею, письмо отъ дяди ея Стародума. Онъ заявляетъ, что и на сторонѣ Софьи есть сила, которая сможетъ отразить силу Простаковой, и что, слѣдовательно, теперь уже нельзя произвольно распорядиться чужою судьбою для своихъ личныхъ интересовъ. Сразу поняла все это г-жа Простакова, и первыми движеніями ея сердца должны были быть испугъ, а потомъ злоба. Съ этимъ очень естественно ея стараніе убѣдить себя и другихъ, что такой силы нѣтъ, что она выдумана Софьею, которой выгодна такая выдумка; въ стремленіи какъ-нибудь успокоить себя она доходитъ до крайнихъ нелѣпостей, полагая, что смерть можетъ приключиться человѣку отъ заупокойнаго поминанія, и удивляясь, что ея грѣшныя молитвы не доходятъ до Бога. Наконецъ, она находитъ и причину появленія письма, и лицо, отъ кого оно могло быть прислано: оно *амурное* и отъ *того офицера, который искалъ жениться* на Софьѣ. Все это быстро создается въ умѣ Простаковой, потому что ей нужно какъ можно скорѣе уничтожить даже и мысль о возможности встрѣтить противодѣйствующую силу. Нако-

нецъ надо же отъ фантазіи перейти къ дѣйствительности, чтобы ею подтвердить свои успокоительныя предположенія. Но это сдѣлать не такъ-то легко: Софья можетъ прочитать не то, что въ письмѣ, а прочіе изъ присутствующихъ лицъ неграмотны. Пришлось бы ждать учителей Митрофана, еслибы на ту пору не вошелъ Правдинъ; Простакова, между тѣмъ, успѣла нѣсколько успокоиться, такъ какъ зашла рѣчь объ ея сынѣ, объ ея слабости и дала ей возможность похвалиться своими о немъ заботами. Теперь уже при появленіи Правдина прежнія чувства Простаковой перешли въ иронію: *къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ*, замѣчаетъ она, обращаясь къ своему гостю съ просьбою прочитать письмо Стародума. Но дѣйствительность оказывается несогласною съ фантазіей Простаковой: Софья въ самомъ дѣлѣ не безпомощная дѣвушка—на ея сторонѣ сила и нравственная, и матеріальная, съ которою нельзя силамъ Простаковой вступить въ открытый бой. Это она сообразила быстро, но не для того, чтобы совсѣмъ отказаться отъ борьбы, чего не могла допустить ея натура, а чтобы вступить въ борьбу скрытную съ намѣреніемъ подчинить себѣ эту чужую силу и воспользоваться ею, если уже нельзя уничтожить ее. По письму Стародума, съ Софьею соединяются такія приманки, которыми тутъ же не могла не прельститься Простакова и не пожелать соединить ихъ съ интересами своего обожаемаго Митрофанушки. „Я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю“! Понятно, что это желаніе страстной матери быстро должно развиться въ страсть, но на этотъ разъ необходимо скрыть ее, такъ какъ открытой силы употребить нельзя, а нужно хитрить, обманывать, опутывать ту силу, которая можетъ выказывать сопротивленіе. Отношеніе Простаковой къ Софьѣ быстро измѣняется: корыстное чувство дѣлаетъ изъ суровой барыни самую нѣжную и заботливую хозяйку; но такъ какъ все это не искренно, все противорѣчитъ ея настоящему характеру, то отсюда Простакова является передъ нами лицомъ комическимъ. При этомъ должны измѣниться и отношенія ея къ брату; теперь уже столкнулись ихъ интересы на одномъ лицѣ и, слѣдовательно, имъ приходится стать во враждебныя отношенія, такъ какъ добро-

вольно никто не откажется отъ своихъ замысловъ. Открыто начать борьбу съ Скотининымъ Простаковой также невозможно: этимъ она можетъ испортить и свое собственное дѣло и потерпѣть отъ силы Скотинина, слѣдовательно, и здѣсь нужна борьба другого рода—можно провести Скотинина, пользуясь его довѣріемъ, пока онъ еще не проникъ въ тайные замыслы своей сестры въ пользу Митрофана. Правда, онъ торопится сговоромъ, увѣренный, что это ему привалило такое неожиданное счастье, но съ своимъ умомъ и энергіей сестра надѣется восторжествовать надъ братомъ. Конечно, и здѣсь нужно было начать съ противорѣчія самой себѣ: сперва нужно отсрочить сговоръ Скотинина; но какую же причину представить ему?—одна законная причина только и можетъ быть: нужно прежде узнать согласіе Софьи, чего за нѣсколько еще минутъ никакъ бы не допустила Простакова; Скотининъ замѣчаетъ это противорѣчіе, и можно ожидать, что онъ скоро догадается, въ чемъ настоящая причина отсрочки: тогда уже и характеръ борьбы съ такимъ лицомъ, конечно, долженъ перемѣниться.

Такимъ образомъ завязка комедіи заключается въ письмѣ Стародума: оно измѣнило отношенія между лицами, опредѣлило ихъ положенія и вызвало силы на борьбу. Дальнѣйшій интересъ произведенія долженъ заключаться въ той борьбѣ, которую поведетъ г-жа Простакова для выполненія своихъ замысловъ.

Второе дѣйствіе начинается встрѣчею двухъ пріятелей, Правдина и Милона, случайно попавшаго въ домъ Простаковыхъ. Эта сцена приведена для того, чтобы показать, какія силы на борьбу вызываетъ Простакова своими неспокойными силами. Но для нея силы эти пока еще скрыты, она еще не подозрѣваетъ ихъ, имѣя въ виду только Стародума и своего брата, на борьбу съ которыми уже приготовилась. Послѣ второй сцены, гдѣ представляется встрѣча Софьи съ Милономъ и ревность его, вызванная шуткою Софьи, снова начинается дѣйствіе: является Скотининъ съ сомнѣніемъ въ успѣхѣ своей предполагаемой женитьбы. Оказывается, что сестра его уже дѣлала на него свои атаки: *подъѣхала съ отводомъ*. Но не зная причины, Скотининъ все же не намѣренъ отказаться

отъ десяти тысячъ дохода съ Софьинаго приданаго; онъ будетъ отстаивать свои права, какъ права жениха, не разсуждая о томъ, что еще не имѣетъ согласія со стороны невѣсты. Имѣя въ виду его грубую, неотесанную натуру, каждый поймётъ, какого рода борьба должна произойти у него съ сестрою. У него нѣтъ столько ума, чтобы подобно ей хитрить, прикидываться, подводить контрмины. У него есть только физическая, животная сила, которую онъ и употребитъ въ дѣло, лишь только его вызовутъ на это: „Если сестра вздумаетъ играть имъ какъ мячикомъ, то онъ и самъ зашвырнетъ ее такъ, что цѣлой деревней не отыщутъ". Вѣря въ свою силу и въ свои права на Софью, которыя дала ему не она, а сестра его, онъ уже считаетъ себя *суженымъ* и по-своему выражаетъ свой идеалъ счастливой жены. Когда же ему открываютъ глаза и объявляютъ, что его сестрица прочитъ Софью за своего сынка, то онъ, нисколько не стѣсняясь, тотчасъ же думаетъ приняться и за расправу, т.-е. пустить въ ходъ свои кулаки; для такого человѣка кулачное право имѣетъ свою законную силу. Онъ намѣренъ на первой же встрѣчѣ какъ чорта изломать племянника. По его логикѣ должно быть непремѣнно одно изъ двухъ: или онъ будетъ Софьинымъ мужемъ, или Митрофанъ уродомъ. Но чтобы приняться за дѣло, ему все же нужно убѣжденіе, что племянникъ виноватъ передъ нимъ, нужно собственное его сознаніе. И вотъ послѣ комическаго объясненія съ Митрофаномъ Скотининъ быстро переступаетъ черту комическаго положенія и уже готовъ сдѣлать его трагическимъ, еслибы его вновь не ввели въ прежнія границы другія присутствующія силы — Правдинъ и Еремѣевна. Сила физическая, стремясь все сокрушить и уничтожить, не можетъ вести комической борьбы. Нападеніе Скотинина отражено, но этимъ неудача его не можетъ кончиться. Скотининъ теперь самъ долженъ выдержать нападеніе открытой силы со стороны своей сестры, которая въ этомъ случаѣ иначе и не можетъ защитить свое любимое дѣтище.

Въ слѣдующей сценѣ Простакова употребляетъ всѣ усилія, чтобы обворожить Софью и другія постороннія лица и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить съ лучшей стороны своего Митрофанушку:

Она увивается около Софьи, выказывая особенную заботливость о лучшемъ пріемѣ ея дяди, она представляетъ и Митрофановыхъ учителей, желая, чтобы люди видѣли заботы объ его воспитаніи. Комизмъ ея положенія заключается въ томъ, что она хочетъ поддѣлаться къ людямъ совершенно другихъ понятій и взглядовъ, хочетъ надѣть передъ ними на себя маску, хотя сама не вѣритъ въ тѣ достоинства, которыми рвется всѣми силами похвалиться. Очень понятно, что все это не совсѣмъ ей можетъ удасться; натура ея противъ ея воли должна выказаться то въ отношеніяхъ ея къ мужу, то къ слугамъ, гдѣ она считаетъ себя въ полномъ правѣ распоряжаться, не стѣсняясь даже и при постороннихъ людяхъ. Наконецъ, *ученость* учителей обнаруживаетъ и степень учености Митрофана, равно какъ и понятіе самой Простаковой объ ученіи: для нея имѣетъ значеніе только процессъ ученія. Узнавъ о столкновеніи Скотинина съ Митрофаномъ, Простакова дѣлается львицей, у которой хотятъ отнять ея дѣтеныша. Братъ уже превращается въ ея злѣйшаго врага. Ничѣмъ неудержимая злоба переходитъ въ страсть, которая можетъ удовлетвориться только въ открытой борьбѣ силъ.

Третье дѣйствіе начинается разговоромъ между Правдинымъ и Стародумомъ, къ которымъ потомъ присоединяется Софья. Весь этотъ разговоръ ведется для того, чтобы познакомить насъ съ тою силою, противъ которой Простакова начала подводить свои подкопы. Это сила нравственная, сила ума, честности, прямодушія, благородства. Но въ ихъ разговорахъ нѣтъ дѣйствія, нѣтъ, слѣдовательно, и драматическаго интереса. Они только подготовляютъ къ тому столкновенію, которое должно произойти между двумя противоположными силами. Такимъ образомъ мы видѣли, что противъ Простаковой скопляется множество силъ, побороть которыя едва ли она будетъ въ состояніи. Здѣсь и силы нравственныя, и правительственныя, и если будетъ нужно, то и физическія. При другихъ обстоятельствахъ она могла бы показаться намъ *жертвою*, заслуживающею состраданія; но здѣсь этого быть не можетъ. Она сама вызываетъ противъ себя всѣ эти силы своею необузданною страстью и, слѣдовательно, совер-

шенно заслуженно должна и потерпѣть отъ нихъ, если онѣ ее одолѣютъ.

Дѣйствіе начинается съ появленія на сценѣ комическихъ лицъ. Г-жа Простакова начала уже не комическую борьбу съ своимъ братомъ, силы котораго оказались слабыми противъ страсти разъяренной матери; только Милонъ своею защитою удерживаетъ ихъ въ предѣлахъ комическаго дѣйствія, которое и смѣшитъ Стародума; этотъ смѣхъ отвлекаетъ Простакову отъ ея брата и вызываетъ въ ней новое чувство—гнѣвъ хозяйки противъ смѣющагося. Комизмъ ея положенія усиливается, когда она узнаетъ, кто именно смѣется. Ей нужно было сдѣлать быстрый переходъ отъ своей настоящей роли къ той, какую она предполагала играть передъ Стародумомъ, и загладить первоначальное впечатлѣніе отъ сцены съ братомъ. Но она видитъ, что многаго уже нельзя поправить. Придуманная эффектная сцена торжественной встрѣчи Стародума всѣмъ домомъ, всей семьей пропала. Пока сестра расправлялась съ братомъ, пріѣхалъ жданный гость въ пустой домъ, никѣмъ не встрѣченный. На что особенно разсчитывала хозяйка, то и не удалось ей. Да, въ ея глазахъ это дѣйствительно божеское наказаніе, такъ какъ дѣло идетъ о счастьи ея сына. Желая какъ-нибудь поправить этотъ промахъ, она скликаетъ весь домъ, но и тутъ дѣлается не такъ, какъ ей нужно: вмѣсто дѣвки Палашки является Еремѣевна. Досада обращается въ гнѣвъ, и опять страсть кипитъ въ ея сердцѣ, и опять она противъ воли раскрываетъ свою настоящую натуру, а съ нею и свои дикія понятія о человѣкѣ. Все это нужно было бы скрыть *отъ своего второго родителя*, какъ она назвала Стародума, на котораго нельзя произвести хорошаго впечатлѣнія такимъ звѣрскимъ обращеніемъ съ людьми; но развѣ это могло придти на умъ Простаковой? развѣ она, какъ законная помѣщица, не въ полномъ правѣ бранить своихъ слугъ, какъ сердцу хочется. Роль она должна играть не здѣсь, а въ выраженіи своихъ чувствъ къ Стародуму; ими она должна очаровать его, опутать и склонить на свою сторону. Вотъ наконецъ собирается вся семья. Встрѣча хоть и запоздалая, но должна быть самая родственная. Происходитъ сцена чрезвычайно комическая. Въ ней даже самъ Старо-

думъ невольно становится въ комическое положеніе, принужденный обнимать, какъ родныхъ, незнакомыхъ ему людей, которые насильно вторгаются къ нему въ объятія. Представленіе кончено, и половина дѣла сдѣлана. Простакова не любитъ тянуть дѣло, что̀ совершенно въ ея натурѣ, ей теперь остается ловить каждый случай, чтобы разъяснять свои намѣренія на счетъ Митрофана и Софьи и поскорѣе дойти до желаннаго конца. Но ей извѣстно, что Стародумъ любитъ добрыхъ людей, слѣдовательно и ей нужно показаться передъ ними доброю, и вотъ она чистосердечно даже отказывается отъ всякой ссоры съ братомъ, когда онъ также обинякомъ вздумалъ заявить свои права на Софью. Но чтобы такая рѣшимость ея была еще виднѣе Стародуму, она почла за нужное еще обрисовать свое небывалое добронравіе и этимъ показала, что ей только хочется такою слыть, а что на самомъ дѣлѣ въ ней вкоренены совсѣмъ другія качества. Такимъ образомъ, маска не держится плотно на ея лицѣ. Безпрестанными невольными противорѣчіями на каждомъ шагу обнаруживается ея настоящая физіономія. Всякая похвальба ея собою или сыномъ достигаетъ совсѣмъ не той цѣли, въ которую она мѣтитъ, а скорѣе совершенно противоположной. Стародуму все болѣе и болѣе раскрывается вся семья Простаковыхъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Во всемъ этомъ и заключается главный комизмъ разсматриваемой сцены. Дальше сцена ученія опять представляетъ много неподдѣльнаго комизма; онъ основывается на противорѣчіи, съ одной стороны, слова и дѣла: Простакова убѣждаетъ Митрофана учиться и въ то же время признаетъ ученье безполезнымъ; съ другой стороны — легкости задачъ и безуспѣшнаго усилія невѣжественнаго ученика совладать съ ними.

Столкновеніе между Вральманомъ и другими учителями не вытекаетъ изъ главнаго дѣйствія и приведено только для смѣха, почему въ этой сценѣ является много каррикатурнаго.

Первая половина четвертаго акта проходитъ также въ разговорахъ безъ дѣйствія. Здѣсь Стародумъ рисуетъ идеалъ счастливаго человѣка, который долженъ быть непремѣнно добродѣтельнымъ и, слѣдовательно, честнымъ; честность же

состоитъ въ исполненіи своего долга. Отсюда онъ переходитъ къ идеальному изображенію счастливой супружеской жизни и опредѣленію долга мужа и жены. Познакомить насъ со всѣми этими взглядами Стародума нужно было автору потому, чтобы было ясно и естественно, какъ Милонъ могъ съ перваго разговора понравиться Стародуму, подъ идеалъ котораго онъ такъ близко подходилъ. Отсюда вытекаетъ и разговоръ Стародума съ Милономъ, чтобы опредѣлить образъ мыслей Милона, съ которымъ долженъ былъ сойтись Стародумъ. Послѣ всего этого начинается дѣйствіе согласіемъ Стародума на бракъ своей племянницы съ Милономъ. По его убѣжденію, этотъ бракъ непремѣнно долженъ увѣнчаться счастіемъ, такъ какъ и въ женихѣ и въ невѣстѣ, по взгляду Стародума, есть всѣ задатки для той счастливой супружеской жизни, которую только-что обрисовалъ онъ. Это согласіе быстро подвинуло дѣйствіе къ развязкѣ. Давать дальнѣйшее развитіе всѣмъ ухищреніямъ другихъ претендентовъ на руку Софьи уже не было никакой надобности. Сватовство Скотинина, а за нимъ и Простаковой послѣ комической сцены экзамена было неудачно и тотчасъ обнаружило причину неудачи: Софья уже сговорена и завтра же отправляется съ дядею въ Москву. Итакъ, Простакова побѣждена, не помогли всѣ ея хитрости и затѣи. Но нѣтъ, она не такова, чтобы примириться съ своею неудачей и безъ боя оставить ту жертву, въ которую она уже мысленно вцѣпилась когтями. Препятствія только больше раздражаютъ ея страсть. Не удалась ей борьба скрытная, такъ остается еще борьба открытая, не помогла ей нравственная ея сила, такъ поможетъ сила физическая. Она употребитъ насиліе, а свое возьметъ. И вотъ быстро дѣлаются съ ея стороны распоряженія: дѣйствіе опять грозитъ перейти изъ комическаго въ самое плачевное и ужасное.

Пятый актъ начинается опять разговоромъ безъ дѣйствія. Бесѣду ведутъ Стародумъ и Правдинъ, который объявляетъ, что онъ получилъ отъ правительства власть прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы. Стародумъ старается идеально представить достоинство просвѣщеннаго правительства, которое должно нравственно воспитывать всѣ сословія народа.

Разговоръ этотъ подготовляетъ послѣдующія сцены, гдѣ дѣйствуетъ противъ насилія Простаковой уже правительственная сила, которая одна и была въ состояніи обуздать ее.

Милонъ явился съ обнаженной шпагой на защиту Софьи, противъ которой Простакова употребила-было насиліе, не разсуждая, что поступокъ ея есть уже злодѣйство, достойное строгаго наказанія. Такимъ образомъ она вызвала противъ себя и физическую силу, на которую сначала и не разсчитывала. Но съ помощью своей дворни она могла бы вступить и съ нею въ борьбу, хотя бы и не совсѣмъ равносильную и, слѣдовательно, удачную, еслибы на помощь Софьи не явилась правительственная сила въ лицѣ Правдина. Тутъ Простакова видитъ, что борьба больше невозможна: бѣшенство ея утихаетъ, и комическое дѣйствіе опять удержано въ своихъ естественныхъ границахъ. Хозяйка дома теперь на колѣняхъ вымаливаетъ себѣ прощеніе, нисколько не думая о собственномъ униженіи. Въ этомъ случаѣ она подражаетъ своимъ собственнымъ слугамъ, которые также валяются въ ея ногахъ, когда она хочетъ наказать ихъ. Такое дѣйствіе при ея маломъ нравственномъ развитіи должно казаться ей очень естественнымъ. Она грозитъ всѣмъ, когда чувствуетъ въ себѣ какую-нибудь силу; нѣтъ силы, старайся разжалобить человѣка, чѣмъ только можешь, чтобы его милосердіемъ пріобрѣсти себѣ новую силу и опять пользоваться ею для своихъ выгодъ. Чувство человѣческаго достоинства не могло развиться въ Простаковой, и потому она не могла нравственно возвыситься надъ своими рабами. Въ ней, по словамъ Стародума, и преступленіе, и раскаяніе презрѣнія достойны. Но на самомъ дѣлѣ истиннаго раскаянія въ ней и не было, потому что она не сознавала своего преступленія. Она видѣла свою вину не въ зломъ умыслѣ, а въ неудачѣ, которая дала возможность другой силѣ побѣдить ее. Теперь она и должна играть роль побѣжденной съ намѣреніемъ избавить себя отъ власти побѣдителя. И вотъ, когда она этого достигаетъ, когда думаетъ, что прежняя власть къ ней возвратилась, она снова грозная барыня; переходъ дѣйствительно долженъ быть рѣзокъ: прежняя страсть еще сильнѣе должна въ ней вспыхнуть, усиленная неудачею.

Но только одинъ исходъ остается ей въ той сферѣ, гдѣ она не можетъ встрѣтить сопротивленія,— въ сферѣ несчастныхъ слугъ, которые въ глазахъ барыни были виноваты тѣмъ, что не поддержали силою насилія госпожи; это ей кажется уже непростительною насмѣшкою. Слова „теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ“ грозятъ опять вывести дѣйствіе изъ комической сферы, тѣмъ болѣе, что здѣсь безчеловѣчная госпожа опирается на право дворянства. Но тутъ-то и является снова правительственная сила, которая только и могла ограничить эти права, неудерживающія человѣка отъ звѣрства. Простаковы слышатъ, что домъ ихъ и деревни взяты правительствомъ въ опеку. Но Простакова и здѣсь не признаетъ за собою никакой вины: вся ея вина въ томъ, что она *госпожа въ своемъ домѣ;* а госпожа, по ея понятіямъ, можетъ дѣлать въ своемъ домѣ все, что ей угодно. Итакъ, ей должно казаться, что она является жертвою правительственной силы или самовластія, и что настоящая судьба ея не есть достойное возмездіе за все ея прошедшее. Но страсть въ Простаковой не можетъ успокоиться; ей бы хоть только три часа, чтобы сорвать сердце на тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, былъ больше всего виноватъ, не поддержавъ ее, тогда она спокойнѣе примирилась бы со своимъ положеніемъ. И вотъ она снова замышляетъ скрытую борьбу, снова начинаетъ хитрить и лукавить, видя, что нельзя взять силою: невозможно ли какъ-нибудь поотмѣнить указъ, спрашиваетъ она, разсчитывая, что, можетъ быть, дѣло еще поправимо. Здѣсь она опять является на почвѣ чисто комической. Хитрости ея не удаются: передъ ея глазами уже разсчитываютъ учителей, и она должна окончательно убѣдиться, что все для нея пропало: куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ! (Но у нея остается еще сынъ, котораго она такъ страстно любитъ; онъ еще ей можетъ быть утѣшеніемъ, и что же? и онъ отталкиваетъ ее) Здѣсь-то и заключается настоящая развязка комедіи, которая должна естественно вытекать изъ всего предыдущаго дѣйствія, чтобы сохранить за комедіей необходимое нравственное значеніе. Всякія случайности могутъ только вредить нравственной сторонѣ произведенія, такъ какъ наводятъ на мысль, что въ дѣй-

ствительности конецъ могъ бы быть и другой, и притомъ очень плачевный, а не такой счастливый. А надо сказать, что въ комедіи Фонвизина много случайностей: явленіе Стародума, Правдина, Милона, все случайности. Отсюда и отнятіе власти у безчеловѣчной помѣщицы также случайно. Не будь просвѣщенный и доброжелательный намѣстникъ въ этомъ намѣстничествѣ, не приди ему мысль послать чиновника для ревизіи помѣщичьихъ дѣлъ, не будь этотъ чиновникъ человѣкъ безкорыстный, не нападі онъ на семейство Простаковыхъ, и сколько бы злодѣяній совершилось въ ея домѣ безнаказанно. Въ дѣйствительной жизни такъ по большей части и случалось, и вмѣсто комедій разыгрывались ужасныя трагедіи. Слѣдовательно, и случайное отнятіе власти у тѣхъ, кто злоупотребляетъ ею, не имѣетъ для насъ нравственнаго значенія, какъ посторонняя сила, которая въ дѣйствительности не была явленіемъ неизбѣжнымъ. Другое дѣло поступокъ сына съ матерью. Здѣсь дѣйствуетъ не чужая сила, не правительственная власть, не гражданскіе законы, а происходитъ только необходимое слѣдствіе изъ всего предыдущаго. Простакова сама себѣ приготовила такой конецъ, и избѣжать его не могла бы никогда; не теперь, такъ послѣ, а ей пришлось бы вкусить плоды свои: обстоятельства только ускорили эту развязку. По своей натурѣ, страстно любя сына, и по своему необразованію не имѣя понятія объ общественныхъ интересахъ, она и воспитывала его только для своего удовольствія, не какъ человѣка для общества. А ея удовольствіе было дѣлать то, что ему пріятно. Отсюда потворство всѣмъ его прихотямъ и животнымъ наклонностямъ, крайнее баловство, подчиненіе ему всѣхъ силъ, располагать которыми было во власти Простаковой. Отсюда и извращеніе человѣческой природы и безсознательная крайняя безнравственность въ ранніе дѣтскіе годы. Поставленная въ ложныя отношенія къ обществу, Простакова поставила себя и въ ложныя отношенія къ родному сыну. Уже съ перваго дѣтства онъ привыкъ видѣть, какъ все подчиняется его прихотливымъ требованіямъ, привыкъ слышать похвалы и восторги матери, которая своею силою все склоняла передъ нимъ. Очень понятно, что онъ долженъ былъ смотрѣть на

самого себя, какъ на существо особенное, которое имѣетъ право дѣлать безнаказанно все, что ему вздумается. Самая мать въ его глазахъ была только исполнительница его воли. При такихъ условіяхъ невозможно въ его сердцѣ развитіе любви къ кому бы то ни было. Самая страстная любовь матери не могла вызвать въ немъ этого чувства, хотя любовь и вызывается любовью. Видя въ рукахъ матери силу и власть, онъ и пользовался ими, не имѣя поводовъ приходить съ нею въ столкновеніе. Но когда онъ увидѣлъ, что у нея отнято и то, и другое, и что она теперь ничѣмъ не можетъ ему быть полезна, онъ отталкиваетъ ее, такъ какъ между нею и имъ не осталось никакой связи, которая бы нравственно соединяла ихъ. Все это естественное слѣдствіе его воспитанія. Еслибы не случилось съ Простаковой такой бѣды въ столкновеніи съ правительственною властью, то все же рано или поздно не избѣжать бы ей было подобнаго столкновенія съ сыномъ: пріѣдя въ возрастъ и не научившись сдерживать своихъ стремленій, онъ попытался бы отнять у нея для себя власть и силу, которыми теперь пользовался изъ ея рукъ. Между ними должна бы была произойти борьба. Она могла бы кончиться и не въ его пользу; но все же убѣдила бы мать, что въ сынѣ нѣтъ ни капли любви къ ней; все же ей пришлось бы убѣдиться въ его неблагодарности и произнести роковую для нея фразу: нѣтъ у меня сына. А это ей жесточе всякаго наказанія, придуманнаго людьми и законами, потому что измѣнить этихъ обстоятельствъ уже невозможно, для этого нужно было бы измѣнить все прошлое. Сколько страстной любви было въ сердцѣ матери, какую сильную любовь надѣялась она найти и въ сердцѣ сына, и что же? какое возмездіе за все это: при чужихъ людяхъ сынъ не стѣсняется отвернуться отъ матери, показавъ ей полное презрѣніе. Это наказаніе можетъ назваться вполнѣ нравственнымъ и притомъ неизбѣжнымъ, какъ рокъ, какъ fatum, наконецъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ, какихъ не могутъ придумать и люди: людей можно убѣдить, умолить, умилостивить; здѣсь же некого умилостивлять, некому смягчать наказаніе; оно должно поразить голову виноватаго со всею своею силою.

Итакъ, сущность содержанія комедіи заключается въ слѣдующемъ: Простакова, пользуясь своими помѣщичьими правами, все приноситъ въ жертву любви къ своему сыну, и такъ какъ у нея не было никакихъ нравственныхъ связей съ обществомъ, то и эгоистическая любовь ея доводитъ ее до безчеловѣчія къ другимъ людямъ. Въ порывахъ своей страсти она хочетъ распространить свою власть даже и на тѣхъ, кто по закону совершенно свободенъ отъ нея. И это бы удалось ей, еслибы не разныя случайности, которыя дали дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Но и въ случаѣ удачи Простакова нашла бы себѣ достойное возмездіе въ собственномъ сынѣ, въ жертву которому она приносила судьбы другихъ людей. Вотъ въ чемъ и заключается драматическій интересъ произведенія. Всѣ сказанныя случайности вводятъ дѣйствіе въ комическую сферу и въ ней постоянно удерживаютъ его; тогда какъ само по себѣ дѣйствіе способно безпрестанно принять оттѣнокъ слишкомъ печальный и мрачный. Отсюда и случайныя лица имѣютъ свое особенное значеніе: они способствуютъ развитію той идеи, которую авторъ хотѣлъ выразить въ своемъ произведеніи, смягчивъ при томъ тяжелое впечатлѣніе отъ дѣйствительности. Указывая на уродливыя и плачевныя явленія въ жизни, онъ въ то же время хочетъ показать, что̀ ихъ ждетъ въ образованномъ правительствѣ и обществѣ, которыя должны позаботиться развить въ себѣ идеи человѣколюбія, справедливости и на нихъ основать всѣ законы управленія. Вотъ это-то и составляетъ идеальную сторону комедіи. Она въ то же время смягчаетъ впечатлѣніе отъ дѣйствительности, убѣждая, что такія явленія лишь временныя, а не постоянныя, и, слѣдовательно, не необходимыя; они могутъ существовать только при невѣжественномъ состояніи общества и правительства, и въ мигъ исчезнутъ при лучшей обстановкѣ. Итакъ, авторъ представляетъ здѣсь не то, что̀ есть, а что̀ имъ ожидалось въ будущемъ при развитіи тѣхъ новыхъ идей, которыя вносились въ нашу литературу, благодаря Екатеринѣ II. Здѣсь желанное будущее переносится въ настоящее такъ, какъ это нерѣдко дѣлалъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ.

При разборѣ мы старались обратить пока вниманіе на

драматическую сторону произведенія, которая, какъ мы замѣтили, мало изучается съ учениками, тогда какъ она-то, по нашему мнѣнію, и должна составить главный предметъ изученія; въ ней по преимуществу комедія раскрывается какъ литературное произведеніе. Конечно, ученики должны сами письменно переработать его сцену за сценою, излагая содержаніе и интересъ каждой изъ нихъ въ связи съ предъидущими и послѣдующими. Преподаватель здѣсь долженъ только указывать на драматическую и комическую стороны и на смыслъ ихъ, направляя изученіе самихъ учениковъ. Конечно, здѣсь нельзя обойти и исторической стороны произведенія, для того, чтобы изученіе могло назваться вполнѣ основательнымъ. Здѣсь нужно указать на связь нравственныхъ разсужденій и разговоровъ съ Наказомъ Екатерины, съ воспитательными теоріями Бецкаго, съ стремленіями создать новую породу людей посредствомъ воспитанія, такъ какъ Милонъ и Софья являются здѣсь представителями этой новой породы, наконецъ на связь нашей литературы съ тогдашнею французскою и отсюда на заимствованія Фонвизина мыслей у французскихъ писателей *). Здѣсь слѣдуетъ опредѣлить подробно мысли Стародума о разныхъ предметахъ для того, чтобы опредѣлить нравственный взглядъ на жизнь лучшихъ людей того времени. Все это ученики легко могутъ сдѣлать сами, направляемые преподавателемъ только вопросами, на которые они должны выбирать отвѣты изъ самой комедіи **). При изученіи типа Простаковой (въ комедіи только и есть одинъ чистый типъ) необходима также историческая обстановка, которая объясняетъ образованіе характера въ данную эпоху. Типъ же помѣщицы Простаковой только и могъ выработаться во вторую половину прошедшаго столѣтія. Тогда дворянство, освобожденное отъ крѣпостной связи съ государствомъ, получило возможность жить постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, между тѣмъ какъ крѣпостная ихъ связь съ крестьянами не была ослаблена, а напротивъ, еще

*) Недоросль Фонвизина для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ редакціи Стоюнина. Исторія литературы г. Галахова.

**) См. Недоросль ред. Стоюнина.

болѣе укрѣплялась. Европейское образованіе просвѣщало только нѣкоторыя отдѣльныя личности, а не проникало въ цѣлое сословіе, которое уступало только требованіямъ правительства, принимаясь кое-чему учить свое юное поколѣніе и въ то же время еще не сознавая настоящей пользы отъ ученія. Сознаніе общихъ интересовъ въ немъ также не могло быть развито, потому что оно было устранено государствомъ отъ всякаго самоуправленія, слѣдовательно, и отъ всякихъ заботъ объ общихъ интересахъ. Эти заботы считало своимъ правомъ высшее правительство. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность человѣка должна была направиться только въ сферу личныхъ интересовъ, безъ всякой связи съ интересами общими, и въ этомъ случаѣ чѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ сильнѣе и страстнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ больше число жертвъ должно было приноситься его интересамъ. Помѣщикъ, поселившійся въ средѣ своихъ крестьянъ и занявшійся хозяйствомъ, видѣлъ въ крестьянствѣ только рабочую силу, которую и стремился направить исключительно въ свою пользу. Мы не скажемъ, что въ то время всѣ помѣщики были подобны госпожѣ Простаковой, но можемъ сказать, что всѣ страстные люди помѣщики, при томъ же необразованіи, были такіе же, какъ была она. Силы, данныя имъ природою, при подобной обстановкѣ и не могли получить другого направленія. Та же самая страстность при другой обстановкѣ въ связи съ высшими стремленіями могла бы тѣхъ же людей сдѣлать благодѣтелями человѣчества. Но подобной дѣятельности вѣкъ не могъ дать этимъ силамъ.

XVIII.

Ода Державина „На смерть князя Мещерскаго“.

Вся ода раздѣляется на три части: 1) изображеніе силы смерти, 2) сознаніе ничтожности скоропреходящихъ утѣхъ въ жизни и счастія, 3) утѣшеніе. Изъ нихъ отличается своими поэтическими образами первая; главный интересъ ея основанъ на противоположности между смертью и жизнью. Послѣ обращенія къ бою часовъ, который авторъ называетъ *глаголомъ времени* и который смущаетъ его, напоминая ему о при-

ближеніи смерти, онъ изображаетъ эту смерть такъ, какъ представляли ее древніе—человѣческій скелетъ съ косою въ рукѣ; скрежетаніе зубовъ ея выражаетъ злобу, съ какою она коситъ какъ траву жизнь человѣка. Развивая далѣе этотъ образъ, авторъ указываетъ на отношеніе къ нему всего существующаго: все подвластно ему отъ человѣка и цѣлыхъ царствъ до камня гробницы, все будетъ его добычею, и солнца, и звѣзды, и всѣ міры. Здѣсь авторъ сравниваетъ жизнь человѣка съ краемъ бездны, по которому мы скользимъ и наконецъ стремглавъ свалимся. Несмотря на все это, человѣкъ поставилъ себя въ особое отношеніе къ смерти: онъ и не думаетъ о смерти, зато она тѣмъ сильнѣе поражаетъ его, когда, подобно вору, внезапно похититъ кого-нибудь изъ его близкихъ. Точно такъ же поразила и Державина смерть друга его Мещерскаго. Роскошная жизнь его, сибаритскіе обѣды, пиры быстро смѣняются ужасами смерти, которая, явившись среди безпечныхъ пирующихъ, напоминаетъ имъ, что никто не уйдетъ отъ нея, какими бы достоинствами ни былъ одаренъ: она по волѣ выбираетъ себѣ изъ своихъ жертвъ, натачивая косу. Подобныя противоположности Державинъ всегда изображаетъ съ большимъ мастерствомъ.

Пораженный этимъ разладомъ, какой смерть вноситъ въ жизнь человѣка, поэтъ согласно съ нимъ рисуетъ и самого человѣка, находя и въ немъ противоположности: ты гордость съ бѣдностью совмѣстна, сегодня Богъ, а завтра прахъ; сегодня льститъ надежда лестна, а завтра гдѣ ты, человѣкъ; его уже нѣтъ и вся жизнь его представляется какъ сонъ. Отсюда поэтъ дѣлаетъ переходъ ко второй части, говоря, что и его молодость прошла какъ сонъ, и затѣмъ указываетъ на приманки юной жизни, которыя въ зрѣлые годы уже теряютъ свою цѣну; вмѣсто нихъ являются другія страсти, какъ, напр., честолюбіе, славолюбіе, стяжаніе богатствъ и проч. Но и это все пройдетъ въ свою очередь. При такомъ сознаніи непрочности счастія отъ удовлетворенія страстей, поэтъ отгоняетъ всѣ возможныя счастія, такъ какъ они всѣ премѣнны и ложны. Не ими человѣкъ долженъ привязываться къ жизни. И отсюда переходъ къ третьей части: я въ дверяхъ вѣчности стою—вотъ мысль, которая должна смягчать ужасы

смерти и приносить человѣку отраду и покой. Имѣя въ виду утѣшить Перфильева, друга Мещерскаго, авторъ обращается къ нему, напоминая, что всѣхъ ждетъ одинъ и тотъ же конецъ, слѣдственно, нельзя и терзаться, что смертный живетъ не вѣчно. Къ утѣшительной мысли, что человѣкъ стоитъ въ дверяхъ вѣчности, присоединяется другая: жизнь есть небесъ мгновенный даръ, значитъ и устроить ее нужно такъ, чтобы она была достойна небесъ, чтобы въ ней сохранилась чистота души, которая и будетъ встрѣчать съ благословеніемъ явленія смерти, какъ переходъ въ вѣчность.

Такимъ образомъ, здѣсь объясняется и та цѣль, съ какою поэтъ въ первой части представилъ смерть въ самомъ ужасномъ образѣ, способномъ довести человѣка до отчаянія. Такого гиперболическаго изображенія требовала самая идея оды; авторъ хотѣлъ сказать: человѣкъ не долженъ приходить въ отчаяніе, въ какомъ бы ужасномъ образѣ ни представлялась ему смерть; увлекаясь всѣми временными приманками жизни, онъ долженъ знать, что онѣ всѣ скоропреходящи, но что самъ онъ стоитъ въ дверяхъ вѣчности, слѣдственно, не умретъ совершенно, а поэтому и смерть въ своемъ страшномъ образѣ не должна страшить его.

На рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока.

Ода состоитъ изъ пяти частей: 1) изображеніе сѣверной зимы, 2) рожденіе необыкновеннаго отрока, 3) дары, полученные имъ при рожденіи, 4) отношеніе къ нему Россіи, 5) обращеніе къ отроку. Первую часть можно подраздѣлить еще на двѣ части: 1) изображеніе Борея и 2) вліяніе его на все живущее. Автору нужно было представить самую суровую сѣверную зиму, которая была въ Петербургѣ въ началѣ декабря, въ годъ рожденія великаго князя Александра Павловича. Для этого, по обычаю поэтовъ того времени, онъ беретъ образъ изъ классической миѳологіи, гдѣ Борей представлялъ бога сѣвернаго, холоднаго вѣтра. Такимъ образомъ, авторъ здѣсь олицетворяетъ зиму, перерабатывая заимствованный образъ такъ, чтобы онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ явленію природы. Такъ какъ сѣверная зима отличается

бѣлизною снѣга и инея, то отсюда и Борей является съ бѣлыми волосами и съ сѣдою бородою: онъ потрясаетъ небесами, сжимаетъ облака, сыплетъ пушистый иней, воздымаетъ мятели, оковываетъ быстрыя воды льдистыми цѣпями, словомъ, образъ является могучимъ, громаднымъ, ужаснымъ, это—лихой старикъ, отъ котораго содрогается вся природа—до чего онъ ни дотронется, все превращается въ камень, все живущее бѣжитъ отъ него и скрывается: звѣри въ норы, рыбы въ глубину водъ, пчелы въ дупла, птицы замолкаютъ. При этомъ поэтъ снова обращается къ классической миѳологіи и беретъ отсюда нимфъ для изображенія ручейковъ и источниковъ, которые перестали журчать между камышей, и сатировъ для изображенія лѣсовъ; у него нимфы со скуки засыпали среди пещеръ и камышей, а сатиры собирались грѣться вокругъ огней. Сравнивъ этотъ гиперболическій образъ съ явленіями русской сѣверной зимы, нужно сказать, что онъ довольно вѣрно и живописно изображаетъ ее. Въ это-то холодное время въ сѣверномъ царствѣ рождается порфирородный отрокъ и все кругомъ перемѣняется: за страшными холодами наступаетъ оттепель. Автору нужно показать, что назначеніе родившагося младенца необыкновенное, что онъ выходитъ изъ ряда прочихъ; для этого онъ пользуется простымъ случаемъ перемѣны погоды и приписываетъ ее дѣйствію рожденія младенца: оно укротило Борея; отъ дыханія новорожденнаго явился зефиръ и удалилъ съ полей зиму. Другое обыкновенное явленіе природы: поворотъ солнца по эклиптикѣ въ половинѣ декабря также даетъ возможность поэту указать на таинственныя силы въ младенцѣ: онъ воззрѣлъ, и солнце красно обратилося къ веснѣ. Все это должно, конечно, назвать крайними натяжками, и, слѣд., погрѣшностями въ поэтическихъ изображеніяхъ, которыя требуютъ возможнаго въ естественной сферѣ; но подобныя натяжки допускались поэтами прошедшаго столѣтія. Дальнѣйшее изображеніе слѣдствій рожденія отрока естественно въ царственной сферѣ: поэтическія похвалы и пророчества, порфира пушечные выстрѣлы, возвѣщающіе о рожденіи. Затѣмъ въ третьей части фантазія поэта представляетъ сверхъестественную картину: онъ увидалъ растворенный чертогъ су-

дебъ, и по этому знаку заключилъ, что родился нѣкій *Богъ*. Здѣсь употребляется пріемъ обыкновенный въ классической одѣ для восхваленія: лицо выводится изъ сферы человѣческой и вводится въ сферу героическую и даже божескую; согласно съ этимъ оно и производитъ то, что недоступно обыкновеннымъ людямъ. Далѣе слѣдуетъ новое олицетвореніе: всѣ лучшія качества, которыя даютъ человѣку природа и образованіе, представляются въ образѣ крылатыхъ геніевъ. Они слетаютъ съ небесъ въ свѣтломъ облакѣ къ колыбели младенца и каждый приноситъ ему свой даръ—всѣ таланты и совершенства, *составляющіе царя*. Послѣдній даръ, добродѣтель, сопровождался словами генія: будь страстей твоихъ владѣтель, будь на тронѣ человѣкъ. Слова эти были встрѣчены общимъ плескомъ геніевъ, которые назвали такой даръ *божественнымъ*, полезнымъ всему міру, вѣнцомъ всѣмъ добротамъ; съ нимъ царь будетъ отецъ подданнымъ, образецъ монархамъ, утѣшеніемъ сердецъ. Ясно, что поэтъ подобралъ всю эту картину для того, чтобы представить идеалъ истиннаго царя, въ которомъ прежде всего долженъ заключаться идеалъ человѣка; а въ немъ добродѣтель главная черта, по представленію Державина; такой идеалъ человѣка онъ стремится представить во всѣхъ своихъ произведеніяхъ: только добродѣтельный человѣкъ заслуживаетъ похвалы и памяти въ потомствѣ. Въ слѣдующей части опять олицетвореніе: Россія представляется въ образѣ любящей женщины, она слезами выражаетъ свою радость, колѣнопреклоненіемъ свою покорность, поцѣлуями свою любовь, и вотъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ даровъ, заботъ и прекаканій въ младенцѣ возрастаютъ и *геройство*, и красота; а съ тѣмъ вмѣстѣ распространяется и общая любовь къ нему. Поэтъ заключаетъ оду обращеніемъ къ прекрасному дитяти-*полубогу*, желая ему возрастать и уподобляться своимъ родителямъ и ихъ матери (Екатеринѣ II), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ сравниться съ *божествомъ*.

Изъ всего этого видно, что Державинъ воспользовался рожденіемъ младенца, которому въ будущемъ предназначался престолъ, и въ его лицѣ хотѣлъ представить идеалъ истиннаго царя, который можетъ осчастливить свой народъ. Пріемы

въ описаніи употреблены имъ классическіе: возведеніе личности въ сферу божества, гиперболическія изображенія, олицетворенія.

Фелица.

Киргизъ-кайсацкая царевна Фелица въ самомъ началѣ оды вводится поэтомъ въ божественную сферу эпитетомъ *богоподобная. Несравненная мудрость* даетъ ей право на божественность. Все дальнѣйшее описаніе есть намекъ на сказку Екатерины о царевичѣ Хлорѣ. Поэтъ проситъ у Фелицы совѣта, какъ найти добродѣтель, которая плѣняетъ его умъ и духъ, проситъ наставить его, какъ соединить въ себѣ то, что̀ очень трудно соединяется и что̀ такъ прекрасно умѣетъ соединять Фелица; жить и пышно, и правдиво въ одно и то же время, укрощать въ себѣ волненіе страстей и быть счастливымъ. Стремиться къ этому возбуждаетъ поэта голосъ Фелицы, дорогу указываетъ сынъ ея (разсудокъ), но онъ чувствуетъ въ себѣ безсиліе идти за ними, потому что въ немъ самомъ являются безпрестанныя противорѣчія, онъ не можетъ сладить съ собою: метясь житейской суетою.

Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Здѣсь кстати онъ сравниваетъ себя съ Фелицею и въ общихъ чертахъ обрисовываетъ жизнь обоихъ. Взявъ въ Фелицѣ образъ восточной царевны, поэтъ сохраняетъ и нѣкоторую внѣшнюю обстановку ея восточную, хотя имѣется въ виду представить русскую вельможную жизнь временъ Екатерины II и ея собственныя стремленія. Такъ приближенные Фелицы называются *мурзами*, но ея жизнь не похожа на ихъ. Далѣе авторъ сводитъ всѣ мелочи жизни, изъ которыхъ и составляется идеалъ *богоподобной* царевны. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить несоотвѣтствія съ эпитетомъ *богоподобной* тѣхъ качествъ, за которыя онъ хочетъ возвысить свою царевну: она часто ходитъ пѣшкомъ, употребляетъ самую простую пищу, не слишкомъ любитъ маскарады, не посѣщаетъ клубовъ, не пишетъ стиховъ, не принадлежитъ къ масонскому обществу, не увлекается разными мечтаніями;

всѣ эти болѣе отрицательныя качества никакъ не могутъ уподобить божеству восхваляемое лицо. Изъ нихъ выдаются только двѣ существенныя черты, очень важныя для представленія идеала: Фелица проливаетъ изъ своего пера *блаженство* всѣмъ смертнымъ (намекъ на Наказъ и другіе уставы и указы Екатерины) и хотя стезею *кротости благотворящею* душою проводитъ токъ *полезныхъ* дней.

Вслѣдъ за этимъ поэтъ снова относится къ себѣ сатирически, указывая на тѣ увлеченія, которыя мѣшаютъ ему послѣдовать за Фелицею. Рисуя извѣстныя личности, здѣсь онъ въ яркихъ живыхъ краскахъ изображаетъ вельможескую, сибаритскую жизнь; но опять нужно сказать, что всѣ исчисленныя имъ удовольствія жизни и увлеченія не представляютъ той темной стороны, которая вносила зло въ общественную жизнь. Страсть къ музыкѣ, къ пѣвцамъ, къ пляскѣ, къ охотѣ и къ разнымъ невиннымъ утѣхамъ хотя и не можетъ принести людямъ пользы, но въ то же время и совершенно безвредна, слѣдственно, не оказывается и той противоположности, которую Державинъ хотѣлъ представить между *богоподобною* царевною и мнимымъ собственнымъ *развратомъ*. Болѣе колкую сатиру мы находимъ въ выраженіи: „въ книгахъ рыться я люблю, мой умъ и сердце просвѣщаю, Полкана и Бову читаю, за библіей зѣвая сплю“; но и здѣсь авторъ нападаетъ на умственную неразвитость, которую нельзя же считать за развратъ. Послѣ всего этого страннымъ кажется восклицаніе: таковъ, Фелица, я *развратенъ*, но на меня весь свѣтъ похожъ! Еслибы въ этомъ заключался развратъ свѣта, то Фелицѣ, при ея стремленіяхъ проливать блаженство смертнымъ, очень легко было бы устроить общее благоденствіе.

Слѣдующіе стихи нужно отнести къ числу неясныхъ, которыхъ у Державина встрѣчается не мало: кто сколько мудростью ни знатенъ,

Но всякій человѣкъ есть ложь.

Смыслъ тотъ, что никакая человѣческая мудрость не выводитъ человѣка изъ лжи; а между тѣмъ всѣ подвиги, которые поэтъ приписываетъ своей Фелицѣ, вытекаютъ изъ

человѣческой сферы, ея мудрость—человѣческая, за что и восхваляетъ ее поэтъ, не называя *ложью*. Она только отличается отъ своихъ приближенныхъ тѣмъ, что ходитъ *путями свыта*, не бѣжитъ за *мечтами разврата*, а тѣ дѣлаютъ наоборотъ; но ихъ и нельзя назвать *знатными мудростью*. Только о людяхъ безъ этой мудрости и можно сказать, что если они *между тщеславья и порокомъ* найдутъ путь *прямой добродѣтели*, то развѣ нечаянно (*ненарокомъ*). Далѣе поэтъ какъ будто хочетъ оправдать *заблужденія слабыхъ смертныхъ*, у которыхъ спотыкается разсудокъ (конечно, по недостатку *мудрости*) и идетъ вслѣдъ за страстями. При томъ же и обстановка для пути прямой добродѣтели самая неблагопріятная: шарлатаны, прикрываясь маскою учености (*ученые невѣжды*, какъ, напр., Каліостро), пускаютъ пыль въ глаза и застилаютъ дорогу, *какъ мила у путниковъ;* вездѣ соблазнъ, лесть, роскошь. Все это, конечно, можетъ отдалить человѣка отъ прямого пути, но только такого, который незнатенъ мудростью. Съ другой стороны, надо сказать и то, что добродѣтель потеряла бы много цѣны. еслибы путь къ ней былъ усыпанъ розами, безъ всякихъ препятствій и затрудненій. Значитъ, оправданіе автора обнаруживаетъ еще болѣе слабость этихъ смертныхъ, которые, всѣмъ увлекаясь на своей дорогѣ, ни съ чѣмъ не въ состояніи бороться. Гдѣ-жъ добродѣтель обитаетъ, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ? восклицаетъ авторъ, дѣлая опять намекъ на сказку Екатерины. Это восклицаніе есть искусственный переходъ къ новымъ похваламъ Фелицѣ. И здѣсь поэтъ уже вводитъ ее дѣйствительно въ божескую сферу: у нея представляются такія силы, которыя уподобляютъ ее божеству, но зато выводятъ ее, какъ гиперболическій образъ, изъ сферы естественнаго бытія: она творитъ свѣтъ изъ тьмы; она хаосъ приводитъ въ порядокъ и созданнымъ изъ него мірамъ даетъ единство общимъ ихъ союзомъ; она можетъ созидать изъ разногласія согласье и счастье изъ свирѣпыхъ страстей. Послѣ такихъ божескихъ дѣлъ уже кажется слишкомъ слабымъ сравненіе Фелицы съ кормщикомъ, который умѣетъ управлять судномъ, ловя подъ парусъ ревущій вѣтеръ.

Далѣе выставляются въ Фелицѣ качества, которыя со-

ставляютъ прекрасный идеалъ человѣка, развившійся на европейской почвѣ: отличительныя его стороны — уваженіе къ человѣческой личности, сознаніе законныхъ правъ человѣка; отсюда развивается и идеалъ монарха, который ставится въ болѣе правильное и естественное отношеніе къ народу. Здѣсь же между прочимъ высказывается и легкомысленный взглядъ того времени на поэзію и вообще на литературу. Поэзія есть не что иное, какъ *забава ума*, она пріятна, сладостна, полезна, но не болѣе какъ вкусный лимонадъ, хотя и можетъ составить честь и славу добрыхъ калифовъ. Такой взглядъ на поэзію развился даже въ средѣ писателей, что̀ можно видѣть и у Фонвизина въ его челобитной россійской Минервѣ. Неудивительно, что люди, нисколько непричастные къ литературѣ, не усвоили себѣ и такого взгляда, а смотрѣли на нее и на писателей враждебно, что ясно представляется въ той же Челобитной Фонвизина.

Здѣсь же представляются намеки на нѣкоторые факты изъ жизни Екатерины: она не приняла въ свой титулъ эпитета *мудрой* и *великой*, который подносили ей сословія; у поэта Фелица въ славѣ такъ *великодушна*, что отреклась и *мудрой* слыть. Екатерина очень часто не обращала вниманія на злорѣчіе, которое относилось къ ея лицу: у поэта Фелица не запрещаетъ говорить о себѣ и быль и не быль и проч. Послѣ всего этого описанія поэтъ самъ приходитъ въ умиленіе передъ образомъ своей Фелицы: „Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки изъ глубины души моей“, восклицаетъ онъ, и ему уже кажется, что онъ видитъ кроткаго, мирнаго ангела, ниспосланнаго съ небесъ носить скипетръ; подъ такимъ правленіемъ, говоритъ онъ, люди должны быть счастливы своей судьбой. Въ подтвержденіе этому онъ намекаетъ на прежнія царствованія особенно Анны Ивановны, когда каждый ничтожный поступокъ могли перетолковать въ умышленное оскорбленіе величества, когда личность человѣка унижалась на каждомъ шагу для потѣхи сильныхъ: Фелица же вѣдаетъ права и человѣка, и царей; просвѣщая правы, она не дурачитъ людей. Вотъ чѣмъ авторъ отличаетъ ее отъ прежнихъ властителей. Она учитъ и Хлора не дѣлать ничего худого, такъ чтобы обезоружить самаго злого сатирика, который бы

оказался презрѣннымъ лжецомъ, еслибы вздумалъ коснуться его своею сатирою.

Представивъ благость Фелицы, поэтъ находитъ въ этой чертѣ ея свойства божескія: она велика благостью какъ Богъ, а слѣдственно, ея слава—слава Бога. Далѣе всѣ заботы Екатерины о благосостояніи народа, всѣ ея полезныя учрежденія онъ относитъ уже къ дѣйствіямъ божескимъ, и такимъ образомъ какъ бы сливаетъ въ одно два существа. Съ этимъ вмѣстѣ онъ представляетъ условія счастливой жизни народа, судьба котораго зависитъ отъ благоразумнаго правленія: милосердіе, справедливость, одинакіе для всѣхъ законы, покровительство труду, законная свобода дѣйствій, свободные промыслы, не связанные какъ руки, такъ и умъ; при этихъ условіяхъ каждый можетъ дома находить счастье.

Находя все это въ стремленіяхъ Фелицы, поэтъ снова переходитъ къ вопросу о добродѣтели, которая уже опредѣлилась предыдущими подробностями. „Гдѣ же сіяютъ добродѣтели? спрашиваетъ онъ, и отвѣтъ также вытекаетъ изъ всего предыдущаго: „у трона развѣ твоего!“

Но гдѣ искать этого трона? Поэтъ не хочетъ прямо опредѣлить мѣсто. Его и самъ какъ будто бы не знаетъ онъ. Оно гдѣ-то далеко на востокѣ: въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашимирѣ. Оно по описанію вышло слишкомъ идеально, чтобъ можно было прямо указать на него. Поэтъ заботится только объ одномъ: онъ боится, чтобы Фелица не приняла его хвалы за слѣдствіе корыстныхъ стремленій: „не мни, чтобъ шапки иль бешметя за нихъ я отъ тебя желалъ“. Здѣсь онъ продолжаетъ держаться восточной обстановки жизни, указывая на почетныя награды, которыя получаются отъ восточныхъ владыкъ. Всѣ похвалы поэта есть слѣдствіе другого чувства—чувства добра, благодарности; передъ этимъ душевнымъ богатствомъ ничто всѣ Крезовы сокровища.

Ода оканчивается молитвою къ великому пророку (Магомету — поэтъ удерживаетъ и религію, господствующую на востокѣ), чтобъ онъ исполнилъ его желаніе увидѣть Фелицу во плоти такъ, какъ онъ представляетъ ее идеально, и наконецъ молитъ всѣ небесныя силы сохранить ее отъ всѣхъ золъ, которыя могутъ вредить существу, облеченному въ

плоть, чтобы ничто не помѣшало блестѣть въ потомствѣ ея дѣламъ, какъ въ небѣ блестятъ звѣзды. Въ этомъ послѣднемъ желаніи Державинъ неудачно приравнялъ звуки къ звѣздамъ, отчего вышло неестественное изображеніе: *звуки* дѣлъ *возблестятъ* какъ *звѣзды*.

Все произведеніе Державина представляетъ соединеніе хвалебной оды съ сатирою; цѣль его развить идеалъ мудраго правителя народа,—идеалъ, который онъ ищетъ въ дѣйствительности въ образѣ Фелицы, пользуясь аллегоріей сказки Екатерины, давшей ему поводъ приравнять къ ней Фелицу. Сближеніе личности съ божествомъ есть обыкновенный пріемъ для похвалъ, откуда и вытекаютъ гиперболическія представленія. Сатира относится къ настоящему и прошедшему; она ставитъ идеалъ въ сферу дѣйствительности, окружая его фактами изъ жизни, служитъ также для его возвышенія. Народъ, его правительница и вельможи — вотъ предметы настоящаго произведенія, цѣль жизни царя и вельможъ — народное благо; дѣла на общую пользу и счастіе составляютъ славу, которая возводитъ человѣка въ высшую, божественную сферу: въ этомъ поэтъ и ищетъ героизма для своихъ героевъ; это же составляетъ и источникъ его сатиры.

Ода Богъ.

Въ первой строфѣ поэтъ исчисляетъ по богословію всѣ свойства Бога: безконечность, вѣчность, единичность въ трехъ лицахъ, вездѣсущность, непостижимость, всемогущество, творчество, промыселъ. Въ слѣдующихъ строфахъ эти свойства разсматриваются подробнѣе; поэтъ хотѣлъ бы представить Бога посредствомъ числа и мѣры, но сообразивъ, какой высокій умъ нужно имѣть, чтобы вымѣрить глубокій океанъ, счесть пески и лучи планетъ, признается, что Богу нѣтъ числа и мѣры. Непостижимость Бога выражается немощью просвѣщенныхъ духовъ, рожденныхъ отъ свѣта Божія, изслѣдовать его судьбы. Какъ исчезаетъ мигъ въ вѣчности, такъ исчезаетъ мысль человѣка въ величіи Бога, лишь только дерзнетъ устремиться къ нему. Эта мысль напоминаетъ стихъ Ломоносова изъ Вечерняго размышленія:

Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Въ третьей строфѣ, желая представить вѣчность Бога, авторъ подбираетъ сжатыя и удачныя выраженія, которыми останется доволенъ каждый богословъ; но они не представляютъ никакой картины.

Въ четвертой строфѣ поэтъ прибѣгаетъ къ метафорамъ и сравненіямъ для изображенія всемогущества и творчества Создателя: всѣ существа въ мірѣ ему представляются звеньями одной цѣпи, концы которой соединяются въ Богѣ; онъ содержитъ и оживляетъ ее и черезъ смерть снова даетъ жизнь: отъ него родятся солнцы, какъ сыплятся искры изъ пламени, звѣзды подъ нимъ какъ пылинки инея въ ясный зимній день.

Въ пятой строфѣ представляется величіе Божіе посредствомъ сопоставленія Бога со всѣмъ блестящимъ въ мірѣ: всѣ эти свѣты и блески, взятые вмѣстѣ, передъ Богомъ все же будутъ какъ ночь передъ днемъ. Здѣсь, какъ и во второй строфѣ, поэтъ представляетъ намъ силы Бога посредствомъ отрицанія подобныхъ же силъ въ его созданіяхъ: отсюда воображеніе теряется во множествѣ не ясно очерченныхъ образовъ и не въ состояніи представить себѣ одинъ живой, опредѣленный образъ; въ немъ остается слишкомъ много отвлеченнаго, слѣдовательно, выходящаго изъ области поэзіи.

Далѣе въ шестой строфѣ поэтъ прибѣгаетъ даже къ математическому исчисленію, чтобы доказать ничтожество человѣка передъ Богомъ. Передъ нимъ вся твердь какъ капля въ морѣ; если взять изъ этого воздушнаго океана всѣ міры и число ихъ умножить на сто милліоновъ, то произведеніе изъ всего будетъ являться передъ Богомъ одною точкою. Опять изображеніе слишкомъ отвлеченное для поэтической картины. Громадностью цифры поражается умъ; но воображенію здѣсь дѣлать нечего; точно такъ же ему недоступно слово *ничто*, которое относится къ человѣку сравнительно съ милліонами міровъ и съ Богомъ.

Признавъ физическое ничтожество человѣка передъ величіемъ Божіимъ, авторъ въ седьмой строфѣ замѣчаетъ въ

томъ же человѣкѣ другую сторону: въ немъ сіяетъ величество божіихъ добротъ, въ немъ изображается образъ Божій, какъ солнце въ малой водяной каплѣ; въ немъ есть жизнь; духъ его, не удовлетворяясь ничѣмъ, всегда стремится въ высшія сферы, душа его вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ и наконецъ, сознавъ себя, сознаетъ, что есть и творецъ ея, чего не сознаетъ никакое другое творенье на землѣ. Этимъ поэтъ возвышаетъ человѣка изъ ничтожества и въ слѣдующей строфѣ отрицаетъ первое свое опредѣленіе, выразившееся въ словѣ *ничто*. Сознаніе въ человѣкѣ бытія Божія доказывается вѣчнымъ порядкомъ въ природѣ, голосомъ сердца и выводами ума—доказательствами, которыя обыкновенно употребляютъ богословы. Послѣ этого поэтъ старается опредѣлить, какое мѣсто долженъ человѣкъ занять въ срединѣ естества, между всѣми твореніями. Найдя въ немъ двѣ стороны — физическую или животную и духовную, онъ ставитъ человѣка какъ частицу цѣлой вселенной на границѣ между міромъ тѣлесныхъ тварей и міромъ небесныхъ духовъ: человѣкъ является звеномъ, связывающимъ цѣпь всѣхъ существъ.

Отсюда вытекаютъ всѣ выраженія девятой строфы, которыя въ первыхъ четырехъ стихахъ своею отвлеченностью не даютъ никакого живого образа. Слѣдующіе стихи прекрасно представляютъ обѣ стороны человѣческаго существа—физическое ничтожество и нравственное или духовное величіе: „Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю“. Это послѣднее выраженіе указываетъ на изобрѣтенный въ то время громоотводъ, который служилъ доказательствомъ силы человѣческаго ума. Изъ всего этого дѣлается логическій выводъ: если человѣкъ сознаетъ, что самъ собою онъ быть не могъ, то, слѣдственно, долженъ быть кто-нибудь, кто создалъ такое чудесное существо.

И далѣе въ десятой строфѣ высказывается полное сознаніе поэта, кто создатель его, какъ человѣка, и оправданіе Творца въ томъ, что онъ создалъ человѣка смертнымъ. Но здѣсь отвлеченныя выраженія снова берутъ верхъ надъ картинностью и опять обезсиливаютъ воображеніе. Хотя поэтъ здѣсь остроумно играетъ двумя противоположными

словами *смертьи безсмертье*, но поэтическое изображеніе черезъ это нисколько не выигрываетъ.

Въ послѣдней строфѣ выражается сознаніе безсилія своего воображенія представить даже тѣнь божества, не только его полный образъ, и въ заключеніе указывается средство, какъ смертный можетъ почтить своего Творца: возвышаться къ нему, сравнивать себя съ нимъ, теряться въ этой безмѣрной разности и лить благодарныя слезы.

Содержаніе всей оды раскрывается въ слѣдующихъ частяхъ: 1) Общее исчисленіе Божіихъ свойствъ; 2) стремленіе представить Бога отдѣльно въ каждомъ его свойствѣ; 3) отношеніе человѣка къ Богу и ко всей его твари; 4) сознаніе поэта, кто Творецъ его и стремленіе оправдать Бога въ своей земной смертности; 5) сознаніе своего безсилія представить Бога и отсюда отвѣтъ на вопросъ, какимъ же образомъ при такомъ безсиліи можно славословить и почтить его.

Такъ какъ ода отличается особеннымъ выборомъ выраженій, которыя въ звучномъ стихѣ преимущественно и привлекаютъ вниманіе многихъ, то ихъ и слѣдуетъ замѣтить: авторъ искусно употребляетъ выраженія изъ церковнославянскаго языка, къ которому ухо русскаго человѣка привыкло, когда рѣчь идетъ о религіозныхъ предметахъ: духъ всюду сущій и единый; мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ; хаоса бытность довременну воззвалъ изъ безднъ вѣчности; въ мразный день, вкупѣ всѣ свѣтящи міры, какъ нощь предъ днемъ; мной зримая вселенна; природы чинъ вѣщаетъ; я связь міровъ повсюду сущихъ, и проч. Онъ не пренебрегаетъ даже старинными формами, какъ, напр., *живый* вмѣсто живущій, *создавый* вм. создавшій

Для опредѣленія божества онъ прибѣгаетъ къ богословскимъ эпитетамъ, которые болѣе восхваляютъ, чѣмъ представляютъ опредѣленный образъ: безконечный пространствомъ, живый въ движеньи вещества, теченьемъ времени превѣчный; твоей премудрости я тварь, источникъ жизни, благъ податель, душа души моей и царь, неизъяснимый непостижимый. Такъ какъ божество у него не изображается въ опредѣленномъ образѣ, то онъ не затрудняется въ от-

влеченныхъ словахъ и выраженіяхъ, чтобы болѣе приблизиться къ библейскому представленію: безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества; кому нѣтъ и мѣста и причины; конецъ съ началомъ сопрягаешь; свѣтилъ вожженныхъ милліоны въ *неизмѣримости* текутъ; сіяешь *величествомъ* твоихъ добротъ; летаю *пареньемъ* въ высоты; поставленъ въ *средині естества; крайня степень вещества; средоточіе* живущихъ; въ *безмѣрной разности* теряться. Иногда авторъ соединяетъ въ звучную фразу слова однозначущія: *вѣчность* прежде *вѣкъ* рожденну; *себя собою* составляя, *собою изъ себя* сіяя; ты *свѣтъ*, откуда *свѣтъ* истекъ; или два противоположныя по значенію слова въ одномъ общемъ соединеніи: *смертію животъ* даришь; я *царь* — я *рабъ*, я *червь* — я *Богъ;* чтобъ *смертну* бездну проходило мое *безсмертно* бытіе, чтобъ духъ мой въ *смертность* облачился, и чтобъ чрезъ *смерть* я возвратился въ *безсмертіе* твое. Наконецъ слѣдуетъ указать на выраженіе: *тебя душа моя быть чаетъ*, несогласное съ синтаксисомъ русскаго языка.

Возвеличивая Екатерину разными громкими эпитетами, нѣкоторые писатели къ своей чести скоро замѣтили и условія, неблагопріятныя для развитія жизни по европейскимъ идеямъ, и понемножку стали высказываться. Такъ Княжнинъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты“ ѣдко отнесся къ крѣпостному праву. Фонвизинъ задаетъ вопросы, касающіеся условій общественной жизни,—вопросы, на которые Екатеринѣ пришлось отвѣчать очень уклончиво и даже съ неудовольствіемъ. Съ этихъ поръ начинается нѣкоторый разладъ между императрицею и литературными стремленіями нашихъ писателей. Вышедши съ нею изъ одного и того же пункта, усвоивъ одинъ и тотъ же общечеловѣческій идеалъ, они искали вѣрныхъ путей, чтобы ввести его изъ сферы отвлеченности въ дѣйствительность; тогда какъ она, довольствуясь высшимъ пареніемъ и своею европейскою славою, нерѣдко противорѣчила слову дѣломъ и наконецъ совсѣмъ остановилась. Въ то же время Новиковъ находитъ мимо государственной службы дорогу къ общественной дѣятельности, признавая за общество массу народа. Уже о немъ, о народѣ начи-

наетъ говорить литература. Переходъ къ нему былъ очень естественъ, такъ какъ ложныя и безнравственныя отношенія между нимъ и высшимъ классомъ мѣшали развитію европейскаго идеала, который признанъ былъ Наказомъ,—идеала, развившагося на выводахъ науки, которая торжественно была признана Петромъ Великимъ за благо для русскихъ. Наконецъ является Радищевъ и смѣло вноситъ въ литературу вопросъ о народныхъ интересахъ отдѣльно отъ государственныхъ. Вникнувъ поглубже въ условія тогдашней жизни, онъ не могъ не замѣтить той страшной бездны, которая раздѣляла дѣйствительность и новоевропейскій идеалъ. Воспитанный подъ вліяніемъ французской литературы, онъ развилъ въ себѣ ту сантиментальность, которая и въ Европѣ прививалась къ передовымъ людямъ отъ крайняго противорѣчія настоящей жизни съ отвлеченными идеалами, выработавшимися на основаніи научныхъ выводовъ о природѣ и человѣкѣ. Эта сантиментальность у него находила себѣ исходъ не въ сладенькомъ изліяніи чувства при видѣ прекрасной природы или какой-либо умилительной сцены, какъ у Карамзина, а обращалась въ болѣзненную раздражительность, такъ какъ явленія жизни постоянно оскорбляли его нравственное чувство. „Я взглянулъ окрестъ меня, говоритъ онъ, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ: отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія и блаженъ будеши. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію, и веселье неизреченное! я почувствовалъ, что

возможно всякому быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что̀ читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, найду я кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мыслей, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ, не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?

Итакъ, на первомъ планѣ у него стоитъ вопросъ о счастіи человѣка. Оно возможно, по его мнѣнію, только тогда, когда человѣкъ поставитъ себя въ правильныя отношенія къ природѣ и людямъ. Кто, проникнутый любовью къ своей собратіи, будетъ разъяснять ей эти отношенія, тотъ будетъ способствовать благоденствію себѣ подобныхъ. Эти мысли, какъ основныя, проходятъ черезъ все его сочиненіе; но крайняя сантиментальность и раздражительность, вытекающія изъ особеннаго его отношенія къ идеалу, не позволяютъ ему хладнокровно, безпристрастно и послѣдовательно отнестись къ своему предмету. Онъ поднимаетъ разнообразные вопросы и разрѣшаетъ ихъ лирическимъ негодованіемъ: въ немъ много сатирическаго огня, но въ цѣломъ сатира его утомительна. Въ немъ много мелкихъ очерковъ и сценъ, и нѣтъ ни одного выработаннаго живого типа, безпрестанныя повторенія и отсутствіе строгаго анализа. Иногда онъ впадаетъ въ пессимизмъ, который противорѣчитъ его надеждѣ на возможность устроить счастливую жизнь, надеждѣ, высказанной въ предшествующихъ строкахъ. „На свѣтѣ все колесомъ вертится, сегодня умное, а завтра глупое въ модѣ!“—восклицаетъ онъ... „Открой новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопренія, когда разумъ человѣческій заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ ли въ реченіи смыслъ, когда задачею любомудрія почиталось и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остреѣ можетъ умѣститься душъ. Если потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе, если, оставя естественность, гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезный былъ бы трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній ходъ разума человѣ-

ческаго, когда, сотрясши мглу предразсужденій, началъ онъ искать истину до выспренности ея, и когда утомленный, такъ сказать, своимъ бодрствованіемъ, сталъ терять пока свои силы, томиться и погружаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя не будетъ безполезенъ, ибо, открывая ходъ мыслей нашихъ къ истинѣ и заблужденію, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубной стези и остановитъ полетъ невѣжества... Мы можемъ назваться счастливыми, ибо не будемъ свидѣтелями крайняго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки могутъ быть еще насъ счастливѣе. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившіе, подымаются уже и опредѣляются объять кругъ зрѣнія. Блаженны, ссли не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится... На лѣстницѣ, по которой человѣческій разумъ долженствуетъ нисходить во тьму заблужденій, если покажемъ что-либо смѣшное, и улыбкою сдѣлаемъ добро, блаженны наречемся".

Эти мысли бросаютъ мрачный колоритъ на нѣкоторыя страницы и никакъ не согласуются съ прежними словами автора: „я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ". „Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы",—въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ онъ,—„утверждавшіе вольность Аѳинъ и Спарты? Въ книгахъ... А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳагенъ? Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо они стояли. Курится ли единому Существу таинственная невидимая жертва въ славныхъ храмахъ древняго Египта? Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блеющему скоту во время полуденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія Всевышнему Отцу они орошаются, но наполнены смрадными изверженіями скотскаго тѣла. О, гордость! о, надменность человѣческая! воззри на сіе и познай, колико ты ничтожна!"

Такое смѣшеніе вопросовъ жизни, поставленной въ извѣстныя историческія условія, и случайностей, происходящихъ отъ страстей и имѣющихъ одно моральное значеніе, мѣшаетъ цѣлости впечатлѣнія отъ книги, задавшейся вопросомъ разсмотрѣть условія счастливой жизни въ современной дѣйствительной обстановкѣ. Все это представляетъ слабую сторону сочиненія. Но есть еще другая сторона, которую мы назовемъ

соціальною и которая должна привлечь особенное вниманіе историка, такъ какъ она тѣсно связывается съ развитіемъ идеаловъ русской жизни. Здѣсь авторъ полагаетъ въ основаніе своего суда надъ дѣйствительностью постоянно одну и ту же мысль: только равныя отношенія между людьми могутъ доставить намъ счастливую жизнь, только при нихъ возможно развитіе въ жизни того общечеловѣческаго идеала, который изображался въ книгахъ. Правда, и здѣсь сантиментальность не оставляетъ автора и ставитъ его не совсѣмъ въ правильное отношеніе къ дѣйствительности, но она даетъ понимать, какую жизненную силу имѣли въ его сердцѣ идеальныя стремленія вѣка. „Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенный въ оной, лишали покоя подобнаго тебѣ человѣка, были причиною превосходящихъ силы его трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казній и поруганій; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою! Видъ прещенія, сопутствовавшій сему изреченію, поколебалъ меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился. А вы, о, жители Петербурга, питающіеся отъ избытка изобильныхъ краевъ отечества вашего, когда при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру, или наединѣ, рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитесь и помыслите, не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что̀ другъ мой говоритъ мнѣ о произведеніяхъ Америки; не по̀томъ ли, не слезами и стенаніями ли утучнялись нивы, на которыхъ оный выросъ? Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами снѣдаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, когда онъ во гнѣвѣ своемъ рекъ: „проклята земля въ дѣлахъ своихъ“. Блюдитеся, да не отравлены будете вожделѣнною вамъ пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отриньте ее отъ устъ вашихъ; поститеся, се истинное и полезное, можетъ быть пощеніе“.

Съ мыслію о равныхъ отношеніяхъ между людьми Радищевъ касался разнообразныхъ вопросовъ—политическихъ, общественныхъ, юридическихъ, семейныхъ, педагогическихъ, соединяя съ каждымъ изъ нихъ вопросъ о счастіи человѣка, но касался не какъ ученый, вооруженный строгою наукою, а какъ гражданинъ, который самъ ищетъ счастія въ жизни и находитъ ему помѣху въ самыхъ соціальныхъ отношеніяхъ. „Гражданское блаженство можетъ представиться въ разныхъ видахъ, говоритъ онъ; блаженно государство, говорятъ, если царствуетъ въ немъ тишина и устройство; блаженно кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ и въ градахъ гордыя возвышаются зданія; блаженнымъ называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего и властвуетъ внѣ себя не токмо силою своею, но и словомъ своимъ надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними; мгновенно переходящими, частными и мысленными... Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ скамьямъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ, но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе. Они желали бы промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспариваютъ. Конецъ страданія ихъ есть блаженство: а блаженство неволѣ несродно, и потому они только живы. И такъ, да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ и для сихъ только причинъ не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на *сердца сограждан. Если въ нихъ найдемъ спокойствіе и міръ*, тогда сказать можемъ поистинѣ: *„се блаженны“*.

Въ сердцѣ авторъ находитъ и основаніе чистой нравственности: „Дабы сколько можно менѣе ошибаться при всякомъ начинаніи, вопросите ваше сердце; оно благо и никогда не можетъ обмануть васъ. Что вѣщаетъ, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности, не ошибетесь, если имѣете сердце благое. Но возмнивый слѣдовать разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, возвѣщающихъ опытность, есть безумецъ... Не дерзай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. *Законъ, какъ ни худъ, есть союзъ общества.* И еслибы самъ государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ: не повинуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ во вредъ себѣ и обществу. Пусть уничтожитъ

законъ, подобно какъ повелѣваетъ нарушить оный: тогда повинуйся, ибо въ Россіи государь есть источникъ законовъ. Но еслибы законъ, или государь, или какая-либо власть на землѣ подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ оной непоколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, какъ камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ"...

Противъ такой нравственности едва ли бы нашлась что-нибудь сказать и сама императрица Екатерина II, которая такъ враждебно встрѣтила „Путешествіе" Радищева, назвавъ автора мартинистомъ. Сила его убѣжденія и та раздражительность, съ какою оно высказано, въ то время могли испугать не одну ее, тѣмъ болѣе, что авторъ направлялъ свои стрѣлы особенно противъ крѣпостного права, которое не позволяло развиваться истинному просвѣщенію. Екатерина поздно замѣтила, въ какое противорѣчіе она поставила себя, покровительствуя европейскимъ идеямъ, заимствованнымъ изъ французскихъ книгъ, съ цѣлью прослыть въ Европѣ передовою среди просвѣщенныхъ монарховъ, и въ то же время сохраняя прежнія соціальныя отношенія. Тяжело было убѣдиться въ своемъ ложномъ положеніи. Она поспѣшила изъ него выйти и попала въ другое противорѣчіе—стала преслѣдовать тѣхъ, которые только шли по ея стопамъ, желая развить въ дѣйствительности идеалъ, ею же внушенный и ее же увлекавшій въ началѣ ея царствованія. Послѣ уничтоженія крѣпостного права сочиненіе Радищева уже теряетъ для насъ то политическое значеніе, какое имѣло въ былое, еще недавнее время, и сохраняетъ только интересъ историческій. Вотъ отчего мы и распространились о немъ, желая показать его мѣсто въ исторіи нашей литературы.

XIX.

Въ то время, когда преслѣдовались дѣятельность Новикова, сочиненія Княжнина и Радищева, Карамзинъ, также поддавшись сантиментальности, старался вызвать въ массѣ общества сочувствіе къ просвѣщенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ко всему

человѣческому. Это былъ самый вѣрный путь, чтобы уничтожились безнравственныя отношенія между людьми. Въ наше время изучать Карамзина нельзя иначе какъ исторически, причемъ необходимо устранить всѣ тѣ общія фразы, которыя сложились о немъ въ старое время и которыя теперь повторяются въ школѣ къ вреду ея. Имя Карамзина произносятъ какъ будто съ благоговѣніемъ, придаютъ ему множество привлекательныхъ эпитетовъ, но все это голословно, не думая оправдать ихъ на дѣлѣ и убѣдить учениковъ, что Карамзинъ достойно заслужилъ себѣ славу. Восторги педагоговъ, иногда даже очень подогрѣтые мыслью о педагогической необходимости восхищаться во что бы то ни стало, не всегда могутъ переходить къ ученикамъ и воспламенять ихъ патріотическимъ огнемъ. Не показавъ имъ тѣсной исторической связи трудовъ Карамзина съ его временемъ, а читая имъ только его сочиненія и заставляя пересказывать ихъ содержаніе, преподаватель рискуетъ дойти до противоположныхъ результатовъ. Ученикъ знакомъ только съ ходячими идеями своего времени; большую часть изъ нихъ можно встрѣтить и въ сочиненіяхъ Карамзина, но только въ его время онѣ не были ходячими; слѣдовательно, не найдя почти ничего для себя новаго или найдя сужденія, повидимому, очень обыкновенныя, онъ легко остановится на вопросѣ: чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ такъ великъ Карамзинъ? Неужели своимъ сантиментальнымъ отношеніемъ къ жизни, которое такъ бросается въ глаза? Но развѣ этимъ пріобрѣтается такая громкая слава? да и самая сантиментальность, безъ историческаго объясненія, будетъ вызывать только насмѣшливыя улыбки. Слогъ Карамзина, имѣющій свое историческое значеніе, въ наше время уже не можетъ быть предметомъ подражанія и, слѣдовательно, быть для насъ образцовымъ; да притомъ, можно ли за одинъ слогъ дать писателю такое высокое мѣсто? Въ старину, когда цѣнилась красивая фраза независимо отъ мысли, дѣйствительно прославлялись подобные риторы; но впослѣдствіи зато они были быстро сведены съ своихъ пьедестатовъ съ простымъ эпитетомъ фразера. Восхвалять Карамзина за одинъ слогъ, не значитъ ли причислять его къ компаніи развѣнчанныхъ фразеровъ, чего, конечно, не допуститъ никто, исторически

знакомый съ нашей литературой. Итакъ, кончится дѣло тѣмъ, что ученикъ будетъ повторять громкія слова учителя о знаменитости Карамзина съ тайнымъ сомнѣніемъ въ справедливости ихъ.

Совсѣмъ будетъ другое, если отнестись добросовѣстнѣе какъ къ Карамзину, такъ и къ ученикамъ. Карамзинъ не былъ поэтъ, слѣдовательно, и эстетическая сторона его произведеній не можетъ быть исключительнымъ предметомъ изученія, почему нужно оставить въ сторонѣ и всѣ фразы, касающіяся этого предмета. Карамзинъ прежде всего является мыслящимъ, весьма образованнымъ человѣкомъ своего времени, потомъ русскимъ патріотомъ, наконецъ энергическимъ дѣятелемъ въ той сферѣ, въ которой можно было благодѣтельно дѣйствовать на умственное и нравственное развитіе массы общества. Съ этой точки и слѣдуетъ разсматривать его, опредѣляя, какія заслуги онъ могъ оказать обществу въ современной ему обстановкѣ. И заслуги эти безъ всякихъ лишнихъ фразъ покажутся не маленькими, какъ безкорыстныя заслуги общественнаго просвѣтителя и образователя, оставившаго слѣды и въ потомствѣ.

Большую часть исторической обстановки, нужной для изученія сочиненій Карамзина, мы вводимъ въ „Руководство для учениковъ“; здѣсь же разсмотримъ нѣкоторыя его сочиненія, чтобы видѣть, какія главныя мысли занимали его и какія нравственныя стремленія выказывались въ немъ.

Письма русскаго путешественника имѣютъ важное историческое значеніе въ нашей литературѣ, но мы совѣтуемъ совсѣмъ обойти ихъ тѣмъ преподавателямъ, которые думаютъ ограничиться чтеніемъ двухъ, трехъ писемъ и требованіемъ одного пересказа ихъ содержанія со стороны учениковъ. Такое чтеніе не познакомитъ ни съ самымъ содержаніемъ сочиненія, ни съ личностью писателя, а только возбудитъ въ ученикахъ недоумѣніе: они уже прежде по наслышкѣ знали о славѣ Карамзина въ нашей литературѣ, объ его Письмахъ, и нѣкоторые изъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждали рѣчи своего преподавателя объ этомъ предметѣ; но по двумъ-тремъ письмамъ ни онъ, ни они сами не въ состояніи будутъ сдѣлать какое-либо опредѣленное заключеніе. Изъ писемъ, приведен-

ныхъ г. Галаховымъ въ Исторической хрестоматіи, какъ педагогическій матеріалъ, пригодны только первое и второе (изъ Твери и Швейцаріи), гдѣ изображается отношеніе Карамзина къ людямъ и къ природѣ; остальныя же, представляя взглядъ его на начинавшуюся французскую революцію, на трагедію французскую и на Шекспира, могутъ имѣть для учениковъ значеніе только тогда, когда съ ними подробно пройдена исторія французской революціи и опредѣлено ея настоящее значеніе по современному взгляду, когда они имѣли случай сами познакомиться съ нѣсколькими французскими трагедіями и съ драмами Шекспира. Въ противномъ случаѣ мнѣнія Карамзина будутъ составлять для нихъ не фактъ, характеризующій извѣстную эпоху, а только фразы, которыя нужно заучить слово въ слово, чтобы передать содержаніе письма. Конечно, самое лучшее, если преподаватель имѣетъ возможность дать въ руки ученикамъ Письма русскаго путешественника; пусть они дома читаютъ ихъ. Для этого необходимо познакомить ихъ съ юношею Карамзинымъ, который изъ сферы тогдашней русской жизни попалъ въ обстановку жизни европейской, хотя ему чужой, но духовно-родственной по его образованію и стремленіямъ. Статейка „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ отчасти можетъ послужить характеристикою этого юноши: тамъ ясно можно видѣть, какіе интересы жизни занимали его и друзей его. Юноша, по природѣ впечатлительный, развившійся подъ вліяніемъ великихъ европейскихъ умовъ, проникается пламеннымъ усердіемъ къ добру, любовью къ просвѣщенію, которое въ его глазахъ есть высшее добро для человѣчества. Чѣмъ меньше было вокругъ него этого животворящаго свѣта, тѣмъ больше любовь его должна была обращаться въ страсть и тѣмъ сильнѣе стремленіе въ ту просвѣтительную сферу. Чѣмъ больше его идеальный міръ расходился съ дѣйствительнымъ, тѣмъ больше меланхолическое настроеніе должно было овладѣвать имъ. Очень понятно, что при такихъ стремленіяхъ духа онъ долженъ былъ сильно пристраститься къ тѣмъ европейскимъ писателямъ, которые въ то время особенно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, представляя счастіе человѣка не въ дѣйствительномъ, а въ мечтательномъ мірѣ и полагая все это счастіе въ исключи-

тельной жизни сердца, въ однихъ интересахъ чувства. Отсюда и одностороннее стремленіе къ такимъ интересамъ, отсюда и болѣзненная слабость сердца, производящая слезы при всякомъ нарушеніи гармоніи сердечной жизни. Изъ всѣхъ такихъ писателей Ж.-Ж. Руссо сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ на сердце Карамзина; по его собственнымъ словамъ, душа Руссо въ это время отчасти переселилась въ его душу (письмо изъ Эрменонвилля). Вотъ какимъ юношей отправляется онъ въ путешествіе: пылкій, чувствительный, мечтательный, онъ не могъ отдаться изученію какой-либо одной науки, одной спеціальности; онъ уважалъ ихъ всѣ, такъ какъ онѣ всѣ ведутъ къ просвѣщенію; но онъ искалъ жизни для сердца, впечатлѣній въ той средѣ, которая цѣлыя столѣтія развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія, облагораживая образъ человѣка.

Первое письмо его даетъ какъ бы тонъ всѣмъ прочимъ его письмамъ, характеръ которыхъ удивительно выдержанъ. Въ немъ мы видимъ то противорѣчіе, въ какое автора поставила его болѣзненная чувствительность, а съ этимъ вмѣстѣ и страданіе, какъ слѣдствіе ненормальнаго положенія: мысли его несутся въ просвѣщенную Европу, сердце его ожидаетъ найти много пріятныхъ впечатлѣній, тамъ онъ повѣритъ, насколько примѣнимъ въ дѣйствительности тотъ чистый идеалъ человѣка, который развился въ немъ; но исполненіе этихъ завѣтныхъ его мечтаній вдругъ нарушаетъ гармонію, какою наслаждалось его сердце въ кругу его друзей; оно производитъ не легкую грусть, свойственную сердцу при разлукѣ, а болѣзнь души, причиняющую сильныя страданія. Такъ страдать можетъ человѣкъ, котораго насильно отрываютъ отъ его родного круга и у котораго въ виду только скука и одиночество. И въ слѣдующихъ письмахъ каждый разъ это чувство возобновляется въ немъ, когда онъ вспоминаетъ о своихъ друзьяхъ.

Письма русскаго путешественника можно раздѣлить на четыре части: 1) Письма изъ Германіи, 2) изъ Швейцаріи, 3) изъ Франціи, 4) изъ Англіи. Каждый ученикъ можетъ заняться изученіемъ одной изъ нихъ по вопросамъ, имѣющимъ въ виду опредѣлить личность автора, тѣ мысли и чув-

ства, которыя возбуждались въ немъ разнообразными явленіями европейской жизни, тѣ основанія, по которымъ онъ дѣлалъ оцѣнку людямъ и дѣйствіямъ, тѣ протесты, которые приходилось ему высказывать противъ явленій, несогласныхъ съ собственными его чувствами. Въ письмахъ Карамзина главное—интересы просвѣщенія, какъ счастія человѣчества, любовь къ человѣчеству, уваженіе личности; все это даетъ имъ важное значеніе для той эпохи, когда въ русской жизни еще слишкомъ мало были развиты эти высшіе интересы. Передъ нами вездѣ русскій юноша, съ восторгомъ обращающій вниманіе на плоды цивилизаціи, которыми еще очень мало пользовались въ его отечествѣ. Но кромѣ того каждая часть представляетъ еще свой особенный интересъ. Въ первой части—встрѣча съ извѣстными учеными и писателями, какъ дѣятелями на поприщѣ просвѣщенія; въ ихъ лицахъ юноша видитъ олицетвореніе науки и искусства, передъ которыми онъ преклоняется. Никакія имена не производятъ на него такого впечатлѣнія и не возбуждаютъ такого благоговѣйнаго чувства, какъ имя писателя, трудившагося надъ разъясненіемъ того или другого вопроса науки или жизни. И къ бесѣдѣ съ ними онъ былъ приготовленъ чтеніемъ ихъ произведеній. Разсмотрѣть подробно Карамзина въ кабинетѣ германскаго ученаго—одна изъ тѣхъ темъ, которыя могутъ хорошо познакомить съ личностью путешественника. „Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ“—мысль, выраженная въ одномъ изъ писемъ Карамзина (изъ Берлина отъ 30 іюня), составляетъ другую тему его германскихъ писемъ. Онъ наблюдаетъ надъ отношеніями между людьми въ самыхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ сценахъ; онъ питаетъ свое сердце или мыслями о дружбѣ, или трогательными разсказами. Изъ путешествія по Германіи онъ вынесъ мысли, которыя также могутъ служить ему характеристикою: „пріятно, весело переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, сама душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться *царемъ земного* творенія... человѣкъ силою могущественной воли своей шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ *наслажденій* и находитъ ихъ вездѣ, бы-

ваетъ *любимымъ гостемъ природы*, повсюду отверзающей для него новые источники *удовольствія*, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ все *человѣчество*. А мудрая *связь общественная*, по которой нахожу я во всякой землѣ всевозможныя *удобности* жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманы, по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ *плоды своихъ трудовъ*, *своей промышленности* и призываютъ меня участвовать въ своихъ *забавахъ*, въ своихъ *весельяхъ*. Однимъ словомъ, путешествіе *питательно для духа и сердца нашего*. Путешествуй ипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей ипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы *полюбить человѣчество*! (изъ Страсбурга отъ 6 августа).

Главный интересъ Швейцарскихъ писемъ опредѣляется слѣдующими словами путешественника: „И такъ, я уже въ Швейцаріи, въ странѣ *живописной натуры*, въ землѣ *свободы и благополучія!* Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ и я съ *гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ*“ (изъ Базеля). Въ другомъ письмѣ онъ восклицаетъ: „Ахъ, друзья мои, не должно ли мнѣ благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее отъ своего сердца“ (изъ Гасли). Это великое и прекрасное онъ находилъ въ швейцарской природѣ, и свои письма наполнялъ ея описаніями. По нимъ хорошо опредѣляется его отношеніе къ природѣ, что̀ также можетъ составить тему для опредѣленія личности нашего писателя. Какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ не могъ не увлекаться и красотами природы, не могъ не отдаваться ей всѣмъ своимъ сердцемъ и нерѣдко также впадалъ въ крайность въ своихъ чувствованіяхъ. Его воображеніе рисовало ему идиллическія картины, предъ которыми онъ умиляется и которыя заставляютъ его забывать несовершенства дѣйствительной жизни. При такомъ отношеніи къ природѣ онъ выказываетъ полное сочувствіе къ самой простой жизни; его не тревожитъ никакое честолюбивое стремленіе; оно было ему чуждо и во всю его жизнь.

Въ письмахъ изъ Франціи главный интересъ составляетъ

общественная жизнь, ученыя и просвѣтительныя учрежденія, историческія воспоминанія и анекдотическіе разсказы, изъ которыхъ большая часть можетъ назваться *пріятельными*. „Я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій, замѣчаетъ авторъ; но выѣхалъ изъ него не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія“. Опредѣлить характеръ удовольствій путешественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственную личность — новая тема, заслуживающая вниманія.

Въ письмахъ изъ Англіи путешественникъ обращаетъ особенное вниманіе на трудовую жизнь, ведущую къ довольству: „какая дѣятельность и какой порядокъ, восклицаетъ онъ. Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой“. Это-то особенно и восхищаетъ Карамзина, и его письма наполняются разными разсужденіями, вытекающими изъ наблюденій надъ настоящею жизнью англичанъ. „Я умствую, говоритъ онъ: таково дѣйствіе англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ“. Благоустройство и порядокъ вызывали также въ его письмахъ описанія: парламентъ, суды, тюрьмы, больницы, биржа, музеи, все это онъ изображаетъ какъ обстановку просвѣщенной жизни; описывая семейную жизнь англичанъ, Карамзинъ еще болѣе опредѣляетъ свою личность: „Я всегда думалъ, говоритъ онъ, что дальнѣйшіе *успѣхи просвѣщенія* должны болѣе привязать людей къ *домашней жизни*. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ *неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры*. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ, когда въ рукѣ *книга*, подлѣ *милая жена*, вокругъ *прекрасныя дѣти*, захочется ли ѣхать на балъ или на большой ужинъ... Несмотря на лондонскую огромную церковь св. Павла, не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ, не удивляясь богатству магазиновъ Остъ-индской компаніи и даже не въ собраніи здѣшняго ученаго королевскаго общества, говорю я: *англичане просвѣщены!*“ нѣтъ, но видя, какъ они умѣютъ насла-

ждаться *семейственнымъ счастьемъ*, твержу сто разъ: *англичане просвѣщены!* Отсюда легко опредѣлить, въ чемъ нашъ писатель полагалъ истинное просвѣщеніе жизни.

Возвратившись на родину съ такими взглядами, понятіями и стремленіями, Карамзинъ могъ назваться въ новомъ поколѣніи передовымъ русскимъ человѣкомъ. Самъ онъ говоритъ, что онъ возвратился съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностью чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра (Цвѣтокъ на гробъ Агатона); къ этому можно прибавить: и съ желаніемъ дѣйствовать на пользу русскаго просвѣщенія. Въ то время литературная сфера была едва ли не единственная, гдѣ можно было служить обществу, дѣйствуя хоть нѣсколько самостоятельно. А такая дѣятельность только и могла удовлетворить стремленіямъ Карамзина. Онъ уже не раздѣляетъ своихъ силъ, какъ многіе другіе, смотритъ на литературное дѣло не какъ на *забаву* или *досугъ* отъ службы, а какъ на дѣйствительную службу отечеству, поэтому онъ постарался ясно опредѣлить себѣ и цѣли своихъ трудовъ, и отношеніе ихъ къ жизни. Въ этомъ случаѣ очень важно познакомить учениковъ съ небольшою статейкою Карамзина „*Что нужно автору?*“, такъ какъ она хорошо опредѣляетъ направленіе Карамзина. Она развиваетъ слѣдующія положенія: чтобъ быть хорошимъ и небезполезнымъ писателемъ, нужно питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*; съ нимъ душа можетъ возвыситься до *страсти къ добру;* для всего этого нужно непремѣнно имѣть *доброе, нѣжное сердце*, открытое для всего горестнаго, угнетеннаго, слезящаго. Здѣсь авторъ представляетъ, какое впечатлѣніе производитъ на читателей писатель съ чувствительнымъ сердцемъ и писатель, у котораго истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца и не согрѣвается дыханіемъ любви, и за кѣмъ изъ нихъ остается въ потомствѣ благословеніе народовъ. Этотъ идеалъ писателя создался совершенно согласно съ характеромъ самого Карамзина, который и оставался вѣренъ ему во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Въ его повѣстяхъ лучшіе люди являются чувствительными и нѣжными; представляя лица и дѣйствія въ сферѣ

русской жизни, онъ не обращаетъ вниманія на національныя черты характера, не спрашиваетъ, могли ли такіе люди развиться при данной обстановкѣ; для него важно выяснить только человѣческія стороны, облагородить ими личность, показать, что во всякое время и во всякомъ званіи только эти черты и возвышаютъ человѣка; ихъ и должно искать для оцѣнки каждой личности. Все это имѣло важное нравственное значеніе въ томъ обществѣ, гдѣ человѣкъ болѣе оцѣнивался по его внѣшнимъ достоинствамъ. Въ *Бѣдной Лизѣ* авторъ представляетъ, что природа развиваетъ въ человѣкѣ чувствительность, простосердечіе, нѣжность, трудолюбіе, доставляетъ ему чистыя радости, но ими не можетъ долго наслаждаться тотъ, кто развился въ другой сферѣ, съ слабымъ и вѣтреннымъ характеромъ, хотя бы и съ добрымъ сердцемъ; онъ только вноситъ зло въ простую жизнь людей,—зло, которое остается на его совѣсти и нерѣдко лишаетъ его покоя.

Повѣсти Карамзина дѣйствительно должны были смягчать многія грубыя сердца, пробуждая въ нихъ чувствительность и состраданіе къ людямъ. Чтобы опредѣлить отношеніе Карамзина къ наукѣ, необходимо прочитать съ учениками его статью *„Нѣчто о наукахъ“*. Стремленіе Карамзина къ наукѣ и просвѣщенію соединяется, какъ и у Ломоносова, съ патріотическимъ чувствомъ. Онъ убѣжденъ, что только одно просвѣщеніе можетъ принести благо обществу и народу, и боится, чтобы враги просвѣщенія, воспользовавшись обстоятельствами, не усилились и не лишили бы народъ этого источника добра и счастія. А обстоятельства наступили для нихъ самыя благопріятныя—французская революція со своими ужасами напугала всѣ власти и многихъ вооружила противъ науки: они открыто стали враждебно относиться къ ней, какъ къ врагу настоящихъ законныхъ порядковъ и общественнаго спокойствія. Къ тому же они находили себѣ сильную опору въ доказательствахъ прославленнаго Жанъ-Жака Руссо. Карамзинъ хотѣлъ лишить ихъ этой опоры и, несмотря на свою особенную любовь къ французскому писателю, рѣшается опровергнуть всѣ его выводы и доказать, что просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія“. Обращеніе его къ властямъ показываетъ, что ихъ опасался онъ въ во-

просѣ о распространеніи науки. „Когда вы, говоритъ онъ, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ... Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце, слѣдственно, всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки, и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ... Законодатель и другъ человѣчества, ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ *просвѣщеніе!*...

Въ своей статьѣ Карамзинъ доказываетъ слѣдующія положенія: искусства и науки неразлучны съ существомъ нашимъ, слѣдовательно, они необходимы, они не портятъ нравы, а, напротивъ, улучшаютъ ихъ, они развиваютъ въ человѣкѣ сознаніе истины и добра, заставляютъ его *искать* ихъ, слѣдственно, соединены съ добродѣтелью и потому нравственны. Здѣсь мы замѣчаемъ одну очень важную черту: до сихъ поръ обыкновенно приходилось доказывать, что науки полезны и не противорѣчатъ религіи; Карамзинъ же долженъ былъ еще прибавить доказательство и тому, что онѣ *нравственны*, т.-е. неспособны развращать, а напротивъ, составляютъ важную и крѣпкую опору нравственности. Припомнимъ, что во второй половинѣ прошедшаго столѣтія у насъ не видѣли тѣсной связи между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ образованіемъ, что въ училищахъ давали наукѣ далеко не первое мѣсто, обращая главное вниманіе на нравственное развитіе. Карамзинъ хочетъ соединить съ заботами о нравственности патріотическій взглядъ Ломоносова на науку; такимъ образомъ приводитъ и то и другое въ тѣсную связь. Этотъ вопросъ такъ важенъ для того времени, что полезно предложить ученикамъ разсмотрѣть всѣ доводы Карамзина.

Патріотическія стремленія Карамзина въ нашей литературѣ сильнѣе стали выражаться въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда онъ получилъ возможность свободнѣе высказываться, разсматривая современное положеніе русскаго общества.

Убѣжденный, что патріотизмъ составляетъ могучую силу, которая двигаетъ впередъ общество и безъ которой невозможно и быстрое развитіе просвѣщенія въ массѣ, Карамзинъ въ то же время замѣтилъ, что эта сила пока еще дремлетъ въ русскомъ обществѣ: нужно было какъ-нибудь пробудить ее. Статья его *«о любви къ отечеству и народной гордости»* есть не что иное, какъ очень ловкій намекъ на то, чего намъ недостаетъ и о чемъ мы прежде всего должны позаботиться, чтобы стать на ряду съ просвѣщенными народами. Не сатирою вооружился писатель, а убѣжденіями и доказательствами, которыя не могли оскорбить ничьего самолюбія. Въ формѣ простого разсужденія онъ осторожно высказываетъ очень горькую истину, что мы не отличаемся патріотизмомъ и что этотъ недостатокъ составляетъ главное препятствіе для нашего дальнѣйшаго развитія. Первыя двѣ части его разсужденія какъ бы ловкое приготовленіе читателя къ третьей. Авторъ не хочетъ сразу поразить обвиненіемъ, что въ русскомъ обществѣ нѣтъ патріотизма. Для этого онъ разсматриваетъ вообще проявленіе любви къ отечеству, раздѣляя ее на физическую, нравственную и политическую. Онъ доказываетъ, что двѣ первыя есть у всѣхъ народовъ, слѣдственно, и русскіе не могутъ быть лишены ея, такъ какъ она есть дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка; но патріотизмъ или политическая любовь вытекаетъ изъ *разсужденія*, потому и не во всѣхъ людяхъ проявляется она. „Я не смѣю думать, за этимъ очень осторожно замѣчаетъ онъ, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но *мнѣ кажется*, что мы *излишне смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; а смиреніе въ политикѣ вредно: кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ“. Приведя эти слова въ связь съ предыдущими и послѣдующими, мы должны убѣдиться, что они равносильны выраженію: мы еще не возвысились до патріотизма, который требуетъ разсужденія, а его имѣютъ не всѣ люди; къ этимъ неимущимъ намъ слѣдуетъ отнести и себя. Но на этомъ обвиненіи авторъ не останавливается, онъ переходитъ къ тому разсужденію, котораго требуетъ патріотизмъ и которымъ какъ бы хочетъ пробудить его въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ. Вы-

ставляя положеніе, что *русскій долженъ знать цѣну свою*, путемъ историческимъ онъ доказываетъ, что мы *смѣло можемъ стать на ряду съ другими, сказать ясно имя свое и повторить его съ благородною гордостью*. Онъ указываетъ на главные моменты нашей исторической жизни, гдѣ выказалась сила русскаго духа, и дойдя до восемнадцатаго вѣка, останавливается на недостаткахъ, которые мѣшали развитію патріотизма; во-первыхъ, наши молодые дворяне, *учась, не доучиваются*, и потому не могутъ посвящать себя наукамъ; во-вторыхъ, мы не чувствуемъ цѣны собственнаго и потому относимся безъ должнаго вниманія къ добросовѣстному труду своихъ соотечественниковъ, отчего и на такой трудъ вызываются немногіе: *а русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ*. „Расположеніе души моей, замѣчаетъ онъ, славу Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу, но я осмѣливаюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу; того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ?“ Далѣе Карамзинъ указываетъ на пренебреженіе, съ какимъ образованное общество относится къ русскому языку, несмотря на его выразительность, богатство, простоту и гармонію. „Бѣда наша, прибавляетъ онъ, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обрабатываніемъ собственнаго языка“. Для нравственнаго существованія человѣкъ долженъ быть *самъ собою*. А этого-то авторъ и не находитъ въ русскомъ обществѣ. „Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться, но *горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ*.

Для возбужденія патріотизма Карамзинъ ищетъ средства въ искусствахъ, на которыя и указываетъ въ статьѣ *„О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“*. „Должно пріучить россіянъ, говоритъ онъ, къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновенія артиста и сильныхъ

дѣйствій искусства на сердце; не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ, и ваятель бываютъ *органами патріотизма*... Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества; во всѣхъ обширныхъ странахъ россійскихъ *надобно питать любовь къ отечеству и чувство народное*. Мысль, что въ русскомъ, отдаленномъ отъ столицы, городѣ дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надписи и говорить о дѣлахъ предковъ, *радуетъ мое сердце*. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи *съ новыми поколѣніями*... Повторимъ *истину несомнительную:* въ девятомъ-надесять вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть *великимъ* и *почтеннымъ*, который благородными *искусствами*, *литературою и науками* способствуетъ успѣхамъ *человѣчества* въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства". Вотъ какого рода патріотизмъ горѣлъ въ душѣ Карамзина и побуждалъ его на трудъ.

Съ такимъ патріотическимъ настроеніемъ, съ желаніемъ пробудить его и въ другихъ Карамзинъ разсматриваетъ каждое новое явленіе въ русской жизни. Онъ не находитъ достаточнаго умственнаго и нравственнаго развитія въ русскомъ обществѣ и останавливается на тѣхъ мѣрахъ правительства Александра I, которыя сколько-нибудь способствовали такому развитію. Въ каждомъ своемъ разсужденіи онъ разсматриваетъ, возможно ли оно при существующихъ условіяхъ жизни, и нерѣдко находитъ въ нихъ задерживающую силу. Но, чуждый сатирическаго настроенія, онъ старается дѣйствовать противъ нея убѣжденіями.

Онъ даетъ совѣты не только обществу, но и правительству и всегда съ одною цѣлью — расширить путь къ просвѣщенію, а съ нимъ и къ общественному благосостоянію. Возьмемъ для примѣра его статью *„Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени"*. Въ ней мы уже не видимъ той боязни за науку, какая высказывалась въ прежнихъ его статьяхъ. Онъ указываетъ на хорошій исходъ французской революціи, которая не погубила науки, какъ сначала думали, а установила болѣе правильныя отношенія между европей-

скими народами и правительствами. Послѣднія чувствуютъ важность своего союза съ лучшими умами, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленіе; вездѣ обѣщаютъ *наукамъ покровительство*; вездѣ начальства желаютъ способствовать успѣхамъ *воспитанія и просвѣщенія*, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и *самой благородной нравственности*, которое образуетъ *мудрыхъ* министровъ, *достойныхъ* орудій *правосудія*, *сыновъ отечества*, въ семействахъ рождая *чувство патріотизма*, *чести*, народной гордости, и безъ котораго люди служатъ только одному идолу, подлой корысти. Такимъ образомъ Карамзинъ вездѣ ловитъ случай, чтобы высказать свои завѣтныя идеи. Показавъ какъ революція расчистила путь наукамъ и просвѣщенію, онъ останавливается на Россіи и находитъ, что и она подвинулась впередъ, благодаря не только своей силѣ матеріальной, но и нравственной—распространяющемуся просвѣщенію. Слѣдуя обыкновенной своей манерѣ представить сперва лучшую сторону, хотя бы даже и въ преувеличенномъ, идеальномъ видѣ, чтобы ею смягчить осужденіе недостатковъ, Карамзинъ переходитъ къ указанію ихъ, обращаясь къ правительству и къ обществу. Переходомъ служитъ ему опять мысль о патріотизмѣ: „Патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ, говоритъ онъ, любовь къ отечеству есть *дѣйствіе яснаго разсудка*, а не слѣпая страсть“. Наше отечество нуждается еще очень во многомъ, на что и долженъ указывать патріотизмъ. Намъ нужно полное методическое собраніе гражданскихъ законовъ, *ясно и мудро написанныхъ*... Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ россіянъ и *войдетъ въ систему общаго воспитанія*. Отсюда авторъ дѣлаетъ переходъ къ воспитанію и находитъ, что оно не развиваетъ у насъ характеровъ: молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли *рѣдкое* явленіе? При этомъ онъ разсматриваетъ, возможно ли разумное воспитаніе въ настоящихъ условіяхъ жизни, когда еще ни въ комъ не видно не только сознанія счастія заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, но и сознанія долга гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества.

При дурномъ воспитаніи дѣтей, происходящемъ отъ малой любви жить дома, является и дурное хозяйство, т.-е. неумѣнье соображать расходы съ доходами—вотъ еще важный недостатокъ русскаго общества. Доказавъ вредъ безразсудной роскоши для государства и нравовъ, чѣмъ отличались всѣ прежнія царствованія, съ цѣлью удивить иностранцевъ, дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи, Карамзинъ прибавляетъ иронически: усердные любители отечественной славы, Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, она требуетъ отъ васъ одной *разсудительности, честности, одныхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей*, требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а *порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ*: вотъ дѣйствіе *истиннаго просвѣщенія*. Въ заключеніе, приглашая всѣхъ русскихъ честно служить отечеству, Карамзинъ выясняетъ идею службы отечеству, значительно расширяя ея значеніе. Смѣшивая отечество съ государствомъ, тогда подъ именемъ службы отечеству считали только государственную службу. Карамзинъ своимъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что можно честно и съ большою пользою служить отечеству и внѣ государственной сферы. Здѣсь онъ говоритъ: „не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству — въ сферѣ воспитанія, въ сферѣ науки, искусства, благотворенія, земледѣлія". Все это онъ называетъ добрыми желаніями и *патріотическими* надеждами, которыя въ его время должны перестать быть только несбыточными мечтами.

Не одни только правительственныя распоряженія вызываютъ Карамзина къ анализу условій общественнаго состоянія; иногда онъ затрогиваетъ и другіе вопросы, касающіеся разнообразныхъ явленій русской жизни,—вопросы, надъ которыми еще никто до него не задумывался; всѣ они возникали изъ патріотическихъ стремленій нашего писателя. «*Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ*», напримѣръ, спрашиваетъ онъ себя, и отвѣчаетъ на это статьею, въ которой опредѣляетъ условія, необходимыя для развитія таланта писателя, и потомъ разсматриваетъ, можно ли ихъ найти въ русской общественной жизни. Отсюда выводъ тотъ, что если въ

Россіи еще мало выказалось такихъ талантовъ, то не по бездарности русскихъ, не потому, чтобы среди нихъ не родились таланты, а единственно только по неблагопріятнымъ условіямъ для ихъ развитія; а между тѣмъ они своими трудами приносятъ огромную пользу отечеству: авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*, а образцы *благороднаго русскаго краснорѣчія* едва ли *не полезнѣе* самыхъ классовъ *латинской элоквенціи*, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія: оно, избирая для себя *патріотическіе* и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать *любовь къ отечеству*.

Само собою разумѣется, что всѣ эти статьи должны быть прочитаны съ учениками или даны имъ самимъ для прочтенія (что̀ даже лучше), если есть къ тому какая-либо возможность; при чемъ они должны вывести логическую связь между мыслями Карамзина и опредѣлить самый планъ его статьи.

Исторія Карамзина есть не что иное, какъ продолженіе тѣхъ же самыхъ стремленій его возбудить патріотизмъ въ русскомъ обществѣ и вызвать его къ разумной дѣятельности. Испытавъ для этого разныя литературныя средства, наконецъ онъ останавливается на одномъ, которое, по его взгляду, было самымъ сильнымъ и дѣйствительнымъ. Уже въ разсужденіи о народной гордости онъ употребляетъ это средство, доказывая, что русскіе не должны стыдиться своего народнаго имени; но тамъ онъ слегка касается только самыхъ главныхъ моментовъ изъ русской исторіи; теперь же онъ задумалъ прослѣдить ее во всѣхъ подробностяхъ, положивъ въ основаніи все ту же идею. Здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ рѣзкаго перехода отъ одной дѣятельности къ другой, какъ многимъ кажется; напротивъ, здѣсь одна естественно и необходимо вытекаетъ изъ другой: здѣсь Карамзинъ не измѣняетъ ни своихъ взглядовъ, ни своихъ стремленій, ни симпатій, а только изъ многихъ средствъ выбираетъ самое трудное, но зато и самое дѣйствительное для достиженія той цѣли, къ которой постоянно и уже давно стремился. Познакомить учениковъ со всею исторіею Карамзина, конечно, нѣтъ никакой возможности, но можно выбрать

для изученія нѣсколько отрывковъ съ тѣмъ, чтобы вывести направленіе историка-патріота и опредѣлить его историко-литературные пріемы. Для этого, намъ кажется, лучше всего сравнивать его разсказы съ тѣми источниками, изъ которыхъ они заимствованы. При этомъ тотчасъ выясняется, какія соображенія явились у историка, что̀ своего вносилъ онъ въ разсказъ и изъ какихъ побужденій. Для примѣра возьмемъ разсказы его объ Олегѣ и Ольгѣ и сравнимъ съ лѣтописными разсказами, которыми онъ пользовался.

Въ лѣтописи: Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чудь, Словени, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужь свой.

У Карамзина: Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, *безъ сомнѣнія*, привлекли многихъ варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая *славолюбіемъ героевъ*, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ. Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, *кажется*, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу.

Сравненіе показываетъ, какъ въ своемъ разсказѣ Карамзинъ распространилъ нѣсколько словъ лѣтописи. Это распространеніе есть не что иное, какъ отвѣты на слѣдующіе вопросы историка, вызванные лѣтописными извѣстіями: по какому поводу снова могли явиться варяги, какъ должны были ихъ встрѣчать русскіе князья? Что побудило Олега предпринять враждебныя дѣйствія противъ Смоленска? Отчего въ лѣтописи не приведено никакихъ подробностей о взятіи этого города? На все это нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописи, а между тѣмъ историкъ считаетъ своею обязанностью указывать на причины дѣйствія, равно какъ и на ихъ слѣдствія. Не находя отвѣтовъ въ историческихъ источникахъ, онъ прибѣгаетъ къ собственнымъ соображеніямъ и выводамъ, которые вмѣсто дѣйствительныхъ фактовъ и служатъ ему поясненіемъ или даже обращаются для него въ факты; отсюда и являются у него выраженія: *безъ сомнѣнія*, *кажется*, и имъ подобныя. Фраза, *пылая славолюбіемъ героевъ*, также обращаетъ на себя вниманіе, потому что вытекаетъ изъ

патріотическаго взгляда Карамзина на исторію: она должна быть нашею учительницею, представлять намъ примѣры всякихъ доблестей и возбуждать въ насъ патріотизмъ, слѣдовательно, и историческія лица должны представляться насколько возможно *идеально*, они должны являться въ нашихъ глазахъ *героями*, достойными, если не нашего подражанія, то нашей патріотической гордости. Въ самомъ началѣ разсказа объ Олегѣ авторъ представляетъ общія черты его, какъ выводъ изъ всей его жизни: „сей опекунъ Игоревъ скоро прославился *великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовью подданныхъ*. Дальнѣйшее изложеніе автора есть только доказательства его выводовъ. Смоленскій походъ Олега объясняется какъ слѣдствіе славолюбія *героя*, который впрочемъ взялъ городъ безъ всякаго героизма. Лѣтопись молчитъ объ его сопротивленіи, значитъ его и не было, а не могло быть потому, что въ войскѣ Олега служили единоплеменники вольныхъ кривичей. На все это можно сказать одно: быть можетъ такъ, а быть можетъ и нѣтъ, но противъ логической стороны выводовъ возражать очень трудно.

Въ лѣтописи: Оттуда поиде внизъ и взя Любець и посади мужь свой. Придоста къ горамъ кіевскимъ и увѣдѣ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита, похорони вои въ лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Грекы отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ. Аскольдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: вы нѣсте князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убища Аскольда и Дира, несоша на гору и погребоша и на горѣ... Сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ. Бѣша у него варязи и славѣни и прочи прозвашася Русью.

У Карамзина: Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый князь, поручивъ Смоленскъ своему боярину, вступилъ въ область сѣверянъ и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой *державѣ*, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими

людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ, скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладьяхъ и велѣлъ объявить государямъ кіевскимъ, что варяжскіе купцы, отправленные княземъ Новгородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: вы не князья, не знаменитаго роду, но я князь и, показавъ Игоря, примолвилъ: вотъ сынъ Рюриковъ. Симъ словомъ осужденные на казнь Аскольдъ и Диръ подъ мечами убійцъ пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ. Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ владѣтелей кіевскихъ, но *самое общее варварство ихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго*... Олегъ, обагренный кровію невинныхъ князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, *устрашенные самымъ его злодѣяніемъ* и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего *законнаго государя*. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами—съ греческимъ Херсономъ, съ козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ—*плѣнили* Олега и сей князь сказалъ: да будетъ Кіевъ матерью городовъ *Россійскихъ*! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди государства, во-первыхъ, для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во-вторыхъ, и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не бояться ихъ.

Разсказъ здѣсь распространенъ опять отвѣтами на слѣдующіе вопросы историка: по какому поводу Олегъ приступилъ къ Любечу? Почему онъ пошелъ на Кіевъ? Къ чему онъ предпочелъ хитрость военной силѣ, съ которой шелъ на кіевлянъ? Какъ могли кіевскіе князья даться въ обманъ и придти на зовъ Олега? Почему кіевляне не сопротивлялись ему и дали утвердиться въ Кіевѣ? Что̀ заставило Олега сдѣлать Кіевъ своею столицею? Чтобы отвѣчать на всѣ эти вопросы, Карамзинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ собственнымъ соображеніямъ, въ которыхъ и выражается взглядъ его на исторію По его взгляду, русская земля уже въ первое время варяжскихъ князей является *державою*, *государствомъ*—*Россіею*. Причину многихъ фактовъ онъ объясняетъ завоевательнымъ характеромъ Олега; указываетъ на явленія, несогласныя съ понятіями нашего времени и также старается объяснить ихъ. Но нравственное его чувство сильно возмущается убійствомъ, на которое отважился Олегъ; здѣсь исто-

рикъ даже отказывается и оправдывать его, несмотря на видимое расположеніе возвысить этого *героя;* по его взгляду, это такое пятно, котораго нельзя ничѣмъ смыть съ памяти Олега. Даже сами кіевляне устрашены были его *злодѣяніемъ* и не осмѣлились ему сопротивляться. А между тѣмъ лѣтописъ о всемъ этомъ разсказываетъ хладнокровно, имѣя въ виду похвалы уму вѣщаго Олега.

Въ лѣтописи: Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу.

У Карамзина: Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года, знаемъ только, что онъ правилъ еще *государствомъ* и въ то время, когда уже *питомецъ его возмужалъ* лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не *дерзалъ требовать* своего наслѣдія отъ правителя властолюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть *законною*, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить *государство*. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, *славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ*. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова... Имя свое приняла она, *кажется*, отъ имени Олега, въ *знакъ дружбы его къ сей достойной княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.*

Здѣсь взглядъ историка на тогдашнюю русскую землю, какъ на сложившееся государство, и на Олега, какъ на государя, а не какъ на предводителя дружины, вноситъ и современныя ему понятія о престолонаслѣдіи, отчего и является вопросъ: почему Игорь, возмужавъ, не требовалъ своего наслѣдія отъ Олега, который былъ только опекунъ его и, слѣдственно, при совершеннолѣтіи Игоря долженъ былъ уступить княженіе сыну Рюрика? Затѣмъ слѣдуютъ другіе вопросы: чѣмъ Ольга могла прельстить Игоря, и почему ея имя сходно съ именемъ Олега,—вопросы, которые рѣшаются по идеаламъ, современнымъ историку:

Въ лѣтописи: Иде Олегъ на Грекы, Игоря остави въ Кыевѣ; поя же множество Варягъ и славянъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверы, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яже суть Толковины: си вси звахуться Великая Скуѳь. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблій 2,000. И прiиде къ Царюграду, и Греци замкоша судъ, и городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣвастъ изволочити корабля на берегъ и повоева около города, и много убійство сътвори Грекамъ, и палаты многы разбиша и

церькви пожьгоша, а ихъ же имяху полонянины, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина много зла творяху Русь Грекамъ, елико же ратніи творятъ. И повелѣ Олегъ воимъ своимъ колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса, и бывшю покоену вѣтру, успяша прѣ съ поля, и идяшѣ къ городу. Видѣвше же Грецѣ, убояшася и рекоша, выславше ко Ольгови: не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хощеши. И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прія его, бѣ бо устроено съ отравою.

У Карамзина: Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воинственной *державы*, и завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ имперіею. Всѣ народы ему подвластные: новгородцы, финскіе жители Бѣлоозера... соединились съ варягами подъ его знаменами. Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; конница шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: *правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы.* Надлежало побѣдить не только враговъ, но и природу такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и, наконецъ, искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ: въ IX и X вѣкѣ онѣ должествовали быть несравненно опаснѣе. Первые варяги кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ *Россіяне* въ семъ плаваніи обыкновенно преодолѣвали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля... Мужественный Олегъ приблизился наконецъ къ греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный императоръ Леонъ, прозванный философомъ, думалъ о вычетахъ астрологіи болѣе, нежели о безопасности государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпью гавань и далъ волю Олегу разорять византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные дома вельможъ греческихъ. Несторъ *въ доказательство своего безпристрастія* изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе *Россіянъ*. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнныхъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы германскіе въ областяхъ имперіи; такъ въ сіе же самое время Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ: тогда она была правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями... Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ

стѣнамъ городскимъ; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: *ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ.*

Вопросъ, по какому поводу Олегъ предпринялъ походъ въ Грецію, потребовалъ со стороны историка особаго соображенія: такъ какъ у Нестора передъ этимъ стоитъ нѣсколько годовъ пустыхъ, то, значитъ, во все это время былъ миръ, но завоевателю миръ скоро можетъ наскучить, а воинственная дружина, безъ войны и въ праздности можетъ быть опасна самому государству своею силою, то это и можно поставить въ причину похода; съ другой стороны, желаніе добычи, извѣстная робость грековъ также могли поднять смѣлаго Олега на имперію. Исчисливъ по Нестору всѣ племена, съ которыми Олегъ отправился въ походъ, историкъ останавливается на трудностяхъ, какія нужно было преодолѣть нашимъ предкамъ въ дорогѣ, останавливается для того, чтобы еще болѣе возвысить подвигъ своего героя. Здѣсь онъ пользуется сказаніемъ Константина Багрянороднаго о варяжскихъ народахъ и о переправахъ черезъ днѣпровскіе пороги. Здѣсь же представляетъ онъ и отвѣтъ на вопросъ: отчего Игорь остался въ Кіевѣ, объясняя это обстоятельство ревностью Олега, который не хотѣлъ дѣлить съ сыномъ Рюрика ни опасностей, ни славы. Дальше историкъ останавливается на вопросѣ, отчего Олегъ такъ безпрепятственно дошелъ до самой столицы имперіи, и находитъ причину въ суевѣрномъ императорѣ, которому и дѣлаетъ характеристику по Гиббону. Затѣмъ, повторяя слова Нестора о кровопролитіи и безпощадныхъ убійствахъ Олеговой дружины, Карамзинъ, опять какъ человѣкъ нравственный и чувствительный, возмущается: его патріотизмъ какъ бы страдаетъ отъ безчеловѣчья нашихъ предковъ. У него даже является вопросъ, отчего Несторъ хотя бы изъ того же патріотизма не смягчилъ эти черныя краски при описаніи жестокости *Россіянъ*, и объясняетъ это только желаніемъ лѣтописца *доказать свое безпристрастіе*, хотя Несторъ очень хладнокровно замѣчаетъ: много зла творяху Русь грекамъ, *елико же ратніи творятъ.* Чтобы смягчить

впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ жестокостей, Карамзинъ указываетъ на другіе народы этой же эпохи, которые точно такъ же свирѣпствовали въ западной Европѣ, значитъ, не однихъ русскихъ нужно упрекать въ томъ. Изъ всего этого дѣлается историкомъ общая характеристика войны того времени въ противоположность съ современными ему понятіями о войнѣ. Переведя разсказъ лѣтописи о колесахъ, поддѣланныхъ подъ Олеговы суда, историкъ не принимаетъ его за истину и старается найти правдоподобное основаніе этого разсказа, указывая на позднѣйшій приступъ Магомета II къ тому же городу. Къ извѣстію Нестора, что Олегъ, опасаясь отравы, не принялъ отъ грековъ съѣстныхъ припасовъ и вина, Карамзинъ прибавляетъ свое соображеніе, основанное на общей мысли: храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ — вездѣ выставляются идеальныя черты героя.

Въ лѣтописи (Послѣ разсказа объ умерщвленіи Игоря): Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнельдъ тоже отецъ Мистишинъ. Рѣша же Древляне: се князя убихомъ Русскаго, поймемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ...

У Карамзина: Святославъ сынъ Игоревъ, первый князь славянскаго имени, былъ еще отрокомъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость *державы*, только мечомъ основанной и хранимой, бунтъ Древлянъ, безпокойный духъ *войска*, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу, честолюбіе полководцевъ варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и *Россіи* опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость *державы*, и власть государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной. Юный князь воспитывался бояриномъ Асмудомъ; Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга *вѣроятно* съ помощью сихъ двухъ знаменитыхъ мужей овладѣла *кормиломъ государства* и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда ровняться съ великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь лѣтописецъ сообщаетъ намъ многія подробности, отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію исторіи и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но какъ истинное происшествіе должно быть имъ основаніемъ, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ временъ; то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ. (Слѣдуетъ разсказъ о мести по лѣтописи)... Не удивляемся жестокости Ольгиной. Вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую: а мы должны судить о *герояхъ исторіи* по обычаямъ и правамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность Древлянъ?

вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Каростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію рѹсскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ *кажется*, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря; оружіемъ снова покорила свой народъ, наказала виновныхъ гражданъ Каростена и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Здѣсь мы видимъ, историкъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что на княжескомъ мѣстѣ является женщина. Это заставляетъ его взглянуть на тогдашнее положеніе дѣлъ, которое кажется ему очень неблагопріятно для слабой женщины. И несмотря на это, Ольга безпрепятственно стала во главѣ народа.

Не находя другихъ причинъ, историкъ связываетъ такое событіе съ волей Провидѣнія, которое уже предназначило Россіи развиться въ сильное государство, для чего и одарило Ольгу свойствами необыкновенной души. Здѣсь опять высказывается взглядъ Карамзина на исторію. Свойства необыкновенной души Ольги онъ вывелъ изъ ея дѣлъ, которыя убѣдили его, что они могутъ назваться мудрымъ правленіемъ, и онъ задаетъ себѣ тему—доказать, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами. Какъ разсказъ его объ Ольгѣ служитъ доказательствомъ тѣхъ свойствъ героя, которыя выставлены въ началѣ, такъ и разсказъ объ Олегѣ имѣетъ въ виду развить выставленную впереди тему. Лѣтопись молчитъ о томъ, какъ Ольга овладѣла *кормиломъ государства;* историкъ же не хочетъ обойти этого вопроса и отвѣчаетъ на него догадкою: вѣроятно съ помощью двухъ знаменитыхъ мужей—Свѣнельда и Асмуда. Разсказъ о мщеніи Ольги Карамзинъ не считаетъ вѣроятнымъ, но приводитъ его со всѣми подробностями съ тѣмъ, чтобы потомъ вывести то истинное происшествіе, которое послужило ему основаніемъ, и въ то же время оправдать Ольгину жестокость: „мы должны судить *о герояхъ исторіи* по обычаямъ и нравамъ ихъ времени“. Точно такъ же онъ отвергаетъ и разсказъ лѣтописи о сватовствѣ византійскаго императора, когда Ольга прибыла въ Константинополь, чтобы принять крещеніе. Здѣсь онъ пользуется болѣе достовѣрнымъ разсказомъ Констан-

тина Багрянороднаго; но въ самомъ началѣ опять его останавливаютъ вопросы, отвѣты на которые онъ могъ найти въ собственномъ соображеніи. Что̀ навело Ольгу на мысль принять христіанство? Здѣсь историку представляются слѣдующія обстоятельства: 1) Человѣкъ умный рано или поздно можетъ достигнуть той поры, когда, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, увидитъ близкій конецъ ея предъ собою и почувствуетъ суетность земного величія. Ольга, безспорно, была умная женщина, испытала и земное величіе, дожила и до зрѣлыхъ лѣтъ, слѣдовательно, могла и почувствовать суетность прежней жизни. 2) Въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка лучше всего можетъ служить опорою и утѣшеніемъ истинная, т.-е. христіанская вѣра. 3) Ольга, какъ женщина необыкновенная, могла изъ любопытства въ самомъ Кіевѣ познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, увѣриться въ святости его и плѣниться лучомъ сего новаго свѣта. Такъ ли это было или нѣтъ, сказать трудно, но Карамзинъ, описывая причины событія, часто принимаетъ вѣроятность за фактъ дѣйствительный, особенно когда хочетъ психологически объяснить явленіе.

Затѣмъ является другой вопросъ: почему же Ольга не крестилась въ Кіевѣ, и слѣдуетъ опять вѣроятность, принятая за дѣйствительность: чтобы почерпнуть христіанское ученіе въ самомъ источникѣ. Видя русскую княгиню среди византійскаго двора, историкъ одушевляется патріотизмомъ, который и подсказалъ ему выраженіе: императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа *знаменитаго*. Но съ этимъ эпитетомъ, приданнымъ русскому народу, никакъ не согласуется описаніе пріема, сдѣланнаго самимъ хозяиномъ: въ храминѣ Юстиніана императрица кушала на тронѣ, а княгиня народа знаменитаго должна была стоять до тѣхъ поръ, пока не указали ей мѣсто съ *придворными госпожами*. Патріотъ-историкъ самъ замѣтилъ это противорѣчіе и оправдываетъ Ольгу тѣмъ, что она стояла *въ знакъ почтенія* къ супругѣ великаго царя, слѣдовательно, по собственной волѣ. Скудные подарки, поднесенные княгинѣ и ея свитѣ, также не согласны съ значеніемъ княгини народа *знаменитаго*. Историкъ замѣтилъ и это, и опять старается объяснить

противорѣчіе въ пользу Ольги: „хотя тогдашніе *Государи россійскіе* не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила великую княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ". Впрочемъ далѣе Карамзинъ замѣчаетъ: „кажется, что она вообще была недовольна пріемомъ", а это заставляетъ усомниться въ томъ, что греки смотрѣли на нее, какъ на княгиню народа *знаменитаго*.

Такимъ образомъ и въ исторіи Карамзинъ является передъ нами прежде всего патріотомъ и нравственнымъ человѣкомъ, почему и трудъ его для насъ не просто ученый трудъ, но и патріотическій. Пусть патріотизмъ иногда мѣшаетъ ему проще и вѣрнѣе посмотрѣть на дѣло, зато онъ вдохновляетъ историка, дѣлаетъ его художникомъ, и вмѣсто сухого разсказа является живое изображеніе событій и лицъ; имъ Карамзинъ возбуждалъ въ читателяхъ патріотическое чувство и, слѣдовательно, достигалъ своей цѣли. Вотъ какое значеніе имѣетъ для насъ его исторія, и оно не ослабится отъ критики, которая справедливо указываетъ на невѣрное изложеніе нѣкоторыхъ фактовъ или на невѣрный взглядъ на нѣкоторыя эпохи. Наше уваженіе къ его труду отъ того пострадать не можетъ.

XX.

Сантиментальность, введенная на нѣкоторое время въ нашу литературу Карамзинымъ, и масонскій мистицизмъ подготовили въ обществѣ сочувствіе къ нѣмецкому романтизму, въ духѣ котораго сталъ писать Жуковскій, вызвавъ также много подражателей. Факты, нужные для объясненія романтизма, мы помѣщаемъ въ „Руководствѣ для учениковъ", а здѣсь разсмотримъ только нѣсколько стихотвореній Жуковскаго.

Сельское кладбище (*Элегія Грея*).

Описаніе сельскаго вечера. Поэтъ въ особенности старается выставить одну сторону его—общую тишину, изрѣдка

по мѣстамъ прерываемую то жужжаньемъ жука, то звукомъ рога, то крикомъ совы. Эта тишина, располагая къ мечтанію, въ то же время гармонируетъ съ тѣмъ вѣчнымъ покоемъ кладбища, гдѣ спятъ непробуднымъ сномъ праотцы села. Они-то теперь и занимаютъ воображеніе поэта. Онъ *отрицательно* описываетъ прошлую ихъ жизнь, т.-е. показываетъ, что̀ прежде пробуждало ихъ отъ сна и что̀ теперь не можетъ пробудить, что̀ прежде привлекало ихъ къ дому и что̀ теперь не можетъ привлекать. Въ этомъ отрицательномъ описаніи поэтъ изображаетъ противоположность между міромъ живыхъ и міромъ мертвыхъ. Далѣе показывается значеніе скромной жизни поселянина; вся она заключается въ непрерывномъ трудѣ и въ борьбѣ съ природою. Труды эти полезны всѣмъ, а между тѣмъ иные смотрятъ на нихъ высокомѣрно и съ холоднымъ презрѣніемъ, и такіе люди, которые сами *рабы суетъ*, т.-е. своею жизнью далеко не приносятъ той пользы, какую приноситъ убогій своими дѣлами, таящимися во тьмѣ. Пускай они, говоритъ поэтъ, унижаютъ жребій поселянина, но это нисколько не измѣнитъ дѣйствія смерти; она сравниваетъ всѣхъ; законы природы для всѣхъ одни и тѣ же; путь величія ведетъ къ тому же гробу, къ которому пришли и эти убогіе праотцы села. Правда, гробы ихъ не пышны и забвенны, на могилахъ ихъ не воздвигнуты алтари, какіе воздвигаются на могилахъ „ослѣпленныхъ наперсниковъ фортуны“; но напрасно спѣшить презирать спящихъ на этомъ скромномъ кладбищѣ: смерть не возвращаетъ своей добычи, съ какими бы почестями ни погребли умершаго; подъ мраморной доской сонъ его не будетъ слаще, а богатый и тяжелый памятникъ, свидѣтельствующій только о людской надменности, лишь больше будетъ придавливать ихъ персть. Показавъ общее равенство передъ смертью, поэтъ далѣе показываетъ, что точно такъ же и природа сравниваетъ всѣхъ. Для этого онъ перебираетъ отдѣльныя могилы и предполагаетъ, кто въ каждой могъ быть погребенъ: въ одной человѣкъ съ нѣжнымъ чувствительнымъ сердцемъ, въ другой—съ способностями править народомъ, въ третьей съ умомъ, который могъ бы доставить славу великаго ученаго. Природа одинако даетъ свои дары всѣмъ, не разбирая

мѣста рожденія. Но если въ жизни они не могли выказать этихъ даровъ, то виновата не она, виноваты обстоятельства жизни и жалкая обстановка, среди которой имъ приходилось вырастать и развиваться. Угрюмая судьба не отворила имъ храма просвѣщенія; цѣпи убожества обременили ихъ, строгая нужда умертвила въ нихъ геній. Поэтъ сравниваетъ такой непроявившійся геній съ рѣдкимъ перломъ, скрытымъ въ волнахъ моря, но и тамъ онъ остается все же перломъ; или съ полевой лиліей, запахомъ которой никто не наслаждается. Такимъ образомъ и изъ этихъ безвѣстныхъ людей при другихъ обстоятельствахъ могъ явиться второй Гампденъ, или второй Кромвель, или Мильтонъ. Но если они не могли отличиться тѣми доблестями, которыми отличаются люди съ высшими интересами жизни, то не могли прославиться и тѣми злодѣйствами, жестокостями, безсовѣстностью и низостью, какими прославлялись люди въ другихъ, высшихъ сферахъ. Вотъ выгода тѣхъ, которые безвѣстно идутъ своей тропинкою: въ долинѣ этой жизни у нихъ нѣтъ блистательныхъ надеждъ, зато нѣтъ и страха; нѣтъ сильныхъ наслажденій, нѣтъ и сильныхъ горестей. Эти-то люди и спятъ здѣсь подъ гробовою сѣнью, они-то и привлекаютъ вниманіе поэта. Ихъ скромные памятники говорятъ совсѣмъ не то, что пышные мавзолеи. Они свидѣтельствуютъ о той любви, какую покойники оставили послѣ себя въ сердцахъ близкихъ, безъ нея никто бы и не подумалъ позаботиться начертить на надгробномъ камнѣ ихъ лѣта и имена, никто бы не сталъ придумывать библейскую мораль, „по коей мы должны учиться умирать“.

Далѣе поэтъ представляетъ значеніе любви для умирающаго. Человѣку трудно разстаться съ жизнью, тяжело думать, что онъ скоро обратится въ ничто, какъ будто бы никогда не существовалъ, быстро забытый всѣми. Но душа нѣжная, умѣвшая любить, слѣдственно, вызывать и въ другихъ любовь къ себѣ, покидая жизнь, утѣшается тѣмъ, что не совсѣмъ умретъ, что останется еще жить въ памяти друзей, на которыхъ и останавливается послѣдній тусклый взоръ умирающаго. Легче ему умирать съ думою, что его сердце будетъ слышать и въ могилѣ милый ихъ голосъ, что нашъ гробо-

вой камень будетъ имъ казаться одушевленнымъ, что нашъ мертвый прахъ для нихъ будетъ дышать, воспламененный огнемъ любви.

Изъ всего этого вытекаетъ, что истинное значеніе жизни человѣка должно заключаться въ развитіи любви его къ другому, что только одна она и облегчаетъ горькія минуты кончины, слѣдовательно, о ней и слѣдуетъ прежде всего заботиться человѣку. Поэтъ называетъ себя другомъ почившихъ, потому что они оставили послѣ себя любовь, которая и поставила на ихъ могилахъ скромные памятники. Онъ представляетъ тотъ часъ, когда и его будутъ погребать здѣсь и когда селянинъ съ почтенной сѣдиною, быть можетъ, будетъ разсказывать о немъ чувствительному пришельцу. И пользуясь этимъ разсказомъ, поэтъ рисуетъ идеалъ поэта: онъ любитъ природу и среди нея уединеніе, любитъ грустить, предаваться своимъ чувствамъ, смотритъ уныло на жизнь, кротокъ сердцемъ, чувствителенъ, сострадателенъ къ несчастію другихъ, печать меланхоліи отличаетъ его отъ прочихъ. Всѣ эти черты дѣйствительно можно видѣть въ тогдашней романтической поэзіи; онѣ не чужды и самому Жуковскому, который такъ любилъ это стихотвореніе, находя въ немъ, конечно, много родственнаго съ своей душею.

Все произведеніе можно раздѣлить на слѣдующія части: 1) описаніе вечера, 2) изображеніе скромной и трудовой сельской жизни и отношеніе къ ней рабовъ суетъ, 3) общее равенство передъ смертью, 4) равенство всѣхъ передъ природою, 5) различіе людей по обстоятельствамъ и обстановкѣ жизни, 6) дурная и хорошая сторона убогаго состоянія, 7) значеніе любви для умирающаго, 8) мысль поэта о собственной смерти и изображеніе идеала поэта.

Изъ всего этого видно, что цѣль поэта представить человѣческую сторону жизни независимо отъ всякихъ случайностей, въ какомъ бы состояніи ни находился человѣкъ. Случайности иногда возносятъ одного человѣка надъ другими; но ему нѣтъ причины тщеславиться этимъ потому что природа и смерть ко всѣмъ относятся одинаково, уравнивая всѣхъ. Только одна любовь къ людямъ нравственно возвышаетъ человѣка и облегчаетъ переходъ его въ загробный

міръ; только одна нѣжная душа, умѣвшая сострадать несчастнымъ, оставитъ по себѣ добрую память и будетъ привлекать къ своей могилѣ каждаго чувствительнаго человѣка, хотя бы эта могила была самая бѣдная: память добраго благословляется слезою, а быть чувствительнымъ и добрымъ не могутъ помѣшать никакія обстоятельства. Такимъ образомъ весь интересъ жизни полагается въ чувствѣ; изъ него и развивается самый идеалъ человѣка и поэта. Все это изображается въ связи съ идеей о смерти, и потому стихотвореніе проникнуто грустью.

Теонъ и Эсхинъ.

Первая часть стихотворенія изображаетъ возвращеніе Эсхина на родные берега Алфея. Долго бродя по свѣту, онъ искалъ счастія, но не нашелъ его. Роскошь, слава, всѣ чувственныя удовольствія, которымъ онъ предавался, думая, что въ нихъ-то и заключается счастіе жизни, только изнурили его сердце. Они пресытили его, но не удовлетворили; въ душѣ наконецъ явилась пустота, а съ нею и скука; надежда найти счастье погасла. Съ такой безнадежностью возвращается онъ на родину; знакомыя мѣста напоминаютъ ему молодые и лучшіе дни, здѣсь все оставалось попрежнему; только онъ является не тотъ, что былъ прежде. Во второй части изображается встрѣча двухъ друзей. Въ то время какъ Эсхинъ странствовалъ по свѣту, Теонъ оставался на родинѣ, скромный въ желаніяхъ, не обольщенный пышными надеждами. На берегу рѣки въ виду моря среди роскошной природы была смиренная хижина Теона. Освѣщенная розовымъ блескомъ заходящаго солнца, она представилась взорамъ Эсхина, а близъ нея среди миртъ бѣломраморный гробъ, надъ которымъ сплетались вѣтви душистыхъ розъ и гибкаго ясмина. На порогѣ хижины сидѣлъ Теонъ въ размышленіи, смотря на багряное море. Вдругъ онъ видитъ передъ собою Эсхина, съ радостью обнимаетъ его и привѣтствуетъ именемъ Зевеса мирное его возвращеніе. Оба смотрятъ другъ на друга: у одного лицо скорбно и мрачно, у другого взоръ прискорбный, но ясный.

Въ третьей части — бесѣда друзей: Эсхинъ винитъ надежду на счастье, которая была причиной ихъ разлуки; теперь опытъ убѣдилъ его, что надежда лукавый предатель. Судя по задумчивому взгляду Теона, онъ думаетъ, что и другъ его дошелъ до того же убѣжденія, оставаясь на родныхъ берегахъ, что и мирная домашняя жизнь принесла ему такую же печаль. Теонъ со вздохомъ указалъ ему на гробъ, но не для того, чтобы подтвердить догадку друга. Изъ жизни онъ вынесъ совсѣмъ другое убѣжденіе: гробъ только безмолвный свидѣтель, что боги посылаютъ намъ жизнь для счастія; но съ нею все же неразлучна и печаль. Это законъ жизни, но онъ не долженъ мѣшать сознанію, что и жизнь и вселенная прекрасны. Теонъ видѣлъ земное блаженство, только нашелъ его не тамъ, гдѣ искалъ Эсхинъ — не въ быстрыхъ радостяхъ, не въ ложныхъ мечтахъ. Онъ понялъ, что то на свѣтѣ не наше, что̀ можетъ въ минуту разрушить посторонняя сила, слѣдственно, тамъ нечего и искать счастья. Нетлѣнныя блага только въ сердцѣ—любовь и сладость возвышенныхъ мыслей, ихъ не въ состояніи разрушить никакая сила, онѣ и должны составить источникъ счастія. Что этотъ выводъ не мечта, Теонъ представляетъ въ примѣръ себя: онъ любилъ и былъ счастливъ. Онъ испыталъ нравственную силу любви: лишь только ею освятилась его душа, какъ жизнь предстала ему въ красотѣ. Онъ испыталъ и силу возвышенныхъ мыслей; при ихъ блескѣ онъ яснѣе видѣлъ великость творенья. Изъ всего этого явилась вѣра, что земной путь его ведетъ къ прекрасной возвышенной цѣли. Но испыталъ онъ, что съ земнымъ счастьемъ неразлучна и печаль: кого любитъ онъ, того теперь уже нѣтъ. При этомъ слѣдуетъ вопросъ: совершенно ли уничтожается счастіе этой печалью, и остаются ли безслѣдными прежніе счастливые дни? Теонъ отвѣчаетъ отрицательно и опредѣляетъ значеніе прошедшаго, настоящаго и будущаго: для сердца прошедшее вѣчно; въ немъ остается любовь и послѣ утраты любимаго существа, она переходитъ въ настоящемъ въ страданье, въ скорбь; но и самая скорбь есть не что иное, какъ голосъ неизмѣнной надежды, что въ будущемъ погибшее намъ возвратится гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ. Любовь на-

всегда уничтожаетъ чувство одиночества: за утратою милаго существа воспоминаніе переноситъ прошедшее въ настоящее: свѣтъ остается все такимъ же, полный *ею*, хотя *ее* уже и нѣтъ тамъ; та возвышенная цѣль жизни, къ которой бодро стремились вдвоемъ, остается и для одного; дорога къ ней не измѣняется. Все это такія узы, которыхъ не разрушитъ могила. Для жизни остается еще украшеніе высокой мысли: на землѣ представляется много разсыпанныхъ благъ, творенье является полнымъ славы, все это привлекаетъ къ себѣ благодарный взоръ. Міръ озаряется сладкою надеждою на лучшую жизнь, гдѣ произойдетъ соединеніе съ утраченнымъ милымъ существомъ; а эта надежда ставитъ выше судьбы, и земная жизнь дѣлается священна. Здѣсь жизнь сердца соединяется съ жизнью ума — съ сознаніемъ своей *человѣчности*, что̀ и возвышаетъ душу. Безмолвный же таинственный гробъ только болѣе убѣждаетъ, что лучшее въ жизни еще впереди, что ожидаемое будетъ навѣрно; тамъ ждетъ сопутникъ, на мигъ явившійся въ жизни.

Передавъ Эсхину свои убѣжденія, Теонъ указываетъ въ чемъ ошибся другъ его: онъ искалъ благъ внѣ себя, а не въ самомъ себѣ, и утратилъ эти послѣднія, которыя только и могутъ назваться вѣрными. Вмѣсто нихъ развилось въ немъ только одно чувство — презрѣніе къ жизни; но съ этимъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и самый свѣтъ. Противъ него Теонъ предлагаетъ Эсхину свою дружбу, примиреніе съ природою и жизнью и вѣру въ красоту вселенной. Небо вмѣстѣ съ жизнью дало намъ *все*, какъ средство къ великому:

И горе и радость — все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу—Зевесу

Въ этомъ стихотвореніи излагаются тѣ идеи, которыя обыкновенно развивались романтическими поэтами и которыя повторяются у Жуковскаго во многихъ его произведеніяхъ. Здѣсь всѣ онѣ сгруппированы вмѣстѣ: изображеніе духовной стороны жизни человѣка, независимо отъ времени и мѣста его существованія, исканіе идеала въ самомъ себѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ, что̀ между прочимъ представлялъ и Шиллеръ, вѣчность чувства любви, въ чемъ и должно искать счастія; для сердца прошедшее вѣчно, страданье въ

разлукѣ есть та же любовь, надъ сердцемъ утрата безсильна; отсюда сладость воспоминанія, прелесть грусти въ настоящемъ, надежда на загробное соединеніе съ своимъ идеаломъ въ будущемъ, безпрестанные порывы души къ небу, увѣренность, что земной путь лежитъ къ прекрасной, возвышенной цѣли; сознающему эту цѣль вселенная кажется прекрасною, жизнь священною. Все это составляло темы романтическихъ поэтовъ и хотя иногда они представляли лица изъ міра древнеклассическаго, но съ нимъ очень мало вяжутся всѣ эти идеи. Такъ и въ этомъ стихотвореніи Жуковскаго мы слышимъ имена Зевеса, Вакха, Эрота, Авроры, Пенатовъ; но напрасно будемъ искать дѣйствительно классическаго міра; здѣсь мы видимъ міръ, которому невозможно подыскать національное названіе; здѣсь *человѣкъ*, а не житель извѣстной земли и извѣстнаго времени; отсюда и нѣкоторая отвлеченность въ самыхъ образахъ, даже въ описаніи природы и очень часто преобладаніе идей надъ формою. Смѣшеніе міровъ римскаго и греческаго, особеннно въ миѳологіи, также очень обыкновенно у романтическихъ поэтовъ; а это показываетъ, что ни тотъ, ни другой міръ не представлялся имъ въ ясныхъ и живыхъ образахъ. Такъ у Жуковскаго съ греческими Зевесомъ, Вакхомъ, Эротомъ соединяются римскіе Пенаты, Аврора. У такихъ поэтовъ идея важнѣе всего; она по своей общности требовала и соотвѣтственныхъ образовъ, т.-е. изображенныхъ только въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ при исторической обстановкѣ.

Эолова Арфа.

1) Описаніе замка могучаго Ордала, владыки Морвены и лѣсистыхъ его окрестностей; 2) веселая жизнь въ замкѣ и древность рода Ордала; 3) красота Минваны, его дочери (описаніе *въ общихъ* чертахъ черезъ сравненіе съ впечатлѣніями отъ разныхъ явленій природы); 4) пѣвецъ Арминій (подобная же характеристика для выраженія *совершенства*); 5) описаніе ночи (въ общихъ же чертахъ); 6) тайное свиданіе Минваны съ Арминіемъ—въ бесѣдѣ Арминій указываетъ на разницу внѣшняго ихъ положенія, какъ на препятствіе

къ ихъ союзу; она царскаго сана, онъ—бѣдный пѣвецъ; Минвана ставитъ любовь выше всякаго сана и славы и весь интересъ жизни видитъ въ одной любви; 7) въ грустномъ предчувствіи скорой разлуки Арминій привязываетъ къ дереву арфу, предрекая, что въ нее перейдетъ душа его, когда онъ умретъ: струны попрежнему зазвучатъ и дадутъ Минванѣ вѣсть о таинственномъ присутствіи здѣсь вѣрнаго ея друга; 8) прощаніе; 9) предчувствіе сбывается — Арминій въ изгнаніи; 10) грусть Минваны; 11) описаніе весны (въ общихъ чертахъ); 12) Минвана слышитъ звуки играющей арфы, какъ привѣтъ умершаго друга; 13) уныніе Минваны и мечтаніе о другомъ свѣтѣ, какъ о новой родинѣ, гдѣ жизнь безъ разлуки; 14) смерть Минваны и явленіе двухъ тѣней при звукахъ арфы.

Всѐ это содержаніе ясно представляетъ цѣли поэта. Любовь навѣки соединяетъ души. Разница во внѣшнемъ положеніи не можетъ помѣшать этому. Насильственная разлука можетъ быть только временная, но и тогда мысленно души неразлучны: мысль, что рано или поздно онѣ соединятся, даетъ имъ силы переносить разлуку. Ихъ связываютъ тайныя струны, которыя даютъ сердцу вѣсть о невидимомъ присутствіи друга, оставившаго этотъ міръ. Чувство вѣчно: оно переходитъ и въ загробную жизнь; тамъ-то и послѣдуетъ полное соединеніе любящихся душъ, если на землѣ помѣшали ихъ союзу, что̀ и подтверждаетъ мысль, выраженную въ стихотвореніи Шиллера „Жалоба Цереры“: любовь не умираетъ и въ отшедшихъ за Коцитъ. Такой взглядъ на любовь легко переходитъ въ мистицизмъ: вѣра въ связь живущихъ съ отшедшими въ тотъ міръ, возможность явленія тѣни умершаго и проч., что̀ дѣйствительно и представляется во многихъ балладахъ романтическихъ поэтовъ.

Узникъ.

1) Пѣсня молодой узницы: она выражаетъ тоску по волѣ. 2) Заунывный ея голосъ проникаетъ въ сердце молодого узника, заключеннаго рядомъ съ нею: ихъ раздѣляетъ стѣна; онъ не видитъ поющей; но онъ роднится съ нею душою;

она овладѣваетъ его мыслью; воображеніе уже представляетъ ея образъ, жизнь его обратилась въ мечты о ней одной; другой жизни онъ и не хочетъ; пересталъ думать и о волѣ, которая можетъ его удалить отъ *нея*. Ему уже кажется, что онъ давно любитъ ее, что душа его давно звала ее, томилась по ней, что она и прежде являлась ему то въ пророческомъ снѣ, то въ дыханіи пламенной весны, то въ живыхъ цвѣтахъ, то въ облакѣ; и вотъ теперь они близко, и свобода, разрушивъ этотъ затворъ, наконецъ соединитъ ихъ. 3) Ожиданіе узника напрасно: узницѣ достался удѣлъ *небесно-тайный, неземной*. 4) Узникъ, не слыша ее, переселилъ за нею въ гробъ всѣ свои думы, не радъ и волѣ, для которой растворили ему двери тюрьмы: погибшаго не возвратишь. 5) Жизнь на свободѣ сдѣлалась для него печальнѣе, чѣмъ въ неволѣ: никто ему не могъ ничего сказать о молодой узницѣ; нѣмая грусть наполняетъ всю его душу: днемъ онъ безгласенъ, погруженъ въ мечтанье, а ночью бродитъ, не сводя съ темнаго неба глазъ. Мысль его привязалась къ одной звѣздѣ, въ которой, кажется ему, свѣтится *она*, подаетъ вѣсть и призываетъ въ иной міръ: съ нею онъ только и дѣлитъ свои страданья. 6) Наконецъ онъ умираетъ; передъ смертью ему кажется, явилось все то, чего ждала душа, и „жизнь въ улыбкѣ отошла“.

Здѣсь развивается одна изъ самыхъ романтическихъ идей; вѣра въ родство душъ—родственныя души, еще не зная другъ друга, уже стремятся къ соединенію; чтобы угадать родство, достаточно одного звука голоса, на него уже отзовется родная душа, и загорится въ ней любовь, хотя бы даже не пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу. Люди могутъ помѣшать ихъ соединенію на землѣ, заставить страдать въ разлукѣ, но рано или поздно смерть соединитъ ихъ. Въ мечтаніяхъ о любимомъ существѣ здѣсь не послѣднюю роль играютъ звѣзды и луна, на которыхъ останавливается мысль мечтателя, стремящаяся къ небу: онѣ получаютъ въ его глазахъ особенное, таинственное значеніе, какъ бы посредники между двумя мірами, и отсюда опять переходъ въ мистицизмъ. Эта тема была одна изъ любимыхъ темъ нашихъ

романтиковъ, что̀ между прочимъ представилъ и Пушкинъ въ лицѣ Ленскаго:

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединится съ нимъ должна и проч.

Элевзинскій праздникъ (*изъ Шиллера*).

Призывъ на праздникъ богини земледѣлія, Цереры, и значеніе его, какъ воспоминаніе тѣхъ благъ, которыми богиня осчастливила человѣка: „Церера сдружила враждебныхъ людей, жестокіе нравы смягчила и въ домъ постоянный межъ нивъ и полей шатеръ подвижной обратила“. Здѣсь представляется, что первое основаніе цивилизаціи было земледѣліе: она начинается съ той минуты, какъ человѣкъ перешелъ отъ бродячей жизни къ осѣдлой, связалъ свой трудъ съ землею и составилъ общество. Чтобы вполнѣ оцѣнить благодѣяніе Цереры, поэтъ изображаетъ то дикое состояніе, въ какомъ человѣкъ находился въ началѣ, ведя жизнь кочевую; въ пещерахъ скалъ скрывался троглодитъ, по полямъ скитался номадъ, по лѣсамъ бѣгалъ звѣроловъ. Они-то своею дикостью и кровожадностью и поразили мать Цереру, когда она впервые сошла съ Олимпа на землю, отыскивая свою похищенную дочь Прозерпину (см. „Жалоба Цереры“, разборъ въ книгѣ г. Водовозова). Нигдѣ богиня не находитъ себѣ пріюта, нигдѣ не видитъ храма, по которому бы можно было заключить, что люди знаютъ и почитаютъ боговъ: человѣкъ повсюду представляется ей въ *глубокомъ униженіи*, а между тѣмъ онъ сотворенъ Зевесовой рукою, онъ облеченъ въ Олимпійскую красоту, онъ владѣлецъ всего земного міра, и для чего же? Для того, чтобы въ этомъ мірѣ онъ страдалъ, какъ узникъ, брошенный въ заточенье. Богиня сожалѣетъ, что къ богамъ еще не дошла земная скорбь, что никто изъ нихъ до сихъ поръ не сжалился надъ людьми и не вырвалъ ихъ изъ бездны бѣдъ. Но чтобы понимать горе другого, нужно самому чувствовать его въ собственномъ сердцѣ. Изъ боговъ только она одна узнала горе, потерявъ дочь; одна она и поняла его огорченнымъ сердцемъ, она-то и задумала возвысить человѣка *душою* изъ такой низости. Для

этого ему должно было вступить въ *вѣчный* союзъ съ древней матерью землею, узнать законы времени, познакомиться съ природою. Съ такими намѣреніями богиня является передъ дикарями въ своей небесной красотѣ:

Конченъ бой, они какъ тигры
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

При этомъ приглашеніи Церера содрогается, объявляя, что богамъ кровь противна, что въ такомъ состояніи люди не выше звѣрей, которые чужды богамъ; *чистымъ угодно только чистое.*

Даръ достойнѣйшій небесъ
Нивы колосъ первородный,
Сокъ оливы, плодъ древесъ,

слѣд., то, что земля можетъ давать человѣку отъ его трудовъ. Тутъ богиня научаетъ человѣка земледѣлію и первый снопъ приноситъ въ жертву Зевесу съ молитвою просвѣтить незнающихъ его. Вѣчный богъ не отринулъ жертвы и своимъ громомъ зажегъ снопъ въ знакъ того, что жертва ему угодна. Это чудо проникло въ сердца дикарей, смягчило ихъ, и съ той минуты начинается ихъ нравственное возвышеніе: является вѣра, богопочтеніе, покорность передъ божествомъ. Съ этимъ вмѣстѣ всѣ божества сходятъ съ Олимпа на землю къ человѣку и для его возвышенія передаютъ ему разныя познанія: въ образѣ Фемиды является между людьми сознаніе правды и права собственности, какъ первое основаніе общества; являются ремесла, строятся города для безопаснаго пріюта, плотину въ защиту отъ морскихъ приливовъ, развивается кораблестроеніе, разныя искусства, созидаются храмы, утверждается бракъ, какъ союзъ священный и прочное основаніе семейной жизни. Изъ всего этого создается *гражданство.* Теперь богиня Церера обращается уже не къ дикарямъ, а къ гражданамъ съ цѣлью опредѣлить имъ свободу, какъ нравственное основаніе жизни:

Въ лѣсѣ пищитъ *звѣрь* свободы,
Правитъ всѣмъ свободно *Богъ.*
Ихъ законъ—законъ природы.

Человѣку не можетъ принадлежать ни дикая свобода звѣря, безсознательно живущаго по закону своей природы, ни творческая свобода божества, выказывающагося также въ законахъ природы. Онъ своимъ зоркимъ умомъ, составляя звено между обѣими крайностями свободы, созданъ для гражданства, для жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Здѣсь лишь правами одними
Можетъ быть свободенъ онъ.

Эта нравственная свобода составляетъ благородство жизни, оно могло развиваться только въ союзѣ человѣка съ человѣкомъ,—въ союзѣ, который могъ совершиться посредствомъ связи человѣка съ землею. Этою мыслью и оканчивается стихотвореніе. Главныя его части: 1) дикое состояніе человѣка до земледѣлія; 2) явленіе земледѣлія; 3) развитіе цивилизаціи, какъ его слѣдствія; 4) нравственное благородство человѣка. Несмотря на то, что поэтъ развиваетъ здѣсь миѳъ изъ классической древности, самыя идеи, выраженныя въ немъ, не могли принадлежать той древности, которая признавала рабство, какъ явленіе законное. Здѣсь имѣется въ виду возвысить человѣка, какъ существо нравственно свободное, которое дошло до сознанія своей свободы черезъ цивилизацію, развившуюся изъ связи человѣка съ землею. Это одна изъ прекрасныхъ идей, развиваемыхъ романтизмомъ, который стремился разъяснить нравственныя достоинства человѣка и ими возвысить его природу, что́ можно встрѣтить особенно у Шиллера и что́ Пушкинъ, говоря о Ленскомъ, назвалъ *вольнолюбивыми мечтами*.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ идей и развивалась большая часть нашихъ писателей, начавшихъ настоящій періодъ русской литературы, который обыкновенно называютъ народнымъ.

Дополнительныя главы.

I.

Объ изученіи народной поэзіи.

Послѣ ученой разработки русскаго народнаго эпоса необходимо разсмотрѣть вопросъ объ его педагогическомъ значеніи, т.-е. какой педагогическій матеріалъ онъ можетъ представить при образованіи нашихъ юношей въ школѣ. Что знакомить съ нимъ учащихся необходимо, объ этомъ будутъ спорить развѣ только вывѣтрившіеся космополиты, которые въ національности видятъ какую-то помѣху общечеловѣческому развитію. Но такъ какъ наша собственная исторія убѣждаетъ насъ въ крайней несостоятельности космополитизма не только въ воспитаніи, но и въ дѣятельной жизни, убѣждаетъ и въ необходимости противопоставить ему національное воспитаніе, въ которомъ должны выразиться и эти общечеловѣческія стремленія, исключительно уважаемыя космополитами, то мы считаемъ для себя покончennымъ вопросъ, найдется ли въ національности разумная воспитательная сила. Въ ней мы находимъ большую силу и безъ нея, напротивъ, считаемъ невозможнымъ образовать русскаго человѣка для какой бы ни было общественной и государственной дѣятельности. Было у насъ много дѣятелей и умныхъ, и талантливыхъ, и образованныхъ, и добронамѣренныхъ, и неутомимыхъ въ трудѣ; но исторія находитъ мало добра отъ ихъ дѣятельности для общей жизни и указываетъ на зло, которое они творили безсознательно, принимая его за добро. Вся бѣда въ томъ, что они были космополиты, что воспитаніе не развило въ нихъ сознанія своей связи съ общею народною жизнью, вслѣдствіе чего они высокомѣрно относились къ ея интересамъ и потребностямъ, презрительно смотрѣли на личности, связанныя съ массою, и несмотря на свои общечеловѣческія стремленія, оказывались со взглядами слишкомъ узкими и односторонними. Одно европейское обра-

зованіе не дало имъ силы для благотворной дѣятельности, которую они сами вымышляли для себя, но на которую не вызывали ихъ общенародные интересы, другими словами, они хотѣли свысока благотворить обществу и народу отъ крупицъ со своего стола, а не служить имъ. Правда, были и такіе дѣятели, которые называли себя *патріотами*, но это былъ барскій патріотизмъ; онъ вытекалъ не изъ сознанія своей связи съ народомъ, а изъ чувства довольства своимъ общественнымъ или политическимъ положеніемъ, и изъ страха лишиться его. На самомъ дѣлѣ это не были настоящіе патріоты. Эти мнимые враги космополитизма были просто отсталые люди, испугавшіеся космополитизма и не прозрѣвшіе въ народѣ ничего, кромѣ наивной простоты и невѣжества. Наша исторія не можетъ дать длиннаго списка истинныхъ патріотовъ русской земли за два послѣднія столѣтія. Все это убѣждаетъ насъ искать воспитательной силы въ національности. Но это слово мы не употребляемъ вмѣсто слова *народность* въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли его лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, когда хотѣли опредѣлить духъ нашего общественнаго воспитанія. Тогда съ нимъ соединяли понятіе о китаизмѣ, о косности, неподвижности. Это было его оффиціальное значеніе. Произносили съ какимъ-то священнымъ убѣжденіемъ, что въ немъ скрывается таинственная сила, которая должна спасти общество отъ всякихъ треволненій и замѣшательствъ. Но никто не думалъ разъяснять въ подробностяхъ, что значитъ воспитывать въ духѣ народности. Нравилось только слово народность, какъ будто бы оно разрѣшало вопросы воспитанія, а слово *народъ* употреблялось въ смыслѣ простонародья; оно же никого не прельщало, а скорѣе отталкивало какъ существо, съ которымъ не хотѣлось имѣть ничего общаго, отъ котораго хотѣлось отдѣлиться на правахъ высшаго существа, но съ тѣмъ, чтобы изъ него извлекать для себя всевозможныя выгоды. И странное вышло противорѣчіе: народъ со своимъ невѣжествомъ и рабствомъ не уважался, скорѣе презирался, а народность была въ большомъ почетѣ и ставилась въ основу оффиціальнаго воспитанія.

Люди чиновные, особенно настаивавшіе на воспитаніи въ

духѣ народности, въ то же время ненавидѣли, а если были въ силахъ, то и преслѣдовали писателей, которыхъ литература почему либо назвала народными. Ясно, что хорошимъ словомъ „народность“ прикрывалось что-то вовсе не народное, даже что-то дурное, которое не хотѣлось или, можетъ быть, совѣстно было назвать настоящимъ именемъ. Воспитательнымъ средствомъ въ духѣ народности какъ будто служила исторія — всеобщая съ разными искаженіями и пропусками и русская съ похвальными словами патріотизму и разнымъ другимъ качествамъ русскаго народа. И тутъ опять выходило какое-то противорѣчіе — восхвалялся какъ будто не тотъ народъ, нравственной связи съ которымъ мы не видѣли въ нашихъ оффиціальныхъ воспитателяхъ. Насъ хотѣли заставить пользоваться и хвалиться прошедшею славою народа, къ которому въ настоящей дѣйствительности не показывали никакого уваженія; хотѣли возвеличить наше народное имя, и въ то же время считали предосудительнымъ сказать, что интересы нашей жизни не должны розниться съ общенародными интересами. И что же изъ этого выходило? Если въ комъ и развилось сознаніе своей тѣсной нравственной связи съ народомъ въ смыслѣ *націи*, то отъ другихъ случайныхъ вліяній, а никакъ не отъ сказаннаго воспитанія въ духѣ народности. Большинство же выходило или все тѣми же космополитами, или узкими эгоистами, пропитанными одними личными интересами, даже въ разрѣзъ съ общенародными. Оказывалось, что воспитаніе въ духѣ народности было только громкою, но безсодержательною фразою.

Вотъ почему мы не рѣшились употребить слово народность, а замѣнили его словомъ національность. Съ этимъ послѣднимъ соединяется понятіе о народѣ не въ смыслѣ простонародья, а въ смыслѣ націи, у которой есть своя тысячелѣтняя исторія и которая заключаетъ въ себѣ всѣхъ русскихъ людей. Живая нація въ идеальномъ представленіи предполагаетъ общіе интересы жизни массы, которыхъ не должны подавлять отдѣльные интересы сословій или частныхъ лицъ; каждое лицо должно сознавать и чувствовать свою нравственную связь съ массою какъ съ общимъ организмомъ, въ отдѣльности отъ котораго ни одинъ членъ не можетъ

исполнять своего назначенія. Нація сильна только этою общей связью всѣхъ своихъ членовъ; напротивъ, разрозненность ослабляетъ ее и приводитъ въ разстройство весь ея организмъ. Изъ этой связи и вытекаетъ истинный патріотизмъ, дающій личности нравственную силу въ ея общественной и государственной дѣятельности. Онъ не требуетъ косности въ національной жизни, не требуетъ удержанія однѣхъ и тѣхъ же формъ жизни, онъ требуетъ только яснаго сознанія общенародныхъ интересовъ и ревностнаго служенія въ ихъ пользу. Если необходимо, чтобы воспитаніе руководствовалось какими-нибудь идеалами, то оно не можетъ избѣжать и этого идеальнаго представленія націи. Съ нимъ оно должно соединить выгоды образованія и науку, въ которыхъ и заключается настоящая цивилизующая сила. Эта сила и не допуститъ національное чувство развиться до вредной крайности, до китаизма, до враждебности ко всему чужеземному, наконецъ до квасного патріотизма. Мы, русскіе педагоги, въ особенности должны постараться разъяснить себѣ значеніе національнаго воспитанія и оцѣнить воспитательную силу національности, потому что мы поставлены нашей исторіей въ обстоятельства совершенно особенныя. Воспитательная школа долгое время отчуждала насъ отъ прочей народной массы и прерывала всякую нравственную связь съ нею; доходило даже до того, что по рожденію русскіе люди дѣлались не русскими даже по языку и переставали понимать все русское; въ Россіи они дѣлались похожи на плантаторовъ среди чуждаго имъ населенія; понятно, что въ жизни хлопотали они или объ осуществленіи книжныхъ теорій, которыми увлекались на чужомъ языкѣ, не понимая условій русской жизни, выработанныхъ исторіей, или о своихъ личныхъ выгодахъ, которыя можно извлечь изъ чуждой имъ народной массы. Ясно, что имъ было выгодно прикрывать себя космополитизмомъ, потому что надо же чѣмъ-нибудь оправдывать свою исключительность; они какъ будто съ убѣжденіемъ говорили, что общечеловѣческое выше національнаго, и что ихъ призваніе самимъ просвѣщаться и просвѣщать другихъ общечеловѣческими идеями. Но въ своемъ мышленіи они не пошли далѣе этого, а между тѣмъ не трудно

было дойти до мысли, что одно общечеловѣческое можетъ существовать только въ понятіи, отвлеченно, а въ жизни нѣтъ общечеловѣка, въ жизни есть человѣкъ, прикрытый какимъ-нибудь народнымъ именемъ, которое и говоритъ объ особомъ складѣ его ума, объ особыхъ наслѣдственныхъ достояніяхъ всего его духа, объ особыхъ историческихъ условіяхъ его жизни, чего нельзя подавить и уничтожить, не обезличивъ человѣка, слѣд., не лишивъ его силы жить и дѣйствовать въ массѣ ему подобныхъ. Доказательствомъ всему этому служатъ тѣ же самые космополиты, оторванные отъ русской народной среды; они изъ своей воспитательной школы являлись безличными, безцвѣтными, и оказывались несостоятельными въ своихъ теоріяхъ, которыя сами по себѣ въ своихъ отвлеченныхъ выводахъ представляли истины, обѣщавшія при своемъ господствѣ въ жизни много добра. Но дѣло въ томъ, что всякая теоретическая истина можетъ проникать въ жизнь только при опредѣленныхъ условіяхъ; если же нѣтъ этихъ условій, то она можетъ только изуродовать жизнь и вмѣсто добра принести зло. Умѣть вникнуть въ существующія условія жизни и подготовить необходимое для принятія извѣстной истины можетъ только человѣкъ, понимающій эту общую жизнь въ ея настоящемъ и прошедшемъ, самъ переживавшій ее своимъ чувствомъ. А въ этомъ-то и оказывались безсильными наши дѣятели послѣ своей воспитательной школы. Впрочемъ, они составляютъ еще меньшинство. Прочихъ же кто-то мѣтко назвалъ интеллигентною колоніей; они въ самомъ дѣлѣ, какъ своекорыстные колонисты, только старались извлекать какъ можно больше для себя выгодъ изъ сношеній своихъ съ туземцами, а просвѣтительной миссіи на себя не принимали. Воспитательная ихъ школа не возвышалась до такого одушевленія; она показывала разницу между образованнымъ человѣкомъ и невѣжественною массою, но не указывала, что̀ между ними есть общаго, не призывала его на служеніе этой массѣ, не опредѣляла нравственнаго его долга въ отношеніи къ ней, словомъ, вмѣсто связи скорѣе производила разрывъ. Какая же бѣда въ томъ, спросятъ насъ. Бѣда та, что въ заключеніе мы всѣ оказываемся людьми отсталыми и очень-очень далеки

отъ идеала націи. Отсюда общія замѣшательства, общія недоумѣнія, общія страданія.

Итакъ, задачи русскаго воспитанія сблизить, породнить то, что въ прошломъ насильственно разрознено, привести въ сознательную нравственную связь обѣ части равно сильныя — одна своею интеллигенціей, которая до сихъ поръ не могла направиться на общую пользу, другая—своею тысячелѣтнею исторіей, своею крѣпкою связью съ землею, своею способностью къ безконечному труду, который до сихъ поръ недостаточно направлялся къ общей пользѣ. Какими же воспитательными средствами достигать этого? Здѣсь мы можемъ указать только на одно, очень важное, но, конечно, далеко не единственное, не исключительное. Это сближать юношу съ народнымъ духомъ черезъ изученіе или, по крайней мѣрѣ, близкое знакомство съ прошедшими фактами, въ которыхъ выразилась духовная жизнь народа. Въ нихъ не должно противопоставлять народное интеллигентному или общечеловѣческому, а напротивъ, находить и выяснять, какъ въ народномъ высказывались стремленія общечеловѣческія—къ истинѣ, правдѣ, добру, присущія каждому человѣку, что непремѣнно должно вызывать и сочувствіе къ такому народу. Въ этомъ случаѣ произведенія народной литературы и въ особенности *народныя былины* занимаютъ весьма важное мѣсто въ изученіи. Они могутъ ввести въ высшіе интересы прошлой жизни не одного какого-либо сословія или класса, не нѣсколькихъ личностей, а всего народа какъ націи, и вызвать сознаніе нашей исторической связи со всею массою, которая жила одними стремленіями, однимъ духомъ; они могутъ убѣдить, что въ народной жизни всегда были свои идеалы съ тѣми общечеловѣческими стремленіями, которыя давали всему народу нравственныя силы для жизни и съ которыми онъ устоялъ противъ историческихъ невзгодъ и страданій. Они, наконецъ, могутъ довести до сознанія, что въ прошедшей жизни народа съ самыхъ отдаленныхъ временъ былъ постепенный прогрессъ, т.-е. историческое развитіе въ національныхъ формахъ, что, слѣд., этотъ народъ способенъ къ духовному развитію, не отрекаясь отъ себя, способенъ отстаивать свою самостоятельность и сохранять свое достоинство, оши-

раясь на истину, правду и добро. Поставить юношу къ этимъ произведеніямъ такъ, чтобы онъ могъ прочувствовать русскую жизнь, которая въ нихъ изображается, вотъ въ чемъ должно заключаться стараніе русскаго педагога. Для этого нужно прежде всего, чтобы онъ самъ тепло относился къ дѣлу, чтобы въ особенности не позволилъ себѣ свысока посмотрѣть на самыя произведенія, какъ смотрятъ многіе наши космополиты, считая ихъ простыми сказками невѣжественнаго простонародья, надъ которымъ мы съ своими понятіями стоимъ много выше. Какъ скоро допустить такой взглядъ, то нечего и браться за ихъ изученіе, большого интереса они не представятъ. Пусть ученики сразу посмотрятъ на нихъ не какъ на сказки, любопытныя только потому, что ими до сихъ поръ занимаетъ себя простой народъ, а какъ на произведенія русскаго народнаго духа, прожившаго вѣка подъ различными впечатлѣніями и условіями своей исторической жизни.

Простое чтеніе этихъ былинъ и пересказъ содержанія, чѣмъ въ настоящее время многіе и ограничиваются, можетъ быть, и полезно, но недостаточно. Полезно оно въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ наивной народной рѣчью, съ народными идіотизмами, съ образами народной фантазіи, что имѣетъ хорошее вліяніе на выработку собственнаго слога, который у учениковъ бываетъ по большей части безцвѣтенъ. При этомъ я не разумѣю мѣстныхъ грамматическихъ формъ языка, съ которыми помѣщены различные пересказы въ нашихъ сборникахъ такъ, какъ они слышались изъ устъ пѣвцовъ съ ихъ мѣстными говорами. Изучать всѣ эти говоры есть уже дѣло постороннее, спеціальное, не связанное съ цѣлями общаго образованія. Поэтому въ своей хрестоматіи къ руководству для теоретическаго изученія литературы я и не старался сохранять всѣ мѣстныя формы. Недостаточно одного простого чтенія былины, потому что она безъ многихъ объясненій психологическихъ и историческихъ не можетъ возвысить взгляда ученика до настоящаго ея разумѣнія; онъ все-таки будетъ смотрѣть на нее, какъ на простыя выдуманныя сказки, наполненныя небывальщинами, можетъ быть, уже знакомыя ему съ дѣтства. Понять тѣсную связь

ихъ съ дѣйствительною народною жизнью ему очень трудно, а безъ этого не достижима и та цѣль, какую мы выставляемъ. Кромѣ того, простое чтеніе даже не заинтересуетъ юношей, воспитанныхъ вдали отъ впечатлѣній коренной русской жизни, какъ, напр., въ средѣ аристократической или съ претензіями примыкать къ ней. У нихъ для сравненія есть много рыцарскихъ разсказовъ, которыми съ дѣтства наполнялись ихъ головы иностранками-няньками или изъ иностранныхъ дѣтскихъ книгъ, и, конечно, ихъ собственное сравненіе будетъ не къ выгодѣ народныхъ пѣсенъ. Идеальныя рыцарскія черты всегда особенно прельщаютъ дѣтство и юность; не найдя ихъ въ нашихъ богатыряхъ, и самъ собою не подмѣтивъ въ нихъ другихъ, также возвышающихъ человѣка, юноша не отнесется къ нимъ съ такимъ сочувствіемъ, какъ къ своимъ излюбленнымъ рыцарямъ, и будетъ смотрѣть на богатырство не какъ на выраженіе народнаго героизма, а только какъ на выраженіе мужицкаго невѣжества, которое и грубо, и нисколько не интересно. Притомъ же и основаніе для сравненія у него будетъ невѣрно. Знакомые ему рыцарскіе разсказы всѣ болѣе или менѣе уже обработаны искусственно, съ эстетическими цѣлями, тогда какъ наши богатырскіе пересказы представляются въ ихъ безъискусственномъ творчествѣ. Понятно, что юношескій судъ будетъ на сторонѣ первыхъ, если будетъ судить по эстетическимъ впечатлѣніямъ, а безъ указаній и объясненій иначе онъ судить и не можетъ. Самъ собою онъ не пойметъ той широты русской народной жизни, какая выразилась въ нашихъ былинахъ и той узкости рыцарскихъ отношеній къ общей жизни.

Такимъ образомъ оказывается необходимость педагогически проникнуть съ учениками въ смыслъ русскаго народнаго эпоса; для этого нужно не простое чтеніе, а изученіе нѣкоторыхъ сторонъ его. Понятно, здѣсь методъ сравнительный, котораго держались наши ученые при изученіи народнаго эпоса, педагогически примѣненъ быть не можетъ: для этого, во-первыхъ, нужно-бъ было имѣть большой запасъ эпическихъ разсказовъ другихъ народовъ, и, во-вторыхъ, большой навыкъ въ сложныхъ соображеніяхъ и выводахъ, что́ было бы не подъ силу молодому уму. Здѣсь скорѣе мо-

жетъ быть употребленъ методъ *генетическій*, т.-е. изученіе можетъ ограничиваться указаніемъ на происхожденіе тѣхъ или другихъ чертъ представляемаго образа и на историческія наслоенія былины. Такъ въ приведенной въ моей хрестоматіи былинѣ *о Волхѣ* указывается первоначальная связь Волха съ образомъ миѳическаго существа, которое по своимъ признакамъ сходится съ *богомъ-громовникомъ*, далѣе связь его съ образомъ вѣщаго человѣка *кудесника*, одареннаго отъ божества чудесными силами. Съ нимъ же соединяется и образъ *бойца-звѣролова*, указывающій на первобытную эпоху жизни. Съ другой стороны, Волхъ связывается съ образомъ *воина*, историческаго *князя*, *дружинника*, распространителя и оберегателя русской земли; онъ же напоминаетъ и *варяжскихъ князей*, не привыкшихъ къ осѣдлости, съ ихъ набѣгами на чужія земли, съ ихъ страстью къ приключеніямъ, съ ихъ стремленіями къ югу найти болѣе привольныя поселенія. Наконецъ, въ немъ же мелькаетъ и *христіанскій образъ*: онъ является защитникомъ святыни, божьихъ церквей и монастырей; собственно это чувство и вызываетъ его въ индѣйскій походъ. Въ немъ же нельзя не замѣтить и врага татарскаго, на что указываютъ татарскія имена царя и царицы, которые сбираются идти противъ Руси *христіанской* и *земской* „Кіевъ за щитомъ весь взять, а божьи церкви на дымъ спустить“. На все это указывается въ неторопливомъ чтеніи съ объяснительными остановками, чему могутъ помочь подстрочные комментаріи, сдѣланные мною при былинѣ.

Тогда ясно будетъ, какъ образъ Волха развивался постепенно, изъ первоначальнаго миѳическаго образа, подъ впечатлѣніями дѣйствительной жизни отъ разныхъ историческихъ эпохъ. Всѣ эти черты, зародившіяся въ разные моменты народной жизни, сложились въ одинъ живой богатырскій образъ, живой потому, что онѣ оставались въ народной фантазіи какъ живыя вѣрованія, которыми фантазія въ данный моментъ и пользовалась для выраженія идеальныхъ стремленій народа. Этихъ высокихъ стремленій нельзя не замѣтить въ представляемомъ образѣ — служить всѣми своими силами, какія есть въ запасѣ, дѣлу общему—земскому, христіанскому, дружинному; въ немъ какъ будто выражается

самая нравственная и человѣколюбивая мысль: „большій (слѣд. и сильнѣйшій) изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“. Конечно, невозможно опредѣлить, когда развился этотъ идеалъ въ народѣ, но достаточно, что онъ *былъ* въ народномъ сознаніи и что, слѣд., имъ долженъ былъ облагораживаться нравственный образъ народа. Отсюда уже несомнѣнно, что высшія общечеловѣческія стремленія не были ему чужды. И затѣмъ едва ли можно будетъ сдѣлать заключеніе, что эти мужицкія сказки ничѣмъ не могутъ прельстить цивилизованное воображеніе.

Въ былинѣ *Микула Селяниновичъ* Волхъ является племянникомъ стольно-кіевскаго князя, слѣд., княземъ удѣльнымъ, объѣзжающимъ свой удѣлъ для сбора дани. Здѣсь онъ только представитель дружиннаго начала. Но главный интересъ не въ немъ, а въ Микулѣ, вѣщемъ пахарѣ.

Чудесная сила его представляется въ неутомимомъ трудѣ его надъ землею и въ его тяжелой сохѣ, доступной только его рабочей рукѣ и не поддающейся никакой другой силѣ. Эта сторона указываетъ на связь поэтическаго образа Микулы съ какимъ-либо первоначальнымъ миѳическимъ существомъ, которое народнымъ вѣрованіемъ связывалось съ земною силою. Очень вѣроятно, что и дружелюбная связь Микулы съ Волхомъ, миѳическимъ представителемъ *грома*, имѣла въ народной фантазіи свое особенное значеніе. И въ позднѣйшемъ бытовомъ представленіи въ образѣ Микулы выразилось сознаніе силы человѣческаго труда надъ землею, того громаднаго труда, который вѣками прикладывалъ русскій народъ, чтобы распахать свои необозримыя родныя поля, гдѣ онъ осѣдался и въ землѣ находилъ себѣ мать кормилицу. Съ тяжестью сохи соединились собственная сила и неутомимость Микулы, и развился почтенный образъ пахаря, неторопливаго, спокойнаго, важнаго въ своемъ трудѣ и сознающаго его достоинство; онъ очень просто доказалъ, что никакой другой силѣ не перегнать его на соловой его кобылкѣ, не сдвинуть съ мѣста его сошки, послушной только его рукѣ.

Здѣсь представляется крѣпкая коренная Русь, которая нашла свою силу въ землѣ и не отрывается отъ нея. Это высказалось въ народномъ сознаніи. Но, съ другой стороны,

нельзя не замѣтить, что тотъ же сильный пахарь охотно идетъ на зовъ князя съ его дружиною, когда, по его разсужденію, нужно наказать своекорыстныхъ людей. Здѣсь крѣпкая его связь съ другою силою, оберегающая землю. Въ народное сознаніе не вошло представленіе отчужденности двухъ силъ или враждебнаго ихъ отношенія, напротивъ, въ немъ выражается крѣпкая добровольная связь силъ, которыя должны составить мощь одного народа. Здѣсь одно общее дѣло соединяетъ всѣ силы для земской службы. Не выражается ли и здѣсь высшее нравственное стремленіе человѣка къ правдѣ, стремленіе возстановить ее тамъ, гдѣ она подавляется? Ко всему этому присоединяется еще симпатическая черта — стремленіе подѣлиться плодами своихъ тяжелыхъ трудовъ съ другими, поддержать чувство общественности, дающее людямъ нравственную силу. Это высказалось въ тѣхъ поступкахъ, по которымъ мужички величаютъ Микулу Селяниновичемъ. Онъ прилагаетъ свой трудъ не только для себя, но и помнитъ другихъ, чтобы было чѣмъ и имъ повеселиться. Эта идеальная черта не можетъ быть выпущена изъ виду для опредѣленія идеаловъ нашихъ былинъ.

Былина *Сухманъ-богатырь* связывается съ древнѣйшимъ временемъ образомъ самого Сухмана, отождествленнымъ съ рѣкою. Это видимо затемненный временемъ миѳическій образъ, олицетворившій стихійную силу; но образъ уже раздвоившійся; Сухманъ и матушка Нѣпра рѣка въ близкомъ миѳическомъ родствѣ между собою; тутъ какъ бы одинъ образъ развился изъ другого: въ первомъ произошло очеловѣченіе, тогда какъ во второмъ сохранилась болѣе стихійная сила. Нѣпра рѣка напоминаетъ въ Словѣ о полку Игоря обожествленный Донъ, тоже заступникъ за русскую землю противъ враговъ-кочевниковъ. Сухманъ и Нѣпра борятся съ однимъ и тѣмъ же врагомъ; но образъ очеловѣченный здѣсь оказывается могучѣе простого стихійнаго: въ то время какъ матушка Нѣпра выбилась изъ силъ въ борьбѣ, Сухманъ одолѣваетъ врага, хотя также не безъ потери силы. Цѣлебная сила маковаго листочка, точно такъ, какъ и лебедь бѣлая, съ которой у Сухмана предполагается также какая-то таинственная связь, одинако представляютъ миѳическіе слѣды.

Съ исторической дѣйствительностью былина связывается татарами и образомъ стольнаго князя. Этотъ послѣдній, связываясь съ временемъ миѳическимъ эпитетомъ *солнышко*, съ временемъ кіевскимъ — эпитетомъ *ласковый стольнокіевскій*, въ то же время не оправдываетъ своихъ эпитетовъ. Онъ уже выражаетъ впечатлѣніе отъ власти времени позднѣйшаго, того, которое вытекало изъ эпохи татарской. Это уже грозный князь, употребляющій земскихъ слугъ для своей личной службы; онъ уже караетъ тѣхъ, кто не съумѣлъ угодить ему, и знать не хочетъ его заслугъ передъ русской землей.

Здѣсь интересы государскіе и земскіе пошли врозь: пришло время богатырямъ сходить со сцены. Правда, князь, хоть и поздно, спохватился въ своей несправедливости и хотѣлъ-было вознаградить оскорбленнаго защитника русской земли, но это не помогло дѣлу: измѣнивъ свое рѣшеніе, онъ уже не могъ измѣнить своего нрава; допустивъ рознь интересовъ и разъ поддавшись несправедливой вспышкѣ, онъ можетъ повторить ее и другой, и третій разъ—никто его не удержитъ.

Настало другое время, и богатырь почувствовалъ безсиліе служить своему призванію. Онъ отдается своей судьбѣ, предпочитаетъ смерть отъ своихъ почетныхъ ранъ. Миѳическій образъ превращается въ ту же стихію, которую представлялъ онъ въ глазахъ того, кто переставалъ въ него вѣрить. Нравственный образъ Сухмана выражается въ слѣдующихъ чертахъ: онъ стремится услужить князю, онъ всѣми силами защищаетъ родную землю противъ враговъ, но волѣ князя онъ безпрекословно отдается въ руки его слугъ, выноситъ заключеніе, но душа его не можетъ вынести несправедливости и недовѣрія къ себѣ. Получивъ свободу, онъ уже не хочетъ жить, потому что ему не по совѣсти рабски отозваться на княжескій зовъ, на обѣщанье жаловать и миловать его; онъ не можетъ свободно, весело, безъ страха пировать на его пирахъ. Нѣтъ правды, нѣтъ вѣры—не стоитъ и жить. Кротко выражается мщеніе Сухмана: пусть за свою несправедливость князь не видитъ его въ ясны очи, а въ бѣдѣ пусть почувствуетъ, что нѣтъ у него усерднаго богатыря. Правда воз-

можна только тогда, когда сливаются въ одно интересы князя и слугъ родины; нѣтъ этого единства, и неправда умерщвляетъ богатырскія силы.

Въ былинѣ *Святогоръ* болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранились слѣды миѳическаго представленія стихійной силы.

Святогоръ только повидимому очеловѣченъ, но на самомъ дѣлѣ человѣческаго въ немъ одинъ внѣшній обликъ, и то не въ человѣческомъ размѣрѣ. Въ немъ выражается лишь одна стихійная всеразрушающая физическая сила и ничего нравственно-человѣческаго. Образъ его связывается съ горою, съ которою миѳическое представленіе смѣшивало тучу. Его появленіе производитъ на все земное такое же впечатлѣніе, какъ туча съ бурей и грозою. Земля едва можетъ сносить такую силу, отъ которой грузно самому богатырю; онъ незнаетъ даже, куда дѣвать ее и готовъ былъ своротить всю землю, еслибъ было на что опереться. Но земля противопоставила ему сумочку переметную, онъ думалъ свернуть ее шутя, одной рукой, а не хватило ему для этого и всей его силы. Въ усиліяхъ побороть ее нашелъ онъ и конецъ себѣ. Значитъ, въ этой сумочкѣ оказалась совсѣмъ особенная сила, какой не доставало представителю дикой и стихійной силы,— сила, которая и похоронила его въ землю. Трудно ясно опредѣлить, что давала народному представленію эта сумочка переметная; но если сообразить, что она ставится какъ нѣчто совершенно противоположное Святогоровой стихійной силѣ, то въ ней нужно предположить силу нравственную, которою владѣетъ человѣкъ, отчего она и представляется въ сумочкѣ, какую онъ носитъ или возитъ съ собою въ пути. Эта сумочка можетъ быть поставлена на ряду съ той тяжелой сохой, которую Микула, представитель осѣдлаго народа, повертываетъ одной рукой. Въ этой былинѣ ясно видится человѣческое сознаніе, выбившееся изъ-подъ стихійнаго вліянія и признавшее другія начала жизни, взявшія верхъ надъ стихійнымъ господствомъ.

Въ былинѣ *объ Ильѣ Муромцѣ* связь этого образа съ миѳическими преданіями указана въ моей хрестоматіи въ комментаріяхъ къ былинамъ. Остановка должна быть сдѣлана на отличительной чертѣ этого богатыря, что „ему смерть на

бою не писана". Въ ней видится связь съ древнѣйшимъ вѣрованіемъ въ судьбу, которое вообще было распространено у всѣхъ народовъ. Но замѣчательно, что въ нашихъ былинахъ сохранилось уже очень мало указаній на эту древность. Намекъ на судьбу видится еще въ былинѣ Илья Муромецъ и Батый-царь въ предсказаніи Муромцева коня о третьемъ роковомъ подкопѣ. Но вообще рядомъ съ этимъ темнымъ представленіемъ судьбы является господствующимъ ясное, уже позднѣйшее сознаніе свободной воли человѣка, что человѣкъ самъ себѣ устраиваетъ судьбу. Илья Муромецъ своими собственными усиліями нерѣдко доказываетъ, что воля человѣка выше судьбы. Это сознаніе должно было выработаться подъ христіанскимъ вліяніемъ. Такъ въ той же былинѣ роковому предсказанію коня Муромецъ противопоставляетъ христіанскую вѣру, упрекая коня, что тотъ не хочетъ служить за вѣру христіанскую. Собственная же воля богатыря всегда направляется указаніями *долга службы* за народъ, за землю, за христіанство, за князя, если его интересы сходились съ земскими, наконецъ за товарищей, какъ, напр., въ былинѣ „Раздоръ богатырей съ княземъ". Это стремленіе быть на стражѣ народныхъ выгодъ развивало и мягкія отношенія богатыря къ людямъ, если они не являлись врагами народа. Человѣколюбіе — черта весьма видная въ образѣ Ильи Муромца: онъ даетъ себѣ заповѣдь не кровавить рукъ, хотя и отправляется на такіе подвиги, которые должны сопровождаться кровавыми дѣлами. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ преступаетъ эту заповѣдь. Слезы вдовъ и сиротъ никогда не остаются у него неотомщенными. Самъ князь знаетъ, чѣмъ дѣйствовать на богатыря, чтобы склонить его на свою сторону и воспользоваться его силою (был. Ил. М. и Батый-царь). Этотъ образъ является первенствующимъ между всѣми богатырскими образами. Всѣ богатыри кіевскіе считаютъ Муромца своимъ старшимъ братомъ и всѣ охотно подчиняются ему. Зато и онъ постоянно является на стражѣ русской земли и постоянно ее отстаиваетъ. Въ немъ сильно развитъ общинный духъ, въ которомъ пропадаетъ его собственная личность.

Если онъ вступается за свою личность, то только тогда,

когда не хотятъ признать его богатырскихъ трудовъ, совершенныхъ для общей пользы. Если онъ хлопочетъ о своей славѣ, то только затѣмъ, чтобы враги знали силу святорусскихъ богатырей и боялись бы ея. Того чувства, которое называютъ эгоизмомъ въ немъ никогда не проявляется. Платы за свои труды онъ ни отъ кого не требуетъ и даже отказывается отъ добровольной дани. Хорошо сравнить образъ Ильи Муромца съ образомъ Владиміра Мономаха по лѣтописямъ и завѣщанію. Нравственное ихъ родство очень близко, что̀ доказываетъ, какъ рано въ русскомъ народѣ сталъ развиваться идеальный образъ оберегателя русской земли. Онъ оберегаетъ русскихъ людей не только отъ внѣшнихъ враговъ, но и отъ обидъ сильныхъ, кто бы они ни были. Князь лѣтописный и богатырь крестьянскаго рода былинный какъ два брата родные сходятся въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Началъ Илья свои подвиги въ крестьянской средѣ: первый свой трудъ онъ приложилъ къ землѣ, приготовивъ ее для пашни; но затѣмъ изъ нея выходитъ въ другую сферу, гдѣ требуется защита всей русской земли. Соловей разбойникъ пресѣкъ путь къ стольному Кіеву, нужно было соединить князя съ крестьяниномъ, защитить ихъ отъ вражеской силы. Защита русской земли съ стольнымъ княземъ была и защитою всего крестьянства. Здѣсь прекрасно припоминается умный совѣтъ лѣтописнаго Владиміра Мономаха прочимъ князьямъ— спѣшить въ походъ противъ Половцевъ, иначе они сами врасплохъ нападутъ на беззащитныхъ пахарей и разорятъ поля. Такъ тѣсно связываются всѣ интересы народной жизни, такъ взаимно служатъ другъ другу всѣ силы народа.

Если все это выразилось въ идеальномъ народномъ богатырѣ, то значитъ развилось и въ народномъ сознаніи, вошло и въ *народный духъ*, который воспитывается впечатлѣніями, остающимися отъ всей протекшей жизни.

Въ былинахъ о *Добрынѣ Никитичѣ* проведена борьба богатыря со змѣемъ, отчего онъ по преимуществу можетъ назваться *змѣеборцемъ;* слѣд., основа разсказовъ о немъ миѳическая. Родство его съ солнышкомъ княземъ также, можетъ быть, миѳическое, отчего впослѣдствіи онъ получилъ и лѣтописное имя Добрыни, родственника князя Владиміра. Въ

былинѣ онъ названъ племянникомъ кіевскаго князя. Но какъ святорусскій богатырь онъ является слугою русской земли. Отличительное его нравственное свойство—*вѣжливость*, т.-е. умѣнье обходиться съ людьми. Этимъ свойствомъ онъ нерѣдко служитъ князю и землѣ въ посольствахъ тамъ, гдѣ нужно уладить дѣло мирно. Съ этимъ соединяется въ немъ и находчивость, онъ прибѣгаетъ къ силѣ только тогда, когда испробуетъ другія средства. Онъ знакомъ и съ разными искусствами, умѣетъ играть въ тавлеи (въ шахматы), и на гусляхъ, и роль скомороха, и гдѣ нужно пользуется этимъ умѣньемъ для своихъ цѣлей. Роль его преимущественно *освободительная;* онъ освобождаетъ людей изъ плѣна, и не только русскихъ людей, но и чуждыхъ царей-царевичей, королей-королевичей. Это, такъ сказать, идеальная черта Добрыни, которая особенно возвышаетъ его и народъ, создавшій такой идеалъ,—черта, которую признаетъ за русскимъ народомъ сама исторія. Здѣсь уже нельзя не видѣть нравственнаго христіанскаго вліянія. Въ этомъ заключается *общественное* значеніе Добрыни. Нельзя не указать въ немъ еще одну замѣчательную черту. Исполняя свою службу, которая требовала пролитія крови часто неповинной, и при которой приходилось слезить отцовъ-матерей, вдовить молодыхъ женъ, пускать по міру сиротъ, Добрыня не видитъ въ этомъ славы, ему тяжела мысль о томъ горѣ, какое онъ приноситъ семьямъ; но ему не приходитъ и въ голову отказаться отъ тяжелой службы; онъ несетъ ее какъ свой долгъ, и только матери рѣшается повѣрить свою печаль. Вотъ какіе идеалы создавала народная фантазія подъ впечатлѣніями исторической жизни. Къ этому прибавимъ еще и *семейное* значеніе Добрыни,—черту, которая его еще болѣе *очеловѣчиваетъ*. Какъ племянникъ князя, онъ служитъ и его семейнымъ интересамъ, освобождаетъ изъ полона свою тетушку Марью Дивовну, князеву племянницу Запаву, дорожитъ болѣе всего покоемъ своей матери, наконецъ, съ постоянной любовью относится къ своей женѣ. Семейный интересъ и служба ставятъ его даже въ драматическое противорѣчіе и вызываютъ его на горькій упрекъ князю и княгинѣ, разыгравшимъ не совсѣмъ благовидную роль. Но въ этой драмѣ досталось Алешѣ Попо-

вичу не за то, что онъ съ помощью князя навязался въ женихи къ молодой женѣ Добрыни, а за то, что старая мать Добрынина слезила свои очи при ложномъ извѣстіи о выдуманной смерти ея сына. Хотя самая женитьба Добрыни отзывается еще миѳической эпохой, хотя Настасья Микулична, какъ дѣва-воительница, и является изъ стараго рода поленицъ удалыхъ, но, какъ жена, она уже представляется типомъ позднѣйшаго времени, когда стали вырабатываться въ жизни чисто нравственныя основы. Она сближается съ греческою Пенелопою и возбуждаетъ особенное сочувствіе.

Въ былинѣ о *Михаилѣ Потыкѣ* на миѳической основѣ, указанной въ комментаріи, видится наслоеніе христіанское, времена историческія съ тѣми именами, которыя имѣли значеніе въ русской исторической жизни.

Потыкъ, богатырь на службѣ, является въ мирной жизни типомъ русскаго разудалаго гуляки, который тратитъ свои силы въ винѣ, если нечѣмъ занять ихъ, но останавливается передъ какимъ-либо важнымъ дѣломъ и тотчасъ отрезвляется, найдя лучшій исходъ этимъ неистощимымъ силамъ. Въ такихъ страстныхъ натурахъ таятся черты мягкія, человѣческія, которыя могутъ идеализировать лицо. Такъ въ Потыкѣ проявляется идеальная любовь, въ которой не видится никакого насилія, а напротивъ, добровольное взаимное согласіе. Это нравственное поднятіе любви и брака въ святорусской землѣ ставится былиною даже выше матеріальнаго богатства—злата и серебра, которыя добывались другими богатырями для русскаго князя. Наконецъ, вѣрность данному слову также идеализируетъ человѣческій образъ Потыка: по смерти жены онъ нисколько не задумывается точно выполнить данное ей обѣщаніе, какъ условіе ихъ брака.

Въ былинѣ *Дюкъ и Чурила* представляется интересъ особаго рода. Здѣсь происходитъ состязаніе не оружіемъ и храбростью, а богатствомъ, что̀ и придаетъ ему оттѣнокъ комическій. Самые борцы вышли не изъ круга святорусскихъ богатырей, а являются въ Кіевѣ какъ силы пришлыя извнѣ. Чурила, разбогатѣвшій на счетъ трудящагося люда и обидчикъ его, приглашенъ княземъ въ придворную службу ради богатства, которымъ онъ и пользуется для собственнаго

удовольствія, плѣняя женщинъ своею красотою и щегольствомъ. Дюкъ, заѣзжій молодецъ-богачъ, затмеваетъ его своимъ богатствомъ и доказываетъ, что Русь можетъ славиться не богатствомъ, не роскошью; богаче и роскошнѣе живутъ въ другихъ земляхъ. Въ сопоставленіи же съ другими былинами вытекаетъ, что слава русской земли—въ святорусскихъ богатыряхъ, которые охраняютъ земскую жизнь отъ насильниковъ. Мать Дюка совѣтуетъ ему не хвастать супротивъ русскихъ могучихъ богатырей, съ силами которыхъ трудно тягаться другимъ силамъ; Дюкъ идетъ въ Кіевъ посмотрѣть на прославленную красоту города, на князя и богатырей его. Но у князя на ряду съ богатырями находитъ и пустого щеголя, который передъ княземъ имѣетъ свой голосъ, значитъ, свою силу. Онъ, повидимому, составлялъ главное украшеніе княжескаго двора; онъ же почелъ своею обязанностью и вступиться за обиду, какую нанесъ Дюкъ двору и князю указаніемъ, что ихъ жизнь еще далека отъ идеальной жизни, которую можно назвать богатою и роскошною. Былина представляетъ не то время, когда за честь князя вступались святорусскіе богатыри, потому что у нихъ была одна и та же честь. Теперь у князя она перешла въ тщеславіе, отсюда и состязаніе является комическимъ. Княжескій слуга-богачъ вызываетъ заѣзжаго обидчика состязаться въ щегольствѣ. По нѣкоторымъ былинамъ могучіе богатыри являются на сцену только тогда, когда нужно было спасти голову придворнаго щеголя. Въ нашей же былинѣ они посылаются описывать Дюково имѣніе, но здѣсь они оказываются безсильными: сила ихъ была не на то создана.

Въ былинахъ Новгородскаго эпоса слѣдуетъ указать на стремленіе личности заявить свою силу на счетъ общины,—стремленіе, выразившееся какъ въ лицѣ Садко, такъ и Василья Буслаева, и это настоящая личная сила, говоритъ проф. Миллеръ, существующая лично для себя самой и собирающая вокругъ себя другихъ на личную службу себѣ во имя ихъ личной выгоды и не только безъ всякой мысли о пользѣ общества, но даже прямо во вредъ ему, во вредъ новгородской общинѣ. Есть ли такое стремленіе слѣдствіе германскаго вліянія по близкому сношенію Новгорода съ нѣмец-

кою землею, какъ утверждаетъ проф. Миллеръ, или развивалось оно изъ другихъ причинъ, но оно составляетъ выдающуюся черту новгородскихъ былинъ, которыя тѣмъ и отличаются отъ былинъ кіевскихъ. Хотя въ былинѣ о Садко очень рѣзко сохранилась основа миѳическая, но главный интересъ ея уже историческій, какъ и въ былинѣ о Буслаевѣ. Въ нихъ отразились и купеческія богатства, и смертныя побоища Новгорода, и христіанскія стремленія примирить свою совѣсть съ жизнью, не согласно съ евангельскимъ ученіемъ: Василій кончилъ поѣздкою въ Іерусалимъ, Садко—построеніемъ соборной церкви. Въ этихъ же былинахъ рѣзче, чѣмъ въ кіевскихъ, представляется древнѣйшее сознаніе силы судьбы, съ которою бороться человѣку совершенно напрасно: она возьметъ свое.

Изъ сравненія былинъ новгородскихъ и кіевскихъ вытекаетъ, что первыя не успѣли развить такихъ идеальныхъ личностей, какія развивались въ послѣднихъ. Изъ раздора между силами личными и общинными ничего не вышло, а въ тѣсной связи личностей съ земщиною земля находила защиту отъ враговъ; изъ этой связи развивались тѣ идеалы, въ которыхъ выражались нравственныя стремленія народа или, иначе, народный духъ.

Приводить наши былины въ сравненіе съ народными разсказами другихъ народовъ было бы, можетъ быть, и полезно, но потребовало бы много времени, еслибы преподаватель вздумалъ дѣлать это въ классѣ вмѣстѣ съ учениками. Скорѣе ученикамъ можно назначать темы для небольшихъ сочиненій по этому предмету, такъ, напр., разсмотрѣть Добрынино и Ахиллесово отношеніе къ матери, или жена Добрынина Настасья и Пенелопа, или Илья Муромецъ и Ахиллесъ. Во всякомъ же случаѣ для прочности дѣла письменная переработка нѣсколькихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ самаго изученія предмета, необходима. Она заставляетъ вдумываться въ предметъ и съ этимъ выяснять себѣ многія понятія.

Изъ русскихъ сказокъ въ моей хрестоматіи одна, Иванъ-дуракъ, представляетъ образецъ перехода былины въ сказку и притомъ съ юмористическимъ оттѣнкомъ, что̀ уже указываетъ на новѣйшее впечатлѣніе жизни; настоящіе богатыри

здѣсь сохранили свой главный характеръ, но ихъ силами уже ловко пользуются другія лица для собственныхъ личныхъ выгодъ. Въ сказкѣ о Свинкѣ золотой щетинкѣ и пр. сохранились слѣды древнихъ миѳовъ солнца, грома, вѣтра и представленъ общій типъ въ нашихъ сказкахъ Ивана-дурачка, въ которомъ видится очеловѣченіе древнѣйшаго представленія перехода зимы къ лѣту, омертвѣлости и омраченія къ жизни и свѣту, или наоборотъ, что̀ одинаково выражается и въ исцѣленіи Ильи Муромца, или въ обращеніи Добрыни въ тура, или во временномъ погребеніи Потыка. Въ Иванѣ-дуракѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ — представляется не физическое, а умственное омраченіе или юродство, которое пользовалось въ народѣ большимъ уваженіемъ. Въ этомъ же лицѣ возводятся въ идеальныя черты нѣкоторыя качества, вошедшія въ народный характеръ, это—простота *себѣ на умѣ*, которая съ одной стороны кажется дуростью, а съ другой—связывается съ хитрымъ, находчивымъ умомъ, почти всегда торжествующимъ тамъ, гдѣ заносчивый и самонадѣянный человѣкъ оказывается въ дуракахъ. Здѣсь также выдается особенный характеръ народнаго юмора, развившагося изъ особыхъ условій жизни.

Сказка о *Козьмѣ скоробогатомъ*, съ одной стороны, въ лицѣ царя Зміулана связывается съ миѳическими сказаніями, съ другой—представляетъ образецъ животнаго эпоса съ остатками звѣроловнаго быта. Здѣсь довольно живо изображено проворство главнаго героя русскаго животнаго эпоса, Лисицы. Въ ней сохранилась и древняя эпическая черта животныхъ, которыя помогаютъ человѣку, если онъ помилуетъ ихъ и отпуститъ на волю. Сказка сочувственно относится ко всѣмъ хитрымъ продѣлкамъ лисицы, которыя вытекали изъ чувства благодарности къ бѣдному человѣку: она является какъ бы его судьбою и въ то же время олицетворяетъ въ себѣ силу хитраго, проворнаго ума, присущаго вообще русскому народу.

На изученіе исторической пѣсни, легенды и пѣсни лирической уже указано мною въ этой книгѣ. Думаю, что все это вмѣстѣ достаточно можетъ сблизить ученика съ духовною народною жизнью и убѣдить, что она не чужда обще-

человѣческихъ стремленій, равно можетъ обогатить юное воображеніе значительнымъ запасомъ поэтическихъ образовъ изъ народнаго творчества, которыми уже начали пользоваться наши новѣйшіе поэты.

II.

Упражненія въ логическомъ мышленіи.

Въ послѣдніе годы у насъ стали появляться руководства для упражненій учениковъ въ сочиненіяхъ и въ логическихъ упражненіяхъ. Всѣ они заимствуются, конечно, изъ нѣмецкой педагогической литературы, и не всегда удачно, а часто и легкомысленно. Дѣйствительно ли подобныя руководства помогаютъ нѣмецкимъ педагогамъ достигать предполагаемыхъ цѣлей, мы не знаемъ и даже сомнѣваемся, а русскіе подражатели не убѣждаютъ насъ своею практикою. Впрочемъ, далеко не всѣ заходятъ такъ далеко, т.-е. хлопочутъ о правильныхъ и послѣдовательныхъ логическихъ упражненіяхъ; очень многіе останавливаются только на искусственной обработкѣ фразы, схоластически упражняютъ учениковъ на періодахъ и воображаютъ, что эти упражненія имѣютъ большую образовательную силу. Формѣ даютъ слишкомъ большое значеніе, а содержанію слишкомъ малое. Отсюда ученикъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на формѣ, на искусственной фразѣ, не можетъ слѣдить за общимъ содержаніемъ и его развитіемъ; теряясь въ подробностяхъ и мелочахъ, онъ уже не видитъ цѣлаго, не видитъ той сущности, изъ которой могутъ вытекать подробности и мелочи.

Въ руководство молодымъ преподавателямъ я укажу не эти книжки, а замѣчательную статью г. Басистова, напечатанную во второмъ томѣ Учебно-воспитательной библіотеки *) (Матеріалы къ рѣшенію вопроса: что надобно дѣлать, чтобы ознакомить учениковъ съ разсужденіями?). Здѣсь

*) Изданіе учебнаго отдѣла Московскаго общества распространенія техническихъ знаній. 1878 г.

авторъ здраво и критически относится къ нѣмецкимъ заимствованіямъ и старается разъяснить дѣло, въ послѣднее время слишкомъ спутанное. Оттуда мы приведемъ двѣ-три мысли, о которыхъ преподавателямъ стоитъ подумать:

„Правильно и полезно укрѣплять и возвышать силу ученика упражненіемъ и напряженіемъ, но въ этомъ напряженіи должна быть мѣра. Если мы требуемъ того, что онъ можетъ сдѣлать, хотя и съ нѣкоторымъ усиліемъ, то этимъ возвышается радостное настроеніе его духа, и самый трудъ обращается въ удовольствіе; но требуя отъ него бо̀льшаго, налагая на него непосильныя задачи, можно отнять у него бодрость и отбить всякую охоту“.

„Большинство учащихся желаетъ учиться, понимая это слово въ самомъ простомъ смыслѣ: выучиться чему-нибудь. Между прочимъ всякому хочется выучиться писать. Отъ учителя словесности ученики надѣются пріобрѣсть это умѣнье писать. Они очень хорошо понимаютъ, что ученыя и письменныя „сочиненія“ задаются имъ именно для этой цѣли. Но чтобы они работали надъ своими задачами съ охотою, для этого надобно, чтобы *они сами* видѣли, что каждая задача необходима на своемъ мѣстѣ, что съ каждой новой задачей они подвигаются на шагъ впередъ въ умѣньи писать. Если они видятъ передъ собою опредѣленную цѣль и знаютъ, что задачи постепенно приводятъ ихъ къ этой цѣли, я увѣренъ, что они будутъ исполнять ихъ съ интересомъ, помимо интересности или неинтересности того, *о чемъ* имъ придется писать. Къ такому заключенію я былъ приведенъ собственнымъ опытомъ. Когда я могъ ясно показать своимъ ученикамъ, къ чему поведетъ та или другая задаваемая имъ работа и почему она нужна именно въ то время, когда задавалась, они исполняли ее охотно. Напротивъ, когда они не понимали цѣли и относительной надобности задачи, работа шла вяло, какъ говорится, только для очищенія совѣсти“...

„Въ рукахъ учениковъ сборники темъ съ указаніемъ частей и мыслей каждой части могутъ быть даже вредны. Ученическія упражненія и сочиненія по подобнымъ планамъ большею частью бываютъ упражненіемъ въ перефразировкѣ,

а иногда и въ простомъ переписываніи. Для учениковъ полезны планы только тогда, когда они выработаны ими самими подъ руководствомъ преподавателя. И если такой планъ ученикъ запишетъ, какъ и слѣдуетъ требовать, тогда на что ему книжка. Если же у него книжка, зачѣмъ онъ станетъ записывать, зачѣмъ онъ станетъ слушать толкованія учителя, когда знаетъ, что у него въ книжкѣ все это есть?"

Я не буду останавливаться на письменныхъ ученическихъ разсужденіяхъ, коснусь только логическихъ упражненій, изъ которыхъ должны вытекать разсужденія взрослыхъ учениковъ какъ опыты въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ. Никто, конечно, не будетъ спорить, что прежде нужно показать и научить, какъ люди правильно и логически разсуждаютъ, а потомъ уже примѣнять ученическія силы къ работамъ такого рода. Но при этомъ нужно положить въ основаніе мысль, на которую указываетъ и г. Баснстовъ: ученику уже давно знакомы практически тѣ естественные пріемы мышленія, которые онъ съ первыхъ минутъ сознанія употреблялъ и продолжаетъ употреблять, только не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Слѣд., главное стремленіе преподавателя должно состоять въ томъ, чтобы привести въ ясное сознаніе учениковъ естественные пріемы мышленія. Для этого лучше всего было бы обратить учениковъ къ самонаблюденію; но такъ какъ это дѣло очень не легкое, то можно начать съ наблюденія надъ мышленіемъ другихъ, для чего послужатъ разборы небольшихъ разсужденій, выбранныхъ изъ сочиненія писателей и конечно на темы, доступныя ученикамъ. Разумѣется, эта работа должна быть ведена съ учениками въ классѣ послѣдовательно и въ нѣкоторой системѣ. Такъ какъ мышленіе вытекаетъ изъ понятій, отъ ясности которыхъ зависитъ и самая правильность мышленія, слѣд. и истина, къ которой оно стремится, то на нихъ сначала и должно быть обращено вниманіе учениковъ.

Тутъ недостаточно только объяснить по учебнику, что такое понятіе и какія они бываютъ, нужно на разборахъ научить, какъ они *выясняются* въ нашемъ умѣ и какъ *опредѣляются*. Это есть первая ступень въ логическихъ упражненіяхъ. Перебравъ нѣсколько данныхъ образцовъ, умъ уче-

ника безъ труда и въ самомъ себѣ найдетъ тѣ же пріемы, что̀, конечно, освѣтитъ его собственное мышленіе и будетъ ему какъ бы толчкомъ для дальнѣйшихъ упражненій. Здѣсь мы можемъ только посовѣтовать: не спѣшить требованіемъ отъ ученика собственныхъ его письменныхъ работъ въ этомъ родѣ, пока въ умѣ его совершенно не выяснится то, чего можетъ потребовать его собственная работа. Всякое насиліе надъ умомъ не только запугиваетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ перерабатывать что-либо, но и вызываетъ отвращеніе отъ дальнѣйшаго труда. Наоборотъ, что̀ принято имъ ясно, то отъ упражненія входитъ въ привычку и укрѣпляетъ силы.

Логическое мышленіе выражается также въ стремленіи убѣдиться въ истинѣ того, что̀ заключается въ данномъ сужденіи, или найти новое сужденіе, какъ выводъ изъ наблюденій. Съ путями или съ пріемами, которыми достигаются такія цѣли, можно познакомится изъ разсужденій другихъ лицъ. При разборѣ разсужденій мы предлагаемъ не только разсматривать составъ и форму даннаго разсужденія, но и представлять, какимъ путемъ самъ авторъ могъ дойти до своего общаго сужденія, которое онъ теперь доказываетъ.

Въ моей хрестоматіи къ „руководству для теоретическаго изученія литературы“ подобрано нѣсколько опредѣленій и разсужденій, надъ которыми можно упражнять учениковъ, постепенно знакомя ихъ съ разными способами мышленія; здѣсь же я только укажу, на что̀ собственно слѣдуетъ обратить вниманіе въ каждой статьѣ.

Опредѣленіе и разъясненіе понятій.

1) *Языкъ* (Давыдова). Дѣлается *расчлененіе* (partitio): понятіе разсматривается въ его содержаніи или частяхъ (стороны логическая и фонетическая) и такимъ образомъ опредѣляется.

2) *Синонимы* (Давыдова). Въ опредѣленіи оказывается понятіе *родовое* (слово) и *видовое отличіе* (подобозначащія) и затѣмъ разъясняется это послѣднее. Въ заключеніе для большей ясности приводится *уподобленіе*.

3) *Человѣкъ* (Класовскаго). Сначала авторъ *выясняетъ* существенные признаки, входящіе въ понятіе *человѣкъ:* „вещественный и невещественный". Для этого онъ употребляетъ методъ сравнительный. Онъ разлагаетъ на составныя части понятіе человѣкъ (дѣлаетъ partitio) и чрезъ ихъ сравненіе находитъ, что всѣ онѣ, группируясь, подходятъ подъ два высшія понятія, которыя и составляютъ существенные признаки понятія „человѣкъ", т.-е. его содержаніе. Затѣмъ слѣдуетъ обыкновенное логическое опредѣленіе этого понятія, съ указаніемъ на ближайшій родъ и существенныя видовыя отличія

4) *Душевное спокойствіе* (Класовскаго). Здѣсь съ опредѣленіемъ для большей ясности соединяется сравненіе, гдѣ душа уподобляется морю со всѣмъ, что находится въ глубинѣ его, а сильныя внѣшнія на нее дѣйствія—вѣтру. Далѣе спокойное состояніе человѣка выдѣляется изъ другихъ его состояній эпитетомъ *самое высокое* и затѣмъ для наглядности указываются извѣстныя историческія личности, которыя отличались такимъ состояніемъ. Понятіе выясняется сравненіемъ и примѣромъ.

5) *Порывъ* (Класовскаго). Авторъ сначала раскрываетъ *содержаніе* понятія, потомъ *объемъ* его. Въ первой части указываются существенные признаки понятія: первый изъ нихъ (быстрое движеніе) выясняется *уподобленіемъ*; второй (дѣйствіе) — представленіемъ внутренняго (душевнаго) и внѣшняго (отношенія къ дѣйствительности) состоянія человѣка, наконецъ третій (непродолжительность)—происхожденіемъ и сущностью его (вспышка, а не разумное напряженіе). Во второй части дѣлается логическое дѣленіе (divisio) 1) на основаніи *происхожденія* (по чувству) — *пріятные, непріятные* и *смѣшанные* и 2) на основаніи связи съ разсудкомъ—*логичные* и *нелогичные*. Здѣсь представляется примѣръ *соразъединенія*.

6) *Темныя понятія* (Класовскаго). Здѣсь требуется *выяснить* одинъ изъ видовъ общаго понятія, другіе виды котораго ясны. Выясненіе происходитъ способомъ генетическимъ—указаніемъ на происхожденіе этого понятія.

7) *Бѣлизна* (Класовскаго). Указывается логическій путь,

какимъ доходятъ до этого отвлеченнаго понятія, и тѣмъ самымъ выясняютъ его.

8) *Братолюбіе* (Буслаева). Авторъ отдѣляетъ это понятіе отъ другого (человѣколюбіе), съ которымъ оно можетъ смѣшиваться. Съ одной стороны, онъ опредѣляетъ объемъ того и другого, съ другой—указываетъ на начало каждаго изъ нихъ. Изъ объясненія автора вытекаетъ, что оба эти понятія не могутъ назваться *соподчиненными* одного родового понятія—высшей добродѣтели—т.-е. быть равными членами.

9) *Непосредственный*. Автору нужно *выяснить* то понятіе, которое соединяетъ философія съ словомъ „непосредственный". Такъ какъ простое опредѣленіе этого понятія (*бытіе* и *дѣйствіе*, прямо изъ самого себя выходящее, безъ всякаго посредства) было бы слишкомъ отвлеченно и потому недоступно большинству, то авторъ, не ограничиваясь имъ, прибѣгаетъ къ особому способу выясненія *противоположеніемъ* двухъ понятій, т.-е. беретъ противоположное понятіе и, сопоставляя ихъ, выясняетъ одно другимъ. Для этого онъ приводитъ разныя явленія изъ жизни, въ которыхъ выказывается *непосредственность* и *посредственность*. Онъ опредѣляетъ, какія впечатлѣнія отъ лица (т.-е. отъ *бытія*) могутъ называться непосредственными и какія посредственными и отсюда выводитъ, что непосредственность заключается въ самой личности, въ ея бытіи. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, чѣмъ отличаются тѣ *дѣйствія* человѣка, которыя можно назвать *непосредственными*, и какъ къ этой непосредственности относятся воля и сознаніе. Отсюда онъ выводитъ различіе между словами *непосредственный* и *безсознательный* и ставитъ въ опредѣленныя отношенія понятія, соединенныя съ этими словами,—понятія, которыя безъ точнаго опредѣленія легко бы могли смѣшаться. Такимъ образомъ здѣсь общее понятіе въ самомъ опредѣленіи *раздѣляется* на низшія понятія (бытіе и дѣйствіе) и затѣмъ каждое объясняется въ примѣрахъ противоположеніями.

10) *Организмъ и механизмъ*. Противопоставляя два понятія, авторъ замѣняетъ ихъ другими словами (природа и ремесло) и указываетъ на ихъ противоположные признаки (содержаніе), при чемъ опредѣляетъ тѣ предметы, къ которымъ

можно отнести то или другое понятіе. Значитъ, дѣлаетъ *divisio*. Черезъ это у него всѣ предметы или произведенія раздѣляются на творческія и механическія. Для объясненія различія между ними онъ на примѣрѣ разсматриваетъ, какъ создаются или организуются первыя, слѣдовательно, выясняетъ существенный ихъ признакъ и отсюда выводитъ необходимое условіе ихъ существованія: таинственное сліяніе идеи съ формою. Этимъ выясняется значеніе организаціи Въ заключеніе указывается на понятія, которыя объясняются изъ понятія *организмъ* (особность, индивидуальность, личность).

11) *Идея*. Авторъ находитъ возможнымъ выяснить свое *понятіе* „генетически"—указаніемъ на тотъ путь, которымъ мы доходимъ до *идеи*, — путь совершеннаго отвлеченія отъ реальнаго міра; на этотъ путь выводитъ насъ стремленіе къ знанію; дойдя до идеи, можно осуществить ее, дѣлая явленіемъ индивидуальнымъ, личнымъ. Для нагляднаго разъясненія этихъ мыслей онъ употребляетъ *уподобленіе*, воспользовавшись сценами, созданными фантазіей поэта. Раскрывъ смыслъ этихъ сценъ, онъ въ то же время выясняетъ и данное понятіе.

12) *Русская пословица* (Буслаева). Цѣль автора—передать понятіе о русской пословицѣ, раздѣливши ея происхожденіе на періоды, то понятіе, какое онъ самъ составилъ себѣ черезъ ея изученіе. Отсюда вытекаетъ дѣленіе (divisio) русской пословицы по времени: доисторическая, историческая и позднѣйшаго времени. Такъ какъ понятіе составляется изъ общихъ признаковъ, то и содержаніе всего сочиненія должно состоять въ раскрытіи содержанія каждаго изъ этихъ соподчиненныхъ понятій.

Первыя (связанныя съ временами доисторическими) носятъ характеръ миѳическій, и потому не всегда ясны и опредѣленны; въ настоящемъ употребленіи смыслъ ихъ переносный.

Вторыя связываются съ разными моментами русской исторической жизни, и составившіяся подъ вліяніемъ уже христіанскихъ понятій, могутъ ходить и въ настоящее время въ значеніи какъ первоначальномъ, такъ и переносномъ.

Третьи—пословицы, примѣнимыя къ явленіямъ современной жизни.

Изъ всего этого самъ читатель можетъ вывести слѣдующее о русскихъ пословицахъ:

Общіе ихъ признаки (содержаніе): всѣ онѣ сохраняются въ народной рѣчи. Происхожденіе каждой связывается съ какимъ-либо періодомъ или моментомъ общей народной жизни.

Различіе между ними (объемъ): во время происхожденія и въ примѣненіи или пониманіи ихъ: однѣ понимаются въ значеніи первоначальномъ, другія въ переносномъ.

13) *Притча, послóвица и загадка* (Буслаева). Авторъ имѣетъ въ виду опредѣлить первоначальное значеніе каждаго изъ этихъ словъ, которыя въ позднѣйшемъ употребленіи смѣшиваются (т.-е. связать съ каждымъ опредѣленное начальное понятіе или опредѣлить его *содержаніе*). Для этого онъ пользуется вмѣстѣ съ словопроизводствомъ старинным и народнымъ языкомъ, вникая въ смыслъ слова въ каждый данный періодъ времени. Сначала изъ сравненія старинныхъ выраженій онъ выводитъ первоначальное значеніе слова „притча", затѣмъ указываетъ на переходъ притчи въ пословицу и опредѣляетъ первоначальное значеніе пословицы и его измѣненія; далѣе представляетъ соприкосновеніе пословицы съ загадкою и наконецъ позднѣйше значеніе загадки объясняетъ судьбою всѣхъ эпическихъ преданій. Такимъ образомъ всѣ три понятія, выразившіяся въ словахъ притча, пословица и загадка, подводятся подъ *общее*: иносказательное выраженіе, передающее старобытное вѣрованіе и убѣжденіе; но кромѣ того каждое изъ нихъ употреблялось и употребляется еще въ переносномъ значеніи.

14) *Новѣйшая русская пословица* (Буслаева). Она объясняется какъ *видъ* русской пословицы.

Изученіе позднѣйшей русской пословицы навело автора на мысль объ ея сходствѣ съ сатирой, комедіей, басней. Указывая на ихъ общее, онъ тѣмъ опредѣляетъ ея *содержаніе* и отличительную черту ея юмора.

Все это подтверждается примѣрами. Въ заключеніи указывается дѣйствительная связь между русской пословицей, и комедіей, и басней русскихъ писателей.

Логическая связь мыслей такая: то, что составляетъ сущность сатиры и комедіи—иронія, юморъ, насмѣшка, вошло и въ новѣйшую пословицу. Отсюда объясняется легкій переходъ народной пословицы въ комедіи и сатиры и мѣткихъ выраженій русскихъ юмористовъ въ пословицы, съ этимъ вмѣстѣ и новый источникъ для новыхъ русскихъ пословицъ. Этимъ опредѣляется видовое отличіе новѣйшей пословицы отъ старинной.

15) *Бытъ звѣролововъ въ русскихъ изреченіяхъ* (Буслаева). Авторъ имѣетъ въ виду *объяснить* происхожденіе нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ и реченій, сохранившихся въ русскомъ языкѣ.

Въ своихъ объясненіяхъ онъ держится слѣдующей основной мысли: вѣрованіе народное образуется подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни. Въ нѣкоторыхъ русскихъ пословицахъ отражаются народныя миѳическія вѣрованія, слѣдовательно, ихъ нужно разсматривать въ связи съ тѣмъ бытомъ, подъ вліяніемъ котораго образовалось самое вѣрованіе. Такъ какъ было время, когда славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, вели жизнь звѣролововъ, то и нѣкоторыя вѣрованія должны были образоваться подъ вліяніемъ этого быта, слѣдовательно, между пословицами и реченіями, отразившими миѳическія вѣрованія народа, должны найтись и такія, въ которыхъ видится древній бытъ звѣролововъ.

На основаніи этого убѣжденія авторъ отбираетъ часть такихъ изреченій и указываетъ на ихъ связь съ бытомъ звѣролова: въ однихъ изъ нихъ намекается на жилище бѣса или чорта, въ другихъ—на кровавыя жертвы, въ третьихъ—на оружіе.

> Пріемъ логическій — подведеніе частныхъ, отдѣльныхъ явленій (изреченія) подъ общее (народныя вѣрованія).

16) *Охотничій бытъ въ русскихъ изреченіяхъ* (Буслаева). Охотничьимъ бытомъ авторъ *объясняетъ* нѣкоторыя метафоры и аллегоріи въ русскомъ языкѣ. Въ основаніе своего объясненія онъ вводитъ мысль, что охота была у русскаго народа не только потѣхою, но и потребностью жизни, значитъ, охотничій бытъ долженъ былъ имѣть вліяніе на фан-

тазію, которая составляетъ метафоры и аллегоріи, посредствомъ сближенія разныхъ явленій жизни. Раскрыть эти сближенія и тѣмъ выяснить смыслъ изреченій — такова была цѣль автора.

17) *Русскіе народные лѣчебники и травники* (Буслаева). Передается понятіе о русскихъ народныхъ лѣчебникахъ и травникахъ.

Дѣлается опредѣленіе.

Указывается происхожденіе.

Подробное знакомство съ лѣчебниками дало автору такое опредѣленіе: книги, составляющія богатое собраніе всевозможныхъ суевѣрій, примѣтъ, обереговъ, причитаній или заговоровъ и отреченныхъ (запрещенныхъ церковью) молитвъ съ самою опредѣленною практическою цѣлью. Все это содержаніе авторъ назвалъ *суевѣрной поэзіей*, что̀ и вызвало его къ *объясненію* этой поэзіи. Она названа поэзіей, потому что представляетъ остатки древнихъ произведеній народной фантазіи; она названа суевѣрной, потому что, несмотря на свою фантастическую основу, отличается своею практическою примѣнимостью въ дѣлахъ житейскихъ. Перешедшая въ книги съ опредѣленною цѣлью въ видѣ наставленій, она составила Лѣчебники и Травники. Это мысли, добытыя авторомъ изъ его наблюденій и вошедшія въ составъ его *объясненія*.

Разборъ свѣдѣній, составляющихъ Лѣчебники, показываетъ, во-первыхъ, что источниками для нихъ служили не только русское, но и иноземное суевѣріе, во-вторыхъ, что цѣль ихъ двоякая: врачеваніе и совѣтъ, какъ поступить въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, для благополучнаго исхода которыхъ необходимы чарующее слово, молитва или заговоръ и вѣщая примѣта.

Расположеніе мыслей автора такое:

Происхожденіе народнаго суевѣрія.

Суевѣрная поэзія въ нашей древней письменности.

Лѣчебники или травники—одинъ изъ *видовъ* ея.

Источники лѣчебниковъ.

Смѣшеніе цѣлей.

Логическая связь между всѣми этими частями видна сама собою.

18) *Славянскій Эпосъ* (Буслаева). Въ опредѣленіи авторъ указываетъ на два существенные признака: характеръ героическій съ слѣдами миѳическаго вѣрованія въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Родовое его понятіе—произведеніе народной фантазіи. За этимъ опредѣленіемъ слѣдуетъ подтвержденіе изъ цикла русскихъ богатырскихъ былинъ.

Для ученическаго сочиненія можно дать такую тему: указать на связь другихъ народныхъ витязей съ миѳическимъ міромъ по былинамъ и подтвердить то же опредѣленіе.

19) *Трудъ* (Ушинскаго). Сдѣлавъ опредѣленіе понятія *трудъ*, авторъ разъясняетъ его, *отвлекая* понятіе „трудъ“ отъ всего, что̀ съ нимъ можетъ смѣшаться—механической работы, плутовства, игры, забавы. Отсюда выводятся главные признаки труда: трудъ долженъ быть добровольный, трудъ серьезенъ и тяжелъ, съ трудомъ непремѣнно соединяется сознанная человѣческая цѣль въ жизни. При этомъ авторъ предполагаетъ какъ истину неопровержимую, что истинно человѣческая цѣль въ жизни согласна съ христіанскою нравственностью, т.-е. она должна вытекать изъ любви къ человѣку и имѣть въ виду общую пользу.

Изслѣдованія.

20) *Крестьянская усадьба* (Буслаева). Примѣры изъ жизни убѣдили автора, что земледѣлецъ всегда съ горемъ покидаетъ свою старую усадьбу. Отсюда у него является выводъ: земледѣлецъ сердечно связанъ съ своею усадьбою. Онъ задается вопросомъ: почему образовалась такая связь. Отвѣты на этотъ вопросъ составляютъ содержаніе разсужденія. Слѣдовательно, въ немъ разъясняются *причины явленія*. Авторъ выходитъ изъ той неопровержимой мысли, что бытъ земледѣльческій невозможенъ безъ осѣдлости. Далѣе разъясняетъ, какую связь человѣка съ землею образуетъ эта осѣдлость; онъ видитъ связь внѣшнюю—въ трудѣ и силѣ, которые повѣряются землѣ, и связь внутреннюю—въ надеждѣ на довольство и благосостояніе, стремиться къ которымъ свойственно каждому человѣку. Усадьба есть только видимый

символъ союза человѣка съ воздѣлываемою имъ землею. Продолжительная жизнь или осѣдлость на одномъ мѣстѣ образуетъ привычку къ окружающимъ условіямъ, съ которою связывается спокойствіе и довольство; ими же человѣкъ всегда дорожитъ. Во второй части разсужденія въ подтвержденіе приводятся явленія изъ жизни, какъ необходимыя слѣдствія изъ указанныхъ причинъ. Изъ нихъ каждый самъ придетъ къ слѣдующему выводу: съ старой усадьбой у земледѣльца связывается воспоминаніе о самыхъ важныхъ моментахъ его жизни, съ новой же не представляется ничего, кромѣ неизвѣстности. Здѣсь авторъ отъ общаго положенія нисходитъ къ частнымъ явленіямъ, и частныя сводитъ къ общему.

21) *Чарующія средства въ природѣ* (Буслаева). Авторъ находитъ возможность объяснить нѣкоторые эпизоды изъ русскихъ былинъ старинными русскими лѣчебниками, въ содержаніе которыхъ входятъ народныя суевѣрія. При этомъ онъ предпосылаетъ небольшое разсужденіе, доказывающее, что *вѣра человѣка въ чарующія средства въ природѣ возникла въ древнѣйшія времена, когда человѣкъ жилъ миѳическими вѣрованіями*. Доказательствомъ ему служитъ объясненіе, какъ могла произойти такая вѣра. Она вытекала изъ особеннаго отношенія древняго человѣка къ природѣ:

1) Невѣдѣніе свойствъ и дѣйствій природы и непониманіе ея явленій заставляло человѣка отовсюду ожидать себѣ чуда и, слѣдовательно, искать въ природѣ чарующихъ средствъ для своей практической жизни.

2) Представленія природы и жизни при ихъ кажущейся таинственности человѣку должны были являться въ поэтическомъ колоритѣ и, слѣдовательно, связываться съ миѳическимъ эпосомъ, проникнутымъ чудеснымъ.

3) Человѣкъ видѣлъ самого себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ миѳическихъ эпизодахъ.

Такимъ образомъ таинственное отношеніе человѣка къ природѣ давало и матеріалы для поэзіи, и средства для удовлетворенія потребностей практической жизни.

Отсюда тѣсная связь между фантастическими предста-

вленіями былинъ и суевѣрными сказаніями старинныхъ лѣчебниковъ, имѣющихъ практическія цѣли.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ сравненію одного эпизода изъ русской былины съ сходными разсказами иноземныхъ сказокъ и объясняетъ все выписками изъ старинаго лѣчебника.

22) *Поэтическій интересъ старинныхъ русскихъ лѣчебниковъ* (Буслаева). Откуда могъ явиться этотъ интересъ?

По взгляду автора, изъ таинственнаго отношенія древняго человѣка къ природѣ вытекала его поэзія. Такое же отношеніе онъ замѣчаетъ и въ описаніяхъ, находимыхъ въ старинныхъ лѣчебникахъ. Отсюда, несмотря на ихъ практическое назначеніе, въ нихъ является и поэтическій интересъ, и, наоборотъ, въ эпическихъ пѣсняхъ во всѣхъ описаніяхъ природы выставляется ея практическое отношеніе къ человѣку. (Эта послѣдняя мысль подтверждается предъидущимъ разсужденіемъ).

23) *Собственныя имена въ русскихъ пословицахъ* (Буслаева). Изслѣдованію автора представилось множество пословицъ съ собственными именами. Перебравъ ихъ, онъ нашелъ, что всѣ эти имена употребляются въ разнообразныхъ грамматическихъ формахъ и притомъ съ выраженіемъ извѣстнаго смысла и характера. Отсюда для изслѣдованія онъ ставитъ на видъ вопросъ: откуда имена могли попасть въ пословицы? Онъ *предполагаетъ* (дѣлаетъ *гипотезы*) два источника, изъ которыхъ они могли возникнуть: или дѣйствительное лицо съ именемъ могло вызвать составленіе пословицы, или имя само по себѣ *какъ звукъ* безъ опредѣленнаго лица вошло въ изреченіе по какому-либо особому случаю. Оправдать первое онъ не находитъ возможности и допускаетъ его какъ частный случай; но изслѣдованіе привело его къ оправданію второго, которое онъ и принимаетъ за общій законъ. Для доказательства онъ выходитъ изъ слѣдующихъ общихъ мыслей, добытыхъ имъ черезъ наблюденіе:

Всѣ имена въ русскихъ пословицахъ—не русскія, слѣдовательно, по своему происхожденію непонятныя народу.

Народъ обыкновенно стремится осмыслить непонятныя чужія слова черезъ созвучіе съ словами понятными.

Это стремленіе и объясняетъ, почему явились въ пословицахъ многія собственныя имена: они тамъ не что иное, какъ созвучіе съ именами нарицательными, которыя ихъ осмысливаютъ, отчего происходитъ пріятная игра звуковъ. Это начало авторъ называетъ музыкальнымъ. Но такъ какъ не всѣ пословицы съ собственными именами представляютъ созвучія, то авторъ ищетъ и другого начала, и находитъ еще въ одномъ стремленіи народнаго духа — избѣгать названій отвлеченныхъ и вмѣсто нихъ употреблять болѣе образныя. Эта замѣна имени нарицательнаго собственнымъ въ пословицахъ не что иное, какъ выраженіе того стремленія. Авторъ называетъ это начало пластическимъ и подводитъ подъ одинъ изъ троповъ участвующихъ въ составленіи разныхъ реченій во всякомъ языкѣ. Такимъ образомъ доказывается главная мысль разсужденій автора: имена собственныя входятъ въ русскія пословицы вслѣдствіе начала фонетическаго и пластическаго, присущихъ живому народному языку.

24) *Значеніе умственнаго труда* (Ушинскаго). Авторъ хочетъ доказать истину того сужденія, что *умственный трудъ необходимъ для развитія здороваго* и *нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла*. Для этого онъ беретъ умственный трудъ какъ понятіе *соподчиненное* съ другимъ понятіемъ—трудъ физическій или, иначе, общее понятіе трудъ представляетъ въ двухъ *видахъ* — физическій и умственный. Далѣе указываетъ, что способность развивать и поддерживать физическія силы человѣка не есть *видовой* признакъ физическаго труда, но входитъ и *въ общее понятіе* труда, слѣдовательно, принадлежитъ и труду умственному. Это онъ и доказываетъ. Первое доказательство — *опроверженіе* противоположнаго мнѣнія, будто умственный трудъ вредитъ организму. Примѣрами онъ убѣждаетъ, что организму вредитъ и чрезмѣрный физическій трудъ не менѣе чрезмѣрнаго умственнаго труда. Слѣдовательно, вреденъ не трудъ, а его чрезмѣрность. Значитъ, доказательство противниковъ не состоятельно. Авторъ идетъ еще далѣе и доказываетъ примѣрами, что одинъ физическій трудъ при душевномъ бездѣйствіи не можетъ укрѣпить здоровья.

Отличительнымъ признакомъ труда физическаго онъ ста-

витъ способность развивать и укрѣплять мускулы, а труда умственнаго развивать нервную систему, съ которой связываютъ разныя физіологическіе процессы жизни, а правильность ихъ очень важна для здороваго состоянія тѣла. Отсюда выводится значеніе умственнаго труда въ физической жизни человѣка и тѣмъ подтверждается мысль, выставленная въ началѣ.

Здѣсь логическій процессъ заключается въ строгомъ разграниченіи двухъ понятій, основанномъ на разъясненіи закона физической жизни человѣка.

25) *Вліяніе труда на чувства* (Ушинскаго). Мысль автора: трудъ имѣетъ вліяніе живительное и освѣжающее на чувство и есть единственно-доступное человѣку на землѣ и единственное достойное его счастье.

До первой мысли авторъ дошелъ личнымъ ощущеніемъ и наблюденіемъ надъ другими. Ее подтвердилъ ему и неизмѣнный психическій законъ, касающійся наслажденій, которыя, не сопровождаясь трудомъ, не только быстро теряютъ свою цѣну, но также быстро опустошаютъ сердце человѣка и отнимаютъ у него одно за другимъ всѣ его лучшія достоинства. Провѣрка этого закона въ проявленіяхъ жизни отдѣльныхъ лицъ убѣждаетъ автора, что люди ошибаются, отыскивая счастье въ однихъ наслажденіяхъ (т.-е. *смѣшивая два понятія*): оказывается, что наслажденія, какъ бы много ихъ ни было собрано въ одну жизнь, еще не счастье.

Итакъ, если счастье возможно, то остается одинъ трудъ, который, давая нравственное значеніе наслажденіямъ, можетъ помочь человѣку найти счастье (вторая мысль).

Логическое построеніе рѣчи слѣдующее: труду сопоставляются наслажденія, которыя дѣйствуютъ исключительно на чувство. Разсмотрѣвъ слѣдствіе того и другого, авторъ дѣлаетъ выводъ въ пользу труда: съ нимъ только и можетъ соединиться истинное счастіе.

26) *Богатство и счастіе* (Ушинскаго). Къ соединенію этихъ двухъ понятій автору послужили два обыкновенныя стремленія въ жизни человѣка: стремленіе къ богатству и счастію; чаще второе ищется въ первомъ. Вслѣдствіе этого авторъ и разсматриваетъ, при какихъ условіяхъ богатство можетъ

принести счастіе, или когда богатство можетъ быть причиною счастія.

Главная его мысль: нравственное достоинство и счастіе человѣка понижаются по мѣрѣ увеличенія его богатства, если вмѣстѣ съ матеріальными его средствами не растутъ его духовныя силы. Изъ этой мысли вытекаетъ другая, выставленная въ самомъ началѣ. Она подтверждается наблюденіемъ надъ жизнью неразвитого, разбогатѣвшаго крестьянина. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что богатство избавляетъ человѣка отъ физическаго труда, а по малому духовному развитію онъ не можетъ занять себя никакимъ высшимъ или духовнымъ трудомъ, отсюда объясняется, отчего онъ скоро переходитъ къ праздности, которая обыкновенно ведетъ къ порочнымъ наклонностямъ, унижающимъ достоинство человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ведущимъ къ гибели, слѣдовательно, не къ счастію.

Итакъ, человѣкъ долженъ приготовиться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, чтобы выдержать свое богатство, слѣд., чтобы найти въ немъ счастіе. Доказательства почерпаются авторомъ изъ наблюденія надъ жизнью. Все логическое развитіе мысли автора можно представить въ такомъ видѣ:

Гибель человѣка противоположна счастію.

Къ гибели ведетъ праздность.

Праздность вытекаетъ изъ отсутствія труда—физическаго или умственнаго.

Для умственнаго труда трѣбуется въ извѣстной степени умственное развитіе.

Безъ умственнаго труда остается еще трудъ физическій.

Отъ физическаго труда избавляетъ богатство.

Слѣд., разбогатѣвшему и умственно не развитому человѣку не остается никакого труда.

Безъ труда же ожидаетъ его гибель: онъ не вынесетъ своего богатства.

Отсюда и вытекаетъ главное сужденіе автора объ отношеніи счастья къ богатству.

27) *О народностяхъ* (Ушинскаго). Не всякій народъ можетъ быть историческимъ.

Историческому народу необходимъ прогрессъ цивилизаціи. Остановка развитія ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ.

Эти идеи авторъ вывелъ изъ наблюденія надъ исторіей человѣчества. Она ему показала при помощи индукціи, что по силѣ своей живучести народы рѣзко отличаются другъ отъ друга. На основаніи этого качества онъ и раздѣлилъ *общее понятіе* „народность“ на четыре *вида* или группы. Изъ характеристики каждой группы онъ выводитъ указанныя мысли. Главная изъ нихъ послѣдняя, къ разъясненію которой служили первыя.

28) *Значеніе гражданскаго чувства въ народной жизни* (Ушинскаго). Цивилизація безъ развитого чувства гражданственности вредно дѣйствуетъ на народную нравственность не только въ сферѣ общественной жизни, но и въ сферѣ жизни семейной. Эту мысль авторъ выводитъ изъ наблюденія надъ жизнью русскаго народа. Онъ находитъ, что простой русскій человѣкъ въ своей семьѣ является не такимъ, какимъ внѣ семьи; въ немъ происходитъ раздвоеніе; за границами семьи онъ не можетъ руководствоваться тѣми патріархальными правилами нравственности, которыя связываютъ его съ семьею; а вмѣсто нихъ онъ не получаетъ ничего, отсюда является крайній эгоизмъ и безнравственность въ сферѣ общественной жизни,—безнравственность, которая мало-по-малу начинаетъ переходить и въ семью, разрушительно дѣйствуя на патріархальную или семейную нравственность. Факты, выбранные изъ дѣйствительности, какъ доказательства составляютъ главное содержаніе разсужденія автора. Чтобъ уничтожить вредное вліяніе эгоизма, необходимо воспитать въ русскомъ человѣкѣ чувство общественное или гражданское; до сихъ же поръ почти единственнымъ воспитателемъ нашего крестьянина являлся семейный бытъ, со своимъ патріархальнымъ христіанствомъ. Для этого новаго воспитанія необходимо, чтобы крестьянинъ почувствовалъ себя окончательною цѣлью государственныхъ заботъ, тогда онъ почувствуетъ себя гражданиномъ государства и въ его сердцѣ разовьется безкорыстное общественное чувство. Отсюда общій выводъ: гражданское чувство вноситъ нравственность въ народную жизнь.

Все логическое развитіе мысли представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общее понятіе „жизнь“ дѣлится на два вида: семейная и общественная. Отличительный признакъ первой—семейная нравственность, развивающаяся изъ взаимной родственной любви членовъ семьи: любовь младшихъ развивается любовью и заботами о нихъ старшихъ. Здѣсь всѣ близкіе между собою, родные, чужихъ нѣтъ, кругъ очень тѣсный. Отличительный признакъ общественной жизни—кругъ широкій, все не свои, чужіе, значитъ, правила семейной нравственности, основанной на родственной любви, здѣсь недостаточны. Нужны другія основы нравственности. Авторъ видитъ ихъ въ чувствѣ гражданственности, которое должно поставить человѣка въ правильное отношеніе къ общественному закону—исполнять его не изъ страха наказанія, а изъ сознанія долга. Такимъ образомъ въ общественной русской, жизни въ которую переносятся плоды цивилизаціи, авторъ не находитъ той нравственности, которая должна быть *отличительнымъ ея признакомъ*. Этимъ онъ объясняетъ безнравственныя стремленія лицъ, явившихся среди нея съ одной своей патріархальной нравственностью. Причину, отчего въ этомъ *видѣ* жизни не развился главный отличительный ея признакъ, авторъ видитъ въ томъ, что при самомъ вступленіи такого человѣка въ общественную жизнь, она обращается къ нему только съ эгоистическими разсчетами на его дѣятельность. Отсюда естественно и въ немъ самомъ долженъ развиваться крайній эгоизмъ. Слѣдственно, дѣйствіе противоположное, т.-е. безкорыстное желаніе ему добра со стороны общества должно развить и въ его сердцѣ безкорыстое чувство и вызвать гражданскія доблести. Иначе общественная безнравственность будетъ наконецъ вредно дѣйствовать и на семейныя добродѣтели.

29) *Національность въ русской поэзіи.* Разсужденіе автора вызвано несогласіемъ его взгляда со взглядомъ большинства русскаго общества на романъ Евгеній Онѣгинъ Пушкина. По его взгляду, первая истинно-національная русская поэма въ стихахъ была и есть Евгеній Онѣгинъ. Большинство же не хотѣло ее назвать національною. Автору нужно было до-

казать справедливость своего взгляда и опровергнуть взглядъ противоположный. Для этого ему нужно было разъяснить вопросъ о національности, и онъ ставитъ его такимъ образомъ: можетъ ли русскій человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ перестать быть русскимъ, и можетъ ли художественное поэтическое произведеніе быть не національнымъ.

Въ самомъ началѣ разсужденія онъ выставляетъ общіе выводы, сдѣланные имъ изъ наблюденія надъ поэзіею, связываетъ ихъ съ вопросами о національности, какъ *бо́льшую посылку съ меньшею* и затѣмъ дѣлаетъ послѣднее заключеніе. Вотъ эти выводы: богатство содержанія поэзіи заключается въ разнообразіи страстей, въ тонкихъ оттѣнкахъ чувствъ въ многосложныхъ отношеніяхъ людей, общественныхъ и частныхъ. Все это можно найти только въ сильно развивающейся или развившейся цивилизаціи. У насъ только одинъ классъ по своему образу жизни и обычаямъ представляетъ болѣе развитія и умственнаго движенія, слѣдовательно, поэзія только въ немъ можетъ находить наиболѣе богатую почву. Съ другой стороны, авторъ принимаетъ за истину, что національность составляетъ одно изъ высочайшихъ достоинствъ поэтическихъ произведеній (меньшая посылка при большей: поэтическое произведеніе должно отмѣчаться важными достоинствами), и отсюда выводитъ какъ слѣдствіе, что лучшія произведенія должны быть національны. Изъ всего этого вытекаетъ слѣдующее положеніе: лучшихъ произведеній и, слѣдовательно, истинно-національныхъ у насъ должно искать только между такими созданіями, которыхъ содержаніе взято изъ жизни сословія, создавшагося по реформѣ Петра Великаго и усвоившаго себѣ формы образованнаго быта. Въ такомъ случаѣ и въ этомъ сословіи должна быть также національность. Но есть ли она въ самомъ дѣлѣ? Вотъ тутъ-то авторъ и расходится съ большинствомъ, что́ и заставляетъ его разсмотрѣть взглядъ этого большинства. Оно ищетъ національности только во внѣшнихъ формахъ и потому признаетъ ее только въ простонародьѣ, слѣд., въ его глазахъ національны только тѣ произведенія, которыя изображаютъ простонародную жизнь. Въ этомъ взглядѣ авторъ видитъ и источникъ пустой боязни нѣкоторыхъ, чтобы мы всѣ не

онѣмечились. Если онъ докажетъ, что эта боязнь дѣйствительно пустая, то этимъ докажетъ, что нечего бояться за національность въ русскомъ образованномъ человѣкѣ и обществѣ. Доказательство свое онъ основываетъ 1) на примѣрѣ: ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не утратилъ своей національности подъ вліяніемъ общеевропейскаго образованія: каждый другъ отъ друга рѣзко отличается и физическою, и нравственною физіономіею; 2) на связи національности съ почвою и климатомъ страны, занимаемой народомъ, которыхъ не можетъ измѣнить западно-европейское вліяніе; 3) на развитіи русской національной силы съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій сблизилъ русскихъ съ Европою. Авторъ признаетъ замѣченную всѣми въ русскомъ народѣ способность примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ русскому случается жить. Но онъ видитъ въ этомъ достоинство и не находитъ достаточной причины опасаться, что русскій хоть на минуту, не шутя, можетъ сдѣлаться не русскимъ, если на своемъ лбу не будетъ носить національнаго клейма. Доказательствомъ служитъ ему убѣжденіе, что *форма и сущность не одно и то же*, и *усвоить чужую форму совсѣмъ не то, что отрѣшиться отъ собственной сущности*. Въ этомъ его убѣждаютъ тѣ русскіе галломаны, англоманы, германоманы, которыхъ не могутъ признать за своихъ соотечественниковъ ни французы, ни англичане, ни нѣмцы, несмотря на все ихъ стараніе.

Такимъ образомъ, доказавъ, что отъ своей сущности нельзя отречься ни одному классу народа, авторъ уже считаетъ доказанною несправедливость страннаго мнѣнія, оглашающаго не русскимъ все, что́ есть въ Россіи лучшаго и образованнѣйшаго, а съ этимъ вмѣстѣ и неосновательность того мнѣнія, будто русскую народность должно искать только въ сочиненіяхъ, которыхъ содержаніе заимствовано изъ жизни низшихъ и необразованныхъ классовъ.

Въ связь со всѣмъ этимъ авторъ ставитъ такое положеніе: нужно имѣть большой талантъ и быть національнымъ въ душѣ, чтобы найти національные элементы въ жизни, на половину прикрывшейся прежде чуждыми ей формами, слѣд., и русскій поэтъ можетъ себя показать истинно-національ-

нымъ только изображая въ своихъ произведеніяхъ жизнь образованныхъ сословій. По взгляду автора истинная художественность и національность сливаются, потому что первая должна быть вѣрна духу изображаемой имъ дѣйствительности, сущность которой должна быть національна.

Общее заключеніе: если у насъ лучшія художественныя произведенія изображаютъ жизнь образованнаго класса, то значитъ они непремѣнно національны.

Всѣ эти мысли сводятся къ слѣдующему силлогизму:

Подъ вліяніемъ чужой цивилизаціи могутъ измѣняться формы жизни, но не духъ народа.

Измѣнившіяся формы русской жизни не могли подавить народнаго духа, который составляетъ сущность національности.

Значитъ и новыя формы жизни русскаго образованнаго общества не мѣшаютъ ему быть національнымъ.

Этотъ выводъ сводится съ предыдущимъ выводомъ о художественныхъ произведеніяхъ:

Лучшіе художественныя произведенія должны быть національны.

Въ русской литературѣ лучшія художественныя произведенія представляютъ жизнь образованнаго общества, значитъ, они должны быть національны.

3о) *Изученіе древней исторіи* (Леонтьева). Тема: изучать древность слѣдуетъ не для того, чтобы учиться у ней, а чтобы ее постигнуть; для этого разработка древности должна быть *научная*—спокойная и совѣстливая, безъ чего исторія не можетъ быть наукою.

Здѣсь авторъ дѣлитъ изученіе предмета на практическое и теоретическое или научное.

Прежде всего онъ разсматриваетъ вопросъ: при какомъ условіи можетъ существовать наука, и доказываетъ, что интересы науки должны быть безкорыстны, т.-е. безъ всякой мысли о практическомъ примѣненіи. Доказательства его могутъ назваться *опытными* и отрицательными. Онъ указываетъ на естествоиспытателя, астронома, которые бы не стали заниматься каждый своею наукою, еслибы ихъ не привлекалъ частный интересъ знанія безъ всякаго вопроса, какую практи-

ческую пользу принесутъ найденныя ими истины. Отсюда дѣлается выводъ, что только чисто-теоретическое направленіе имѣетъ *научный* характеръ. Исторія подводится подъ общее понятіе „науки“.

Изъ этого общаго положенія выводится, что направленіе исторической науки должно быть чисто теоретическое, т.-е. ради интереса знанія, а не ради поученія въ примѣненіи къ своей современности (слѣд., исторія должна непремѣнно содержать въ себѣ признакъ общаго понятія). А это сближаетъ изученіе явленія историческаго съ изученіемъ явленія природы, т.-е. стараются разгадать историческое явленіе въ его собственномъ, а не относительномъ значеніи (родовой признакъ въ двухъ соподчиненныхъ понятіяхъ). Такимъ образомъ и историкъ сближается съ натуралистомъ. Оба одинаково являются созерцателями, которые покоряютъ разуму предметъ своего изученія, слѣд., и историкъ можетъ любоваться какою-нибудь эпохою и говорить о ней съ жаромъ и увлеченіемъ, не унижая нисколько современной себѣ эпохи. Изъ этого выводится, что при теоретическомъ изученіи исторіи историкъ занимаетъ достойное мѣсто какъ ученый, не забывая въ себѣ члена новаго христіанскаго человѣчества.

Далѣе авторъ находитъ *отличительные признаки* обоихъ *соподчиненныхъ* понятій; онъ допускаетъ возраженіе, что есть различіе между изученіемъ природы и исторіи, такъ какъ въ исторіи сильнымъ дѣятелемъ являются зло, заблужденіе, ошибка, а въ природѣ все совершается по физическимъ законамъ необходимости; изъ этого авторъ выводитъ, что историкъ и самую ошибку долженъ изучать съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы вносить плоды своего изученія въ общее умственное достояніе человѣчества. Въ доказательство этого положенія онъ приводитъ слѣдующія мысли: человѣкъ по своей натурѣ, имѣя свободу избирать между добромъ и зломъ, всегда можетъ ошибаться. Отсюда опытность является драгоцѣннѣйшимъ изъ человѣческихъ пріобрѣтеній. Значитъ, человѣчество должно въ высшей степени дорожить своими опытами, чтобы постоянно видѣть передъ собою ложные пути, уже испытанные имъ, и вслѣдствіе того цѣнить путь истинный. Слѣдовательно, заслуга историка передъ человѣ-

чествомъ будетъ великою, если онъ будетъ изучать дѣло, какъ оно есть, безъ желанія доказать какія-нибудь прежде составленныя положенія или вывести какіе-либо выводы практической важности.

Итакъ, отличіе исторіи отъ природы и мѣшаетъ стать историку въ такое же отношеніе къ наукѣ, въ какомъ стоитъ натуралистъ.

Прежнее отношеніе къ исторіи оказывается *несостоятельнымъ*: исторія служила средствомъ для доказательства истинъ, найденныхъ на другомъ пути. Отъ этого страдали и исторія, и то, что̀ слѣдовало доказать. Это становится невозможнымъ, когда исторія будетъ сама себѣ цѣлью, т.-е. приметъ научный характеръ. *Слѣд., исторія съ прежнимъ направленіемъ исключается изъ понятія „науки“.* При новомъ отношеніи къ историческимъ эпохамъ наука исторіи можетъ только стремиться *понять* явленіе, а не *судить* его; она изучаетъ, а не произноситъ приговоры. Для этого же нужно свободное отношеніе къ предмету, спокойствіе и безпристрастіе, что̀ уже не допускаетъ никакого обличительнаго тона и полемики съ историческимъ фактомъ, т.-е. манеры, совершенно противной научному направленію. (Родовой признакъ исторіи, какъ науки). Труднѣе сохранить свободу духа и безпристрастіе при изученіи временъ къ намъ близкихъ, чѣмъ давнопрошедшихъ. Доказавъ это положеніе, авторъ прибавляетъ къ нему новое: свобода духа не устраняетъ отъ насъ участія къ дѣятелямъ, не дѣлаетъ насъ холодными и равнодушными. Доказательствомъ служитъ ему уподобленіе исторической эпохи великой художественной драмѣ, изъ которой мы выносимъ успокоеніе, очищеніе страстей, раздраженныхъ практическою дѣятельностью; мы укрѣпляемся духомъ при видѣ гибели односторонняго, страстнаго и ошибочнаго, и торжества должнаго, все успокоивающаго, все умѣряющаго. Изъ этого сближенія вытекаетъ и сближеніе историка съ трагическимъ поэтомъ, который изображаетъ паденіе своихъ героевъ, но не осуждаетъ ихъ, возбуждаетъ участіе къ нимъ и не боится вредныхъ послѣдствій: конецъ драмы у него вполнѣ возстановляетъ истину. (Понятія исторія и драма со-

подчиняются одному высшему понятію—изображеніе человѣческой жизни).

Такое необходимое отношеніе историка къ историческимъ эпохамъ авторъ провѣряетъ и разъясняетъ на изученіи древней греческой исторіи: она представляетъ прекрасное кратковременное цвѣтеніе и продолжительное увяданіе. Безпристрастное отношеніе историка къ тому и другому поведетъ его къ важному вопросу: чего существеннаго, внутренняго и основного недоставало всему древнему міру? Къ изученію же такого вопроса исторія можетъ привести только тогда, когда она будетъ разсматриваться, какъ она есть.

Изъ всего этого вытекаютъ слѣдующія общія мысли: изученіе исторіи ведетъ къ важнымъ вопросамъ о жизни человѣчества;

дѣло исторіи, раскрытое въ своемъ настоящемъ видѣ, приведетъ къ истинѣ;

хотя исторія человѣчества и богата ложью и заблужденіями, но ихъ не слѣдуетъ бояться, если не успокоиваться на нихъ.

Отъ этого успокоенія оградитъ свѣтъ, доступный новому человѣчеству.

Свободное отношеніе къ древнимъ временамъ сохранить легче, чѣмъ къ новѣйшимъ, слѣдовательно, изученіе древней исторіи можетъ быть вполнѣ научнымъ.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ, что замѣчательные историки новѣйшаго времени изучаютъ древность по такому взгляду.

Изъ всѣхъ мыслей автора составляется слѣдующій силлогизмъ:

Изученіе исторіи должно имѣть характеръ научный.

Научное отношеніе къ предмету не допускаетъ заботы о практической пользѣ или опасенія вреда. Слѣд., съ исторіей нельзя соединять такихъ заботъ и опасеній.

Древность удаляетъ насъ отъ мысли о практической пользѣ. Слѣдовательно, для изученія древности остается другая цѣль—постигнуть ее.

31) *Аѳиняне во время Перикла* (Грановскаго). По сравненію эпохи Перикла съ другими эпохами древней исторіи

авторъ выводитъ, что ее смѣло можно назвать самымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Въ этомъ и заключается *тема* его разсужденія.

По сравненію исторіи аѳинянъ съ исторіею другихъ народовъ выводится, что едва ли какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда аѳиняне, что̀ собственно и составляетъ свѣтлый пунктъ исторіи.

Это послѣднее сравненіе показываетъ, что образованность обыкновенно бываетъ принадлежностью немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе гражданъ; а въ Аѳинахъ она была доступна всѣмъ и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ. (Одна изъ причинъ явленія).

Чтобы убѣдить въ возможности такого исключительнаго явленія, авторъ показываетъ, что воспитаніе аѳинянина совершалось жизнью, а не въ школѣ, выражая этимъ ту мысль, что жизнь имѣетъ вліяніе на всѣхъ, а школа только на нѣкоторыхъ. Жизнь аѳинянина представляла слѣдующія общія воспитательныя средства: умственная среда, памятники искусства, судебныя и политическія пренія, бесѣды философовъ подъ открытымъ небомъ, драматическія представленія. Что аѳиняне дѣйствительно достигали при этихъ условіяхъ высокаго просвѣщенія и строгаго вкуса, авторъ видитъ это въ способности ихъ чувствовать красоты Эсхиловыхъ или Софокловыхъ трагедій.

Возможность образованія поддерживалась условіями частной жизни, которая допускала несравненно болѣе досуга, чѣмъ теперь. (Другая изъ причинъ явленія).

Все это сдѣлало Аѳины средоточіемъ гелленской умственной жизни со временъ Перикла, отчего усилилось вліяніе значительныхъ личностей. (Третья причина).

Употребленіе частныхъ богатствъ служило также къ усиленію Аѳинъ. (Четвертая причина).

Въ заключеніи—истинное значеніе Перикла въ общей жизни аѳинянъ.

Всѣмъ этимъ оправдывается положеніе автора, выраженное въ темѣ.

32) *О аѳинской гегемоніи* Кудрявцева (по поводу историче-

скаго разсужденія Бабста „Государственные мужи древней Греціи“).

Тема автора: ѳивская гегемонія, какъ принято называть извѣстную борьбу Ѳивъ со Спартою, вела къ освобожденію отъ стѣснительнаго преобладанія спартанскаго. Свою задачу она выполнила удовлетворительно, а другой мы не въ правѣ въ ней предполагать.

Ясно, что авторъ хочетъ противопоставить свой взглядъ другому, который онъ видѣлъ у прежнихъ историковъ и въ ихъ числѣ у Бабста. Этимъ онъ ставитъ въ связь разсужденіе Бабста съ своими собственными. Значитъ, ему нужно *доказать* справедливость своего положенія и *опровергнуть* противоположное, которое у Бабста выразилось въ слѣдующей фразѣ: „въ послѣдній разъ пытались греки рѣшать оружіемъ, кому изъ нихъ выпадетъ на долю честь стать *во главѣ* гелленовъ.

Для этого авторъ считаетъ нужнымъ сперва доказать, что въ кровавой борьбѣ со Спартою ѳиване сражались *не за гегемонію*, а прямо *противъ* ней, т.-е. рѣшали вопросъ не о томъ, кому стать во главѣ гелленовъ, а о томъ, быть ли еще грекамъ подъ спартанскою гегемоніею или у нея должны быть подрѣзаны и самыя крылья. Здѣсь автору представились слѣдующіе вопросы: что вызвало борьбу Ѳивъ со Спартою? какая могла быть цѣль этой борьбы? и похожа ли причина и цѣль ея на тѣ, какія соединяются въ представленіи о греческой гегемоніи по исторіи Спарты и Аѳинъ? Спартанскій гнетъ гегемоніи, тяжелое чувство притязательнаго старинаго преобладанія—вотъ причины ѳиванской борьбы; собирали силы, чтобы въ прежнемъ политическомъ раздѣленіи найти прежнюю независимость, слѣд., чтобы разбить насильственное единство Греціи—вотъ цѣль этой борьбы. Противоположность съ Персіею, сознаніе превосходства силъ были причинами прежнихъ гегемоній; сплоченіе всей Греціи въ прочное единство—вотъ цѣль гегемоніи. Эти сопоставленія и служатъ автору доказательствомъ, что ѳиване сражались не за гегемонію, а противъ нея. Для усиленія своихъ доказательствъ онъ представляетъ еще соображенія, что у ѳиванцевъ не могло явиться даже и мысли о собственной

гегемоніи: если они такъ много терпѣли отъ гегемоніи спартанской, то ясно, что задача ихъ должна была быть въ собраніи достаточныхъ силъ для противодѣйствія чужому сильному преобладанію, а не для укорененія своего преобладанія; аѳинянамъ можно бы было приписать эту послѣднюю цѣль, такъ какъ у нихъ были по крайней мѣрѣ воспоминанія о великой политической роли, которую они еще недавно играли въ Греціи, у ѳиванцевъ же не было ничего подобнаго.

Доказавъ свое положеніе, авторъ считаетъ нужнымъ коснуться вопроса: почему же союзъ, составленный Эпаминондомъ противъ Спарты, могъ показаться историкамъ за выраженіе стремленія къ гегемоніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ находитъ въ слишкомъ широкомъ опредѣленіи гегемоніи: подъ этимъ именемъ привыкли означать въ Греціи всякое значительное соединеніе народныхъ силъ подъ однимъ общимъ политическимъ и военнымъ началомъ, не обращая вниманія на внутреннее значеніе — на причины и цѣли, между тѣмъ какъ сущность-то заключается въ этомъ послѣднемъ, и въ исторіи греческихъ народныхъ союзовъ ѳиванскій союзъ принадлежитъ къ особенной категоріи. Ошибка историковъ, принимавшихъ этотъ союзъ за *видъ гегемоніи*, произошла и потому, что они смѣшали *средство* и *цѣль:* ѳивскіе вожди прибѣгли къ новому союзу не какъ къ послѣдней цѣли своего предпріятія, а какъ къ необходимому средству для достиженія главной цѣли. Этимъ авторъ объясняетъ, отчего ѳивскій союзъ распался самъ собою, какъ скоро сокрушилась спартанская гегемонія.

Изъ совершеннаго смѣшенія самыхъ цѣлей трехъ политическихъ союзовъ, по взгляду автора, вытекли и главные недостатки разсужденія Бабста: во-первыхъ, онъ приписываетъ Эпаминонду цѣль, какой у него не могло быть, т.-е. достиженіе гегемоніи; во-вторыхъ, онъ принужденъ выражать сомнѣніе, которое тутъ совершенно не кстати: къ чему бы повела ѳивская гегемонія, врядъ ли бы привела она грековъ къ главной цѣли, а предполагать другую цѣль у насъ нѣтъ историческихъ данныхъ.

Изъ всего этого видно, что все разсужденіе Кудрявцева заключаетъ слѣдующія общія мысли:

Ѳиванскій союзъ противъ Спарты не можетъ быть названъ гегемоніей, такъ какъ онъ былъ направленъ противъ гегемоніи. Значитъ, онъ является не *видомъ* гегемоніи, а понятіемъ *соподчиненнымъ* высшему понятію „политическій союзъ грековъ".

Онъ принятъ историками за гегемонію, потому что они не вникали во внутреннее значеніе гегемоніи, т.-е. не разобрали *видовыхъ* отличій каждаго изъ понятій; отъ этого смѣшенія происходитъ ошибочный взглядъ на ѳиванскихъ вождей, которымъ приписываютъ не тѣ задачи, какія выполнялись ими удовлетворительно.

Доказательства автора заключаются въ разборѣ или въ анализѣ историческихъ фактовъ—въ сопоставленіи причинъ и слѣдствій; опроверженіе — въ указаніи причины самого ошибочнаго взгляда.

33) *Изъ Бесѣды Платона* (Критонъ). Въ первой части Критонъ доказываетъ, что Сократъ долженъ спасти себя:

Причины, заставляющія Критона убѣждать Сократа.

Причины упорства Сократа.

Средства спасенія: есть деньги, найдется убѣжище.

Выгода отъ спасенія: дѣти не останутся сиротами; не окажется несогласія слова съ дѣломъ.

Слѣдствіе въ случаѣ отказа спастись отъ смерти: въ потомствѣ имена ихъ всѣхъ будутъ покрыты стыдомъ.

Во второй части Сократъ отказывается исполнить совѣтъ Критона, опровергая представленные имъ доводы. Она подраздѣляется на 2 части. Въ первой излагаются основанія морали, которой Сократъ держался всю свою жизнь и съ которою согласенъ Критонъ Эти основанія выражаются въ слѣдующихъ общихъ выводахъ:

Есть общественное мнѣніе, которымъ нужно руководствоваться, есть и такое, на которое не слѣдуетъ обращать вниманіе.

Нужно справедливое мнѣніе уважать, а несправедливое презирать.

Справедливое мнѣніе есть мнѣніе людей благомыслящихъ,

а несправедливое — людей, не заслуживающихъ вниманія. Надобно заботиться только о мнѣніи того, кто умѣетъ различать правду отъ неправды.

Важно не то, чтобы жить какъ-нибудь и во что бы то ни стало, но жить хорошо.

Жить хорошо — значитъ жить по указаніямъ правды и чести.

Ни въ какомъ случаѣ мы не должны позволять себѣ умышленно несправедливости.

Не слѣдуетъ на несправедливость отвѣчать несправедливостью, ни дѣлать кому-либо зла, хотя и тому человѣку, который самъ насъ обидѣлъ.

Человѣкъ, который принялъ на себя обязательство справедливое, долженъ его исполнить.

Всѣ эти общія мысли Сократъ примѣняетъ во второй части подраздѣленія къ данному случаю при вопросѣ: если мы уйдемъ отсюда безъ согласія аѳинянъ, то не поступимъ ли мы несправедливо; исполнимъ ли мы этимъ или нарушимъ справедливыя обязательства, нами на себя взятыя.

Сократъ разсматриваетъ, какія могутъ быть слѣдствія отъ неисполненнаго обязательства:

> разрушеніе общественнаго порядка, будетъ нарушена связь гражданина съ отечествомъ, явится неправильное отношеніе къ отечеству; при этомъ разрѣшается вопросъ: въ чемъ состоитъ правильное отношеніе къ отечеству.

Далѣе Сократъ указываетъ, какъ законы его отечества относятся къ гражданину: они не стѣсняютъ его въ выборѣ мѣстожительства.

Вина, вытекающая изъ неповиновенія законамъ отечества.

Общественный порядокъ отечества прежде нравился Сократу.

Отказавшись теперь отъ повиновенія, Сократъ выказалъ бы только несогласіе слова съ дѣломъ.

Затѣмъ разсматривается слѣдствіе разрыва съ отечествомъ и слѣдствіе отъ несогласія слова съ дѣломъ.

Въ заключеніе опредѣляется, какія слѣдствія могутъ быть отъ поступка справедливаго и отъ поступка несправедливаго.

Отсюда выводится, что лучше подчиниться законамъ, чѣмъ послѣдовать убѣжденіямъ Критона.

Для разработки этой бесѣды предлагаются слѣдующіе вопросы: На чемъ основываются доводы Критона?

Изложить общіе выводы Сократа.

Какъ примѣняетъ онъ ихъ къ данному случаю?

Чѣмъ опровергаются доводы Критона?

Въ формѣ монологической изложить все, что составляетъ сущность рѣчи Сократа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Три силы, которыхъ долженъ искать преподаватель въ каждомъ учебномъ предметѣ. Классныя бесѣды и разборы. Педагогическій матеріалъ литературныхъ произведеній. Въ чемъ должно состоять критическое ихъ изученіе? Система въ чтеніи. Значеніе теоріи. Когда слѣдуетъ начинать историческое изученіе литературы 1

II. Возраженія тѣмъ, которые хотятъ устранить историческое изученіе литературныхъ произведеній. Объемъ историческаго преподаванія литературы. Вопросъ о значеніи иностранныхъ литературъ въ преподаваніи русской словесности 18

III. Образцы разборовъ произведеній новѣйшаго періода и вопросы, съ ними связанные:

1. «Ко гробу Кутузова» Пушкина. Сторона общечеловѣческая и народная въ литературномъ произведеніи . . . 25
2. «Что ты спишь, мужичекъ» Кольцева. Значеніе труда . . 28
3. «Лѣсъ» Кольцова. Связь поэзіи съ жизнью 32
4. «Пророкъ» Лермонтова. Сочувственное и ироническое отношеніе поэта къ явленіямъ жизни 35
5. «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» Пушкина. Сравненіе съ лѣтописнымъ сказаніемъ Нестора. Различіе въ ихъ цѣляхъ и въ изложеніи Поэтъ-художникъ 39
6. «На развалинахъ замка въ Швеціи» Батюшкова. Связь поэзіи съ наукою. Типическое изображеніе жизни. Элегическое отношеніе къ предмету 44
7. Отрывокъ (Козьма Мининъ) изъ романа Загоскина «Юрій Милославскій». Различное выраженіе одного и того же чувства въ разныхъ личностяхъ, сообразно съ ихъ положеніемъ и обстановкой. 48

Главная цѣль всѣхъ подобныхъ разборовъ. Темы для домашнихъ письменныхъ работъ. 53

Цѣли дальнѣйшихъ разборовъ литературныхъ произведеній . 54

8. Басня Крылова «Оселъ и Соловей». Аллегорическій способъ выраженія. 56
9. Басня Крылова «Лжецъ». Значеніе басни. 60

стр.

10. «Дурочка Дуня» Майкова. Отношенія человѣка къ природѣ и жизни. Наивность. Значеніе идиллін. 63
11. Повѣсть Гоголя «Шинель». Идеальная сторона жизни и отношеніе ея къ дѣйствительности. Значеніе смѣха. Юмористическій взглядъ на жизнь 68
12. Сравненіе «Скупого рыцаря» Пушкина и «Плюшкина» Гоголя. Развитіе характеровъ. Общечеловѣческая и національная сторона ихъ. Дѣйствіе и выраженіе страсти. Образованіе типа Трагическія и комическія лица. Формы эпическая и драматическая 82
13. «Мѣдный всадникъ» Пушкина. Органическая связь частей съ цѣлымъ при развитіи идеи въ поэтическомъ произведеніи. 96

Главные вопросы связанные съ нѣкоторыми литературными произведеніями, достойными быть предметомъ изученія:

«Тарасъ Бульба» Гоголя 105
«Капитанская дочка» Пушкина 109
«Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя 119
«Бѣжинъ лугъ» Тургенева 122
«Пророкъ» стихотвореніе Пушкина 127
«Море» стихотвореніе Жуковскаго 126
«Къ морю» стихотвореніе Пушкина 128
«Бѣсы» стихотвореніе Пушкина 130
«Утопленникъ» Пушкина. 132
Элегія Пушкина «Брожу ли я» 133
«Безумныхъ лѣтъ» Пушкина 134
Мотивы поэзіи Кольцова 135
Изученіе басенъ Крылова 135
Драма Пушкина «Борисъ Годуновъ» 140
Комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» 150

IV. Вопросъ о предѣлахъ исторіи литературы. Чѣмъ ее можно отдѣлить отъ исторіи цивилизаціи? Идеальная сторона жизни. Значеніе общечеловѣческаго элемента въ литературномъ произведеніи 156

V. Идеалы народа, духовенства, князя и дружины при началѣ русской литературы. Лѣтопись Нестора. Ея эпическая сторона. Дружинный эпосъ. Значеніе разсказовъ о печерскомъ монастырѣ. Цивилизующая сила, выразившаяся въ лѣтописи. Поученіе Владиміра Мономаха. Развитіе идеала дружиннаго князя подъ вліяніемъ христіанскаго идеала. Дружинные поэты-пѣвцы. Личность пѣвца «Слова о полку Игоревѣ». Отношеніе его къ князю, дружинѣ, русской землѣ; особенныя черты его идеаловъ. Какія части Слова могутъ быть предметомъ класснаго изученія 164

стр.

VI. Отношеніе аскетическаго идеала къ жизни народной. Степень византійскаго вліянія на таланты и умы русскихъ людей. Проповѣди Кирилла Туровскаго 192

VII. Первое слѣдствіе татарскаго нашествія въ отношеніи религіозныхъ людей къ народу. Главныя черты монашескаго идеала, вызванныя татарскимъ погромомъ. Проповѣди Серапіона. Измѣненіе идеаловъ русской жизни при другой обстановкѣ. Какія оказались поприща для удовлетворенія духовныхъ стремленій русскаго человѣка? Развитіе аскетическаго идеала. Мѣстныя народныя сказанія. Отношеніе богатырскаго эпоса къ историческимъ народнымъ пѣснямъ 200

VIII. Измѣненіе аскетическихъ идеаловъ. Вліяніе чтенія на страстныя натуры и стремленіе ихъ ввести въ жизнь книжные идеалы. Различіе въ идеалахъ аскетическихъ и столкновеніе за нихъ. Примѣненіе книжныхъ и отвлеченно-созданныхъ идеаловъ къ дѣйствительной жизни 216

IX. Перерожденіе идеала князя въ идеалъ господина и царя. Вліяніе византійское и татарское. Столкновеніе новыхъ московскихъ идеаловъ со старыми. Идеальныя отношенія московскаго князя и дружины. Измѣненіе этихъ отношеній. Дальнѣйшее развитіе идеала въ стремленіяхъ Ив. Вас. Грознаго и его столкновеніе съ дружинными понятіями. Князь Курбскій. Развитіе идеи правды. Московская правда . . . 233

X. Отношеніе московскихъ властей къ старинѣ. Развитіе семейнаго идеала въ связи съ другими идеалами подъ вліяніемъ книжнымъ. Домострой. Народный взглядъ на личность Ив. Вас. Грознаго въ историческихъ пѣсняхъ 250

XI. Вопросъ о распространеніи грамотности и книжныхъ свѣдѣній въ народѣ. Духовные стихи. Значеніе мѣстныхъ святынь и сказаній о нихъ. Литературное выраженіе интересовъ нищенства и странничества 261

XII. Идеалы простонародной жизни по легендамъ. Народные протесты въ легендахъ и въ лирическихъ пѣсняхъ. Голосъ освобождающейся личности и столкновеніе ея съ старыми понятіями. Нравственныя основанія новыхъ отношеній, вырабатывающихся въ народѣ 275

XIII. Отношеніе схоластической литературы къ русской жизни. Столкновенія аскетическаго идеала съ новымъ, признавшимъ науку, какъ разумную силу. Протопопъ Аввакумъ. 293

XIV. Дальнѣйшее развитіе идеала царя въ стремленіяхъ Петра Великаго. Идеалъ европейца. Отношеніе этихъ идеаловъ къ наукѣ и русской жизни. Неблагопріятная для развитія науки обстановка, данная Петромъ. Новая цивилизующая сила . . 304

стр.

XV. Вопросъ о началѣ новой исторіи русской литературы. Первый протестъ науки противъ того неестественнаго положенія, въ какое она была поставлена. Переходъ къ новому стихосложенію въ стихѣ Кантемира. Разборъ первой его сатиры . . . 313

XVI. Отношеніе русскихъ писателей къ обществу и властямъ. Главные вопросы при изученіи сочиненій Ломоносова. Разборы: VIII ода, Вечернее размышленіе, О пользѣ книгъ церковныхъ. Вопросъ объ изученіи похвальнаго слова Петру Великому 325

XVII. Дѣятельность Сумарокова. Причины медленности общественнаго развитія, несмотря на усилія литературы. Развитіе идеала нравственнаго человѣка въ связи съ европейскими идеями; отношеніе его къ условіямъ и обстановкѣ русской жизни. Разборъ Недоросля Фонвизина 339

XVIII Разборы одъ Державина: На смерть князя Мещерскаго, На рожденіе порфироднаго отрока, Фелица, Богъ. Разладъ между литературными и правительственными стремленіями Екатерины II. Первые вопросы о нравственныхъ народныхъ интересахъ. Радищевъ 361

XIX. Какъ изучать сочиненія Карамзина. Письма русск. путешественника, Повѣсти, Разсужденія, Исторія. 381

XX. Разборъ стихотвореній Жуковскаго: Сельское кладбище, Теонъ и Эсхинъ, Эолова арфа, Узникъ, Элевзинскій праздникъ. 407

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ГЛАВЫ.

I. Объ изученіи народной поэзіи 420
Былины о Волхѣ (428), о Микулѣ Селяниновичѣ (429), о Сухманѣ (430), о Святогорѣ (432), объ Ильѣ Муромцѣ (432), о Добрынѣ Никитичѣ (434), о Михаилѣ Потыкѣ (436), о Дюкѣ Степановичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ (436). О новгородскихъ былинахъ (437). О русскихъ сказкахъ (439).

II. Упражненіе въ логическомъ мышленіи 440
Опредѣленіе и разъясненіе понятій 443
Изслѣдованія 450